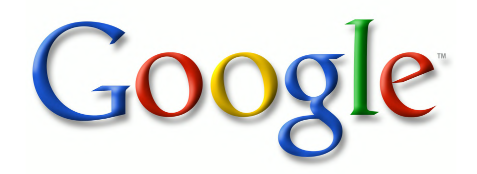

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

СЕНТЯБРЬ. 1896.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 9.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1896.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ 23 Сентября 1896 года.

СОДЕРЖАНІЕ:

См. на оборотъ.

С. Н. Кривенко. На распутьи. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Ѳ. К. Ватсонъ. Этюды и очерки по общ. вопросамъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Н. А. Рубакинъ. Этюды о русской читающей публикѣ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

С. Я. Надсонъ. Литературные очерки. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

В. Острогорскій. Изъ исторіи моего учительства. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Р. Левенфельдъ. Графъ Л. Н. Толстой (на простой бумагѣ). Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
— (на веленевой бумагѣ). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

А. Н. Анненская. Анна. Романъ для дѣтей. Изданіе второе. Ц. 60 к., съ пер. 77 к. (Можно посылать почт. марками).

Дж. Мармери. Прогрессъ науки. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Ѳ. Реклю. Земля и люди. Швеція и Норвегія. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Дж. К. Ингрэмъ. Исторія рабства. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

I. К. Блунчли. Исторія общаго государственнаго права и политики. Цѣна (*вмѣсто* 3 р.) 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к. Большей уступки не дѣлается.

Дж. Леббокъ. Какъ надо жить. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

В. А. Гольцевъ. Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

Съ благотворительной цѣлью:

Путь-дорога. Художественно-литературный сборникъ. (На простой бумагѣ). Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.
— (На веленевой бумагѣ). Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

О. Петерсонъ. Семейство Бронте. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Въ добрый часъ. Сборникъ. (Въ обложкѣ). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 85 к.
— (Въ переплетѣ). Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 10 к.

Т. Хиггинсонъ. Здравый смыслъ и женскій вопросъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Подписчики **«Русскаго Богатства»**, при покупкѣ книгъ, пользуются уступкой въ размѣрѣ стоимости пересылки.

Черезъ Контору редакціи и Московское отдѣленіе конторы можно выписывать только книги, означенныя въ этомъ спискѣ.

Другія книги высылаются въ видѣ исключенія и не иначе, какъ по номинальной цѣнѣ книжныхъ магазиновъ и съ платежомъ за пересылку. Въ этомъ случаѣ уступки никакой не дѣлается.

Полные экземпляры журнала **«Русское Богатство»**
за 1893, 1894 и 1895 года.

Цѣна за годъ: безъ перес. **8** р., съ перес. **10** р. **50** к.

ВЪ РОДНОМЪ УГЛУ.

Очеркъ.

Прошла почти цѣлая недѣля. Каждый день съ утра, т. е. съ восьми или десяти часовъ, Саша, выпивъ молока или чѣмъ нибудь закусивъ, брала на руки Колю и уходила въ церковный садъ. Дома ей не сидѣлось. Съ памятной прогулки на погостъ между нею и матерью легло отчужденіе, постепенно убивавшее теплоту родственныхъ отношеній. Она съ тревогой и тоской ждала прихода отца, смутно надѣясь, что онъ привяжетъ ее къ семьѣ. Съ Варей у нея не было больше столкновеній, но дѣвочка оставалась для нея несимпатичной, особенно послѣ одного разговора, случайно услышаннаго и ясно показавшаго ей, какъ къ ней относится сестра.

— Что же, ты сестру-то ругаешь?—спрашивала Варю ея подруга.

— Какъ же, ругнешь ее! Ты посмотри, какая она здоровая! Двинетъ, такъ только мокро останется,—отвѣчала Варя и, въ силу этого обстоятельства была даже услужлива, звала Сашу сестрицей и не била при ней брата.

Саша отлично понимала, что она всѣмъ чужая. Ея взгляды и правила, выработанные совершенно другой средой, не находили сочувствія въ матери и казались послѣдней непримѣнимыми и невозможными въ жизни. Въ свою очередь, міровоззрѣніе матери, такъ ясно и опредѣленно высказавшееся при прогулкѣ на погостъ, возмущало и оскорбляло душу дѣвушки, и она себя чувствовала страшно одинокой.

Приходили-ли къ Авдотьѣ Степановнѣ ея знакомыя дворовыя или мѣщанки, онѣ всѣ косились на Сашу, сторонились отъ нея, презрительно называя ее «ученой». Саша съ горечью сравнивала ихъ отношеніе къ себѣ съ тѣмъ теплымъ сочувствіемъ, какое она встрѣтила въ М. у богомолокъ. Здѣсь же почему то каждая бабенка хотѣла, чтобъ Саша также ей кланялась, какъ Авдотья Степановна, и заискивала передъ ней, потому что она изъ нищей семьи. Она, съ своей стороны, не хотѣла слушать ихъ грязныхъ сплетенъ, осуждала ихъ поступки (въ

которыхъ, по ихъ мнѣнію, не было ничего предосудительнаго), и потому поневолѣ предпочитала уединеніе церковнаго сада людскому обществу.

Однажды, только что она хотѣла взяться за письмо къ подругѣ, какъ Варя, вихремъ влетѣвшая въ домъ, объявила, что къ нимъ идетъ господская экономка. Предполагая, что это особа въ родѣ матушки, Саша схватила Колю и бросилась съ нимъ въ садъ.

Любимое мѣстечко ея было внизу, надъ рѣкою. Пробраться туда, черезъ чащу разросшагося терновника представлялось дѣломъ не легкимъ, но Саша нарочно выбрала такой уголокъ, гдѣ ея не могла найти Варя.

Усадивъ Колю въ травѣ, она нарвала ему цвѣтовъ, а сама, взобравшись на согнутый стволъ ракиты, замѣнявшей ей кушетку, принялась за вязанье носковъ отцу Николаю. За эту работу она взялась, конечно, не въ угоду матушкѣ, а чтобы помочь матери, нывшей съ утра до вечера, что ей вздохнуть некогда съ этимъ вязаньемъ.

Не успѣла она сдѣлать нѣсколько петель, какъ ее кто-то окликнулъ:

— Александра Дмитріевна!

Она удивленно оглянулась. Въ двухъ шагахъ отъ нея стоялъ «баринъ» въ неизмѣнной красной рубашкѣ, съ бѣлой фуражкой въ рукахъ.

— Я вашъ сосѣдъ Сергѣй Александровичъ Думчинъ,—сказалъ онъ, кланяясь и, очевидно, ожидая, что Саша протянетъ ему руку. Но она рѣшительнымъ движеніемъ заложила обѣ руки за спину, причемъ ея работа соскользнула на землю. Думчинъ мягко улыбнулся, какъ улыбаются взрослые на капризъ ребенка, и поднялъ вязанье.

— Я привезъ вамъ два письма и повѣстку, — продолжалъ онъ,—если хотите, завтра я опять ѣду въ городъ и могу вамъ привезти ваши вещи.

Саша взяла письма и покраснѣла; ей стало теперь стыдно за свою выходку.

— Александра Дмитріевна,—снова заговорилъ Думчинъ,—скажите, пожалуйста, почему вы ко мнѣ такъ враждебно относитесь? Вѣдь вы меня даже не знаете. Помните, когда мы встрѣтились на горѣ, вы не отвѣтили на мой поклонъ, сейчасъ не подали руки... За что такая немилость?

— Вы ошибаетесь, думая, что я васъ не знаю; слишкомъ хорошо знаю,—подчеркнула Саша послѣднія слова.

Онъ удивленно посмотрѣлъ на нее, потомъ преспокойно растянулся въ травѣ у ея ногъ, возлѣ Коли и, снявъ фуражку, провелъ рукой по красивой, кудрявой головѣ.

— Теперь послушаемъ, въ чемъ состоятъ наши прегрѣшенія,—произнесъ онъ, закуривая папироску.

Саша растерялась.

«Уйти что-ли? — подумала она, — вотъ еще! Вообразитъ, что я испугалась».

Она рѣшительно повернулась къ Думчину.

— Я отношусь къ вамъ враждебно за ваши отношенія къ моей семьѣ,—начала она слегка дрожащимъ голосомъ,—за то, что вы богатый баринъ, хотѣли старика отца вытянуть плетью, сестру собаками затравить... потомъ...

— Дальше что же? — иронически спросилъ Думчинъ, пристально глядя на смутившуюся дѣвушку,

— Дальше?—Саша разсердилась и ея глаза заблестѣли,—дальше,—вы причина смерти моей второй сестры... Нюши.

Лицо Думчина стало серьезнымъ. На мгновенье дымъ папиросы совсѣмъ его закрылъ отъ пытливаго взора Саши.

— Вы задолго до смерти видѣли Нюшу?—тихо спросилъ онъ.

— Я ее совсѣмъ не видѣла... Мать говорила мнѣ про все.

— Да... она умерла отъ чахотки. Сгорѣла!.. Такъ я то тутъ причемъ?—неожиданно добавилъ Думчинъ.

— Вы! Вы причемъ!—вспыхнула Саша,—а ради кого все село забросало ее насмѣшками, что она не смѣла въ церковь показаться. Все благодаря вамъ, и вы еще спрашиваете,—почему я вамъ не кланяюсь?

Думчинъ всталъ.

— Александра Дмитріевна, вотъ передъ этой церковью, гдѣ похороненъ мой отецъ, котораго я любилъ больше всего на свѣтѣ, клянусь вамъ, я ни въ чемъ не виноватъ передъ Нюшей... Вѣрите вы мнѣ?

Саша съ удивленіемъ взглянула на него. Онъ говорилъ это такъ прямо и искренно. Но Боже мой, что-же это дѣлается кругомъ, гдѣ же тутъ правда, что за ужасная атмосфера страшныхъ иллюзій и мрачныхъ сплетенъ окружила ее въ этомъ родномъ углу...

Или онъ говоритъ неправду? Она еще разъ взглянула на Думчина и вдругъ порывистымъ движеніемъ протянула ему обѣ руки со вздохомъ облегченія. У нея точно камень съ души свалился. Ей нравилось открытое, симпатичное лицо Думчина, и она была рада, что есть, наконецъ, около нея человѣкъ, съ которымъ ей легко и пріятно говорить.

— Теперь, что касается моихъ остальныхъ винъ, каюсь,—началъ шутливымъ тономъ Думчинъ, занимая прежнее мѣсто,—я виноватъ. Рыжаго чертенка, ахъ... простите, пожалуйста,—расхохотался онъ,—совсѣмъ забылъ, что она ваша сестрица. Такъ собаками я ее только попугалъ, но что плетью отдую,

это вѣрно. Она слишкомъ большая охотница до чужой собственности... Исторія съ... вашимъ отцемъ... Ну, пожалуй, я виноватъ. Только не богатство, не барство тутъ причина, я... ну, да позвольте объ этомъ не говорить,—закончилъ онъ, улыбаясь мягкой, полусмущенной улыбкой, поразительно красившей его подвижное лице...—Я просто виноватъ, и жду снисхожденія.

Саша задумалась на мгновеніе.

— Ахъ, да, Сергѣй Александровичъ,—вспомнила она,—вѣдь вы лѣчите. Посмотрите Колю, нельзя-ли ему помочь?

— Я его давно видѣлъ. И можно, и нельзя. Ребенку нужно свѣтлое, хорошее помѣщеніе, питаніе правильное... уходъ. А этого онъ не можетъ имѣть. Но вы не бойтесь за него. Можетъ, онъ выростетъ, на развитіе умственное рахитизмъ не вліяетъ,—успокоилъ онъ Сашу, наклонившуюся къ ребенку.

Она печально вздохнула и нѣжно поцѣловала слабыя рученки брата.

— Отъ кого вы получили письма? — спросилъ Думчинъ, чтобъ отвлечь вниманіе Саши отъ ребенка, — одно надписано мужской рукой?

— Отъ подруги и отъ моего жениха,—произнесла Саша, краснѣя.

Въ глазахъ Думчина пробѣжалъ какой-то огонекъ, онъ всталъ.

— Это хорошо, что вы выходите замужъ... Бѣгите изъ этого омута, Александра Дмитріевна, поскорѣе бѣгите, — съ сердечностью сказалъ онъ и прибавилъ другимъ тономъ:

— А за повѣсткой я вечеромъ зайду.

— Нѣтъ, не надо,—испугалась Саша,—лучше я пришлю съ Варей, только вы ее не бейте.

— Хорошо, а почему мнѣ «не надо» самому заходить?

— Да... такъ не хочется... васъ затруднять...

— Гм. Не хочется! Ну, такъ вы приходите къ намъ, познакомитесь съ моей сестрой, придете?

— На поклонъ къ господамъ первая не пойду,—вырвалось у Саши, и она опять покраснѣла отъ сознанія, что сказала глупость.

Думчинъ покачалъ головой.

— Вотъ видите, вы ужъ заразились нездоровымъ воздухомъ. Ну, хорошо. Мы пріѣдемъ къ вамъ съ визитомъ, и тогда можно будетъ васъ ждать?

— Нѣтъ, не надо, я сама приду къ вамъ какъ нибудь,—рѣшительно сказала Саша.

— Теперь не хочу вамъ мѣшать читать письма. Итакъ придете? — настойчиво спросилъ Думчинъ, крѣпко пожимая руку Саши.

Она утвердительно кивнула головой. Думчинъ ушелъ, напѣвая въ полголоса. Когда шумъ его шаговъ затихъ, Саша взялась за письма. Первое она распечатала письмо Алеши, написанное крупнымъ, размашистымъ почеркомъ, и стала его читать, охваченная свѣтлой радостью:

«Моя дорогая неумница Саша! Отъ сестренки я узналъ, что вы поступили съ нами самымъ измѣнническимъ образомъ, да кромѣ того обезславили девятнадцатый вѣкъ! Вы бѣжали отъ насъ и... бѣжали такимъ первобытнымъ способомъ. Саша, Саша, что вы надѣлали?

«Вѣдь герои и героини прошлыхъ столѣтій «убѣгали» на лихихъ тройкахъ или не осѣдланныхъ коняхъ. Въ наше просвѣщенное время, пользуясь благами цивилизаціи и послѣдними изобрѣтеніями науки, они, т. е. герои, уѣзжаютъ по желѣзнымъ дорогамъ (преимущественно на скорыхъ поѣздахъ), на пароходахъ, велосипедахъ, наконецъ, на воздушныхъ шарахъ...

«Вы же, показавъ полное презрѣніе къ прогрессу, не воспользовались даже электричествомъ или хоть керосиновыми двигателями... Вы... страшно даже сказать! Вы избрали прозаическій способъ передвиженія: пѣшее хожденіе!!!

«Знаете-ли вы, что вы надѣлали? Вѣдь дурной примѣръ заразителенъ... А что если я, облекшись въ странническую рясу, съ посохомъ въ рукахъ, явлюсь въ вашу богоспасаемую Каменку, чтобы силой моего удивительнаго краснорѣчія (недаромъ же я будущій юристъ) убѣдить васъ вернуться въ широко раскрытыя объятья моихъ тоскующихъ матери, сестры и... и... не рѣшаюсь вымолвить кого еще, поэтому трагически умолкаю.

«Вѣроятно, одновременно съ моимъ, вы получите письмо моей матери съ геніальнѣйшимъ проектомъ насчетъ меня. Она убѣдилась, что надо мнѣ поскорѣе дать мудрую руководительницу на тернистомъ жизненномъ пути (каковъ слогъ-то?). А потому рѣшила торжественно васъ просить—осчастливить ея ненагляднаго Алешу, согласившись обвѣнчаться съ нимъ не позже іюля. Я нахожу ея проектъ вполнѣ современнымъ и надѣюсь, что вы не будете настолько отсталой, чтобы не согласиться и не осчастливить.

«Подумайте—осчастливить! Вѣдь слово-то какое великое!

«Однако, я чувствую, что мое краснорѣчіе изсякло.

«Жду съ нетерпѣньемъ вашего отвѣта.

«Вашъ всей душой Алексѣй Завьяловъ.»

Саша невольно улыбнулась, дочитавъ письмо.

— Все такой-же,—подумала она,—славный, милый Алеша! Однако она задумалась. Было что-то въ этомъ письмѣ, что еще въ первый разъ вызвало въ ея душѣ какъ будто—неполную радость.

— Хорошо бы было, еслибъ онъ, правда, заглянулъ въ Каменку,—подумала она.—Посмотрѣлъ бы на мою семью, узналъ-бы все это... Надо написать ему, чтобъ пріѣхалъ,—рѣшила она и взялась за письмо Екатерины Ивановны.

Его содержаніе было ей извѣстно по письму Алеши, тѣмъ не менѣе сердце ея невольно и отрадно забилось отъ теплыхъ, прочувствованныхъ строкъ, написанныхъ ея будущей матерью. Всей душой стремилась она теперь въ тотъ далекій, дѣйствительно, ей родной уголокъ.

Прочитавъ еще разъ оба письма, она взяла Колю и отправилась домой.

Гостья еще не уходила, она сидѣла за чаемъ съ Авдотьей Степановной и на первый взглядъ понравилась Сашѣ. Крупныя черты полнаго лица ея дышали добродушіемъ, а сѣрые глаза глядѣли умно и привѣтливо. На ней было темное шерстяное платье стариннаго фасона съ пелериной, а сѣдые, тщательно причесанные, волосы покрывала дорогая кружевная косынка.

При входѣ Саши, Аграфена Марковна встала и поклонилась.

— Вы меня, вѣрно, не признаете,—сказала она съ привѣтливой улыбкой,—а я васъ, хоть видѣла такою, какъ Колюшка, сейчасъ узнала.

Саша протянула ей руку и усѣлась рядомъ. Авдотья Степановна налила дочери чаю.

— Вы не скучаете у насъ?—спросила гостья, обращаясь къ Сашѣ.

— Когда же ей скучать-то, матушка Аграфена Марковна; только домой вернулась, отца не видала еще, да скучать станетъ,—вмѣшалась мать.

— Что же изъ этого. У насъ въ день, съ непривычки, соскучиться можно, а Александра Дмитріевна къ городской жизни привыкла.

— Что вы, Аграфена Марковна,—не вытерпѣла Авдотья Степановна,—все ее Александрой Дмитріевной величаете; не доросла она еще до того, чтобъ старымъ людямъ ее по отчеству звать.

— Нѣтъ, Авдотья Степановна, такъ не годится. Когда она была дѣвочкой, я звала ее Сашей, а теперь она взрослая барышня стала, образованная, не намъ чета.

— О, я буду очень рада, если вы меня станете звать Сашей попрежнему,—улыбнулась Саша,—вы же меня маленькой знали.

— Даже передъ купелью за барыню держала, барыню звали крестить-то, а ей нездоровилось, вотъ меня и послали. Ее записали крестной, а я крестила.

— Такъ, значитъ, вы моя настоящая крестная, да, — сказала Саша.

Аграфена Марковна улыбнулась.

— Я итакъ всѣхъ трехъ своими крестницами считала. Катю съ Нюшей я, какъ слѣдуетъ, за себя крестила. Бывало, придете ко мнѣ всѣ трое, да и спорите, кто чья крестница. Ты то самая бойкая была, скажешь бывало: «я барынина и твоя, мнѣ вдвое гостинцевъ надо!» Ну, и правда больше всѣхъ доставалось. Забавница была, утѣшная! Баринъ покойникъ, какъ, бывало, тебя увидитъ, сейчасъ въ свой кабинетъ унесетъ, въ кресло большое усадитъ, надаетъ игрушекъ, а самъ сядетъ напротивъ да радуется, на тебя глядя. Любилъ покойникъ дѣтей до страсти. Своихъ-то барыня все увозила то въ Москву, то на теплыя воды, а онъ все одинъ въ Каменкѣ тосковалъ, ну и прязался къ тебѣ. Бывало, нѣтъ васъ долго, скажетъ: «поди-ка, Аграфена Марковна, Шурку мнѣ притащи».

— А теперь ваши господа постоянно живутъ въ деревнѣ?— спросила Саша.

— Всегда, голубушка, и лѣто, и зиму. Сергѣй-то Александровичъ года три сталъ тутъ жить, какъ барыня померла. А то мать его не любила; съ отцемъ онъ былъ схожъ очень... Барыня все съ дочкой, съ Адочкой няньчилась. Еще пока баринъ былъ живъ, всетаки сыну лучше было, а какъ остался безъ отца, мать съ дочкой его и доняли. Онъ заграницей все жилъ. Ну, теперь кое-какъ съ сестрою ладитъ. А дочка-то вся въ мать, гордая, капризная. Братъ лучше, онъ въ отца: шумливъ да обидчикъ по виду-то, кто не знаетъ... вспыхнетъ, какъ порохъ, нашумитъ, накричитъ, а чуть съ кѣмъ бѣда—готовъ и въ огонь, и въ воду.

— Вашъ выхоженецъ,—усмѣхнулась Авдотья Степановна.

— Мой, правда. Я его выняньчила. Адочку мнѣ не довѣряли. Кабы я за ней ходила, не вышла бъ она такой! Бонны, да нѣмки ученыя совсѣмъ ребенка спортили, Богъ знаетъ, что въ голову вбили... Да вотъ, ты зайди какъ нибуь къ намъ, посмотри на нее, а можетъ, книжки почитать какія захочешь, возьмешь у насъ. У насъ отъ нихъ полки ломятся,—обратилась Аграфена Марковна къ Сашѣ.—Ты, ужъ прости меня старую, что я все ты, да ты. Никакъ не отвыкну.

— Да, право же, я очень рада, я васъ полюбила сама,— искренно сказала Саша,—а пока у меня къ вамъ просьба, я надпишу повѣстку, а вы, пожалуйста, передайте ее Думчину, онъ обѣщалъ мнѣ привезти мои вещи.

— Что же, это не трудно. Пиши, а мнѣ пора.

Аграфена Марковна стала прощаться. Она поцѣловала Авдотью Степановну и Колю, а Саша сама бросилась къ ней на шею и крѣпко, крѣпко расцѣловала ее: ужъ очень ей понравилась простодушная гостья.

Она хотѣла идти ее провожать, но Авдотья Степановна остановила.

— Не слѣдъ тебѣ въ усадьбу ходить, посиди хоть немного съ матерью,—произнесла она сквозь зубы.

Еще разъ простившись съ гостьей, Саша сѣла на прежнее мѣсто.

— Ты опять барина видѣла?—спросила мать.

— Видѣла. Онъ мнѣ письма привезъ.

— Напрасно это, Саша, ты себя порочишь. То-то ты садъ полюбила. Смотри—стрясется бѣда, я тебя, какъ Нюшку, отъ отца укрывать не стану. Я тебя прямо на порогъ не пущу.

— Мама! Да за что же вы меня обижаете, Богъ знаетъ, что про меня думаете. Я Думчина только разъ видѣла. У меня, наконецъ, женихъ есть, онъ скоро пріѣдетъ сюда.

— Про жениховъ толкуй, сколько угодно; я ихъ не видала. А вотъ, если еще съ бариномъ тебя увижу — не прогнѣвайся.

— Господи! — простонала Саша, хватаясь за голову,—да что же это? Въ омутъ я, правда, какой-то попала.

— Такъ ты домъ родительскій омутомъ называешь, — поблѣднѣла отъ гнѣва Авдотья Степановна, — вонъ изъ моего дома, щенокъ паршивый!

Саша быстро встала. Мать сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и пошатнулась. Думая, что ей дурно, Саша бросилась поддержать, но въ то же мгновенье Авдотья Степановна съ силой ударила ее по лицу, и на дѣвушку пахнуло сильнымъ виннымъ запахомъ. Схвативъ мать за руки, Саша усадила ее на стулъ, а сама кинулась къ двери. Ей въ слѣдъ полетѣли мѣдная полоскательница и чайникъ, разбившійся въ дребезги о притолку. Она ничего не замѣтила, даже забыла про оскорбленіе, про боль удара. Глухое отчаяніе охватило ея душу отъ неожиданнаго открытія, что ея мать пьяна!

На крыльцѣ она столкнулась съ Варей.

— Что, влетѣло?—насмѣшливо спросила дѣвочка, глядя на покраснѣвшій високъ сестры,—пойду, приберу посуду, а то переколотитъ.

Она ушла въ комнату. Черезъ минуту оттуда донесся крикъ. Дрожащая отъ страха, Саша заглянула въ окно. Схвативъ одной рукой Варьку за волосы, другой Авдотья Степановна колотила ее по чемъ попало. Дѣвочка отбивалась, какъ могла, работая руками и ногами, угощая мать пинками и неистово бранясь.

Саша, вся блѣдная, отшатнулась отъ окна. Въ эту минуту кто-то тронулъ ее за плечо. Она вздрогнула и оглянулась. За нею стоялъ старый Михеичъ.

— Иди ко мнѣ въ сторожку, тамъ переночуешь, она до утра не угомонится,—проговорилъ онъ,—ты что-то перепугалась очень. О-хо-хо... Дѣло-то житейское.

Саша такъ растерялась, что ничего не понимала. Старикъ взялъ ее за руку и, приведя въ сторожку, поспѣшилъ уйти, зная, что одной ей будетъ легче.

Саша безсильно упала на лавку. Ее била лихорадка, въ головѣ тѣснилась одна неотвязная мысль: уйти, скорѣе уйти отсюда, изъ родного гнѣзда... А отецъ? Неужели она уйдетъ, не повидавшись съ нимъ, когда ему одному она обязана тѣмъ, что не вышла такая, какъ Нюша, какъ... мать... Вздоръ! Она не будетъ такой малодушной, не убѣжитъ отъ первой непріятности. Мать ее оскорбила безсознательно... Необходимо только одно: выписать сюда Алешу, разсказать ему все! Пусть видитъ изъ какой семьи его будущая жена... А... если онъ испугается? Отвернется отъ нея съ презрѣніемъ?..

Саша низко наклонила голову. А изъ сада до нея вновь донеслись печальные звуки свирѣли и знакомое бархатное пѣніе.

Властно лились задушевныя ноты, и опять Саша заслушалась ихъ, забывая душевныя муки и ноющую боль виска.

Но скоро все затихло. Спать дѣвушка не могла, и часы тянулись за часами невыносимо долго. Изрѣдка тишину нарушалъ звонъ караульнаго колокола. Эти звуки—тягучіе, рѣдкіе нагоняли на Сашу страхъ: ей казалось, что кого-то хоронятъ, близкаго, дорогого... Только на разсвѣтѣ она забылась тревожнымъ сномъ и то не надолго.

— Саша, ты спишь?—окликнулъ ея голосъ Вари.

Она открыла глаза и увидѣла сестру около изголовья, уже съ хворостиной въ рукахъ, означающей, что дѣвочка прогнала только что овецъ въ стадо.

Видя, что Саша проснулась, Варя присѣла около нея.

— Ну и влетѣло же мнѣ вчера,—сказала она, — бить-то не больно била, а вихоръ шибко надрала. Я подъ конецъ изловчилась—ногу ей подставила, такъ она на полу растянулась, а я бѣжать. Ужъ вотъ какъ напилась, — съ полу и то не встала, такъ и захрапѣла. Поди и сейчасъ спитъ. А тебя она здорово хватила, ужъ посинѣлъ високъ-то. И чудная ты, погляжу я, чего ты къ ней лѣзла, къ пьяной?

Саша молчала.

— Ты перепугалась очень,—продолжала Варя, — погоди, она прочухается, прощенья просить станетъ. Она все такъ-то. Какъ напьется, и отца, бывало, отколотитъ. Ну, да я ее дойму! Чайникъ расколотила! Ишь, какая богачка выискалась!

— А отецъ... тоже пьетъ?—съ усиліемъ спросила Саша.

— Пьетъ. Да онъ тихой, безотвѣтный. Напьется и заснетъ... У насъ всѣ пьютъ. И Катя, и Нюша пили. Особливо Нюшатка... бывало, повалится въ лощинѣ и спитъ. И я когда пьяна бываю, а въ прошломъ году мы Кольку напоили, то-то

смѣху было! Ты тоже домой-то пойдешь?—перебила дѣвочка сама себя, — она драться не станетъ.

— Не знаю,—вымолвила Саша,—голова у меня болитъ. Плохо что-то.

Она сѣла на лавкѣ. Въ глазахъ у нея стояли какіе-то зеленые круги. Она чувствовала слабость, и голова начинала кружиться.

— Очень ты перепугалась видно... или мнѣ къ Аграфенѣ Марковнѣ сбѣгать, она тебѣ лѣкарства дастъ,—предложила Варя.

— Не надо, я попробую, домой дойду можетъ,—сказала Саша, поднимаясь черезъ силу и идя къ двери. Глядя на колеблющуюся походку сестры, Варя разсмѣялась:

— Точно и ты съ матерью угостилась, шатаешься, какъ пьяная!

Саша, не обращая вниманія на ея слова, продолжала идти. Едва она добрела до дома и вошла въ сѣни, какъ Авдотья Степановна съ громкимъ воплемъ бросилась къ ея ногамъ и стала ихъ цѣловать, бормоча что-то непонятное. Потрясенная вчерашней сценой и бевсонницей, Саша лишилась чувствъ.

Очнулась она на диванѣ; окна въ комнатѣ были завѣшаны чѣмъ-то чернымъ, и Аграфена Марковна давала ей нюхать спиртъ. Съ трудомъ она открыла глаза.

— Опамятовалась, дитятко,—наклонилась къ ней Аграфена Марковна,—напугала ты насъ: шутка ли два часа безъ памяти пролежала. Варя, дай-ко ей теперь чайку горяченькаго,—обратилась она къ дѣвочкѣ.

Та принесла. Саша приподнялась и съ наслажденіемъ сдѣлала нѣсколько глотковъ, потомъ обвела глазами комнату. Взглядъ ея упалъ на фигуру Авдотьи Степановны подъ дальнимъ окномъ. До того она показалась Сашѣ убитой и приниженной, что горячая жалость охватила ея сердце.

— Мамочка,—окликнула она слабымъ голосомъ,—что же вы, родная, не выпьете чайку со мною, усѣлись такъ далеко?

Въ отвѣтъ послышалось глухое рыданье.

Собравъ свои силы, Саша встала, прошла черезъ комнату и опустилась на колѣни передъ матерью.

— Полно, мамочка моя дорогая,—прошептала она, нѣжно цѣлуя ея руки,—не плачьте, голубушка... Развѣ я не знаю, сколько горя вамъ выпало на долю; полно же, успокойтесь ради Бога.

— Саша! Дѣточка моя, ненаглядная... да на тебя вѣдь... на тебя я, проклятая, руку подняла, солнышко ты мое! Дитятко ты мое родимое. Господи!..—рыдала Авдотья Степановна,—да легче мнѣ бы въ сырую землю лечь, чѣмъ въ твои очи ясныя глядѣть... Господи... кабы знала ты меня, окаянную, касаточка моя свѣтлая...

И она осыпала горячими поцѣлуями руки и лице взволнованной дочери.

— Что ее разстраивать, Авдотья Степановна, — подошла къ нимъ Аграфена Марковна,—выпейте-ка водицы.

Она напоила Авдотью Степановну, а Сашу опять отвела къ дивану и уложила.

— Теперь, Варя, помоги мнѣ столъ сюда поставить, а вы, Авдотья Степановна, идите къ намъ. Колю, дѣвочка, тоже тащи... Вотъ такъ. Будемъ всѣ вмѣстѣ чаекъ попивать, — распоряжалась Аграфена Марковна, стараясь развлечь Сашу.

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ, болѣе или менѣе успокоенныя, сидѣли около стола, слушая безконечные разсказы гостьи о старинныхъ временахъ.

Часовъ въ восемь вечера, когда Саша стала дремать, въ комнату неожиданно вошелъ Андрей съ большой корзиной.

— Это барышнѣ баринъ прислалъ, — сказалъ онъ, слегка кивая головой и еле сдерживая насмѣшливую улыбку.

Саша покраснѣла до слезъ. Она поняла, что все, случившееся вчера, извѣстно въ усадьбѣ.

Аграфена Марковна сердито взглянула на Андрея, и онъ поспѣшилъ уйти. Замѣтивъ слезы на глазахъ Саши и боясь, что она снова взволнуется, Аграфена Марковна предложила разобрать вещи. Авдотья Степановна помогала ей.

Добрая Екатерина Ивановна не только снабдила въ изобиліи свою любимицу всѣмъ необходимымъ, но не забыла о ея родныхъ, и каждому нашелся соотвѣтствующій подарокъ, такъ что Авдотья Степановна безпрестанно въ умиленіи крестилась, призывая божье благословенье на семью Завьяловыхъ.

До поздней ночи пробыла Аграфена Марковна у Корчагиныхъ и ушла только тогда, когда Саша уснула.

До Троицы оставалось всего двѣ недѣли. Но онѣ незамѣтно пролетѣли за шитьемъ обновокъ, присланныхъ Екатериной Ивановной. Саша почти не вспоминала о прошедшемъ, но отношенія ея къ матери стали теплѣе и сердечнѣе. Она чувствовала какое то горе близкаго человѣка и забывала все дурное, полная лишь горячей жалости. Только Варя не могла забыть происшедшаго и съутра до вечера пилила мать.

— Люди все такъ то дѣлаютъ, — ворчала она словно про себя, — выходилась одна дочь на человѣка похожа, такъ надо ее осрамить на все село. Она и барина-то черезъ дорогу видѣла, нѣтъ, надо сейчасъ наплести навѣсть что... Этакъ вотъ и съ Нюшей...Добро бы ужъ чужая кляузы-то взводила. Какъ еще съ пьяну совсѣмъ лице не изуродовала! Ходила бы наша гимназистка безъ глаза, ровно въ кабакѣ была, а не у матери

родной въ горницѣ сидѣла... Опять—чайникъ! Онъ тридцать копѣекъ стоитъ! Ты, что-ли, его заработала? Швырять вздумала.. Отецъ ходитъ день-деньской, спину гнетъ, а она, ишь барыня какая сердитая, посуду колотитъ.

Саша пробовала унять дѣвочку, но это только подливало масла въ огонь. Авдотья Степановна кротко отмалчивалась, отирая слезы. Она все еще была въ угнетенномъ состояніи, и ласки Саши не могли ее привести въ прежнее расположеніе духа. Наканунѣ Троицына дня, когда Саша дошивала розовое ситцевое платье Вари, въ комнату вошелъ Михеичъ и сказалъ, что баринъ съ барышней просятъ Сашу помочь имъ убрать цвѣтами церковь. Саша тотчасъ-же отправилась, ей хотѣлось посмотрѣть на сестру Думчина. Сергѣй Александровичъ встрѣтилъ ее съ радостной улыбкой и, крѣпко пожавъ ей руку, подвелъ къ сестрѣ. Барышня едва кивнула головой на привѣтливый поклонъ Саши, и лицо Думчина вспыхнуло отъ досады. Но Саша, улыбаясь, подошла къ корзинкѣ съ цвѣтами и принялась за работу. Въ ея ловкихъ рукахъ они быстро превращались красивыя гирлянды и вѣнки. Думчинъ прикрѣплялъ ихъ къ образамъ.

Старый Михеичъ, въ свою очередь, не оставался безъ занятій. Онъ поминутно вносилъ въ церковъ стройныя, молодыя березки съ бѣлыми стволами и изумрудной листвой, разставляя ихъ у стѣнъ и рѣшетокъ вокругъ амвона. Скоро весь храмъ получилъ совершенно другой видъ. Саша съ восторгомъ оглянулась на Думчина.

— Господи, какъ хорошо стало! Молиться такъ и хочется, — вырвалось у нея съ неподдѣльнымъ чувствомъ, и она невольно нѣсколько разъ перекрестилась, съ глубокимъ благоговѣніемъ смотря на икону Божьей Матери.

— Дѣвочка вы еще совсѣмъ, славная, хорошая, — тепло произнесъ Думчинъ, — впрочемъ, въ этомъ ваша сила и... счастье. А дома у васъ теперь все благополучно?

— Да,—я написала моему жениху, чтобы онъ пріѣхалъ и посмотрѣлъ мою семью.

— Написали?—сказалъ онъ озабоченно, и брови его сдвинулись.—Эхъ, плохо вы знаете людей. Зачѣмъ ставить счастье на карту. Вашъ женихъ васъ знаетъ, и довольно. Напрасно, напрасно это вы... рискуете.

Саша вздрогнула.

— Вы сказали: на карту... вы думаете, я могу проиграть?

Онъ промолчалъ.

— Саша,—прозвенѣлъ за ея спиной голосъ Вари,—отецъ пріѣхалъ.

— Ну, дай вамъ Богъ силъ на новое испытаніе,—быстро сказалъ Думчинъ, пожимая руку дѣвушки.

Саша тихо пошла за Варей домой.

Передъ своимъ домомъ она увидала телѣгу. Невысокій, коренастый и сутуловатый человѣкъ, съ плѣшивой головой и проворно бѣгающими маленькими глазками, таскалъ изъ телѣги разные мѣшечки и кулечки, передавая ихъ Авдотьѣ Степановнѣ.

Увидавъ Сашу, онъ какъ то согнулся, торопливо подбѣжалъ къ ней, чмокнулъ въ щеку и опять отбѣжалъ.

— Вотъ дождался. Сашуточка то какая стала, я бы не узналъ, — бормоталъ онъ, — выросла барышня... А я вотъ къ праздничку кое-что привезъ... добрые господа лошадку дали.

Саша молчала. Она чувствовала, что въ ея груди не шевельнулось ничего похожаго на теплое родственное чувство... Напротивъ, ей было стыдно и страшно сознаться передъ собой, что ей непріятенъ видъ этого человѣка съ пронзительными, словно шныряющими по сторонамъ, глазами. Онъ былъ ей чужой, и его поцѣлуй вызвалъ въ ней чувство брезгливости, ей хотѣлось обтереть щеку платкомъ.

Машинально прошла она въ комнату. Мать и сестра хлопотали съ ужиномъ, Дмитрій Ивановичъ ласкалъ Колю, но на Сашу не обращалъ вниманія,—онъ тоже ея стѣснялся.

Подали ужинъ. Проголодавшійся Корчагинъ ѣлъ съ аппетитомъ, обливая бороду, помогая себѣ вмѣсто вилокъ руками, чавкая и давясь. Въ Сашѣ поднималось почти отвращеніе. Она поспѣшила уйти въ садъ, чтобы избѣжать прощанія на ночь съ отцомъ.

Часа черезъ два она вернулась. Ее встрѣтила мать.

— Куда ты ходила, Саша?—встревоженно спросила она,— у меня все сердце изболѣло. Ты была одна?

Саша вспыхнула. Не могла же она признаться матери, что ей непріятно видѣть отца.

— У меня голова разболѣлась, мамочка, — сказала она.

— Охъ, Саша, обманываешь ты меня; недаромъ тебя баринъ въ церковь вызывалъ,—простонала Авдотья Степановна,— сгубитъ онъ тебя. Грѣхъ то силенъ...

— Мамочка, родная! Вѣрь мнѣ—ничего я не сдѣлаю дурного, да и Думчинъ не такой; я его при сестрѣ въ церкви видѣла. А завтра, Богъ дастъ, пріѣдетъ Алеша, вотъ ты увидишь, славный онъ такой!

Саша сѣла около матери на крылечко и задушевнымъ голосомъ стала ей повѣрять свои мечты и планы на будущее. Авдотья Степановна нѣжно гладила ее по головѣ, а мысли ея неудержимо уходили далеко, далеко въ прошлое.

Насталъ Троицынъ день. Саша поднялась рано, еще до заутрени, чтобы привести въ порядокъ ихъ «гостиную». Къ вечеру она ждала Алешу и потому проснулась веселой, какъ птичка. Прибравъ все въ домѣ, она сбѣгала въ садъ за цвѣтами, украсила ими свою шляпу и сдѣлала хорошенькій букетъ. Потомъ одѣлась въ свое лучшее платье изъ розоваго крепа и кружева кремъ, приколола двѣ розы къ полуоткрытому корсажу и вышла встрѣтить мать, бывшую у заутрени. Авдотья Степановна даже остановилась при видѣ дочери.

— Господи! Да въ кого же это такая красота уродилась!— воскликнула она невольно.

— Лучше ея никого въ церкви не будетъ,—заявила рѣшительно Варя.

Пришелъ Дмитрій Ивановичъ, по вчерашнему чмокнулъ дочь въ щеку и умилился.

— Какова наша дочка!—говорилъ онъ, потирая руки.— Хоть бы въ княжескія палаты; ручку пожалуйте, ваше сіятельство,—съострилъ онъ.

Заблаговѣстили къ обѣднѣ. Шумя новымъ платьемъ и стуча каблуками тоже новыхъ башмаковъ, Варя помчалась впередъ. Саша пошла съ отцомъ. У церковныхъ дверей ее встрѣтилъ Думчинъ съ букетомъ прелестныхъ, оранжерейныхъ цвѣтовъ.

— Вы вчера затмили меня искусствомъ дѣлать вѣнки,— сказалъ онъ, окидывая бѣглымъ взоромъ ея нарядъ,—я хочу перещеголять васъ хоть букетомъ.

Онъ быстро взялъ изъ рукъ Саши ея простенькій букетъ и подалъ ей свой.

— Здравствуйте, батюшка баринъ, Сергѣй Александровичъ,—раздался голосъ Корчагина, и, схвативъ руку Думчина, онъ звонко поцѣловалъ ее, низко, низко поклонившись.

Саша вспыхнула.

— Да вѣдь это онъ же его плетью хотѣлъ ударить,—вспомнила она, съ ненавистью взглянувъ на отца. Ей захотѣлось бросить Думчину его букетъ, но онъ уже ушелъ.

Войдя въ церковь, Саша успокоилась. Стоя у двери, она усердно молилась, полная дѣтской, свѣтлой вѣры и тихой радости. Такое настроеніе она всегда испытывала во время большихъ праздниковъ.

Началась вечерня. Всѣ встали на колѣни; вдругъ Саша почувствовала, что кто-то тронулъ ее за локоть. Не вставая, она оглянулась и чуть не вскрикнула отъ радости. То былъ Алеша.

— Алеша! какими судьбами?—прошептала она, украдкой здороваясь съ нимъ,—такъ рано я не ждала.

— Спѣшилъ къ горячему пирогу, а онъ еще въ печи,— такъ-же тихо отвѣчалъ онъ.—Ваша матушка послала меня мо-

литься о его благополучномъ испеченіи. А что этотъ брюнетъ не хочетъ васъ съѣсть глазами? — указалъ онъ на Думчина, пристально глядѣвшаго на Сашу.

Она укоризненно покачала головой.

— Вы мнѣ молиться мѣшаете, Алеша.

Алексѣй покорно умолкъ и сталъ подражать размашистымъ крестамъ и поклонамъ Дмитрія Ивановича. Саша про себя смѣялась, думая, какъ Алешу поразитъ открытіе, что онъ копировалъ ея отца.

Служба кончилась. Приложившись ко кресту, Саша и Алеша вышли изъ церкви.

— Подождемъ тутъ отца и сестру,—сказала Саша, останавливаясь у ограды.

— А развѣ они тоже были въ церкви? гдѣ они стояли?— полюбопытствовалъ Алеша.

Она не успѣла отвѣтить: къ ней подошелъ Думчинъ и, взявъ подъ руку, отвелъ въ сторону.

— Александра Дмитріевна, сегодня праздникъ и потому... у васъ можетъ вечеромъ опять выйти исторія. Приходите съ вашимъ женихомъ въ усадьбу. Не захотите меня видѣть... вы почему то меня избѣгаете,—клянусь, я вамъ не попадусь на глаза. Приходите къ Аграфенѣ Марковнѣ, вы ее любите.

— Спасибо, Сергѣй Александровичъ, только не думайте, что я васъ избѣгаю,—ласково сказала Саша,—о вашемъ приглашеніи я сообщу Алешѣ.

— Тогда я васъ буду ждать, — обрадовался Думчинъ,— только представьте меня вашему жениху.

Саша охотно исполнила его желаніе. Думчинъ повторилъ свое приглашеніе, но Алеша, сухо поблагодаривъ, наотрѣзъ отказался и, дождавшись, когда тотъ ушелъ, спросилъ съ досадой Сашу:

— Что у васъ за секреты съ этимъ... чернымъ франтикомъ?..—Сашѣ показалось, что онъ хотѣлъ сказать какое-то болѣе рѣзкое слово.

— Онъ мнѣ говорилъ то же, что вамъ,—отвѣтила Саша и прибавила теплымъ, задушевнымъ голосомъ: — не сердитесь, Алеша, не портите дня. Я вамъ такъ рада, мой славный, милый!

Алеша невольно растаялъ отъ ея ласки и, весело болтая, они дошли до дома. На крылечкѣ стоялъ Дмитрій Ивановичъ.

— Это мой отецъ, Алеша,—сказала Саша, пристально глядя на жениха.

Тотъ покраснѣлъ, какъ ракъ, и, поздоровавшись съ Корчагинымъ, шепнулъ ей:

— Положительно, я достоинъ висѣлицы и всѣхъ египетскихъ казней; ради Бога, выдерите меня хоть за уши!

Саша улыбнулась.

Въ домѣ были гости. Первое мѣсто занимала Ольга Васильевна; любопытство въ ней оказалось сильнѣе гордости, и она зашла посмотрѣть на жениха-студента. Рядомъ съ ней помѣстилась сморщенная старушка-дьяконица и высокая толстая дьячиха, тоже уже пожилая. Въ дальнемъ уголкѣ смиренно пріютилась Дарья. Саша и ея женихъ раскланялись съ гостями. Подвижной и веселый Алеша живо освоился со всѣми. Онъ болталъ безъ умолку, бѣгалъ въ кухню къ Авдотьѣ Степановнѣ освѣдомляться о пирогѣ, няньчилъ Колю и, наконецъ, обратилъ вниманіе на Варю.

— Надѣюсь, молодая дѣвица,—сказалъ онъ, кланяясь ей,—что вы поможете мнѣ раскрыть ящикъ, привезенный изъ города. Тамъ найдется кое что интересное и для васъ.

— Ты ко мнѣ лучше не привязывайся,—огрызнулась Варя, только что продравшая новое платье и бывшая потому не въ духѣ.

— Пожалуйста, смѣните гнѣвъ на милость, помогите,—не унимался Алексѣй, беря ее за руку.

— Говорю—отвяжись, чортъ косолапый!—разозлилась Варя.

Гости разсмѣялись, матушка замѣтила вполголоса:

— Какая необразованная!

Саша покраснѣла до слезъ.

— Оставьте ее, Алеша, я вамъ помогу, — сказала она, вставая.

Съ ея помощью Алеша сталъ выгружать привезенный ящикъ. Въ немъ оказались всевозможныя закуски, пирожное, конфекты, печенье и вина.

— Вѣдь въ деревнѣ все трудно достать, — сказалъ онъ извиняющимся тономъ, глядя на затуманившееся личико невѣсты и боясь, что оскорбилъ ея самолюбіе, — потому я и позволилъ себѣ захватить все необходимое.

Саша печально смотрѣла на грозную батарею бутылокъ... Да, вотъ еще новое испытаніе... Ей вспомнились слова Думчина, и Алеша не могъ понять, почему съ такимъ грустнымъ вопросомъ дѣвушка всматривалась въ его лицо... «Мама напьется, думала она.—Боже мой, устоитъ-ли въ самомъ дѣлѣ его любовь противъ окружающей меня... пошлости?..»

Подали пирогъ. Пришли отецъ Николай, дьячекъ и учитель. Авдотья Степановна присоединилась къ гостямъ. Алеша помогалъ ей всѣхъ подчивать, поражая своимъ остроуміемъ. Ольга Васильевна была отъ него просто въ восторгѣ. Алешѣ-же очень нравилась непривычная обстановка, и онъ съ интересомъ приглядывался къ незнакомымъ типамъ.

Только Саша была печальна. Она замѣтила, что на щекахъ матери уже выступили зловѣщія красныя пятна, а глаза Дмитрія Ивановича приняли сонное выраженіе. Дьячекъ тоже осовѣлъ отъ радушнаго угощенія, а съ лица учителя не сходила блаженная улыбка, и онъ никакъ не могъ попасть вилкой въ коробку сардинъ. Саша вызвала Алешу въ сѣни.

— Голубчикъ, уйдемъ ради Бога куда нибудь отъ нихъ, — взмолилась Она.

— Зачѣмъ? — удивился Алеша, — это такіе славные, простые люди; даже Ольга Васильевна совсѣмъ не то, что я думалъ о ней, судя по вашему письму...

— Въ обыкновенное время, можетъ, они и славные, а теперь тамъ пьяная компанія, и отъ нея надо уйти, — перебила Саша.

— Полно! Развѣ преступленіе, что они выпили лишнее. Вѣдь и въ нашемъ обществѣ тоже бываетъ, а вы отъ него не бѣжите. Тѣмъ и долженъ отличаться истинно развитой человѣкъ, что прощаетъ многое людямъ, стоящимъ ниже его по развитію.

— Все это прекрасно, Алеша, но теперь я прошу тебя, уйдемъ!

— Саша, да вы капризничаете, какъ маленькая! Уйти отъ гостей невѣжливо и неловко. Ваша семья можетъ подумать, что я горжусь передъ ней. Совѣтую вамъ лучше помочь матери въ ея хлопотахъ, а не изображать гостью, — закончилъ Алексѣй, уходя въ домъ.

Саша послѣдовала за нимъ. Навстрѣчу имъ вышли дьячекъ и учитель; всѣ, пошатываясь, отправились по домамъ. Дмитрій Ивановичъ такъ и уснулъ возлѣ стола и начиналъ уже сладко всхрапывать.

— Ослабѣлъ старичекъ, — улыбнулась Ольга Васильевна, обращаясь къ Алексѣю.

Тотъ разсмѣялся.

— Такая исторія и съ нашимъ братомъ бываетъ. Иногда послѣ товарищеской пирушки половина изъ за стола не встанетъ.

— Вамъ, молодежи, простительно, — медовымъ голосомъ произнесла она. Съ кѣмъ грѣха не бываетъ. Если еще разъ случится — не бѣда, а старымъ людямъ неприлично себя доводить до потери сознанія. Дмитрій Ивановичъ никогда воздержанія не любитъ. Дѣтямъ — плохой примѣръ: вѣдь у него двѣ дочки отъ вина сгорѣли, только Александру Дмитріевну Богъ спасъ, а Варя тоже въ него пошла, даромъ, что малолѣтняя, да вотъ вы посмотрите, — добавила она и крикнула: — Варюша, а Варюша, поди сюда.

Варя вошла красная, растрепанная, еле держась на ногахъ.

— Ну-ка, Варюша, попляши намъ, да пѣсенку съиграй!

Она забавница, какъ выпьетъ,—обратилась Ольга Васильевна къ Алешѣ.

Варя охотно загорланила пьянымъ голосомъ пѣсню и хотѣла пуститься въ плясъ, но, потерявъ равновѣсіе, тяжело шлепнулась на полъ.

— Видите, — торжествовала матушка, — вотъ и вырастили дитя себѣ не на радость, людямъ на смѣхъ.

— А вамъ не стыдно издѣваться надъ ребенкомъ, — съ негодованіемъ крикнула Саша и, поднявъ дѣвочку съ пола, она отнесла ее въ спальню.

Вернувшись, она подошла къ Алешѣ. Онъ сидѣлъ, нахмурённый и разстроенный.

— Алеша, уйдемъ же, — повторила она, трогая его за плечо, не обращая вниманія на позеленѣвшую отъ злости матушку.—Ну, со мной не хочешь—уѣзжай одинъ въ городъ...

— Куда ты его гонишь? — неожиданно спросила Авдотья Степановна, глядя на нее злыми глазами,—что онъ тебѣ мѣшаетъ? Какъ ты смѣешь моихъ гостей спроваживать?

Саша поблѣднѣла.

— Вотъ оно, начинается, — тоскливо подумала она.

Авдотья Степановна подала стаканъ чаю Алешѣ и сѣла около него.

— Кушайте, батюшка Алексѣй Петровичъ, на доброе здоровьице. Спасибо вамъ, что не брезгаете нами, пьяными. А ее что слушать, она извѣстно какая...

— Алеша, уходи! Уѣзжай сейчасъ же, — рѣшительно сказала Саша.

— Не смѣй его трогать; барина бъ своего прогнала, ужъ больно онъ тебѣ цвѣты дорогіе даритъ. Ты зачѣмъ къ нему въ усадьбу бѣгаешь? — закричала Авдотья Степановна, подступая къ дочери, — зачѣмъ?

При видѣ начинающейся сцены дьяконица и дьячиха безшумно скользнули въ дверь, чтобы занять болѣе выгодную и безопасную позицію подъ окномъ, а Ольга Васильевна, затаивъ дыханіе, ждала финала.

— Хоть бы лицо она ей расцарапала, косу бы растрепала, — желала матушка, глядя съ ненавистью на красивое, блѣдное лицо дѣвушки.

Но Саша успѣла поймать руки матери и сильнымъ движеніемъ усадила ее на стулъ.

— Алеша, пойдемъ-же отсюда, она теперь Богъ знаетъ что станетъ говорить, — опять обратилась она къ жениху.

— Ну, Авдотья Степановна памяти никогда не теряетъ,— ядовито замѣтила матушка, — я ея неудовольствіе раньше пирога слышала по поводу васъ.

— Не ходите съ ней,—крикнула Авдотья Степановна без-

сильно порываясь встать, — лучше оставьте, пусть идетъ къ своему... Осрамила она насъ!

Алексѣй выдернулъ свою руку у Саши. Еще тамъ, въ церкви, его охватило нехорошее чувство, когда онъ замѣтилъ взглядъ Думчина, а теперь онъ не могъ справиться съ собой.

— Вотъ она все такъ-то,—неожиданно прозвучалъ голосъ Дарьи, упорно молчавшей весь день, — какъ выпьетъ, ей Нюшатка-покойница и мстится; мучитъ ее значитъ... Безъ причастья померла вѣдь дѣвонька-то! Вотъ ей и тошнехонько теперь...

Грубый голосъ Дарьи показался Сашѣ благовѣстіемъ ангеловъ, у Алеши отлегло отъ сердца.

— Пріятельница ваша, Александра Дмитріевна, вашу руку тянетъ,—небрежно сказала Ольга Васильевна, вставая, и опять тонъ ея голоса подтвердилъ Алексѣю все, чего онъ боялся. Онъ переводилъ не вполнѣ сознательный взглядъ то на Сашу, то на Дарью, то на Ольгу Васильевну.

Когда попадья собралась уходить, онъ вскочилъ, съ какой-то преувеличенной вѣжливостію пожалъ ей руку и растерянно оглянулся кругомъ.

Все было грязно и гадко. Окурки папиросъ, плевки, разлитое вино, винный запахъ, смѣшанный съ чадомъ самовара и табачнымъ дымомъ, — все его мутило. Схвативъ фуражку, Алексѣй выбѣжалъ на крыльцо.

Саша пошла за нимъ.

— Алеша, неужели вы повѣрили? — тихо спросила она.

— Съ какой-же стати Думчинъ прислалъ-бы вамъ такіе цвѣты? —отвѣтилъ онъ ей, не глядя въ глаза.

— Цвѣты! Алеша, да вѣдь вы же знаете, что я васъ люблю. Почему же вы мнѣ не вѣрите? Да и насчетъ Думчина вы ошибаетесь, онъ вовсе не думаетъ обо мнѣ.

— Мало-ли приходится ошибаться въ жизни, — рѣзко произнесъ Алеша и, увидавъ ямщика, выходившаго изъ сторожки, крикнулъ: — Степанъ, запрягай, я впередъ пѣшкомъ пойду.

— А я?.. Что-же это такое, Алеша?—пошатнулась дѣвушка.

— До усадьбы недалеко, — хмуро отвѣтилъ студентъ и быстро зашагалъ по дорогѣ.

Саша стояла ошеломленная, близкая къ обмороку.

Ямщикъ между тѣмъ запрегъ лошадей, колокольчикъ и бубенчики весело зазвенѣли, когда экипажъ тронулся. Прождавъ съ минуту, Саша, какъ безумная, бросилась за нимъ: въ ней ясно было одно сознаніе, что если Алеша уѣдетъ, то ей ничего не остается въ жизни.

Съѣхавъ съ горы, у моста ямщикъ остановился. Саша тоже почти добѣжала. Въ двухъ шагахъ отъ нея бѣлѣлся знакомый китель.

— Алеша, — крикнула она, — ради Бога вернись.

Онъ даже не обернулся и вскочилъ въ тарантасъ Лошади пошли крупной рысью.

Саша съ тупымъ отчаяньемъ посмотрѣла ему вслѣдъ. Потомъ тихо прошла берегомъ къ любимому обрыву подъ церковнымъ садомъ, гдѣ глубина воды доходила до пяти аршинъ. Здѣсь она остановилась и прислушалась: колокольчикъ звенѣлъ уже гдѣ-то далеко, далеко. Она машинально перекрестилась... Внизу, подъ ея ногами тихо клубился темный омутъ... Вода струилась, завиваясь и какъ-то спокойно проплывая дальше... Отраженіе деревьевъ будто дремало въ глубинѣ... Глаза дѣвушки расширились, въ груди захватило дыханіе. Отъ рѣки вѣяло на нее такимъ спокойствіемъ, прохладой и... забвеніемъ. Глаза ея еще потемнѣли, она наклонилась и замерла безъ мысли, безъ желаній, прислушиваясь, какъ что-то умираетъ—въ глубинѣ ея души, или тамъ на дорогѣ, гдѣ уже не слышно колокольчика, или на днѣ рѣки, покрытомъ обманчивыми, дрожащими отраженіями зеленыхъ деревьевъ...

Чья-то рука тихо взяла ея руку...

— Ахъ милая, вотъ она гдѣ: надъ омутомъ стоитъ, а я-то ищу... Не гоже это дѣвонька,—услышала она голосъ Дарьи... Саша вдругъ опомнилась и вздрогнула, точно отъ пронизывающаго холода.

— Дарьюшка, милая! Да за что-же, что-же я имъ сдѣлала? — какъ то по-дѣтски всхлипнула она, бросаясь на шею крестьянки и заливаясь слезами.

Дарья молчала, только ея руки крѣпче охватили Сашу, и дѣвушка чувствовала ея робкія, словно нечаянныя ласки, отъ которыхъ становилось легче на душѣ Она подняла голову.

— Дарьюшка... Вотъ ты одна у меня... Что-же мнѣ дѣлать теперь? — несмѣло спросила она.

Дарья тихонько отстранила ее отъ себя.

— Къ Аграфенѣ Марковнѣ надоть... до утра... а тамъ...— она не договорила и быстрой привычной походкой пошла по извилистой тропинкѣ, какъ шла въ первый день по дорогѣ, ни разу не оглянувшись. Саша покорно слѣдовала за ней. Теперь, когда первая вспышка отчаянья миновала, она чувствовала только тупую боль, и ей было страшно въ темномъ, сыромъ саду, гдѣ ихъ тѣсно обступали со всѣхъ сторонъ колючіе кусты шиповника, цѣпляясь за платье, и путались подъ ногами сломанныя гибкія вѣтки березъ. Ее пугалъ непонятный, то замирающій, то постепенно ростущій шорохъ въ верхушкахъ столѣтнихъ деревьевъ, не пропускающихъ просвѣта.

— Дарья, мнѣ страшно, — вырвалось у нея невольно, когда летучая мышь неслышно скользнула мимо, повѣявъ ей въ лицо влажнымъ холодкомъ отъ движенія крыльевъ.

— Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ, родимая... Троица теперь... русалки. Мѣсто тутъ нечистое, — пробормотала Дарья и ускорила шагъ.

Саша вздрогнула, въ русалокъ она, конечно, не вѣрила, но когда прямо надъ нею неожиданно раздался протяжный стонъ пустушки, она не выдержала и бросилась бѣжать. Опомнилась она только тогда, когда тропинка вышла въ широкую еловую аллею передъ ярко освѣщеннымъ барскимъ домомъ. Обогнувъ его, Саша прошла черезъ балкончикъ въ комнату Аграфены Марковны. Та даже немного оторопѣла при видѣ дѣвушки, но, взглянувъ на ея заплаканное лице, сразу догадалась, въ чемъ дѣло. Она не стала разспрашивать Сашу, а поспѣшила дать ей воды и усадить въ покойное кресло. Подошедшая тѣмъ временемъ Дарья, шопотомъ, въ отрывочныхъ фразахъ, сообщила Аграфенѣ Марковнѣ причину ихъ поздняго прихода. Глубоко-тронутая старушка сама не могла удержаться отъ слезъ, но теплое участіе и сердечныя ласки обѣихъ женщинъ успокоили Сашу довольно скоро, такъ что она заснула опять своимъ крѣпкимъ, неизмѣнявшимъ ей и въ трудныя минуты, сномъ.

Весь слѣдующій день Саша провела въ господскомъ домѣ, потому что вернувшаяся отъ обѣдни Аграфена Марковна сказала ей, что Авдотья Степановна воюетъ съ утра съ Дмитріемъ Ивановичемъ и Варькой, значитъ, о возвращеніи домой нечего и думать. Отчасти Саша была этому рада. Здѣсь она могла на свободѣ подумать о своемъ будущемъ... Написать Алешѣ? — Да онъ и самъ, вѣроятно, напишетъ. Онъ вспомнитъ свою прежнюю Сашу, которую онъ посѣщалъ вмѣстѣ съ сестрою, прежнюю Сашу, внѣ этой ужасной обстановки нищеты и пошлости. Вѣдь это только пустая ссора!.. Вѣдь, не могъ-же онъ серьезно повѣрить гнусной, пьяной сплетнѣ. Онъ, такой милый, хорошій, онъ, котораго она такъ сильно любила... Но тотчасъ-же жгучая слеза выкатилась изъ ея глазъ и упала на руку. Она почувствовала съ какой то необъяснимой увѣренностью, что она не напишетъ, что это все уже кончено, что *того* Алеши нѣтъ, или нѣтъ ея, — прежней беззаботной дѣвочки, той Саши, которая того Алешу любила... И все, все, начиная съ его письма, которое заставило ее невольно задуматься еще въ то утро, и кончая его кривой улыбкой на пыльной дорогѣ, — все показалось ей теперь чужимъ, далекимъ, такимъ же далекимъ, какъ ея свѣтлая, дѣтская беззаботность.

Теперь будетъ что-то другое... Что же, что-же именно? Она

стиснула губы, ея брови сдвинулись, а въ глазахъ проступала тяжелая, упорная, мучительная мысль...

Раздумье ея было прервано приходомъ отца.

— Здравствуй, Сашуточка, здравствуй, дочечка,—торопливо заговорилъ онъ, пролѣзая бочкомъ въ комнату, — а я вотъ зашелъ на минуточку тебя провѣдать. Мы вчера хватились тебя, думали — съ женихомъ уѣхала, анъ ты въ другой сторонѣ отыскалась. Мнѣ ужъ Дарья сказала.

Саша пристально посмотрѣла на отца, стараясь уловить въ его словахъ какой либо намекъ, но маленькіе глазки Дмитрія Ивановича бѣгали по сторонамъ, и въ нихъ ничего нельзя было прочесть.

Они оба помолчали.

— Какъ же, Сашуточка—заговорилъ старикъ осторожно и робко, — Алексѣй то Петровичъ пріѣдетъ за тобой, или ты сама къ нимъ поѣдешь?

Саша въ упоръ поглядѣла на него; глухое раздраженіе закипѣло въ ея груди.

— Онъ не пріѣдетъ, и я никуда не поѣду, — рѣзко отвѣтила она, и прибавила:—кто-же возьметъ невѣсту изъ пьяной семьи!

Дмитрій Ивановичъ съежился. Въ его лицѣ проступило выраженіе глубокой, мучительной боли, совершенно измѣнившее это лицо...

— Правда твоя, Сашуточка, правда, — заговорилъ онъ — пьяная семья!.. что же... Господи! Прости ты насъ, Сашуточка,— поклонился онъ вдругъ почти до земли, — сгубили мы твое счастье... А ты прости, не осуди, дочка... Не осуди, потому что... Эхъ Саша, не знаешь ты... Думаешь, съ радости пью я!.. Жили и мы прежде, какъ люди... Земля, усадьбишка, конечно, мелкое помѣстье, почти что съ мужикомъ наряду, а все таки не просили у людей... А тамъ, разъ споткнулся и пошло. Усадебка сгорѣла, лошадь пала, корова пала, а тамъ ужъ и не знаю, какъ тебѣ разсказать... Какъ разсказать... Вотъ... не знаю, какъ тебѣ разсказать, доченька, все это... Ты вотъ росла на сторонѣ, съ хорошими людьми, въ довольствѣ... А Нюша у насъ... тоже пила вѣдь... не съ радости пила... Нюшенька наша...

Саша вздрогнула. Она посмотрѣла на совершенно измѣнившееся лицо отца и ждала съ какимъ-то новымъ чувствомъ, что онъ еще скажетъ.

Но въ сущности, она уже все поняла, не смотря на то, что Дмитрій Ивановичъ по прежнему только путался въ отрывочныхъ фразахъ. Она судитъ ихъ... Но она можетъ судить только потому, что случайно попала въ лучшія условія. Будь она на мѣстѣ Нюши, которая теперь лежитъ тамъ, на кладбищѣ...

Какой то холодъ охватилъ ее всю. Ей стало невыносимо стыдно и больно за жестокую фразу, вырвавшуюся у нея невольно. Она хотѣла сказать отцу что-то, сказать очень много, но вмѣсто того только сѣла рядомъ съ отцомъ и взяла его руку. Онъ не отнималъ руки, смотрѣлъ впередъ, какъ будто все подъискивая слова, которыми бы можно объяснить ей «все это».

— Знаешь, папа,—заговорила Саша, чувствуя, что она говоритъ совсѣмъ не то, что хотѣла сказать... Есть у меня платья, хорошія платья... Потомъ еще вотъ...

Она замялась на минуту, потомъ сняла золотые часики, подарокъ Катерины Ивановны, которыми очень дорожила... Эти часики мы продадимъ; я думаю, на вырученныя деньги можно купить лошадь.

Онъ сидѣлъ все такъ же безучастно. Она опять вздрогнула, и горячій румянецъ залилъ ея щеки, потомъ кровь отхлынула къ сердцу, которое сжалось и защемило. Что она сказала, что она сдѣлала, какъ плохо они понимаютъ другъ друга, какъ трудно ей еще понять самое себя и то рѣшеніе, которое съ такимъ трудомъ поднимается въ ней изъ глубины замирающаго сердца...

— Папочка, милый, — заговорила она страстно... Ты не подумай, что я... Что это... Папочка! Я сама не уйду отъ васъ, я ваша. То есть я уйду, гдѣ нибудь недалеко, учительницей, буду работать, но *туда* отъ васъ не уйду, пойми меня, пойми меня, отецъ... Я ваша, ваша!

Онъ въ свою очередь вздрогнулъ, въ затуманенныхъ глазахъ блеснуло что то на одно мгновеніе, и старая рука, дрожа, поднялась къ ея головѣ, какъ будто пьяница хотѣлъ благословить дочь. Но тотчасъ же онъ всталъ, сгорбился еще, больше и, шатаясь, вышелъ изъ комнаты, видимо подавленный совсѣмъ непривычнымъ волненіемъ.

— А вѣдь это онъ отъ поклоновъ такъ согнулся,—подумала Саша какъ-то механически, провожая его глазами; въ глазахъ этихъ стояли слезы, но на душѣ водворялось странное тихое спокойствіе, отъ котораго міръ, какой-то новый, не прежній міръ становился ей понятнѣе, и ближе, и дороже... Ей вспомнились больной братишка, первая встрѣча съ матерью, безотвѣтная Дарья, и сердце ея забилось горячо и ровно, полное неожиданно нахлынувшей любви къ людямъ. Только гдѣ-то въ глубинѣ еще больно ныла маленькая ранка...

Охваченная этимъ настроеніемъ, Саша не замѣтила, какъ въ комнату вошелъ Думчинъ. Нѣкоторое время она смотрѣла на него ясными глазами, въ которыхъ стояла внутренняя, глубокая мысль, не позволявшая ей замѣтить его прихода...

— Ну, Александра Дмитріевна, правъ я былъ, совѣтуя

вамъ бѣжать изъ этого омута,—заговорилъ онъ, взявъ ее за руку, которую она подала ему все такъ же безучастно,—я объ одномъ жалѣю, что не пристрѣлилъ вчера, какъ собаку, этого, этого...

— Кого?—удивилась Саша.

— Да этого студентишку, жениха вашего. Какъ онъ смѣлъ хоть на минуту повѣрить... Вѣдь достаточно только разъ взглянуть въ ваши глаза, въ эти глаза, не умѣющіе лгать,—чтобы... Да, что это съ вами, голубушка?.. Вы смотрите такъ странно...

— Оставьте его,—тихо вымолвила Саша... Онъ, Алеша... какъ и всякій другой...

— Всякій другой?—вспыхнулъ Думчинъ.—Простите меня, Александра Дмитріевна! Клянусь, еслибъ я не зналъ вашей любви къ Завьялову... Я... я всю мою жизнь... Да что-же это съ вами, въ самомъ дѣлѣ?..

— Со мной? Не знаю, право. Я, кажется, стараюсь узнать себя самое,—сказала Саша.—Ахъ, Сергѣй Александровичъ, это такъ трудно...

— Я вамъ говорилъ: уѣзжайте изъ этого омута... Если необходимо, если вы сильно любите,—верните хоть его, этого... Извините меня, я вамъ желаю только добра... А вернуть его нетрудно... Я самъ поѣду... Вѣдь есть-же, наконецъ, у человѣка капля здраваго смысла.

— Ахъ, нѣтъ, вы не понимаете,—сказала Саша...—Впрочемъ, и я еще не понимаю... Ради Бога, оставьте меня пока одну. Мнѣ нужно такъ много обдумать...

Онъ пожалъ ея руку, съ участіемъ поглядѣвъ ей въ глаза, хотѣлъ еще что-то сказать и даже рванулся было къ ней, но потомъ поклонился и вышелъ изъ комнаты.

Нѣсколько дней Саша его не видѣла. Онъ бродилъ гдѣ то съ ружьемъ, потомъ уѣхалъ въ городъ. Вернувшись, опять ушелъ на охоту, но конюхъ Андрей, на этотъ разъ почтительно и серьезно, подалъ ей письмо. Съ невольной лихорадочной поспѣшностью Саша разорвала конвертъ, узнавъ почеркъ, и стала читать.

Екатерина Ивановна старалась въ письмѣ защитить своего любимца Алешу, высказывала надежду на полное примиреніе, когда Саша пріѣдетъ въ Лисино. Въ концѣ было нѣсколько словъ отъ Алеши. Тонъ этой приписки, съ намеками на шутливость и съ попытками не сразу признать себя виноватымъ, показался Сашѣ еще болѣе чуждымъ и незнакомымъ. То, что прежде будили въ ея душѣ его строки, теперь все болѣе и болѣе отдалялось и замирало.

Слѣдившая за выраженіемъ лица Саши Аграфена Марковна спросила:

— Что, Сашурка, вѣрно невеселыя вѣсти получила?

— Отъ матери бывшаго жениха,—отвѣтила Саша спокойно, и только на послѣдней нотѣ голосъ ея вдругъ, неожиданно для нея самой, дрогнулъ и оборвался.

Аграфена Марковна пытливо посмотрѣла на нее.

— Грѣхъ ему за тебя, Саша,—сказала она,—плохой человѣкъ, легкой... Да и тѣмъ, роднѣ его тоже. Что они на тебя, какъ вороны, напали, еще письмами огорчаютъ... Ну, да Богъ не безъ милости! Проживемъ дѣточка моя и безъ нихъ. У меня сейчасъ работы набралось страсть сколько, въ цѣлый годъ не передѣлать. Я и то хотѣла изъ города дѣвушку знакомую взять, а тутъ тебя Богъ послалъ. Вѣдь не побрезгаешь помочь старухѣ, а?

Саша, вмѣсто отвѣта, крѣпко обняла старуху. Она знала впрочемъ, что работа выдуманная.

Въ тотъ-же день она отдала письмо кучеру Думчина, ѣхавшему въ городъ. Когда верховой скрылся изъ глазъ, Саша не могла сдержать легкаго стона. Послѣдняя связь съ прошлымъ была порвана. Она писала Катеринѣ Ивановнѣ, что между ней и Алешей все кончено, что она никого не винитъ, но у ней открылись глаза, и она никогда уже не вернется въ Лисино.

Послѣ этого она послала узнать, гдѣ Думчинъ, и вошла къ нему въ библіотеку.

— Наконецъ то вы заглянули въ мое убѣжище,—привѣтствовалъ онъ ее, поднимаясь ей навстрѣчу.

— Зашла васъ поблагодарить за ваше гостепріимство, Сергѣй Александровичъ,—сказала Саша.

— Что это значитъ?—спросилъ Думчинъ, мѣняясь въ лицѣ... А! Вы получили письмо и уѣзжаете туда... Чтожъ, дай вамъ Богъ, дай вамъ Богъ всякаго счастья... Простите и забудьте, что я такъ отзывался о вашемъ женихѣ... Я...

— Мама теперь оправилась, и я иду домой,—спокойно отвѣтила Саша.

Темные глаза Думчина сверкнули.

— Домой?.. Значитъ, *тамъ*...

— *Тамъ* все конечно... Я останусь съ своими на всегда,—рѣшительно сказала Саша.—Я хотѣла просить васъ, Сергѣй Александровичъ,—прибавила она вдругъ съ разгорѣвшимся взоромъ,—выхлопотать мнѣ мѣсто сельской учительницы здѣсь, въ Каменкѣ. Ребятишекъ я люблю и навѣрно хорошо справлюсь съ своимъ дѣломъ. Вы можете быть увѣрены, что я оправдаю вашу рекомендацію. А жить мнѣ хотѣлось-бы при школѣ.

Думчинъ живо взялъ ее за руку и нѣсколько секундъ смотрѣлъ ей въ глаза еще болѣе потемнѣвшимъ, глубокимъ взглядомъ.

— Александра Дмитріевна,—вы мнѣ вѣрите? Вы вѣрите, что я, въ сущности, недурной человѣкъ, хотя, можетъ быть, и не заслужилъ еще названія человѣка хорошаго?

— Да, вѣрю, —просто сказала Саша.

— А вѣрите вы,—страстно заговорилъ онъ,—что вы мнѣ дороже всего, всего на свѣтѣ, что я люблю васъ глубоко и нѣжно, что вы изъ недурного, хотя, можетъ быть, нѣсколько безпутнаго человѣка можете сдѣлать меня хорошимъ и безмѣрно счастливымъ, если согласитесь принять мою любовь и мое имя...

Саша съ внезапнымъ испугомъ выдернула свою руку.

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ, ради Бога, не это... не надо этого, не надо!

Лицо Думчина передернулось отъ внезапной боли.

— Вы лишаете меня всякой надежды? — сказалъ онъ глухо...

Саша опять взяла его руку и заговорила съ нѣжнымъ участіемъ:

— Поймите меня, Сергѣй Александровичъ. Я только что пережила страшную болѣзнь, я только что родилась на свѣтъ, я приняла рѣшеніе, которое мнѣ теперь,—поймите, родной мой, хорошій,—дороже всего, всего дороже на свѣтѣ. Я не могу отъ него отказаться, не могу, не могу! Это значило бы отказаться отъ себя, отъ своей, только что родившейся души... Я не знаю, что будетъ, жизнь еще впереди, но я не отступлюсь отъ своего рѣшенія, которое открыло мнѣ глаза на міръ, котораго я до сихъ поръ не знала... Если у меня будетъ жизнь, если у меня будетъ счастіе, то только это рѣшеніе дастъ мнѣ право и на жизнь, и на счастье... Не мѣшайте же мнѣ, не требуйте отъ меня другого рѣшенія, оно теперь невозможно. Помогите мнѣ, я буду уважать васъ, я уже теперь люблю васъ, какъ друга, какъ брата... Помогите мнѣ, Сергѣй Александровичъ!

Онъ склонилъ голову и тихо поцѣловалъ ея руку.

— Я сдѣлаю все, что вы хотите, —сказалъ онъ съ глубокимъ, но уже сдержаннымъ волненіемъ. Помоги вамъ Богъ, а я вамъ мѣшать не стану ни своей—повѣрьте, глубокой—любовью, ни своими надеждами...

Черезъ минуту онъ стоялъ у окна и провожалъ затуманившимся взглядомъ фигуру дѣвушки, уходившей изъ воротъ усадьбы по направленію къ маленькому домику у церкви. Онъ былъ нѣсколько удивленъ неожиданнымъ оборотомъ своего объясненія, но еще больше взволнованъ.

Онъ чувствовалъ, что ему придется еще завоевывать свое право на счастіе, и что это будетъ можетъ быть такъ-же трудно, какъ ей, съ ея безповоротнымъ рѣшеніемъ.

А. Піотровская.

Робертъ Бернсъ.

(Очеркъ.—По поводу столѣтней годовщины его смерти).

25-го января 1759 г., въ убогой деревенской землянкѣ простого садовника родился поэтъ, которому въ самое короткое время и при самыхъ враждебныхъ обстоятельствахъ суждено было не только влить совершенно новое вино въ старые и износившіеся мѣхи англійской поэзіи, не только явиться, какъ выразились о немъ, предтечею новаго духа въ поэтической литературѣ, аванпостомъ литературной революціи,—но и возстановителемъ, воскресителемъ національности своего собственнаго народа—шотландскаго.

Не особенно привлекательное и радостное зрѣлище представляла въ эту пору англійская поэзія, и издалека шелъ ея упадокъ, ея извращеніе. За блестящимъ вѣкомъ Елисаветы и Шекспира, за временемъ высокаго процвѣтанія національнаго духа, послѣдовало мрачное и кровавое время междоусобныхъ войнъ, съ его дикимъ пуританствомъ, жестокими преслѣдованіями театра, т. е. той области, гдѣ творческій духъ націи проявлялся съ наибольшею силою, подавленіемъ всего, въ чемъ маломальски сказывалась жизнь, движеніе, свѣжесть... Объ истинной поэзіи, само собой разумѣется, не могло быть и рѣчи,—и дѣйствительно, то, что мнило себя принадлежащимъ къ поэзіи, уже потому, что оно писалось стихами—было собраніемъ дидактически-назидательно-благочестивыхъ изліяній, холодныхъ измышленій сухого резонерства, продуктовъ туманнаго мистическаго настроенія... Наступила «реставрація», явился веселый и распутный Карлъ II, съ такимъ же празднымъ, веселымъ и распутнымъ дворомъ, разсѣялся—на время—мракъ пуританства, «запѣли» на иной ладъ поэты,—но перемѣна оказалась далеко не къ лучшему: восшествіе на престолъ Карла II, предавшаго себя Франціи, привело съ собою время «рабства безъ вѣрности, чувственности безъ любви, крошечныхъ добродѣтелей и исполинскихъ пороковъ».

Повинуясь этому направленію, и поэзія, притомъ совершенно оставившая національную почву, взявъ для себя на почвѣ иноземной (французской) то, что было въ ней худшаго,—сдѣлалась съ одной стороны выраженіемъ политическаго флюгерства, безцеремон-

наго перебѣганья изъ одного лагеря въ другой, болѣе выгодный, а съ другой стороны — орудіемъ низкихъ страстей, потому что теперь для нея оказалось болѣе прибыльнымъ осмѣивать все хорошее, честное и истинно добродѣтельное. Съ одной стороны, никакое нравственное чувство не мѣшало даже, напримѣръ, такому «тузу» поэзіи, какъ Драйденъ, сегодня писать героическіе стансы въ память Кромвеля, а завтра такую же «прочувствованную» оду на реставрацію или «панегирикъ на коронованіе Карла II»; съ другой— борьба съ пуританствомъ выродилась въ борьбу противъ доброй нравственности, причемъ сигналъ былъ поданъ дворомъ, дружно подхваченъ знатью, а оттуда уже безъ труда проникъ въ народъ. Панегиризмъ, безстыдное восхваленіе всякаго рода милостивцевъ и патроновъ достигли своего апогея; да и могло ли быть иначе, когда, при отсутсвіи «публики» въ настоящемъ значеніи этого слова, писателю, если онъ не хотѣлъ умереть голодною смертію (какъ умеръ, напримѣръ, талантливый Отвей, подавившійся вслѣдствіе жадности, съ которою онъ набросился на кусокъ хлѣба, купленный имъ послѣ четырехдневнаго голоданья, на деньги, выпрошенныя какъ милостыня у одного прохожаго)—надо было примкнуть къ высшему, изящному свѣту и сдѣлаться его льстецомъ!.. Содержанію стихотвореній соотвѣтствовала и форма: усиленная, безгранично господствовавшая во всѣхъ сферахъ французоманія положила свои оковы и на стихъ, и такъ называемая «академическая» гладкость, вычурность и сухая реторичность, съ презрѣніемъ смотрѣвшія на малѣйшее проявленіе народности въ мысли, чувствѣ и языкѣ, сдѣлались необходимымъ условіемъ поэтическаго творчества — если оба эти слова не являются здѣсь вопіющею дисгармоніею...

Не лучше шло дѣло и въ царствованіе Вильгельма III и Анны, хотя оба эти царствованія—особенно второе—долго носили данный имъ громкій титулъ «Августовскаго золотого вѣка англійской поэзіи». И тутъ среда губила отдѣльныя выдающіяся дарованія, если таковыя появлялись, и тутъ, когда рѣшительно всему продолжали давать направленіе высшіе классы, тоже отрекшіеся отъ своего, народнаго, въ пользу чужеземнаго, и притомъ дурного — постоянныя сношенія поэтовъ съ знатью, жизнь при шумномъ и церемонномъ дворѣ отвращали ихъ творческій духъ отъ истинныхъ цѣлей поэзіи и заставляли его слѣдовать по искусственнымъ путямъ; на первомъ планѣ стояли у нихъ все то же прославленіе щедрыхъ меценатовъ, все то же литературное лакейство, все тоже воспѣваніе всякаго ничтожнаго происшествія въ изящной гостиной, и ничто, можетъ быть, не прославило Попа такъ, какъ его поэма «Похищеніе локона», сочиненная по поводу весьма важнаго событія, именно того, что нѣкій лордъ отрѣзалъ локонъ у нѣкой миссъ и этимъ вызвалъ сильную ссору между двумя семействами... Правда, что теперь, въ силу ничѣмъ неотвратимаго порядка вещей, литература, несмотря на всѣ вышесказанныя неблагопріятныя условія, начинала мало по малу

эмансипироваться отъ этой своего рода крѣпостной зависимости; правда, что англійскіе поэты второй половины XVIII в., по свидѣтельству одного изъ самыхъ крупныхъ между ними, выходили изъ своей матеріальной зависимости отъ сильныхъ и «могли уже теперь отказываться отъ приглашенія къ обѣду, безъ опасенія прогнѣвить этимъ своего покровителя»; правда, что Джонсонъ имѣлъ уже нѣкоторое фактическое основаніе говорить: «науки, послѣ тысячи униженій, удалились изъ дворца покровительства и, долго странствовавъ по свѣту въ нуждѣ и скорби, пришли, наконецъ, въ хижину независимости—дочери душевной силы,—гдѣ онѣ научились у благоразумія и бережливости жить, разсчитывая только на самихъ себя и сохраняя свое достоинство»;—но все это были только исключенія, только слабыя и единичныя проявленія начинавшагося движенія... Было бы, однако, несправедливо и невѣрно приписывать всѣ эти печальныя явленія тѣмъ причинамъ, на которыя указано выше; была тутъ причина и иная, весьма серьезная, и сама по себѣ—безъ отношенія собственно къ поэзіи, а въ связи съ общимъ умственнымъ и культурнымъ развитіемъ—въ высокой степени благотворная. Это—тотъ характеръ, то направленіе, которые, какъ всякому извѣстно, приняла человѣческая мысль въ нѣсколькихъ странахъ Европы, и прежде всего въ Англіи, съ первой четверти осьмнадцатаго (даже съ конца семнадцатаго) столѣтія, когда начавшееся господство *разума* повлекло за собою проникновеніе въ литературу элемента практически-философскаго, анализирующаго, близко связаннаго съ жизнью,—когда получило полное право гражданства все осязательное, общеполезное, нравоучительное,—когда разсудочность вытѣснила фантазію, когда такой философъ, какъ Шефтсбери находилъ Мильтона и Шекспира писателями устарѣвшими, а такой критикъ, какъ Джонсонъ, видѣлъ въ томъ же Мильтонѣ напыщеннаго болтуна, а Шекспира — писателя, по его мнѣнію, правда съ большимъ талантомъ, но несчастнаго, погибшаго,—упрекалъ въ томъ, что у него добродѣтель весьма часто погибаетъ, что нигдѣ не обнаруживается высочайшая цѣль поэта — проповѣдывать нравственное улучшеніе, что дидактическій элементъ у него слишкомъ слабъ и т. п... Нужна была очень крупная, истинно поэтическая сила, чтобъ воскресить истинную поэзію, съ ея народностью, искренностью, жизненностью,—и эта сила явилась въ той, географически и этнографически родственной съ Англіею, странѣ, которая уже искони была хранительницею народнаго поэтическаго творчества, благодаря утвержденію въ народѣ чувства свободы и національности, купленнаго долговременною и кровавой борьбой.

Эта страна—Шотландія, и эта сила—Робертъ Бёрнсъ.

I.

Онъ родился въ избушкѣ своего отца, служившаго садовникомъ у одного изъ мелкопомѣстныхъ землевладѣльцевъ, послѣ того, какъ

ему, сыну фермера, пришлось испытать много бѣдствій, закалившихъ его характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ доставившихъ ему большой запасъ житейской мудрости и опытности, которымъ и нашъ поэтъ, какъ сознавался онъ самъ въ драгоцѣнный для насъ автобіографіи своей (составляющей, кстати сказать, несмотря на свою краткость, достойный pendant къ «Поэзіи и Правдѣ» Гете) — обязанъ былъ «большею частью своихъ маленькихъ притязаній на мудрость»; но онъ унаслѣдовалъ отъ отца еще два свойства, съ которыми, какъ замѣчаетъ поэтъ тамъ же, «трудно успѣвать въ свѣтѣ», именно «упорную безкорыстную честность и пылкую раздражительность». Родился онъ въ бурю, а девять дней спустя она же разрушила землянку, гдѣ лежалъ новорожденный, и ему съ матерью пришлось на время пріютиться у сосѣдки. «Неудивительно,—писалъ онъ впослѣдствіи,—что человѣкъ, являющійся на свѣтъ въ такую грозу, становится потомъ жертвою бурныхъ страстей». До семи лѣтъ прожилъ Робертъ въ этой мѣстности — на берегу рѣки Дуна, въ графствѣ Айрскомъ, — бѣгая босикомъ по большимъ дорогамъ и сталкиваясь тутъ со всякимъ людомъ, въ томъ числѣ и съ бродягами, и съ «отверженцами общества», занявшими впослѣдствіи такое мѣсто въ его человѣческомъ и соціальномъ міровоззрѣніи,—проникаясь, при видѣ окружавшихъ его историческихъ воспоминаній, пламеннымъ патріотизмомъ или, говоря его собственными словами, «шотландскимъ энтузіазмомъ»,—набираясь и чисто поэтическихъ впечатлѣній, благодаря жизни среди чудесной природы и одному особенному обстоятельству, о которомъ онъ впослѣдствіи писалъ: «Многимъ я былъ обязанъ старухѣ, жившей въ нашей семьѣ и замѣчательной своимъ невѣжествомъ, легковѣріемъ и суевѣріемъ. Она обладала, я полагаю, самою большою въ этой мѣстности коллекціею разсказовъ и пѣсенъ о чертяхъ, духахъ, феяхъ, колдуньяхъ и колдунахъ, блуждающихъ огонькахъ, эльфахъ, двойникахъ, великанахъ, очарованныхъ замкахъ и всякой другой небывальщинѣ. Это возрощало во мнѣ скрытыя сѣмена поэзіи, но такъ сильно повліяло на мое воображеніе, что я до сихъ поръ во время моихъ ночныхъ блужданій пристально оглядываюсь вокругъ себя въ подозрительныхъ мѣстахъ, и хотя нѣтъ человѣка, относящагося къ подобнымъ вещамъ болѣе скептически, чѣмъ я, но мнѣ всетаки приходится иногда дѣлать надъ собой философское усиліе, чтобъ стряхнуть съ себя эти пустые страхи». Но черезъ семь лѣтъ условія существованія семьи Бёрнсовъ измѣнились. Робертъ былъ уже не одинъ у своихъ родителей, присоединилось еще двое дѣтей, жить становилось не въ мѣру тяжело, надо было пріискать иные источники,—и старикъ Бёрнсъ (ему, впрочемъ, было всего сорокъ лѣтъ) рѣшилъ приняться за профессію своего отца, сдѣлаться фермеромъ. Кое-какъ, съ помощью займа, арендовалъ онъ маленькую ферму въ Монтъ-Олифентѣ, гдѣ мы и находимъ всю семью въ 1766 г.

Это начался второй, или, вѣрнѣе, первый періодъ въ жизни бу-

дущаго автора «Веселыхъ нищихъ»,—первый потому, что собственно теперь онъ вступаетъ въ жизнь. Да, семилѣтній мальчикъ уже является передъ нами несущимъ тяжелый трудъ земледѣльца и живущимъ въ такой обстановкѣ, которую онъ, въ томъ же автобіографическомъ письмѣ, называетъ «безотрадно мрачнымъ существованіемъ пустынника и непрестанною работой каторжника»... Главная причина была все та же неумолимая и крайняя бѣдность, не прекращавшаяся, даже усилившаяся, потому что почва въ Монтъ-Олифентѣ оказалась совершенно непроизводительной и что самый тяжкій трудъ приводилъ къ самымъ плачевнымъ результатамъ. А между тѣмъ семья все увеличивалась; Роберту не было еще шестнадцати лѣтъ, когда позади его стояло уже не двое, а шестеро дѣтей. «Я былъ старшій изъ семерыхъ — разсказываетъ онъ намъ, — а отецъ мой, измученный лишеніями и невзгодами своей молодости, не имѣлъ больше силъ работать; мы жили очень бѣдно, я былъ по моему возрасту искусный земледѣлецъ»... И эту картину подробнѣе дополняетъ его братъ, слѣдовавшій за нимъ по годамъ и помогавшій ему въ работѣ: «Ударамъ несчастья мы могли противопоставлять только тяжкій трудъ и самую строгую экономію. Мы жили почти нищенски. Въ теченіе нѣскольких лѣтъ мяса и не видно было на нашемъ столѣ, а въ это время всѣ члены семьи изо всѣхъ силъ, даже сверхъ силъ, исполняли работы, которыхъ требовала ферма. Братъ мой (т. е. Робертъ), въ тринадцать лѣтъ помогалъ молотить хлѣбъ, а въ пятнадцать былъ главнымъ работникомъ на фермѣ, потому что у насъ не было никакой прислуги—ни мужской, ни женской. Тревожное состояніе духа, испытывавшееся нами въ самые ранніе годы среди этихъ лишеній, было очень велико. Когда мы съ братомъ думали о нашемъ состарѣвшемся отцѣ (ему было въ ту пору болѣе пятидесяти лѣтъ), разбитомъ долгими и постоянными невзгодами и трудами, съ женой и пятью (кромѣ насъ двоихъ) дѣтьми, и въ положеніи, становившемся со дня на день хуже,—эти думы вызывали во мнѣ и въ братѣ ощущенія самаго глубокаго отчаянія. Я нисколько не сомнѣваюсь, что тяжкая работа и огорченія въ этотъ періодъ жизни Роберта сдѣлались почти главною причиной того упадка жизненныхъ силъ, которымъ онъ такъ часто страдалъ потомъ до самой смерти»... Но несомнѣнно также—прибавимъ мы къ этому выводу брата—что съ этихъ поръ зародилось въ немъ то смѣшанное съ ужасомъ отвращеніе отъ бѣдности, тѣ злобныя проклятія ей, которыя отравляли его душу, по отношенію и къ себѣ, и къ другимъ, во все продолженіе жизни, и подъ впечатлѣніемъ которыхъ лѣтъ за пять до смерти, въ минуту сильной матеріальной нужды, онъ писалъ одному изъ своихъ друзей: «О, высшее проклятіе — заставлять три гинеи исполнять должность пяти! Нѣтъ, всѣ работы Геркулеса, нѣтъ, три вѣка рабства евреевъ въ Египтѣ не были вещью столь же непреодолимою, задачею столь же адской... Бѣдность, ты, полу-сестра смерти, ты, близкая родственница ада!

Гдѣ найду я силу ненависти, равную твоимъ гнуснымъ свойствамъ»!... Было однако еще нѣчто болѣе серьезное, сдѣлавшееся потомъ одною изъ главныхъ темъ въ поэтическомъ творчествѣ Бёрнса, вызывавшее у него звуки удивительной силы и энергіи, чему основаніе, начало должно искать тоже въ этомъ раннемъ періодѣ его жизни; это—его возмущеніе соціальнымъ строемъ, какъ причиною подобныхъ явленій. «Благородный покровитель моего отца—пишетъ Робертъ въ автобіографіи—умеръ, арендаторство оказалось весьма пагубнымъ предпріятіемъ, а въ довершеніе бѣдствія мы попали въ руки управляющаго, который впослѣдствіи послужилъ мнѣ моделью для портрета одного изъ подобныхъ людей, нарисованнаго мною въ разсказѣ «Двѣ собаки»... Романисту созерцаніе такихъ сценъ доставило бы, можетъ быть, нѣкоторое удовольствіе, но во мнѣ негодованіе кипитъ до сихъ поръ при воспоминаніи объ угрожающихъ и наглыхъ письмахъ этого негодяя и деспота, заставлявшихъ горько плакать насъ всѣхъ»...

Среди такой, по выраженію самого Бёрнса, каторжной жизни, онъ находилъ, однако, время учиться, удовлетворять своей необычайной любознательности. Но если эта послѣдняя была однимъ изъ самыхъ главныхъ, пожалуй, даже главнѣйшимъ стимуломъ въ самообразованіи будущаго поэта, то значительную роль въ этомъ дѣлѣ сыграли и взглядъ отца Роберта на обученіе и, вообще, на умственное развитіе, какъ на необходимѣйшее условіе существованія человѣка, безъ котораго онъ не человѣкъ, и та, поистинѣ удивительная, постановка народнаго просвѣщенія, которою Шотландія—благословенная въ этомъ отношеніи страна, гдѣ, по выраженію одного изъ біографовъ Карлейля (тоже, какъ извѣстно, шотландца), «воспитаніе есть своего рода страсть», — отличалась уже въ давнее время; и именно, постановка обученія элементарнаго, которое тамъ уже съ конца шестнадцатаго вѣка сдѣлалось обязательнымъ и безплатнымъ. Робертъ началъ учиться уже съ шестилѣтняго возраста то въ школѣ, то у отдѣльныхъ учителей, изъ которыхъ особенно одинъ отличался прекрасною методой преподаванія, то у своего отца. «Въ длинные зимніе вечера—разсказываетъ біографъ поэта—при свѣчкѣ, отецъ обучалъ арифметикѣ своихъ сыновей... Онъ пытался самъ продолжать ихъ образованіе (когда необходимость оставаться дома для работъ не позволяла имъ ходить въ школу)... Когда они сопровождали его въ занятіяхъ по фермѣ, онъ бесѣдовалъ съ ними о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, какъ съ взрослыми людьми; онъ старался наводить разговоръ на все, что̀ могло увеличить ихъ знаніе или укрѣпить ихъ въ доброй нравственности. Добывъ у одного изъ знакомыхъ учебникъ географіи, онъ по этой книжкѣ знакомилъ дѣтей съ положеніемъ и исторіею различныхъ странъ земного шара. Пріобрѣлъ онъ и «Физическую и звѣздную теологію» Дёргема, и сочиненіе Рея «Мудрость Бога въ твореніи» для того, чтобы дать своимъ ученикамъ нѣкоторое понятіе объ астрономіи и естествен-

ной исторіи... Одну изъ самыхъ крупныхъ статей расхода этой почти нищей семьи составляла покупка книгъ»... Само собой разумѣется, что обученіе было, по содержанію своему, скудное (хотя Робертъ пріобрѣлъ познанія даже во французскомъ языкѣ), но эту скудость возмѣщало несомнѣнное достоинство методы преподаванія, методы разумной, направленной на умственное развитіе вообще, въ которомъ знанія служили только необходимымъ фундаментомъ, — а у нашего поэта, какъ впрочемъ у многихъ его сверстниковъ, къ этому присоединилось и чтеніе всевозможныхъ книгъ, чтеніе жадное, такъ сказать запоемъ, чтеніе въ каждую свободную и даже несвободную минуту, потому что оно происходило и въ амбарѣ во время молотьбы, и за плугомъ, и на всякой работѣ, гдѣ руки дѣлали свое дѣло, а глаза и голова свое,—чтеніе безпорядочное, лишенное даже тѣни какой бы то ни было системы, остававшееся иногда, по характеру и содержанію книгъ, совершенно непонятнымъ для юнаго, почти ребенка-читателя, но сѣмена котораго всетаки, то сознательно, то инстинктивно, западали въ умъ и сердце, чтобы впослѣдствіи разростись болѣе или менѣе пышными, здоровыми и благотворными растеніями. Это было съ ребенкомъ Гейне, это было съ мальчикомъ Байрономъ, это повторилось съ Робертомъ Бёрнсомъ. Съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ, и потомъ постепенно все больше и страстнѣе, онъ читалъ все, попадавшееся подъ руку случайно или добывавшееся умышленно; «ни одна книга, по словамъ его позднѣйшаго біографа—брата, не была достаточно объемиста, чтобы устрашить его рвеніе, или достаточно старой, чтобы охладить его въ поискахъ». И въ этомъ спискѣ прочитанныхъ имъ за это время книгъ — спискѣ, столь же интересномъ и характеристическомъ, какъ составленный пятнадцатилѣтнимъ Байрономъ—мы видимъ подтвержденіе приведенныхъ только что словъ брата. Тутъ рядомъ и «Географическія граматики» Генри и Салмона, и знаменитый «Зритель» Адиссона, откуда «я почерпалъ—объясняетъ онъ— мои знанія новыхъ нравовъ и обычаевъ, свѣдѣнія въ литературѣ и критикѣ», и сочиненія Попа, и нѣсколько пьесъ Шекспира, и сочиненіе какихъ-то Тулля и Диксона «О земледѣліи», и Локкъ со своимъ «Опытомъ о человѣческомъ разумѣ», и руководство къ садоводству, и нѣсколько сочиненій знаменитаго дѣятеля въ области «новой науки» XVIII ст., Бойля, и стихотворенія Аллана Рамзея, высокоталантливаго предшественника Бёрнса въ дѣлѣ обновленія шотландской народной поэзіи, и, наконецъ, сборникъ англійскихъ пѣсенъ, къ упоминанію о которомъ будущій великій народный поэтъ, будущій несравненный мастеръ пѣсни въ ея поэтическомъ значеніи, прибавляетъ: «Этотъ сборникъ былъ моимъ vade mecum. Управляя своей телѣгой, идя на какую нибудь другую работу, я читалъ и перечитывалъ пѣсню за пѣснью, стихъ за стихомъ, старательно отличая нѣжное и возвышенное отъ аффектаціи и напыщен-

ности. И я убѣжденъ, что этому пріему я обязанъ большою долею своего критическаго умѣнья, каково бы оно тамъ ни было».

Эти занятія, въ которыхъ ясно сказывался будущій поэтъ, равно какъ и эта вѣчно трудовая жизнь, не мѣшали проявленію въ юношѣ нѣсколькихъ изъ тѣхъ свойствъ его, какъ человѣка, которыя, развиваясь съ теченіемъ времени все сильнѣе и сильнѣе, сдѣлали его однимъ изъ типичнѣйшихъ представителей человѣчества новаго времени, въ вѣчной борьбѣ этого послѣдняго между плотью и духомъ, въ вѣчномъ внутреннемъ разладѣ, въ странной двойственности натуры и ея внѣшнихъ проявленій: строптивость, мрачность, ипохондрическій уходъ въ себя странно уживаются въ немъ,—или, вѣрнѣе, тревожно чередуются — съ самою искреннею веселостью, самымъ широкимъ чувствомъ общительности, порывами необузданной чувственности. «Мой отецъ—писалъ онъ въ своей автобіографіи, вспоминая эту пору своей жизни и то обстоятельство, что, вопреки волѣ старика, человѣка сурово-набожнаго, истаго пресвитеріанца, онъ сталъ посѣщать устроившійся въ ихъ деревнѣ танцъ-классъ, съ цѣлью, по его словамъ «нѣсколько исправить свои неуклюжія манеры», а по словамъ брата и потому, что онъ былъ страстный любитель танцевъ, — мой отецъ былъ подверженъ сильнымъ взрывамъ страсти, и это доказательство моего непослушанія вызвало въ немъ нѣчто въ родѣ непріязни ко мнѣ, непріязни, которая, думаю, сдѣлалась причиной распутства, отмѣчавшаго всѣ послѣдующіе годы моей жизни; я говорю «распутство» въ сравненіи съ серьезностью, умѣренностью и правильностью пресвитеріанской сельской жизни, потому что, хотя блуждающіе огоньки прихотливой необдуманности, легкомыслія служили мнѣ почти единственными свѣточами на моей дорогѣ, но рано привитыя мнѣ набожность и добродѣтель всетаки продолжали еще нѣсколько лѣтъ удерживать меня въ предѣлахъ невинности». И къ этимъ, собственно фактическимъ подробностямъ онъ прибавилъ слѣдующія слова, очень важныя для насъ, какъ матеріалъ для общей внутренней характеристики его: «Великимъ несчастіемъ моей жизни было то, что я никогда не имѣлъ опредѣленной цѣли. Рано ощутилъ я въ себѣ движенія честолюбія, но это было слѣпое ощупываніе Гомеровскимъ циклопомъ стѣнъ своей пещеры. Я видѣлъ, какъ матеріальное положеніе моего отца постоянно запутывало меня въ сѣти тяжелаго труда. Единственныя два отверстія, сквозь которыя могъ бы я пробраться въ храмъ счастья, были скаредная бережливость или мошенничество въ дѣловыхъ сношеніяхъ. Первое отверстіе такъ узко, что я не имѣлъ возможности пролѣзть въ него; второе я всегда ненавидѣлъ, потому что грязь лежала уже при самомъ входѣ. Такимъ образомъ, не имѣя въ жизни цѣли, съ сильнымъ влеченіемъ къ общественности столько же по врожденной веселости, сколько изъ гордости, запасомъ своихъ наблюденій и замѣчаній, я, вслѣдствіе лежащей въ моемъ тѣлесномъ организмѣ ипохондріи и мелан-

холіи, старался убѣгать изъ своего уединенія; прибавьте къ этимъ стремленіямъ жить въ обществѣ славу, которою я пользовался въ своемъ околодкѣ, какъ «ученый», извѣстную логическую способность довольно неукротимаго свойства и силу мышленія, нѣчто въ родѣ зачатковъ, элементарныхъ основъ образованія—и вы не удивитесь тому, что куда бы я ни приходилъ, меня обыкновенно принимали, какъ желаннаго гостя; не покажется вамъ удивительнымъ и то, что гдѣ сходились двое или трое, я былъ между ними». И изъ своего печальнаго домашняго уединенія, отъ своего тяжкаго труда, отъ припадковъ ипохондріи и меланхоліи, отъ усиленной внутренней работы надъ собой, онъ уходилъ въ эти сборища—то для того, чтобы, чувствуя свой авторитетъ, свое превосходство, какъ чувствовали ихъ въ дѣтствѣ Гете и Байронъ, принимать горячее участіе въ бывшихъ тогда въ ходу богословскихъ спорахъ, и дѣлать это, по его же словамъ, «съ такимъ жаромъ и такою неосторожностью», что уже въ ту пору стали раздаваться не прекращавшіяся почти всю его жизнь обвиненія его въ «еретичествѣ»,—то для оказыванія дѣятельной помощи въ разныхъ любовныхъ интригахъ и дѣлахъ своихъ знакомыхъ и товарищей, въ чемъ онъ находилъ столько же удовольствія, сколько, по его словамъ, «дипломатъ находитъ его въ знаніи интригъ и происковъ половины европейскихъ дворовъ»,—то для того, чтобы любить самому. Любовь сдѣлалась для него уже теперь необходимѣйшею принадлежностью его существованія, и онъ говорилъ совершенную правду, когда въ своей автобіографіи (писанной, когда ему было уже 28 лѣтъ, за девять лѣтъ до смерти) заявлялъ съ полной откровенностью: «Всѣ остальныя движенія моего сердца далеко превосходила склонность къ очаровательной половинѣ человѣческаго рода (эти слова написаны по французски: un penchant à l'adorable moitié du genre humain). Мое сердце было настоящій трутъ и постоянно воспламенялось то тою, то другою богиней»... Съ какой быстротой одно «воспламененіе» смѣнялось другимъ, видно уже изъ того, что въ курьезномъ спискѣ, составленномъ однимъ почтеннымъ пресвитеріанскимъ священникомъ, число этихъ «богинь», не болѣе и не менѣе, какъ пятьдесятъ! По этой количественности—которой могли бы позавидовать даже такіе «мастера» по этой части, какъ Гёте и Гейне—можно судить и о качественности чувства. Правда, въ одномъ мѣстѣ автобіографіи я нахожу нѣсколько строкъ, которыми Бёрнсъ старается придать, или искренно придаетъ, любовнымъ увлеченіямъ въ той средѣ, къ которой онъ принадлежалъ, какой-то соціальный характеръ, говоря: «Серьезные сыны науки, честолюбіе или скупость обзываютъ эти вещи глупостями. Но для сыновей и дочерей труда и бѣдности онѣ—предметы самаго серьезнаго свойства; для нихъ пламенная надежда, тайное свиданіе, нѣжная разлука составляютъ величайшія и драгоцѣннѣйшія части ихъ земныхъ радостей». Но это—по крайней мѣрѣ у Бёрнса въ примѣненіи къ нему самому — одни слова;

всѣ его любовныя увлеченія—за исключеніемъ, можетъ быть, двухъ довольно таинственныхъ, да и то длившихся весьма недолго—ничто иное, какъ проявленія необдуманнаго, но и поэтически чувственнаго темперамента, съ примѣсью того безмѣрнаго эгоизма, который во многихъ отношеніяхъ, наряду съ самымъ безкорыстнымъ самопожертвованіемъ и забвеніемъ этого *я*, тоже составляетъ одинъ изъ существенныхъ атрибутовъ этихъ людей новаго вѣка; конечно, эти увлеченія, въ моментъ ихъ существованія, представляются необыкновенно поэтическими, возвышенными тому, кто испытываетъ ихъ, чѣмъ и обусловливается ихъ сила въ такой душѣ, какъ душа Бёрнса, но нужна большая доля сентиментальной идеализаціи, чтобы, встрѣчаясь въ жизни нашего поэта чуть не на каждомъ шагу съ подобными эпизодами, признавать за ними какое бы то ни было серьезно-нравственное значеніе. Напротивъ, безпристрастный и трезвый наблюдатель поражается здѣсь даже частымъ отсутствіемъ нравственной чистоплотности—отсутствіемъ, доходящимъ до такой степени, что, не говоря уже о довольно обычномъ увлеченіи двумя-тремя женщинами за разъ (и увлеченіи съ фактическими «послѣдствіями»), въ жизни Бёрнса встрѣчается и такой фактъ, что почти въ одинъ и тотъ же день, на недалекомъ разстояніи одна отъ другой, даютъ жизнь ребенку и жена его (которую онъ при этомъ очень «любилъ» и даже любилъ физически), и возлюбленная; и что эта жена, рѣдкій образецъ преданности и самопожертвованія, кормитъ одновременно грудью и своего ребенка, и сына своей соперницы, потому что эта послѣдняя умерла тотчасъ же послѣ родовъ! А отецъ знаетъ это и съ умиленіемъ смотритъ на «героизмъ» своей жены,—и очень скоро послѣ того принимается за то же самое, или въ такомъ же родѣ!.. Упомянувъ объ этомъ эпизодѣ, я очень значительно забѣжалъ впередъ, но это не представляетъ никакого неудобства, такъ какъ у меня нѣтъ намѣренія въ теченіи этого краткаго разсказа останавливаться послѣдовательно на подробностяхъ любовной горячки Бёрнса, начавшейся у него очень рано и продолжавшейся непрерывно почти до смерти; излагать эти подробности, не смотря на романически интересную окраску нѣкоторыхъ изъ нихъ, значило бы относительно общей характеристики Бёрнса, какъ человѣка, т. е. того, что въ настоящемъ случаѣ главнымъ образомъ занимаетъ насъ, повторять въ сущности одно и то же. Для нашей цѣли достаточно будетъ сказать, что этотъ органическій недугъ нашего поэта имѣлъ всегда чисто физическій, чувственный характеръ, правда съ самыми разнообразными оттѣнками, соотвѣтственными этой необычайно подвижной, кипучей, вѣчно ссорившейся сама съ собой, натурѣ, и что въ исторіи собственно поэтическаго развитія Бёрнса онъ играетъ важную роль въ томъ отношеніи, въ которомъ любовныя увлеченія играли ее и въ жизни всѣхъ чисто-лирическихъ поэтовъ, именно, какъ постояннаго и одного изъ самыхъ могущественныхъ стимуловъ творчества. Такъ было и

здѣсь. Бёрнсъ началъ любить и писать стихи одновременно, и если самыя первыя пѣсни его не особенно подымаются надъ уровнемъ посредственности, по формѣ и содержанію, то въ нихъ уже явственно сказывается тотъ элементъ, который потомъ сдѣлалъ «пѣсню» Бёрнса такимъ драгоцѣннымъ вкладомъ въ англійскую и, пожалуй, всю европейскую поэзію—элементъ чистой, непосредственной народности и дѣйствительно пережитого. Далеко не лишено, интереса, для характеристики первоначальнаго процесса его творчества и воззрѣнія на это послѣднее, то наивное признаніе, которое онъ самъ дѣлаетъ (все въ той же автобіографіи) по поводу этихъ первыхъ своихъ произведеній: «Я никогда не былъ настолько притязателенъ, чтобы воображать себѣ, что могу писать такіе стихи, какъ тѣ, что̀ печатаются и сочиняются людьми, знающими греческій и латинскій языкъ; но моя милая пѣла пѣсню, которую сынъ одного мелкопомѣстнаго дворянина сочинилъ въ честь плѣнившей его сердце одной изъ служанокъ его отца,—и я не видѣлъ основанія, почему бы и мнѣ не стихотворствовать точно также: вѣдь, за исключеніемъ того обстоятельства, что онъ умѣлъ стричь овецъ и дѣлать торфъ, такъ какъ его отецъ жилъ въ странѣ болотъ, ученость его была нисколько не выше моей»...

Съ 1777 г. въ продолженіе семи лѣтъ съ нѣсколькими кратковременными перерывами мы видимъ Бёрнса въ новомъ мѣстѣ жительства—Лохлей, гдѣ отецъ его арендовалъ новую ферму. Съ внѣшней стороны образъ жизни прежній, хотя въ первыя четыре-пять лѣтъ матеріальная нужда не такъ велика: почти весь день на работѣ, то въ самой фермѣ, то въ полѣ за плугомъ, проводя который сильною и крѣпкой рукой настоящаго пахаря, поэтъ сочиняетъ свои пѣсни—и теперь между ними уже такія, которымъ суждено было нѣсколько лѣтъ спустя составить его неувядаемую славу; вечеромъ или за книгой въ своей семьѣ, (остальные члены которой тоже находятъ только въ чтеніи отдыхъ отъ тяжелаго труда), или на тайномъ любовномъ свиданіи, или—въ своемъ деревенскомъ клубѣ. Да, клубѣ, какъ ни странно звучитъ для насъ это слово, когда дѣло идетъ о юношахъ-земледѣльцахъ крестьянскаго сословія въ глуши Шотландіи; но еще страннѣе, что въ этомъ клубѣ и рѣчи нѣтъ о попойкахъ, картахъ и т. п.—нѣтъ, онъ основанъ—основанъ Робертомъ Бёрнсомъ съ нѣсколькими его единомышленниками—въ чисто умственныхъ цѣляхъ, для совмѣстнаго обсужденія разныхъ общественныхъ, философскихъ, моральныхъ вопросовъ въ родѣ напримѣръ такихъ: Что̀ доставляетъ намъ больше счастье—любовь или дружба? Кто счастливѣе: дикарь или крестьянинъ, живущій въ цивилизованной странѣ?—Въ какомъ случаѣ былъ бы молодой человѣкъ низшаго сословія счастливѣе: если бы онъ получилъ хорошее образованіе и обогатилъ свой умъ познаніями, или если бы воспитаніемъ и знаніями онъ не превосходилъ окружающую среду?—Бёрнсъ уже и раньше обнаруживалъ склонность къ подобнымъ совѣщаніямъ и обсужденіямъ,

уже и въ Монтъ-Олифантѣ, онъ съ однимъ пріятелемъ юношей устраивалъ своего рода диспуты на религіозныя, философскія и т. п. темы,—но теперь дѣло было поставлено на болѣе широкую, болѣе систематическую ногу; существовалъ даже уставъ клуба, гдѣ была опредѣлена цѣль этого учрежденія—«послѣ работы отдыхать, содѣйствовать развитію общественности и дружбы и продолжать совершенствовать умъ и сердце», и введеніе къ которому считаю я не лишнимъ привести, потому что оно написано отъ слова до слова нашимъ поэтомъ: «Главная цѣль человѣческаго общества—становиться все мудрѣе и лучше; такимъ образомъ въ этомъ должно состоять живое стремленіе каждаго человѣка въ каждомъ состояніи. Но такъ какъ опытъ научилъ насъ, что тѣ занятія, которыя развиваютъ умъ и улучшаютъ сердце, при долговременности своей истощаютъ духовныя силы человѣка, то нашли необходимымъ освобождать и укрѣплять эти силы такими занятіями, которыя достаточно пріятны, чтобы занимать и упражнять умъ, но не настолько серьезны, чтобы приводить его въ изнеможеніе. Кромѣ того, весьма большая часть людей находится въ необходимости добывать средства существованія тѣлесными работами, чѣмъ не только душевныя силы, но и нервы тѣла утомляются до такой степени, что совершенно необходимо прибѣгать къ пріятнымъ развлеченіямъ и отдохновенію, чтобы человѣка, утомленнаго и неизбѣжными житейскими трудами придавленнаго снова освѣжить и возстановить. Но такъ какъ самыя лучшія вещи могутъ быть извращены въ самыя худшія, то люди, подъ предлогомъ отдохновенія и развлеченія, кинулись во всѣ безумныя крайности кутежа и распутства, и вмѣсто того, чтобы, стремиться къ достиженію великой цѣли человѣческой жизни, начали съ распущенности и глупости, а кончили преступленіемъ и бѣдствіемъ. Въ силу такихъ наблюденій и размышленій, мы, нижеподписавшіеся молодые люди въ Тарбольтонскомъ приходѣ рѣшили составить клубъ на такихъ основаніяхъ и правилахъ, чтобы, забывая на время свои заботы и трудъ въ веселости и шуткѣ, не переступать, однако, границъ приличія и нравственности». Настроеніе молодого поэта первые три-четыре года этого періода было, повидимому, совершенно хорошее; по крайней мѣрѣ, самъ онъ писалъ: «До двадцати трехъ лѣтъ моими единственными принципами были—vive l'amour et vive la bagatelle!» Да есть много и другихъ свидѣтельствъ о его шумной, искренней веселости въ это время, о проявленіяхъ блестящаго остроумія, о чарующемъ вліяніи, которое онъ производилъ на всѣхъ, сходившихся съ нимъ; «и для него самого—говоритъ его біографъ—это время было временемъ чистоты и радости сердечной». Весьма вѣроятно, что немаловажную роль въ этомъ играли и относительное матеріальное довольство, особенно при крайне умѣренныхъ житейскихъ потребностяхъ Роберта, и—при его безграничномъ честолюбіи и самолюбіи—авторитетъ, которымъ онъ пользовался въ своемъ околодкѣ, гдѣ его и любили и боялись, гдѣ всѣ

искали его сообщества, издалека сбѣгались слушать его стихи, его разсказы, тутъ же сочинявшіеся и заставлявшіе аудиторію или хохотать до упаду, или горько плакать, гдѣ при этомъ также только и рѣчи было, что о его добротѣ, сердечной готовности помочь словомъ и дѣломъ всякому бѣдному и страждущему, энергическомъ сопротивленіи всему злому и несправедливому... Но жизнерадостность, составлявшая органическое свойство натуры Бёрнса, въ связи съ тѣмъ, что̀ отмѣтилъ Карлейль, какъ его специфическую особенность—именно вѣчную молодость духа,—эта жизнерадостность и теперь, какъ всегда, находила себѣ печальный и мучительный противовѣсіе въ другомъ, тоже отчасти органическомъ, отчасти (какъ у всякаго чисто субъективнаго поэта) обусловливавшемся житейскими обстоятельствами свойствѣ этой двойственной натуры—внутреннемъ томленіи, недовольствѣ собой и людьми, ипохондрическомъ и меланхолическомъ отношеніи къ жизни. Въ 1781 г. (ему, стало быть, было двадцать три года, а онъ, какъ мы только что видѣли, говорилъ, что до двадцати трехъ лѣтъ ни до чего другого ему не было дѣла, какъ до amour и bagatelle!) онъ писалъ, оправившись отъ недолговременной, но серьезной болѣзни: «Слабость моихъ нервовъ такъ ослабила мой духъ, что я и прошедшихъ невзгодъ не могу вспоминать, и въ будущее не смѣю заглядывать,—потому что малѣйшее безпокойство, малѣйшій страхъ оказываютъ самое злополучное вліяніе на все мое существо. Иногда, когда у меня на душѣ становится часа на два нѣсколько свѣтлѣе, я, правда, кидаю бѣглый взглядъ въ будущее; но мое главное и дѣйствительно единственное пріятное занятіе смотрѣть и взадъ и впередъ съ нравственной и религіозной точки зрѣнія. Меня приводитъ въ совершенный восторгъ мысль, что скоро, быть можетъ, очень скоро я скажу вѣчное прости всѣмъ огорченіямъ, страданіямъ и тревогамъ этой жизни; потому что, увѣряю васъ, я сильно утомленъ ею и, если не ошибаюсь, могъ бы съ радостью отказаться отъ нея. Что касается до свѣта, то я не имѣю никакой надежды когда либо играть въ немъ замѣтную роль. Я не подхожу ни для шумной суеты дѣловыхъ людей, ни для громкаго и сердечнаго смѣха веселыхъ; у меня никогда не явится способность быть участникомъ подобныхъ препровожденій времени. Право, нисколько не забочусь я объ этой жизни; я предвижу, что меня, вѣроятно, ожидаютъ бѣдность и темное одиночество; къ тому и другому я отчасти подготовленъ и готовлюсь съ каждымъ днемъ все больше и больше...» Это писалось въ ту трехмѣсячную часть Лохлейскаго періода, когда поэтъ находился, по его словамъ, «въ такомъ душевномъ состояніи, какому едва-ли могли бы позавидовать даже тѣ безнадежно страждущіе, къ которымъ были обращены слова: Идите прочь отъ меня, проклятые!»

Причина тутъ была общая, были и частныя. Общую мы уже знаемъ. Частныя заключались, во-первыхъ, въ болѣзни, о которой

уже упомянуто выше, во-вторыхъ, въ одной изъ любовныхъ неудачъ, которыя всегда дѣйствовали на самолюбиваго и необузданно пылкаго Бёрнса очень раздражительно, въ-третьихъ—и это, пожалуй, самое главное—въ перемѣнѣ житейской обстановки, въ столкновеніи съ новыми людьми, новыми взглядами, новыми требованіями. Перемѣна эта была временная, всего на годъ, когда Робертъ вздумалъ, для поправленія обстоятельствъ, перейти отъ плуга къ ремеслу, именно, заняться начавшею въ ту пору распространяться обработкою льна, для чего и поѣхалъ въ сосѣднее съ Лохлей мѣстечко Ирвайнъ. Изъ здоровой земледѣльческой атмосферы онъ попалъ въ затхлый воздухъ мастерской, общество добродушныхъ, открытыхъ, свободолюбивыхъ шотландскихъ поселянъ замѣнилъ испорченный во всѣхъ отношеніяхъ фабричный міръ, наблюденія надъ которымъ, правда, въ значительной степени увеличивали запасъ его знакомства съ жизнью и людьми, но далеко не въ утѣшительную сторону,—и неудивительно поэтому свидѣтельство одного изъ тогдашнихъ и тамошнихъ знакомыхъ поэта, что среди всѣхъ этихъ компаній онъ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ безмолвно, опустивъ голову на руку, и только тогда выходилъ изъ этой суровой задумчивости, немного оживлялся, когда къ нему подходили развитой человѣкъ или интересная женщина. Но были тутъ и другія вліянія, которыя, съ точки зрѣнія строгой морали, признавались пагубными, которыя вызвали осужденіе и сожалѣніе даже у Карлейля, признающаго это пребываніе въ Ирвайнѣ весьма важнымъ пунктомъ въ жизни Бёрнса, а другого біографа, правда ужъ черезчуръ пуритански настроеннаго, заставили сказать, что «поѣздка въ Ирвайнъ была для Бёрнса нисхожденіемъ въ Авернъ (у Виргилія—входъ въ адъ), откуда ему уже никогда не удавалось въ дѣйствительной жизни,—хотя часто это бывало въ часы поэтическаго вдохновенія—выходить для того, чтобы подышать свѣжимъ вздухомъ». Я не стану тутъ входить въ моральное обсужденіе этого вопроса, но отмѣчу только фактическую сторону—именно, что вліянія эти исходили отъ двухъ сблизившихся съ нимъ молодыхъ людей съ «либеральными» воззрѣніями—«либеральными,» по крайней мѣрѣ, сравнительно съ тѣми, почти патріархальными понятіями, въ которыхъ воспитался Бёрнсъ—и что они внесли въ его умъ и душу новые взгляды на любовь, какъ на недолженствующую стѣсняться никакими внѣшними законами и условіями и имѣющую полное право быть «незаконною» въ томъ смыслѣ, какъ признаетъ ее таковою общество, на строго догматическую сторону религіи, и т. п. Ими, стало быть, порождался, или, вѣрнѣе, сознательно развивался въ умѣ Бёрнса тотъ внутренній разладъ, тотъ склонный къ пытливому скептицизму анализъ, который до сихъ поръ больше инстинктивно шевелился въ этомъ умѣ,—и вѣроятно эту «вредную» сторону (въ соединеніи, впрочемъ, съ угрызеніями совѣсти въ любовныхъ дѣлахъ, угрызеніями, о которыхъ рѣчь будетъ ниже) имѣлъ въ виду самъ поэтъ, когда, сказавъ

въ своей автобіографіи, что его новый другъ «говорилъ о незаконной любви съ такой легкостью, на которую я до сихъ поръ смотрѣлъ съ ужасомъ»,—и къ этимъ словамъ прибавилъ: «тутъ его дружба оказалась для меня пагубной...» Слѣдовало бы ему упомянуть еще объ одномъ пагубномъ для него результатѣ Ирвайнскаго пребыванія, но пагубномъ уже въ совершенно иномъ отношеніи,—началѣ склонности къ кутежамъ, къ пьянству—тому недугу, которому суждено было произвести такое разрушительное вліяніе на физическій и нравственный организмъ поэта; но объ этомъ онъ умалчиваетъ (какъ и, вообще, говоритъ о томъ только разъ другой, да и то почти вскользь, въ своихъ автобіографическихъ признаніяхъ и письмахъ), да и мы покамѣстъ проходимъ мимо, во-первыхъ, потому, что тутъ еще слабыя проявленія этого недуга, а во-вторыхъ—намъ къ несчастію придется еще не разъ останавливаться на этихъ печальныхъ страницахъ этой бѣдственной жизни... Но несомнѣнно благопріятно подѣйствовали на него ирвайнскіе мѣсяцы въ томъ отношеніи, что увеличеніе суммы житейскаго опыта усилило въ немъ и его врожденную наблюдательность надъ собой и другими, врожденную склонность изучать жизнь и людей не по книгамъ, а на нихъ самихъ. «Мнѣ кажется—писалъ онъ въ это время своему прежнему учителю—что я посланъ на землю для того, чтобы видѣть и наблюдать; и для меня нисколько не въ тягость мошенникъ крадущій мои деньги, если въ немъ оказывается что нибудь оригинальное, показывающее мнѣ человѣческую натуру не въ томъ свѣтѣ, въ которомъ я ее видѣлъ до того. Однимъ словомъ, для меня наслажденіе изучать людей, ихъ нравы и пріемы, и для этого милаго мнѣ предмета я радостно жертвую всѣми другими соображеніями». Очень любопытнымъ и знаменательнымъ свидѣтельствомъ этого стремленія служитъ также нѣчто въ родѣ дневника, который онъ началъ вести черезъ годъ послѣ возвращенія изъ Ирвайна домой, и вступленіе къ которому было сдѣлано имъ въ слѣдующихъ словахъ: «Наблюденія, замѣтки, пѣсни, стихотворные отрывки и т. п. Роберта Бёрнса—человѣка, у котораго было мало умѣнья зарабатывать деньги и еще менѣе—беречь заработанное, но который, не смотря на то, обладалъ нѣкоторымъ здравымъ смысломъ, большою честностью и безграничнымъ снисхожденіемъ ко всѣмъ созданіямъ, какъ одареннымъ разсудкомъ, такъ и неодареннымъ. Такъ какъ онъ мало чѣмъ обязанъ школьному обученію и такъ какъ воспитаніе его совершилось у плуга, то сочиненія его должны быть сильно окрашены его деревенскимъ и неполированнымъ образомъ жизни. Но такъ какъ они, я полагаю, дѣйствительно написаны имъ, а не кѣмъ либо другимъ, то для любознательнаго наблюдателя человѣческой натуры можетъ быть интересно наблюдать, какъ думаетъ и чувствуетъ земледѣлецъ подъ вліяніемъ любви, честолюбія, тревогъ, печали и другихъ заботъ и страстей, которыя, хотя и видоизмѣняются различными способами и образами жизни, но, думаю, дѣйствуютъ оди-

наково во всемъ родѣ человѣческомъ». Тутъ, впрочемъ, на первомъ планѣ его собственная личность, и то, что̀ вносилось на эти страницы на первыхъ порахъ, имѣло больше отношенія къ нему самому, найдя себѣ—уже много позже—очень важное для насъ дополненіе въ томъ мѣстѣ его автобіографіи, гдѣ онъ говорилъ: «Я былъ всегда того мнѣнія, что заблужденія и ошибки, съ точки зрѣнія какъ разума, такъ и религіи, въ которыя впадаютъ ежедневно тысячи людей, происходятъ отъ незнанія этими людьми самихъ себя. Узнавать самого себя было уже давно предметомъ моего постояннаго изученія. Я взвѣшивалъ себя одного, взвѣшивалъ себя съ другими, я не упускалъ ни одного средства учиться, наблюдать—сколько мѣста дано мнѣ было занять, какъ человѣку и поэту, я тщательно изслѣдовалъ, какую цѣль имѣла природа, создавая и развивая меня, изслѣдовалъ, для чего были предназначены свѣтъ и тѣни въ моемъ характерѣ»... Но нѣсколько времени спустя, когда судьба, какъ увидимъ, толкнула его въ шумную житейскую сферу, онъ опредѣлительно заявилъ тутъ же: «Я рѣшился сдѣлать эти страницы моимъ повѣреннымъ; я буду обрисовывать съ полнѣйшею правдивостью всякій характеръ, какой тѣмъ или другимъ образомъ поразитъ меня...» И онъ исполнялъ это намѣреніе довольно долго, насколько можно судить по уцѣлѣвшимъ отрывкамъ этого дневника...

Возвращеніе изъ Ирвайна въ отцовскій домъ и въ прежнюю среду, казалось, возвратили поэту душевное спокойствіе, только съ нѣкоторыми новыми оттѣнками. «Когда онъ очутился снова въ своей деревенской обстановкѣ—говоритъ его новѣйшій біографъ—вліяніе деревни успокоило его. Медленно проходя съ плугомъ по полямъ, онъ имѣлъ много времени для размышленій. Печаль его стушевалась, и размышленія яснѣе обрисовались въ умѣ. Нѣсколько времени спустя, онъ ощущалъ уже нѣкоторую долю покорности судьбѣ—т. е. ту крупицу золота, которая заключена въ каждомъ большомъ страданіи. Не то чтобы въ немъ образовалась надежда на лучшее будущее, которое продолжало оставаться скрытымъ и мрачнымъ, но онъ менѣе занимался имъ. Онъ вернулся домой съ нѣкоторымъ запасомъ беззаботности моряковъ, привыкшихъ принимать погоду такою, какая она есть, и оказывать хорошій пріемъ вѣтру, съ какой бы стороны онъ ни подулъ»... Но на этого моряка скоро снова налетѣла буря, радушно встрѣтить которую было довольно трудно: полное разореніе отца послѣ нѣсколькихъ лѣтъ сравнительнаго матеріальнаго довольства, смерть несчастнаго старика отъ чахотки, какъ послѣдствіе всѣхъ вынесенныхъ имъ страданій, захватъ послѣднихъ жалкихъ остатковъ имущества «адскими псами»—кредиторами. И очень скоро послѣ того мы находимъ Роберта въ новомъ мѣстѣ жительства—деревнѣ Моссджилѣ, гдѣ онъ съ братомъ арендовалъ ферму и куда переѣхала вся семья, состоявшая теперь изъ старухи матери, трехъ братьевъ и трехъ сестеръ. Роберту пошелъ уже двадцать шестой годъ, въ головѣ его роились все сильнѣе и сильнѣе

поэтическіе планы и замыслы, правда еще смутные, въ которыхъ онъ не давалъ себѣ—или не хотѣлъ давать, видя ихъ неисполнимость—яснаго отчета; жизнь, которой онъ еще совсѣмъ не зналъ—потому что кратковременное пребываніе въ Ирвайнѣ было, вѣдь, только прологомъ.—Эта жизнь, тоже смутно, звала его къ себѣ,—а желѣзная необходимость приковывала его здѣсь, даже не къ тѣмъ полямъ, на которыхъ онъ, идя за своимъ плугомъ, набирался поэтическихъ впечатлѣній, а къ этой фермѣ, съ ея денежными разсчетами, хозяйственными распоряженіями, всѣмъ тѣмъ, чтò было не по сердцу Роберту и на что онъ былъ такъ мало способенъ. Жестоко наивнымъ самообличеніемъ, съ внутреннимъ, однако, сознаніемъ, что не виноватъ онъ въ этомъ, звучатъ слова его автобіографіи: «Я вошелъ въ эту ферму съ твердымъ рѣшеніемъ: ну, теперь примусь за дѣло, буду благоразуменъ. Я читалъ книги по сельскому хозяйству, я вычислялъ, чтò принесетъ жатва, я ѣздилъ на базары, однимъ словомъ, вопреки дьяволу, свѣту и плоти, я сдѣлался бы, вѣроятно, благоразумнымъ человѣкомъ, но въ первый годъ, вслѣдствіе несчастной покупки дурныхъ сѣмянъ, а во второй—по причинѣ поздней жатвы, мы потеряли половину нашихъ посѣвовъ. Эти обстоятельства опрокинули вверхъ ногами все мое благоразуміе, и я повернулъ вспять, какъ собака возвращается къ своей блевотинѣ, какъ свинья, которую вымыли, идетъ снова валяться въ грязи». Дѣлая это далеко не поэтическое сравненіе, Бёрнсъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду свои любовныя увлеченія этого Моссджильскаго періода (продолжавшагося два года съ лишнимъ)—увлеченія, ради которыхъ біографы признаютъ этотъ періодъ «самымъ драматическимъ» въ жизни поэта; другого основанія этому сравненію по крайней мѣрѣ я не нахожу, если, впрочемъ, не подразумѣвать ту, уже извѣстную намъ склонность къ пьянству, которая теперь, если еще и не развилась вполнѣ, какъ въ послѣдующіе годы, то все таки по временамъ принимала значительные размѣры. По причинѣ, выше мною объясненной, я не стану останавливаться на этихъ любовныхъ эпизодахъ, хотя въ нихъ дѣйствительно есть много такого, что могло бы дать интересный матеріалъ для драмы, вѣрнѣе—для романа, особенно въ одномъ изъ нихъ—исторіи съ дѣвушкой Дженъ Армуръ, на которой онъ уже много лѣтъ спустя женился, но съ которой теперь, не смотря на то, что она готовилась стать матерью, долженъ былъ разстаться вслѣдствіе сильнаго противодѣйствія ея отца, богатаго каменьщика. Эта исторія, съ ея многочисленными романическими эпизодами, въ числѣ которыхъ было даже церковное покаяніе, наложенное на виновника несчастія молодой дѣвушки, съ безпредѣльнымъ, повидимому, отчаяніемъ поэта, не помѣшавшимъ ему, однако, ровно черезъ мѣсяцъ послѣ разлуки съ Дженъ Армуръ поэтически обручиться съ другой дѣвушкой, а весьма скоро послѣ отъѣзда этой послѣдней также пламенно и также съ «послѣдствіями» полюбить новую красавицу,—эта исторія, говорю, имѣетъ для насъ

ту историко-литературную цѣнность, что она послужила *внѣшнимъ* поводомъ къ созданію впервые нѣсколькихъ прекрасныхъ произведеній съ характеромъ «міровой скорби», которая давно уже, независимо отъ всякихъ любовныхъ увлеченій и любовныхъ угрызеній совѣсти, пустила корни въ сердцѣ Бёрнса. Подъ впечатлѣніемъ дурныхъ одновременныхъ исторій въ этомъ же родѣ и на этотъ разъ уже въ непосредственной, фактической связи съ ними, вылилось у него изъ души нѣсколько стихотвореній, между которыми уже одного такого, какъ, напримѣръ, знаменитое «Къ Маріи въ небѣ» было-бы достаточно, чтобъ упрочить за Бёрнсомъ славу великаго лирика. Вотъ отчего этотъ «драматическій» періодъ его жизни является у него и наиболѣе производительнымъ въ поэтическомъ отношеніи, производительнымъ какъ количественно, такъ и качественно (при чемъ обнаруживается и новая сторона его дарованія—сатирическая), потому что теперь именно создались такія удивительныя и разнообразныя вещи, какъ «Веселые Нищіе», «Субботній вечеръ поселянина», «Видѣніе», «Маргаритка», «Двѣ собаки» и много другихъ, не говоря уже о маленькихъ пѣсняхъ, этихъ чудесныхъ жемчужинахъ пѣсенной поэзіи,—къ которымъ, какъ и ко всему, написанному Бёрнсомъ, мы еще обратимся въ характеристикѣ его, какъ поэта. Теперь поэтъ вполнѣ пробудился, вполнѣ ясно созналъ свое призваніе и среди самыхъ суровыхъ противодѣйствій пошелъ по своей дорогѣ (быть можетъ, впрочемъ, считая и *это* тѣмъ практическимъ неблагоразуміемъ, которое онъ сравнивалъ съ возвращеніями въ свою обстановку свиньи и собаки). «До сихъ поръ онъ жаловался и скорбѣлъ (какъ мы видѣли выше), что жизнь его не имѣла цѣли; теперь онъ рѣшилъ, что долѣе этого не должно быть. Занимавшаяся заря недежды начала радостно предвѣщать ему, что онъ можетъ занять мѣсто между шотландскими поэтами, которые, оставаясь по большей части неизвѣстными, создали ту атмосферу народной поэзіи, которая окружаетъ и возвеличиваетъ ихъ родную страну». Въ вышеупомянутой записной книжкѣ мы находимъ относящіяся къ этому времени и къ этому предмету строки, весьма цѣнныя для насъ и потому, что въ нихъ ясно высказывается самимъ Бёрнсомъ призваніе его сдѣлаться именно народнымъ и національнымъ поэтомъ. «Какъ ни нравятся мнѣ—писалъ Бёрнсъ,—произведенія нашихъ шотландскихъ поэтовъ, особенно превосходнаго Рамзея и еще болѣе превосходнаго Фергюсона, но мнѣ очень больно видѣть, что между тѣмъ какъ другія шотландскія земли, ихъ города, рѣки, лѣса и поля обезсмертены въ столь знаменитыхъ произведеніяхъ, для моей дорогой родины, съ древними округами Каррикскимъ, Кейльскимъ, Куннингемскимъ, знаменитыми, какъ въ древнюю, такъ и новую пору своимъ доблестнымъ и воинственнымъ населеніемъ,—для страны, гдѣ гражданская и особенно религіозная свобода всегда находили себѣ первую поддержку и послѣднее убѣжище,—страны, гдѣ родилось столько знаменитыхъ философовъ, воиновъ и

государственныхъ людей и гдѣ разыгралось такъ много важныхъ событій, вспоминаемыхъ шотландскою исторіей, особенно такъ много подвиговъ славнаго Уаллеса, спасителя своего отечества—что для этой страны не нашлось у насъ до сихъ поръ ни одного выдающагося шотландскаго поэта, благодаря которому плодородные берега Ирвайна, романтическіе лѣса и уединенные пріюты Айра, и поросшій по берегамъ кустарникомъ горный источникъ, и извилистое теченіе Дуна сдѣлались бы соперниками Тея, Форта, Эттрика, Твида. Это—прискорбный фактъ, которому я помогъ-бы очень охотно, но увы! задача эта далеко не въ моихъ силахъ, по рожденію моему и по воспитанію. Въ темной неизвѣстности живу я, въ темной неизвѣстности и останусь, хотя никогда еще ни у одного молодого поэта и молодого воина сердце не билось жаждой славы такъ пламенно, какъ бьется мое сердце...» Выше упомянуто, что въ это время обнаружилась и новая сторона дарованія Бёрнса—сатирическая. Она оказалась въ связи, вѣрнѣе она истекла изъ новой стороны дѣятельности нашего поэта,—стороны общественной, которая выразилась въ его борьбѣ съ мѣстнымъ духовенствомъ. Религіозные вопросы и особенно примѣненіе ихъ на практикѣ давно уже близко принималъ къ сердцу онъ, становившійся и подъ вліяніемъ произведеній мыслителей XVIII в., и по собственной натурѣ, все болѣе и болѣе убѣжденнымъ деистомъ,—и мы видѣли, какъ онъ уже въ самые ранніе годы навлекалъ на себя обвиненія въ «еретичествѣ». Теперь онъ выступилъ уже настоящимъ бойцомъ не столько противъ самого вѣроученія, этого безпощадно-суроваго пуританскаго вѣроученія, отвергавшаго всякія чисто-человѣческія потребности, слабости, увлеченія и въ добавокъ къ тому часто прикрывавшагося одеждою ханжества и лицемѣрія, — сколько противъ практическаго примѣненія этой доктрины пуританскимъ духовенствомъ, которое неограниченно завладѣло шотландскою жизнью во всѣхъ ея проявленіяхъ, образовало изъ себя чисто-теократическое правительство, присвоившее и многія права власти гражданской развило до послѣдней степени систему шпіонства, совершенно произвольно и безнаказанно вмѣшивалось въ общественную и частную жизнь населенія и повергало его въ вѣчный страхъ, вѣчное уныніе не только фанатическими по убѣжденію, и фанатическими на подкладкѣ гнуснаго Тартюфства, проповѣдями, но и фактическими карами, которыя налагались имъ также произвольно и также безнаказанно—ибо апелляціи не было—на «грѣшныхъ». Такъ велика, такъ дика была слѣпая суровость его, что въ его собственной средѣ образовался расколъ, явилась либеральная оппозиція, назвавшая себя партіею «Новаго Свѣта» (New Light), въ противоположность реакціонному направленію, которому ихъ новые противники дали наименованіе «Стараго Свѣта» (Old Light). Въ томъ округѣ, гдѣ жилъ теперь Бёрнсъ, разгорѣвшаяся между двумя партіями вражда проявлялась съ особенной силой, потому что «восточныя области

Шотландіи всегда были оплотомъ самаго суроваго пуританства и что вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ, по причинѣ близкаго сосѣдства съ Глазговомъ, доставляли наибольшій контингентъ студентовъ тамошнему университету», откуда и пошло первое либеральное вѣяніе на этой почвѣ. Понятно, къ какой партіи энергически примкнулъ Бёрнсъ, который, кромѣ общей съ другими своими единомышленниками причины негодованія противъ этого «Стараго Свѣта», имѣлъ и причины личныя—вышеупомянутое карательное вмѣшательство пуританскаго духовенства въ его любовныя дѣла, соединившееся съ большими для него скандалами, и крайне дикія дѣйствія этихъ блюстителей нравственности противъ одного изъ близкихъ друзей нашего поэта за его небрежное отношеніе къ исполненію нѣкоторыхъ, чисто внѣшнихъ, церковныхъ предписаній. И вотъ мы видимъ Роберта горячимъ и постояннымъ участникомъ всѣхъ манифестацій, направленныхъ противъ старой партіи, пропагандистомъ новыхъ идей въ средѣ населенія, подстрекателемъ къ сверженію ненавистнаго и противозаконнаго ига; но само собой разумѣется, что главнымъ образомъ оппозиція его выразилась въ формѣ литературной. Какъ громъ, обрушилась на «Старый Свѣтъ» первая сатира его «Два пастыря», вызвавъ въ партіи противной, съ ея свѣтскими послѣдователями, громъ другого рода — «громъ рукоплесканій», по словамъ самого автора. Жертвами его безпощаднаго, мѣткаго и веселаго негодованія, пали въ лицѣ сочиненныхъ «двухъ пастырей» два дѣйствительныхъ духовныхъ лица той мѣстности, личные враги Бёрнса,—а скоро послѣ того, сатирой «Молитва благочестиваго Вилли» былъ совершенно забитъ тотъ пастырь, который явился главнымъ виновникомъ покушенія на свободу убѣжденій друга поэта. Какъ у истиннаго сатирика, личный элементъ нисколько не мѣшалъ обобщенію смысла изображенія, и неудивительно поэтому, что, наряду съ обиженными лично почувствовала себя и оскорбленною, и въ большой опасности вся ихъ братія. Забили въ набатъ, стали собираться, какъ разсказываетъ намъ самъ сатирикъ, «для обсужденія, не найдется-ли въ ихъ благочестивой артиллеріи какого нибудь оружія, которое можно было бы направить противъ свѣтскихъ писакъ». Оружіе находилось, пробовали и дѣйствовать имъ, къ этому присоединялись еще неудовольствіе и нападеніе со стороны вообще «добродѣтельныхъ» людей—даже собственной семьи поэта—которые считали грѣхомъ такіе поступки; но Бёрнсъ былъ не изъ робкихъ и отступающихъ назадъ тамъ, гдѣ дѣло шло о войнѣ за правду, и быстро стали появляться одна за другой новыя сатиры все противъ того же врага — «Благочестивая ярмарка», «Канунъ праздника», «Посланіе къ дьяволу», «Посланіе къ пастору Макъ Мету» и др. Все это, точно также, какъ и тѣ чисто-поэтическія драгоцѣнности, часть которыхъ я перечислилъ выше, писалось не на комфортномъ досугѣ, не въ мало-мальски благопріятной для творчества обстановкѣ: онѣ создавались за плугомъ (это было еще самое лучшее, потому

что, по словамъ брата поэта, плугъ въ рукѣ болѣе всего располагалъ Роберта къ поэтическому творчеству), онѣ писались, и писались непрерывно, среди скучныхъ и ужъ черезъ чуръ прозаическихъ занятій дѣлами фермы,—которыя, кстати сказать, шли день ото дня хуже,—въ часы страшной усталости, нравственнаго и физическаго изнеможенія, когда бѣдная муза поэта, по трогательно-наивнымъ словамъ его въ одномъ стихотвореніи, «грустно проситъ, чтобъ онъ не писалъ», потому что она «очень ужъ утомлена, ноги у нея еле двигаются послѣ дня, проведеннаго въ разбрасываніи сѣмянъ по бороздамъ или задаванія корма лошадямъ», когда она говоритъ ему: «вѣдь ты знаешь, что мы цѣлый мѣсяцъ, и больше того, были такъ сильно заняты, что, право, голова у меня совсѣмъ ошеломлена»... Но поэтъ не слушаетъ ея, потому что стихъ—«его сокровище, его главное, почти единственное наслажденіе—дома, въ полѣ, за работой, на досугѣ»...

«Я началъ теперь—говоритъ онъ въ своей автобіографіи, разсказывая объ этой порѣ—пользоваться нѣкоторою извѣстностью, какъ стихотворецъ, въ нашей мѣстности». Выразиться такъ побудила его скромность: извѣстность была громкая, стихи Бёрнса заучивались наизусть, пѣлись всѣми въ этомъ округѣ и заносились за предѣлы его. Но въ одинъ прекрасный,—именно прекрасный, для него день онъ могъ сказать о себѣ тоже, что сказалъ Байронъ послѣ появленія двухъ первыхъ пѣсень своего «Чайльдъ-Гарольда»: «Я проснулся и увидѣлъ себя знаменитостью». Это случилось почти немедленно послѣ того, какъ его стихотворенія, бывшія до сихъ поръ достояніемъ устнымъ, появились въ печати,—литературное событіе, которое было вызвано нѣсколькими обстоятельствами тогдашней жизни автора, независимо отъ развивавшагося въ немъ все болѣе и болѣе желанія выступить въ качествѣ писателя публично и сознанія, что онъ имѣетъ на то право. Во-первыхъ, матеріальное положеніе его, вслѣдствіе полнаго разстройства дѣлъ на фермѣ, было такъ плохо, что онъ, не видя въ этомъ отношеніи исхода, рѣшился (насколько Бёрнсъ, съ его натурой, могъ твердо рѣшаться на что нибудь), покинуть родину и переѣхать въ Ямайку, чтобъ сдѣлаться тамъ надсмотрщикомъ за неграми на плантаціяхъ (!) или найти какое нибудь другое занятіе съ тѣми рекомендательными письмами, которыми онъ нашелъ возможность заручиться. Во-вторыхъ—и это было самымъ главнымъ побужденіемъ его къ отъѣзду—исторія съ Дженъ Армуръ навлекла на него очень большія непріятности, такъ какъ отецъ дѣвушки, послѣ того, какъ она произвела на свѣтъ двухъ близнецовъ, собирался по суду требовать отъ него денежнаго обезпеченія новорожденныхъ, и ему предстояло по этому случаю тюремное заключеніе,—и къ этому положенію относятся слова его автобіографіи: «то была весьма печальная исторія, о которой мнѣ до сихъ поръ мучительно думать и которая надѣлила меня двумя или тремя главными правами на занятіе мѣста между людьми, потерявшими ком-

пасъ и перепутавшими всѣ счеты и расчеты разума»,—и въ другомъ мѣстѣ: «я нѣсколько дней сряду прокрадывался изъ одного потайного уголка въ другой, въ страхѣ, что буду посаженъ въ тюрьму, такъ какъ злонамѣренные люди направили на меня безжалостную шайку служителей закона». Но для переѣзда въ Ямайку, даже при самыхъ скромныхъ условіяхъ, даже въ качествѣ простого матроса, какъ намѣревался это сдѣлать Бёрнсъ, нужны были деньги — всего, правда, девять гиней, но и эта сумма въ ту пору представлялась для нашего поэта недосягаемымъ капиталомъ;—и тутъ-то одинъ изъ его друзей посовѣтовалъ ему издать свои стихотворенія, предварительно открывъ подписку. Хотя въ скромномъ, даже утрированно скромномъ предисловіи къ книгѣ онъ заявляетъ, между прочимъ, что «ни одно изъ этихъ стихотвореній не было написано съ мыслью, что они будутъ напечатаны», хотя онъ говоритъ тутъ о «страхѣ и трепетѣ», ощущавшихся имъ при выступленіи «въ качествѣ настоящаго писателя», но совершенно естественное сознаніе своего поэтическаго достоинства несомнѣнно жило въ его душѣ, уже судя по словамъ автобіографіи: «Я взвѣсилъ свои произведенія со всевозможнымъ безпристрастіемъ, мнѣ казалось, что они не лишены достоинствъ, и весьма отрадно было мнѣ думать, что меня назовутъ способнымъ человѣкомъ...»—и далѣе: «я былъ почти убѣжденъ, что мои стихотворенія будутъ встрѣчены съ нѣкоторымъ одобреніемъ». И вотъ 31 іюля 1786 г. совершилось, какъ я выразился выше, литературное событіе,—можно бы сказать, одно изъ тѣхъ событій, которыя составляютъ эпоху въ литературѣ: появилась книжка подъ заглавіемъ: «Стихотворенія преимущественно на шотландскомъ діалектѣ Роберта Бёрнса»,—съ предисловіемъ, гдѣ отмѣчу теперь же слова, которыя очень пригодятся намъ для характеристики главныхъ сторонъ его творчества, уже потому, или тѣмъ болѣе потому, что она сдѣлана самимъ поэтомъ: «Авторъ, лишенный тѣхъ условій, которыя необходимы, чтобы быть поэтомъ по правиламъ искусства, изображаетъ чувства и нравы, которыя онъ ощущалъ и видѣлъ въ себѣ самомъ и въ окружающихъ его товарищахъ-поселянахъ, изображаетъ на природномъ языкѣ своемъ и ихъ... Развлекаться маленькими созданіями своего собственнаго вообраокенія среди работъ и утомленія трудовой жизни, переносить на бумагу различныя чувства, любовь, печали, надежды, опасенія своей собственной души, находить въ этомъ противовѣсъ житейской суетѣ и мелочности (зрѣлище для поэтическаго духа всегда непріятное и задача не легкая)—таковы были мотивы, побудившіе автора служить музамъ, и онъ нашелъ, что въ самой поэзіи его награда». То «нѣкоторое одобреніе», на которое съ притворной или искренней скромностью надѣялся поэтъ, оказалось на дѣлѣ, и почти немедленно послѣ появленія книжки, громкою, почти неслыханной славой, которая быстро перелетѣла за предѣлы той области, гдѣ жилъ Бёрнсъ, и распространилась по всей

Шотландіи, охвативъ всѣ классы населенія, отъ знатнаго лорда и ученаго профессора до простого поселянина,—т. е. сдѣлавъ то, что совершается, когда является истинно народный и притомъ очень крупный поэтъ. «Старъ и младъ (такъ разсказываетъ очевидецъ) знатный и простой, серьезный и веселый, ученый и невѣжда—всѣ были одинаково очарованы, взволнованы, восхищены. Я въ ту пору жилъ въ Галловей, около Айршайра (т. е. въ той области, гдѣ была ферма Бёрнса), и хорошо помню, какъ даже деревенскіе работники и служанки охотно готовы были, чтобъ купить сочиненія Бёрнса, отдавать свое жалованье, заработанное очень тяжкимъ трудомъ и которое было нужно имъ для пріобрѣтенія необходимаго платья».— «Служанка на фермѣ (свидѣтельствуетъ другой) пѣла его пѣсни, земледѣлецъ и пастухи повторяли его стихотворенія, между тѣмъ, какъ старики и разсудительные люди въ своихъ бесѣдахъ цитировали его стихи, съ удовольствіемъ открывая, что вещи, создаваемыя воображеніемъ, могутъ быть и полезными...» И въ то же самое время, на противоположномъ, такъ сказать, полюсѣ уственнаго развитія и вкуса, строгое «Эдинбургское Обозрѣніе»—то самое, которое лѣтъ двадцать спустя, встрѣтило суровымъ приговоромъ первыя стихотворенія Байрона—писало: «Предъ нами поразительный примѣръ природнаго генія, ярко сверкнувшаго сквозь темноту бѣдности и преграды трудовой жизни... Тѣмъ, кому доставляютъ наслажденіе созданія свободнаго воображенія и кто закрываетъ глаза на многочисленные недостатки, принимая въ соображеніе безчисленныя красоты, эти стихотворенія необыкновенно понравятся. Наблюденія автора надъ человѣческимъ характеромъ мѣтки и умны, а описанія его живы и вѣрны. Тутъ очень богатый запасъ деревенской шутливости, а нѣкоторыя изъ сценъ нѣжнаго характера нарисованы съ неподражаемой тонкостью и изяществомъ». Съ разныхъ странъ приходили къ нашему поэту самыя сочувственныя, даже восторженныя заявленія лицъ, славившихся своимъ умомъ и ученостью,—но... «Что слава?—яркая заплата...» Бѣдному автору удалось, правда, получить чистаго барыша двадцать фунтовъ, и изъ нихъ девять гиней употребить на покупку билета въ Ямайку, отложивъ остальное на будущіе расходы въ чужомъ краю,—но ѣхать всетаки было необходимо, такъ по крайней мѣрѣ ему казалось, хотя старикъ Армуръ и прекратилъ свои судебныя преслѣдованія. Само собой разумѣется, что если и прежде этотъ отъѣздъ представлялся для него тяжелой мучительной необходимостью, то теперь, когда начинали такъ блистательно осуществляться его мечты о славѣ, которой, какъ мы видѣли, онъ такъ жаждалъ,—теперь эта придуманная имъ Ямайка являлась ему въ видѣ мѣста страшной ссылки. И вотъ, среди колебаній, которыя чуть не поминутно переносили его отъ одного рѣшенія къ другому, обстоятельства складываются такъ, что онъ видитъ предъ собой возможность сдѣлать второе изданіе своихъ стихотвореній—и сдѣлать его уже не въ скромной Айршайрской провинціи,

а въ Эдинбургѣ—столицѣ Шотландіи, тогдашнемъ средоточіи всего, что было въ этой странѣ самаго выдающагося въ области науки, литературы, искусства!.. Всѣ колебанія рухнули, и въ концѣ ноября 1786 г. Бёрнсъ, привѣтствуемый по всей дорогѣ съ восторженнымъ одушевленіемъ, въѣзжалъ въ Эдинбургъ верхомъ на лошадкѣ, которую онъ, за неимѣніемъ собственной, занялъ у одного изъ своихъ друзей.

Повидимому, для него начиналась совершенно новая жизнь и начиналась подъ блестящими предзнаменованіями...

(Окончаніе слѣдуетъ).

Петръ Вейнбергъ.

ПРИСТРОИЛИ.

Набросокъ.

— Какъ имя?—спросилъ совсѣмъ тихо отецъ діаконъ, поправляя траурный стихарь и наклоняясь предупредительно къ самому уху сѣдого господина въ черномъ.

— Анна,—постарался отвѣтить тотъ такъ же тихо, но звукъ вырвался у него съ хриплымъ придыханіемъ.

Батюшка вынулъ однимъ движеніемъ руки волосы изъ подъ эпитрахили, передвинулъ плечами, для того, чтобы она легла какъ разъ по срединѣ, и сложилъ руки на груди.

Сѣдой господинъ въ черномъ съ безпокойствомъ оглянулся на двери. У него было жирное, красное лицо съ расплывшимся, лоснящимся носомъ и зеленоватыми глазками, обрамленное короткой, окладистой, сѣдой бородой; надъ низкимъ лбомъ подымались такіе-же сѣдоватые волосы. Онъ былъ невысокаго роста, жирный, расплывшійся; голова его, казалось, уходила прямо въ плечи. Дышалъ онъ тяжело, съ отдышкой.

У входныхъ дверей послышался шумъ.

— Позвольте, позвольте! — засуетился онъ, направляясь торопливой, мелкой походкой къ дверямъ и расталкивая сбившуюся здѣсь, простонародную толпу:—родныхъ пропустите!

Въ залу вошелъ высокій и худой военный, съ запавшей грудью и креповымъ бантомъ на рукавѣ. Желтое, изношенное лицо его имѣло какое-то крайне непріятное выраженіе брюзгливости и вѣчнаго недовольства; выцвѣтшіе каріе глаза глядѣли подозрительно сквозь очки; черная съ густой просѣдью борода раздѣлялась на два широкихъ конца; держался онъ ровно, не сгибаясь, съ хорошей военной выправкой. Рядомъ съ нимъ томно вошла высокая полная блондинка съ круто выдавшимся впередъ бюстомъ. На ней было длинное черное платье; такая же траурная шляпа возвышалась на самой вершинѣ завитой и напудренной головы.

За нею протиснулась маленькая, худая женщина, одѣтая также въ черное, но совершенно старомодное платье. На видъ ей можно было дать больше сорока, да и по всему ея внѣшнему виду замѣтно было, что она ничуть не старалась скрывать

свои лѣта. Все платье ея было надѣто наскоро и небрежно. Жиденькіе волосы были гладко зачесаны съ большого, выпуклаго лба и туго стянуты на затылкѣ въ тощій узелокъ. На сѣромъ худоватомъ лицѣ ея съ вытянутымъ впередъ птичьимъ носомъ и тонкими безцвѣтными губами, во всѣхъ движеніяхъ и взглядахъ этой маленькой фигурки видна была необыкновенная юркость и затаенная, ядовитая хитрость.

Толстенькій господинъ въ черномъ подалъ ей руку и шепнулъ военному:—завѣщаніе есть!

— Ты читалъ?—спросилъ быстро военный, пробираясь въ толпѣ, и такъ громко, что присутствующіе въ залѣ даже переглянулись.

— Нѣтъ, распечатаемъ вмѣстѣ,—отвѣтилъ тихо статскій, опережая военнаго.

— Въ чемъ дѣло?—спросила блондинка, склоняя томно головку на плечо военнаго.

— Завѣщаніе!—буркнулъ тотъ сердито.

Среди собравшейся публики послышался легкій шумъ, сдержанный шорохъ оправляемаго платья; кто-то входилъ, кого-то еще пропускали впередъ.

— Благослови, владыко! — возгласилъ громко и сочно отецъ-діаконъ, подавая батюшкѣ кадильницу.

— Благословенъ Богъ нашъ всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ,—отвѣтилъ мягкимъ бархатнымъ теноркомъ священникъ и, взявъ въ руки кадильницу, глянулъ задумчиво впередъ.

Въ сторонѣ пѣвчихъ послышалось торопливое откашливанье и поплыло въ отвѣтъ его словамъ торжественно и печально:—аминь.

Передъ батюшкой, на столѣ, покрытомъ чистой бѣлой скатертью, лежала старуха въ шелковомъ, лиловомъ платьѣ, въ бѣломъ чепцѣ съ широкими лентами и кружевами, въ которыхъ ея небольшое, желтое лицо казалось еще меньше. Глубокія морщины покрывали складками ея щеки; небольшой ротъ съ тонкими, синими губами совсѣмъ завалился, подбородокъ рѣзко выступилъ впередъ, заострившійся носъ почти сходился съ нимъ. Одинъ только лобъ, гладкій и желтый, какъ старая слоновая кость, былъ почти безъ морщинъ; тонкія, выведенныя правильнымъ полукругомъ черныя брови рѣзко выступали на немъ. Лицо старухи было строго, сурово, почти сердито.

Сколько ужъ душъ встрѣчалъ отецъ Михаилъ при вступленіи ихъ въ жизнь, сколько провожалъ въ послѣдній путь, а до сихъ поръ не можетъ онъ стоять равнодушно передъ этой величайшей изъ тайнъ бытія, тайной смерти. Голубоватый дымъ подымается изъ тихо колеблемой кадильницы, и

отецъ Михаилъ мысленно старается проникнуть въ истекшую жизнь старухи...

Причетникъ остановился. Батюшка произнесъ возгласъ обычнымъ тономъ и снова взглянулъ въ сторону собравшихся.

Впереди, съ правой стороны около рояля, стояла небольшая группа. Сѣдоватый военный держался чопорно и неподвижно, словно въ строю, съ выраженіемъ злобнаго недоумѣнія; господинъ съ отдышкой, хотя и суетился все время и старался показать, что онъ здѣсь главное лицо, но какая-то тревога мучила его и не давала возможности улечься на одутловатомъ лицѣ грустному, приличному минутѣ выраженію; худая барынька часто крестилась на иконы широкимъ русскимъ крестомъ, а на лицѣ полной блондинки появлялась то и дѣло злая и надменная улыбка, когда она, опускаясь плавно на колѣни, бросала короткій, презрительный взглядъ въ сторону толстенькаго господина и его жены.

Батюшка съ грустью взглянулъ на выдвинувшихся впередъ родственниковъ и перевелъ свой взглядъ въ сторону собравшихся гостей, но и здѣсь онъ не встрѣтилъ ни одного опечаленнаго лица.

— Пріидите поклонимся и припадемъ ко Христу, Цареви и Богу нашему,—отбивалъ псаломщикъ, начиная высоко и совершенно спуская тонъ къ концу словъ. Перегнувъ пучокъ свѣчей вверхъ концами, онъ зажегъ ихъ всѣ сразу и началъ раздавать присутствующимъ, на прерывая молитвы.

Отецъ Михаилъ передалъ кадильницу діакону и снова перевелъ свои задумчивые глаза на мертвое, неподвижное лицо старухи. Куда-же ушла жизнь ея? И знала-ли она хоть единую каплю истиннаго счастья души? Отецъ Михаилъ медленно поводитъ головою: нѣтъ, нѣтъ... и тихо шепчетъ: «всякое согрѣшеніе, содѣянное ею словомъ, дѣломъ или помышленіемъ, яко благій человѣколюбецъ-Богъ,—прости!» Сизый кадильный дымъ стелется вокругъ отца Михаила. Между тѣмъ среди собравшихся послышалось движеніе. Старая женщина въ темной кофточкѣ и такой-же юбкѣ, въ черномъ платочкѣ на головѣ, осторожно, бочкомъ пробиралась впередъ. Сдѣлать ей это безшумно было почти невозможно, такъ какъ она сильно хромала на одну ногу. Вотъ она пробралась къ роялю и осторожно, придерживаясь за него рукой, подвинулась впередъ и остановилась за полной блондинкой.

— О приснопамятной рабѣ Божіей Аннѣ миромъ Господу помолимся!—возгласилъ отецъ-діаконъ.

Со стороны старушки послышалось сдержанное рыданіе.

— Помилуй Господи, Богородица, Царица Небесная!—зашамкала она прерывающимся голосомъ, опускаясь съ трудомъ на колѣни.

— Ты чего сюда забралась? Пошла назадъ,—подошелъ къ ней господинъ въ черномъ.—Тоже впередъ лѣзетъ! Мѣста тебѣ нѣтъ въ дверяхъ!

Старуха стала подыматься съ трудомъ, опираясь о полъ руками.

— Къ чему вы это ее отталкиваете, Антонъ Петровичъ?—обратилась къ нему ядовито блондинка. — Оставайся, Ульяна, сказала она покровительственно старухѣ и, поджавши губы, процѣдила выразительно: — немного вѣдь у покойной maman осталось истинно близкихъ людей.

Подъ звуки печальнаго пѣнія шелъ тихій разговоръ между собравшихся знакомыхъ.

— Это все дѣти покойницы, Лидіи Платоновны?—спрашивала молодая дама въ плюшевой накидкѣ, обдергивая свою вуалетку и приподымаясь на цыпочки.

— Сыновья, вонъ тѣ двое—статскій и военный,—отвѣтила юркая сосѣдка, а то вонъ жены ихъ: черненькая Варвара Даниловна—статскаго, а блондинка Валентина Павловна—военнаго.

— Блондинка, кажется, эффектна?

— Съ помощью Брокара и Сіу,—отвѣтила съ презрительной усмѣшкой сосѣдка.—Они третьяго дня только всѣ и пріѣхали, прежде здѣсь почти не бывали.

Въ это время въ залъ шумно вошелъ щеголевато одѣтый молодой брюнетъ съ коротко-остриженными волосами, такой-же бородкой и золотымъ пэнснэ на тонкомъ и красивомъ носу. Окинувши бѣглымъ взглядомъ залу, онъ пробрался къ группѣ родственниковъ, чопорно поздоровался съ ними и протянулъ небрежно руку блондинкѣ, за что та подарила его очаровательнымъ взглядомъ.

— Аксинья, а Аксинья!—толкнула въ дверяхъ локтемъ полную бабу съ сердитымъ лицемъ худая, тощая старушонка въ тепломъ платкѣ,—а что-жъ дѣти родныя не плачутъ?

— Какое плакать? Ждали-то, ждали смерти, рады, что дождались!—буркнула сердито Аксинья.

— И покровъ совсѣмъ нестоющій,—шепнула другая баба, вытягивая свою голову черезъ плечо Аксиньи;—а какъ нашъ енералъ скончался, вотъ-то енеральша покровъ купила, радость было посмотрѣть!

— Сыновья хоронятъ!—замѣтилъ съ сарказмомъ дворникъ въ красной сорочкѣ.

Послѣднія слова долетѣли изъ передней и до важной старухи съ сѣдыми буклями, въ бархатномъ пальто и съ ридикюлемъ въ рукахъ:—да, ужъ сыновья не раскошелились!—замѣтила она въ полголоса своей сосѣдкѣ, тоже сѣдой дамѣ небольшого роста, въ поношенномъ пальто и старомодной шляпкѣ.

— Ахъ, да, да,—отвѣтила та поспѣшно слащавымъ голосомъ, и все ея лицо искривилось вдругъ самой подобострастной улыбкой:—ужъ такъ бѣдно, такъ бѣдно!..

— Интересно знать...—важная старуха приложила къ своимъ глазамъ золотой лорнетъ:—вонъ видите, та старушонка,—указала она глазами на Ульяну,—да вы ее знаете: служила у покойницы за все... она еще изъ крѣпостныхъ... безъ жалованья служить осталась, и ужъ какъ ей была предана, какъ предана! А, пойдите-жъ, я увѣрена, что покойница ей ничего не оставила! И посмотрите-ка, какъ старуха-то убивается, словно по родному! Вотъ что значитъ старые то слуги, а нынѣшнимъ и деньги плотишь и никакой преданности отъ нихъ не видишь!

— Да, да,—подхватила съ ужасомъ сосѣдка:—нынѣшній народъ, это просто каторжники!

— А еще говорятъ, что крѣпостное право портило людей!— Важная старуха окинула весь залъ побѣдоноснымъ взоромъ и затѣмъ обратилась снова къ своей спутницѣ:—вотъ взгляните-ка на Ульяну: какъ разливается! Вѣдь это какая-то собачья любовь!

И вправду даже фигура Ульяны, ея согнутая спина, вытянутая впередъ голова, стеклянные, слезящіеся глаза,—все напоминало въ ней старую, полуслѣпую лягавую собаку, неспособную уже ходить на охоту и только съ трудомъ подымающуюся съ кожаной подушки на голосъ своего хозяина, чтобы доковылять до него и лизнуть господскую руку.

Ульяна стояла, не отрывая глазъ отъ мертвой старухи. Ея больная нога въ огромномъ, стоптанномъ башмакѣ такъ безобразно, некрасиво выглядывала изъ-подъ жиденькой, обтрепанной юбки... Слезы то и дѣло катились по ея морщинистымъ щекамъ, по отвислымъ губамъ... Она тихо шептала отрывистыя слова молитвы, прижимая къ груди свои жилистыя, коричневыя руки, забывая отереть слезы съ раскраснѣвшихся глазъ...

О чемъ она думала? Да могла-ли еще она думать вообще? Или она вспоминала всю свою жизнь, протекшую съ жизнью этой старухи? Но что могла она вспомнить?..

Нѣсколько прозрачныхъ и колеблющихся, какъ зыбь на поверхности ручейка, свѣтлыхъ картинъ беззаботнаго дѣтства, а дальше? Ничего... ничего такого, на чемъ-бы могъ остановиться съ сожалѣніемъ даже ея неподвижный, стеклянный взоръ...

Дѣвочкой ее отдали въ услуженіе къ барышнѣ. Красивая была барышня, а и строптивая, и сердитая... била Ульяшку... Но потомъ такъ привыкла къ ней, что когда вышла за офицера замужъ, потребовала, чтобъ и Ульяшка ѣхала съ нею въ полкъ.

Былъ у Ульяны о ту пору мужъ, былъ и ребенокъ... Велѣли ѣхать, и Ульяна бросила ихъ... бросила и мальченка, ко-

торому не было и годка. Мужа она совсѣмъ не любила. Велѣли идти—вышла. Да кто бы на нее колченогую изъ добрыхъ парней и посмотрѣлъ! Пьяница былъ мужъ... во хмѣлю драчливъ... Побаивалась его Ульяна, однако сносила, какъ привыкла все сносить. Мальчишку было жалко, такъ жалко, что Ульяна отъ слезъ разрывалась надъ нимъ... больно пискливъ былъ, жалобенъ... А молодая барыня не захотѣла съ грязными ребятами возиться... Ну и оставила она его... Потомъ ужъ и въ деревню не возвращалась... Слыхала, что и деревню продали, что и мужъ умеръ... родные, небось, всѣ перемерли, а кабы и живые были, никто бъ не призналъ ее теперь. Никого она, кромѣ своей барыни, не знала... Глупой всѣ считали Ульяну, да оно почти такъ и было: она умѣла только слушаться и угождать! Никогда ей и въ голову не пришло спросить со своей барыни жалованье. Зачѣмъ оно было ей? Барыня ее кормила, барыня ее одѣвала, на праздники дарила чѣмъ нибудь... И Ульяна всю свою жизнь думала только объ одномъ, какъ бы угодить своей барынѣ, а тамъ, что будетъ съ нею послѣ барыниной смерти, она не думала никогда! Такъ странно, такъ невозможно казалось ей остаться жить безъ своей барыни, которой она была такъ необходима, которая взяла всю ея жизнь! И вотъ теперь, когда ея мертвая барыня лежала неподвижно передъ ней на столѣ, Ульяна чувствовала смутно всѣмъ своимъ сердцемъ, что вмѣстѣ съ барыней умеръ и весь смыслъ ея жизни; что она осталась теперь совершенно одна, глупая, старая, колченогая, никому не нужная, и что ей не къ кому и некуда идти!..

— Презирая яко благъ, прегрѣшенія ея!—разливалась по залѣ печальная и торжественная пѣснь.

— Господи Матерь Божья, Царица Небесная—шептала Ульяна дрожащими губами, прижимая еще горячѣй къ груди свои руки и кладя съ усиліемъ земной поклонъ,—прости... помилуй!.. Громкое всхлипываніе прервало ея слова.

Батюшка оглянулся. Ульяна стояла на колѣняхъ, сложивъ на груди руки, устремивъ на икону такой молящій, такой измученный взглядъ выплаканныхъ красныхъ глазъ, что отецъ Михаилъ почувствовалъ невольно, какъ щемящая боль сжала его сердце.

Щеголеватый брюнетъ подошелъ къ пышной блондинкѣ въ трауръ и началъ шептать ей что-то, почти касаясь усами ея розоваго ушка. Варвара Даниловна бросила въ ихъ сторону ехидный взглядъ и хотѣла было шепнуть своему мужу что-то чрезвычайно тонкое и колкое, но въ это время раздалось величественно и тихо: со святыми упокой!..

Въ залѣ послышались шумъ и движеніе: опускались на колѣни.

Валентина Павловна поспѣшила выйти въ сосѣднюю комнату, почти повиснувъ на рукѣ своего интереснаго кавалера и полузакрывъ глаза.

А никѣмъ не слушаемая панихида все шла впередъ...

Ни шумъ, ни тихія перешептыванія не долетали до отца Михаила; онъ стоялъ весь обвитый звуками великихъ, печально-торжественныхъ пѣсенъ, чувствуя всю ничтожность жизни передъ этимъ мертвымъ, безжизненнымъ лицомъ.

Но пѣніе окончилось.

«Боже духовъ и всякія плоти», началъ отецъ Михаилъ вдумчивымъ, мягкимъ голосомъ, воодушевляясь все больше и больше и проникаясь глубокимъ и скрытымъ смысломъ произносимыхъ имъ словъ.

Кавалеръ блондинки, Николай Александровичъ, пробѣжалъ по залѣ со стаканомъ воды... кто-то хихикнулъ... Раздался тихій шопотъ.

— Яко нѣсть человѣкъ иже живъ будетъ и не согрѣшитъ,— продолжалъ отецъ Михаилъ: — Ты бо единъ кромѣ грѣха. Правда Твоя—есть правда во вѣки, и слово твое—есть Истина!— окончилъ онъ величественно и сильно.

Но объ «истинѣ» здѣсь, кажется, не думалъ никто.

II.

Къ завтраку батюшки не остались.

Въ большой, свѣтлой столовой собрались около широко-разставленнаго стола родственники и самые близкіе знакомые покойной. Среди стола, уставленнаго пирогами и всевозможными закусками, подымались высокія бутылки съ заграничными этикетками и толстыя фляжки съ густой домашней наливкой. Ярко вычищенный самоваръ громко шипѣлъ и выпускалъ струи бѣлаго пара. У стариннаго серебрянаго сервиза сидѣла Варвара Даниловна. Возлѣ нея, съ правой стороны помѣщалась бывшая на панихидѣ важная старуха, пріятельница покойной, за ней скромно ютилась безцвѣтная пожилая особа, не покидавшая ни на минуту своей чопорной патронессы; съ лѣвой стороны Варвары Даниловны вертѣлась на стулѣ юркая, молодая барынька, а дальше, полулежала въ креслѣ съ печальнымъ взоромъ и искусственной блѣдностью щекъ, Валентина Павловна. У противуположнаго конца стола позировалъ торжественно съ пакетомъ въ рукахъ Николай Александровичъ, а по обѣимъ сторонамъ его стояли наслѣдники: статскій Антонъ Петровичъ и военный Петръ Петровичъ.

Всѣ были возбуждены любопытствомъ.

Въ глазахъ братьевъ, устремленныхъ на пакетъ, сверкала

тревога; въ дрожащихъ рукахъ Варвары Даниловны позвякивали чашки. Валентина Павловна закрыла глаза рукой и произнесла томнымъ голосомъ: читайте!

Печать треснула. Николай Александровичъ медленно развернулъ бумагу и осмотрѣлъ подпись.

— Да читайте-же, наконецъ!—вскрикнула раздражительно Валентина Павловна и хлебнула глотокъ воды.

Всѣ затаили дыханіе.

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа,—началъ, поправивъ пэнсне, Николай Александровичъ, отчеканивая каждое слово.

Варвара Даниловна бросила быстрый взглядъ на мужа и зятя; они стояли неподвижно, опустивши внизъ глаза. Но вотъ, наконецъ, раздалось громко и отчетливо: «домъ мой со всѣмъ движимымъ имуществомъ и капиталомъ»...

— Господи помилуй, Господи помилуй! — зашептала про себя Варвара Даниловна, сжимая подъ столомъ холодныя руки.

— Все это,—продолжалъ Николай Александровичъ:—дѣлю я поровну между моими сыновьями — Антономъ и Петромъ.

Какъ ни старались показаться равнодушными наслѣдники, но невольный, облегченный вздохъ вырвался у нихъ громко.

Важная старуха улыбнулась.

Варвара Даниловна покраснѣла до ушей, а Валентина Павловна прикрыла глаза раздушеннымъ платкомъ.

— А капиталъ мой въ разныхъ бумагахъ, — продолжалъ чтецъ,—составляетъ всего сто тысячъ пятьсотъ восемь рублей.

— Сто тысячъ!—прервалъ чтеніе Антонъ Петровичъ.

— Ничего подобнаго не ожидалъ,—вырвалось невольно у Петра Петровича.

— Ахъ, pauvre maman!—прижала платокъ Валентина Павловна. А Варвара Даниловна не выдержала и тихонько перекрестилась подъ столомъ.

Далѣе уже въ завѣщаніи шли мелочи о похоронахъ, о памятникѣ, объ иконахъ, которыя старуха жертвовала на церковь,—все это слушалось уже разсѣянно и небрежно. Наконецъ завѣщаніе коснулось и Ульяны; но за Ульяну стояло только то, что, въ виду ея старости и неспособности, завѣщательница не оставляетъ ей никакихъ денегъ, а проситъ сыновей позаботиться о старухѣ и пристроить ее, какъ можно лучше, помня, что Ульяна служила ей вѣрой и правдой всю свою жизнь.

— Да, да,—добавила живо Варвара Даниловна, едва скрывая охватившее ее радостное волненіе:—покойная маменька при послѣднихъ минутахъ все просила: не забудьте мою бѣдную Ульяну... она мнѣ весь вѣкъ свой вѣрно служила... при-

стройте ее... успокойте за преданность мнѣ. Это и были ея послѣднія слова.

— Какъ-же, пристроимъ, непремѣнно пристроимъ,—подхватили горячо братья:—она вѣдь въ нѣкоторомъ родѣ членъ семьи... еще изъ крѣпостныхъ.

— Да,—вставила нѣсколько наставительнымъ тономъ важная старуха,—надо правду сказать: ужъ такъ была предана вашей матери, какъ никто. Я сама видѣла. На васъ лежитъ, такъ сказать, святая обязанность.

— О, непреложная!—перебилъ ее высокопарнымъ тономъ Антонъ Петровичъ.

— Священный долгъ! — выпрямился Петръ Петровичъ и поправилъ очки.

— О, maman chérie!—пропѣла Валентина Павловна.

— И замѣтьте вы то, — продолжала старуха,—что всякая другая на ея мѣстѣ обобрала-бы покойницу, а эта ни-ни-ни! ни тряпочки, ни гроша!

— Да, ужъ нынѣшніе слуги случая-бы не пропустили,—вставила юркая барынька, мѣняя сразу выраженіе лица.

— Ахъ, à propos!—замѣтила нѣжно Валентина Павловна:—я думаю лучше всего помѣстить ее въ богадѣльню, тамъ ей покойнѣе будетъ.

— Прекрасная мысль, сестрица!—поддержалъ шумно Антонъ Петровичъ:—наградить, надѣлить всѣмъ и пристроить... Отдѣльная комната, прислуга, чистота.

— Пожалуй, это будетъ самое лучшее,—согласилась и важная старуха.

— Ахъ, отлично, отлично!—подхватила поспѣшно, сладкимъ голосомъ сосѣдка, изображая на своемъ лицѣ неизъяснимое блаженство: рай, настоящій рай!

— Ну-съ, а теперь можно бы и по рюмочкѣ,—потеръ было руки Петръ Петровичъ, но, встрѣтивши пристальный взглядъ Валентины Павловны, онъ неловко запнулся и прибавилъ поправляя очки: такъ-то, такъ все въ жизни: сегодня живы здоровы, а завтра...

— Что-жъ,—вздохнула по простонародному Варвара Даниловна, прикрывая ротъ рукой: всѣ тамъ будемъ. Отъ смерти никто не уйдетъ... А мамаша уже слава Богу пожила!

— Три николаевскихъ срока!—замѣтилъ Петръ Петровичъ, намазывая себѣ бутербродъ свѣжей икрой.

— Дай Богъ и намъ такой вѣкъ,—добавилъ громко Антонъ Петровичъ, перегибая надъ рюмкой небольшую бутылочку съ свѣтлымъ, густымъ виномъ, и обратился къ женѣ: Варенька, проси-же закусить.

Натянутое, напряженное состояніе исчезло сразу.

Варвара Даниловна засуетилась возлѣ самовара и кофей-

ника, Антонъ Петровичъ бросился хлопотать вокругъ стола, безпрестанно вынимая изъ буфета всевозможныя закуски, банки, баночки, завѣтныя коробки. Петръ Петровичъ съ Николай Александровичемъ подошли къ водочкѣ, а Валентина Павловна потянула къ себѣ омары.

Дверцы буфета громко распахивались и хлопали, долго хранимые запасы вынимались теперь такъ смѣло безцеремонной рукой... Ножи и вилки позвякивали, самоваръ привѣтливо шипѣлъ...

На лицахъ собрашихся за столомъ лежалъ отпечатокъ удовлетворенія и спокойствія.

Только присутствіе чопорной и важной старухи сдерживало всеобщее пріятное настроеніе, напоминая о серьезности минуты. Да иногда изъ-за плотно закрытыхъ въ залу дверей вырывался изъ общаго монотоннаго чтенія громкій возгласъ чтеца: «яко Ты еси воскресеніе, животъ и покой усопшей рабы Твоея и Тебѣ славу возсылаемъ»... Но это напоминаніе о близлежащей покойницѣ возбуждало въ сидящихъ только сознаніе своего превосходства надъ безжизненнымъ трупомъ и счастливое ощущеніе жизни.

А Ульяна, для которой пріискали такой дивный рай, стояла въ залѣ совершенно безучастная ко всему окружающему. Въ большой комнатѣ, кромѣ ея и чтеца, не было никого. Неопрятный старичокъ въ длинномъ, засаленномъ сюртукѣ съ желтовато-сѣдой бородой и связанными на носу очками, читалъ монотонно и вяло, часто запинаясь и останавливаясь среди молитвъ. Ульяна этого не слыхала. Она стояла, словно каменная, подлѣ стола, не отрывая отъ покойницы раскраснѣвшихся глазъ. Голова ея печально кивала; слезы то и дѣло катились по морщинистымъ щекамъ; иногда она отирала ихъ машинально краемъ фартука... Сквозь закрытыя двери столовой долеталъ въ залу звонъ вилокъ, стакановъ и ножей. Сердце Ульяны сжималось нестерпимой, щемящей тоской; въ затуманенную, тяжелую голову врывались безпорядочно обрывки изъ прожитаго: но ни давнее горе, ни брошенный ребенокъ, ни пьяница мужъ, ни сердитыя выходки барыни—не приходили ей теперь на память, а какія то нити свѣтлыхъ воспоминаній сновали передъ ея глазами и воскрешали на яву недавнее прошлое...

Вотъ онѣ сидятъ съ барыней въ той столовой; свѣча тускло горитъ, самоваръ то зашипитъ, то замолкнетъ; сверчокъ завелъ въ углу свою безконечную пѣсню; въ ставни хлещетъ осенній порывистый дождь. Барыня раскладываетъ пасьянсъ, а Ульяна поретъ какую то юбку въ углу.

— Однѣ мы съ тобою, Ульяна, отзовется барыня,—и осень свою прожили вмѣстѣ и до зимы добрались.

— Да, барыня; снѣгъ вонъ того и гляди выпадетъ; на дворѣ стало здорово холодно.

— Я не о томъ,—вздохнетъ барыня,—а что мы одиноки.

— Одиноки, это точно, что одиноки... не пришибъ бы кто?—оглянется въ темную залу Ульяна.

— А тоскливо все одной, да одной...

— Дѣтокъ бы выписали, Тасю, либо Петю, — совѣтуетъ Ульяна...

— Такъ-то оно такъ, вздохнетъ барыня, — и скучно безъ нихъ, да и съ ними грѣхъ: начнутъ выпрашивать, чтобы выдѣлила, невѣстки надоѣдать станутъ...

Или попроситъ барыня подать ей шкатулку съ «сувенирами». Ульяна уже наизусть знаетъ исторію каждой вещицы, а все же слушаетъ съ интересомъ разсказы... а барыня перебираетъ, перетираетъ каждую брошку, каждый браслетъ... Перечитываетъ пожелтѣвшіе листики, бережно перевязываетъ ихъ ленточкой и, утеревъ слезу, прячетъ въ укромный уголокъ... а вонъ и букетикъ засохшихъ цвѣтовъ: барыня цѣлуетъ его и молча прячетъ на самый сподъ шкатулки... Ульяна знаетъ, что съ этимъ букетомъ барыня ѣхала въ церковь вѣнчаться... и переживаетъ Ульяна съ барыниными воспоминаніями свою молодость, и кажется ей, что эти воспоминанія ея собственныя: она не можетъ отличить интересовъ и грусти, и радостей барыни отъ своихъ...

— Спрячь это все, Ульяна, я дѣтямъ берегу, — скажетъ барыня, — а они и своимъ дѣткамъ передадутъ.

Взглядъ Ульяны упалъ на ноги покойницы въ бѣлыхъ атласныхъ туфляхъ, которыя торчали, словно каменныя...

А сколько то разъ растирала она ихъ... въ послѣдніе годы онѣ частенько побаливали у барыни.

— Разотри мнѣ ноги, Ульяна,—простонетъ бывало барыня; ломятъ и болятъ невтерпежъ.

Поставитъ Ульяна свѣчу на туалетъ (барыня лампъ все боялась), собьетъ перинку, раздѣнетъ свою барыню, подсадитъ на кровать и начнетъ растирать грѣтымъ спиртомъ или инымъ какимъ домашнимъ снадобьемъ... растираетъ она легохонько, нѣжно, а барыня все покрикиваетъ...

— Вы, барыня, протяните больше ножку, — посовѣтуетъ Ульяна.

— Были когда то ножки,—улыбнется грустно барыня;— не было почитай во всей губерніи ни у кого такой ноги... А теперь... Охъ, скоро, скоро я съ тобою разстанусь, Ульяна, чувствую.

— Что вы, барынька, моя родная, ни за что на свѣтѣ не покину я васъ,—цѣлуетъ Ульяна ноги барынѣ;—какъ же вамъ, безъ меня? и я съ вами... и Ульянѣ кажется дѣйствительно что и на томъ свѣтѣ барынѣ безъ нея невозможно быть...

А въ послѣднее время, уже недавно, мечется барыня въ подушкахъ, руки ломитъ, смертная тоска стоитъ въ мутныхъ глазахъ.

— Ульяна, шепчетъ она, не пріѣхали дѣти! Дождусь-ли?

— Сейчасъ, сейчасъ будутъ, не безпокойтесь... Богъ дастъ, утѣшаетъ Ульяна и не видитъ ничего за слезами.

— Ахъ, какъ-то ты безъ меня... что съ тобой станется?.. Бѣдная ты, калѣка горемычная... я дѣтей буду просить за тебя, я и завѣщала.

— Матерь Божья, Царица небесная,—бьетъ себя въ грудь Ульяна:—меня, меня прими!..

Тонкая восковая свѣчка догорѣла и упала на полъ. Старичокъ умолкнулъ, склонивъ свою задремавшую голову... Ульяна не слыхала ничего. Она словно закостенѣла и о чемъ то глубоко задумалась. Пригнетало-ли ее невыносимое чувство потери единственнаго, близкаго въ жизни существа? Думала ли она о томъ, что станется съ нею, глупой и старой, отдавшей всѣ силы своей барынѣ и теперь ненужной никому? Или, быть можетъ, въ ея недумавшей до сихъ поръ головѣ пробуждался неясно и смутно весь ужасъ сознанія безрадостно прожитой жизни?

III.

Съ похоронами поторопились.

Добрые друзья и знакомые старухи провели раззолоченный катафалкъ до перваго угла. Валентина Павловна и Варвара Даниловна ѣхали въ коляскѣ, съ вѣнками въ рукахъ. Антонъ Петровичъ и Петръ Петровичъ съ большими креповыми повязками прошли за катафалкомъ еще нѣсколько улицъ и пересѣли въ экипажъ. Доковыляла до кладбища одна только колченогая Ульяна. Когда лиловый бархатный гробъ скрылся въ глубинѣ ямы, она съ такимъ обезумѣвшимъ лицомъ, съ такимъ судорожнымъ, рвущимся рыданіемъ бросилась впередъ, что рабочіе едва оттащили ее отъ могилы.

— Ну, что-жъ теперь дѣлать со всѣмъ этимъ хламомъ?— обратился прежде всего съ вопросомъ къ женѣ и брату Антонъ Петровичъ, когда они возвратились съ кладбища и усѣлись въ столовой за столомъ. Не смотря на то, что въ залѣ, казавшемся теперь еще пустыннѣе, окна и двери были раскрыты настежь, ароматъ ладона и жасмина, смѣшанный съ трупнымъ запахомъ, слышался во всемъ домѣ. Слѣды отъ грубыхъ подошвъ выносившихъ гробъ факельщиковъ и времен-

ный безпорядокъ, и всѣ эти бѣлыя простыни—все было убрано теперь. Но отъ этого чувство только что ушедшей смерти ощущалось еще интенсивнѣе...

Такъ какъ всѣ еще сидѣли молчаливо, то Антонъ Петровичъ снова повторилъ свой вопросъ...

— Что получше, то можно взять, а остальное, я думаю... продать жидамъ?—отозвалась первая Валентина Павловна.

— Такъ я сейчасъ же за жидами и пошлю!—рѣшилъ Антонъ Петровичъ.

— А теперь, господа, давайте пересмотримъ, что здѣсь осталось изъ вещей и серебра. Ключи всѣ у меня.—Вскорѣ на столѣ появилось множество ложекъ, ложечекъ, ножей, вилокъ и другихъ серебряныхъ вещей. Дверцы буфета распахнули настежъ, ящики выдвинули. Серебромъ подѣлились миролюбиво, но изъ-за чайнаго сервиза вышло столкновеніе: Валентина Павловна хотѣла было оставить его себѣ, предлагая взамѣнъ ложки и ножи, а Варвара Даниловна настаивала на томъ, что онъ долженъ принадлежать ей, такъ какъ, во-первыхъ, мебелью воспользовалась не она, а, во-вторыхъ, Антонъ Петровичъ старшій сынъ, при томъ же у нея дочери невѣсты и это пойдетъ имъ въ приданное. Послѣ долгаго спора сервизъ остался, наконецъ, за Варварой Даниловной.

Наконецъ, открыли и завѣтную шкатулку старухи... Цѣнныхъ вещей, какъ и предполагали, не оказалось: два, три старинныхъ гарнитура съ кораллами и бирюзой, нѣсколько браслетовъ, ожерелье изъ сибирскихъ камней, паръ пять незначущихъ серегъ. Валентина Павловна бросила на всѣ эти вещицы презрительный взглядъ и предоставила Варварѣ Даниловнѣ выбирать, что угодно. Варвара Даниловна не побрезгала и этимъ; все пригодится, рѣшила она про себя. На днѣ шкатулки лежало нѣсколько пакетиковъ желтыхъ листовъ бумаги, перевязанныхъ тщательно разноцвѣтными ленточками, сумочка, вышитая бисеромъ, башмачекъ для часовъ, трубка съ серебрянными украшеніями и букетъ засушенныхъ цвѣтовъ.

— А, посмотрите-ка! Сувениры мамаши!—вскрикнулъ весело Антонъ Петровичъ, заглядывая въ шкатулку.—Я помню еще въ дѣтствѣ, какъ мамаша раскрывала шкатулку эту самую, перебирала письма, вздыхала и плакала и ужасно сердилась, когда кто входилъ въ это время въ комнату.—И пожелтѣвшіе сувениры были безцеремонно вытащены на свѣтъ Божій.

Варвара Даниловна бросила быстрый взглядъ и, замѣтивши, что все это дрянь, перешла въ другую сторону.

Валентина Павловна вынула нѣсколько писемъ (всѣ они начинались самыми нѣжными воззваніями: «ангелъ души моей,

ненаглядная Анюта!») и обратилась къ мужу:—нѣтъ, Pierre, ты это спрячь, вѣдь это трогательно.

Петръ Петровичъ пожалъ плечами:—А ты, коли нѣжная, ихъ себѣ и припрячь... видишь, мнѣ не до того: еще сколько съ домомъ, да съ банкомъ хлопотъ. И Петръ Петровичъ съ шумомъ отодвинулся отъ стола.

Валентина Павловна взяла въ руки засушенный букетикъ, повертѣла его, поднесла къ носу и положила на столъ; тонкіе, сухіе лепесточки разлетѣлись отъ движенія по всему столу.—Боже мой, сколько то имъ лѣтъ!—проговорила задумчиво Валентина Павловна, слѣдя за прозрачными лепестками.

— Пойдемте, милая, скорѣе,—перебила ее Варвара Даниловна:—пересмотримъ гардеробъ, покуда еще не пришли жиды; быть можетъ, тамъ отыщется что нибудь...

— Пойдемте, пойдемте! — поднялась за нею Валентина Павловна.

Обѣ дамы вышли изъ столовой въ спальню.

Сувениры остались брошенные на столѣ...

— Ну, это никуда, и это тоже въ одну кучу!—говорила Варвара Даниловна, вынимая изъ шкафа одинъ за другимъ старые лифы съ короткими таліями, юбки со множествомъ оборочекъ и старомодныя мантильи... Вотъ это развѣ...—остановилась она, поворачивая передъ свѣтомъ сѣрую, шелковую юпку. Ну, это я отложу въ сторону: можно будетъ передѣлать для моей Женички... Двѣ шубы и еще нѣсколько вещей были отобраны ею также въ сторону.

Вскорѣ подлѣ шкафа лежала цѣлая куча вещей, предназначенныхъ для продажи жидамъ. Покончивши со шкафами, перешли къ комодамъ. Здѣсь невѣстки были пріятно удивлены—въ ящикахъ оказалось прекрасное бѣлье, сохранившееся еще отъ приданаго старухи. Дѣлежъ закончился мирно.

Вскорѣ домъ наполнился шумной толпой старьевщиковъ и старьевщицъ. Начался торгъ... Варвара Даниловна твердо отстаивала каждый гривенникъ, каждый пятакъ.

Продавали все, что попадалось подъ руку: и старинную посуду, и книжки съ трогательными надписями, и всевозможныя шкатулочки и бездѣлушки покойной, и тщательно сберегаемое платье, и мебель въ чехлахъ.

Шкатулка съ сувенирами пошла за полтинникъ.

Шумъ всевозможныхъ голосовъ, грохотъ выносимой мебели, хлопанье дверей наполнили всѣ комнаты...

Когда биндюжные рабочіе подняли на плечи кроватъ старухи, Валентина Павловна вдругъ оглянулась: въ глубинѣ комнаты, въ самомъ уголкѣ стояла Ульяна; ее никто не замѣчалъ до сихъ поръ, да и она, казалось, не видала никого. Голова ея въ темномъ платкѣ была вытянута впередъ, больная

нога въ истоптанномъ башмакѣ такъ некрасиво выглядывала изъ-подъ жиденькой юпки, жилистыя, красныя руки плетьми висѣли по сторонамъ... выраженіе лица ея было такъ ужасно и слезящіеся глаза ея съ такимъ страстнымъ отчаяньемъ слѣдили за каждою выносимою вещью, что самой Валентинѣ Павловнѣ сдѣлалось жутко.

— Ахъ, Боже мой, Pierre! Посмотри-ка, вѣдь мы совершенно забыли объ Ульянѣ, — обратилась она къ мужу, указывая на согнувшуюся въ уголкѣ фигуру:—mais comme elle est dégoutante, mon Dieu!

— Да, да, да... какъ же тутъ быть съ ней?!—воскликнулъ Петръ Петровичъ, ударяя себя рукой по лбу, но теперь въ его голосѣ уже не слышалось прежней готовности, а звучала мало скрытая досада... И вправду, отъ всѣхъ этихъ непривычныхъ хлопотъ онъ чувствовалъ себя совершенно уставшимъ и думалъ только о томъ, какъ бы поскорѣе вернуться къ своей обычной, размѣренной жизни, а тутъ еще эта старуха!..

— Какъ быть? Весьма просто,—заговорила Валентина Павловна раздраженнымъ тономъ по французски:—поѣзжайте поскорѣе въ богадѣльню и узнайте условія, на какихъ можно помѣстить туда старуху, потому что, если это не устроится сегодня, то прекрасный вашъ братецъ со своей возлюбленной супругой уѣдутъ вечеромъ и предоставятъ старуху намъ.

— Да, да,—согласился Петръ Петровичъ, глядя растерянно сквозь очки на жену.—Ну такъ я поѣду, сейчасъ-же поѣду!—набросилъ онъ шинель на опашку.

— А мы ужъ тутъ сами распорядимся... Обѣдать я всѣхъ забираю къ себѣ въ отель, да и ее придется взять... Да только вы, пожалуйста, не опаздывайте! И послушайте,—остановила еще разъ мужа Валентина Павловна:—если ужъ нельзя будетъ въ богадѣльню, узнайте: быть можетъ, возможно будетъ помѣстить ее въ какую нибудь больницу... на казенный счетъ.

Къ пяти часамъ все было продано; послѣдніе стулья унесли жиды. Отъ полустолѣтіемъ насиженнаго гнѣзда остались только голыя стѣны, да окна, кучка пожелтѣвшихъ писемъ, сброшенная въ уголъ, да слѣды мужицкихъ сапогъ на полу.

— Ну теперь, chère Варвара Даниловна,—къ намъ, въ отель, и вещи свои перевозите. Домъ, пока что, я запру. Но знаете, мнѣ ужасно досадно, что мы продали все старье жидамъ: надо было выбрать что-нибудь Ульянѣ: elle est si mal vetue.

— Помилуйте, Валентина Павловна,—возразила Варвара Даниловна; никогда въ жизни не повѣрю, чтобы мамаша ничего не давала Ульянѣ: просто неряшливая старуха, да и все тутъ.

Вещи собрали. Дворникъ вынесъ и уложилъ ихъ барынямъ въ экипажъ.

— Ты же, Иванъ, собери вещи Ульяны, усади ее на извозчика и перевези къ намъ въ гостинницу,—подала Валентина Павловна дворнику двугривенный.—Да вотъ тебѣ ключъ, запри весь домъ; а тамъ съ тобой Петръ Петровичъ переговоритъ.

— Премного вами благодарны! — поклонился дворникъ, сгребая съ головы шапку.

— Ну, ладно, ладно, только поторопись!

Коляска тронулась.

— Да, постой, постой!—высунулась изъ экипажа Варвара Даниловна, подзывая дворника рукой:—не забудь тамъ захватить въ кухнѣ двѣ мѣдныя кастрюли; я отобрала и отставила къ сторонкѣ.

Коляска покатилась, и грохотъ колесъ заглушилъ послѣднія слова Варвары Даниловны, которыя она еще выкрикивала, перегибаясь изъ фаэтона. Дворникъ постоялъ съ минуту, почесалъ въ затылкѣ и затѣмъ отправился съ развальцей въ домъ

— Ишь, обобрали какъ, черти!—замѣтила кухарка, останавливаясь съ дворникомъ среди столовой, уперши руки въ жирные бока и осматривая кругомъ стѣны. Голосъ ея раздался громко и гулко въ опустѣвшихъ комнатахъ.—Хотя-бъ тебѣ тряпичку оставили! Все продали.

— Тамъ, сказывала барыня, еще кастрюли каки-то въ кухнѣ забрать,—проговорилъ неспѣшно дворникъ, забрасывая голову и поводя глазами вдоль потолка.

— Не забыла, выжига?—огрызнулась кухарка, проходя въ залъ.

— А гдѣ-же Ульяна?—изумилась она, не видя и здѣсь старухи.

— Должно полагать тамъ,—протянулъ дворникъ руку направо въ ту сторону, гдѣ изъ-за полуоткрытой двери слышалось тихое всхлипываніе.

Кухарка открыла двери. Забившись въ уголъ подлѣ жалкой связки вещей, сидѣла Ульяна. Спина ея была согнута, голова почти пригнулась къ колѣнямъ, лицо было закрыто темнымъ фартукомъ, только худыя плечи старухи судорожно тряслись...

Кухарка почувствовала, какъ у нея что-то защекотало въ носу...

— Вотъ-то оно какъ, нашему брату, до такой старости дожить,—угрюмо проговорила она.

Дворникъ мялъ картузъ въ рукахъ.

— Куда-жъ это ее теперь дѣнутъ? — обратилась она къ дворнику.

— А кто е знаетъ? Сказывали въ гостинницу привезти,— отвѣтилъ тотъ негромко...

Оба помолчали.

Сапоги дворника глухо застучали по полу.

— Ну, бабушка, вставай!—дотронулся онъ до плеча старухи.—Слышь, бабушка, вставай, поѣдемъ!

Ульяна отняла фартукъ отъ лица, подняла голову и устремила на него обезумѣвшіе, расширившіеся, какъ у кошки, глаза. Ротъ ея съ распухшими, отвислыми губами былъ весь искривленъ. Морщины обрисовались вокругъ рта глубокими коричневыми складками. Сѣдые волосы выбились клочками изъ-подъ платка. Казалось, она ничего не понимала изъ того, что говорилъ ей дворникъ, только глаза ея съ какимъ-то дикимъ ужасомъ уставились на него.

— Поѣдемъ, бабушка,—повторилъ онъ, стараясь приподнять ее съ земли.

— Куда ѣхать? Зачѣмъ?—уцѣпилась за его руки старуха.

— Барыня, Валентина Павловна сказывали тебя имъ на хфатеру предоставить.

— Батюшки родные, Отцы Небесные!—повалилась ему въ ноги Ульяна, захлебываясь слезами, ради Христа, не бери ты меня отсюда! не отрывай! Куда меня, безногую, тащить!.. Дай мнѣ хоть умереть здѣсь... вѣдь сорокъ годовъ... сорокъ... сорокъ...—Но голосъ Ульяны оборвался и она съ разрывающимъ душу рыданіемъ упала на полъ головой.

Дворникъ потупилъ глаза. Кухарка всхлипнула и утерла фартукомъ носъ.

— Да что-же тутъ оставаться-то,—замѣтилъ нерѣшительно дворникъ,—съ голоду пропадешь!

— Охъ, Боже-жъ мой, Боже мой, Боже мой!—причитывала Ульяна, всплескивая своими худыми руками, причемъ губы ея судорожно дрожали, едва произнося рвущіяся, прерываемыя рыданіемъ слова.

— Барыня-жъ моя, голубушка моя!.. Все продали... растащили... Кроватку, на которой она скончалась... Ульяна остановилась, потому что спазма сжала ей горло.—За три цѣлковыхъ...—выкрикнула она съ трудомъ—жиду отдали!..

— Что-жъ, извѣстное дѣло—господа...

— А она-жъ то,—продолжала Ульяна, вытягивая свои худыя руки...—Господи! Заставляла меня каждую вещицу перетирать... для нихъ берегла...

И дворникъ, и кухарка молчали... Ульяна рыдала, прижимая къ высохшей груди руки, такъ судорожно и тяжело, какъ будто у нея разрывалось что-то въ груди на тысячу кусковъ.

— Ну, что-жъ дѣлать! никто, какъ Богъ... — проговорилъ,

наконецъ, дворникъ, поднимая узелки Ульяны.– Прощайся, бабушка! Надоть идти, не то осерчаетъ барыня...

— Охъ, Господи-жъ! Охъ Боже-жъ мой! — снова забилась Ульяна, припадая къ полу.—Барыня-жъ моя, голубушка моя! Да на что-жъ ты меня оставила здѣсь, на этомъ свѣтѣ?!.

Кухарка забрала вещи, а дворникъ повелъ Ульяну черезъ комнаты...

— Охъ, Боже-жъ мой! Охъ, Боже-жъ мой!—захлебывалась Ульяна, хватаясь за стѣны и почти припадая къ землѣ...

IV.

— Ну, дѣло-то выходитъ дрянь! — заявилъ Петръ Петровичъ, входя въ свой роскошный номеръ, гдѣ за послѣобѣденнымъ кофе сидѣли уже Валентина Павловна, братъ съ женой и Николай Александровичъ.

— А что такое?—спросили всѣ разомъ.

— Да вотъ что,—проговорилъ усталымъ голосомъ Петръ Петровичъ, опускаясь на стулъ:—въ богадѣльню на казенный счетъ никто не принимаетъ, надо платить ежегодно полтораста рублей, да кромѣ того представить бумаги.

— Полтораста рублей?!—повторила съ ужасомъ Варвара Даниловна, а Валентина Павловна воскликнула рѣшительно:— нѣтъ, это невозможно! Какихъ-же это надо средствъ? Да главное—хлопоты, безпокойство...

— Да еще пойди, поищи ея бумаги,—прохрипѣлъ Антонъ Петровичъ.

— То-то-же,—продолжалъ Петръ Петровичъ.—Заѣзжалъ во всѣ больницы—на казенный счетъ не принимаютъ нигдѣ, потому что не здѣшней она губерніи, а за свой счетъ требуютъ въ мѣсяцъ по десяти рублей.

— Да это грабежъ какой-то!—всплеснула руками Варвара Даниловна:—за такую-то ветхую старуху по десяти цѣлковыхъ въ мѣсяцъ.

— Ветхая-то она ветхая, да, пожалуй, еще насъ съ тобою переживетъ,—проговорилъ съ задышкой Антонъ Петровичъ, отодвигаясь отъ стола.—Нѣтъ, это невозможно!—покачалъ онъ отрицательно головой:—гдѣ-жъ этихъ денегъ набрать?!

Всѣ замолчали.

Изъ полуоткрытыхъ дверей гостиной видна была спальня. На креслѣ, въ углу сидѣла Ульяна. Съ тѣхъ поръ, какъ ее привезъ дворникъ и посадилъ здѣсь на креслѣ, она сидѣла все время какой-то неподвижной безучастной грудой. Голова ея, покрытая чернымъ платкомъ, была такъ низко наклонена, что совсѣмъ не видно было лица. Казалось, ей теперь рѣшительно

ни до чего не было дѣла. Во всей ея позѣ была какая-то безсильная, безропотная покорность неизвѣстной судьбѣ. Никто и не подумалъ въ гостиной, что она можетъ услышать громкій разговоръ, да она и не слыхала ничего.

— Однако-же надо какъ нибудь съ этимъ покончить,—нарушила первая молчаніе Валентина Павловна, и такъ какъ всѣ продолжали всетаки молчать, то она обратилась къ Антону Петровичу:—рѣшайте же, Антонъ Петровичъ! Вы-же старшій.

— Что же изъ того, что старшій,—произнесъ тотъ какъ-то уклончиво, опуская голову и глядя на полъ своими зеленоватыми глазками.

— Ну да вѣдь съ этимъ надо же покончить, однако!—загорячилась уже Валентина Павловна:—вѣдь куда нибудь надо же ее помѣстить!

Братья молчали.

— А отчего-бы вамъ, душенька Валентина Павловна, не взять ее съ собой?—раздался нѣжный голосокъ Варвары Даниловны:—право, она вѣдь не объѣстъ и не стѣснитъ, и сработаетъ что-нибудь. За то доброе дѣло сдѣлаете, дорогая Валентина Павловна. Вѣдь нужно правду сказать, это почти что членъ семьи... и воля покойной матери...

— Мнѣ это рѣшительно невозможно, милая Варвара Даниловна,—отвѣтила сдержанно Валентина Павловна, хотя въ груди ея вспыхнула цѣлая буря,—меня даже удивляетъ, какъ вы можете предлагать мнѣ это? Въ нашей тѣсной городской жизни каждый уголъ въ счету. И куда я помѣщу такую милую старуху?

Валентина Павловна бросила полный гадливости взглядъ на неподвижно-застывшую фигуру Ульяны.—Вотъ я дѣйствительно удивляюсь, почему-бы вамъ, милая Варвара Даниловна, не взять ее въ деревню къ себѣ. Въ деревнѣ лишній человѣкъ совершенно незамѣтенъ; ей тамъ и дѣло отыщется: будетъ вамъ хоть перья щипать.

— Ахъ, дорогая Валентина Павловна, это вы потому только такъ и говорите, что совершенно не знаете деревенской жизни,—перебила ее Варвара Даниловна.—Конечно, въ память мамаши, я бы никогда не отказалась принять Ульяну, но вѣдь я на это смотрю иначе... вѣдь это не значитъ дать только уголъ старухѣ, а надо ей дать извѣстный присмотръ и уходъ. Мнѣ наблюдать за этимъ рѣшительно некогда, у меня на рукахъ все хозяйство. Люди-же наши буквально загрызутъ ее, какъ лишняго дармоѣда. А главное, я рѣшительно говорю вамъ, что не возьму на себя такой отвѣтственности. У насъ на разстояніи тридцати верстъ нѣтъ ни больницъ, ни докторовъ.

— Ну ужъ какъ знаете, а я рѣшительно отказываюсь принять ее къ себѣ,—развела руками Валентина Павловна:—при

нашей квартирной жизни, при моемъ здоровьи, для меня подобные хлопоты не подъ силу!—Она подняла голову и рѣшительно сложила руки на столѣ.

— Какъ знаете,—протянула и Варвара Даниловна,—разглаживая на колѣняхъ носовой платокъ,—только и я умываю руки.

Наступило молчаніе.

Согнутая безучастная фигура Ульяны не пошевельнулась въ креслѣ. Петръ Петровичъ бросилъ въ сторону ея досадливый взглядъ:—вотъ ужъ правда, не было печали, черти накачали!—проворчалъ онъ сердито, нагибаясь надъ столомъ.

Снова всѣ замолчали, слышалось только тяжелое сопѣніе Антона Петровича. На большихъ часахъ въ дорогомъ ящикѣ звонко ударило шесть разъ. Валентина Павловна бросила взглядъ на стрѣлку и, сжавши губы, изобразила на своемъ лицѣ такое выраженіе, которое ясно говорило: ну, поступайте, какъ знаете, мое дѣло сторона.

— Петръ Петровичъ, налить тебѣ еще чаю?—спросила она, желая показать тѣмъ, что считаетъ себя совершенно свободной отъ дальнѣйшихъ попеченій о судьбѣ Ульяны.

Петръ Петровичъ ничего не отвѣтилъ.

Антонъ Петровичъ только откашлялся, сплюнулъ на полъ и затеръ ногой. Варвара Даниловна барабанила своими худыми пальцами по столу.

— Господа, позвольте, да есть-же у нея кто-нибудь изъ родныхъ? — отозвался вдругъ громко Николай Александровичъ.—Развѣ никто не знаетъ, откуда она родомъ? Можно ее разспросить...

— Да она родомъ издалека, изъ бывшихъ нашихъ крестьянъ, изъ мамашинаго имѣнія, которое она продала вскорѣ послѣ своего замужества,—отвѣтилъ Петръ Петровичъ.

— Позвольте, позвольте!—оживился вдругъ Антонъ Петровичъ, подымая голову:—вѣдь у нея, сколько помню, остался тамъ и мужъ, и сынъ.

— Ну, вотъ и отлично!—вскрикнулъ Николай Александровичъ:—вотъ дѣло и устраивается само собой. Куда-жъ ей и ѣхать, какъ не къ роднымъ? Мужъ, сынъ... кто можетъ быть ближе?

— Пожалуй, что вы и правы,—замѣтила уже полупримирившимся тономъ Валентина Павловна, не желая показать сразу, что она чрезвычайно рада отысканному выходу:—мы совершенно упустили это изъ виду!

— Тѣмъ болѣе, что я глубоко увѣрена въ томъ, что мамаша ее не оставила безъ всего,—поторопилась прибавить Варвара Даниловна.

— Еще-бы,—подхватилъ Петръ Петровичъ съ циничной

усмѣшкой,—въ безкорыстіе слугъ я не вѣрю! Да и правду сказать, глупа была-бы старушенція, еслибы не сколотила чего нибудь за столько лѣтъ.

Антонъ Петровичъ только махнулъ рукой и прибавилъ:—знаемъ мы такихъ—въ лохмотьяхъ ходятъ, а поди, послѣ смерти десятки тысячъ рублей въ заплаткахъ находятся.

— Да меня даже, правду сказать, просто удивляетъ подобное отношеніе,—заговорила Валентина Павловна, бросая недовольный взглядъ въ сторону спальни, гдѣ виднѣлась фигура Ульяны все въ той-же покорной, безропотной позѣ:—человѣкъ рѣшительно не желаетъ думать о себѣ, не принимаетъ въ собственной судьбѣ никакого участія, точно такъ и постановилъ, что о немъ обязаны думать другіе! Вѣдь это своего рода эксплоатація!!.

— Постойте, какъ въ Синявкино теперь доѣхать?—обратился ко всѣмъ Петръ Петровичъ и затѣмъ скомандовалъ лакею:—Николай, принеси-ка мнѣ изъ кабинета путеводитель.

— Только какъ-бы она не запуталась по этимъ пересадкамъ,—вставила Варвара Даниловна, глядя съ сомнѣніемъ на перепутанныя линіи желѣзной дороги.

— Пустяки, матушка! Языкъ и до Кіева доведетъ!—передвинулся грузно на стулѣ Антонъ Петровичъ,—не гувернантку-жъ ей нанимать!

— Позвать сюда Ульяну!—скомандовалъ Петръ Петровичъ.

Ульяна вошла и остановилась у дверей со своей покорно опущенной головой, мутными, безжизненными глазами и отвислой губой. Молча вошла она, молча остановилась, ожидая безропотно и покорно, что скажутъ ей господа, словно старая, заѣзженная кляча, уныло переминающаяся съ ноги на ногу въ то время, когда ея хозяинъ наполняетъ тяжелую бочку водой.

— Ну-съ, Ульяна,—началъ Антонъ Петровичъ, отодвигаясь на своемъ стулѣ отъ стола и поворачиваясь лицомъ къ старухѣ:—скажи, какъ ты думаешь теперь устроиться?

Ульяна молчала, и всѣмъ сдѣлалось почему-то неловко отъ этого вопроса.

— Гдѣ же ты думаешь теперь жить?—продолжалъ Антонъ Петровичъ.

Ульяна все такъ-же молчала и вдругъ поднесла фартукъ къ глазамъ.

— Regardez, elle ne veut pas même répondre,—замѣтила Валентина Павловна, пожимая съ раздраженіемъ плечами.

— Некуда мнѣ... — проговорила наконецъ едва слышно Ульяна—умереть мнѣ, больше ничего...

— Ну, умереть! жизнью-то распоряжаемся не мы, а повыше насъ,—замѣтилъ глубокомысленно Антонъ Петровичъ,

снова опуская свою голову.—А вотъ до смерти-то гдѣ ты думаешь жить?—посмотрѣлъ онъ на нее, подымая глаза.

— Что-же мнѣ думать... гдѣ Богъ дастъ...

— А это ты напрасно,—сказалъ Петръ Петровичъ и глянулъ на нее поверхъ очковъ: — знаешь, на Бога надѣйся, а самъ не плошай!

Ульяна молчала, нагнувши голову, и тихо вздрагивала своими худыми, старческими плечами.

Братья переглянулись. Валентина Павловна отвернулась къ окну...

— Ну, такъ вотъ что, Ульяна,—откашлялся Антонъ Петровичъ:—такъ какъ ты всетаки долго служила мамашѣ, то мы рѣшили посовѣтовать тебѣ вотъ что: поѣзжай ты въ деревню, въ Синявкино; тамъ-же у тебя остались и мужъ, и сынъ, и другая родня... Билетъ мы тебѣ купимъ и на дорогу дадимъ... Ну, а тамъ устроишься и заживешь припѣваючи.

Плечи Ульяны задрожали еще сильнѣе.—Господи, баринъ, да вѣдь пятьдесятъ ужъ годовъ... — заговорила она прерывающимся голосомъ, вытирая рукавомъ глаза—куда мнѣ ѣхать туда... и не найду я во вѣки... да и мужъ... умеръ давно... пятьдесятъ лѣтъ...

— Ну, довезти то сама машина довезетъ,—замѣтилъ Антонъ Петровичъ... а что мужъ... то конечно... Ну, такъ сынъ есть...

— Да, сынъ, — подхватилъ Петръ Петровичъ: — онъ обязанъ содержать, кормить мать.

— Какая я ему мать!—махнула Ульяна рукой...—Годочка ему еще не было, когда я бросила его... Семья у него большая... а тутъ еще лишній ротъ...—прибавила она совсѣмъ тихо, крѣпко прижимая фартукъ къ лицу.

— Объ этомъ ему разсуждать нечего, вмѣшался Николай Александровичъ: — сколько бы ни было дѣтей... да-а... сынъ обязанъ, да... предоставить матери первый кусокъ.

— Конечно, конечно,—подхватили другіе.

— Да еще сказывали, — захлебнулась старуха, — люди наши... думалъ куда-то изъ деревни выбраться...

— Не всякому слуху вѣрь,—взглянулъ поверхъ очковъ на старуху Петръ Петровичъ.

— Наконецъ, родные...—вставилъ Николай Александровичъ.

— Ну, а если бы онъ, сынъ, и наотрѣзъ отказался тебя принять,—погладилъ себя по бородѣ Антонъ Петровичъ,—такъ міръ обязанъ дать тебѣ и уголъ, и кормъ. Міръ, понимаешь, сходъ,—пояснилъ онъ, думая, что Ульяна не понимаетъ, такъ какъ она стояла молча, покорно, опустивъ голову, не возражая ничего.

— Это-съ законъ, понимаешь-ли Государевъ законъ, да...

онъ равенъ для всѣхъ,—добавилъ важно Николай Александровичъ.

Ульяна молчала.

— А главное, для полученія паспорта ты лично обязана тамъ быть,—заключилъ Антонъ Петровичъ.

Ульяна все молчала, и вдругъ раздалось жалкое, старческое всхлипываніе...

— Ахъ, elle me dérange les nerfs,—шумно отодвинулась отъ стола Валентина Павловна,—finissez donc plus vite cette histoire.

— Да мы вѣдь тебя не неволимъ! Чего ты?—обратился къ Ульянѣ Петръ Петровичъ, вставая со стула, и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился передъ ней, разставилъ ноги и покачнулся впередъ:

— Не хочешь—не ѣзди! Вѣдь ты теперь свободна, только оставаться тебѣ тутъ негдѣ и безъ паспорта нельзя.

Всхлипываніе раздалось еще жалобнѣе, и, наконецъ, Ульяна выговорила съ трудомъ:—да не доѣду я туда... ни въ жизнь...

— Ну, это пустое,—оживился Антонъ Петровичъ:—Иванъ свезетъ тебя на вокзалъ, купитъ тебѣ билетъ и усадитъ на мѣсто, а тамъ ужъ кондукторъ скажетъ, когда выходить.

— Только ты, того,—покачнулся опять въ сторону Ульяны Петръ Петровичъ,—не запутайся на пересадкахъ... въ Орлѣ, слышишь, тебѣ встать, да переждать пять часовъ, въ Грязяхъ тоже пересадка, обождешь восемь часовъ, а какъ пріѣдешь на полустанокъ Марьино, такъ ты поторопись выходить: поѣздъ тамъ стоитъ всего три минуты; какъ опоздаешь, такъ завезутъ тебя Богъ вѣсть куда... Ну, а оттуда ужъ наймешь себѣ подводу, она тебя и доставитъ въ самое Синявкино.

Ничего этого не слушала и не слышала Ульяна; слова: станція, полустанокъ, Грязи, Орелъ—пролетали мимо ея уха, какъ безсмысленный звукъ; она только понимала одно, что передъ ней стоятъ два послѣдніе человѣка, которыхъ она чувствовала себѣ близкими, которыхъ она выняньчила, выносила на своихъ рукахъ, и что черезъ нѣскокько минутъ ее вывезутъ изъ этого города, оторвутъ отъ послѣднихъ близкихъ людей и толкнутъ куда-то въ неизвѣстную холодную тьму...

— Ну-съ,—вынулъ Петръ Петровичъ изъ кармана золотые часы, теперь 7 часовъ, а въ 9 идетъ твой поѣздъ. Иванъ тебя отвезетъ сейчасъ, чтобы не опоздать... А это тебѣ на дорогу, купишь тамъ гостинцевъ своимъ, или себѣ что нужно— Петръ Петровичъ вынулъ бумажникъ и, перебравши въ немъ нѣсколько кредитокъ, выгянулъ десятирублевую бумажку и сунулъ ее старухѣ въ руку.

Рука старухи закостенѣла съ бумажкой... но вдругъ она вскрикнула громко и рѣзко и повалилась прямо въ ноги Петру Петровичу.—Батюшка... баринъ...—вырывалось у нея

среди слезъ,—на рукахъ вѣдь выносила, — прижималась она къ его ногамъ,—на рукахъ... вонъ такимъ мальченкомъ еще помню... Охъ, Господи, Господи... думала-ли? Не далъ Богъ умереть... Ульяна охватила его колѣни руками и припала къ нимъ лицемъ.

— Ну, ну, Богъ съ тобой,—попробовалъ ее приподнять Петръ Петровичъ:—а если ужъ тамъ... гм... тебѣ будетъ плохо... такъ ты намъ напиши... гм... мы пристроимъ тебя и тутъ...

Ульяна подымалась съ трудомъ; голова ея тряслась, и слезы быстро, быстро сбѣгали по морщинистымъ, искривленнымъ старческою гримасою щекамъ...

— Гм-гм!—кашлянулъ и Антонъ Петровичъ, подходя къ Ульянѣ и держа десятирублевку въ рукахъ,—отъ меня тоже возьми, можетъ, что купишь, а можетъ быть что и сбережешь. Ну-же, бери,—сунулъ онъ ей бумажку въ руку.

Ульяна схватила его руку и, заливаясь слезами, стала прижимать ее къ губамъ:—батюшка баринъ,—снова зашамкала она,—вынянчила... выносила... родимый мой!..

— Спасибо, спасибо,—отнялъ отъ нея руку Антонъ Петровичъ,—какъ устроишься, напиши намъ. Въ случаѣ ужъ плохо тамъ придется, мы пристроимъ тебя. Только главное дѣло—бумагу; бумагу первымъ дѣломъ выхлопочи, потому-что безъ бумаги, матушка,—развелъ онъ руками:—ничего-съ нельзя.

Позвали дворника Ивана. Иванъ остановился у дверей и началъ мять съ нѣкоторымъ смущеніемъ шапку въ рукахъ.

— Вотъ поди-ка сюда, Иванъ, подозвалъ его къ столу Петръ Петровичъ и, раскрывши путеводитель, онъ высчиталъ точно, сколько надо дать на билетъ, разсказалъ Ивану, до какой станціи брать его, и вручилъ ему слѣдуемую сумму.

— Ну теперь поѣзжайте съ Богомъ. Ты-жъ смотри еще, скажи тамъ кондуктору,—придержалъ онъ Ивана, чтобы того... присмотрѣлъ за старухой...

— Ѣдемъ, бабушка,—подошелъ къ Ульянѣ Иванъ.

— Охъ Боже-жъ мой, Боже мой!—вскрикнула навзрыдъ старуха, снова прижимая свои жилистые кулаки къ высохшей груди,—уже... уже!! Барыня моя, голубушка! Съ самаго вѣдь рожденья... охъ, не далъ Господь умереть... родные мои!.. дѣтушки мои!..—схватила она дрожащими руками ихъ руки и начала покрывать поцѣлуями...

— Ну, ну Господь съ тобой... счастливой дороги,—нагнулся къ ея головѣ Петръ Петровичъ и подмигнулъ дворнику,—а если... того... напиши намъ...

Дворникъ поднялъ Ульяну и, охвативши ее одною рукою, почти насильно вывелъ за дверь.

— Ну, слава Богу! — вздохнула облегченно Валентина

Павловна.—А всетаки я не могу простить себѣ, что мы не отдали ей тамъ кой-чего изъ старья.

— Да, это досадно,—согласилась Варвара Даниловна. А что она такъ причитываетъ, такъ къ этому я уже присмотрѣлась въ деревнѣ: это у нихъ обычай.

По лѣстницѣ Ульяна, поддерживаемая Иваномъ, спустилась съ большимъ трудомъ; она почти падала, раскачивая изъ стороны въ сторону головою, прижимая съ такой силою руки къ своей высохшей груди, какъ будто ей разрывала грудь, душила горло невыносимая, гнетущая тоска:—Охъ, Боже мой, Охъ Боже-жъ мой! Боже мой!—повторяла она, не успѣвая глотать слезы.

— Куда это волокёшь старуху?—спросилъ у подъѣзда парадный швейцаръ, глядя съ сожалѣніемъ на захлебывающуюся слезами Ульяну.

— На родину,—отвѣтилъ со смущеніемъ дворникъ, опуская глаза...

Сотни электрическихъ огней освѣщали вокзалъ, сотни пролетокъ, колясокъ и каретъ подъѣзжали и отъѣзжали съ грохотомъ отъ огромнаго подъѣзда, сотни разноязычныхъ возгласовъ и криковъ наполняли воздухъ, когда Иванъ съ Ульяной дотрясся, наконецъ, до вокзала на своей пролеткѣ.

Лицо Ульяны приняло теперь совершенно безумное выраженіе. Желто-зеленые выцвѣтшіе зрачки какъ-то вытянулись вверхъ и напоминали глаза обезумѣвшей кошки. Она вся дрожала, цѣпляясь худыми руками за рукавъ дворника...

Наконецъ, билетъ былъ взятъ и, захвативши подъ одну руку пожитки, а другою охвативши Ульяну, Иванъ двинулся съ трудомъ на платформу.

На платформѣ шумъ подымался, казалось, еще сильнѣе.

— Па-а-астаранитесь, па-азвольте!—раздавались громкіе крики носильщиковъ, катящихъ багажъ.

— Номеръ шестой, номеръ шестой!!—выкрикивалъ кто-то отчаяннымъ голосомъ, бѣгая по платформѣ.

— Миша, Саша, Катя!—кричала худенькая дама съ сумкой черезъ плечо, растерянно подбѣгая къ каждому вагону и заглядывая въ окно:—Ахъ, Боже мой, да гдѣ-же вы?!—выкрикивала она.

— Носильщикъ, носильщикъ!! Черти!!—надрывался кто-то, высовываясь изъ окна вагона второго класса.

Кто-то ругался... кто-то спорилъ съ кондукторомъ. Отчаянные свистки рѣзали воздухъ; подходилъ на второй путь почтовый поѣздъ, и вскорѣ новая шумящая, суетливая толпа запрудила всю платформу.

Съ большимъ трудомъ удалось Ивану дотащиться съ совершенно обезумѣвшей Ульяной до вагона третьяго класса, втащить ее на ступеньки и усадить, наконецъ, между окномъ и желѣзной печкой въ уголкѣ. Противъ нихъ помѣстился веселый молодецъ въ жилетѣ, красной рубахѣ, съ гармоніей въ рукахъ, и степенный мужчина въ синей чуйкѣ, такомъ же картузѣ и новыхъ сапогахъ бутылками.

Раздался оглушительный второй звонокъ. Степенный мужчина снялъ картузъ и закрестился.

Въ ужасѣ забилась Ульяна, стараясь рвануться.

— Ничего, не бойсь, бабушка, что звонокъ,—ласково придержалъ ее дворникъ,—а деньги-то вотъ припрячь... Что все держишь въ рукахъ?! Еще выхватитъ кто,—взглянулъ онъ на руку Ульяны, въ которой такъ и торчали до сихъ поръ всунутые двадцать рублей.

— Для чего самой прятать? Ты лучше ихъ намъ дай, бабушка, мы ихъ ловко припрячемъ, никто не найдетъ!—отбросился со смѣхомъ на спинку деревянной лавки веселый молодецъ.

— Оставь, не тронь ее! Видишь, старуха не въ себѣ,—огрызнулся Иванъ,—и, взявши у Ульяны изъ рукъ деньги, онъ ввязалъ ихъ въ узелокъ ея платка и сунулъ ей въ руки:—слышь, бабушка, держи, не вырони... не то бѣда!

Въ вагонъ набилось все больше и больше народа: кто подталкивалъ свои вещи подъ лавки, кто взбирался наверхъ. Въ проходѣ столпилась такая масса народу, что нельзя было пройти ни взадъ, ни впередъ.

— Га-аспада! Га-аспада, садитесь, прошу васъ! — раздался въ дверяхъ голосъ кондуктора:—постороннихъ попрошу выйти, сейчасъ третій звонокъ!

Иванъ подошелъ къ нему:—Сдѣлай милость, господинъ,—присмотри-ка вонъ за этой старушонкой, чтобы ей выйти въ Орлѣ... не проѣхать бы станціи.

— Въ умѣ ты, братецъ, что-ли?—посмотрѣлъ на него кондукторъ:—буду я тебѣ за старухой смотрѣть! у меня вотъ цѣлый поѣздъ на шеѣ, а онъ со старухой туда-же!

— Ничего, мы старушку досмотримъ! Укажемъ коли что й куда...—подмигнулъ веселый молодецъ.

— Да ужъ больно плоха старуха, — попробовалъ было робко вступиться Иванъ, взглянувъ сердито на молодого.

— А коли плоха, такъ самъ съ ней и поѣзжай!—бросилъ ему небрежно кондукторъ и снова закричалъ громко, проталкиваясь впередъ:

— Постороннихъ попрошу выйти! Господа, попрошу посторонних очистить вагонъ

Началось прощаніе. Въ вагонѣ поднялась невообразимая сутолока.

— Ну прощай, прощай, бабушка—говорилъ поспѣшно Иванъ, крестясь и цѣлуя старуху:—дай Богъ добраго пути! смотри-же, Орелъ станцію не пропусти!

— Не бойсь, я покажу!—расхохотался веселый молодецъ. Степенный купецъ бросилъ на него подозрительный взглядъ.

Но Ульяна уже ничего не слыхала и не говорила: казалось, она выплакала всѣ слезы, какія были у нея. Она сидѣла, забившись въ уголъ, безсмысленно пожевывая своими отвислыми губами, устремивъ въ одну точку напухшіе отъ слезъ, полуумные глаза. Платокъ ея сбился съ головы; сѣдые волосы растрепались надъ лбомъ; котомка съ пожитками и узелокъ съ деньгами готовы были скатиться съ колѣнъ.

— Да ты, бабушка, за галстукъ не заливаешь-ли?—щелкнулъ себя по шеѣ веселый молодецъ,—такъ мы можемъ кампанію...

Иванъ хотѣлъ было огрызнуться, но въ это время раздался еще настойчивѣе голосъ кондуктора. Онъ успѣлъ только крикнуть: съ Богомъ! и кубаремъ скатился со ступеней.

Уже прозвонилъ третій звонокъ, когда Иванъ снова подбѣжалъ, запыхавшись, къ окну вагона.

— Ваше степенство, а, ваше степенство!—крикнулъ онъ, приподымаясь къ окну и подавая въ руки купцу какой-то свертокъ:—передайте старухѣ... во... булочекъ успѣлъ захватить! да ужъ коли ваша милость...

Въ это время раздался рѣзкой трелью свистокъ, другой протяжный отвѣтилъ ему съ самаго конца поѣзда. Жандармъ оттащилъ Ивана отъ окна. Еще разъ свиснулъ паровозъ; послышался сильный толчокъ... звякнули цѣпи... загромыхали колеса, и двинулось со стономъ желѣзное чудище, увозя обезумѣвшую отъ ужаса и горя старуху невѣдомо куда...

Людмила Старицкая.

Проѣздомъ по Мексикѣ.

(Изъ записной книжки путешественника).

Въ сентябрѣ 1893 года я рѣшилъ возвратиться изъ Санъ-Франциско чрезъ Нью-Іоркъ и Гавръ на родину—въ Россію. Но мнѣ жалко было уѣхать изъ Америки, не побывавши хоть проѣздомъ въ очень мало намъ извѣстной Мексикѣ. Задавшись этой цѣлью, я купилъ себѣ билетъ прямого сообщенія и тронулся въ путь чрезъ Калифорнію, на Лосъ-Анжелосъ, по штатамъ Аризона и Новая Мексика, на пограничный городъ El Paso, на югъ по Мексикѣ, пересѣкая тропикъ Рака, до мексиканской столицы—города Mexico, потомъ на сѣверъ чрезъ Новый Орлеанъ, Вашингтонъ, Филадельфію и въ Нью-Іоркъ. Взятый мною билетъ прямого сообщенія позволялъ мнѣ во всѣхъ этихъ мѣстахъ останавливаться по нѣскольку дней, для осмотра и отдыха. Мнѣ предстояло проѣхать болѣе 9000 верстъ, т. е. сдѣлать путь, равный разстоянію отъ Петербурга до Владивостока; мнѣ предстояло путешествовать по странѣ, гдѣ говорятъ на незнакомомъ мнѣ испанскомъ языкѣ, по странѣ, гдѣ общественная безопасность, какъ мнѣ думалось, не особенно хорошо гарантирована, гдѣ часто свирѣпствуютъ желтыя лихорадки и другія болѣзни жаркихъ странъ и гдѣ не всегда добьешься доктора. Всѣ эти опасенія нѣсколько меня озабочивали, но я все-таки пустился въ путь и теперь съ улыбкой вспоминаю мое недовѣріе къ прекрасной Мексикѣ, по которой, во всякомъ случаѣ, путешествовать не менѣе удобно, чѣмъ по нашей суровой родинѣ.

Почти всѣ мѣста въ спальномъ вагонѣ Пульмана были заняты. Пассажиры размѣстились удобно и старательно, такъ какъ большинству предстояло прожить въ этомъ вагонѣ по нѣскольку дней. Какіе-то два господина и дама усѣлись играть въ карты; толстый купецъ изъ Санъ-Франциско почти постоянно что нибудь ѣлъ или пилъ, многіе читали книги и газеты, а курильщики засѣдали въ особенномъ курильномъ купэ, такъ какъ куреніе въ общихъ помѣщеніяхъ въ Америкѣ не допускается. Въ курильномъ купэ всего легче завязываются знакомства, здѣсь господствуетъ полная непринужденность, и всѣ принимаютъ участіе въ общей бесѣдѣ.

Нашъ поѣздъ быстро катился по плодороднымъ равнинамъ, между плантаціями сахарнаго тростника, кукурузы и перца. На горизонтѣ, сливаясь съ отдаленными облаками, возвышались цѣпи горъ—это южные отроги Кордильеровъ, разбивающіеся здѣсь на много параллельныхъ вѣтвей, между которыми и проходилъ нашъ путь. Иногда мы выѣзжали на ровныя плато, сожженныя солнцемъ, лишенныя воды и почти безъ всякой растительности. Раскаленная солнечными лучами почва отражала этотъ жаръ, какъ плита. За поѣздомъ въ такихъ мѣстахъ неслась густая туча бѣлой, тонкой, известковой пыли, которая проникала во всѣ щели, покрывала всѣ предметы въ вагонахъ и затрудняла дыханіе. Чувствовалась близость тропиковъ, и мы, пассажиры, то и дѣло подходили къ двумъ высокимъ резервуарамъ съ ледяной водой, а купецъ изъ Санъ-Франциско выпивалъ одну бутылку эля за другой, что на этотъ разъ никого не удивляло.

Вечеромъ, въ началѣ десятаго, всѣ обитатели нашего вагона укладывались спать. «Портеръ», т. е. кондукторъ,—негръ, какъ и большинство портеровъ, — съ лицомъ чернымъ, какъ сапогъ, и въ бѣлоснѣжныхъ крахмальныхъ воротничкахъ, устраивалъ кровать за кроватью. Пассажиры одинъ за другимъ скрывались за толстыя занавѣски коекъ и тамъ раздѣвались. Скоро въ быстро несущемся поѣздѣ воцарился сонъ, и только еще долгое время въ уборной слышалось шарканье щеткой:—это нашъ портеръ прилежно чистилъ цѣлую груду башмаковъ и штиблетъ.

Поѣздъ нашъ бѣжалъ по пустыннымъ степямъ Аризоны, гдѣ днемъ жарко, какъ у плиты, а ночью прохладно, точно въ наши осенніе «утренники». Когда темнѣло, въ открытыя окна нашего вагона врывались струи свѣжаго воздуха, и мы мирно отдыхали подъ равномѣрный лязгъ и громыханье стальныхъ колесъ о стальныя рельсы, не подозрѣвая даже, что въ это время на крышахъ вагоновъ и на тормозахъ нашего поѣзда разыгрывается своеобразная драма.

Утромъ я проснулся рано и пошелъ умываться. Портеръ уже не спалъ, а возился въ уборной, вытиралъ рукомойники, смахивалъ пыль и развѣшивалъ на крючки цѣлую дюжину чистыхъ полотенецъ. Вошелъ нашъ оберъ-кондукторъ, коренастый американецъ лѣтъ сорока. Онъ сѣлъ на стулъ и, обращаясь къ портеру, сказалъ:

— Фу... не спалъ всю ночь... всегда въ этомъ мѣстѣ устаешь, какъ собака... Въ эту ночь ихъ было особенно много.

— Я слышалъ,—отвѣтилъ портеръ, не прерывая своего дѣла.

— И все больше на послѣднихъ трехъ вагонахъ.... и жарилъ же я ихъ щеткой.... вотъ какъ жарилъ....

Оберъ-кондукторъ привсталъ, взялъ изъ угла половую щетку съ длинной жесткой щетиной и, выдѣлывая ею самыя ожесточенныя и энергичныя движенія, добавилъ:

— Этого-то они не любятъ..... А я ихъ все по головамъ, да въ

физіономію.... но что хочешь дѣлай, они ни за что не спрыгнутъ на ходу.

— Кого это вы били щеткой?—спросилъ я.

— Трамповъ,—отвѣтилъ кондукторъ, они здѣсь, какъ мухи на сладкое, налетаютъ на поѣздъ.

«Трампы»—это американскіе большедорожные бродяги. Они стараются переѣзжать даромъ изъ одной мѣстности въ другую и съ этою цѣлью вскакиваютъ на поѣздъ, цѣпляются къ тормазамъ и на буфера, всползаютъ на крыши вагоновъ. Поѣздная прислуга ведетъ съ трампами ожесточенную войну, такъ какъ, кромѣ убытковъ отъ даровыхъ пассажировъ, бывали случаи, когда трампы совершали кражи багажа, выкидывая его съ поѣзда и потомъ подбирая.

— Здѣсь—въ Аризонѣ, да еще въ Техасѣ, многовато этого народу,—философски замѣтилъ портеръ.

— Почему же трампы не соскакиваютъ, когда вы ихъ бьете щеткой по головѣ и по лицу?—спросилъ я.

— Да развѣ можно соскочить на полномъ ходу, не свихнувши шеи?—резонно отвѣтилъ кондукторъ.—На ходу трампъ все выноситъ, а около станціи, когда ходъ замедленъ, они соскакиваютъ, какъ стрекозы. Съ нихъ только и возьмешь, что заставляешь платить за проѣздъ, хоть боками да физіономіей. Какъ только поѣздъ тронется отъ станціи и еще не успѣетъ разбѣжаться, они опять вскакиваютъ на ходу и такъ вотъ цѣлую ночь.... просто измучили.

Аризона—это еще мало населенный штатъ: въ немъ всего около 60,000 жителей, которые главнымъ образомъ заняты горнымъ промысломъ, добычею серебра. Крупной помѣхой къ заселенію этого штата бѣлыми эмигрантами служили часто повторявшіяся разбойническія нападенія индѣйцевъ-апаховъ, которыхъ въ Аризонѣ около 6,000 человѣкъ. Эти апахи или *американскіе бедуины*, какъ ихъ называютъ,—вплоть до 1890 г. не прекращали своихъ набѣговъ на города и поселенія бѣлыхъ піонеровъ. Конечно, правительственные отряды преслѣдовали дикарей, но ихъ трудно было улавливать въ аризонскихъ горахъ, степяхъ и лѣсахъ. Въ послѣдніе годы воинственное племя быстро вымираетъ. Ихъ родину пересѣкли линіи желѣзныхъ дорогъ, мычанье буйволовъ смѣнилось свистомъ локомотива, дичь стала рѣдѣть, а «огненная вода», т. е. американскій коньякъ быстрѣе уничтожаетъ индѣйцевъ, чѣмъ револьверныя пули. На станціяхъ къ нашему поѣзду подходило не мало апаховъ. Это были большею частью пропившіеся нищіе, забывшіе свою любовь къ свободѣ, свою гордость и ненависть къ блѣднолицымъ. Они назойливо протягивали руки за милостыней и быстро уходили, какъ только получали какую нибудь маленькую монету. Нѣкоторые апахи предлагали намъ лукъ и стрѣлы, но пассажиры презрительно отворачивались отъ этого, потерявшаго свое значеніе, товара, а кондуктора, повидимому, познакомили бы «американскихъ бедуиновъ» съ половой щеткой также охотно, какъ и ночныхъ трамповъ.

Поѣздъ бѣжитъ быстро, мимо оконъ мелькаетъ своеобразная панорама еще недавно полудикихъ степей Аризоны. Цѣлые вѣка Аризоной владѣли испанцы, и цѣлые вѣка первобытная дикость успѣшно боролась съ культурой. Но вотъ, Аризона переходитъ въ руки американцевъ и въ 20—30 лѣтъ дѣлается неузнаваемой. Число бѣлыхъ жителей съ 10,000 возросло до 60,000; проложено болѣе 1500 верстъ желѣзныхъ дорогъ, проведена масса телеграфныхъ проволокъ; издается 26 газетъ и журналовъ; болѣе 10,000 дѣтей учатся въ школахъ; основано около десяти благоустроенныхъ маленькихъ городковъ; болѣе 8,000,000 руб. затрачено на искуственное орошеніе; разведено до 1,000,000 головъ рогатаго скота, ежегодно добывается на 10,000,000 руб. серебра, на 8,000,000 руб. мѣди и т. д., и т. д., и все это сдѣлано въ 20—30 лѣтъ, и всего этого не могли сдѣлать испанцы въ 200—300 лѣтъ. Колонизаторская неспособность испанцевъ подтверждается еще болѣе изученіемъ исторіи Мексики. Въ теченіи трехъ вѣковъ испанцы успѣли воздвигнуть въ этой несчастной странѣ только нѣсколько сотъ католическихъ храмовъ и часовенъ, но народъ продолжалъ коснѣть въ глубокомъ невѣжествѣ; даже простая грамотность совсѣмъ не распространялась, промышленность и торговля не двигались съ мѣста, о путяхъ сообщенія никто не заботился, правосудіе было неизвѣстно, а страшныя казни ничуть не уменьшали самыхъ злодѣйскихъ преступленій. Все это быстро измѣнилось съ присоединеніемъ Аризоны къ Союзу. Да, трудно отрицать, что англо-саксы являются лучшими колонизаторами въ мірѣ!

Часа въ 4 дня нашъ поѣздъ остановился у рѣки Ріо-Гранде, на границѣ Мексики. Это было сдѣлано затѣмъ, чтобы принять мексиканскаго таможеннаго чиновника. Вскорѣ поѣздъ опять тронулся, и досмотръ вещей производился уже на ходу. Мексиканскій чиновникъ былъ расторопенъ и вѣжливъ. На моемъ чемоданѣ появился ярлычекъ со слѣдующею надписью: «Reconocido por el Resguardo de la Aduana Fronteriza de Ciudad Juarez». Мы миновали длинный желѣзный мостъ и очутились въ Мексикѣ. Здѣсь поѣздъ нашъ опять остановился передъ первымъ мексиканскимъ вокзаломъ—Paso del Norte.

Я вышелъ на платформу. Повсюду слышалась испанская рѣчь, всюду мелькали мексиканскія лица. Мексиканцы—это креолы, т. е. смѣшанное потомство испанцевъ съ мексиканскими аборигенами—разными индѣйцами-ацтеками, толтеками, чичимеками и др. Мексиканскіе креолы смуглы, съ жесткими черными волосами, гладкими, а не вьющимися, какъ у негровъ. Мексиканцы похожи на нашихъ цыганъ, но часто смуглѣе ихъ. Меня поразилъ бѣдный видъ этихъ людей, которыхъ чуть не всѣхъ можно было назвать оборванцами. Они были одѣты въ изорванныя рубашки съ разстегнутыми воротами, ноги прикрывались лоскутками вмѣсто штановъ, а вмѣсто обуви у большинства были сандаліи. Голое, худое, темное тѣло

этихъ бѣдняковъ виднѣлось чрезъ многочисленныя прорѣхи. Но особенной наготой отличались дѣти и подростки; ихъ тѣло буквально прикрывали лишь какія то лохмотья, развѣваемыя вѣтромъ. Бросались въ глаза и мексиканскія шляпы. Эти шляпы изъ фетра или изъ соломы имѣли поля поражающихъ размѣровъ.

— Мело-мелонезе... мело мелонезе... выкрикивали торговцы фруктами,—мело-мелонезе...

Въ вокзальной толпѣ виднѣлось нѣсколько мексиканокъ. Онѣ были одѣты такъ-же бѣдно, какъ и мужчины; у одной воротъ рубашки былъ разстегнутъ отъ шеи до живота, у другой вокругъ тѣла подъ мышками было обвязано полотенце и на спинѣ изъ-подъ этого полотенца торчали голыя темныя ножки маленькаго ребенка, голова и туловище котораго скрывалось подъ полотенцемъ, образуя на спинѣ женщины какъ-бы горбъ. Я долго смотрѣлъ на эту мексиканку и ея ребенка и все удивлялся, какъ онъ не задыхается въ такомъ положеніи. Однако, движенія ноженокъ доказывали, что маленькій мексиканецъ чувствовалъ себя бодро. Три дѣвушки-мексиканки стояли отдѣльно и о чемъ-то оживленно разговаривали, сверкая бѣлыми, какъ слоновая кость, зубами и глазами черными, какъ уголь. Онѣ были очень красивы: выразительныя, рѣзкія черты были полны жизни, волосы, заплетенныя въ косы надъ ушами, черны, какъ вороново крыло. «Неудивительно, подумалъ я, что пламенные испанцы увлекались такими красавицами и что теперь въ Мексикѣ почти не осталось чистокровныхъ аборигеновъ». Безобразные негры гораздо труднѣе поддаются смѣшенію.

Поѣздъ нашъ тронулся, и мы покатили по жаркой мексиканской землѣ. Я открылъ свое окно и съ интересомъ всматривался въ окрестности. Не даромъ на мексиканскомъ національномъ гербѣ изображенъ орелъ, сидящій на кактусѣ со змѣей въ когтяхъ: въ прозрачномъ воздухѣ темно-голубого неба парили, описывая медленные круги, эти гордыя птицы, а на землѣ повсюду виднѣлись кактусы, кактусы и кактусы. Кактусы всякихъ родовъ и сортовъ: и высокіе, какъ столбы, и круглые, колючіе, какъ ежи, и стебельчатые, и всякихъ другихъ видовъ. Попадались и обработанныя пространства, цѣлыя поля кукурузы, сахарнаго тростника, перца, хлопчатобумажника, фасоли и т. п. Мелькали и мексиканскія деревни, убогія и маленькія, состоящія изъ нѣсколькихъ низенькихъ кубическихъ землянокъ, устроенныхъ большею частью безъ оконъ. У дверей этихъ землянокъ виднѣлись толпы совершенно голыхъ ребятишекъ. Я пошелъ въ уборную и вступилъ въ разговоръ съ нашимъ портеромъ-негромъ.

— Скажите,—спросилъ я, угощая моего собесѣдника сигарой, мексиканскій народъ очень бѣденъ, какъ кажется?

— Еще какъ бѣденъ, сэръ. Еще какъ бѣденъ... Посмотрите, живутъ они въ чемъ... развѣ это домъ?—это хлѣвъ; у насъ въ Соединенныхъ Штатахъ свиньи размѣщены гораздо лучше... А въ

чемъ ходятъ мексиканцы,—вы видѣли: вѣдь чуть не нагіе... О сэръ, какъ они бѣдны!..

— Но отчего-же это происходитъ?—спросилъ я опять. Мѣстность здѣсь, вѣдь, такая же, какъ и по ту сторонуРіо-Гранде, земля плодородная, въ горахъ много серебра, а въ долинахъ можно съ успѣхомъ разводить скотъ.

— Да развѣ, сэръ, можно сравнить мексиканцевъ съ американцами нашихъ Штатовъ? Мексиканцы необразованны и живутъ совершенно такъ-же, какъ жили сотни лѣтъ тому назадъ. Хотя надо сказать, что за послѣднее время много происходитъ перемѣнъ въ этой странѣ, и перемѣнъ къ лучшему. Много сюда пріѣхало американцевъ, всѣ эти желѣзныя дороги построены ими, и вообще американцы научаютъ мексиканцевъ, какъ надо жить, какъ надо обработывать землю, разводить скотъ, строить города, орошать поля и добывать минералы. Но пока еще—тяжело живется мексиканцу.

— Вы говорите, что мексиканцамъ трудно живется?.. вмѣшался въ нашъ разговоръ проходившій изъ вагона въ курильное купэ купецъ изъ Санъ-Франциско.—Мексиканцамъ плохо живется потому, что они страшные лѣнтяи, не хотятъ работать; мексиканецъ предпочитаетъ просить милостыню, чѣмъ трудиться, они нищіе и попрошайки отъ природы и только съ голоду соглашаются чѣмъ-нибудь заняться, да и то убѣгаютъ съ работы, какъ только получатъ на кусокъ хлѣба.

Портеръ иронически посмотрѣлъ на лоснящееся лицо толстаго проповѣдника трудолюбія и ничего не сталъ ему возражать. Купецъ закурилъ громадную сигару и ушелъ въ курильню.

— Не вѣрьте, сэръ,—сказалъ портеръ, обращаясь ко мнѣ.— Издохни человѣкъ на работѣ, и все-таки подобные джентльмены назовутъ его лѣнтяемъ... Да вы сами увидите:—за 18 пенсовъ въ день мексиканецъ съ утра до ночи таскаетъ по 15 бушелей пшеницы на плечахъ или по 120 фунт. руды. Да у насъ за такую работу не возьмутъ и двухъ долларовъ.

Поѣздъ нашъ остановился на станціи Jimenez, гдѣ мы должны были обѣдать. Здѣсь новая перемѣна: въ большомъ вокзальномъ помѣщеніи около маленькихъ столовъ бѣгала цѣлая толпа китайцевъ, съ закрученными на затылкѣ косичками. Было не только жарко, но и душно. Пассажиры накинулись на воду со льдомъ и на пиво. Тропическая жажда не знакома намъ—жителямъ сѣвера. Въ южной части Соединенныхъ Штатовъ и въ Мексикѣ и завтракъ, и обѣдъ, и ужинъ—все начинается со стакана воды съ льдомъ, которую часто тянутъ чрезъ соломенку. Чрезъ нѣсколько минутъ китаецъ поставилъ передо мной за разъ всѣ пять блюдъ, предоставляя мнѣ по желанію начинать хоть со сладкаго пирога съ какими-то фруктами. Кушанье, наиболѣе поразившее не только мое любопытство, но и мой языкъ, былъ большой стручекъ краснаго перца, начиненный фаршемъ, тоже необыкновенно наперченнымъ.

— Здѣсь все такъ, сэръ, все—говорилъ мнѣ мой пріятель портеръ, объясняя присутствіе китайцевъ у буфета;—что даетъ доходъ, чѣмъ можно легко нажить деньги, все это находится въ рукахъ иностранцевъ, а мексиканцамъ предоставляютъ работать въ рудникахъ и таскать тяжести.

Было темно, тепло и совершенно тихо, когда вечеромъ поѣздъ нашъ подошелъ къ станціи Torreon. Какія-то незнакомыя мнѣ деревья, окружавшія вокзалъ, какъ будто спали, раскинувши свои громадныя вѣтви съ темною зеленью. По платформѣ важно разгуливалъ мексиканскій полицейскій, рѣзко отличавшійся отъ знакомой мнѣ фигуры американскаго полисмена. Простая черная куртка, высокая шляпа съ двумя козырьками и палка (club) въ рукѣ составляютъ принадлежности полисмена. Мексиканецъ полицейскій, освѣщенный вокзальными фонарями, наоборотъ, напоминалъ рыцаря, вооруженнаго съ головы до ногъ. Съ боку у него висѣла громадныхъ размѣровъ сабля, за поясомъ торчалъ револьверъ, а въ рукахъ было ружье. На ботфортахъ гремѣли огромныя донкихотскія шпоры, прицѣпленныя, очевидно, «на страхъ врагамъ», такъ какъ владѣлецъ ихъ всю свою жизнь проводилъ на вокзальной платформѣ и садился верхомъ развѣ только на деревянную скамейку. Къ счастію: мнѣ лично не пришлось видѣть, какъ этотъ полицейскій гидальго владѣетъ своимъ ужасающимъ арсеналомъ;—думаю, впрочемъ, что все это сильно мѣшаетъ ему исполнять его прямыя обязанности. За то, судьба сдѣлала меня свидѣтелемъ сраженія, которое далъ нашъ оберъ-кондукторъ мексиканскимъ ребятишкамъ. Дѣло въ томъ, что почти на всѣхъ станціяхъ, какъ только поѣздъ останавливался, собиралась цѣлая толпа мексиканцевъ, съ любопытствомъ смотрѣвшихъ на вагоны и на пассажировъ. Взрослые мексиканцы обыкновенно степенно группировались около вокзальной платформы, но ребятишки—мальчики и дѣвочки дерзали подходить и къ поѣзду, протягивая свои темныя рученки. Эти манипуляціи неизмѣнно вызывали гнѣвъ нашего оберъ-кондуктора, серьезнаго и нѣсколько угрюмаго американца, не одобрявшаго нищенскихъ наклонностей этихъ загорѣлыхъ оборванцевъ. Онъ то кричалъ на ребятишекъ и этимъ обращалъ ихъ въ бѣгство, то иногда, съ камнями въ рукахъ, тихонько, какъ кошка, прокрадывался между вагонами и выскакивалъ, какъ бомба, гдѣ его маленькіе враги всего менѣе его ожидали. Какъ истый американецъ, ловкій во всякихъ физическихъ упражненіяхъ, онъ мѣтко попадалъ камнями въ плохо прикрытыя тѣла мальчиковъ и дѣвочекъ. Я замѣтилъ, что онъ легко можетъ ушибить дѣтей.

— Я не беру большихъ камней,—отвѣтилъ мнѣ воитель,—а если ихъ не гонять, эти мошенники залѣзутъ и въ вагоны. Народъ очень нахальный, сэръ, требующій острастки.

На другой день мы были въ городѣ Zacatecas. Это одинъ изъ центровъ серебряной промышленности. Въ немъ около 75,000 жите-

лей, главнымъ образомъ горно-рабочихъ. Поѣздъ нашъ змѣйкой огибалъ большія горы, изрытыя шахтами и покрытыя громадными кучами отваловъ. Zacatecas занимаетъ дно небольшой долины и частью вползаетъ и на сосѣдніе склоны. Общій видъ города не привлекателенъ: на каменистой, сожженной солнцемъ почвѣ раскидана масса кубическихъ домовъ, съ плоскими крышами, растительности совсѣмъ не видно, и только нѣсколько церквей нарушаютъ угрюмое однообразіе картины.

Не мало мексиканскихъ деревень промелькнуло мимо нашихъ оконъ, и всѣ онѣ походили одна на другую. Это были группы низенькихъ кубическихъ мазанокъ, покрытыхъ сухими листьями уки— родъ пальмы. Изъ этихъ мазанокъ при нашемъ приближеніи выскакивали туземцы самаго нищенскаго вида и съ какимъ то изумленіемъ провожали нашъ поѣздъ глазами, причемъ толпы ребятишекъ часто дѣлали довольно неосновательныя попытки перегнать нашъ локомотивъ. Однажды около станціи Aguas Calientes въ скорости съ поѣздомъ состязался мексиканскій парень лѣтъ пятнадцати. Этотъ бѣгунъ поразилъ всѣхъ своей быстротой; даже серьезный портеръ качалъ головой, и его мало-подвижное лицо выражало признаки изумленія.

Около станціи San Luis Potosi дорога пересѣкаетъ роскошныя лѣсныя пространства. Мимо оконъ мелькала темная зелень апельсинника, красивые кусты кофе. На одной изъ станцій въ нашъ вагонъ сѣлъ мексиканскій офицеръ, должно быть красавецъ, большой франтъ и аристократъ по мѣстнымъ понятіямъ. Черная фетровая шляпа его, вся обшитая золотымъ позументомъ, имѣла столь широкія поля, что не проходила въ узкія двери нашей уборной. Сабля и шпоры звенѣли, какъ бубенцы на лихой московской тройкѣ. Спина венгерки, грудь и панталоны—все было тоже изукрашено золотыми галунами и позументомъ. Офицеръ смотрѣлъ кругомъ гордо и апатично, какъ человѣкъ, которому все извѣстно, котораго ничто не можетъ ни удивить, ни восхитить, и только на свою сигару онъ обращалъ пристальное вниманіе. Конечно, — думалось мнѣ, — быть можетъ въ военное время этотъ изукрашенный господинъ на что нибудь и пригодится, но теперь, въ мирное время, въ поѣздѣ, уносившемъ меня отъ El Paso до Mexico, мимо этихъ бѣдныхъ деревушекъ, съ ихъ болѣе чѣмъ скромными, оборванными обитателями— фигура казалась странной и даже комичной.

Кромѣ этого офицера, помѣстился съ нами еще пожилой, толстый и, очевидно, очень богатый мексиканскій испанецъ, не говорившій совсѣмъ по англійски. Онъ занялъ отдѣльное купэ, гдѣ долго и серьезно занимался обѣдомъ. Цѣлый ассортиментъ закусокъ, баттареи бутылокъ появлялись на его столѣ, и все это онъ кушалъ и выпивалъ съ чувствомъ, съ толкомъ и съ разстановкой. На станціяхъ онъ требовалъ себѣ молока, въ которое сыпалъ много сахару.

— That dis a distinguisched gentleman,—это благовоспитанный

господинъ, сказала своей дочери ѣхавшая съ нами дама, указывая кивкомъ головы на новаго пассажира.

Всего веселѣе намъ мужчинамъ было сидѣть въ курильномъ купэ, гдѣ такъ легко завязывались разговоры, на самыхъ разнообразныхъ діалектахъ. Здѣсь безъ церемоніи разспрашивали другъ друга, кто откуда и куда ѣдетъ, и по поводу этихъ вопросовъ и отвѣтовъ происходили длинныя и интересныя бесѣды. Америка живетъ кипучей гражданской жизнію, и меня, какъ русскаго человѣка, всегда удивляла высокая степень политическаго развитія, свойственная среднему, такъ сказать, встрѣчному американцу. Въ smoking-room'ѣ (курительной комнатѣ), въ общей залѣ отеля, въ пивной, даже на имперіалѣ омнибуса вы услышите часто очень дѣльное, толковое мнѣніе о самыхъ трудныхъ вопросахъ государственной и общественной жизни.

Мы приближались къ городу Mexico. Между пассажирами начались разговоры о томъ, гдѣ остановиться. На одной маленькой станціи поѣздъ былъ окруженъ мексиканцами, продававшими землянику въ корзиночкахъ. Кромѣ земляники здѣсь продавались какіе-то сочные бѣлые цвѣты на длинныхъ стебляхъ. Запахъ отъ этихъ цвѣтовъ въ одно мгновеніе наполнилъ вагонъ, и всѣмъ намъ сдѣлалось какъ то весело.

Впослѣдствіи, въ продолженіи всего времени, пока я жилъ въ Мексикѣ, я всегда покупалъ цвѣты. Въ Мексикѣ они продаются очень дешево, и цвѣты замѣчательные: пахучіе, красивые и свѣжіе, однимъ словомъ, достойныя дѣти своей цвѣтущей тропической родины...

Подъѣзжая къ городу Mexico, я занялся чтеніемъ всего, что мнѣ удалось достать въ Санъ-Франциско относительно Мексики. Кромѣ прекрасныхъ географическихъ картъ этой страны, изданныхъ, по американскому обычаю, мѣстными желѣзнодорожными компаніями, кромѣ маленькихъ брошюръ съ описаніемъ мексиканскихъ городовъ, портовъ и промышленности, особенно полезнымъ оказался весьма подробный и очень толково составленный путеводитель Скрайбнера *).

Мексика, по своей поверхности, почти въ три раза меньше Европейской Россіи (1.946,392 кв. кил.). На этомъ пространствѣ разсѣяно около 10 съ половинной милліоновъ жителей, изъ чего видно, что Мексика населена въ три раза рѣже, чѣмъ даже Европейская Россія. Отсюда понятно, почему Мексика кажется путешественнику такою пустынною, безлюдною страною. Нашъ поѣздъ пробѣгалъ по склонамъ горъ, по долинамъ и по лѣснымъ просѣкамъ,

*) The Mexican Guide. By Thomas A. Janvier. New Iork, Charles Scribner's sons 1893, очевидно, послужившій матеріаломъ и для составленія статьи «Мексика» въ Энциклопедическомъ словарѣ Граната. Надо замѣтить, впрочемъ, что сколько нибудь удовлетворительной статистики въ Мексикѣ еще нѣтъ, и поэтому многія цифры, приводимыя ниже, являются лишь приблизительными.

и иногда по цѣлымъ часамъ мы не видали людей, городовъ, селъ и деревень. И такъ это поражало послѣ путешествія по Франціи, Англіи и восточнымъ штатамъ Америки, гдѣ поселенія кажутся непрерывными. Почему эта тропическая Мексика, надѣленная неисчерпаемыми минеральными богатствами и громадными площадями плодородной земли, не превратилась, какъ многіе изъ Соединенныхъ Штатовъ, въ сплошную выставку культурныхъ завоеваній человѣчества? Почему лишь въ послѣднее время Мексика начала быстро развиваться подъ напоромъ англо-саксонской цивилизаторской волны, набѣгающей съ сѣвера? Почему въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ въ рукахъ испанцевъ и креоловъ страна въ теченіи вѣковъ оставалась «безглагольна и недвижима»,—теперь бѣгаютъ американскіе поѣзда, стучатъ фабрики, громыхаютъ заводы, воздѣлываются поля и возникаютъ города? Не подтверждаетъ ли все это еще разъ, что далеко не всѣ человѣческія расы одинаково способны подчинять себѣ природу и заводить цѣлесообразные общественные порядки. Эта старая истина иллюстрировалась теперь для меня живымъ примѣромъ страны, гдѣ апатичный и гордый испанецъ въ 300 лѣтъ сдѣлалъ гораздо менѣе, чѣмъ американецъ своимъ вліяніемъ и энергіей—въ 30. Не слѣдуетъ думать, однако, чтобы теперешніе мексиканцы—креолы были ни къ чему не способны. Напротивъ, это народъ очень талантливый, энергичный и прилежный. Но всѣ эти качества личныя: нѣтъ у нихъ той иниціативы, той организаторской способности, которыя выдѣляютъ англо-саксонца изъ всѣхъ расъ земного шара, какъ человѣка общественно-предпріимчиваго par excellence. Если бы къ мексиканскому населенію прибавить 10% англичанъ, то съ увѣренностью можно было-бы сказать, что Мексика удивила бы міръ своимъ быстрымъ ростомъ. Это лѣкарство преподносится, впрочемъ, этой странѣ естественнымъ ходомъ вещей: разросшееся населеніе Соединенныхъ Штатовъ высылаетъ своихъ піонеровъ и въ Мексику. Цѣлая масса промышленно-торговыхъ начинаній уже организована въ Мексикѣ предпріимчивыми американцами, и производительное развитіе страны начинаетъ быстро рости на этихъ американскихъ дрожжахъ.

Вѣрными показателями этого развитія являются цифры торговыхъ оборотовъ и школьная статистика. Въ началѣ 70-хъ годовъ въ Мексику ввозилось ежегодно на 34.005,299 долларовъ, теперь ввозится приблизительно на 51.795,676 долларовъ, а именно:

Изъ Англіи на	19.760,051	дол.
» Соединенныхъ Штатовъ	13.705,488	»
» Франціи	7.936,144	»
» Германіи	7.591,276	»
» Испаніи	2.441,152	»
» Южной Америки	361,565	»
Всего	51.795,676	дол.

Вывозъ Мексики выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

Въ Англію на	17.258,242	дол.	61 цент.
» Соединенные Штаты	16.739,097	»	61 »
» Францію	4.204,905	»	55 »
» Испанію	1.989,258	»	74 »
» Германію	1.125,719	»	21 »
» проч. страны	490,371	»	54 »
Всего на	41.807,595	дол.	26 цент.

Въ томъ числѣ:

Драгоцѣнныхъ металловъ на	29.628,657	дол.	60 цент.
Прочихъ товаровъ	12.178,937	»	66 »
	41.807,595	дол.	26 цент.

Главные предметы добычи, производства и вывоза Мексики—это серебро, золото, свинецъ, мѣдь, табакъ, какао, ваниль, кофе и пр. Одного серебра ежегодно добывается на 20 милліоновъ долларовъ. На внутреннихъ рынкахъ ежегодно продается до 500,000 пуд. шерстяныхъ издѣлій, приготовляемыхъ главнымъ образомъ изъ мѣстной шерсти. Эти цифры показываютъ, что промышленность Мексики еще очень слаба, но онѣ ясно указываютъ также на ея несомнѣнное возрастаніе.

Народное образованіе въ Мексикѣ поставлено гораздо лучше, чѣмъ у насъ въ Россіи. Надо замѣтить, что не всѣ 10 съ половиной милліоновъ мексиканцевъ говорятъ по испански, т. е. на языкѣ государственномъ. На разныхъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ говорятъ около 4 милліоновъ человѣкъ, но большинство всетаки понимаетъ болѣе или менѣе порядочно и по испански. Такимъ образомъ мексиканскимъ школамъ приходится имѣть дѣло съ не особенно культурною народною массою, главнымъ образомъ состоящею изъ креоловъ и метисовъ, съ небольшою примѣсью чистокровныхъ испанцевъ, англичанъ, американцевъ, французовъ, нѣмцевъ, негровъ и китайцевъ. Всѣхъ народныхъ школъ въ Мексикѣ насчитываютъ около 8,986 съ 452,500 учащимися; иными словами, въ школахъ находитъ себѣ мѣсто 4,3% всего населенія; принимая же во вниманіе, что число дѣтей школьнаго возраста равняется, какъ извѣстно, 7% населенія,—мы можемъ считать, что въ мексиканскихъ школахъ обучается около 60% всѣхъ дѣтей. Эти цифры, какъ видите, много отраднѣе соотвѣтствующихъ изъ статистики Россіи. Мексиканская пресса сильно развита, пользуется полной свободой, и преступленія печати наказуются только въ силу судебнаго приговора. Въ Мексикѣ издается множество газетъ и журналовъ, общій тонъ которыхъ производитъ хорошее впечатлѣніе своею дѣловитостью, культурностію и принципіальностью.

Образъ правленія въ Мексикѣ—республиканскій, и надо сказать опять, что при этомъ режимѣ «дикая» страна въ нѣсколько лѣтъ

больше сдѣлала для своего благосостоянія, чѣмъ въ предшествующіе три вѣка управленія испанскихъ вице-королей. Во главѣ республики стоитъ президентъ, избираемый на 6 лѣтъ. Этотъ постъ занимаетъ въ настоящее время Порфиріо Діазъ, человѣкъ выдающихся административныхъ способностей. Онъ уничтожилъ мексиканскую междоусобицу, организовалъ войско, построилъ много желѣзныхъ дорогъ, поправилъ финансы, подавилъ разбои, настойчиво наблюдаетъ за соблюденіемъ въ странѣ строгой законности, съ большимъ успѣхомъ развиваетъ народное образованіе и самъ сократилъ свое ежегодное жалованье съ 30,000 дол. на 15,000.

Законодательная власть сосредоточена въ рукахъ Сената и Палаты Депутатовъ, состоящихъ изъ 56 и 227 избираемыхъ лицъ. Мексиканцы пользуются полною религіозною свободой, и происки католическаго духовенства, старавшагося направить правительство на путь клерикальныхъ репрессалій, не увѣнчались никакимъ успѣхомъ.

Даже быстро проѣзжая по Мексикѣ, легко замѣчаешь, что здѣсь закипаетъ новая жизнь, молодая и энергичная, на развалинахъ стараго. Испанскій католицизмъ, колыбель инквизиціи, считаетъ за собой много старыхъ грѣховъ, и въ новомъ свѣтѣ онъ не измѣнилъ своимъ древнимъ традиціямъ. Зато теперь жизнь мститъ по своему... Вотъ давно требующій ремонта католическій храмъ; садикъ, его окружающій, заросъ густой и высокой травой, которую уже не вытаптываютъ ноги правовѣрныхъ. Памятники надъ похороненными здѣсь священниками, суровыми монахами, могучими нѣкогда прелатами, разрушаются, и никто уже объ нихъ не заботится. Патеръ скромно пробѣгаетъ въ свой храмъ, чрезъ базарную толпу, не обращающую на него никакого вниманія, а еще не такъ давно эта базарная площадь была мѣстомъ auto da fe... Густая трава поросла вокругъ грознаго когда-то храма Святого Себастіана.

Исторія Мексики—это одна изъ наиболѣе поучительныхъ страницъ въ исторіи человѣчества. Она краснорѣчиво иллюстрируетъ намъ, во 1-хъ, вліяніе католической религіи въ ея южно-европейскомъ, испанскомъ смыслѣ; во-2-хъ, тѣ препятствія, которыя всегда, въ большей или меньшей степени, метрополія стремится оказать дѣлу развитія колоній и, въ-третьихъ,—вліяніе на отсталую страну цивилизаціонныхъ англо-американскихъ идей. Я позволю себѣ небольшую экскурсію въ историческую область съ намѣченной точки зрѣнія.

Какъ извѣстно, Мексика была завоевана для Испаніи Кортесомъ въ 1519—1521 гг., т. е. около 375 лѣтъ тому назадъ. Это завоеваніе само по себѣ было фактомъ прогрессивнымъ уже потому, что испанцы,—европейцы и христіане—покорили ацтековъ, цивилизація которыхъ была низменна и груба, а религія признавала человѣческія жертвоприношенія. Давній предразсудокъ, заставляющій въ глубинѣ временъ отыскивать черты золотого вѣка,—отразился и на

общепринятыхъ взглядахъ на старую мексиканскую кутльуру. Съ крущеніемъ ацтакскаго государства,—по мнѣнію многихъ ученыхъ, погибла древняя очень высокая цивилизація. Утверждаютъ даже, что у ацтековъ теоретическая и религіозная мораль была развита чуть ли не въ уровень съ нашей теперешней моралью; говорятъ также, что и въ наукахъ ацтеки были очень сильны, что по фигурамъ на *календарномъ камнѣ* или на *камнѣ солнца* видно, что ацтеки были хорошіе астрономы, что имъ были извѣстны законы движенія свѣтилъ чуть-ли не съ точностью, установленной Коперникомъ и Лапласомъ. Нужно, однако, сказать, что мнѣніе это является ни на чемъ не основаннымъ.

Вотъ что, напримѣръ, говоритъ объ ацтекской цивилизаціи мексиканскій ученый Manuel Orozco y Berra:—«Суммируя всѣ знанія ацтековъ, мы приходимъ къ заключенію, что имъ было извѣстно немного: изъ астрономіи у нихъ были лишь отрывочныя свѣдѣнія о видимыхъ движеніяхъ солнца и луны; въ техникѣ — они умѣли полировать не очень твердые камни и приготовлять изъ обсидіана довольно тонкія украшенія, отливать золото и серебро, выдѣлывать глиняные горшки съ примитивной эмалевой обливкой, ткать нѣкоторыя простыя ткани изъ бумаги, перьевъ и шерсти». Къ этому другой ученый—Bandelier прибавляетъ: «Ацтеки умѣли высѣкать удовлетворительно лишь головы и лица людей, туловища же и конечности выходили у нихъ совершенно безобразными. Змѣи, лягушки, черепахи и ящерицы подражались удовлетворительно, но рыбы, птицы и четвероногія дѣлались грубо и уродливо. Религія ацтековъ состояла изъ несложнаго культа солнца, огня и воды; обожались идолы и приносились человѣческія жертвы». Вотъ и всѣ скромные итоги ацтекскаго генія, о которомъ часто разсказываютъ разныя небылицы. Вскорѣ обнаружилось, однако, что и испанско-католическое вліяніе внесло немного для поднятія культурнаго типа ацтековъ. Мечъ, вмѣсто христіанской кротости, невѣжество, вмѣсто просвѣщенія, инквизиціонныя auto da fe, вмѣсто человѣческихъ жертвоприношеній на Солнечномъ камнѣ, порабощеніе, притѣсненіе, грубый захватъ женъ и дѣтей и потоки крови въ отместку за возстанія—такова исторія испанскаго владычества съ первыхъ же шаговъ его первыхъ героевъ, — сподвижниковъ Кортеса. Въ отрядѣ послѣдняго былъ духовникъ, съ христіанской кротостію налагавшій легкую эпитимію за самыя жестокія насилія надъ туземцами, въ видѣ убійства мужей и отцовъ и безчестія дочерей и женъ. Уже черезъ 6 мѣсяцевъ кроткіе до того времени ацтеки чуть не перебили всѣхъ испанцевъ. Это было въ ночь на первое іюля 1520 г., и испанцы до сихъ поръ вспоминаютъ la noche triste. До сихъ поръ въ окрестностяхъ г. Mexico показываютъ толстое дерево, подъ которымъ, будто бы, сидѣлъ и плакалъ Кортесъ въ эту «грустную ночь». Показываютъ также трехъ-саженный ровъ, чрезъ который будто бы прыгнулъ испанецъ Альварадо, убѣгая отъ мести дикарей.

Такимъ образомъ, на первыхъ порахъ успѣхи цивилизаторовъ были довольно печальны. Но слухи о богатствѣ новой страны привлекали все новыхъ переселенцевъ, и вскорѣ зависимость Мексики отъ Испаніи была установлена прочно. Съ 1535 г. и до 16 сентября 1810 года длился періодъ испанскихъ вице-королей. Въ теченіи этого почти трехсотъ-лѣтняго періода вся страна была обращена въ католицизмъ, и христіанство окончательно вытѣснило грубый языческій культъ. Въ теченіи второго столѣтія католическое духовенство уже не приносило пользы дѣлу цивилизаціи, но и не задерживало ея роста. Зато все третье столѣтіе оно уже энергично вредитъ Мексикѣ, поддерживая все реакціонное, возставая противъ всякой свободной мысли, противъ всякаго просвѣщенія. Дѣло дошло до того, что въ возникшей борьбѣ за національную независимость духовенство стало на сторонѣ испанцевъ, и съ этихъ поръ въ окрѣпшемъ національномъ сознаніи страны роль мексиканскаго клерикализма считается съигранной.

Еще въ 1571 г. была введена въ Мексикѣ Святая Инквизиція—эта «крѣпкая башня Сіонской горы», какъ выражался испанецъ Ветанкуръ. Въ г. Mexico, прямо противъ церкви св. Діего, теперь зеленѣетъ прекрасный городской паркъ. Но въ тѣ времена здѣсь было устроено святыми отцами мѣсто огненной казни. «Изъ дверей церкви Діего—писалъ тотъ же суровый испанскій писатель Ветанкуръ,—видъ восхитительный: прямо на святое мѣсто сжиганія»...

«Святое судилище» или инквизиція преслѣдовало ересь, колдовство, чародѣйство, противуестественные пороки, полигамію и самозванство. За ересь, колдовство и чародѣйство назначалась смертная казнь, но иногда, въ видѣ особеннаго снисхожденія, обвиняемыхъ душили передъ сожженіемъ. Первыми погибли на кострѣ въ 1574 г. «двадцать одинъ зачумленный лютеранинъ», какъ выразился правовѣрный лѣтописецъ Медина. Сколько человѣкъ погибло въ Мексикѣ по приговорамъ инквизиціи, съ точностью неизвѣстно, такъ какъ лѣтописцы отмѣчали лишь выдающіяся казни. Такъ напримѣръ, записано, что въ 1649 г. были сожжены 15 еретиковъ, изъ которыхъ 14 были предварительно задушены, и только Тремино, «проклявшій Святое судилище и Святого Папу», былъ сожженъ живымъ. Въ началѣ нашего столѣтія, когда Испанія подверглась наполеоновскому разгрому, и въ Мексикѣ началось движеніе за независимость, поколебалась и устойчивость святой инквизиціи. Въ 1813 году Святое судилище въ Мексикѣ было упразднено, но въ 1814 году реакціонное движеніе въ Европѣ отразилось въ Мексикѣ возстановленіемъ «инквизиціи». Она уничтожена окончательно въ 1820 году. Замѣчательно, что въ послѣдніе годы своего существованія Святое судилище боролось главнымъ образомъ съ мексиканскимъ *либерализмомъ и съ мексиканскимъ стремленіемъ къ независимости*. На послѣднемъ auto da fe погибъ патріотъ Морелосъ, ко-

тораго инквизиторы обвиняли въ слѣдующемъ: «Пресвитеріанецъ Іосифъ-Марія Морелосъ, тайный еретикъ (herеje formal negativo) подстрекатель еретиковъ, противникъ екклезіастической іерархіи, хулитель святыхъ таинъ, измѣнникъ Богу, Королю и Папѣ». Морелосъ умеръ, какъ герой, но святая инквизиція, выступившая врагомъ всего прогрессивнаго въ своей странѣ, подписала этой вопіющею казнію и свой собственный смертный приговоръ...

Съ 1810 г. Мексика перестала признавать за Испаніей права метрополіи. Однако попытки организовать республику долго не удавались мексиканцамъ. Европа не сразу рѣшилась отказаться отъ патроната надъ богатой колоніей и еще нѣсколько разъ послѣ 1810 г. высылала въ Мексику своихъ принцевъ для занятія престола. Всѣ эти попытки не могли, однако, установить прочнаго монархическаго режима и прочной зависимости колоніи. Послѣднимъ на мексиканскомъ престолѣ попробовалъ, какъ извѣстно, усѣсться австрійскій эрцгерцогъ Максимиліанъ, разстрѣлянный въ 1863 г. республиканцами. Теперь въ Мексикѣ установилась республика по образцу Соединенныхъ Штатовъ, и кажется, что теперь страна вступила, наконецъ, на путь мирнаго развитія своихъ далеко не бѣдныхъ природныхъ силъ и задатковъ...

Утро. Жаркое, знойное тропическое утро. Солнце стоитъ почти прямо надъ головой и не отбрасываетъ тѣни отъ предметовъ. Нашъ поѣздъ, все уменьшая ходъ, будто въ изнеможеніи подкатывается къ большому прекрасному вокзалу и останавливается у платформы.

— Mexico city—громогласно объявляетъ портеръ, но пассажиры и безъ этого объясненія поспѣшно выбирались изъ порядочно надоѣвшаго всѣмъ вагона.

Вышелъ и я съ чемоданчикомъ въ рукахъ и какъ то вдругъ почувствовалъ, что я теперь нахожусь на противоположномъ отъ своей родины концѣ земного шара, среди людей, говорящихъ на непонятномъ языкѣ, подъ непривычными тропическими лучами. Мнѣ стало жутко, зашевелилась даже тревожная мысль—«не заболѣть-бы здѣсь»... Но это малодушіе, зависѣвшее отъ нервной усталости, скоро меня покинуло. Я рѣшилъ нанять извощика до гостинницы Iturbide, рекомендованной мнѣ въ вагонѣ, и съ этой цѣлью вышелъ на улицу. Противъ вокзала, вмѣсто нашихъ пролетокъ, стояло нѣсколько парныхъ каретъ. Тутъ были прекрасныя лошади и хорошіе экипажи, но были также и очень плохіе. Я сѣлъ въ ближайшую карету и отчетливо сказалъ кучеру слово— «Iturbide». Карета покатила, скрипя, стуча и звеня. Я ожидалъ ежеминутно, что подо мною провалится полъ, и мнѣ придется, подхвативши свой чемоданъ, бѣжать внутри экипажа. Но этого не случилось, должно быть, потому, что пара, состоящая изъ тощей Россинанты и маленькаго ослика, стоически, презирая кнутъ кучера, бѣжала весьма не шибко. Мы ѣхали съ полчаса по замощеннымъ улицамъ совершенно европейскаго города,—именно европейскаго, а не американскаго. Евро-

пейскіе города напоминаютъ историческія наслоенія и какъ бы воочію поясняютъ прогрессъ архитектуры. Здѣсь старые неуклюжіе домики въ стилѣ прошлаго вѣка доживаютъ свои дни рядомъ со стройными новыми великанами. Американскіе города, особенно тѣ, которые возникли за послѣднее время, всѣмъ своимъ обликомъ говорятъ:—«у насъ нѣтъ исторіи, мы родились и выросли въ періодъ жизни одного поколѣнія, все у насъ ново, все современно; все—послѣднее слово техники и строительнаго искусства». Mexico на эти новые города не походитъ. Вотъ мимо меня мелькнула католическая церковь, которой навѣрно не менѣе 150—200 лѣтъ, вотъ какое то каменное зданіе съ непомѣрно толстыми стѣнами и маленькими окнами. Такъ теперь никто уже не строитъ, это старый, уже брошенный стиль, когда и стѣны, и балки, и столбы дѣлались толще, прочнѣе, чѣмъ надо, всюду прибавлялось «про запасъ»... А вотъ и легкое, высокое, вполнѣ «чикагское» зданіе. Наконецъ, моя карета остановилась, и я вошелъ въ «оффисъ», т. е. контору гостинницы Iturbide. Въ конторѣ сидѣлъ серьезный худощавый брюнетъ, который сообщилъ мнѣ (здѣсь въ гостинницахъ говорятъ по англійски), что есть комнаты «на солнечной сторонѣ», и попросилъ записать въ книгу мое имя и фамилію.—Неужели, подумалъ я, и въ этой «дикой» Мексикѣ у меня не потребуютъ паспорта, какъ не требовали нигдѣ въ Европѣ и Америкѣ? Оказалось, что не потребовали: я только росписался въ книгѣ.

— Мы просимъ росписываться, главнымъ образомъ, для составленія газетнаго списка прибывающихъ,—пояснилъ мнѣ брюнетъ и перешелъ къ дѣлу: вамъ комнату на солнечной сторонѣ, сэръ?

— Развѣ комнаты на солнечной сторонѣ лучше?—спросилъ я, нѣсколько озадаченный тѣмъ, что и здѣсь, между тропикомъ и экваторомъ, еще заманиваютъ обиліемъ солнечныхъ лучей.

— Конечно, лучше... Вѣдь ночи у насъ очень прохладныя, а не солнечныя комнаты сыры.

Гостинница Iturbide занимаетъ большое трехъ-этажное зданіе, напоминающе собою букву П, съ обширнымъ дворомъ въ серединѣ. Меня поразила та особенность, что всѣ комнаты не имѣли оконъ свѣтъ проникалъ въ большія стеклянныя двери, выходившія на узкіе балконы, которые окружали зданіе со всѣхъ сторонъ, исполняя роль корридоровъ для сообщенія. Мнѣ отвели длинную, высокую, порядочно меблированную комнату съ двумя дверями. На кровати лежала узкая, длинная жесткая подушка, набитая, согласно мексиканскому обычаю, волосомъ. Этотъ номеръ стоилъ 2 руб. въ сутки.

— А прислуживать вамъ будетъ «boy» (мальчикъ), сказалъ завѣдующій конторой и прижалъ пуговку электрическаго звонка.

Явился старикъ лѣтъ пятидесяти, со щетинистыми подстриженными сѣдыми усами.

— Это и есть «boy»?—спросилъ я, нѣсколько удивленный почтеннымъ возрастомъ «мальчика».

— Да, да... Онъ вамъ будетъ прислуживать, вамъ стоитъ только прижать кнопку звонка, и онъ къ вашимъ услугамъ.

Я поблагодарилъ и остался вдвоемъ съ «мальчикомъ», который спокойнымъ и нѣсколько утомленнымъ взглядомъ посматривалъ на меня. Чтобы узнать его имя, я возможно отчетливо произнесъ пять, шесть мужскихъ именъ, оканчивая ихъ на испанскій манеръ на о:—Петро, Пауло, Максиміо и т. д. Послѣ всякаго имени я пріостанавливался и покачивалъ головой. Наконецъ, «мальчикъ» понялъ, о чемъ я его спрашиваю, и съ добродушной улыбкой воскликнулъ:

— Ромейро .....Ромейро.

Теперь мнѣ нужно было теплой воды. Какъ бы это выразить? И вдругъ мнѣ вспомнилось названіе одной станціи мексиканской дороги Aguas Calientes. По толкованію путеводителя, это имя означало нѣчто накаленное, горячее. Поэтому я подошелъ къ рукомойнику, поболталъ пальцемъ въ холодной водѣ и сказалъ:

— Ромейро, каліентесъ.

Ромейро весело улыбнулся и, кивая головой, быстро вышелъ изъ номера, повторяя:—ауа каліента... Такимъ образомъ между нами понемногу устанавливалось взаимное пониманіе.

Переодѣвшись съ дороги, я пошелъ осматривать городъ. На улицахъ было очень людно, и, хотя я въ первый разъ въ жизни шелъ по панелямъ г. Mexico, все же я догадывался, что мексиканцы справляютъ въ этотъ день какой-то праздникъ. Нумеръ газеты *The two Republics* разрѣшилъ мое недоумѣніе: оказалось, что я попалъ въ г. Mexico 16 сентября, т. е. въ день національнаго праздника, въ годовщину возстанія Мигуэля Гидальго въ защиту мексиканской независимости. Геройская попытка Мигуэля Гидальго имѣла мѣсто въ 1810 году. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а именно 31 іюля 1811 года Гидальго былъ разстрѣлянъ испанцами, но дѣло свободы, за которое погибъ этотъ замѣчательный человѣкъ, не замерло: у Гидальго нашлись послѣдователи, и Испанія была принуждена отказаться отъ своекорыстной опеки.

Въ городскомъ паркѣ Alameda, около фонтана гремѣла музыка. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ были воздвигнуты досчатыя трибуны, красиво декорированныя кумачемъ и бѣлымъ коленкоромъ. Съ этихъ трибунъ говорились рѣчи, которыя народныя толпы слушали внимательно и серьезно. Среди толпы живо шныряли газетчики: они массами раздавали свои листки и видимо радовались, что торговля шла очень бойко. Особенно охотно раскупали большую аллегорическую картинку, на которой былъ изображенъ самъ Гидальго, лысый старикъ съ благороднымъ лицомъ, напоминающимъ Беранже. Рядомъ съ Гидальго былъ нарисованъ громадный мексиканскій орелъ со змѣей въ клювѣ. Подъ ногами этого орла виднѣлись два скованыя цѣпью земныя полушарія, и гордая птица усиліемъ своихъ мощныхъ когтей разрывала европейскую цѣпь, накинутую на Америку. Вмѣстѣ съ этой картинкой продавался листъ текста, на

которомъ, кромѣ патріотическихъ стиховъ, большое мѣсто занимала декларація президента республики. Въ этой деклараціи Порфиріо Діазъ какъ бы давалъ всенародный отчетъ за послѣдній годъ своего управленія. Тутъ описывалось состояніе финансовъ, приводилась статистика народнаго образованія и объяснялись международныя отношенія. Къ вечеру городъ былъ иллюминованъ, въ разныхъ мѣстахъ вспыхивали фейерверки и взлетали ракеты. Народъ дѣйствительно ликовалъ, и такова была заразительная сила этой сознательной общественной радости, что даже я—чужой человѣкъ, пріѣхавшій съ противоположной стороны земного шара, затерянный въ чужой незнакомой толпѣ,—забылъ на время и свою отчужденность, и свою усталость, и меня подхватывала живая волна общаго ликованія...

На другой день, когда я рано утромъ вышелъ на улицу, дѣловая суета и озабоченность уже смѣнила вчерашнее праздничное настроеніе. Трибуны разбирались, сторожа подметали дорожки парка и троттуары.

Я напился кофе, прочиталъ газету и, осмотрѣвшись по сторонамъ, зашелъ въ церковь, въ которую, какъ я замѣтилъ, входило много народа. Это была именно та знаменитая церковь Діего, о которой я уже упоминалъ выше, изъ которой открывался нѣкогда «восхитительный видъ на мѣсто сжиганія». Я засталъ проповѣдь. Высокій католическій монахъ весь въ черномъ, въ черной шапочкѣ, стоялъ въ проходѣ между скамейками, на которыхъ сидѣли правовѣрные. Проповѣдникъ говорилъ громко и рѣзко. Послѣ особенно сильныхъ фразъ онъ останавливался, очевидно, для того, чтобы дать своимъ словамъ полную возможность повергнуть въ трепетъ и отчаяніе души обличаемыхъ. Если кто нибудь изъ слушателей дѣлалъ хоть малѣйшее движеніе, произносилъ хоть нѣсколько словъ самымъ тихимъ шопотомъ, монахъ быстро обертывался къ нарушителю тишины и, выхватывая изъ подъ мышки Евангеліе, громко стучалъ по немъ костями своихъ пальцевъ, какъ стучитъ иногда своею палочкой строгій и разсерженный капельмейстеръ. Проповѣдникъ пространно объяснялъ своимъ прихожанамъ, что ожидаетъ ихъ на томъ свѣтѣ за невниманіе къ наставленіямъ духовнаго отца, но увы!—равнодушіе большинства слушателей далеко не соотвѣтствовало энергіи рѣчи и яркости грозныхъ картинъ... Быть можетъ, я съ наибольшимъ интересомъ приглядывался къ его фигурѣ и къ тону его далеко не кроткихъ поученій. Передо мной былъ, очевидно, типичный инквизиторъ, но инквизиторъ, которому эпоха подрѣзала крылья, обсѣкла когти. Лѣтъ сто тому назадъ этотъ господинъ не талъ бы тратить такъ много словъ, а приказалъ бы вѣроятно приготовить нѣсколько хорошихъ костровъ, для нагляднаго изображенія адскихъ мученій. Но его время прошло невозвратно, и вотъ онъ стучитъ костями пальцевъ и сверкаетъ фанатически-пламенными глазами на страхъ однимъ нервнымъ женщинамъ и дѣтямъ.

Городъ Mexico былъ основанъ еще ацтеками въ 1300 году, а въ 1521 году имъ овладѣли испанцы. Съ 1821 года Mexico сталъ столицей свободнаго государства. Въ настоящее время въ этомъ городѣ около 330.000 жителей, около 120 церквей, множество прекрасныхъ зданій, четыре вокзала, цѣлая сѣть конно-желѣзныхъ дорогъ, публичная библіотека, археологическій и художественный музеи, много частныхъ фабрикъ, заводовъ, прекрасныхъ магазиновъ и красивыхъ домовъ. Однимъ словомъ, Mexico—городъ, какъ городъ, въ настоящемъ европейскомъ смыслѣ этого слова.

Изъ парка Alameda я пошелъ по Мексиканскому Націольному Проѣзду Paseo, ведущему отъ столицы ко дворцу президента республики Chapultepec. Paseo—это прекрасная шоссированная аллея, напоминающая собою парижскія Елисейскія поля; она украшена множествомъ статуй, изъ которыхъ самая замѣчательная громадный монументъ испанскому королю Карлу IV. Надо, однако, замѣтить, что монументъ этотъ только и выдается величиною: въ немъ 1800 пуд. вѣса и поэтому онъ является самою большою во всемъ мірѣ бронзовой статуей. Сдѣланъ онъ былъ въ 1802 году, а съ 1822 года по 1852 стоялъ заколоченный тесомъ, такъ какъ раздраженные противъ Испаніи мексиканцы нѣсколько разъ покушались уничтожить ненавистное имъ изображеніе.

Я шелъ по аллеѣ все дальше и дальше. Мимо меня мчалось множество самыхъ разнообразныхъ шикарныхъ экипажей, въ которыхъ, развалившись, сидѣли мексиканскіе богачи и аристократы. Замѣчательно, что, не смотря на тропическую жару, мексиканскіе франты почти не носятъ соломенныхъ шляпъ, а щеголяютъ въ черныхъ котелкахъ или въ черныхъ цилиндрахъ, по пословицѣ: pour être beau—il faut souffrir. Я присѣлъ отдохнуть на скамейку, и въ это время судьба сдѣлала меня свидѣтелемъ небольшого эпизода, правда, характернаго не въ мексиканскомъ только смыслѣ. Къ щеголеватому джентльмену, стоявшему недалеко отъ моей скамейки, подъѣхали двое всадниковъ на прекрасныхъ кровныхъ лошадяхъ золотистой масти. Одинъ былъ жокей, другой просто мексиканскій парень лѣтъ пятнадцати, съ простодушнымъ и печальнымъ лицомъ. Джентльменъ оглядѣлъ мексиканца и обратился на французскомъ языкѣ къ жокею:

— Такъ вы говорите, что это мальчикъ подходящій?

— Да, monsieur, отвѣтилъ жокей почтительно,—это старательный мальчикъ.

— Но я слышалъ,—возразилъ monsieur, строго покосившись на молодого мексиканца,—что онъ любитъ пить воду въ жару.

— Это правда, monsieur, онъ любитъ воду... Но, разъ вы его наймете, мы не дадимъ ему пить... Повѣрьте, онъ станетъ худъ и легокъ.

— Хорошо, я посмотрю. Поѣзжайте.

Всадники тронулись. Энергичныя лошади танцовали ногами и

пряли ушами. У маленькаго любителя воды лицо было грустное: должно быть, онъ догадался, что, въ интересахъ спорта, чтобы стать худымъ и легкимъ, ему придется навсегда лишиться удовольствія, которымъ пользуются даже собаки: пить воду въ жару.

Посреди города Mexico возвышается главный католическій соборъ, окруженный хорошенькимъ садикомъ. Въ этомъ садикѣ идетъ оживленная торговля цвѣтами, букетами и вѣнками; за маленькую серебряную монету здѣсь можно купить громадный букетъ изъ прекрасныхъ розъ и изъ разнообразныхъ экзотическихъ цвѣтовъ. Садикъ содержится чисто и поражаетъ количествомъ араукарій, пальмъ и евкалиптовъ. Соборъ—сѣрое громадное, массивное зданіе съ маленькими окнами и маленькими дверями. Въ толстыхъ гранитныхъ стѣнахъ сдѣланы ниши и амбразуры, въ которыхъ стоятъ фигуры апостоловъ и святыхъ изъ бѣлаго мрамора. Соборъ строился болѣе 200 лѣтъ и потребовалъ громадныхъ затратъ; онъ занимаетъ какъ разъ то мѣсто, гдѣ стоялъ храмъ ацтековъ, разрушенный испанцами въ 1521 году... Какія еще перемѣны принесетъ будущее? Размышляя на эту тему, я вдругъ замѣтилъ, что надъ входными дверями собора красуется недавно прибитый свѣтскій щитъ съ гербомъ мексиканской республики: орелъ на кактусѣ со змѣей въ клювѣ. Этотъ гербъ попалъ сюда недавно: только съ того времени, какъ свѣтская власть сломила иго католическаго деспотизма, только съ того времени, какъ іезуиты были изгнаны изъ страны и монастырскія и церковныя имущества были конфискованы. «Знаменіе времени»,— подумалъ я, тихо вступая на каменную паперть...

Молящихся было очень много и всѣ стояли на колѣняхъ. Минутъ десять подъ сводами храма раздавался только подавленный молитвенный шопотъ. Вдругъ грянулъ органъ, торжественные звуки внезапно и ярко пронеслись надъ поникшими головами, поднялись, переплетаясь, къ высокимъ сводамъ. Толпа шевельнулась, вздохи и шелестъ, и тысячи рукъ творятъ крестное знаменіе. Мнѣ вспомнились извѣстныя слова Вольтера о католической мессѣ: «Опера для бѣдныхъ». Какъ умѣло подготовлены всѣ эти эффекты тишины и внезапной музыки... Я прошелся по собору и съ удивленіемъ разсматривалъ статуи: вотъ какой-то святой со стеклянными глазами, въ парикѣ вьющихся волосъ, одѣтый въ шелковую рубашку и въ новую пару сафьяновыхъ сапогъ; вотъ святая, причесанная по модѣ, въ ярко-голубомъ платьѣ, въ новомодныхъ остроносыхъ башмачкахъ и т. д., и т. д. Я невольно улыбался, разсматривая эту простодушную католическую скульптуру...

Изъ собора я прошелъ въ національный музей. Это учрежденіе помѣщается въ трехэтажномъ старинномъ зданіи, но, не смотря на это, залы свѣтлы и удобны. Нижній и средній этажи заняты замѣчательными археологическими коллекціями, главнымъ образомъ, относящимися къ ацтекской цивилизаціи. Прямо противъ входной двери, у стѣны на ребрѣ стоитъ огромный камень, похожій на жер-

новъ; это — ацтекскій *камень солнца* или *календарь*. Толщина его около $^{3}/_{4}$ аршина, а діаметръ почти $1^{1}/_{2}$ сажени. Въ срединѣ выбито круглое углубленіе, изображающее солнце. Вокругъ этого углубленія расположены разнообразно высѣченныя фигуры, напоминающія іероглифы древняго Египта. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, нѣкоторыя изъ этихъ фигуръ обозначаютъ фазы луны, о которыхъ, повидимому, у ацтековъ были довольно вѣрныя понятія. Вообще же *камень солнца* служилъ жертвенникомъ, на которомъ, въ угоду божеству, избивались десятки и сотни плѣнныхъ индѣйцевъ, на которомъ погибло не мало и испанцевъ во время перваго возстанія ацтековъ. Жертву привязывали къ маленькому жернову вѣсомъ пудовъ въ десять и вмѣстѣ съ этимъ маленькимъ жерновомъ клали на *камень солнца*. Здѣсь жрецы разрѣзывали ножомъ грудь и изъ живого еще тѣла вырывали трепещущее сердце. Конечно, при этой операціи несчастные судорожно бились подъ ножомъ, поэтому-то и было необходимо крѣпко привязывать ихъ къ маленькому жернову. Изобрѣтательные ацтекскіе жрецы, для быстроты, сразу привязывали нѣсколько жертвъ къ нѣсколькимъ маленькимъ жерновамъ, которые поочередно клались на средину *камня солнца*.

Съ невольнымъ почтеніемъ смотрѣлъ я на этотъ древній эшафотъ, на которомъ погасло столько жизней, на которомъ пролилось столько человѣческой крови, на которомъ трепетало такое множество только что вырванныхъ еще горячихъ сердецъ, надъ которымъ раздавалось столько тоскливыхъ предсмертныхъ стоновъ... Время смыло всѣ слѣды этихъ ужасовъ, уничтожило не только храмъ ацтековъ, но и самую ацтекскую народность, превративъ ее въ креоловъ, время перенесло ужасный жертвенникъ въ средину мирнаго музея и, вмѣсто кровожадныхъ жрецовъ, надъ полустертыми замысловатыми фигурами наклоняется теперь пытливая голова современнаго ученаго или любопытнаго туриста..

По срединѣ зала стоялъ громадный каменный ацтекскій идолъ *Гуитцилопохтли* или *Тенохтитлинъ*. Издали этотъ идолъ напоминаетъ собой гигантскую четвертную бутылку съ очень широкимъ, но короткимъ горлышкомъ, которое и представляетъ изъ себя голову туловища. *Тенохтитланъ* около 9 футъ вышиной и около 6 въ поперечникѣ. Бока его покрыты насѣчками и фигурами довольно отчетливо вырѣзанными. Голова сплюснута и, какъ у двуликаго Януса, имѣетъ двѣ физіономіи. Въ музеѣ есть еще множество весьма интересныхъ предметовъ, преимущественно относящихся къ ацтекской цивилизаціи до-испанскаго періода. Особенно обращаютъ на себя вниманіе идолъ *Шакъ-Мооль*, потомъ *Indio Triste* и множество высѣченныхъ изъ камня громадныхъ змѣй. *Шакъ-Мооль* изображаетъ изъ себя лежащаго на спинѣ человѣка, весьма не пропорціонально сложеннаго, съ безобразно короткими и толстыми ногами; видимо ацтекамъ не удавалось воспроизвести изъ камня правильную человѣческую фигуру. Изваяніе змѣй болѣе удачно.

Изъ музея я прошелъ въ національную картинную галлерею, въ надеждѣ найти тамъ произведенія живописи, которыя помогли бы мнѣ составить себѣ болѣе или менѣе точное понятіе о Мексикѣ. Я надѣялся найдти картины историческаго содержанія, которыя живыми красками передавали бы выдающіеся моменты изъ походовъ Кортеца, періода испанскихъ вице-королей, революціоннаго времени, борьбы за независимость и. т. д. Я думалъ найти мексиканскіе пейзажи и жанровыя картины, въ которыхъ отражался бы бытъ современной Мексики. Но я надѣялся напрасно: вся картинная галлерея почти сплошь состояла изъ картинъ религіознаго содержанія. Поклоненіе волхвовъ было изображено на семи полотнахъ, причемъ всѣ они передавали сюжетъ въ условно-мистическомъ духѣ. «Культъ Мадонны» отразился и на мексиканскомъ творчествѣ: цѣлыя стѣны были увѣшаны Мадоннами, изображенными опять таки въ самомъ условномъ и мистическомъ стилѣ. Въ послѣдне время, впрочемъ, какъ будто замѣчается возрожденіе или вѣрнѣе *нарожденіе* дѣйствительнаго мексиканскаго искусства: попадаются картины, изображающія бытъ, пейзажи и историческіе факты, но это направленіе еще только начинается и не дало еще осязательныхъ результатовъ.

— Вамъ необходимо побывать въ Guadalupe,—сказалъ мнѣ завѣдующій конторой въ гостинницѣ Iturbide,—это всего 5—6 километровъ отъ Mexico, а тамъ вы увидите нерукотворенный образъ Гуадалупской Мадонны—святыня, наиболѣе почитаемая мексиканцами.

Я послѣдовалъ этому совѣту и утромъ на другой день, когда солнце еще палило не изо всей силы, сѣлъ въ вагонъ конно-желѣзной дороги, который какъ разъ останавливался у садика при главномъ соборѣ.

Кучеръ, молодой типичный мексиканецъ, безбородый и безусый, съ черными, какъ смоль, волосами, поправилъ свою необыкновенно широкополую шляпу и ярко-полосатый плащъ, похожій на байковое одѣяло съ дырой въ срединѣ, чрезъ которую просовывалась голова, взялъ въ правую руку ременную плеть ужасающихъ размѣровъ, а лѣвой рукой подхвативъ возжи, тронулъ маленькихъ, почти черныхъ тонконогихъ муловъ. Эти небольшія, но старательныя животныя съ замѣчательнымъ усердіемъ влегли въ хомуты, и нашъ вагонъ, громыхая и звеня, покатилъ по городскимъ улицамъ. Чрезъ нѣсколько минутъ мы уже ѣхали по окраинамъ города, но часто принуждены были останавливаться, такъ какъ мексиканцы безжалостно навьючиваютъ своихъ ословъ, муловъ и лошадей, и они не въ состояніи быстро уступать дорогу, очищать рельсы. Наблюдая за нашимъ кучеромъ, я еще разъ убѣдился, что мексиканцы безжалостны къ животнымъ: наша пара муловъ бѣжала шибко, какъ

только могла, но, не смотря на это, толстая плеть, пригодная скорѣе для буйволовъ, ежеминутно взвивалась въ воздухѣ и съ особеннымъ звукомъ падала на спины муловъ, которые какъ то судорожно ежились. Дорога отъ Mexico до Guadalupe проходила по совершенно ровной мѣстности, покрытой засѣянными полями. Со всѣхъ сторонъ на горизонтѣ возвышались цѣпи горъ, которыя кольцомъ охватывали долину; справа, вдали блистало громадное озеро Texcoco.

А вотъ и Guadalupe. Это маленькій городокъ съ 3000 жителей, съ огромной католической церковью посрединѣ. Мы остановились, и я прямо пошелъ въ церковь вмѣстѣ съ нѣсколькими еще туристами. Внутренность храма не поражала ничѣмъ особеннымъ: тѣ-же статуи украшали собою стѣны и алтарь, напоминая музей съ восковыми фигурами. Главная святыня—нерукотворенный образъ Мадонны вдѣланъ въ богатую серебряную и золотую раму и закрытъ толстымъ зеркальнымъ стекломъ. Преданіе говоритъ, что въ 1531 году крещенный ацтекъ—Juan Diego, какъ разъ на этомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ храмъ, увидѣлъ Мадонну. Діего побѣжалъ къ мѣстному епископу Zumarraga, чтобы сообщить ему о видѣніи, а чтобы тотъ не усомнился, Діего, по указанію Мадонны, захватилъ съ собою нѣсколько розъ, которыя во время пути держалъ подъ полой своего плаща. Когда Діего поднялъ полу, чтобы передать епископу цвѣты, на полѣ оказался нерукотворенный образъ Мадонны, названный позднѣе Гуадалупской. Конечно, епископъ увѣровалъ, отрѣзалъ полу отъ плаща Діего и приступилъ къ постройкѣ храма. Толстое зеркальное стекло сильно мѣшаетъ разсмотрѣть интересную икону, но, повидимому, она нарисована порядочнымъ художникомъ въ томъ условномъ стилѣ, въ какомъ вообще рисовались иконы въ Испаніи, лѣтъ триста тому назадъ. Мексиканцы очень почитаютъ Гуадалупскій храмъ и его икону. Мои спутники пали на колѣни у самаго входа, и многіе подвигались впередъ на колѣняхъ, какъ это дѣлаютъ калѣки.

Въ двадцати верстахъ отъ Mexico находится небольшой городокъ Tlalpam, извѣстный своими фабриками, куда отъ Mexico бѣгаютъ регулярные поѣзда. Въ 12 часовъ утра я мчался по узкоколейной дорогѣ въ открытомъ вагонѣ и любовался прелестными окрестностями мексиканской столицы. Путь проходилъ мимо красиваго озера Xochimilco, у подножія высокихъ горъ, вершины которыхъ уходили въ сѣроватыя облака. Очень часто мы пересѣкали плантаціи сахарнаго тростника, причемъ бросалось въ глаза, что, вмѣсто изгородей, поля были обсажены въ четыре ряда гигантскими алоэ—или такъ называемыми—столѣтними деревьями. Въ одномъ мѣстѣ нашъ поѣздъ быстро затормозили и сдѣлали это весьма кстати, такъ какъ мы налетѣли на цѣлое стадо тяжело нагруженныхъ ословъ, которые, хотя и лѣзли другъ на друга, но никакъ не могли быстро

очистить путь. Вотъ наконецъ Tlalpam. Это фабричный городокъ, утопающій въ зелени. Стѣны домовъ покрыты какими то вьющимися растеніями, по верхнему краю каменныхъ изгородей ростутъ цѣлые пучки травы, въ палисадникахъ на общемъ свѣтло-зеленомъ фонѣ рѣзко выступаютъ темныя кроны апельсинниковъ. Я пошелъ по городу, что называется, куда глаза глядятъ, прошелъ черезъ торговую площадь, гдѣ въ тѣни, у стѣны сидѣли торговки и торговцы прямо на землѣ и предлагали проходившимъ свои незамысловатые товары, разложенные на доскахъ и полотенцахъ, и вышелъ въ поле. Здѣсь я легъ у ручья на мягкую и густую траву. Въ кустахъ весело щебетали мексиканскія птицы, надо мной порхали большія мексиканскія бабочки, въ мексиканскомъ воздухѣ было тепло и тихо, а на душѣ спокойно. Я даже забылъ, на нѣкоторое время, что я подъ дальнимъ небомъ, въ чуждой странѣ. Чуждая природа глядѣла на меня любовно и ласково... И я чувствовалъ, что если я не въ родной странѣ, то во всякомъ случаѣ—въ родномъ мірѣ ..

Приближалось время отхода поѣзда. Я возвратился на вокзалъ, усѣлся на одной изъ скамеекъ и закурилъ папироску. Неподалеку отъ меня сидѣлъ и читалъ газету молодой человѣкъ, повидимому, мексиканецъ, одѣтый вполнѣ прилично. Я замѣтилъ, что газета, которую онъ просматриваетъ, была на англійскомъ языкѣ, поэтому я смѣло обратился къ нему.

— Скоро ли, сэръ, пойдетъ поѣздъ въ Chapultepec?

— Черезъ сорокъ минутъ.

— Вы ѣдете тоже съ этимъ поѣздомъ? Это было бы мнѣ очень пріятно, такъ какъ вы, очевидно, говорите по-англійски.

— Нѣтъ, сэръ, я начальникъ этой станціи и никуда не уѣзжаю; выучился же я говорить по-англійски, когда американцы проводили эту линію желѣзной дороги.

Нѣсколько минутъ мы помолчали.

— Скажите, пожалуйста,—сказалъ я, возобновляя разговоръ,—хотя у васъ здѣсь и тропики, но все же это не причина ходить въ лохмотьяхъ и жить въ землянкахъ, скверныхъ, какъ хлѣва. Почему вашъ народъ такъ бѣденъ?

— Я полагаю потому, что лишь недавно мы добились полной независимости. Испанія насъ обирала безбожно, а для того, чтобы мы, мексиканцы, дольше не поняли своего унизительнаго рабства, испанцы держали насъ въ полномъ невѣжествѣ... Школъ не было... Народъ прозябалъ цѣлые вѣка, какъ стадо вьючныхъ ословъ—послушныхъ и не разсуждающихъ... Вотъ почему мы и бѣдны. Но теперь мы поправимся:—вы читали декларацію президента?

— Да, но понимаетъ ли народъ значеніе національнаго праздника—годовщину освобожденія?

— О, это всѣ понимаютъ прекрасно! Испанцы грабили и эксплоатировали насъ такъ безбожно! И теперь наши клерикалы охотно подавили бы просвѣщеніе, но народъ свободенъ и все идетъ къ луч-

шему. Невѣжество еще значительно, и отъ этого не всѣ сознательно относятся къ выборамъ, но всетаки число школъ ростетъ, ростетъ и сознаніе. Мы скромно отпраздновали нашъ великій праздникъ, но это не значитъ, что мы не понимаемъ его значенія. Республика не тратитъ на блестящіе праздники много денегъ: у насъ передъ глазами безумныя траты духовенства на всякія празднества и процессіи...

Изъ Tlalpam я проѣхалъ въ Chapultepec. Это резиденція Порфиріо Діаза. Прекрасный, бѣлый съ колоннами, дворецъ президента стоитъ въ полугорѣ. Ниже дворца раскинулся громадный паркъ, изъ зелени котораго выступаютъ гиганты-кипарисы, видѣвшіе еще Кортеца, чуть ли не 400 лѣтъ тому назадъ. Между деревьевъ сверкали пруды и журчали ручьи и рѣчки, берега которыхъ утопали въ густой и сочной тропической растительности.

Нѣсколько усталый возвратился я въ свой номеръ въ гостинницѣ Iturbide, прилегъ на кровать и забылся. Сперва мнѣ показалось, что я мчусь куда то и, наконецъ, пріѣзжаю въ невѣдомую страну, гдѣ передо мной развертывается какая то полуфантастическая картина, во вкусѣ Беллами: ни государствъ, ни столицъ, ни націй, ни классовъ, а люди всетаки живутъ и стремятся еще куда-то, впередъ и впередъ... Не знаю, что было-бы дальше, если-бы Ромейро, принесшій сифонъ сельтерской воды, не вспугнулъ моего сновидѣнія. Я позволилъ себѣ привести его здѣсь, такъ какъ оно до извѣстной степени связано съ настроеніемъ путешественника: постоянная смѣна формъ общежитія нарушаетъ понятіе объ ихъ незыблемости. Когда живешь долго все на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ то невольно начинаешь вѣрить, что формы общежитія неизмѣняемы; но стоитъ лишь попутешествовать, и непремѣнно поймешь, что онѣ разнообразны и измѣняются безконечно въ пространствѣ и, тѣмъ болѣе, во времени.

Верстахъ въ пяти на сѣверо-западъ отъ Mexico расположенъ маленькій городокъ Tacuba. Здѣсь то ростетъ знаменитый кипарисъ, подъ которымъ, какъ гласитъ преданіе, когда то плакалъ Кортецъ. Конно-желѣзная дорога ведетъ туда отъ площади Конституціи (Plaza Mayor de la Constitucion). Въ теченіи 250 лѣтъ мексиканское правительство стремилось очистить эту площадь отъ деревянныхъ лавчонокъ, но лавчонки не уступали. 16 Ноября 1658 г. огонь пришелъ на помощь слабому правительству: деревянныя лавчонки загорѣлись и запылали, какъ огромный костеръ. Въ то время пожарная команда г. Mexico была организована чрезвычайно оригинально. Она состояла изъ епископа и изъ нѣсколькихъ прелатовъ, которые, какъ только возникалъ пожаръ, обязаны были бороться съ огнемъ при помощи разныхъ реликвій. Конечно, такими мѣрами лавчонки не были спасены, и всѣ онѣ превратились въ груду пепла. Правительство начало было приводить площадь въ порядокъ, но это упорядоченіе велось такъ медленно, неумѣло и вяло, что лавчонки опять

начали понемногу выростать на своихъ пoгорѣлыхъ мѣстахъ. Plaza опять приняла свой старый видъ, какъ бы иллюстрируя административную распорядительность вице-королевскаго періода. Въ эпоху мексиканскаго обновленія огонь еще разъ очистилъ площадь и на этотъ разъ лавчонки уже не воскресли изъ пепла.

Я отыскалъ вагонъ съ надписью Tacuba и сѣлъ въ него. Вскорѣ мы тронулись въ путь. При выѣздѣ изъ города по такюбскому шоссе мы пересѣкли ровъ, черезъ который перекинутъ скромный мостикъ. Преданіе гласитъ, что именно по этой дорогѣ въ ночь на 1 іюля 1520 г. спаслись бѣгствомъ отъ возставшихъ ацтековъ Кортецъ и Альварадо. Кортецъ перебрался черезъ ровъ какъ то незамѣтно и успѣлъ добѣжать до того мѣста, гдѣ теперь стоитъ Tacuba. Бѣгство Альварадо было менѣе благополучно. Погоня, преслѣдовавшая его по пятамъ, уже совсѣмъ настигла его на краю громаднаго рва, и никто не думалъ, чтобы былъ возможенъ трехсаженный прыжокъ, Однако, Альварадо, упираясь на свое копье, сдѣлалъ прыжокъ, дѣйствительно, историческій, и очутился по ту сторону рва. Это мѣсто и теперь обозначено столбикомъ съ соотвѣтствующей надписью. Оно неоспоримо замѣчательно тѣмъ, что тутъ одинъ изъ представителей Испаніи наглядно доказалъ, какими необыкновенными скачками умѣютъ порой испанцы убѣгать отъ результатовъ собственной просвѣтительной дѣятельности.

Не доѣзжая до Tacuba, я выскочилъ изъ вагона и подошелъ къ знаменитому кипарису, орошенному когда то слезами Кортеца. Старое дерево обнесено рѣшеткой, но, не смотря на это, всетаки погибаетъ. Оказывается, что въ этомъ кипарисѣ было дупло, а въ дуплѣ были сухія вѣточки, сухіе листья и сухая трава. Какіе то шалуны бросили туда спичку. Произошелъ маленькій пожаръ, и съ тѣхъ поръ бѣдное дерево съ прожженнымъ сердцемъ хирѣетъ и умираетъ. Около рѣшетки на скамейкѣ сидѣлъ старикъ сторожъ. Конечно, онъ былъ моложе кипариса, ввѣреннаго его попеченію, но всетаки можно было предположить, что старикъ родился еще въ вице-королевскій періодъ. На рѣшеткѣ висѣла дощечка съ надписью:—«arbor de la noche triste».

Пришло время проститься съ Мексикой. Рано утромъ я былъ на томъ же вокзалѣ, гдѣ нѣсколько дней тому назадъ нанималъ знаменитую карету. Къ вечеру я пріѣхалъ на станцію Silao и здѣсь заночевалъ, такъ какъ приходилось ожидать юго-западнаго поѣзда, съ которымъ мнѣ и предстояло держать путь на сѣверъ, по направленію къ Новому-Орлеану.

Въ Silao нашлась чистенькая гостинница, окруженная прекраснымъ померанцевымъ садомъ. Ночью я спалъ плохо; меня мучилъ кашель, а утромъ я почувствовалъ, что сильно простуженъ: болѣла голова и въ груди ощущалось особенное стѣсненіе. Я пошелъ искать

аптеку и нашелъ ее довольно скоро. Эта аптека занимала угловую комнату маленькаго домика. Вмѣсто оконъ, она освѣщалась тремя открытыми дверями. Я вошелъ и оказался единственнымъ несчастливцемъ, искавшимъ здѣсь облегченія. За прилавкомъ сидѣлъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати и читалъ какую то книгу. Надо замѣтить, что на аптечной вывѣскѣ было написано:—«здѣсь продаютъ лѣкарства и даютъ больнымъ совѣты». Я обратился къ молодому человѣку съ вопросомъ, не понимаетъ ли онъ по англійски? Отвѣтъ получился отрицательный и, слѣдовательно, приходилось возложить надежду на мимику. Я началъ кашлять и, указывая на грудь, изобразилъ на лицѣ страданіе.

— Кали-хлорикумъ (бертолетова соль), — произнесъ молодой человѣкъ.

Я покачалъ головой и рукой показалъ, что боль у меня не только въ горлѣ, но и въ груди, какую же пользу можно ожидать отъ полосканья?

— Кали-хлорикумъ,—повторилъ молодой человѣкъ увѣренно.

Я взялъ перо и бумагу и прописалъ себѣ по латыни Кошлаковскій рецептъ: пилюли изъ салициловаго натра, бензойнаго натра и морфія. Начались поиски снадобій, причемъ эти поиски были главнымъ образомъ направлены на шкафъ съ надписью—«для очищенія крови». Меня опять таки взяло раздумье: какимъ образомъ морфій и все остальное, мною прописанное, отнесено къ средствамъ «для очищенія крови»? Но дѣлать было нечего. Чрезъ нѣсколько минутъ молодой человѣкъ принесъ соду, салициловую кислоту и пирогаловую кислоту. Я заглянулъ въ соду: тамъ было множество сѣмянъ, повидимому, льняныхъ...

Изъ мимики и изъ нѣкоторыхъ словъ молодого человѣка я понялъ, что у него нѣтъ бензойнаго натра и что вмѣсто этого онъ хочетъ дать мнѣ пирогаловой кислоты. Я вообще догадывался, что пилюли намъ не сдѣлать, и рѣшилъ взять хоть полосканье изъ бертолетовой соли и опія. Приготовленіе этого лѣкарства пошло быстрѣе: бертолетова соль, въ банкѣ безъ надписи, нашлась тоже среди средствъ, полезныхъ для очищенія крови. Опійная настойка была въ пузырькѣ съ надписью: «бура». Когда я указалъ на это маленькое недоразумѣніе, то молодой человѣкъ нисколько не сконфузился, а понюхалъ опій и далъ мнѣ его понюхать, какъ бы желая сказать этимъ, что нечего смотрѣть на надпись «бура», если по запаху видно, что это опій. Наконецъ, полосканье было готово и вручено мнѣ въ бутылкѣ съ этикетомъ «коньякъ».

Полосканье это принесло мнѣ большую пользу. Вскорѣ подошелъ юго-западный поѣздъ и помчалъ меня на сѣверъ, за предѣлы оригинальной, молодой и симпатичной мексиканской республики....

Сергѣй Протопоповъ.

НАПАСТЬ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Большое зданіе казармъ нарочно приспособлено къ засѣданіямъ военнаго суда. Оно тщательно охраняется. Еще съ утра, подъ строгимъ карауломъ, приведены сюда подсудимые, слишкомъ полтораста человѣкъ. На большой площади почти не видно народа, лишь у деревянныхъ навѣсовъ мелкихъ торговцевъ—небольшое движеніе, да съ десятокъ возовъ съ сѣномъ у городскихъ вѣсовъ. Взадъ и впередъ, по направленію къ городу и обратно, быстро проносятся отдѣльныя фигуры жандармовъ, казаковъ и конныхъ стражниковъ. Различные экипажи и извощичьи пролетки то и дѣло подъѣзжаютъ и отъѣзжаютъ, ссаживая у узкаго подъѣзда казарменнаго дома разное военное и гражданское начальство, а также и постороннюю публику.

Вдали, на самомъ концѣ площади, у выхода ея къ городской окраинѣ — десятка два пустыхъ крестьянскихъ телѣгъ. Полиція давно сюда оттѣснила съѣхавшихся съ разныхъ сторонъ родныхъ и близкихъ подсудимымъ. Отпряженныя лошади въ хомутахъ жуютъ разбросанные клочки сѣна, деревенскіе бабы и мужики расположились кучками у телѣгъ. У одной изъ нихъ стоитъ жена Фрола, Домна Савосина. Подъ отдувающеюся полой кафтана, закутанный съ головой, попискиваетъ ея грудной ребенокъ. Она слегка треплетъ рукою по кафтану и, равномѣрно покачиваясь, старается усыпить безпокойнаго пискуна. Кругомъ—ни малѣйшаго шума. Молчаливыя, бородатыя лица издали смотрятъ на большое трехъэтажное зданіе суда, на сверкающіе около ряды штыковъ, на мелькающіе кепи и султаны. Лишь изрѣдка слышится негромкій говоръ, доносится короткая, отрывистая рѣчь.

— Пять годовъ въ ученьи былъ. Съ Ѳоминой хозяинъ жалованье положилъ.

— Много-ль?

— Четыре двадцать.
— Помочь...
— Когда не помочь. . . . .

— Твово въ чемъ?
— Въ фершалѣ.
— Винится?
— Христомъ клянется: бывать не бывалъ, видать не видалъ. Весь день, говоритъ, на Острову съ ребятами гуляли.
— Какъ-же?
— Пьянаго въ полночь: пѣсни играли, они ихъ разгонять, а имъ, дуракамъ, смѣхъ . . . .

— Авдѣя-то пулей во гдѣ достигло! Хомутъ близу каретника мазалъ.
— Ну?
— Пришелъ въ больницу: отколь, значитъ, пулл?.. Шабашъ!..
— А не былъ?
— Ни Боже мой! то есть, званія... . . . .

— Ну, Савка что! отъ него и въ дому житья не было.
— Чего! старуха сколько разъ въ волостную водила.
— А нонѣ, поди, убивается.
— Пожалуй, убивайся . . . .

— Сегодня, должно, отпущать еще не станутъ?—обратилась Домна къ одному мужику, постарше другихъ.

Старикъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на незнакомую бабу и ничего не отвѣтилъ.

Домна во время слѣдствія раза три всего, да и то сквозь тюремную рѣшетку, видѣлась съ своимъ мужемъ и, съ его словъ, все ждала его возвращенія. Прослышавъ объ открытіи суда, она съ ранняго утра пришла въ городъ и вмѣстѣ съ другими долго ждала на улицѣ, у тюремной ограды. Передъ тѣмъ какъ выводить арестантовъ, жандармы оттѣснили въ сторону всѣхъ постороннихъ лицъ, и Домна, какъ ни старалась, не могла, сквозь штыки и въ массѣ подсудимыхъ, разглядѣть своего мужа. Ей какъ то издали мелькнула знакомая высокая фигура, длинная свѣтлая борода, очень побѣлѣвшее лицо, но подъ арестантской шапкой, въ длинномъ арестантскомъ халатѣ Домна не узнала своего Фрола... Вмѣстѣ съ другими пошла она за арестантами къ зданію суда и вмѣстѣ съ другими остановилась среди крестьянскихъ телѣгъ.

— Должно, сегодня еще не отпустютъ,—шопотомъ отвѣтила сама себѣ Домна и стояла, продолжая укачивать ребенка.

Она видѣла, какъ, никого изъ посторонних близко не допуская, провели арестантовъ обѣдать въ острогъ, какъ затѣмъ ихъ провели обратно въ судъ, и—все стояла.

Кой кто изъ мужиковъ запрягли лошадей и разъѣхались. Она все стояла и ждала.

Уже почти подъ вечеръ маленькій, корявый мужичекъ, который и ранѣе все поглядывалъ на нее, тоненькимъ голосомъ обратился къ ней:

— Чья будешь?

— Изъ Копьевки.

— Кто: сынъ?

— Хозяинъ.

Онъ отрѣзалъ большой кусокъ ситнаго хлѣба, который въ это время ѣлъ, посолилъ и подалъ ей: — Что-жъ? развѣ весь день что ль такъ, не ѣвши?

Домна взяла хлѣбъ и стала ѣсть, покачивая ребенка.

Уже сумерки спустились, когда она ушла съ площади и поплелась обратно въ Копьевку.

II.

Въ большомъ высокомъ залѣ, вдоль стѣнъ, въ три ряда, на скамьяхъ сидятъ подсудимые. Около длинныхъ, покрытыхъ сукномъ столовъ суетятся секретари; адвокаты ворочаютъ толстые томы дѣлъ, перелистываютъ, читаютъ, дѣлаютъ замѣтки и выписки. Нѣсколько молодыхъ офицеровъ то и дѣло входятъ и выходятъ черезъ боковую дверь, передаютъ шопотомъ распоряженія то секретарямъ, то дежурнымъ офицерамъ. Двое рослыхъ рядовыхъ, безъ оружія, по домашнему, переставляютъ по указанію офицера, кресла за судейскимъ столомъ и передвигаютъ самый столъ, заваленный грудою бумагъ. Немногочисленная и, судя по костюмамъ, избранная публика шопотомъ переговаривается, съ любопытствомъ разглядывая подсудимыхъ.

— На кра-а-а-улъ!—раздалась команда дежурнаго офицера. Изъ боковой двери показался предсѣдатель суда, высокій, худощавый, въ жирныхъ генеральскихъ эполетахъ. Онъ скромно прошелъ въ дверь, привѣтливо отвѣчая на поклоны окружающихъ.

— Здравія желаемъ, ваше ссство-о-о!—гулко пронеслось по залѣ.

Несмотря на скромную фигуру предсѣдателя, на добродушную улыбку его симпатичнаго лица, на привѣтливость, съ которой онъ пожималъ руки представленныхъ ему защитниковъ, подсудимые, вслѣдъ за отрывистымъ стукомъ вскинутыхъ

«на караулъ» ружей, за внезапнымъ привѣтственнымъ возгласомъ команды, сразу почувствовали себя въ обладанiи какой-то имъ незнакомой силы:

— Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ!—шепталъ Антонычъ, свернувшись въ комочекъ у самой стѣны, за спинами другихъ арестантовъ.—Матерь Божiя! Заступница! помилуй насъ!

Такое-же настроенiе сообщилось, повидимому, и публикѣ: всѣ сразу смолкли, притаивъ дыханiе. Предсѣдатель, сдѣлавъ кой-какiя дополнительныя распоряженiя и указавъ что-то шопотомъ дежурному офицеру, опять скрылся за той же боковой дверью.

Спустя четверть часа, открылось засѣданiе суда. Началась перекличка подсудимыхъ и, затѣмъ, чтенiе обвинительнаго акта, длившееся почти цѣлый день. Непривыкшiе къ продолжительно напряженному вниманiю, подсудимые дремали, а иные прямо уснули и встрепенулись только тогда, когда монотонные звуки секретарскаго чтенiя сразу затихли, и въ залѣ раздался голосъ предсѣдателя:

— Крестьянинъ Сидоръ Андреевъ Харьковъ! встаньте! Вы обвиняетесь въ томъ, что...—И предсѣдатель прочиталъ цѣлый рядъ обвинительныхъ пунктовъ.

— Признаете-ли себя виновнымъ?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, не признаю.

— Степанъ Андреевъ Грязновъ! Вы обвиняетесь въ томъ же. Признаете-ли себя виновнымъ?

— Не виноватъ.

— Антонъ Егоровъ Дубовъ! Федотъ Носовъ! Игнатъ Сердюковъ...

И такъ далѣе. Изъ тридцати человѣкъ ни одинъ виновнымъ себя не призналъ.

— Крестьянинъ Фролъ Савосинъ! Вы признаете-ли...

— Какъ-же, батюшка, видалъ, своими глазами видалъ, вотъ какъ васъ, ваше благородiе, вижу.

— Да вы сначала отвѣчайте на вопросъ: признаете-ли себя виновнымъ?

— Признаюсь, ваше благородiе, признаюсь! Какъ не признать!

— Теперь, если желаете, можете разсказать, какъ было дѣло.

— Желаю, батюшка.

— Ну, и разсказывайте.

— А какъ онъ его съ ребятами вынесъ, то есть изъ сарая...

— Кто вынесъ?

— А вотъ этотъ старикъ.—Фролъ указалъ на большого

старика, сидѣвшаго недалеко отъ него, на одной изъ переднихъ скамеекъ.

— Ну, дальше. Только разсказывайте по порядку, толкомъ.

— Разскажу, батюшка, разскажу. Слышу: народъ зашумѣлъ, шибко такъ шумитъ; а бабы—воемъ. А мой-то, вижу, кончается. Молокомъ поилъ, нѣтъ,—кончается...

— Кто такой «вашъ» кончается?

— А кои тамъ лежали еще не померши...

— Гдѣ лежали?

— А тамъ: садъ, огородъ, што-ль, у нихъ тамъ...

— Да вы о чемъ разсказываете?

— А про энтого, въ гробу который...

— Что въ гробу? О какомъ гробѣ вы толкуете? Вы не путайте, а говорите толкомъ, если желаете разсказать.

Фролъ замолчалъ, въ недоумѣніи глядя на предсѣдателя.

— Ну?

Фролъ продолжалъ молчать.

— Садитесь!

Предсѣдатель обратился къ слѣдующему подсудимому; но защитникъ Фрола Савосина прервалъ его, прося доставить его кліенту возможность разсказать все, что онъ знаетъ. «Въ протоколъ, — сказалъ защитникъ — занесено, что подсудимый Савосинъ призналъ себя виновнымъ. А между тѣмъ его слова: «признаю» врядъ-ли имѣютъ смыслъ признанія виновности. Сколько мнѣ извѣстно, обвиняемый желаетъ разсказать суду объ одномъ обстоятельствѣ, которое, хотя и не разъяснено на предварительномъ слѣдствіи, но, по моему мнѣнію, имѣетъ большое значеніе для дѣла.»

— О какомъ-же это обстоятельствѣ?

— Я не желалъ бы разсказывать за подсудимаго, я прошу лишь судъ дозволить ему самому разсказать все, что онъ знаетъ. Это необходимо для оцѣнки его признанія.

— Кажется, признаніе, учиненное подсудимымъ здѣсь, на судѣ, достаточно ясно и не требуетъ никакихъ комментарій,— замѣтилъ прокуроръ.

— Въ виду важности дѣла, въ виду тяжкихъ послѣдствій обвиненія, я все же прошу судъ дозволить подсудимому разсказать, что онъ хотѣлъ, о гробѣ. Можетъ быть, и судъ найдетъ, что его слово: «признаюсь» не имѣетъ смысла признанія своей виновности по обвинительному акту.

Прокуроръ представилъ суду еще замѣчаніе, защитникъ— еще возраженіе. Предсѣдатель, подумавъ нѣсколько, обратился къ Фролу.

— Подсудимый Савосинъ! Признаете ли себя виновнымъ, что, вмѣстѣ съ другими, участвовали въ поджогѣ и разгромѣ временной холерной больницы, въ домѣ Дамаева?

Фролъ молчалъ.

— Вѣдь вы сказали, что признаете себя виновнымъ.

— Чего это?

— Поджигали вы больницу?

— Мы-та?

— Ну, да: ты, ты самъ поджигалъ больницу, или участвовалъ въ поджогѣ?

— Чего ее поджигать? она во какъ пылала!

— А ты былъ тамъ, когда ее поджигали?

— Нѣ, ваше благородіе: я прибёгъ, она пылала.

— Такъ ты не видалъ, какъ ее поджигали?

— Нѣтъ, не видалъ.

— Въ чемъ-же ты признавалъ себя виновнымъ?

— Чего это?

— На мой вопросъ ты отвѣчалъ: «признаюсь». Въ чемъже ты признавался?

— А то есть, батюшка, насчетъ энтого, что въ гробу лежалъ.

— Да кто это въ гробу лежалъ?—спросилъ, очевидно, потерявшій уже терпѣніе предсѣдатель.

— Я не знаю, чей онъ такой.

— Ну, довольно! Садись! Впрочемъ, погоди. А въ участіи въ убійствѣ воспитанника реальнаго училища Александра Поморскаго ты признаешь себя виновнымъ?

— Чей такой?

— Реалистъ Павелъ Поморскій, который былъ убитъ на Никольской улицѣ?

— А-а? Фершалъ! Знаю.

— Онъ не фельдшеръ, онъ ученикъ реальной школы.

— Какъ не фершалъ? За что-жъ его били, коли не фершалъ?

— А ты отвѣчай,—признаешь-ли себя виновнымъ?

Фролъ о чемъ то думалъ и, казалось, не слышалъ словъ предсѣдателя.

— А ты, ваше благородіе, вѣрно дознался, что не фершалъ онъ?

Предсѣдатель улыбнулся. Не всѣ, однако, видѣли въ вопросѣ Фрола одну наивность. Многіе опытные и догадливые люди ей не вѣрили: Сергѣй Сидорычъ, сидѣвшій, въ качествѣ почетнаго гостя, за судейскими креслами, перегнулся къ прокурору и съ усмѣшкой шепталъ ему свои замѣчанія по адресу лукаваго мужика.

— Вотъ ты лучше мнѣ скажи,—продолжалъ, все еще улыбаясь, предсѣдатель:—билъ ты этого человѣка, котораго приняли за фельдшера, или нѣтъ?

— Я-то? Гдѣ ужъ тутъ бить, ваше блародіе? Они ему, сердешному, чай, дыхнуть не дали.

— А ты былъ тамъ, видѣлъ?

— Какъ не видать! Середь улицы, мнѣ видать близехонько.

Только показаніе старика, на котораго указалъ Фролъ, выяснило то обстоятельство, которое не давало покоя Фролу. Старикъ этотъ подробно разсказалъ, какъ онъ громилъ квартиру старшаго врача городской больницы; но при этомъ не только не признавалъ себя виновнымъ, но заявилъ, что «имъ и не то-бы еще слѣдовало: живьемъ хоронятъ».

— Кого живьемъ хоронятъ? — спросилъ нѣсколько удивленно предсѣдатель.

— А вотъ, что копьевскій мужичекъ вамъ сказывалъ, да вы вниманія не взяли.—Старикъ указалъ на Фрола.

— О чемъ вы говорите? разскажите толкомъ.—Предсѣдателю ясно стало, что есть что-то такое, о чемъ хотятъ сказать подсудимые, чего не знаютъ ни онъ, ни другіе члены суда. Онъ рѣшился терпѣливо выслушать.

— Я, батюшка, и допрежъ слыхалъ, что они, лекаря то есть, живьемъ хоронятъ. Да, признаться, не вѣрилъ. Только иду я площадью, вижу,—пожаръ. Ну, пожаръ, Господь съ нимъ. Мнѣ недосугъ было: подводы съ лещемъ нагружены стояли.

— Вы какъ сказали: чѣмъ подводы нагружены?

— Съ лещемъ, батюшка, лещъ,—рыба... да. Мы, батюшка, приторговываемъ, въ селѣ Синодскомъ, много годовъ торгуемъ... Только вижу: горитъ. Что горитъ—спрашиваю. Больница. Я съ задовъ этакъ подошелъ, вижу: въ саду, аль въ огородѣ у нихъ тамъ, на травѣ не то больные, не то мертвые; а округъ ихъ народъ толпится. Не утерпѣлъ, перелѣзъ черезъ плетень. Сарай. Народъ туда, и я. Видимъ: гроба и тамъ покойники лежатъ, значитъ, которыхъ хоронить. На одномъ гробу крышка не вплоть, шевелится этакъ. Я—долой крышку, а въ гробу лежитъ еще живой... Значитъ, молъ, правда, живьемъ хоронятъ... Ахъ, Господи, Отецъ Милосердный! какъ земля-то ихъ носитъ душегубовъ окаянныхъ...

Старикъ смолкъ, видимо стараясь справиться съ своимъ волненіемъ.

— Живой, говорите вы, въ гробу? Да зачѣмъ-же онъ тамъ очутился?—спросилъ удивленный предсѣдатель.

— А знамо дѣло, зачѣмъ: хоронить. Може, и тѣ-то другіе живьемъ положены, да прикончились; а этотъ, сердечный, еще маялся.

— Да кто-жъ это видѣлъ?

— Всѣ, батюшка, видѣли, какъ есть всѣ. И господину афицеру казали; я самъ казалъ.

— А кто этотъ офицеръ?

— Я не знаю, какъ ему фамилія; который тутъ съ солдатами стоялъ.

Предсѣдатель суда перелистывалъ нѣкоторое время лежащій передъ нимъ томъ дѣла, затѣмъ записалъ что-то.

— Ну, а потомъ участвовали вы въ разгромѣ городской больницы?

— Точно, ваше благородіе, былъ тамъ; только до больницы я не касался, а тутъ округъ квартиры лекаря.

— Вы разбивали и грабили квартиру старшаго врача?

— Грабить зачѣмъ! Мы хлѣбомъ насущнымъ, благодареніе Господу, не обижены. Зачѣмъ грабить!

Многіе, въ особенности бабы, никакъ не могли, повидимому, уяснить себѣ смыслъ поставленнаго противъ нихъ обвиненія. Менѣе всего понятно имъ казалось обвиненіе въ распространеніи, съ цѣлью возбужденія населенія, ложныхъ слуховъ объ отравахъ. Одна старуха надѣлала по этому поводу не мало хлопотъ предсѣдателю: онъ не только не могъ добиться отъ нея отвѣта, но ему никакими пріемами не удалось ей уяснить смыслъ самого вопроса.

— Да ты скажи, наконецъ, матушка, распускала ты слухъ про эту *шмару*, что пускали-де въ народъ?—спрашивалъ окончательно терявшій терпѣніе предсѣдатель.

— Я, батюшка? Чтой ты, родной! Господь съ тобой!—почти вскрикнула старуха.

— Что-жъ ты не отвѣчаешь?

— Да чево-же? Я, чай, тоже крещона, чтобъ мнѣ шмару пущать.

— Да не ты, не ты, матушка, я не про тебя, про лекарей спрашиваю.

— А-а! *Они*? Это точно!—обрадовалась старуха. — *Они*, это—точно, батюшка, пущали.

— Да ты сама видѣла?

— Какъ не видать? видѣла. Лекарей-то сама не видѣла, грѣхъ сказать; чего не видѣла, не видѣла. А барина въ Софьинкѣ видѣла.

— Что-жъ ты видѣла?

— А какъ эту самую шмару пущаетъ.

— Какъ-же?

— А какъ? Вышелъ это на вышку; а съ имъ трубка. Онъ эту самую трубку перва на поле; въ полѣ, значитъ, народъ. А посля повернулъ на село.

— Да вѣдь это зрительная труба! А шмару самую ты видала?

— Какъ не видать? Сказываю-же тебѣ, батюшка: а онъ ее этакъ и пущаетъ.—Баба приложила къ глазамъ руку, сжала

ее трубкой и показала, какъ баринъ пускалъ шмару. Въ залѣ послышался смѣхъ.

— Ну, что-жъ ты разсказывала кому нибудь, какъ баринъ шмару пускалъ?

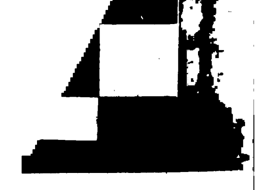
— Чево сказывать? Чай, и такъ всѣ видѣли.

— А здѣсь, въ городѣ, на базарѣ ты кому нибудь объ этомъ говорила?

— Я-то? Говорила, батюшка, говорила. Кто пытаетъ, сказываю; ты пытаешь, тебѣ сказываю.

Встрѣтились, очевидно, два совершенно различныя міровоззрѣнія; каждое говорило своимъ языкомъ, жило своими понятіями и вѣрованіями. И такъ безконечно далеко расходились эти два міра, на такихъ противоположныхъ полюсахъ жили они, что, какъ ни старались понять другъ друга, повидимому, не могли: ни тѣ, которые судили, казалось, не въ силахъ были проникнуть въ бездонную тьму, изъ которой звучалъ этотъ вполнѣ убѣжденный голосъ, увѣрявшій, что баринъ въ бинокль съ балкона пускалъ шмару въ народъ; ни тѣ, которыхъ судили, казалось, не могли понять, въ чемъ ихъ грѣхъ, и какая ихъ вина. На этотъ разъ, однако, встрѣтившись лицомъ къ лицу, эти два міра не могли просто разойтись каждый въ свою сторону, какъ сходятся и расходятся они много лѣтъ въ разныхъ другихъ сферахъ жизни. На этотъ разъ они, силою закона, поставлены были въ необходимость не только объясниться, но и вполнѣ понять и выяснить себѣ: одни — всю напряженность преступной воли и неизбѣжность наказанія, другіе—всю великость своихъ прегрѣшеній и всю справедливость кары. Необычайная трудность этой задачи замѣчалась съ первыхъ опросовъ подсудимыхъ, ясна была изъ первыхъ отвѣтовъ ихъ. Прежде другихъ, какъ казалось, понялъ это самъ предсѣдатель суда. Но одновременно онъ понялъ и то, что не могъже экстраординарный судъ, вызванный именно необычайностью и важностью преступныхъ дѣяній, логически закончить свое дѣло однимъ недоумѣніемъ, уйти, разводя руками въ виду этого, такъ сказать, заблудшагося стада. Такой исходъ былъ, очевидно, не мыслимъ... Оставался одинъ выходъ: опереться на формальныя воззрѣнія закона. И предсѣдатель долженъ былъ рѣшиться не входить въ большія подробности при разспросахъ подсудимыхъ, не стремиться тщетно заглядывать въ душу каждаго отдѣльнаго обвиняемаго, а по необходимости ограничиться изслѣдованіемъ лишь тѣхъ внѣшнихъ дѣйствій, которыми законъ опредѣляетъ преступленіе и въ проявленіи которыхъ предполагаетъ наличность преступной воли.

Не всѣ однако смотрѣли такъ, какъ смотрѣлъ предсѣдатель. Многіе не вѣрили этимъ «сѣрымъ министрамъ» и не поддавались ихъ «лукавому притворству». Только старуха, показывавшая

о шмарѣ, повидимому, нѣсколько поколебала даже самыхъ почтенныхъ, самыхъ заслуженныхъ скептиковъ.

— Фу! ка-кая ду-ура!—чуть не вслухъ откликнулся своимъ дѣтски капризнымъ голосомъ Сергѣй Сидорычъ, сильно огорченный отвѣтами старухи и, видимо, опасаясь за цѣльность своихъ воззрѣній и гармоничность своего настроенія.

Въ одномъ только пунктѣ, казалось, поняли другъ друга эти два міра; это—въ убійствѣ реалиста Поморскаго. Рѣшительно всѣ подсудимые, за исключеніемъ Сергѣя Бирюкова, упорно отрицали свое участіе въ этомъ дѣлѣ. Потому-ли, что не удалось разыскать и поставить на судъ непосредственныхъ участниковъ преступленія; или-же тѣ люди, которые совершили это злое дѣло, сами считали его ужъ очень безнравственнымъ и безчеловѣчнымъ, только никто не хотѣлъ быть изобличеннымъ въ немъ, ни причастнымъ къ нему. Даже самъ Бирюковъ сознавался какъ будто только на половину:— «разъ ударилъ, говорилъ онъ, не отпираюсь, а больше не билъ».—Одинъ свидѣтель, видѣвшій изъ оконъ своей квартиры всю сцену убійства, довольно ярко изобразилъ передъ судомъ картину поимки и привода на казнь несчастнаго Поморскаго. Подсудимые слушали его съ напряженнымъ вниманіемъ, вздыхали, иные крестились, произнося слова молитвы, когда-же онъ разсказалъ, какъ старикъ подошелъ уже къ умершему и носкомъ сапога толкнулъ покойника въ голову, вся масса подсудимыхъ пришла въ видимое волненіе. Свидѣтель долго отыскивалъ въ рядахъ того самого старика. Когда-же, по его указанію, со скамьи поднялась маленькая, тщедушная фигура въ арестантскомъ халатѣ, многіе подсудимые повскакивали съ своихъ мѣстъ, силясь разглядѣть этого человѣка. И, судя по выраженію лицъ, ему было-бы весьма рискованно въ эту минуту отдать себя на судъ своихъ, такъ сказать, единомышленниковъ и товарищей.

III.

Болѣе двухъ недѣль длилась томительная работа суда. Сотни свидѣтелей давали свои показанія; но изъ ихъ разсказовъ и суду, и публикѣ въ лучшемъ случаѣ удавалось убѣждаться лишь въ томъ, что такой-то подсудимый былъ и дѣйствовалъ въ толпѣ при пожарѣ временной холерной больницы, другой—при убійствѣ, третій—при разгромѣ аптеки или полицейской части. Ближайшія-же роли и дѣятельность отдѣльныхъ лицъ, за весьма немногими исключеніями, остались тайной, какъ для суда, такъ и для публики. О душевномъ настроеніи, о мотивахъ и побужденіяхъ, которые толкали на

преступленіе,—объ этомъ спрашивать не приходилось. Слишкомъ великъ былъ рискъ совсѣмъ запутаться въ темныхъ, и безъ того едва проходимыхъ дебряхъ этого удивительнаго дѣла. Большею опредѣленностью и ясностью отличались показанія свидѣтелей изъ полицейскихъ чиновъ, и особенный интересъ возбудили показанія одного пристава, Синайскаго. Съ необыкновенной ясностью и подробностью разсказалъ онъ суду весь ходъ дѣла, отъ начала до конца. При этомъ онъ съ такою опредѣленностью очертилъ движеніе каждой отдѣльной толпы, такъ рельефно намѣчалъ и логическую послѣдовательность ея дѣйствій, и поставленную ею себѣ цѣль, что и суду, и публикѣ вдругъ все стало ясно: все, что до того представлялось безформеннымъ, хаотическимъ теченіемъ дикой, ослѣпленной массы, теперь превратилось чуть не въ стройныя, цѣлесообразныя движенія батальоновъ. И судъ, и публика съ величайшимъ вниманіемъ слушали его длинный разсказъ, даже подсудимые, видимо, заинтересовались его повѣствованіемъ, съ любопытствомъ выглядывали другъ изъ-за друга и слѣдили за каждымъ его словомъ.Правда, иные отъ времени до времени переглядывались, улыбались и пожимали плечами...

Показанія свои давалъ Синайскій медленно, осторожно и вдумчиво. Касаясь отдѣльныхъ подсудимыхъ, онъ прежде долго всматривался своими умными глазами въ фигуру и лицо подсудимаго, потомъ задумывался, какъ-бы припоминая, обдумывая и взвѣшивая, можетъ-ли онъ, по совѣсти, удостовѣрить то или другое обстоятельство и не ошибается-ли онъ самъ. О Дмитріѣ Зубковѣ онъ показалъ, что при пожарѣ больницы въ толпѣ его не видѣлъ.—Да вѣроятно его тамъ и не было; иначе я непремѣнно замѣтилъ-бы его,—добавилъ приставъ.

— Почему?

— Онъ не такой человѣкъ, чтобъ быть въ заднихъ рядахъ.

— А онъ вамъ раньше былъ извѣстенъ?

Синайскій улыбнулся.—Гм! Дмитрій Ивановъ Зубковъ или Митька-Зубокъ, какъ его зовутъ пріятели,—кто-жъ его не знаетъ!

И приставъ изобразилъ почти легендарнаго героя. Тутъ было все: и необузданный разгулъ необыкновенной, «почти лошадиной» физической силы, и дикіе порывы неудержимаго своеволія; великодушное заступничество за «яко-бы угнетенныхъ пьяницъ, оборванцевъ и воровъ» и, при случаѣ, немисердное избіеніе ихъ.—И сверхъ всего, образованіе,—закончилъ приставъ.—Онъ говоритъ, какъ адвокатъ, знаетъ иностранные языки. При его озлобленіи противъ властей иной разъ просто удивительно, откуда взялось все это у человѣка, который по документамъ числится крестьяниномъ звенигородскаго уѣзда, Дмитріемъ Ивановымъ Зубковымъ.

Личность Мити возбудила интересъ; всѣ взоры обратились въ ту сторону, гдѣ онъ сидѣлъ, и искали его въ средѣ подсудимыхъ. Когда-же, на зовъ предсѣдателя, поднялся широкоплечій красивый брюнетъ, въ публикѣ защелкали пенснэ и показались даже бинокли.

— Подсудимый Зубковъ! Вы слышали показаніе, данное г. приставомъ. Желаете-ли вы что либо возразить?

Митя пожалъ плечами.

— Что-же я могу сказать, ваше пр—во? Я не знаю, о чемъ.

— Вѣрно-ли то, что сказано было о вашемъ образованіи?

— Не знаю, какъ сказать. Я—не безграмотный.

— Напримѣръ, знаете-ли вы иностранные языки?

— Какіе языки?

— Напримѣръ, говорите вы по-французски?

— Немного понимаю.

Интересъ растетъ: нѣсколько дамъ даже привстали на своихъ мѣстахъ.

— Гдѣ-же вы получили образованіе?

Митя молчитъ.

Сергѣй Сидорычъ нагнулся къ прокурору и что-то сообщилъ ему шопотомъ. Тотъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на генерала, немного подумалъ и, сдѣлавъ небольшую замѣтку на бумажкѣ, передалъ ее ближайшему члену суда. Членъ суда прочиталъ и передалъ дальше, и въ нѣсколько минутъ бумажка обошла всѣхъ, сидѣвшихъ за судейскимъ столомъ. Предсѣдатель, держа ее въ рукахъ, вопросительно смотрѣлъ на прокурора. Все это замѣтила публика, видѣлъ это и Митя и съ злобной усмѣшкой, исподлобья глядѣлъ на Сергѣя Сидорыча.

— Что-же, вы не желаете отвѣчать?—повторилъ свой вопросъ предсѣдатель.

— Я думаю, ваше пр—во, что вамъ, вѣроятно, это *теперь* уже извѣстно.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что *теперь* вы, вѣроятно, уже знаете, что я съ дѣтства воспитывался въ домѣ покойной княгини Варвары Харитоновны Кейстутъ-Вилинской,—твердо произнесъ Митя, въ упоръ глядя на Сергѣя Сидорыча.—Покойная княгиня взяла меня сиротой и до самой смерти своей воспитывала. Въ память своей матушки меня и теперь не оставляетъ князь Александръ Владиславовичъ.

Копылинъ не выдержалъ:—Молодецъ, Митя!—вырвалось у него такъ неосторожно и громко, что почти всѣ въ залѣ слышали эти слова.

— Все это, вѣроятно, знаетъ и г. приставъ,—продолжалъ Митя,—и могъ-бы разсказать самъ, не затрудняя *другихъ*,

которые въ полиціи не служатъ и отъ полиціи жалованія, кажется, не получаютъ.

Митя продолжалъ смотрѣть на Сергѣя Сидорыча.

— Да, да, хорошо!.. Садитесь!—поспѣшно заговорилъ предсѣдатель.—Введите слѣдующаго свидѣтеля!—обратился онъ къ дежурному офицеру.

— Позвольте, ваше пр—во, еще одно слово.

Предсѣдатель хотѣлъ было прервать Митю, но, замѣтивъ подымающагося съ мѣста его защитника, жестомъ остановилъ дежурнаго офицера и повернулся къ Митѣ.

— Господинъ приставъ говоритъ, что я озлобленъ противъ властей. Это—не вѣрно: я, можетъ быть, не особенно уважаю господина пристава Синайскаго...

— Подсудимый Зубковъ! Я не могу вамъ дозволить касаться личности свидѣтелей, особенно должностныхъ лицъ. Вы можете, если желаете, говорить объ ихъ дѣйствіяхъ, касающихся васъ въ этомъ дѣлѣ, а не оцѣнивать ихъ служебную дѣятельность.

— Виноватъ, ваше пр—во! Я не буду говорить о личности г. Синайскаго. Я—подсудимый, онъ—свидѣтель. Будь это наоборотъ, я, можетъ быть, имѣлъ-бы...

— Подсудимый Зубковъ!.. — строго окрикнулъ предсѣдатель.

Въ публикѣ движеніе.

— Виноватъ! Но позвольте, покрайней мѣрѣ, узнать, за что арестовалъ меня г. приставъ? Вѣдь онъ самъ говоритъ, что я въ толпѣ не былъ.

— Зубковъ арестованъ мною въ день безпорядковъ, вечеромъ, въ толпѣ, гдѣ онъ самъ похвалялся своими дѣйствіями во время бунта,—мягко и съ улыбкой отвѣтилъ приставъ.

— Слѣдовательно, вы арестовали подсудимаго на основаніи его собственнаго признанія объ участіи въ безпорядкахъ?—спросилъ защитникъ Зубкова.

Приставъ отвѣтилъ любезнымъ наклоненіемъ головы.

— Не можете-ли намъ сказать, въ какихъ выраженіяхъ онъ учинилъ это признаніе или выражалъ похвальбу?

— Гдѣ-же припомнить выраженія? — пожимая плечами и улыбаясь, отвѣтилъ Синайскій.

— По крайней мѣрѣ ихъ смыслъ?

— Какъ сказать?.. При томъ-же его видъ: онъ весь былъ оборванъ, кромѣ пиджака, который уже успѣлъ, вѣроятно, смѣнить. Панталоны, жилетъ, рубашка—все было изорвано на немъ... согласитесь... Кромѣ того, тутъ-же было заявлено, что видѣли въ толпѣ во время безпорядковъ... при разгромѣ первой полицейской части.

— Кто вамъ заявилъ?

— Не могу съ достовѣрностью припомнить. — Синайскій потиралъ лобъ.—Кажется, бывшіе тутъ-же городовые или пожарные... не помню.

— А слышали-ли это, кромѣ бывшихъ при васъ городовыхъ, еще и рядовые команды, которая была съ вами?

— Не знаю... откуда-же?.: конечно, вѣроятно...

— А вы не помните, кто такіе были эти рядовые?

Приставъ пожалъ плечами и съ иронической улыбкой оглянулся на публику.

— Изъ дѣла видно, что при васъ были рядовые Звягиловъ, Филипьевъ и Алѣевъ. А бывшіе съ вами городовые, это—Степанъ Кондрачукъ, Савостьянъ Тырловъ и Абрамъ Лейзеровъ Шульманъ?—продолжалъ защитникъ.

Приставъ бросилъ на защитника нѣсколько озадаченный взглядъ; но тутъ-же оправился.

— Кажется... да... да... вѣрно, вѣрно: они самые.

Рядовые Звягиловъ и Алѣевъ на всѣ вопросы предсѣдателя отвѣчали только одно:—никакъ нѣтъ ваше, пр—во!—а Филипьевъ прибавилъ, что «они ихъ взяли значитъ за грудки, а они ихъ за ручку».

— Зубковъ при арестѣ оказалъ сопротивленіе, — любезно пояснилъ Синайскій.

Ничего не выяснило и показаніе городового Тырлова, который все вздыхалъ, растерянно оглядывая то судъ, то пристава. А Абрамъ Шульманъ, уже уволенный отъ службы, въ засаленномъ старомъ пиджакѣ, уныло смотрѣлъ передъ собою, повторяя:—и ницаво не слисилъ, ницаво не видилъ.

Показаніе пристава Синайскаго, такъ понравившееся и суду, и публикѣ, начинало какъ будто стушовываться. Хотя ни противъ него лично, ни противъ его показаній ничего сказано не было, но чувствовалось, что довѣріе къ точности его наблюденій и его памяти колеблется. Онъ самъ это замѣчалъ: видѣлъ странные взгляды, кидаемые въ его сторону, слышалъ странный шопотъ и чувствовалъ себя неловко. Даже городовой Кондрачукъ, прямо подтвердившій его показаніе, не только не вывелъ его изъ неловкаго положенія, но еще усугубилъ его смущеніе. Этотъ городовой произвелъ на нѣкоторыхъ прямо удручающее впечатлѣніе. Онъ началъ съ того, что, указавъ на Митю и сидѣвшаго рядомъ съ нимъ Гришку, со смѣхомъ, раздраженно и—въ присутствіи столь важнаго начальства, слишкомъ громко и развязно—заявилъ: «аны никогда ваше бродіе, другъ безъ дружки...» И три раза, не смотря на всѣ другіе вопросы, все повторялъ свое:—«никогда другъ безъ дружки, ваше бродіе, завсегда умѣсти...»

— Васъ, Кондрачукъ, спрашиваютъ о томъ, видѣли ли вы

Зубкова при разгромѣ полицейской части. Отвѣчайте!—не выдержавъ, тоненькимъ голоскомъ задребезжалъ Синайскій.

— Та кажу-жъ, выдилъ, — отвѣтилъ Кондрачукъ, водя глазами по полу.

— Кондрачукъ!!—раздался въ залѣ громкій окликъ. Кондрачукъ испуганно вскинулъ голову и встрѣтился съ сверкающимъ, пронизывающимъ взглядомъ Мити. Медленно, сдавленнымъ голосомъ и какъ-бы ударяя каждымъ отдѣльнымъ звукомъ, Митя произнесъ:

— Ты-ы?? ты самъ видѣлъ меня при разгромѣ полицейской части?!..

Неизвѣстно, какой послѣдовалъ-бы отвѣтъ, если-бы Кондрачукъ принужденъ былъ дать его тутъ-же, подъ гипнотизирующимъ взглядомъ Мити. Но предсѣдатель прервалъ:

— Подсудимый Зубковъ! вы не должны говорить «ты» свидѣтелю... вообще такъ рѣзко и повелительно не должны обращаться къ нему.

Кондрачукъ оправился.

— Та вже-жъ, коли выдилъ, такъ *своими*, не чужими.— Кондрачукъ мотнулъ головой и даже усмѣхнулся.

— Не желаете-ли, подсудимый, отвѣтить, вѣрно-ли то, что при арестѣ все ваше платье было изорвано?—спросилъ предсѣдатель.

— Совершенно вѣрно.

— Гдѣ-же вы его изорвали, если, какъ вы говорите, не участвовали въ безпорядкахъ и весь день проспали дома?

— Меня г. приставъ называетъ ночнымъ гулякой и буяномъ. Ваше пр—во! Я, дѣйствительно, буянъ и даже гуляка. хотя пью не особенно много. Мнѣ въ ночь передъ безпорядками пришлось сильно подраться: я съ нѣсколькими товарищами выдержалъ нападеніе цѣлой толпы.

— За что-же на васъ напали?

— Я не совсѣмъ вѣрно сказалъ: скорѣе я напалъ на другихъ... Но... ваше пр—во! прошу васъ мнѣ повѣрить хоть въ одномъ: я—не такой образованный человѣкъ, какимъ меня считаетъ г. приставъ Синайскій; но я не такой глупецъ, чтобы вѣрить баснямъ, будто англійская королева подкупаетъ докторовъ. Я не пойду съ толпой жечь больницу и убивать фельдшеровъ и врачей.

— Но васъ могъ интересовать разгромъ полицейской части по другой причинѣ. При вашемъ отношеніи къ чинамъ полиціи, какъ вы сами здѣсь сказали...

— Можетъ быть, не знаю, если-бы я былъ въ это время тамъ, я не отсталъ-бы отъ тѣхъ, которые громили полицейскую часть. Но я... ваше пр—во! вѣрьте совѣсти, я не былъ тамъ и весь день проспалъ; даю слово честнаго челов...

Митя вдругъ оборвалъ и, горько улыбнувшись, опустилъ голову. Голосъ его звучалъ неподдѣльной искренностью и, видимо, дѣйствовалъ на судъ.

— Кто-же можетъ подтвердить ваши слова? Кто знаетъ, что вы спали дома?

— Кто-же?—съ грустью отвѣтилъ Митя,—это знаетъ моя жена. Но кто-жъ ей повѣритъ? Здѣсь есть два человѣка, но это—такіе-же арестанты, какъ я...

— Но, можетъ быть, есть другіе свидѣтели! Назовите ихъ. Мы, съ согласія г. прокурора, можетъ быть, вызовемъ ихъ вмѣстѣ съ вашей женой, и дѣло разъяснится.

Митя нѣкоторое время молчалъ, какъ будто что-то соображалъ и колебался. Въ это время Сергѣй Сидорычъ, улыбаясь, наклонился къ прокурору. Его движеніе уловилъ Митя, и глаза ихъ встрѣтились. Сергѣя Сидорыча точно какая-то сила откинула назадъ къ спинкѣ кресла, а Митя, поднявши глаза на предсѣдателя, рѣшительно произнесъ: — Нѣтъ, никого не знаю!

Сочувствіе къ Митѣ слышалось въ тонѣ и въ голосѣ предсѣдателя, и шансы его росли. Черезъ три дня, однако, одинъ изъ свидѣтелей, маленькій, желтолицый мѣщанинъ совершенно неожиданно заявилъ, что, въ числѣ другихъ, при разгромѣ полицейской части, онъ видѣлъ и подсудимаго Зубкова. Бойкой скороговоркой разсказалъ онъ, какъ Митя работалъ оглоблей въ рукахъ, и даже показалъ, какъ онъ «этакимъ манеромъ высадилъ дверь въ кабинетѣ господина пристава». На вопросъ защитника, почему онъ ничего объ этомъ не сказалъ слѣдователю, когда перечислялъ всѣхъ, кого видѣлъ при разгромѣ части, бойкій свидѣтель отвѣтилъ, что «его объ Зубковѣ господинъ слѣдователь не спрашивали; а безъ приказанія какъ возможно? А кромѣ всего изложеннаго, можетъ, и запамятовалъ въ этотъ моментъ».

Прокуроръ попросилъ показаніе этого свидѣтеля цѣликомъ занести въ протоколъ.

О «живомъ человѣкѣ въ гробу», который не давалъ покоя Фролу Савосину, показалъ офицеръ, приведшій команду во время пожара больницы; причемъ сказалъ, что того человѣка онъ не считаетъ злоумышленникомъ, нарочито залегшимъ въ гробъ, чтобы волновать толпу; это былъ несомнѣнно больной, умирающій. По словамъ офицера, зрѣлище это произвело на него такое тяжелое впечатлѣніе и такъ его потрясло, что въ замѣшательствѣ онъ не замѣтилъ даже, какъ вынесли гробъ этотъ на-показъ толпѣ. Старика, гремѣвшаго передъ толпой, офицеръ узналъ, а о Фролѣ Савосинѣ показалъ, что его не замѣтилъ.

— Какъ-же, ваше благородіе! я самъ тебѣ казалъ упокойниковъ-то,—быстро возразилъ Фролъ.

— Что-жъ, ты тоже поилъ покойниковъ молокомъ?—спросилъ предсѣдатель.

— Поилъ, батюшка, поилъ.

— Никого не отпоилъ?—улыбнулся предсѣдатель.

— Оченно омрачились, замлѣли сердешные. Кабы ранѣ...

Въ залѣ послышался сдержанный смѣхъ.

Прокуроръ просилъ выяснить, какимъ образомъ Фролъ Савосинъ, будто невзначай и случайно, однако, фигурируетъ почти на всѣхъ главныхъ пунктахъ: и при разгромѣ аптеки, и при убійствѣ Поморскаго, и въ той толпѣ, которая караулила студента, спасшагося на церковной колокольнѣ. «Не можетъ-ли подсудимый Савосинъ объяснить это, поистинѣ удивительное совпаденіе случайностей?»

Поистинѣ удивительнаго совпаденія случайностей подсудимый Савосинъ объяснить не съумѣлъ.

Въ числѣ подсудимыхъ оказался и тотъ самый субъектъ, который наканунѣ безпорядковъ, въ присутствіи Мити, разсказывалъ толпѣ, какъ его самого въ больницѣ отравили и чуть было не похоронили живьемъ. По документамъ онъ значился черноярскимъ мѣщаниномъ, по имени Андрей, но со странной не то татарской, не то нѣмецкой фамиліей—Бирманъ. Документы казались дѣйствительными. Его въ тюрьмѣ призналъ Гришка и замѣтилъ, что онъ все время сторонился и отъ него, и отъ Мити. Забрали его на берегу, какъ забирали многихъ другихъ; при немъ оказался небольшой ящикъ съ хирургическими инструментами и микроскопъ. Собственника этихъ вещей въ городѣ не оказалось, а Бирманъ заявилъ, что «нашелъ ихъ межъ пятериковъ дровъ». Кромѣ этихъ инструментовъ и микроскопа, противъ него никакихъ уликъ не было. Полицейскіе и даже самъ приставъ Синайскій не узнавали его. Погубилъ его другой подсудимый, калмыкъ Тохта.

Въ слѣдственномъ производствѣ имѣлось очень пространное показаніе этого калмыка, данное, какъ сказано, черезъ переводчика. Но на судѣ, несмотря на присутствіе переводчика, ничего нельзя было понять, какъ ни бился переводчикъ и какъ, повидимому, ни старался самъ Тохта, призывая на помощь все богатство своихъ лингвистическихъ познаній въ русскомъ, киргизскомъ и татарскомъ языкахъ. Выяснилось только, что въ городъ онъ пришелъ изъ степи—неизвѣстно зачѣмъ; что на пути присталъ къ народу—неизвѣстно какому; что около воды таскалъ на спинѣ дрова, вѣроятно, разгружалъ дровяную баржу; и при этомъ «Тохта ѣлъ, хорошо ѣлъ: днемъ ѣлъ, вечеромъ ѣлъ»; потомъ пересталъ таскать дрова и «Тохта не ѣлъ». Онъ тоже съ народомъ ломалъ домъ; «много ломалъ» (Тохта показалъ на окна, столы и стулья). О себѣ, впрочемъ, хитрый дикарь замѣтилъ, что самъ онъ «нѣтъ ломалъ, кушалъ, горячъ,

у-у-у! горячъ кушалъ» (пробрался въ кухню и стащилъ, что было на плитѣ). Того народа, который ломалъ домъ, здѣсь нѣтъ «Айда»!—ушли»! одни—направо, другіе — налѣво, показалъ руками калмыкъ. Только троихъ узналъ онъ, и въ числѣ ихъ оказался и Андрей Бирманъ. Тотъ отпирался, увѣряя, что калмыкъ «показываетъ по насердкамъ».

— Что такое вы сказали?

— По насердкамъ показываетъ, ваше пріосходительство; въ сердцахъ значитъ, сердитъ на меня.

— За что?

— А я его, извините, ваше пріосходительство, двѣстительно, избилъ. Мы ночевали межъ пятериковъ; онъ съ нами. Перва ходилъ на разгрузъ, этакъ денъ съ пять ходилъ; а посля приволокъ откуда-то бычачью ногу, что-ли, и улегся съ ей. Вонище! глядѣть противно, съ души воротитъ, ваше пріосходительство! Мы его—гнать, а онъ отойдетъ за другой пятерикъ и опять свое—грызетъ... Ну, двѣстительно, извините, избилъ его, ваше пріосходительство...

Тохта подтвердилъ, что его били; но только били его «другой бачка»; а *этотъ* не билъ.

IV.

Наконецъ наступилъ роковой день объявленія приговора. Передъ зданіемъ суда—рота солдатъ. Конные стражники и казаки употребляютъ всѣ усилія, оттѣсняя народъ подальше и, не смотря на это, отдѣльныя кучки съ разныхъ сторонъ пробираются къ центру площади, стремясь къ зданію, гдѣ въ этотъ день рѣшается участь подсудимыхъ.

Въ судебномъ залѣ—сдержанный, тревожный шопотъ. Не смотря на то, что судебныя пренія длились три дня, ни подсудимые, ни публика въ точности не знали, чѣмъ грозитъ та страшная 279 статья свода военныхъ постановленій, о которой такъ много говорили и прокуроры, и защитники. Прокуроры, хотя и требовали примѣненія этой статьи къ нѣсколькимъ десяткамъ подсудимыхъ, но не касались ея содержанія и какъ-бы страшились подымать завѣсу, за которой скрывается ея роковой смыслъ. И защитники много говорили о ней: три дня доказывали они, что въ холерныхъ безпорядкахъ нельзя видѣть ни бунта, ни возстанія противъ властей, ни сопротивленія имъ; что въ своемъ ослѣпленіи суевѣрная масса, если не вся, то въ значительной части, была, напротивъ, вполнѣ искренно убѣждена, что, разрушая хранилища отравы и наказывая отравителей, она дѣйствуетъ въ согласіи съ властью, даже прямо помогаетъ ей, а не идетъ противъ ея благихъ

предписаній. Много разъ произносились слова: «279 статья», «грозное содержаніе этой статьи», «страшная репрессія, установленная этой статьей», «ужасное наказаніе по этой статьѣ» и проч.; но самое наказаніе, страшная эта репрессія, ужасное слово: «смерть» ни разу не было произнесено въ преніяхъ и каждый разъ какъ-бы застывало на губахъ говорившаго. Лишь немногіе изъ публики понимали, въ чемъ дѣло, и болѣе смышленные изъ подсудимыхъ догадывались, что рѣчь идетъ о ихъ жизни, что одни—обвинители ихъ, хотятъ отнять у нихъ право на эту жизнь, а другіе—защитники отстаиваютъ его. Догадывался, конечно, и Митя, догадывался, но не вѣрилъ. Онъ не вѣрилъ, что такое наказаніе можетъ грозить людямъ, съ которыми онъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ жилъ въ тюрьмѣ, гдѣ многихъ успѣлъ узнать, гдѣ успѣлъ убѣдиться, что это—такіе-же люди, какъ и всѣ; что есть между ними и глупые, и умные, и честные, и плутоватые, и пустые, и серьезные; что въ общемъ большая часть изъ нихъ—темные, простодушные, вѣрующіе и любящіе отцы, мужья, сыновья и братья. Онъ ушамъ своимъ не вѣрилъ и думалъ, что ослышался, когда прокуроръ потребовалъ примѣненія этой статьи къ старику Антонычу и къ Фролу Савосину. Къ Фролу Савосину! Фролъ въ теченіи всего суда не переставалъ считать себя чѣмъ-то въ родѣ свидѣтеля или жалобщика, призваннаго разсказать начальству все, что онъ видѣлъ, пріѣхавъ изъ своей деревни въ городъ. Когда, послѣ одного засѣданія, гдѣ Фролъ самъ всѣми мѣрами силился доказать свое присутствіе на пожарѣ больницы и самъ напоминалъ о себѣ неузнававшимъ его свидѣтелямъ, защитникъ сказалъ ему:—«ты что, Фролъ, самъ суешься, когда другіе тебя не тащатъ, не узнаютъ?»—Фролъ ему отвѣтилъ:—«Эхъ, баринъ, ты ребятъ вотъ спроси: я пищи рѣшился, сна рѣшился, и все то они, голубчики, всю ночь плачутся: поди да разскажи, какъ насъ мучили, какъ тиранили... Ну, вотъ и «разсказалъ»... И Митя понималъ, что мысль объ отравѣ до-того глубоко засѣла въ слабой головѣ Фрола, до того охватила все существо этого темнаго, добродушнаго мужика, что довела его отуманенный мозгъ до галлюцинацій; Митя понималъ, что Фролу въ дѣйствительности чудятся замученные будто-бы врачами покойники и слышатся ихъ молящіе, жалобные стоны. Или Антонычъ! Неужели-же и этотъ старикъ, который втеченіи своей долгой жизни врядъ-ли нанесъ кому серьезную личную обиду, неужели и онъ долженъ быть наказанъ по этой страшной 279 статьѣ? Въ безпорядкахъ то вѣдь онъ никакого участія не принималъ; даже тотъ старикъ, который наблюдалъ изъ окна своей квартиры убійство Поморскаго, объ Антонычѣ показалъ лишь, что видѣлъ его у трупа несчастнаго молодого человѣка. Неужели-же судьи не поймутъ, что этотъ старикъ не могъ участвовать

въ кровавомъ дѣлѣ? Вѣдь, достаточно взглянуть на него, чтобъ понять, что одно лишь чувство жалости могло привлечь его къ трупу. А эти слезы, эти упреки, а то озлобленіе, съ которымъ старикъ Антонычъ накинулся на убійцъ! Неужели-же *они* не поймутъ?.. И даже о немъ самомъ, о Митѣ! Неужели же *они* повѣрятъ свидѣтелю, который тутъ такъ очевидно вралъ про него, такъ несвязно разсказывалъ объ оглоблѣ и Богъ знаетъ о чемъ? Неужели-же *они* сочтутъ его, Митю, способнымъ на такое глупое, дикое дѣло?

— «Нѣтъ, это невозможно, этого не будетъ! *Они* увидятъ, *они* поймутъ; это такъ просто, такъ ясно!»..

И Митя надѣялся и вѣрилъ, что *они* поймуть то, что ему казалось такимъ простымъ, и такимъ яснымъ... А между тѣмъ, когда-же человѣкъ понималъ человѣка? . . . .

. . . .

— Вотъ и дано «надлежащее разъясненіе!»—обратился, выходя изъ суда, Сергѣй Сидорычъ къ le beau Serge'у, припомнивъ ему его рѣчь въ земскомъ собраніи. Молодой консерваторъ посмотрѣлъ на генерала своими красивыми глазами молча, холодно, недружелюбно.

Сергѣй Сидорычъ мысленно упрекнулъ себя за слишкомъ большую фамильярность «съ этими молокососами».

V.

Народъ на площади, еще до выхода осужденныхъ, точно по какому-то наитію, узналъ, что осудили на смерть: кто говорилъ двадцать, кто—тридцать, кто—пятьдесятъ человѣкъ. Съ быстротою молніи разнеслась эта роковая вѣсть, и народъ сталъ напирать къ зданію суда. Усилія казаковъ оказались недостаточны, пришлось выдвинуть впередъ роту.

Копылинъ съ Ройеромъ уже были на большой городской улицѣ, когда ихъ нагнали три крестьянскія телѣги. Съ одной изъ нихъ соскочилъ лѣтъ шестнадцати мальчикъ, въ черной суконной блузѣ и подбѣжалъ къ Копылину. Копылинъ узналъ въ немъ одного изъ помощниковъ садовника князя Кейстутъ Вилинскаго. Мальчикъ усердно просилъ сообщить ему, «какое рѣшеніе вышло Митрію Иванычу».

— Плохо, голубчикъ, плохо: осудили на смерть.

— Охъ, Господи!—мальчикъ схватился за животъ.—А дѣдушкѣ Антонычу?

— Тоже!

— А Фролъ Копъ вскій?—уже почти плача, спрашивалъ мальчикъ.

— И его, и его—махнувъ рукой на ходу, отвѣтилъ Копылинъ.

Мальчикъ побѣжалъ обратно къ телѣгамъ.

Мужики слушали его и, снявши шапки, медленно крестились.

Копылинъ съ Ройеромъ пошли по направленію къ дому князя Кейступъ-Вилинскаго.

Князь быстрыми шагами ходилъ по ковру своего обширнаго кабинета. Онъ всей своей статной, дородной фигурой нервно вздрагивалъ на ходу; бѣлой, пухлой, по формѣ женской рукой онъ то пощипывалъ свою окладистую сѣдую бороду, то теръ широкую, раскраснѣвшуюся плѣшь. На диванѣ сидѣла княгиня Софья Никаноровна, а дальше, вглубь комнаты, у письменнаго стола, во фракѣ со значкомъ, адвокатъ, защитникъ Мити и Антоныча, своими близорукими глазами слѣдилъ за движеніями князя. Онъ то надѣвалъ пенснэ и подавался впередъ, какъ-бы собираясь отвѣчать князю на его быстрые, отрывочные вопросы, то опять снималъ пенснэ и отклонялся къ спинкѣ стула.

— Да какъ-же это? какъ это возможно? Антонычъ! Антонычъ—преступникъ? Антонычъ убійца? Антонычъ мухи на своемъ вѣку не обидѣлъ!.. А Митя?—продолжалъ князь порывистымъ, почти пискливымъ голосомъ.—Я прежде самъ думалъ, не вѣрилъ Аришѣ, полагалъ,—лжетъ, скрываетъ. Послѣ узналъ, убѣдился: онъ вѣдь дѣйствительно весь день проспалъ, тамъ совсѣмъ не былъ... Какъ же это?

Князь, не дожидаясь отвѣта, кидалъ вопросъ за вопросомъ, говорилъ съ несвойственной ему быстротой и плавностью. Въ голосѣ его слышалась сухая, точно скрипъ, жесткая нотка.

Княгиня съ безпокойствомъ глядѣла на мужа. Она знала, что, охваченный сильнымъ волненіемъ, князь говоритъ не такъ, какъ всегда: его рѣчь, въ такія минуты, льется плавно, горячо. И эта плавность и горячность его рѣчи, и своеобразный сухой скрипъ его голоса—признакъ сильнѣйшаго волненія—пугали ее. И въ то же время его «Митя», его «Ариша», въ присутствіи посторонняго, почти незнакомаго человѣка, казались княгинѣ совершенно лишней интимностью и коробили ее.

Когда вошелъ Копылинъ, князь обратился къ нему съ тѣми же вопросами.

— Почему-же Митя меня..?—Князь недоговорилъ и ближе подступилъ къ Копылину.—Помилуйте! Вѣдь я знаю,—его тамъ не было, я могъ сказать,—онъ не виновенъ... Почему же?..

— Не знаю, князь,—не сразу отвѣтилъ Копылинъ, — не знаю, вѣроятно, не желалъ... не хотѣлъ васъ...

— Да! публичный допросъ! Щадилъ меня... Бѣдный Митя! Бѣдный мой Митя!

При послѣднихъ словахъ княгиня быстро опустила глаза. Всѣ замѣтили это движеніе, кромѣ князя.

— Но чѣмъ же доказано? какъ доказано?

— Субъектъ преступленія въ данномъ случаѣ это—толпа. Такъ, кажется?—обратился Ройеръ къ адвокату.—Въ движеніяхъ массы нѣтъ возможности съ точностью опредѣлить дѣятельность каждой отдѣльной единицы. Достаточно доказать, что тотъ или другой подсудимый находился въ толпѣ и принималъ участіе въ ея дѣйствіяхъ. Такъ, кажется?

— Но позвольте, какъ-же?—горячился князь:—Достаточно доказать, что былъ въ толпѣ. Но вѣдь одинъ больше, другой меньше. У каждаго своя, какъ сказать? отдѣльная воля, отдѣльная жизнь. Это вѣдь, какъ сказать? совершенно субъективно...

— Не знаю, князь, я не юристъ. Когда поднимается тифонъ,—продолжалъ Ройеръ,—и несется на насъ грозя затопить нашъ корабль, мы стрѣляемъ въ него, не разбирая, куда попало, лишь бы разбить. Тутъ нѣтъ времени думать объ отдѣльныхъ капляхъ, изъ которыхъ состоитъ этотъ смертоносный столбъ. Когда же онъ упадетъ и опять сольется съ волнами, опять, вмѣстѣ съ ними, спокойно несетъ нашъ корабль,—какъ его найти? какъ отыскать тѣ самыя капли, которыя грозили нашему кораблю?..

VI.

Домна Савоѳина стояла у своей избы, когда на трехъ телѣгахъ изъ города возвратились мужики. Она въ теченіи трехнедѣльнаго засѣданія суда еще два раза ходила въ городъ; оба раза долго простаивала у зданія суда, но ничего не добилась и даже не видѣла мужа. Ею уже начинало овладѣвать сомнѣніе; непонятная ей задержка Фрола вызывала тревогу за его участь. Но она все же надѣялась, крѣпкая его увѣренностью и тѣмъ полнѣйшимъ спокойствіемъ, съ которымъ онъ, при послѣднемъ кратковременномъ свиданіи, дѣлалъ распоряженія по хозяйству, «неровно еще тутъ задержутъ».

Поровнявшись съ Домной, мужики сняли шапки и поклонились ей медленнымъ, низкимъ наклоненіемъ головы. Непривычная къ такой почтительности, Домна не приняла поклоновъ на свой счетъ и, не отвѣтивъ мужикамъ, оглядывалась

кругомъ, ища того, къ кому эти почтительные поклоны могли относиться. Убѣдившись же, что односельцы поклонились именно ей, она сильно смутилась, и ее охватила неопредѣленная тревога. Она хотѣла было уже бѣжать за проѣхавшими телѣгами, какъ изъ избы раздался слабый голосъ ея сына Васяньки:

— Мама! мама!

Домна вошла въ избу. Васянька лежалъ на широкихъ доскахъ кутника, быстро и тяжело дыша. Отъ его воспаленнаго, кирпичнаго цвѣта личика несло жаромъ.

— Испить!..

Домна подняла ковшъ къ его губамъ; но мальчикъ пить не могъ: глотанье причиняло ему боль, и онъ, сдѣлавъ съ усиліемъ два глотка, вновь отвалился на изголовье.

Мать въ раздумьи стояла надъ нимъ и прикладывала смоченную водою тряпочку къ его горячему лбу.

Вошла маленькая, сморщенная старушка, извѣстная въ селѣ Марѳа-Модница, долгіе годы жившая прежде на барскомъ дворѣ.

— А ты, слышь, Домнушка, не убивайся, милая: все въ Божьей волѣ; никто, какъ Богъ!—заговорила старушка. Но по вопросительному, недоумѣвающему взгляду Домны сейчасъ замѣтила, что исходъ суда и участь Фрола ей неизвѣстны.

— Были въ городу?—робко спросила Домна о проѣхавшихъ мужикахъ.—Обсчетъ суда...

— Нѣтъ, милая, должно еще не прикончился—поспѣшно перебила ее Модница.—Тебѣ бы сходить самой...

— И то сходить, да вотъ Васянька.

— А что?—Марѳа-Модница подошла ближе, внимательно всматриваясь въ больного мальчика и прислушиваясь къ его дыханію.

— Вотъ третій день головкой жалится; жаръ по емъ, по всѣму тѣлу. Все-бы пить, ѣды—ни Боже мой.

— Вотъ этакъ-же у Акулины Липатовой, что въ Сосновку отдана, мать-просвирня,—пояснила Марѳа Модница:—дѣвочка ужъ большенька, годковъ восьми иль девяти; головка, да головка, жаръ и опухъ округъ шеи. На третій день кончилась.

Почти до полуночи просидѣла Марѳа Модница у Домны, помогая ей ухаживать за больнымъ и укачивать грудную дѣвочку, которая то и дѣло просыпалась въ люлькѣ, висѣвшей у печки.

За полночь жаръ у Васяньки сталъ спадать и къ разсвѣту почти совсѣмъ упалъ. Но Васянька казался еще слабѣе: онъ уже не просилъ пить; недвижно лежалъ на спинѣ, безсильно откинувъ на бокъ головку.

Домна замѣтила, что руки и ноги у него начинаютъ холодѣть.

— Никакъ помирать хочешь, Васяня?—тихо шептала мать, наклонившись къ лицу сына.

Васянька молчалъ, уставясь въ нее неподвижными, мутными глазами.

Домна поправила ему волосы, сбившіеся на лобъ, и тихо гладила его бѣлокурую головку.

— Помирать хочешь, сыночекъ?..

— По-ми-лать!—еле слышно шепталъ Васянька.

Сквозь мутныя оконныя стекла слабо сквозилъ отблескъ разсвѣта. Корова стояла у избы, закрывая своей сѣрой массой окно, и мычала, вытянувъ морду черезъ низкую калитку. Вдали раздался рожокъ мірского пастуха.

— О-охъ! ещо не доена!—Домна вскочила и быстро вышла изъ избы.

Когда она, спустя полчаса, съ полной доенкой вернулась въ избу, Васянька лежалъ мертвый, закинувъ назадъ уже побѣлѣвшее личико и подвернувъ къ подбородку крѣпко сжатую въ кулачокъ руку.

Домна поставила доенку и выбѣжала. Она бѣжала къ барскому двору. Выглянувшій въ ворота парень, почесываясь и зѣвая, сообщилъ ей, что «господа вечоръ уѣхали въ городъ». Домна мимо барскаго двора побѣжала въ городъ.

Солнце яснаго, прохладнаго сентябрьскаго утра стояло еще не высоко, когда Домна подошла къ тюремному замку. Часовой медленно ходилъ передъ входною дверью тюрьмы; рѣшетчатыя ворота тюремнаго двора были еще заперты. Домна долго стояла у воротъ, пока одинъ изъ тюремныхъ служителей не обратилъ на нее вниманія.

— Васянька померъ. Хоронить отпустютъ, чтоль?.. Утресь померъ...

— Да тебѣ кого?—вторично съ нетерпѣніемъ спрашивалъ ее старый унтеръ.

— Фрола, хозяина... Не пущаютъ развѣ?.. Утресь только...

— У насъ только два разъ въ недѣлю допущаютъ свиданія арестантовъ,—авторитетно объявилъ унтеръ и прошелъ дальше.

Языкъ суроваго стража оказался слишкомъ оффиціальнымъ для пониманія Домны. Она продолжала стоять и ждала до тѣхъ поръ, пока тотъ же унтеръ, проходя вторично мимо воротъ, не окрикнулъ ее:—Чего-жъ стоишь попусту? Сказано: сегодня не допущаютъ; только два раза въ недѣлю.

Домна направилась къ дому князя.

Леночка, свѣжая, здоровая, съ распущенными волосами, въ синенькой теплой тужуркѣ съ утра играла въ саду съ Катей. Четырехлѣтняя Катя восхищенно бѣгала за колясочкой, въ которой три большія куклы дѣлали визиты, переѣзжая отъ

одной бесѣдки къ другой. Няня Клавдія ходила по аллеямъ за дѣтьми, сдерживая слишкомъ пылкую ихъ бѣготню. Она съ вечера уже знала о приговорѣ военнаго суда и о судьбѣ Мити, и увела Леночку съ Катей въ дальнія аллеи, всѣми мѣрами стараясь отдалить дѣтей отъ флигеля, гдѣ, на попеченіи Юліи Райской, въ конвульсивныхъ рыданіяхъ билась Ариша.

— А ты, Леночка, не такъ шибко; колясочка-то не легенькая; спотѣешь, простудишься, дѣточка.

— Мы, нянечка, только поѣдемъ съ визитомъ къ баронессѣ, туда, туда-а-а, дале-е-ко, и вернемся обѣдать... Мы не очень побѣжимъ.

И Леночка легкой рысцой повезла колясочку внизъ, къ людской избѣ. Свернувши по боковой тропинкѣ, она увидѣла сидѣвшую за избой Домну и остановилась, вопросительно глядя на незнакомую ей деревенскую женщину.

— Тебѣ кого, милая?—издали спрашивала подходившая няня Клавдія.—А-а, Домнушка! Я издали тебя не признала. Ты... Няня хотѣла было что-то сказать, но остановилась, вспомнивъ о Фролѣ.

— Васянька,—глухо проговорила Домна, вставая и подходя ближе къ Клавдіи.

— Васянька? А что такое?

— Померъ, утресь померъ; хоронить...—не говорила, а шептала Домна. Правая щека ея конвульсивно вздрагивала и прыгала.

— Померъ? о, Господи!—Няня прижала руку къ груди; въ глазахъ ея показались слезы.

При видѣ этихъ слезъ и Домна заплакала; заплакала тихо, робко.

Леночка слышала слова: «Васянька померъ», видѣла слезы няни и Домны и стояла, тревожно оглядывая то свою няню, то незнакомую ей женщину.

— А старшенькая?—спросила няня.

— Анютка? дома,—всхлипывая, отвѣтила Домна.

Услышавъ слово «Анютка», Леночка бросилась къ своей колясочкѣ, вынула изъ нея самую большую куклу и, подбѣжавъ къ Домнѣ, всѣми силами старалась ей втиснуть въ руки игрушку.

— Возьми! возьми!—дрожащимъ голосомъ настаивала Леночка.

Домна машинально взяла куклу и стояла, утирая рукавомъ слезы.

Вдругъ Леночка схватила руку Домны, горячо прильнула къ ней губами и зарыдала.

— Леночка! Что ты, дѣточка? что ты, голубчикъ мой?—спохватилась няня Клавдія, поспѣшно уводя дѣвочку.

Домну снабдили всѣмъ необходимымъ и отвезли обратно въ Копьевку.

Возвратясь домой, она увидѣла своего Васяньку уже въ гробу. Сосѣди, съ ранняго утра привлеченные крикомъ грудной дѣвочки, вошли въ открытую избу, увидали умершаго и, до возвращенія Домны, сколотили гробикъ и обрядили маленькаго покойника.

Только здѣсь, увидѣвъ въ гробу уже осунувшееся, исхудалое личико, бѣлый, почти блестящій лобикъ своего единственнаго сына, Домна дала волю своему горю. И полились тѣ сердце надрывающіе вопли, тѣ ничѣмъ не сдерживаемые вопли деревенской матери, которые, разъ услышавъ, не скоро забываютъ даже наиболѣе самоувѣренные, наиболѣе самодовольные люди...

VII.

Черезъ нѣсколько дней за Васянькой послѣдовала и Леночка. Тотъ страшный недугъ, который, какъ говорятъ, еще Фараону Богомъ Израиля посланъ былъ въ видѣ послѣдней и самой страшной казни, унесъ Васяньку, унесъ и Леночку.

Два три дня кряду послѣ посѣщенія Домны Леночка проявляла особенно оживленное, игривое настроеніе: цѣлый день прыгала, пѣла, рѣзвилась.

— Канареечка ты моя!—радовалась на нее няня Клавдія.

— А у тебя опять печень болитъ, папочка?—спрашивала Леночка, привыкшая этимъ, часто при ней произносимымъ словомъ, объяснять себѣ удрученное состояніе князя.

— Да, печень, дѣточка.

— Хочешь, папочка, я тебя полечу, какъ прежде?—И Леночка обвила руками шею отца и силилась, какъ можно крѣпче, прижаться къ его груди.

Легкіе, мимолетные вспышки капризовъ и раздраженія, которые въ эти дни проявлялись у Леночки, какъ-то проходили не замѣченными.

На третій день, въ Копьевкѣ, она съ утра попросилась въ лѣсъ собирать опенки и, на возраженія няни, раздраженно и капризно настаивала. И эта настойчивость, такъ мало отвѣчавшая послушному, мягкому характеру дѣвочки, не остановила ничьего вниманія.

Пришлось уступить: взяли нѣсколько дворовыхъ дѣвочекъ и, подъ руководствомъ Юліи Райской, отправились въ лѣсъ, прилегавшій къ парку копьевскаго дома.

„Ужъ я золото хороню, хороню,
Чисто серебро берегу, берегу...“

хоромъ пѣли взрослые и дѣти, и громче всѣхъ звенѣлъ голосъ Леночки.

„Палъ, палъ перстень
Въ калину-малину...“

выводила Леночка мелодичныя, заунывныя ноты.

Весело, оживленно и неутомимо прыгала она межъ деревьевъ, съ особеннымъ искусствомъ высматривая и розыскивая знакомые ей грибы. Она уже разъ наполнила свою маленькую корзинку, и все еще продолжала искать, радуясь, что нашла и собрала больше другихъ. Но, среди этого веселья, Леночка вдругъ, безъ всякой видимой причины, горько расплакалась.

— Пойдемъ, пойдемъ, Леночка, домой: ты устала, дѣвочка, довольно! — заторопила ее Юлія. — Неопредѣленная тревога щемила ей сердце.

Послѣ обѣда Леночка жаловалась на головную боль и, противъ обыкновенія, уснула, сидя на диванѣ. Объяснили утреннею усталостью.

Къ вечеру секретарь князя привезъ ему отвѣтъ отъ предсѣдателя военнаго суда. Удивляясь, что князь проситъ разрѣшенія видѣться съ подсудимыми, «тогда какъ для его сіятельства и безъ этого во всякое время входъ въ замокъ свободенъ», предсѣдатель просилъ его «пользоваться этимъ правомъ по своему усмотрѣнію». Князь рѣшилъ на другой день посѣтить Митю и Антоныча, а княгинѣ захотѣлось посмотрѣть гастролировавшую столичную знаменитость, и она уѣхала въ городъ.

Ночью у Леночки жаръ усилился; появилась тошнота и боль въ горлѣ.

— Папочка, отчего ты не поѣхалъ въ театръ? Поѣзжай, папочка! — уговаривала Леночка.

— Какъ-же, Леночка? Ты больна, дѣточка.

— Я съ Юлей, съ няничкой и съ миссъ. Поѣзжай, папочка!

— Нѣтъ, Муличка; какъ-же я тебя оставлю, больную?

— А мама? — И недоумѣніе выразилось на лицѣ у дѣвочки: незнакомая и ей самой непріятная мысль вдругъ встревожила ее.

Князь замѣтилъ тревожное выраженіе лица дѣвочки.

— Видишь-ли, дѣточка, я уже много разъ видѣлъ эту пьесу и эту актрису видѣлъ въ Петербургѣ,—сковралъ князь.—
— Мнѣ неинтересно. А мама еще ни разу не видѣла. Она скоро пріѣдетъ.

— Ну да, папочка... да... да!..—кивала головой Леночка. Глаза ея улыбались и радостно смотрѣли на отца. Непріятное

чувство недоумѣнія сразу разрѣшилось... Ну да, папочка... да, ты уже много много видѣлъ театровъ, а мама немного...

Передъ разсвѣтомъ примчалась изъ города княгиня; пріѣхали и врачи. И князю пришлось услышать страшное, безпощадное слово: дифтеритъ...

Десятки средствъ, изъ которыхъ каждое рекомендовалось, какъ радикальное, были примѣнены; но положеніе дѣвочки все становилось хуже и труднѣе.

— Не хорошо!.. Сердце ослабѣло... пульса почти нѣтъ — мрачно ворчалъ старый докторъ. Князь, послѣ трехъ безсонныхъ ночей, слушалъ его; слушалъ, но не вполнѣ понималъ и не вѣрилъ.

И онъ самъ сталъ щупать пульсъ у Леночки. Его собственное сердце билось; онъ въ концахъ своихъ пальцевъ ощущалъ это біеніе, и ему казалось, что онъ ощущаетъ пульсъ у Леночки.

— Что-же вы говорите? у нея пульсъ сильно бьется...

Врачи молча переглянулись...

Блѣдные осенніе лучи какъ сквозь дымку свѣтили въ высокія окна и слабо мерцали на тяжелой бронзѣ камина. Большіе, старинные часы заиграли маршъ и ударили три четверти. Князь, подъ тактъ марша, шагалъ по большой, высокой гостиной, уставленной тяжелой, старинной мебелью. Часы перестали бить, а онъ шагалъ, кивая въ тактъ головой, мысленно напѣвая съ дѣтства знакомый ему маршъ. Толкнувшись колѣномъ объ ножку стола, князь споткнулся и опустился на широкій, малиновый диванъ. Онъ ушелъ въ мягкія пружины и прислонился къ высокой спинкѣ. Ему показалось удобно и покойно. Передъ его глазами бѣлѣлъ широкій, круглый циферблатъ часовъ, и онъ машинально уставился въ вычурныя, на старинный ладъ вырѣзанныя цифры.

...Пятьдесятъ минутъ... пятьдесятъ... пятьдесятъ двѣ минуты... пятьдесятъ три...

У князя рябитъ въ глазахъ; часовая стрѣлка удлинняется...

Пятьдесятъ пять... Часовая стрѣлка все длиннѣе... выше, двоится...

Нѣтъ!! это только такъ кажется!

П...я...ть...де...сятъ ш...е...с...

. . . .

И князь видитъ не стрѣлку, а дерево, тополь, не одинъ тополь, много тополей... Вотъ бѣлая акація, кусты... деревья... знакомый балконъ... И какіе-то отрывки давняго прошлаго, когда еще ничего этого этого не было, ни напасти, ни суда, ни даже Леночки,—встаютъ въ умѣ князя съ раздражающе безсвязной яркостію. Знакомыя, давно забывшія фигуры выскакиваютъ, точно маріонетки, слова, годами затерявшіяся въ

памяти звучатъ отчетливо и ясно, оттѣнки ощущеній проходятъ въ душѣ.

— Ахъ, Господи, Господи! совсѣмъ позабылъ съ утра поздравить; вѣдь Анюта Величковская сегодня именинница. Совѣстно, съ утра забылъ поздравить...

— Ха-ха-ха!—смѣется Анюта Величковская.—Вонъ вашъ предметъ любви! Вонъ вашъ предметъ! Ха-ха-ха!—Анюта хохочетъ, указывая пальцемъ на Соню Бойченко.

Сонечка, Сонечка Бойченко! Какъ выравнялась смугляночка. А давно-ли маленькой дѣвочкой съ ридикюльчикомъ и книжечками изъ пансіона бѣжитъ бывало мимо оконъ.

— Кому сегодня языкъ надѣвали, Сонечка?

— У насъ сегодня не было языка въ *пансіонѣ*.

«Въ пансіонѣ»! Какъ они здѣсь говорятъ!

Откуда взялся директоръ?

— О, дорогой князь! Какъ я осчастливленъ, какая честь! Вельможа!.. Сонечка! Сонечка! Вельможа! Какой вельможа? Зачѣмъ вельможа?

— Прощай, дорогой князинька! Прощай, голубчикъ! Теперь въ отпускъ съ молодой княгинюшкой, а потомъ и въ отставку... Не увижу тебя больше.. Не увижу!..

Маіоръ Кубатовъ плачетъ. Бѣдняжка выпилъ для сегодняшняго дня. Плачетъ... Тройки, тройки, тройки...

— Клавдія! Клавдія! Ня-ня—няня! Переливные голоса ямщиковъ покрываютъ и топотъ лошадей, и звонъ колокольчиковъ.

— Отняли! отняли, княгинюшка, вы у меня князя отняли!.. Дѣдушка Кубатовъ плачетъ, цѣлуетъ руки у Сонечки...

Туп-тупъ-тупъ-тупъ... Эй, соколы!..

— Дай Господи тебѣ, добрый товарищъ, добрый товарищъ!.. Полковникъ съ бокаломъ въ рукахъ, всѣ съ бокалами...

— Дай Господи! дай, дай, дай, ай-ай, ай, ай...

Трамъ — тамъ — тамъ... Гремятъ трубачи, весь полковой хоръ: трамъ—тамъ, тамъ... Маршъ? да, маршъ!.. А—а! это играютъ часы въ копьевскомъ домѣ, въ большой гостинной... Трамъ-тамъ-тамъ...

— Дай тебѣ Богъ, дай, дай...

— Ура! ура! ра-ра-а! . . . .

. . . .

— Баринъ! Баринъ! баринъ! ради Господа, баринъ! Скорѣе, идите!—кричитъ няня Клавдія, рыдая и ломая руки.— Баринъ! скорѣй, баринъ!..

Князь открылъ глаза. Часы доигрывали послѣдніе такты марша, длинная черная стрѣлка стояла на двѣнадцати.

— Скорѣе, ради Господа, скорѣе — Клавдія чуть не тащитъ его.

Князь вскочилъ. Няня Клавдія на бѣгу направила его въ ту комнату, гдѣ лежала Леночка.

— Наша Муличка...—Слышится чей-то глухой хриплый голосъ... Жена?..

Около кровати—спины, бороды... А—а! доктора!

Чей это затылокъ на кровати?..

Леночка лежитъ на боку съ закрытыми глазами; быстро, отрывисто дышетъ и какъ-то странно приэтомъ вскидываетъ головкой.

Зачѣмъ она такъ вскидываетъ головкой?..

Но вотъ Леночка медленно потянулась на спину и—перестала вскидывать головкой...

Кто-то страшно вскрикнулъ...

Чья-то сильная рука обхватила князя, и онъ послушно идетъ за этой рукой...

Что за звуки? Визгъ, стукъ, бѣготня...

Онъ сидитъ или лежитъ на чемъ-то мягкомъ. Ему удобно и хорошо; только голову давитъ что-то холодное, тяжелое. .

. . . .

Когда князь очнулся, онъ лежалъ на диванѣ; около него стоялъ одинъ изъ докторовъ. Тотъ-же на немъ легкій пиджакъ, въ которомъ онъ былъ съ утра; но галстуха нѣтъ; воротъ рубашки разстегнутъ и шея открыта. Пахнетъ какимъ-то противнымъ лѣкарствомъ.

Князь пристально посмотрѣлъ на доктора, будто что-то припоминая, и вдругъ поднялся съ дивана и почти бѣгомъ бросился въ комнату Леночки.

У самой двери на него пахнуло холодомъ изъ открытаго окна.

— Какъ?! окно! Кто смѣлъ? простудится!..

И на полу, у кровати, онъ увидѣлъ Леночку. Вся бѣлая лежала она, съ раскинутыми руками, на голыхъ доскахъ пола, и двѣ незнакомыя князю женщины обмывали ея нагое тѣльце.

— Что вы? какъ?..

Князь оттолкнулъ женщину, схватилъ Леночку на руки и приподнялъ ее къ себѣ. Мертвая головка дѣвочки свисла на бокъ, и тѣло ея мертвеннымъ холодомъ обдало ему лицо, грудь и все существо...

И князю показалось, что не то изъ рукъ его падаетъ Леночка, не то онъ самъ падаетъ, летитъ куда-то внизъ, въ темный, холодный колодезь...

VIII.

Несмотря на всю свою убѣдительность, приговоръ суда не произвелъ особеннаго впечатлѣнія на Фрола Савосина. Его

не трогали ни слезы и рыданія однихъ подсудимыхъ, ни серьезное, молитвенное настроеніе другихъ, въ особенности Антоныча, который готовился принять позорную смерть съ христіанскимъ смиреніемъ. Фролъ ходилъ по камерѣ и по тюремному двору молчаливый, сосредоточенный; лицо его не выражало ни печали, ни угнетенности. Напротивъ, временами на этомъ красивомъ лицѣ мелькало что-то задорное, въ большихъ сѣрыхъ глазахъ сверкалъ вызывающій огонекъ: погоди-молъ, посмотримъ еще!.. дай срокъ!

Только, когда на третій день послѣ объявленія приговора онъ узналъ о смерти своего Васяньки, его прижало: нѣсколько дней ходилъ онъ съ опущенной головой и напѣвалъ церковное. Словъ нельзя было разобрать, но скорбные, молитвенные звуки гудѣли непрерывно въ теченіи цѣлаго дня. Когда-же, спустя три недѣли, было объявлено, что осужденнымъ на смерть дарована жизнь, и смертная казнь замѣнена каторжными работами, Фролъ, выслушавъ это объявленіе, окинулъ стоявшихъ рядомъ осужденныхъ торжествующимъ, побѣдоноснымъ взглядомъ и почти насмѣшливо посмотрѣлъ на начальство. Средоточенный и молчаливый онъ продолжалъ ходить по камерѣ и по тюремному двору. Ничто, казалось, не въ состояніи было поколебать какой-то твердой увѣренности его, ничто не въ состояніи было отвлечь его отъ какой-то мысли, владѣвшей всѣмъ его существомъ. Онъ совершенно безучастно смотрѣлъ, когда ему перебривали половину головы, какъ будто это касалось вовсе не его, а кого-то другого. Онъ хладнокровно смотрѣлъ на Домну, когда она, приходя въ восторгъ, заливалась слезами; не слушалъ сообщаемыхъ ею хозяйственныхъ свѣдѣній, рѣзко отвѣчалъ на ея вопросы. Всѣ его мысли, всѣ его интересы, казалось, сосредоточены были на чемъ то другомъ, не имѣющемъ ничего общаго ни съ хозяйствомъ, ни съ Домной, ни даже съ умершимъ Васянькой.

— Такъ какъ-же велишь?

— Чего эта?

— А объ тёлкѣ, объ рыжей: продавать, что-ль? Максимиха десять сорокъ даетъ...

— А что развѣ?

— А не молочено. Свезти—свезла, а молотить чѣмъ стану?..

Фролъ смотритъ на нее и молчитъ.

— Погоди, дай срокъ...

«Когда-же годить»? — думаетъ Домна. «Осень на дворѣ, дожди пойдутъ, а немолочено».

Но, уходя, она все же рѣшается рыжую телку не продадавать и годить, пока велитъ Фролъ. Ей, правда, это распоряженіе кажется страннымъ и непонятнымъ; но за двадцати-

лѣтнюю жизнь съ Фроломъ она такъ привыкла вѣрить основательности и сообразительности своего хозяйственнаго мужа, что въ самой этой странности и непонятности его распоряженія ей мерещится нѣчто утѣшительное, свѣтится еще слабый лучъ надежды; ей еще вѣрится, что вотъ-вотъ Фролъ вернется домой и самъ распорядится объ рыжей телкѣ и обо всемъ остальномъ.

Митя въ первый день объявленія приговора проявилъ злобное, почти буйное настроеніе. Онъ неистово ругался, кричалъ, рычалъ и кидалъ такіе свирѣпые взгляды, что осужденные на смерть люди боялись подходить къ нему, сторонились и давали дорогу.

— Эй ты, монашка! стучи покрѣпче! — кричалъ онъ Антонычу, погруженному въ молитву. — Шиби лбомъ доски! Авось вымолишь: веревка лопнетъ. Только не больно надѣйся, дурья голова: одна лопнетъ, найдутъ другую...

Но черезъ два дня онъ сталъ замѣтно стихать, а узнавши о смерти Леночки, совсѣмъ затихъ. Нѣмой и недвижный, сидѣлъ онъ на нарахъ; по цѣлымъ днямъ не выходилъ изъ камеры и сидѣлъ почти безъ пищи. Онъ не выходилъ даже, когда къ нему приходила Ариша съ дѣтьми.

«У меня было большое желаніе, писалъ онъ князю, прежде чѣмъ... увидѣть еще разъ Леночку; очень большое желаніе... Я только не зналъ, какъ это сдѣлать, теперь... нѣтъ. Я васъ прошу изъ за меня не ѣздите въ Петербургъ, не хлопочите,— не надо»...

И онъ продолжалъ недвижно сидѣть на нарахъ.

Былъ одинъ мимолетный взрывъ. Это было, когда онъ увидѣлъ себя съ перебритой головой, въ кругу такихъ-же, какъ и онъ, перебритыхъ каторжниковъ. Онъ закрылъ глаза судорожно сжатыми кулаками и съ минуту простоялъ въ такомъ положеніи. Потомъ послышался не то стонъ, не то мычанье, и—раздался ударъ объ стѣну. Какъ подъ пудовой гирей, смялась и отлетѣла стѣнная штукатурка, а съ разбитой руки Мити полилась кровь. Но онъ тутъ-же оперся объ эту самую стѣну и медленно опустился на полъ.

— Мала—мала кужалъ,—пояснилъ калмыкъ Тохта̀, вертя растопыренной пятерней надъ своей перебритой головою и вглядываясь въ мертвенно блѣдное лицо и закрытые глаза Мити.

XI.

....«Князя увозятъ въ его литовское имѣніе» — писалъ Ройеръ Крулинскому, который, вскорѣ послѣ суда, оставилъ

службу и уѣхалъ въ Малороссію, въ имѣніе жены. Тамъ у него родовое, дѣдовское владѣніе, выкупленное, кажется, отцомъ его изъ чужихъ рукъ. Говорятъ, что-то въ родѣ стариннаго замка, среди вѣковыхъ лѣсовъ, замѣчательный паркъ. Надѣются, что лѣсной воздухъ будетъ ему полезенъ. Везутъ его черезъ мѣсяцъ, въ апрѣлѣ. Пока тамъ производятъ какіе-то ремонты.

Бѣдный Кейстутъ! Ѣдетъ, куда везутъ, безпрекословно подчиняется, какъ дитя! Противъ заграницы, впрочемъ, запротестовалъ. Юлія Райская—безотлучно при немъ. Что за прелесть эта Юлія!

Да! любилъ князь свою несчастную Леночку! И особенной любовью, должно быть, любилъ онъ эту несравненную дѣвочку. Должно быть, не той горячей, ключомъ бьющей, которою любятъ дѣтей своихъ молодые родители, полные жизни и силъ; а тою исключительностью и безраздѣльностью чувства, которымъ привязываются къ своимъ малюткамъ пожилые люди, на склонѣ лѣтъ... тою общностью уцѣлѣвшихъ душевныхъ силъ, тою неизмѣнностью настроенія, когда въ жизни уже не остается времени для колебаній и нѣтъ срока для выбора... когда остается лишь одинъ путь, одно направленіе... Закроется этотъ путь, закроется сама жизнь, померкнетъ лучъ, освѣщающій даль, погаснетъ съ нимъ и жизнь... И счастливъ, кому, за туманомъ этой дали, еще мерцаетъ свѣтъ, рѣютъ образы, улыбается вѣчность... Но...

Лучше разскажу вамъ послѣднюю, довольно пикантную новость. Сообщилъ мнѣ ее,—вы, конечно, догадываетесь,—Копылинъ. Это о Ренчковскомъ. Кстати, онъ получилъ переводъ, повышеніе; на дняхъ уѣзжаетъ. Такъ вотъ, мѣсяца два назадъ... Нѣтъ, не до копылинскихъ новостей мнѣ... Впрочемъ, кстати о Копылинѣ. «Болтунъ, безъ души, легкомысленный человѣкъ!» Вчера зашелъ ко мнѣ этотъ легкомысленный человѣкъ, безъ души. Разговорились о Кейстутахъ; вспомнили Леночку. Разрыдался; какъ баба, разрыдался. Поди, узнай человѣка. И о князѣ Кейстутѣ тоже, послушайте, что теперь говорятъ. Помните, пока предводительствовалъ, члены той, другой партіи, *настоящіе*, что толковали? И скроменъ слишкомъ, и сварливъ недостаточно, и насчетъ престижа ихъ не удовлетворялъ. Теперь ушелъ, оказывается, замѣстителя нѣтъ! И злѣйшіе враги, изъ *настоящихъ настоящіе*, поняли и оцѣнили. Такъ—всегда.

Прощайте... Ахъ да... забылъ. На-дняхъ ко мнѣ пришла Домна Савосина, жена Фрола, помните, на судѣ: высокаго, длиннобородаго копьевскаго мужика? «Омрачились... замлѣли сердешные»... помните? Такъ вотъ пришла просить даровой билетъ куда-бы вы думали? на «Соколиный островъ». Про-

вѣдала откуда-то, что ея мужъ на «Соколиномъ острову», и пришла просить о даровомъ проѣздѣ. «Ужъ вмѣстѣ-бы вернулись. А то, что мнѣ тутъ безъ него!» Какъ ни увѣрялъ я ее, что на «Соколиный островъ» желѣзной дороги нѣтъ и билетовъ нѣтъ: она все свое, «Мнѣ-бы, батюшка, хоть какъ нибудь. Всего я, да дѣвочка семилѣтка. А при насъ, окромя что на тѣлѣ одеженка...»

Съ тѣмъ и ушла. Должно быть,—не повѣрила.

А. Немировскій.

Желтугинская республика въ Китаѣ.

Эпизодъ, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящей статьѣ, происходилъ лѣтъ 10 назадъ. По сосѣдству съ Нерчинскимъ округомъ, въ Манджуріи, вплоть за нашей юго-западной границей съ Китаемъ, возникло своеобразное явленіе, нѣчто въ родѣ самостоятельнаго государства вольныхъ промышленниковъ, искателей золота. Вся исторія этой безпримѣрной «республики» обнимаетъ только 2 года—съ 1884 по 1886, а между тѣмъ она надѣлала не мало хлопотъ и нашей, и китайской администраціи и всполошила всю Сибирь, вызвавъ тревогу за благосостояніе не только ближнихъ, но и отдаленныхъ мѣстностей. Сибирская печать отмѣчала въ свое время разные фазисы этого необыкновеннаго эпизода исторіи, но въ столичной прессѣ онъ прошелъ почти незамѣченнымъ. Въ настоящей статьѣ мы намѣрены дать читателю по возможности полное изложеніе этой краткой, но обильной самыми удивительными происшествіями исторіи, отъ ея возникновенія и до безвременнаго конца, вызваннаго давленіемъ внѣшнихъ, можно даже сказать съ полнымъ правомъ—международныхъ обстоятельствъ.

Начнемъ съ краткаго географическаго очерка ближайшаго къ мѣсту дѣйствія Нерчинскаго округа. Находится онъ въ Забайкальѣ и представляетъ фигуру четыреугольника, южная и восточная стороны котораго служатъ вмѣстѣ и границей, отдѣляющей наши владѣнія отъ китайскихъ. По восточной сторонѣ и по самой границѣ, выходя изъ Китая, совершенно прямо съ юга на сѣверъ, не измѣняя направленія, течетъ тихая и мутная, но большая рѣка Аргунь, а наперерѣзъ ей съ запада, съ середины округа, быстро катитъ свои воды другая рѣка—историческая Шилка. Здѣсь, почти подъ прямымъ угломъ, обѣ эти рѣки сливаются и образуютъ Амуръ, уже при самомъ рожденіи своемъ имѣющій ширину отъ 200 до 300 саженъ.

Могучимъ богатыремъ, сквозь громадные скалы и утесы, извиваясь змѣей между каменными преградами, Амуръ рвется впередъ и, сжатый, точно въ тискахъ, горными утесами, стремится за тысячи верстъ къ Великому океану. Вершины горъ по обоимъ берегамъ его увѣнчаны лѣсами лиственницы и хвои, природа кругомъ дикая и суровая. При самомъ соединеніи двухъ рѣкъ, на вершинѣ утеса

лѣваго берега пріютился Усть-Счрѣлочный караулъ. Съ этого мѣста, по Айгунскому договору, заключенному въ 1858 году графомъ Муравьевымъ, правый берегъ Амура, начиная съ рѣки Аргуни и вплоть до рѣки Уссури, на протяженіи почти 2000 верстъ, остался въ китайскомъ владѣніи, а лѣвый перешелъ къ намъ.

Тотчасъ-же послѣ подписанія договора, энергичный генералъ-губернаторъ Восточной Сибири принялся заселять нашъ лѣвый берегъ. И вотъ, въ 5 верстахъ отъ Усть-Стрѣлки выросла станица Покровская на песчаномъ откосѣ Амура, когда-то покрытомъ дремучимъ лѣсомъ. Теперь она представляетъ уже большое селеніе, въ ней есть церковь, школа и до 70 домовъ зажиточныхъ казаковъ. Аргунскіе казаки были первозасельниками, какъ здѣсь, такъ и въ дальнѣйшихъ станицахъ. Въ 50 верстахъ отъ Покровской, на высокомъ крутомъ берегу, при рѣкѣ Амазаръ, поднялась Амазаръ-станица, а дальше верстахъ въ 20, на рѣчкѣ Игнашиной, гдѣ береговыя горы Амура нѣсколько понизились и отодвинулись отъ воды, раскинулась станица Игнашина, со станичнымъ управленіемъ. Дальше, по всему громадному протяженію лѣвой стороны рѣки, вплоть до Амурскаго лимана, на разстояніи 20—30 верстъ другъ отъ дружки потянулись станица за станицей.

Между тѣмъ, правый китайскій берегъ на сотни верстъ, вплоть до Албазина, остался въ своемъ первобытномъ видѣ,—дикимъ, нетронутымъ, неприступнымъ. Высокіе, обрывистые утесы спускаются болѣе или менѣе полого въ Амуръ, мѣстами прорѣзанные долинами и ущельями, черезъ которыя вырываются въ рѣку ручьи и рѣчки съ нагорья Манчжурскаго. Эти береговые утесы закрываютъ отъ любопытныхъ глазъ внутренность страны, неизслѣдованной и неизвѣстной. Въ 1881 году нерчинскіе купцы, братья Бутины, отыскивая болѣе близкій и удобный путь къ городу Благовѣщенску на Амурѣ, для прогона туда табуновъ лошадей (такъ какъ доставка туда рѣкою и трудна, и дорого обходится), отправили на свой счетъ топографа Долголевича, изслѣдовать такъ называемый Торгачинскій путь черезъ Манчжурію. Экспедиція эта изъ проводника, двухъ прикащиковъ, шести погонщиковъ и табуна въ 80 лошадей, 23 мая, въ 8 часовъ утра двинулась изъ Цурухайтуйскаго на Аргуни (нашего древнѣйшаго пограничнаго охраннаго и торговаго пункта) и благополучно прибыла къ Благовѣщенску, ровно черезъ мѣсяцъ—23 іюня, сдѣлавъ 673 версты въ 30 дней и проходя по неизвѣстнымъ мѣстамъ, часто безъ дороги, черезъ горы, болота и густые, непроходимые лѣса.

Изъ любопытнаго, но мало кому извѣстнаго дневника, веденнаго г. Долголевичемъ, а частію изъ нѣсколькихъ случайныхъ извѣстій, которыя попадаются въ сибирской печати, только и можно составить нѣкоторое представленіе объ этой мѣстности.

Вдаваясь угломъ, между Аргунью и Амуромъ, въ наши владѣнія, она представляется страной, изрѣзанной невысокими отро-

гами хребта Кентей, изъ глубины Монголіи сопровождающаго правый берегъ Аргуни. Возвышенности чередуются здѣсь съ ложбинами,—множество рѣчекъ и ручьевъ переплетаются между собою сѣтью и стекаютъ въ Амуръ и Аргунь... Озера, болота и непроходимая тайга, при полнѣйшемъ отсутствіи населенія—вотъ все, что заключаетъ въ себѣ этотъ пограничный къ намъ уголъ Манчжуріи. Даже дикіе Орочоны, скитающіеся всюду, не заглядывали въ эти пустынныя дебри, покрытыя богатой растительностью. Но нѣдра этого непривѣтнаго мѣста таятъ въ себѣ большія сокровища. По геологическому строенію онѣ заключаютъ значительныя металлургическія богатства, а по русламъ и въ долинахъ рѣчекъ не мало нетронутыхъ и скрытыхъ отъ любопытнаго глаза обильныхъ золотоносныхъ розсыпей.

Благодаря отсутствію даже признаковъ населенія, наши непосѣдливые козаки, и нынѣ хранящіе въ себѣ инстинктивное стремленіе къ открытію новыхъ земель, безпрепятственно переходятъ изъ-за Аргуни за нашу границу, на чужой берегъ и далеко углубляются внутрь страны, для рыбныхъ и другихъ промысловъ. Такъ на второй день пути, экспедиція г. Долголевича встрѣтила нашихъ козаковъ, въ 40 верстахъ отъ границы, ловившихъ рыбу по озерамъ и рѣчкамъ, а на третій день, переваливши невысокій хребетъ, опять наткнулась, на рѣчкѣ Ургѣ, впадающей въ Танъ (который въ 12 вер. ниже Цурухайтуя впалъ въ Аргунь), также партію нашихъ козаковъ, добывавшихъ золото, обильно разсыпанное по долинѣ р. Урги.

Въ этой то дикой, неизвѣстной и трудно доступной мѣстности разыгралась *желтугинская исторія*.

Не очень далеко отъ Покровской, между двумя выше названными станицами Амазаромъ и Игнашиной, на правомъ берегу Амура, верстахъ въ 30—35 отъ береговыхъ ущелій, за горами и за долами, какъ говорится въ сказкахъ, течетъ въ низкой ложбинѣ, а по-сибирски «пади», маленькая незначительная рѣчка, не имѣвшая рѣшительно никакого названія. Впадаетъ она, также какъ и видѣнная г. Долголевичемъ Урга, вѣроятно, въ одинъ изъ притоковъ Аргуни. Вся длина этой рѣчки, по словамъ очевидцевъ, верстъ 25—30, а ширина при низменномъ устьѣ—саженъ 20, въ верховьяхъ же сажени двѣ. Незначительная долина рѣки этой очень обильна золотомъ, которое гнѣздами и самородками лежало на небольшой глубинѣ.

Кто окрестилъ эту рѣчку Желтугой, неизвѣстно, вѣроятнѣе всего наши вольные искатели золота, которыхъ не мало въ огромномъ золотоносномъ районѣ, занимающемъ Нерчинскій, Верхнеудинскій и Олекминскій округа, а также Верхне-Амурскіе и Зейскіе пріиски. Неподалеку, на богатыхъ Карійскихъ кабинетскихъ золотыхъ пріискахъ, есть также золотоносная рѣчка Желтуга, впадающая въ Шилку. Эта рѣчка очень обильна была розсыпями, теперь уже

выработанными, а съ нея и съ Урюмканскихъ пріисковъ, по окончаніи работъ, всегда стекается масса гулящаго люда въ станицу Горбицу, бывшую до 1858 года пограничной съ Китаемъ на Аргуни. Сюда къ этому времени съѣзжаются евреи и русскіе торговцы, строятся балаганы, и открывается полный разгулъ, точно у насъ гулянье на масляной,—пѣсни, пляска, визгъ гармоники и балалаекъ, драки, картежная игра и т. д. Надъ питейными заведеніями торчатъ флаги, а подъ шумъ попоекъ идетъ продажа хищническаго золота. Въ Горбицѣ 40 дворовъ и 5 винныхъ складовъ.

Для пріобрѣтенія и сбыта хищнически добытаго металла существуютъ правильно организованныя шайки, которыя черезъ своихъ агентовъ переводятъ добытое золото въ Монголію и Китай чрезъ Пріаргунье и въ Кяхту чрезъ Петровскій заводъ.

Всѣ дѣйствія этихъ прочно сплоченныхъ обществъ покрыты глубокой тайной, имѣютъ свои уставы и правила, и малѣйшій доносъ или измѣна караются закономъ Линча или поджогами имущества и т. под. Вотъ отсюда-то и разошлась быстрѣе телеграфа вѣсть о несмѣтныхъ богатствахъ новой Желтуги, здѣсь-то, очевидно, и получила свое русское названіе неизвѣстная манчжурская рѣка,—по имени такой же золотоносной сосѣдки своей, рѣчки Желтуги Шилкинской.

И такъ, перебравшись изъ станицы Покровской на тотъ берегъ, приходится переѣзжать черезъ довольно высокія горы и углубиться въ тайгу. Дорога трудная—непроходимая, но, къ удивленію, коекакъ кѣмъ то прочищенная. То поднимаясь на возвышенности, то спускаясь въ падины и сдѣлавъ примѣрно верстъ 35, приближаешься къ обширной долинѣ, окруженной горами, поросшими лѣсомъ. Это и есть завѣтная долина рѣки Желтуги.

Зимой 1884 года чуть не по всей Западной Сибири пронесся слухъ о новой Калифорніи, о баснословныхъ богатствахъ, открытыхъ гдѣ-то въ Китаѣ, на невѣдомой рѣкѣ Желтугѣ. Слухи росли, раздувались, стоустая молва передавала случаи мгновеннаго обогащенія счастливцевъ, побывавшихъ на Желтугѣ и воочію видѣвшихъ несмѣтныя сокровища, разсыпанныя чуть не на поверхности этой волшебной долины.

Однимъ словомъ, ходили самые фантастическіе разсказы, сложилась даже поговорка: «мохъ дери да золото бери». Толковали, что, ежели кто самъ не сможетъ добыть себѣ богатство, такъ простымъ чернорабочимъ у другихъ, болѣе самостоятельныхъ и счастливыхъ, можетъ заработать въ одинъ день не менѣе 25 руб.

«Заволновались окрестности. Селенія по Аргуни и Амуру поднялись первыми, и хлынулъ народъ на Желтугу. Тронулся и Нерчинскъ со своимъ заводскимъ населеніемъ, поднялась Чита, дошли вѣсти и до Иркутска. Только и говору было, что о Желтугѣ, только и сборовъ, что на Желтугу. Чуть не до Сахалина донеслась молва о желтугинскомъ золотѣ... Уже отъ самаго Благовѣщенска чувст-

вовалось, что происходитъ что-то ненормальное, и чѣмъ дальше на западъ, тѣмъ это вѣяніе становилось замѣтнѣе... Желтугинскій вопросъ повліялъ губительно на станицы по Амуру, Аргуни и на Шилкинскія селенія», — читаемъ мы въ письмѣ г. Матюнина отъ 17 марта 1885 года.

Движеніе сдѣлалось общимъ, золотая лихорадка охватила огромный районъ, и не только бездомовный сбродъ и разные скитальцы,— не только простой народъ—поселяне, козаки, чернорабочіе, но поднялись и мѣщане, жители городовъ, даже чиновники и представители мѣстной интеллигенціи, которою Сибирь не особенно таки богата. За ними двинулись торговцы и промышленники, всѣ чающіе легкой наживы—неудачники и аферисты.

«Изъ Нерчинскаго округа народъ всѣхъ профессій, возрастовъ и состояній мчится массами на Желтугу, побросавъ не молоченнымъ хлѣбъ. Изъ одного Нерчинска, за послѣднюю недѣлю выѣхало до 100 человѣкъ. Даже интеллигенты снаряжаютъ и посылаютъ туда партіи; такъ, врачъ Ю—съ послалъ уже четыре такихъ артели»,— заявлялъ одинъ очевидецъ. Но преимущество всетаки оставалось на сторонѣ рабочихъ Верхне-Амурскихъ и Зейскихъ пріисковъ. Какъ привычные къ перекочевкамъ, не обремененные имуществомъ и семьями, они, группируясь въ артели, спѣшили скорѣе достигнуть завѣтнаго эльдорадо.

Не однихъ русскихъ коснулись вѣсти о Желтугѣ,—золотой телецъ также притягательно дѣйствовалъ и на сыновъ Небесной имперіи: манчжуры изъ-подъ Албазина, китайскіе манзы, даже корейцы изъ станицъ и колоній пріамурскихъ, татары и буряты изъ Пріаргунья стремились все въ ту же долину. По непролазнымъ трущобамъ, по невѣдомымъ тропинкамъ, пробираясь днемъ и ночью, со всѣхъ сторонъ тянулись путники, часто питаясь чѣмъ попало, и истощенные, изморенные, достигали, наконецъ, завѣтной цѣли. Въ короткое время образовалось довольно густое населеніе, и въ одну зиму, среди дикой, пустынной мѣстности, по берегамъ ничтожной рѣчонки выросла цѣлая вольная республика, сплоченная изъ разнороднаго населенія и изъ смѣси разныхъ сѣверно-азіатскихъ народностей.

Изъ станицы Амазара и Игнашиной проложились какъ-то сами собой очень хорошія торныя дороги, по которымъ свободно двигались обильные транспорты съѣстныхъ припасовъ, орудій и разныхъ товаровъ, необходимыхъ для прокормленія значительнаго населенія, которое все росло и росло на Желтугинскихъ пріискахъ. Свободно перевозились цѣлыми сорокаведерными бочками вино и спиртъ, а по дорогѣ изъ станицы Покровской, самой трудной и менѣе удобной для движенія обозовъ съ кладью, на серединѣ пути къ Желтугѣ, въ дебряхъ тайги, выросла даже корчма или харчевня съ знаменательной вывѣской: «Свиданіе и прощаніе». Корчма эта, наскоро сложенная изъ неотесанныхъ бревенъ, съ плоской дерновой

крышей (въ родѣ обычныхъ въ сибирскихъ лѣсахъ зимовокъ) снабжена была необходимыми припасами для выпивки и закуски, а вмѣстѣ съ тѣмъ служила притономъ всякому сброду, накоплявшемуся вокругъ новой республики и почему либо не имѣвшему въ нее доступа.

Въ самой долинѣ, поросшей по подошвамъ окружающихъ ее горъ дремучимъ лѣсомъ, теперь, насколько хваталъ глазъ, виднѣлись одни пни и кучи валежнику. Вдоль ея, а мѣстами и къ подошвамъ, разбилась масса строеній, безпорядочными группами, то въ одиночку, то кучками по нѣскольку десятковъ. Между ними образовались улицы и переулки, безъ всякой системы, цѣлымъ лабиринтомъ переплетавшіеся между собою. Дома казались издали игрушечными, да и на самомъ дѣлѣ были мизерными, миніатюрными постройками, съ бумажкой и миткалемъ вмѣсто стеколъ, иногда только съ плоской дерновой крышей, служившей вмѣстѣ и потолкомъ; но всетаки они приспособлялись къ зимовкѣ,—съ полами и печами,—иногда желѣзными, и съ прокладкой моху въ стѣнахъ. Впрочемъ, нѣкоторыя строенія были обширнѣе и красивѣе, съ крышей и трубами. Надъ многими развѣвались флаги,—это харчевни, лавки, трактиры (въ самое цвѣтущее время, къ 1886 году насчитывалось до 50 кабаковъ, трактировъ и харчевень). Воздвигнута была больница съ двумя фельдшерами, двѣ большія гостинницы, баня съ платою по 50 коп. и даже съ вѣникомъ за 10 коп. На нѣкоторыхъ домахъ виднѣлись краснорѣчивыя вывѣски: «Гостинница Марсель» или «Трактиръ Бесѣда», «Тайга», «Калифорнія». Все это, конечно, были грязные, страшные вертепы, вѣчно переполненные празднымъ людомъ, свободно отводившимъ душу за бутылкой водки. Въ гостинницахъ толкались и шуллера, и коммерсанты, и отставные чиновники, и каторжные, и мирные хлѣбопашцы, и бѣглые ссыльные... Невольно вспоминалась Пушкинская картина — «какая смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній, изъ хатъ, изъ келій, изъ темницъ они стеклися для стяжаній...»

Всѣхъ домовъ насчитывалось свыше 500, а можетъ быть и больше. Разрабатываемая, золотоносная часть долины тянулась вдоль рѣчки верстъ на 15, при ширинѣ въ 100 саженъ, и представляла собою настоящее столпотвореніе: на всемъ этомъ протяженіи не было свободнаго клочка, все разрывалось, раскапывалось. Работы велись не то что правильными выемками, а просто ямами, шурфами, всѣ торопились поскорѣе добиться богатства, и всюду выростали бугры и насыпи выбрасываемой земли и золотоноснаго песку, промытаго кое-какъ на спѣшку. Нужно замѣтить, что дѣло происходило зимою, орты ничѣмъ не укрѣплялись; пока земля была мерзлой, стѣнки ямъ держались сами собой, а при оттепели все это должно было расплыться, осыпаться и залиться водой. Издали или съ вершины горъ, окружающихъ долину, вся масса ко-

пошившагося люда имѣла въ полномъ смыслѣ слова видъ муравейника, растревоженнаго какой нибудь недоброй рукой. Тутъ везутъ на себѣ воду изъ ближайшихъ ключей (лошадей не держали за недостаткомъ корма), тамъ тащатъ дрова, оттаиваютъ промерзлые куски шурфовъ или промываютъ золотоносныя породы; тутъ рубятъ, копаютъ, строятъ зимовья, ладятъ инструменты. Сейчасъ же около ямъ опять избы, лавки, кабаки и трактиры. Чтобы не бѣгать далеко отъ пріисковъ, пищу готовятъ тутъ же, въ харчевняхъ, здѣсь же и пропиваютъ или проигрываютъ въ карты добытое золото, продаютъ инструменты. Проклятія, пѣсни, плясъ, брань и гармоника.

Работы, какъ сейчасъ замѣчено, велись безъ всякихъ правильныхъ приспособленій, ямами (шурфы) и ортами—неукрѣпленными выемками въ мерзломъ грунтѣ. Только двѣ артели—Семейская и Благовѣщенская работали разрѣзомъ. Толщина золотоноснаго пласта не превосходила сажени и заключала въ себѣ гнѣздовое золото, причемъ попадались и самородки, иногда довольно значительные. Такъ, Семейская артель нашла самородокъ въ 5 фунтовъ; несомнѣнно находили и другіе, но боялись разглашать объ этомъ. Промывка производилась также первобытная—на лоткахъ и американскихъ бутарахъ; вода приносилась на себѣ съ лѣваго берега Желтуги, изъ ключей, или просто топили ледъ накаленными камнями. Золота добывали, дѣйствительно, много. Въ самомъ началѣ, когда населеніе Желтуги не превосходило нѣсколько сотъ человѣкъ, ежедневно промывали отъ 30 фунтовъ до одного пуда въ день. Изъ 100 пудовъ породы намывалось отъ фунта до $1^1/_2$ фунта шлиховаго золота. Золотоносная площадь, по словамъ очевидцевъ, разработана не вся и простиралась значительно дальше за пріискъ верстъ на 5 (Сиб. 1885. № 5, стр. 8).

Когда вѣсть о желтугинскихъ богатствахъ еще только начала распространяться по окрестностямъ, на пріискахъ было около 100 человѣкъ русскихъ, до 200 манчжуръ, китайцевъ и проч., да человѣкъ 20 разнаго торговаго люда. Это случайное общество образовало изъ себя нѣсколько артелей, изъ которыхъ самыми богатыми были: Гармановская, Нелюбинская и Зыковская, слагавшіяся изъ 10—12 человѣкъ каждая. Имъ посчастливилось напасть на участки очень богатые золотомъ, что случается при гнѣздовомъ мѣсторожденіи. Дѣла ихъ шли блистательно; на 100 ведеръ песку каждая артель вымывала до 150 золотниковъ металла, да еще попадались самородки (Сиб. 1885. № 38). Китайцы и манчжуры составляли отдѣльныя общества, но раздоровъ не было. Благодаря этимъ богатымъ добычамъ піонеровъ золотого пріиска, отъ возвращавшихся домой торговцевъ добычниковъ и прошла молва о баснословныхъ розсыпяхъ. Съ этихъ поръ не по днямъ, а въ полномъ смыслѣ слова по часамъ, стало рости населеніе Желтуги; какъ потокъ текли сюда со всѣхъ сторонъ пришельцы и размѣщались, занимая сами заимки, образуя артели или поступая рабочими къ другимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ

увеличивалось и число торговцевъ, которые устраивались болѣе или менѣе прочно.

Разроставшееся населеніе требовало упорядоченія, нуждалось въ какой нибудь организаціи. Артельное начало, само собой, давало уже матеріалъ къ самоуправленію въ видѣ артельныхъ старостъ, общности добычи и отвѣтственности передъ артелью въ своихъ дѣйствіяхъ. Для болѣе дѣйствительнаго надзора за правильностью отношеній и для огражденія имущественныхъ и личныхъ правъ, для наблюденія за порядкомъ и благочиніемъ всего желтугинскаго населенія, общимъ сходомъ разноплеменныхъ пришельцевъ пріискъ раздѣленъ на участки и выбраны 8 старшинъ — четверо китайскихъ и четверо русскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ выработаны правила, которымъ должны были безпрекословно подчиняться какъ первозасельники, такъ и всѣ вновь прибывающіе въ желтугинскія палестины. Правила эти или желтугинскіе законы были кратки, но драконовски жестоки; они вывѣшивались на столбѣ, и за исполненіемъ ихъ строго наблюдали сами же граждане. Съ увеличеніемъ населенія, народоуправленіе также развивалось, и хотя драконовскіе законы были нѣсколько смягчены, но всетаки строгость и быстрота распорядительной и карательной власти остались во всей своей силѣ (В. Об. 1886. № 11). Къ веснѣ 1885 года, въ самый разгаръ желтугинской исторіи населеніе республики возросло — для бѣдной народомъ Сибири — до громадныхъ размѣровъ: 12,000 человѣкъ русскихъ и болѣе 500 человѣкъ китайцевъ и др. народностей (Сиб. 1885. № 38. 15 сент.).

Въ этотъ періодъ установился строгій порядокъ управленія, правильно организованный и свято хранимый. Притѣсненію или преслѣдованію никто не подвергался, обидъ не терпѣлъ и жилось привольно. На площади болѣе или менѣе центральной и носившей громкое названіе: «Орлиное поле»—устроено было нѣчто въ родѣ невысокаго помоста, вокругъ котораго обыкновенно собиралась общая сходка. Тутъ на столбѣ былъ вывѣшенъ краткій уставъ «Вольныхъ Промышленниковъ». Между прочими статьями этого любопытнаго устава изложены правила полученія участковъ вновь прибывающими артелями или одиночками. «*Каждая артель*, гласятъ правила, *прибывающая на пріискъ, имѣетъ право безпрепятственно занимать свободное мѣсто, но не болѣе одной площади въ 10 квадратныхъ саженей. Если же артель или нѣсколько артелей откроютъ новую розсыпь, то могутъ занимать на каждаго человѣка по одному участку въ 9 квадр. саженей*». Желающіе могли продавать свои участки и цѣлыя площади въ 9 квадр. сажень. Никто изъ лицъ, находившихся на пріискѣ, не имѣлъ права выходить на работу въ нетрезвомъ видѣ. Воровство наказывалось очень строго. Всякій воръ, помимо жестокаго наказанія розгами, до 500 ударовъ, подвергался остракизму. Несмотря ни на какіе протесты, его изгоняли изъ Желтуги. Равнымъ образомъ неповиновеніе, драки, буйство

также наказывались тѣлесно и притомъ безъ всякихъ проволочекъ. Всякія сдѣлки заключались добровольно, и цѣны на продаваемыя розсыпи не устанавливались. Нажившіяся или почему нибудь уходившія артели продавали такіе участки отъ 100 до 2,000 рубл., а паи отъ 10 до 300 руб. (Газ. Сиб. 1885, № 5).

Административная и судебная власть состояла, какъ и въ самомъ началѣ организаціи, изъ выборныхъ старшинъ, но съ добавленіемъ старостъ, судей и казначея. Всѣхъ представителей власти теперь было уже 12. Пріискъ раздѣлялся сначала на три, потомъ на четыре, а подъ конецъ на 5 участковъ; выбирался одинъ старшина, въ родѣ президента или предсѣдателя. Онъ носилъ золотую медаль съ надписью: *Старшина Желтугинскаго пріиска*; въ самое послѣднее время президентствовалъ горный исправникъ Сахаровъ. (Сиб. 1885 г. № 5). Старшина вѣдалъ весь пріискъ, затѣмъ 5 старостъ и 5 выборныхъ же судей вѣдали пять своихъ участковъ. Старосты, также какъ и старшина, имѣли медали, но только бѣлыя—серебряныя съ надписью: «Староста Желтугинскаго пріиска». Пятеро судей вѣдали спорныя, тяжебныя дѣла, гдѣ требовалась власть распорядительная. Затѣмъ казначей завѣдывалъ общественными деньгами и имуществомъ. Китайцы и корейцы имѣли своего старшину. Всѣ маловажныя дѣла рѣшались и приводились въ исполненіе старостами, болѣе сложныя или спорныя—судьями, но болѣе важныя требовали уже присутствія старшины. Въ особенно важныхъ случаяхъ, касавшихся всей общины или охватывавшихъ интересы всего пріиска, условія его устройства, управленія или существованія, собирался сходъ. (Сиб. 85, №№ 31, 33, 37, 38, Владив. 1887, № 6).

Всякій судъ и расправа и вообще всякое разбирательство велись гласно, строго и справедливо. Всѣ бывшіе на Желтугѣ и возвратившіеся оттуда уцѣлѣвшими единогласно подтверждаютъ это и хвалятъ строгую и нелицепріятную справедливость тамошняго суда и взысканій. (Сиб. 1885, № 33, Влад. 1887, № 6). Учетъ общественныхъ суммъ производился тоже всенародно. На площади *Орлиное поле* собирался народъ, казначей громко предъявлялъ свои счета, куда, какъ и что израсходовано и проч., а старшина высказывалъ предложенія и предстоящія дѣла (Влад. 1886, № 6). На общій сходъ собирались желающіе, но обязательно участвовать на немъ должны были представители по одному отъ каждой артели; пьяные на сходъ ни подъ какимъ видомъ не допускались. Обыкновенно, въ случаяхъ созыва схода, по лабиринту Желтугинскаго поселенія шелъ оффиціальный глашатай и громко трубилъ въ призывную трубу. И вотъ, точно по мановенію волшебника, со всѣхъ сторонъ толпами валитъ народъ къ сборному мѣсту, идутъ оживленные толки, споры, одинъ обгоняетъ другаго, спѣшатъ узнать, что за тревога, что случилось, на что потребовался сходъ. Но тамъ, на «Орлиномъ полѣ» порядокъ и тишина, галдѣть и безчинствовать нельзя, это зналъ всякій, да и некогда: народъ занятъ дѣломъ, отъ котораго оторвала

его общая нужда и о которой онъ сейчасъ узнаетъ (Спб. 1885, № 33, Влад. 1886, № 6).

Женщинъ, какъ упоминалось, сначалане допускали на Желтугу—да и послѣ, когда онѣ появились въ 1885 году, ихъ было очень немного, сравнительно съ общимъ числомъ населенія, и въ самое послѣднее время приходилось не болѣе 5 на сотню мужчинъ. Женщины были исключительно русскія, потому что по всему Пріамурью и Уссурійскому краю китаянокъ нигдѣ и никогда между русскими поселенцами не встрѣтить. Манзы всегда живутъ въ нашихъ предѣлахъ одиноко и, если встрѣтится между ними женщина, то это непремѣнно какая нибудь туземка—орочонка, гилячка. Въ Китаѣ переходъ женщинъ изъ своего мѣста жительства къ иноземцамъ или вообще заграницу карается смертью. Первое появленіе женщины въ Желтугинской республикѣ произвело сенсацію. Это было цѣлое событіе. Когда показалась повозка, на которой возсѣдала представительница прекраснаго пола, навстрѣчу ей высыпала такая масса народу, точно везли какое нибудь неслыханное чудище. Толпа неистовствовала, кричала, шумѣла и, не зная, какъ еще реальнѣе выразить свои чувства, начала травить пріѣзжую гостью криками тютю-тю! Сконфуженная и испуганная, она едва могла скрыться въ избу и долго боялась показаться на улицу. Второй устроили встрѣчу не лучше первой; опѣшившая отъ неожиданности и напуганная такимъ шумнымъ пріемомъ, она поднялась на возу и давай открещиваться отъ народа на всѣ стороны, точно отгоняя нечистую силу. Толпа смутилась въ свою очередь, присмирѣла, а потомъ послышался хохотъ, и новую переселенку весело проводили до резиденціи. (Владив. 1887 г., № 6).

Жилось на Желтугѣ весело, день проходилъ въ работѣ у работающихъ, а забулдыги проводили его въ безшабашномъ разгулѣ. Прокутился, обезденежилъ, идетъ снова на работу. Въ самомъ началѣ, въ 1884 году простой рабочій получалъ отъ 5 до 8 руб. въ день, а потомъ цѣна упала и все время колебалась отъ 3 до 5 руб. (Сиб. 1885, № 5). Нѣкоторымъ житье тамъ такъ полюбилось, что и уѣзжать не хотѣлось, а другіе бѣжали, какъ изъ Содома. (Влад. 1887, № 6). Въ харчевняхъ, трактирахъ и гостинницахъ дымъ стоялъ коромысломъ; гдѣ шелъ дикій грубый разгулъ съ балалайкой и гармоникой и игра въ простыя кости и карты, а гдѣ пились и дорогія вина, подавались заграничные фрукты и велась азартная игра. Не было недостатка и въ изысканныхъ блюдахъ и разнообразныхъ способахъ шумно провести время; къ услугамъ веселящейся публики нашелся и шарманщикъ, явился фокусникъ, акробатъ и проч. Деньги тратились бѣшено, зря, цѣны имъ не знали, считая источники полученія ихъ неизсякаемыми, и почасту спускали тутъ-же сейчасъ все добываемое. Нѣкоторыя изъ заведеній торговали на 400 рублей золотомъ въ день, считая по 3 р. 50 коп. золотникъ, и, продавая товары по баснословной цѣнѣ, наживали огромныя

деньги. (Сиб. 1885, № 5). Дороговизна на все доходила временами до невѣроятныхъ размѣровъ, наприм. листъ желѣза стоилъ 4 руб., желѣзное ведро 7 р., печь 25 р., пудъ соленаго мяса 14 р., пудъ пельменей 20 р., бутылка рому 6 р.; водки 1 р. 50 к. (Сиб. 1885, № 16), пудъ сухарей 16 р., фунтъ сахару 1 р. и т. д. (Сиб. 1885, №№ 38 и 42).

Но, не смотря на то, что безъ исключенія всякій имѣлъ въ рукахъ золото, денегъ въ обращеніи было очень мало, особенно бумажекъ, и онѣ ходили по высокому курсу. (Сиб. 1885, № 5, 12). Дѣло въ томъ, что золото и звонкую монету неудобно хранить, и они сравнительно громоздки и неспособны для припрятыванья на случай обыска. Бумажки-же и въ обувь, въ одежду зашить можно, да и всячески при себѣ держать удобно. Но не всякому даже и за дорогую цѣну удавалось вымѣнять себѣ кредитокъ на золото, которое онъ тутъ же, въ землѣ подъ своими ногами выкапывалъ на нужды свои и на разгулъ.

Однако, при неимѣніи монеты, приходилось выработать удобную единицу для расплаты сырымъ шлиховымъ золотомъ. Одно время цѣна на него была произвольна и неопредѣленна. Такъ, пудъ мяса стоилъ 7 золотниковъ, тоже и пудъ сухарей и ведро водки. Потомъ золотникъ получилъ опредѣленное названіе—*штука* и ползолотника *карта*. Вмѣсто разновѣса, т. е. гирь къ вѣсамъ, конечно, топорной работы и вѣрности, употреблялись игральныя карты: четыре карты составляли золотникъ, полъ карты—восьмая золотника и т. под.

Такъ какъ безшабашному люду, въ большинствѣ наполнявшему Желтугу, почти никогда не случалось въ теченіи жизни имѣть излишекъ денегъ, да и все имущество его состояло изъ того, что на немъ, объ осѣдлости-же думали немногіе, то и съ добываемымъ золотомъ такой пролетарій разставался быстро: носилось оно просто въ карманахъ, какъ табакъ, и доставалось пригоршенками, въ крайнихъ случаяхъ завязывалось въ тряпочки или кисеты, а цѣнилось, при мѣнѣ на товары и провизію, въ 4 руб. золотникъ, а при мѣнѣ на деньги—3 р. 60 коп. (Сиб. 1885, № 16). Очевидно, что при такомъ порядкѣ вещей нажива торговцевъ и всякихъ гешефтмахеровъ была огромна: полный произволъ въ назначеніи цѣнъ и обманъ при расплатѣ пригоршнями высыпаемаго золота, неотесаннымъ полупьянымъ оборванцемъ промышленникомъ,—представить легко. На этой почвѣ возникали порой столкновенія, а однажды подымался даже «еврейскій вопросъ», принявшій такіе размѣры, что пришлось глашатаю идти по улицамъ и созывать желтугинцевъ на сходъ. Долго судили и рядили желтугинскіе представители и трибуны, долго «Орлиное поле» гудѣло и волновалось и, наконецъ, пришло къ выводу, что безъ евреевъ никакъ не обойтись: они всякое дѣло оборудуютъ, и продукты всякіе достанутъ, а безъ ѣды и работать нельзя; они же, вдобавокъ, первые вѣстники всѣхъ слуховъ и всѣхъ

событій, которыя совершаются за предѣлами отрѣзанной отъ моря Желтуги. Въ виду всего этого сходъ постановилъ—оставить ихъ въ покоѣ. (Владив. 1887, № 6).

При тѣхъ правилахъ и порядкахъ, которые установились въ республикѣ *Вольныхъ промышленниковъ*, при полной свободѣ личныхъ дѣйствій каждаго прибывающаго сюда и строгой отвѣтственности за всякое посягательство на спокойствіе общественное или на благосостояніе своихъ сочленовъ—здѣсь сложилась своеобразная жизнь: рядомъ съ безшабашнымъ разгуломъ—полнѣйшее уваженіе чужихъ правъ и неприкосновенность чужой собственности. Товары и провизія безбоязненно оставлялись на улицахъ безъ всякой охраны и призора. Мѣшки сваливались въ кучи, воза оставлялись неубранными, и никому на мысль не приходило, что можетъ что нибудь пропасть. Дома не запирались, а вещи снаружи оставлялись гдѣ кто зналъ (Сиб. 1885 № 5 и 33). Пятьсотъ розогъ за воровство не такъ были бы страшны какому нибудь промотавшемуся каторжнику, какъ полное изгнаніе съ пріиска; это было хуже смерти. Гораздо труднѣе объяснить воздержаніе отъ дракъ и безобразій. Положимъ, что при полнѣйшемъ воспрещеніи пьянымъ являться не только на сходъ, но даже и выходить на собственную работу, никто не препятствовалъ предаваться пьянству въ одиночку или въ своей компаніи, но безпокоящія постороннихъ выходки привычныхъ гулякъ и безобразниковъ были сильно ограничены: они понимали, что тутъ церемониться съ ними не будутъ, а въ случаѣ неповиновенія изгонятъ за предѣлы Желтуги. Все это сдерживало многотысячное общество отъ послѣдствій разнузданности его сомнительныхъ элементовъ.

«Я подъѣзжалъ къ пріискамъ вечеромъ, когда работы были уже окончены, и удивился тишинѣ и спокойствію, которыя царили въ Желтугинскомъ поселеніи. Сначала я предполагалъ, что на пріискѣ нѣтъ водки, но войдя въ харчевню, подъ вывѣской «Артель Хлѣбникова», увидѣлъ бочку и бутылки съ виномъ. Водка есть вездѣ, но, по уставу вольныхъ промышленниковъ, безобразничать нельзя»,—разсказываетъ очевидецъ въ газ. Сибирь (1885 г. № 5, стр. 8). Удивительно, какъ управляется этотъ сбродъ,—прибавляетъ онъ дальше. (Сиб. 1885, № 5).

Не остались безъ удовлетворенія и религіозныя потребности желтугинцевъ. Нужда въ церковной помощи не одинъ разъ заставляла священника изъ ближайшей станицы, Покровской, навѣщать поселеніе вольныхъ промышленниковъ и исполнять требы. Пріѣзжалъ сюда даже настоятель изъ областного города Читы, отецъ Петръ Царевскій, который вернулся съ обильными пожертвованіями для своего прихода, достигшими цифры около 3000 рублей сер. Характерной чертой въ исторіи желтугинской республики является также отсутствіе алчности или недоброжелательства къ прибывавшимъ на Желтугу новымъ охотникамъ. Всѣхъ принимали охотно, размѣщали, какъ было возможно, не обнаруживая малѣйшей враждебности,

алчности или боязни, что золота не хватитъ на всѣхъ. Особенно привѣтливо встрѣчали всевозможныхъ купцовъ и торговцевъ, привозившихъ на пріискъ товары и продукты. И несмотря на неблагодарную безцеремонность и жадность этихъ торгашей, немилосердно обдиравшихъ прижатыхъ къ стѣнѣ необходимостью въ провіантѣ и вещахъ желтугинцевъ, послѣдніе радушно принимали ихъ, безвозмездно отводили имъ помѣщенія, не взыскивали никакихъ сборовъ или налоговъ, устраивали имъ же угощенія и ухаживали, какъ за добрыми знакомыми или родными (см. № 5). Между тѣмъ жажда наживы и слухи о баснословной дороговизнѣ предметовъ самой первой необходимости привлекали на Желтугу массы желавшихъ легко и скоро «нагрѣть руки». На ноги поднялось торговое сословіе даже очень отдаленныхъ мѣстъ. Товары повезли, не говоря уже о Нерчинскѣ,—за 200 верстъ или за 500 в., изъ Читы даже изъ Иркутска и Благовѣщенска (Владив. 1887. № 6. Спб. 1885 № 12). Транспорты за транспортами отправлялись съ лихорадочною торопливостью, точно боясь опоздать къ захвату большей доли барышей. Въ Стрѣтенскѣ, на Шилкѣ устроились торговыя конторы, которыя вели правильныя сношенія съ республикой, періодически снабжая ее подвозимыми сюда товарами и вывозя оттуда золото (Владив. 87 № 6). Отставной полицеймейстеръ Усть-Карійскихъ пріисковъ Сафьянниковъ, въ горномъ Нерачинскомъ округѣ, отправилъ первоначально 100 ведеръ вина, а, получивъ въ короткій срокъ большой заработокъ, отправилъ слѣдующій транспортъ уже въ 200 ведеръ (Сиб. 1885, № 28), и такихъ предпринимателей было не мало.

Такое необычное стремленіе всѣхъ на Желтугу и черезчуръ обильный отливъ туда товаровъ и продуктовъ изъ городковъ и станицъ Западной и Восточной Сибири породилъ дороговизну. Городки эти и безъ того всегда небогаты запасами даже самаго необходимаго для жизни, а подчасъ нуждаются во всемъ, потому что для собственнаго ихъ потребленія все доставляется тоже періодически и въ количествѣ, разсчитанномъ только на мѣстный сбытъ, а никакъ не на вывозъ. Сразу поднялись цѣны на съѣстные припасы, а затѣмъ и на товары, въ которыхъ сталъ ощущаться недостатокъ, такъ какъ запасы не пополнялись. Мѣстностямъ же, существующимъ исключительно привознымъ хлѣбомъ, сталъ просто таки грозить голодъ (Сиб. 1885 № 12, 13, 14). Встревожились мѣстныя власти, приходилось принимать мѣры противъ грознившаго оскудѣнія, которое все росло. Вѣсти объ этомъ подъ конецъ дошли до органовъ высшей власти въ Сибири, и самое желтугинское движеніе стали разсматривать, какъ вредное для благосостоянія цѣлаго края. И вотъ, военный губернаторъ Западной Сибири кн. Витгенштейнъ, испросивъ разрѣшеніе генералъ-губернатора барона Корфа, нашелъ необходимымъ поставить кордоны и окружить пограничную съ Манчжуріей полосу караулами, чтобъ воспре-

пятствовать доступъ къ Желтугѣ изъ нашихъ пограничныхъ пунктовъ. Съ этой цѣлью командированъ былъ сотникъ Соколовскій при 2 офицерахъ, съ сотнею казаковъ Забайкальскаго казачьяго войска. На обязанность этого отряда возложено было порученіе—не допускать слѣдующихъ на Желтугу русскихъ подданныхъ и обращать ихъ на мѣста жительства; у возвращающихся же съ вольнаго пріиска—отбирать золото въ казну, разсчитывая за него по 3 р. 60 к. золотникъ (Сиб. 1885. № 12, 26, 28. Влад. 86, № 6). Это было въ мартѣ 1885 года. Кордоны заняли станицы по лѣвому берегу Амура и Аргуни: въ Амазарѣ, Игнашиной, Юнашиной, Сбигрѣевой, Горбицѣ и др. (Сиб. 85 № 26). Впрочемъ, къ проходящимъ и проѣзжающимъ кордоны эти относились не особенно строго и надзоръ свой ограничивали одними формальностями. Въ распоряженіи говорилось о не-пропускѣ на Желтугу рабочихъ и другихъ лицъ, слѣдующихъ туда безъ опредѣленной и дозволенной цѣли, а привозъ провизіи и товаровъ не возбранялся. И въ самомъ дѣлѣ, воспрещеніе доступа туда съѣстныхъ припасовъ могло бы породить Богъ знаетъ какія послѣдствія въ многотысячномъ населеніи,—не говоря о томъ, что такая мѣра носила бы жестокій характеръ вымариванія голодомъ населенія и вмѣстѣ съ тѣмъ нарушала бы право свободнаго торга въ мѣстностяхъ, не состоящихъ подъ запретомъ (впрочемъ, немного позднѣе эта мѣра была примѣнена, но она тогда уже не могла принести ни вреда, ни пользы). Такимъ образомъ на кордонахъ останавливали только пѣшеходовъ, опрашивая «куда йдешь, зачѣмъ» и т. п. Конечно никто изъ идущихъ на Желтугу не называлъ цѣли своего пути, указывая другія мѣста и, такъ или иначе, объясняя причины своего путешествія. Спрашивали паспортъ и, если онъ былъ въ порядкѣ, пропускали свободно дальше или обращали назадъ, задерживали же чрезвычайно рѣдко, избѣгая хлопотъ, сопряженныхъ съ такой задержкой. Въ слѣдующемъ кордонѣ та же процедура, а въ конечныхъ, пользуясь глухими мѣстами или ночью и тайгой, спокойно переходили на тотъ берегъ и уже свободно достигали Желтуги. Ѣдущихъ же съ товаромъ пропускали свободно, и проводники при нагруженныхъ подводахъ безпрепятственно слѣдовали въ «золотой край», а подъ видомъ ихъ пристраивались и желающіе безъ проволочекъ попасть въ ставшую теперь запретной Желтугу (Сиб. 1885. № 26. Влад. 87 № 6).

Русскія ли власти снеслись съ китайскимъ губернаторомъ въ Айгунѣ (пограничномъ къ намъ городѣ, въ 30 верстахъ отъ Благовѣщенска на правомъ берегу Амура), или непосредственно дошли слухи и до правителя этой провинціи, только и со стороны Китая начали также появляться пикеты, разставленные по верховью Амура, въ мѣстахъ болѣе или менѣе удобныхъ для сообщенія съ Желтугой, чтобы точно также и съ своей стороны воспрепятствовать хунхузамъ (т. е. бѣглымъ или преступникамъ) и другимъ пробираться

туда. (Сиб. 1885. № 38). Подъ Айгуномъ вскорѣ начали формировать чуть не цѣлый полкъ войскъ, конныхъ и пѣшихъ, а между тѣмъ вообще жестокіе китайцы начали хватать своихъ подданныхъ, идущихъ на Желтугу или съ нея возвращающихся, и безъ всякаго суда и расправы рубили имъ головы, которыя отсылали, какъ доказательство своего рвенія и усердія по службѣ, въ Цицинаръ, а трупы бросали на мѣстѣ (Сиб. 1885 № 33).

Между тѣмъ, помимо всего происходившаго внѣ Желтугинской республики, дѣла и на самой Желтугѣ стали разстраиваться и принимать другой оборотъ. Какъ мы видѣли, Желтугинская долина и сама по себѣ была не очень обширна, а золотоносная мѣстность шла полосою вдоль рѣки на протяженіи до 20 верстъ, при 100 саженяхъ ширины; при 12000 населенія, которое еще при всемъ томъ постоянно обновлялось, такъ что на мѣсто уносившихъ съ собою золото являлись новые искатели, при несовершенствѣ способовъ разработки пріисковъ, при первобытныхъ грубыхъ орудіяхъ, наконецъ, при небрежности, спѣшкѣ работъ, производимыхъ неопытными, неумѣлыми руками,— Желтугинскіе пріиски должны были скоро истощиться. И, дѣйствительно, въ 1885 году уже масса народа не выработывала себѣ даже на содержаніе. Надобно еще прибавить, что при гнѣздовомъ мѣсторожденіи золота на Желтугинскихъ пріискахъ, тѣ еще изъ счастливцевъ, которые попадали на хорошій участокъ, обогащались, вырабатывая его, и, если ухитрялись уйти съ добычей, оставались въ выигрышѣ. Большинство же бились понапрасну и въ отчаяніи бросали все и возвращались назадъ (Сиб. 1885. № 12, и 31), иначе приходилось надрываться и работать даромъ. Вотъ что разсказываетъ одинъ искатель золота, прибывшій на Желтугу въ этотъ періодъ времени (Сиб. 1985, № 31—33): «Въ Желтугу мы пріѣхали 3 апрѣля, никакихъ преградъ и никакихъ приключеній не встрѣтили. Все, что писалось о богатствѣ пріисковъ,—пуфъ. До 23 Апрѣля мы били свои собственные шурфы; били 4, на глубину 30 четвертей, но ничего не нашли, и 23 дня упорнаго труда пропали даромъ. Я купилъ для своей артели 2 готовыхъ шурфа, за 300 рублей, но ихъ залило водой. Теперь работаемъ, промывая зимніе пески и зарабатывая 2 р. въ день на человѣка» (Сиб. 1885, № 33). Къ этому прибавилась еще новая бѣда: весеннія воды залили ямы и шурфы (Сиб. 1885, № 42), и почти все населеніе осталось безъ работы. Принялись за промывку отваловъ, которые выбрасывались при зимнихъ работахъ. Многіе волей-неволей должны были оставить Желтугу и отправиться, кто куда могъ; но большинство оставшихся не удѣлъ все же неохотно разставались и съ привольной жизнью, и съ всегда присущей человѣку надеждой еще добиться своего, найти тѣ сокровища, которыя вотъ тутъ, можетъ быть, подъ руками,—стоитъ только нагнуться да взять ихъ.

Появленіе кордоновъ и запрещеніе доступа къ Желтугѣ, слухи,

что и хозяева этой земли, китайцы, всполошились и тоже высылають пикеты и собирають войско, что даже ловять своихъ собратій и рубять имъ головы, не на шутку встревожили желтугинцевъ. Сильно порѣдѣвшіе ряды вольныхъ промышленниковъ стали побаиваться и за свои головы. Къ этому прибавилась еще новая, совсѣмъ уже явная бѣда, съ которой и бороться не приходилось: послѣдовало на самую Желтугу распоряженіе генералъ-губернатора Восточной Сибири—всѣмъ русскимъ подданнымъ очистить Желтугу и прекратить окончательно хищническую добычу золота.

Опять загудѣла призывная труба по улицамъ республики, опять потянулись на Орлиное поле уже не прежнія веселыя, да и не столь многочисленныя толпы желтугинцевъ. Мѣсто президента, главнаго совѣтника и распорядителя на этомъ экстренномъ собраніи занялъ бывшій горный исправникъ Сахаровъ. Горячо и долго толковалъ сходъ, что дѣлать. Бросить насиженное и облюбованное гнѣздо и уходить, куда глаза глядятъ, на бѣдствіе и голодуху—не хотѣлось этому, въ большинствѣ безпріютному и бездомовному люду, устроившемуся здѣсь такъ хорошо и удобно. Но и оставаться тоже нельзя: все равно прогонятъ не добромъ. Наконецъ надумали и рѣшили выбрать уполномоченнаго, снабдить его необходимыми на дорогу деньгами и послать въ Хабаровскъ, просить и хлопотать, чтобы русскія власти не препятствовали работать на Желтугинскихъ пріискахъ и не мѣшали существованію возникшаго здѣсь поселенія. А вмѣстѣ съ тѣмъ поручалось посланному какъ можно подробнѣе разузнать о намѣреніяхъ китайскихъ властей. Однимъ словомъ, предстояло принять всѣ мѣры къ обезпеченію возможнаго существованія Желтугинской республики и, насколько силъ хватитъ, удержать китайцевъ. Такимъ посломъ выбрали нѣкоего Штейна, очевидно человѣка бывалаго и ловкаго. На дорогу и на расходы ему выдали тысячу рублей и не медля отправили въ будущую столицу Сибири—Хабаровскъ (Газ. Сиб. 1885, № 38). Какъ онъ тамъ хлопоталъ и что именно сдѣлалъ для выполненія возложенной на него политической миссіи—неизвѣстно, и, хотя требованіе немедленнаго очищенія Желтуги было пріостановлено, но все-таки окончательнымъ срокомъ очищенія пріиска назначено 19 іюля 1885 года.

Въ это время число «вольныхъ промышленниковъ» значительно убавилось въ республикѣ. Съ одной стороны, нужда и невозможность продолжать работы, съ другой—боязнь отвѣтственности заставили многихъ оставить Желтугу. Сосѣднія станицы переполнились выходцами, и берега Амура, по близости Игнашиной и Амазара, представляли теперь лагерь, пестрѣвшій разнохарактернымъ людомъ. Экспромптомъ появились лавочки и шинки, а вмѣстѣ съ ними неизбѣжныя попойки и дебошъ. Нѣкоторые сплыли внизъ по теченію рѣки на лодкахъ и даже на сколоченныхъ кое какъ самодѣльныхъ плотахъ—въ Благовѣщенскъ, куда не мало ушло и иноземцевъ китайцевъ, корейцевъ и т. д., боявшихся за свои косы и головы

и не смѣвшихъ слѣдовать своимъ правымъ берегомъ на родину, изъ опасенія попасться въ руки безпощадныхъ пикетовъ и карауловъ, гдѣ, не говоря уже о неминуемой смерти, ожидали ихъ и ужасныя китайскія пытки. Остальные ждали пароходовъ, чтобы сплыть до Стрѣтенска.

Нерчинскіе купцы бр. Бутины и Голдобинъ не преминули разставить своихъ прикащиковъ съ запасами водки и при ужасной дороговизнѣ, по тамошнимъ цѣнамъ, по 14 коп. за шкаликъ (т. е. за $^1/_{80}$ ведра) продавали такой напитокъ, что самые невзыскательные и привычные потребители прозвали Бутинское вино *Бутинскимъ зельемъ*, а Голдобинское *Голдобинскимъ стрихниномъ*. Пароходовладѣльцы, тоже пользуясь огромной массой желающихъ добраться до Стрѣтенска, не стѣснялись требовать по 10 р. съ человѣка за 200 верстъ (Сиб. 1885, № 38—42, Владив. 87, № 6).

На Желтугѣ оставалось до 7600 челов. (Сиб. 1885, № 33—42, 38), но народъ все убывалъ, и паника, охватившая населеніе, гнала всѣхъ, кто могъ уходить и зналъ, куда дѣваться. Бездомовные же и безшабашные разбрелись по окрестностямъ, шляясь безцѣльно, и нѣкоторымъ удалось неожиданно набрести на новыя розсыпи: въ 8 вер. отъ Желтуги (Сиб. № 5—38) по рѣкѣ Сапожку нашлись богатые пріиски и на нихъ вскорѣ собралось уже нѣсколько сотъ человѣкъ. Другая партія открыла также богатыя залежи на рѣчкѣ Араканъ, впадающей въ Аргунь. Такъ какъ эта послѣдняя была болѣе удобна для рабочихъ, вслѣдствіе близости къ Аргуни, изъ-за которой можно было легко доставать провіантъ, то по Аракану въ короткое время набралось до 700 человѣкъ промышленниковъ (№ 50). Нашлись и такіе, которые, пробираясь окрестностями праваго китайскаго берега Амура, почти за 200 верстъ отъ Желтуги, нашли золото и на Албазихѣ (Сиб. 1885, № 5. стр. 8), но укрѣпиться тутъ было опасно, вслѣдствіе близости пикетовъ и безпощадныхъ китайскихъ солдатъ.

На самой Желтугѣ пока все еще шло своимъ чередомъ: ямы и шурфы обсохли, работы продолжались, хотя не съ прежней увѣренностію и безпечностью. Все было тихо, мирно и спокойно, но за границей Желтуги, по тайгѣ и горнымъ долинамъ, дорогамъ и тропинкамъ, изъ ушедшихъ и изгнанныхъ съ пріисковъ головорѣзовъ образовались шайки грабителей и разбойниковъ. То въ одиночку, то скопомъ эти хищники, лакомые до чужой собственности, притаившись гдѣ-нибудь за кустами, камнями, въ ложбинахъ и рвахъ, подстерегали возвращающихся съ Желтуги, безжалостно грабили до тла не успѣвшихъ опомниться и всегда безоружныхъ путниковъ, при малѣйшемъ сопротивленіи просто убивали и преспокойно бросали трупы, тутъ же, на дорогѣ, вовсе не стараясь скрыть ихъ, съ полною увѣренностію въ своей безнаказанности. Ни преслѣдовать, ни мстить за погибшихъ было некому. Теперь мирный и спокойный когда-то путь къ Желтугѣ устилали трупы. Всѣ дороги

къ Амазару, Игнашиной, Покровскому, обагрены были кровью человѣческой, и не одна сотня когда-то сотоварищей погибла отъ рукъ, жаждавшихъ золота.

Грабили и убивали даже подъ самыми станицами, и на проходящихъ и проѣзжихъ оброзавалась правильная охота: за ними слѣдили, подстерегали и приканчивали на мѣстѣ (Вост. Обозр. 1886 № 6, 11.). Въ этомъ звѣрскомъ промыслѣ принимали участіе не одни русскіе, инородцы также не брезгали поживиться чужимъ добромъ, и оба берега Амура—и нашъ лѣвый, и правый китайскій—сдѣлались ареной безнаказанной бойни и ежедневныхъ раздирающихъ душу сценъ грабежа и убійства.

Конечно, такой парядокъ вещей не могъ долго продолжаться, не вызвавъ со стороны какъ русскаго, такъ и китайскаго правительства крутыхъ мѣръ и въ воздухѣ стало носиться уже что то грозное для самой желтугинской республики, Въ концѣ Іюня 1885 года получено, наконецъ, приказаніе отъ русскихъ властей, какъ и было замѣчено выше при возвращеніи еще посланника и ходатая—Штейна, чтобы къ 19-му Іюля желтугинскіе пріиски были очищены. Къ этому прибавились новыя и достовѣрнѣйшія извѣстія, что не только изъ Айгуна съ востока, черезъ Албазинъ, но и изъ Мергени, съ юга по Аргуни двигаются отряды китайскихъ войскъ прямо на Желтугу (Вост. Обозр. 86, № 11; «Сиб.» 1885, № 26; «Владив.» 87, № 5). Остававшіеся желтугинцы всполошились и, подъ главенствомъ старшинъ своихъ Прокунина, Тарасова, Гармонина, Жарова и Золотухина, составили совѣтъ, на которомъ огромное большинство высказалось за необходимость покориться, оставить Желтугу и всѣмъ вообще выйти изъ нея, тѣмъ болѣе, что начавшіеся опять дожди препятствовали работать, даже и въ случаѣ сопротивленія приказу.

Но сами эти старшины поддержанные меньшинствомъ отчаянныхъ бездомовниковъ, которымъ, какъ и имъ самимъ, нельзя было, въ сущности, никуда показаться, не рискуя попасть въ руки властей въ первыхъ-же станицахъ, рѣшили, что всякій воленъ поступать, какъ захочетъ: кто желаетъ уйти,—пусть уходитъ. Другіе могутъ оставаться.

Послѣ этого схода еще многіе оставили вольное поселеніе и длинной вереницей потянулись во свояси, оберегая, какъ могли, свои головы отъ дорожныхъ хищниковъ. Но и осталось также не мало народа, въ томъ числѣ китайцевъ, которымъ уже рѣшительно дѣваться было некуда, такъ какъ дома ихъ ждала лютая смерть, а въ Россіи неизвѣстная судьба; остались также и евреи, надѣявшіеся еще извернуться какъ нибудь, если что либо и случится (Сиб. 1885, № 42). Но теперь картина желтугинской жизни рѣзко измѣнилась, хотя съ массовымъ уменьшеніемъ населенія цѣны на припасы упали почти втрое, такъ что мясо напр. продавалось уже по 5 р. пудъ, сухари 6 р., сахаръ 50 к. и т. под. (Сиб. 85 № 31, 38 42), но оставшееся населеніе бралось за работы неохотно, люди пьянствовали, выхо-

дили на добычу золота только въ крайности. Воцарились деморализація, апатія, безначаліе, драки, воровство, безчинство и самоуправство. Желтугинскія власти теряли всякое значеніе и уже не такъ грозно и ревностно охраняли порядокъ и безопасность въ поселеніи. Одна необходимость совмѣстной жизни, въ виду того, что уходить большинству было некуда, заставляла еще до извѣстной степени держаться въ границахъ терпимаго общежитія. Но теперь это уже не было, какъ прежде, благоустроенное общество, а просто огромная ватага полуразбойничьей вольницы, какія въ стародавнія времена царили по Волгѣ, Днѣпру и Дону (Сиб. 1885 № 37.) Цвѣтущіе дни Желтугинской республики, дни, не ознаменовавшіеся ни тѣнью распрей, ссоръ и домашней неурядицы, дни полнаго согласія, порядка, солидарности, обезпеченности личности и имущества, золотое время вольной и самоуправляющейся Желтугинской республики—миновали безвозвратно. «Жизнь здѣсь мнѣ очень нравится, и не раскаиваюсь, что пріѣхалъ, здѣсь все лежитъ незаперто и не тронуто»,—писалъ одинъ очевидецъ въ Апрѣлѣ 1885 года (Сиб. 85, № 33). Напрасно нарекали и на бѣдность желтугинскихъ пріисковъ (Сиб. 85, № 12, 14, 33 и др.) Напротивъ, они были очень богаты золотомъ, и слава ихъ не была нисколько преувеличена. Богатство этихъ розсыпей дѣйствительно могло считаться баснословнымъ, и если шли нареканія на «пустую молву», если очень многіе возвращались оттуда ни съ чѣмъ, то эти неудачники, обманувшіеся въ своихъ надеждахъ вернуться домой крезами, могли винить лишь самихъ себя: здѣсь, какъ и вездѣ, требовался трудъ и настойчивость. Если, однако, замѣтить, что пріискъ разрабатывался постоянно мѣнявшимся населеніемъ, притомъ не систематически, а кое-какъ, на скорую руку, неопытными и малосвѣдущими въ пріисковомъ дѣлѣ людьми, при помощи примитивныхъ орудій, такъ что изъ отваловъ намывалось уже послѣ работъ немалое количество металла; если вспомнить, что на кордонахъ въ какой нибудь мѣсяцъ, отъ лицъ только случайно задержанныхъ при уходѣ съ Желтуги, отобрано въ казну 66 пуд. шлихового золота по цѣнѣ 3 р. 60 к. золотникъ (Сиб. 1885, № 26) т. е. почти на 320000 р. сер., то золотое богатство Желтуги представится дѣйствительно необыкновеннымъ.

Но—всему бываетъ конецъ! 18 авг. (1885 г.) совершенно неожиданно, но съ подобающими церемоніями, явился на пріискъ вольныхъ промышленниковъ китайскій нойонъ (начальникъ—офицеръ) съ переводчикомъ и свитой. Честь честью, какъ и подобаетъ для такого многолюднаго и разноплеменнаго, хоть и самовольнаго поселенія, онъ предложилъ собравшемуся сходу, какъ русскимъ, такъ китайцамъ и всѣмъ прочимъ, безъ исключенія—очистить Желтугу. На сборы и прекращеніе работъ назначалось 8 дней, въ противномъ случаѣ, нойонъ грозилъ употребить силу и ослушниковъ жестоко наказать. Желтугинцы всполошились. Всѣ они знали, что въ нѣсколькихъ верстахъ стоитъ большое и хорошо вооруженное войско, что шу-

тить и церемониться съ ними китайцы не станутъ, и слѣдовательно нѣтъ другого исхода, какъ уходить и очистить Желтугу. Теперь ни старшины, ни прочія власти не созывали схода, не собирался народъ на «Орлиное поле», для общаго обсужденія дѣла. Никому это не шло на умъ въ деморализованной массѣ: каждый хватался за свое и всякій спѣшилъ уйти, пока еще время, отъ ужасовъ китайской расправы. «Власти» моментально исчезли, ихъ и слѣдъ простылъ, а народъ большими толпами ежедневно валилъ изъ Желтуги. Многолюдное нѣкогда поселеніе быстро пустѣло... Однако, у этихъ людей, оставлявшихъ насиженное гнѣздо, все еще таилась надежда—какъ нибудь вернуться назадъ. Вѣдь не станутъ-же солдаты сидѣть тутъ зимою, не поселятся же они окончательно на Желтугѣ! И вотъ, многіе изъ удалявшихся попрятались по окрестностямъ, въ густыхъ лѣсахъ, между горами и долинами, окружавшими Желтугу. Другіе потянулись въ Игнашину, въ Амазаръ или Покровскую станицы и опять таки оставались тамъ, выжидая, что будетъ дальше и какія мѣры примутъ китайскія власти, чтобы закрыть совсѣмъ доступъ къ Желтугѣ. Игнашинцы и прочіе станичники въ это время сильно нагрѣли свои руки около промышленниковъ: по рублю съ человѣка брали они за ночлегъ, да и то помѣстить было негдѣ. (Вост. Об. 1886 № 11).

Нойонъ не обманулъ желтугинцевъ и, дѣйствительно, спустя ровно 8 дней, 26 августа, онъ явился въ покинутое городище съ 60-ю солдатами, разорилъ и частію сжегъ зимовки, обезглавилъ нѣсколько человѣкъ, не успѣвшихъ уйти или думавшихъ укрыться въ лабиринтѣ построекъ и ямъ на пріискѣ, и ушелъ обратно (Сиб. 85, № 42. Влад. 87. № 5. Вост. Обоз. 86, № 11). Пожгли ли китайцы всѣ желтугинскія постройки и уничтожили-ли въ корень все тамъ оставшееся, исторія умалчиваетъ. Считая свою миссію оконченной, не предполагая, чтобы народъ опять могъ вернуться на запретныя мѣста, да и не имѣя возможности оставаться среди глухой, дикой, безлюдной мѣстности, куда и припасовъ доставить было неоткуда, кромѣ какъ съ русскаго берега,—нойонъ нашелъ благоразумнымъ удалиться во свояси.

Но едва успѣли уйти китайскіе солдаты, едва слѣдившіе за ними лазутчики увѣрились въ безповоротномъ удаленіи отряда, какъ изъ норъ, логовищъ и трущобъ желтугинскихъ окрестностей посыпались на пріиски прежніе ихъ обитатели, торопясь другъ передъ другомъ захватить извѣстные имъ болѣе богатые шурфы, оставленные собственниками (Сиб. 1887 № 8, 11). Работа опять закипѣла. Ободренные безпечностію китайскаго надзора, выжидавшіе въ Амазарѣ, Игнашиной и другихъ станицахъ тоже поспѣшили вернуться назадъ. Опять пообстроились, опять явились купцы, торговцы русскіе и евреи, которые теперь особенно пригодились, снабжая припасами и необходимымъ въ кредитъ, подъ будущее золото. И такъ, все принимало прежній видъ, только замѣтна была лихорадочная поспѣшность, боязнь каждую минуту быть изгнаннымъ или, еще хуже: по-

платиться головой. Къ Рождеству 1885 года на пріискахъ снова собралось, съ китайцами и манчжурами, болѣе 5000 человѣкъ (Вост. Обозр. 1886. № 11. Сиб. 88, № 8).

На самой Желтугѣ попрежнему стало тихо и спокойно, опять порядокъ воцарился между работавшими; но пути и дороги къ республикѣ оставались не безопасными. Разбои и грабежи, затихшіе временно, въ самый періодъ массоваго ухода съ Желтуги, возобновились, и теперь правильная охота на оплошныхъ, особенно уходящихъ съ пріиска возстановилась въ полной силѣ (Вост. Обозр. 86. № 6).

До властей китайскихъ снова дошли извѣстія, что Желтуга работаетъ по-прежнему. Несмотря на холода, наступившіе въ декабрѣ, несмотря и на дальній путь, сформированныя еще осенью войска двинулись теперь изъ Айгуна черезъ Албазинъ въ числѣ 1000 хорошо вооруженныхъ конныхъ и пѣшихъ солдатъ, чтобы открытой силой напасть на желтугинскихъ ослушниковъ и примѣрно наказать виновныхъ. Изъ Мергени съ юга, по Аргуни, тоже послѣдовало наступленіе отряда въ 600 человѣкъ манегровъ (Вост. Обозр., 86, № 11. Сиб. 87. № 7).

Въ началѣ января 1886 года, въ самые жестокіе морозы первый Айгунскій отрядъ, слѣдуя нашей стороной, по льду рѣки Амура, остановился въ станицахъ Амазаръ и Игнашиной. Не желая или опасаясь сдѣлать открытое нападеніе на желтугинцевъ, въ пять разъ превосходившихъ ихъ численностію, китайскіе начальники послали вѣстовщиковъ къ *вольнымъ промышленникамъ*, предлагая имъ немедленно, по-добру по-здорову очистить пріиски. Русскимъ было обѣщано не дѣлать никакого вреда и свободно пропустить ихъ домой, но съ своими китайцы предоставили себѣ раздѣлаться по своему усмотрѣнію. Несмотря на то, что желтугинцы теперь были по большей части вооружены, вѣроятно, въ предвидѣніи неожиданнаго на нихъ нападенія или для огражденія себя отъ грабителей, разсѣянныхъ вокругъ пріисковъ, — они всетаки сильно струсили и вовсе не выразили желанія открыто сопротивляться хозяевамъ страны—китайцамъ. Надо полагать, что сознаніе правоты требованія невольно и несознательно, но замѣтно вліяло на поведеніе желтугинской вольницы.

На пріискѣ произошелъ страшный переполохъ, поднялась невыразимая суматоха. Возникъ вопросъ, — куда же идти, если Амазаръ, Игнашина и др. станицы заняты китайскими войсками, а по берегамъ стоятъ пикеты. На пріискахъ въ это время находилось до 400 челов. китайцевъ и манчжуровъ; этимъ уже положительно дѣваться было некуда и надѣяться не на что: ихъ могла ждать только вѣрная и неизбѣжная смерть, тѣмъ болѣе, что массовое избіеніе китайцамъ не новость. Приведенные въ ужасъ сознаніемъ своего безвыходнаго, отчаяннаго положенія, они стали молить, бук-

вально молить русскихъ остаться, не выдавать ихъ своимъ, защитить отъ гибели и мучительныхъ казней.

Русскіе были тронуты ужаснымъ положеніемъ своихъ иновѣрныхъ товарищей. Среди сборовъ и заботъ о собственномъ спасеніи, у нихъ, однако, начались споры и толки, какъ быть съ китайцами и какъ ихъ защитить отъ жестокой участи. Въ концѣ концовъ пришли къ рѣшенію, что, если уходить, такъ уходить ужъ всѣмъ разомъ и съ китайцами, пусть будетъ что будетъ; сказано, насъ не тронутъ, а если ихъ бить станутъ,—ну, такъ ужъ мы тому неповинны (Сиб. 1887. № 8).

Что затѣмъ наступило, разсказать очень трудно. Крики, брань, плачъ женщинъ и ребятъ, неистовый вой китайцевъ... Съ горя и отчаянія многіе перепились, страсти толпы разнуздались, многіе бросились на еврейскія лавки, кабаки и гостинницы, начался разгромъ; покончивъ съ кабаками, принялись за торгашей, отнимали провизію и товары и равняли голь и нищету съ наживавшимися отъ нея же торговцами. Многимъ всетаки удалось убѣжать тайкомъ, воспользовавшись наступившимъ хаосомъ, но добрались ли они живыми домой, это большой вопросъ. Наконецъ, кое-какъ все угомонилось, улеглось, страсти успокоились, и населеніе приготовилось къ выступленію. Собираясь партіями по 50, 100 человѣкъ, стали выступать желтугинцы, выбирая для себя болѣе подходящее направленіе. Самый большой отрядъ, въ нѣсколько сотъ человѣкъ, съ тремя горнистами впереди, со знаменемъ, на которомъ ярко изображена была надпись: «Мы, Александръ III»,—торжественно выступилъ въ походъ, направляясь по дорогѣ въ Амазаръ (Вост. Обозр. 1886, № 11. Сиб. 87, № 7—8).

На Желтугѣ оставалось еще самаго отъявленнаго, бездомовнаго и безшабашнаго люда человѣкъ 300, да около того китайцевъ, не осмѣлившихся сразу пуститься съ прежде выступившими, надѣясь узнать, что случится съ тѣми. Но и они посидѣли не долго. Провизія, отнятая у торговцей, подходила къ концу, оставаться не приходилось, и вотъ, подѣливши добытое разгромомъ, собрались всѣ въ кучу и двинулись къ Амуру (Сиб. 87. № 7, 8). Морозы стояли до 40°, и вся эта несчастная, полуокоченѣлая толпа человѣкъ въ 600, одѣтая въ лохмотья и укутанная войлоками, на пути своемъ оставляла замерзавшихъ собратовъ, отстававшихъ отъ общей ватаги (Сиб. 87, № 8). Но это были еще не самые несчастные: когда эта толпа достигла берега и потянулась дорогами по рѣкѣ Амуру на ту сторону, произошло нѣчто ужасное и отвратительное по своей звѣрской, безсмысленной жестокости.

Китайцы вообще жестоки, жестоки именно безсмысленно и звѣрски. Казаки разсказываютъ, что китайскіе пикеты, содержимые по берегамъ Аргуни, на границѣ съ ними, и покупающіе у нихъ скотъ для своего продовольствія, — всегда вскрываютъ у убиваемаго животнаго внутренности и вырываютъ, еще у живого, трепещущее

сердце. У тельной коровы вырѣзаютъ заживо плодъ и недоношеннаго теленка считаютъ лакомствомъ. Съ людьми, попавшими имъ въ руки, китайцы безпощадны. Самыя ужасныя казни и пытки безсердечно и хладнокровно примѣняютъ они къ обреченнымъ смерти, а смертная казнь тамъ дѣло обычное. Хунхузовъ (разбойниковъ) въ Уссурійскомъ краѣ, по разсказамъ г. Горемыкина («Новое Время»), съ возмущающими душу церемоніями медленно зарываютъ живыми въ землю. Одинъ русскій, проѣзжавшій въ 1886 г. по Амуру, былъ свидѣтелемъ слѣдующей казни. Къ столбу, врытому въ землю, привязали преступника (матереубійцу); косу его продѣли сквозь просверленное въ столбѣ отверстіе и крѣпко закрутили заверткой. Потомъ ротъ его набили ватой, смоченной водкой, забивая ее палочкой, такъ что казнимый едва могъ дышать носомъ. Палачъ надрѣзалъ на лбу кожу и, содравъ ее, завернулъ на глаза. Чтобы унять кровотеченіе, срѣзанное мѣсто засыпали какимъ-то бѣлымъ порошкомъ. Несчастный не могъ кричать, но рвался и метался отъ невыносимой боли... Тогда начали колоть ему грудь полутупыми ножами и отрывать куски мяса. Страданія несчастнаго были такъ велики, что онъ вырвалъ косу и бился долгое время въ судорогахъ, пока не впалъ въ безчувственное состояніе.

Нѣчто подобное произошло и теперь... Едва китайскіе солдаты увидали двигавшихся по льду Амура желтугинцевъ, какъ бросились на беззащитныхъ соотечественниковъ и, по выраженію одного очевидца (Сиб. 1887, № 8), «начали лущить ихъ самымъ безпощаднымъ образомъ. Ихъ топтали лошадьми, кололи тупыми пиками, рубили и калѣчили безъ малѣйшаго съ ихъ стороны сопротивленія» (Вост. Обоз. 1886, № 11). Одинъ изъ преслѣдуемыхъ бросился было со страху въ прорубь. Его вытащили за косу, но уже обледенѣлымъ.

Конечно, всѣ кинулись вразсыпную, куда попало; бѣжали по сугробамъ и рытвинамъ, карабкались по льдинамъ, прятались за ихъ выступами. Морозъ леденилъ члены, голодъ и усталость лишали силъ, бѣглецы падали, поднимались и снова бѣжали, стараясь достигнуть берега и скрыться въ станицѣ. Но и тамъ не было спасенія. Убивали и мучили и на нашемъ берегу, выхватывали изъ толпы русскихъ, терзали на улицахъ, врывались въ русскія избы и выволакивали оттуда свои жертвы. Это была настоящая бойня, ужасная, безобразная и звѣрская.

Русскіе, насколько возможно, помогали укрывавшимся китайцамъ, прятали ихъ въ тайникахъ, въ укромныхъ мѣстахъ, увозили дальше отъ берега, но преслѣдованія и обыски продолжались и на слѣдующіе дни. Солдаты манегры безцеремонно лазали по чердакамъ и сараямъ, обыскивая избы и клѣти, и горе попадавшему въ ихъ руки! Послѣ страшныхъ пытокъ и изысканныхъ терзаній имъ отрубали головы, а трупы бросали неприбранными по берегу или на рѣкѣ (Вост. Об. 1884, № 11. Сиб. 1887, № 7, 8). Далеко по обо-

имъ берегамъ и по руслу Амура у дороги, на разстояніи болѣе сотни верстъ валялись эти обезображенные трупы, иногда страшно изуродованные и непремѣнно обезглавленные. «Въ теченіе долгаго еще времени охота на желтугинскихъ китайцевъ продолжалась, и войска, отошедшія на пріискъ и оставившія по берегу караулы, хватали оплошныхъ. Были и трагикомичные случаи на мрачномъ фонѣ ужасной драмы. Такъ, казакъ одной изъ прибрежныхъ станицъ, возвращаясь домой по льду Амура, единственной зимней дорогой въ этой мѣстности,—безпечно поглядывалъ по сторонамъ и, погоняя свою бойкую лошадку, спѣшилъ къ зимовью. Вдругъ, за однимъ крутымъ поворотомъ извилистаго Амура онъ увидалъ кучку солдатъ манегровъ, занятыхъ приготовленіемъ къ какой то замысловатой казни надъ попавшей имъ въ руки жертвой. Поравнявшись съ безсмысленно дрожавшимъ китайцемъ, казакъ, недолго думая, схватилъ его сильной рукой за шиворотъ и, ловко бросивъ въ свои сани, полетѣлъ во весь опоръ по гладкой и ровной дорогѣ. Человѣкъ 20 спѣшившихся солдатъ, предвкушавшихъ уже заранѣе жестокое развлеченіе, растерялись отъ неожиданности. Пока они отвязывали лошадей и пустились въ погоню, казакъ былъ уже далеко. Доскакавъ до зимовья, онъ выпихнулъ привезеннаго китайца въ избу и убралъ лошадь. Едва преслѣдователи приблизились къ жилищу, какъ всѣ обитатели его съ гиканіемъ и крикомъ выскочили изъ избы и бросились на солдатъ съ голыми руками. Испугавшись неожиданности и не сообразивъ въ чемъ дѣло, тѣ поворотили назадъ и скоро скрылись изъ виду.—Китаецъ былъ спасенъ (Вост. Обоз. 1886, № 11).

Конечно, при общей бойнѣ, досталось въ суматохѣ и русскимъ, не мало убито было и нашихъ авантюристовъ. «*Въ концѣ января 1886 года*», разсказываетъ свидѣтель этихъ неистовствъ, китайскіе солдаты привели 6 человѣкъ своихъ плѣнныхъ на берегъ Амура, противъ станицы Покровской, ужасно мучили ихъ, отрѣзали головы и, связавши косами по двѣ, развѣсили на шестахъ вдоль береговой полосы (Сиб. 1887, № 11). Это навело такой ужасъ на остальныхъ укрывавшихся по лѣсамъ и станицамъ китайцевъ, что они бросились вверхъ по Шилкѣ, въ наши владѣнія и разсыпались по Нерчинскому округу. Десятки ихъ появились чуть не въ каждой деревнѣ, они проникли даже на югъ, на хлѣбородную Унду.

Видъ этихъ несчастныхъ былъ ужасенъ; у самыхъ черствыхъ и привычныхъ къ виду страданій онъ способенъ былъ вызвать слезы; голодъ, морозы и побоища до того ихъ изуродовали, что многіе въ полномъ смыслѣ потеряли образъ человѣческій. Отмороженные руки, ноги, уши, носы, выколотые глаза, искаженныя голодомъ и страданіями лица, ужасныя лохмотья, въ которыя буквально завернуты были бѣглецы, вызывали и жалость и содраганіе. Въ отчаяніи, съ рыданіемъ падали они на колѣна передъ встрѣчными и раздирающими душу воплями повторяли одно извѣстное

имъ слово: «кушай, кушай». Сострадательные крестьяне и казаки, подчасъ и сами нуждавшіеся въ хлѣбѣ, охотно оказывали посильную помощь просившимъ и оставляли ихъ у себя работать изъ хлѣба. Безпріютные изгнанники были благодарны своимъ хозяевамъ, они такъ старательно и добросовѣстно относились къ своимъ обзанностямъ, что трудолюбіемъ и послушаніемъ своимъ располагали къ себѣ жителей, и многіе оставляли ихъ работниками. Китайцы усвоивали русскій говоръ, приспособлялись къ русской жизни и, страшась возврата на родину, изъявляли готовность принять православіе и остаться навсегда въ Сибири (Вост. Об. 1886, № 16).

Между тѣмъ второй отрядъ китайскихъ войскъ, вышедшій изъ Мергени и медленно двигавшійся по окрестностямъ Аргуни, провѣдалъ о скопищѣ промышленниковъ на Araканѣ, направился туда и, въ началѣ февраля, неожиданно окруживъ новые пріиски, началъ громить начинавшееся поселеніе. Несмотря на многолюдство тамошняго населенія (какъ сказано было выше, до 700 челов.) сопротивленія никто не оказалъ. Всѣ постройки были сожжены, съѣстные припасы и имущество отобраны; русскихъ, неуспѣвшихъ убѣжать, безпощадно отколотили палками (многихъ вѣроятно до смерти) и выгнали на всѣ четыре стороны, а изъ небольшого числа манчжуръ и китайцевъ захватили живьемъ 15 человѣкъ. Двумъ изъ нихъ отрубили головы и воткнули на шестахъ, при входѣ въ Араканскую долину. Остальныхъ скрутили и потащили за собой (Сиб. 1887, № 7). Отрядъ этотъ, преслѣдуя и ловя бѣглецовъ, направился также къ Желтугѣ.

Но вмѣстѣ съ китайцами,—станицы по Амуру, вплоть до Благовѣщенска, наводняли также огромныя массы русскаго бездомовнаго люда, ушедшаго съ желтугинскаго пріиска. Не имѣя опредѣленныхъ занятій и пристанища, толпы этихъ бездомовниковъ шлялись отъ станицы къ станицѣ, отъ селенія къ селенію, прося милостыню. Оборванные и искалѣченные не хуже китайцевъ, обнищалые и голодные, своимъ нахальствомъ и назойливостью они надоѣли станичному люду и сдѣлались для него тяжелой обузой, отъ которой не знали, какъ отдѣлаться.

Сначала сердобольные поселяне охотно помогали и дѣлились, чѣмъ могли, съ нуждавшимися, но, наконецъ, увидѣли, что все возраставшей и возраставшей массѣ желтугинцевъ они помочь не въ силахъ,—и стали отказывать. «Ужъ мѣсяцъ, какъ въ Покровской, въ каждый домъ ежедневно заходитъ не менѣе 15 нищихъ желтугинцевъ»—писали въ газ. «Сибирь» (1887, № 9). Отказы только раздражали голодныхъ, начались ссоры, воровство, потомъ грабежи и даже убійства. (Сиб. 1887, № 11). Изъ числа многихъ и многихъ злодѣяній, вызванныхъ этимъ положеніемъ вещей, особенно тяжелое впечатлѣніе произвело, даже въ Благовѣщенскѣ, убійство Навгоровыхъ.

Молодой, недавно еще женившійся чиновникъ Навгоровъ слу-

жилъ въ Забайкальѣ. Вѣроятно, однообразная чиновничья жизнь въ глухомъ сибирскомъ городкѣ не удовлетворяла запросовъ молодой натуры, впереди не видѣлось ничего привлекательнаго, и вотъ Навгоровъ увлекся общей горячкой, заманчивыми слухами о богатствахъ новой Калифорніи, гдѣ «мохъ дерутъ да золото берутъ» и вмѣстѣ съ молодой женой, бросивъ и службу и городишко, отправился съ радужными надеждами на Желтугу. Но мечты и надежды обманули, *чиновникъ* оказался непригоднымъ для пріисковыхъ работъ, онъ не могъ жить чуть не въ землянкѣ копать и промывать мерзлую землю и т. д. Къ разнымъ гешефтамъ и темнымъ дѣламъ онъ не чувствовалъ себя способнымъ и потому сталъ проситься опять на службу въ Благовѣщенскъ. Его приняли. Выбравшись къ Игнашину, онъ снарядилъ барказъ, сложилъ въ него свое имущество и, нанявъ двухъ гребцовъ, спокойно пустился внизъ по Амуру. Но желтугинскіе хищники слѣдили за этой заманчивой добычей. Подъ видомъ нужды, на барказъ къ Навгоровымъ напросились еще два молодца, обѣщавшіе грести и ускорить такимъ образомъ путешествіе спѣшившаго чиновника. Благополучно отъѣхали Навгоровы 60 верстъ отъ Игнашинской и остановились ночевать въ удобномъ мѣстѣ, на берегу. Когда обѣ жертвы преступленія спокойно заснули, не подозрѣвая, что они на волоскѣ отъ смерти, убійцы набросились на Навгорова и покончили съ нимъ ударами веселъ. Молодая женщина проснулась нѣсколько мгновеній раньше и, едва сообразивъ грозившую опасность, съ воплемъ отчаянія бросилась къ рѣкѣ, надѣясь спастись на лодкѣ. Злодѣи, видя, что жертва ускользаетъ отъ нихъ, мѣткими ударами камней уложили и ее.

Бросивъ трупы на мѣстѣ, они съ захваченнымъ имуществомъ поспѣшили дальше, внизъ по теченію Амура и на другой день остановились у русскаго селенія Албазина. Здѣсь они, подъ разными предлогами, стали продавать грузъ захваченной лодки и, между прочимъ, швейную машину. На ихъ бѣду, одна женщина, хорошо знавшая Навгоровыхъ еще въ Игнашиной и не разъ видавшая у нихъ эту машину, признала ее. Чуя, что тутъ кроется недоброе дѣло, она догадалась шепнуть властямъ о своихъ подозрѣніяхъ, и такимъ образомъ удалось тутъ же захватить всѣхъ четырехъ убійцъ и установить фактъ совершеннаго ими преступленія (Сиб. 87, № 13.). Хотя этотъ случай и заставилъ говорить о себѣ, но не вызвалъ никакихъ мѣръ, и положеніе дѣлъ оставалось въ томъ же состояніи. Большія толпы желтугинцевъ все еще держались по станицамъ, особенно тѣснясь къ Амазару, Игнашиной, Покровкѣ и др. ближе лежавшимъ къ пріиску, точно магнитъ, тянувшему къ себѣ всякій сбродъ. Они ждали опять ухода китайскихъ отрядовъ, надѣясь по прежнему *поработать*. Небольшое количество манчжуръ и китайцевъ, не успѣвшихъ убѣжать или выбравшихся изъ своихъ тайниковъ, укрывались теперь въ окрестныхъ лѣсахъ и въ логовищахъ, выходя порой въ станицы, чтобы

добывать себѣ пропитаніе. (Сиб. 1887, № 9). Повидимому, теперь желтугинская исторія пришла къ концу—«республика» разорена, Орлиное поле опустѣло и воспоминанія объ ужасной китайской репрессіи носились надъ опустошеннымъ гнѣздомъ сибирской вольницы. Однако, судьба хотѣла, повидимому, закончить эту трагедію комическимъ эпилогомъ.

Наскучивъ ожиданіемъ ухода китайскаго войска, послѣдніе желтугинцы, не оказавшіе никакого сопротивленія во время своего могущества, надумали взять свою бывшую резиденцію силой. Послѣ сборищъ и сходокъ, на которыхъ обсуждалось положеніе дѣлъ и составлялись планы аттаки непріятеля, сговорившіеся удальцы образовали два отряда: Игнашинскій въ 250 и Амазарскій въ 400 человѣкъ. Такъ какъ это импровизированное войско состояло изъ самой злополучной голытьбы, то можно себѣ представить, какой оно имѣло видъ и какое вооруженіе. Человѣкъ у десяти были ружья, человѣкъ 30 имѣли косы, а остальные что попало. Главнокомандующимъ обоими отрядами выбранъ былъ нѣкто *«господинъ военный»*—отставной телеграфистъ Крейтеръ. Не смотря на свою «военную» репутацію, господинъ этотъ не выказалъ никакихъ тактическихъ дарованій, хотя, впрочемъ, планъ наступленія былъ обдуманъ всесторонне. Если бы онъ удался,—Богъ знаетъ, къ какимъ послѣдствіямъ повело-бы это отчаянное воинское предпріятіе, но, благодаря фельдмаршалу-телеграфисту, оно окончилось ничѣмъ.

Глубокой ночью, въ порядкѣ и тишинѣ, избѣгая громкихъ разговоровъ, игнашинскій отрядъ перешелъ черезъ Амуръ и на томъ берегу прямехонько наткнулся на китайскій пикетъ. Испуганные неожиданнымъ появленіемъ такого большого сборища, китайцы безъ выстрѣла во всю мочь ускакали къ своему отряду, расположенному дальше по пути къ пріиску. Слѣдуя впередъ, наши игнашинцы благополучно соединились съ Амазарскимъ отрядомъ и съ удвоенными силами отправились къ Желтугѣ. Шли они все такъ же тихо и осторожно, боялись закурить, чтобы не выдать себя. На пути, однако, они то и дѣло натыкались на валявшіеся трупы, и понемногу страхъ охватывалъ воителей. Передовые дали знать, что небольшой отрядъ китайцевъ заснулъ на своемъ посту, расположенномъ по дорогѣ. Желтугинцы окружили его и безъ всякаго сопротивленія захватили отлично вооруженныхъ скорострѣльными ружьями солдатъ. Но... тутъ возникъ вопросъ, что-же дѣлать съ этими военно-плѣнными? Случай оказался не предусмотрѣннымъ, побѣдители сами удивлялись, какъ далась имъ эта блестящая побѣда, а стратегическія познанія военачальника не могли разрѣшить недоумѣніе. Толковали, совѣщались и въ концѣ концовъ, по распоряженію своего главнокомандующаго, отпустили захваченныхъ китайцевъ, даже... съ оружіемъ и лошадьми! Китайцы, тоже, конечно, удивленные непонятнымъ приключеніемъ, вскочили на коней и

мгновенно ускакали къ главнымъ силамъ, расположеннымъ подъ самыми желтугинскими пріисками (Владивост. 1887, № 5).

Чѣмъ ближе подвигались наши воители къ дорогой ихъ сердцу Желтугѣ, тѣмъ больше встрѣчалось по дорогѣ обезглавленныхъ труповъ; между китайскими попадались и наши, и многіе узнавали въ нихъ своихъ прежнихъ сотоварищей. Зрѣлище это мало ободряло нашихъ храбрецовъ, и они начали не на шутку трусить. Между тѣмъ, начинало свѣтать, до Желтуги было недалеко, когда передъ угнетенной толпой предстало новое зрѣлище. Къ дереву привязанъ былъ окровавленный трупъ китайца. Онъ закоченѣлъ, искаженное ужасомъ лицо его было страшно, а распростертыя руки какъ-бы загораживали дорогу, предупреждая о мрачномъ концѣ затѣяннаго дѣла. Ужасъ охватилъ усталыхъ и окончательно пріунывшихъ воиновъ (Сиб. 1887, № 8).

Между тѣмъ китайское войско не на шутку встревожилось извѣстіями, полученными отъ отряда, прискакавшаго послѣ неожиданнаго плѣна и еще болѣе неожиданнаго освобожденія. Отрядъ стянулся, занялъ позицію и ожидалъ, въ боевомъ порядкѣ, грознаго непріятеля. Уже совсѣмъ разсвѣло, когда наши увидали невдалекѣ передъ собою вооруженное войско китайцевъ, состоявшее изъ конницы, готовой, казалось, броситься въ атаку. Остановились, собрались въ безпорядочную кучу и стали совѣщаться. Вся храбрость испарилась и планъ захвата Желтуги теперь, въ виду непріятеля, казался истощеннымъ и голоднымъ промышленникамъ совершенно несбыточнымъ. Крейтеръ измѣнилъ тактику и предлагалъ прибѣгнуть къ «военной хитрости»: сказать китайцамъ, что пришли-де убирать трупы, а тѣмъ временемъ, разъ уже вступивъ въ переговоры, выхлопотать позволеніе остаться на Желтугѣ. Выбрали парламентеромъ нѣкоего доктора (вѣроятно, фельдшера) Ромбаха и отправили его для переговоровъ въ китайскій лагерь.

Ромбахъ просилъ аудіенціи у генерала, командовавшаго непріятельскими войсками, и получилъ ее. На вопросы надменнаго мандарина, что нужно и зачѣмъ явилось сюда такое скопище людей, Ромбахъ уклончиво объяснилъ, что пришли они убирать тѣла убитыхъ, валявшихся безъ погребенія.—Пусть убираютъ, позволилъ генералъ,—и дѣло пока на этомъ и кончилось.

Ободренные и считая уже успѣхомъ самый фактъ переговоровъ, наши авантюристы устроили привалъ, выпили, закусили и, по распоряженію своего фельдмаршала г. Крейтера, отправили новыхъ депутатовъ, которые должны были прямо объяснить цѣль прихода на Желтугу и просить согласія на производство тамъ разработки золотыхъ пріисковъ. Но на этотъ разъ китайскій генералъ даже не принялъ посланниковъ.

Всетаки они высказали свои желанія, а хитрые китайцы, смекнувши въ чемъ дѣло и узнавъ, что передъ ними почти безоружная толпа тѣхъ же желтугинцевъ, которые уже два раза изгонялись ими успѣшно съ пріисковъ — стали понемногу окружать нашихъ, а Крейтера, бывшаго въ числѣ посланниковъ вмѣстѣ съ товарищами, задержали.

Разумѣется, войско, лишенное главы, растерялось: ожидая еще

возвращенія своего начальника и не понимая, что хотятъ дѣлать китайцы, оно скучилось и ожидало, что будетъ дальше. Ободренные китайцы, чтобы вызвать нашихъ на какое нибудь активное дѣйствіе и потомъ устроить бойню, начали кричать: ну, стрѣляй, стрѣляй! война, война! (Сиб. 87, № 8). Неизвѣстно, чѣмъ бы это кончилось; быть можетъ, если-бы нашелся пылкій и рѣшительный человѣкъ, то озлобленные авантюристы бросились бы и съ голыми руками на китайское вооруженное войско, но вмѣсто того, среди напряженнаго молчанія и нерѣшительности кто-то отчаянно благимъ матомъ закричалъ: ребята, спасайся кто можетъ!!.. Этого было достаточно, чтобы вся масса, какъ одинъ человѣкъ, бросилась вразсыпную, кто куда могъ (Владив. 87, № 5).

Откуда то явилась у китайцевъ и пѣхота, вооруженная палками. Она неистово набросилась на нашихъ и стала бить во всѣ стороны убѣгавшихъ желтугинцевъ, не пытавшихся защититься. Какъ стадо звѣрей, преслѣдуемыхъ охотниками, они спасались отъ китайцевъ. Этотъ безотчетный страхъ простирался до того, что, по словамъ очевидца, обезумѣвшая толпа бѣжала 17 верстъ безъ оглядки и только въ виду Амазара очнулась и разглядѣла, что гонятъ ихъ только 15 человѣкъ китайцевъ. Крейтеръ съ другими предводителями, задержанными въ китайскомъ лагерѣ, были доставлены подъ конвоемъ въ Игнашину и сданы нашимъ властямъ (Сиб. 87, № 7). Этимъ безславнымъ эпизодомъ, достойнымъ пера Сервантеса, окончилась исторія этого послѣдняго похода, а съ нимъ и Желтугинской республики въ Китаѣ.

Прибавить остается немного. Разсѣянные и потерявшіе надежду снова попасть на желтугинскіе пріиски,—*вольные промышленники* разбрелись по окрестностямъ, по другимъ частнымъ и казеннымъ пріискамъ, а нѣкоторые по-прежнему занялись хищнической добычей золота, но уже въ нашихъ предѣлахъ. Такъ на Карійскихъ золотыхъ пріискахъ, въ Нерчинскомъ округѣ, по рѣкѣ Карѣ, впадающей въ Шилку, образовались даже артели такихъ хищниковъ, по 4, по 6 человѣкъ и успѣшно добывали отъ 6 до 8 золотниковъ въ день, мѣняя ихъ сбытчикамъ по 4 и по 3 р. 60 к. золотникъ (Сиб. 87, № 24 стр. 5).

Въ Россіи эта необыкновенно характерная исторія обратила мало вниманія, хотя одно время Сибирь была переполнена ея отголосками. Между тѣмъ, вдалекѣ, въ Англіи и Америкѣ къ ней отнеслись гораздо внимательнѣе, и въ послѣднее время отъ пріѣзжающихъ изъ тѣхъ мѣстностей слышно, что англо-американскія компаніи уже разрабатываютъ и желтугинскія, и смежныя розсыпи. Какъ у нихъ идетъ дѣло, на какихъ условіяхъ поладили они съ китайцами,—мы не знаемъ *).

А. Лебедевъ.

Въ одномъ изъ послѣднихъ №№ «Новаго Времени» 28 августа напечатано слѣдующее извѣстіе: «Изъ Благовѣщенска телеграфируютъ «Вост. Обозрѣнію», что въ Гелюѣ, на притокѣ Зеи, въ мартѣ открылась новая Желтуга, съ богатымъ содержаніемъ золота. Хищниковъ работаетъ тысячи двѣ. Гелюй обстроился, завелъ свое управленіе и порядки, напоминающіе желтугинскую республику.

(*Ред*).

НА СТАНЦІИ.

Романъ Елены Белау.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

I.

На самой границѣ Германіи, тамъ, гдѣ Баварскій Альгаускій хребетъ незамѣтно приводитъ въ сосѣднюю Швейцарію, царствуетъ предразсвѣтная тишина. Глубокая пелена снѣга покрываетъ долину, среди которой пріютилась наполовину засыпанная снѣгомъ одинокая мыза Роормосъ.

На высокихъ скалахъ, замыкающихъ долину съ востока, играютъ первые лучи разсвѣта, принося съ собой надежду, что и сюда, за эти каменныя стѣны, поднимающіяся подобно неяснымъ призракамъ въ предутреннемъ сумракѣ, заглянетъ солнце, когда придетъ его время. Небо такъ же однообразно-бѣло, какъ и земля, а воздухъ кажется состоящимъ изъ тонкихъ ледяныхъ кристаловъ.

Необозримые снѣга, морозъ, льдистый сумракъ, всѣ эти суровыя силы, враждебныя жизни, надвинулись со всѣхъ сторонъ на теплое гнѣздышко, какъ будто рѣшились заморозить, загасить всякую пріютившуюся въ немъ искру жизни. А между тѣмъ внутри фермы все дышетъ избыткомъ тепла и жизни.

Изъ обледенѣлыхъ оконъ хлѣва падаетъ красноватый отблескъ фонарей, при свѣтѣ которыхъ уже давно видно движеніе и внутри хлѣва, и снаружи, на усыпанномъ соломой дворѣ.

Каждый разъ, когда отворяютъ дверь, изъ нея вмѣстѣ съ мычаньемъ скота вырываются клубы теплаго пара.

Кучи навоза дымятся. Снѣгъ на столбахъ, окружающихъ большой скотный дворъ Роормоской мызы, таетъ отъ этихъ испареній, и столбы покрываются толстыми ледяными наростами причудливыхъ формъ. Изъ большого амбара пахнетъ свѣжимъ, хорошо сохранившимся сѣномъ, и ароматъ жаркаго лѣтняго дня волной вливается въ это морозное, зимнее утро.

Работники и работницы пробѣгаютъ черезъ дворъ, согрѣвая дыханіемъ свои руки; ихъ также окружаютъ облака теп-

лаго пара, осѣдающія бѣлымъ инеемъ на волосахъ и шапкахъ.

Отъ всего живого на мызѣ курится паръ. Лошади, которыхъ запрягаетъ работникъ, выдыхаютъ изъ ноздрей такія густыя облака, что представляются плавающими въ туманѣ.

Теплые, сырые подойники, въ которыхъ молоко переносится изъ хлѣва въ молочную, дымятся; отъ каждой соломенки, которую работники вынесутъ на ногахъ изъ хлѣва, нѣсколько времени вьется струйка дыма, какъ отъ маленькаго жертвенника.

На зло суровой, снѣжной зимѣ все вокругъ кипитъ жизнью.

Въ простой комнатѣ деревяннаго дома, передъ лампой сидятъ четыре человѣка; бѣловатый свѣтъ утреннихъ сумерекъ, проникающій въ большія окна, борется со свѣтомъ лампы.

Ветчина, яйца, свѣжее масло, черный хлѣбъ и шумящій кофейникъ стоятъ передъ ними на покрытомъ бѣлой скатертью столѣ.

Людвигъ Гастельмейеръ, прежде арендаторъ, а теперь собственникъ Роормоса, задумчиво смотря передъ собой, закуриваетъ трубку.

Это широкоплечій, мускулистый человѣкъ, одѣтый въ рабочую блузу. При взглядѣ на него, невольно возникаетъ мысль о всевозможныхъ работахъ и трудѣ, связанномъ съ веденіемъ сельскаго хозяйства.

Его сынъ Фридрихъ, сидящій между матерью и молодой, бѣлокурой дѣвушкой, сильно напоминаетъ отца. Онъ на голову ниже его, но также широкоплечъ и мускулистъ. Глаза тѣ же, что у старика, только раздвинуты пошире, такъ какъ носъ у него нѣсколько крупнѣе. Такія же свѣжія, влажныя губы, какъ у отца, придаютъ всему лицу особенный отпечатокъ здоровья и силы.

Связный разговоръ не клеится. Изрѣдка краткое замѣчаніе, односложный отвѣтъ, вздохъ, струйка кофе, наливаемаго въ большія, широкія чашки, нарушаютъ тишину.

Сынъ, повидимому, одѣтъ въ дорожное платье.

Шуба его виситъ на стѣнѣ, среди цѣлой коллекціи закопченныхъ трубокъ, среди связокъ мочалы, оленьихъ роговъ, полотняныхъ мѣшечковъ съ сѣменами, мирно размѣстившихся рядомъ.

— Уже свѣтаетъ,—проговорилъ старикъ, держа трубку въ зубахъ,—скоро и солнце взойдетъ. Уберите-ка прочь лампу!

— Вотъ видишь,—сказалъ онъ послѣ продолжительной паузы, выпустивъ особенно большое облако голубоватаго дыма,—вотъ и оно.

Сынъ подошелъ къ отцу.

Бѣлый, льдистый туманъ поднялся надъ вершинами горъ; на чертѣ, отдѣляющей горный хребетъ отъ блестящаго бѣлаго неба зажигалась огненно-красная искра; снѣгъ утратилъ мерт-

венно бѣлый оттѣнокъ и окрасился въ золотисто-розоватый цвѣтъ. Показалось, наконецъ, солнце. Съ нимъ вмѣстѣ по долинѣ побѣжали гигантскія, темныя тѣни.

Большая ель съ вѣтвями, прижатыми къ самому стволу, какъ руки солдата, передъ которымъ проходитъ начальникъ, отбросила на домъ голубоватую тѣнь, и эта тѣнь кажется душой стараго дерева, погнувшагося подъ тяжестью снѣга, душой, покинувшей почему нибудь его тѣло, и упавшей на снѣгъ.

— Ну, вотъ оно и опять въ туманъ ушло,—сказалъ старый Гастельмейеръ, — видно не очень-то ему въ Роормосѣ нравится. Что-жъ, удивляться нечему. Оно видѣло здѣсь еще старый, плохенькій скотный дворъ, да и сыроварню, такую, что Боже избави; долго намъ пришлось съ ними мириться, что дѣлать, ну, а потомъ начали строиться. За то десятка два лѣтъ спустя солнышко увидѣло здѣсь такое молочное хозяйство, какого больше во всей округѣ не найдешь. Оно знаетъ стараго Гастельмейера, тридцать лѣтъ каждый Божій день оно видѣло, какъ онъ, спины не разгибая, работалъ, а потомъ видѣло и его жену и она также не мало труда сюда положила. Видѣло оно, какъ у нихъ родился сынъ, и вѣрно думало глядя на него: ну, этотъ можетъ себѣ жить припѣваючи, старики за него какъ волы работаютъ, онъ здѣсь какъ сыръ въ маслѣ катается. Но, что это? Убей меня Богъ, онъ кажется опять бросаетъ своихъ стариковъ.

Сынъ спокойно выслушалъ отца. Эта рѣчь въ той или другой формѣ повторялась каждый разъ передъ разлукой, точно старикъ выучилъ ее наизусть.

Каждый разъ онъ начиналъ такъ, какъ будто хотѣлъ сказать что-то новое, но кончалось все тѣмъ же «убей меня Богъ»; недовольство, глубоко засѣвшее у него въ сердцѣ неизмѣнно прорывалось наружу.

Открытое лицо сына затуманилось.

— Нечего огорчаться, дядя,—сказала бѣлокурая дѣвушка. Пусть себѣ онъ живетъ, какъ ему хочется, вѣдь вы же сами помогли ему выбиться!—При этомъ она положила руку на плечо старушки, которая, наклонившись надъ своимъ чулкомъ, все время утирала слезы.

— Ты думаешь, дядя, что Фредъ могъ бы и здѣсь такъ же хорошо прожить, какъ тамъ. Развѣ человѣкъ можетъ дѣлать то, что ему не хочется? Попробовали бы тебя запереть вмѣсто него въ академію! Чтобы тутъ было, Господи!

— Эхъ, ты, проворчалъ старикъ, много ты понимаешь!

— Не мучь людей понапрасну, — продолжала дѣвушка, теперь ужъ ничего не передѣлаешь. А ты сердишься, доводишь до слезъ тетку. Ну къ чему это? Онъ вѣдь дѣлаетъ свое дѣло

и къ чему стремился, того и добился, такъ же точно, какъ и ты.

— Вотъ какъ!—промолвилъ старикъ и ничего ей не возразилъ; его дурное настроеніе немножко разсѣялось. Она умѣла говорить съ нимъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее, какъ будто хотѣлъ сказать: «когда ты заговоришь такимъ образомъ, поневолѣ всякій согласится».

— Ахъ, ты коровушка моя,—сказалъ онъ.

— Поглядѣлъ бы я на этихъ городскихъ женщинъ,—продолжалъ онъ. Ахъ, ты, простофиля!—съ этими словами онъ схватилъ сына за плечи и посмотрѣлъ на него своими свѣтлыми, острыми глазами.—Только не привези мнѣ такой жены отъ которой лѣтомъ, когда ее поцѣлуешь, не пахнетъ ягодами, землей, зеленью, да сѣномъ, а зимой—снѣгомъ, морозцемъ и свѣжимъ воздухомъ. Такъ и знай, мнѣ такой кислятины не нужно. Вотъ поищи себѣ этакую!

Онъ указалъ на дѣвушку.

Она стояла у стола, высокая, сильная, краснощекая и спокойная.

— Не нужно мнѣ городской модницы, бѣлоручки, этакой раздушенной куклы, слышишь! Ты красивый малый, за тобой не одна будетъ бѣгать, онѣ вѣдь всѣ таковскія. Такъ ты такъ и знай, если поцѣлуй отзывается землей, травой, свѣжимъ воздухомъ, солнцемъ, это и есть то, о чемъ тебѣ старикъ говорилъ.

Сынъ съ улыбкой взглянулъ на дѣвушку, которая стояла все также спокойно, держа за руку старушку.

— Да, посмотри на нее хорошенько,—сказалъ старикъ.

Дѣвушка разсмѣялась.

— Смотри, Фредъ, какъ онъ тебѣ меня расхваливаетъ! Этакая корова, какъ ты самъ говоришь, сказала она дядѣ, — не всякому придется по вкусу. Оставь его въ покоѣ, онъ пойдетъ своей дорогой; ему ни тебя, ни насъ не нужно.

Пока старикъ разговаривалъ съ сыномъ и племянницей, жена его думала свою собственную думу. Она вспоминала, что въ этой самой комнатѣ родился ея сынъ, она вспоминала тѣ годы, когда его кроватка стояла рядомъ съ ея и каждое утро онъ переползалъ къ ней, и она чувствовала теплоту его дѣтскаго тѣла, всѣмъ существомъ ощущала его близость. Она вспоминала, какъ онъ любилъ ее, какъ она была для него всѣмъ, и какъ все это миновало.

Она думала о томъ, какъ, мало-по-малу, и въ то же время какъ будто вдругъ, плечи у него сдѣлались костлявыми, ноги длинными и худыми, только шея еще долго оставалась все такая же мягкая, какъ шкурка у крота. Какъ вдругъ, хотя на самомъ дѣлѣ, конечно, мало-по-малу, онъ становился ей все

болѣе чужимъ, чуждо смотрѣли на нее его глаза, чуждо было его сердце. Какъ потомъ онъ совсѣмъ уѣхалъ изъ дому и только изрѣдка возвращался, каждый разъ все иной, съ новымъ запасомъ впечатлѣній и въ то же время все тотъ же ея Фредъ, ея милый, маленькій Фредъ, и она робко прижимала его къ своей груди. Она уже не знала, что̀ въ немъ принадлежало ей, она знала одно, что она любила его и желала видѣть его довольнымъ и счастливымъ. Она гордилась имъ; но что именно радовало его самаго, составляло его собственное счастье, она не знала и не могла этого себѣ представить.

— Фредъ,—сказала она тихимъ, почти робкимъ голосомъ, не гарморировавшимъ съ ея высокой, сильной, фигурой.—Ты идешь своей дорогой, каждому человѣку Богъ даетъ свой талантъ, и неизвѣстно, откуда онъ приходитъ и куда уходитъ. Я берегу тѣ прекрасныя картинки, которыя ты сдѣлалъ для меня въ Мюнхенѣ, и всѣ листочки, на которыхъ ты раньше рисовалъ, и очень они меня радуютъ. Но,—продолжала она взволнованнымъ голосомъ, — какъ это ни хорошо, а все-таки никто не знаетъ, на долго-ли хватитъ такого таланта... Такъ вотъ, видишь: если ты когда нибудь почувствуешь, что ты все-таки ошибся, возвращайся назадъ, не стыдись. Помнишь, какъ разъ маленькимъ мальчуганомъ ты залѣзъ на елку передъ домомъ, а внизъ слѣзть не могъ и на помощь позвать не хотѣлъ; мы съ отцомъ тебя всюду искали, пока, наконецъ, отецъ нашелъ тебя и снялъ... такой ты былъ жалкій.

Она тоже каждый разъ на прощанье говорила что нибудь въ этомъ родѣ.

— До сихъ поръ, мама, съ божьей помощью, я еще не залѣзалъ такъ высоко,—сказалъ онъ, протянувъ ей руку, и поцѣловалъ ее; она охватила его шею обѣими руками.

Отецъ подошелъ къ нимъ и хлопнулъ сына по спинѣ.

— Ну, старуха, будетъ,—сказалъ онъ, ему пора.—Мы теперь опять сиротами останемся.

Анна надѣла шубу и повязала голову бѣлымъ платкомъ; только на ея лицѣ не замѣтно было слѣдовъ волненія и безпокойства.—Ну, Фредъ, ѣдемъ,—проговорила она,—сани поданы и сундукъ привязанъ.

— Съ Богомъ,—сказала мать,—счастливаго пути. Анна открыла дверь и вышла первая. Во всемъ существѣ дѣвушки было что-то мягкое, успокоительное. На ней была старая шубка, крытая темнозеленой матеріей. Вѣроятно, она перешла къ ней отъ матери, когда она догнала ее ростомъ, и съ тѣхъ поръ изъ года въ годъ она носила ее, не требуя отъ нея ничего, кромѣ того, чтобы она грѣла ее во время морозовъ. Она

влѣзла въ сани, пока Фридрихъ послѣдній разъ пожималъ руки старикамъ.

Старый Гастельмейеръ крѣпко сжималъ трубку въ зубахъ, чуть-чуть покачивая головой и, повидимому, равнодушно смотрѣлъ на сына.

Работники молча стояли вокругъ.

Прощанье всегда вещь тяжелая. Описывая большую дугу, сани покатились вокругъ строеній, мимо обледенѣлаго колодца, къ срубу котораго была прислонена елочка, украшенная разноцвѣтными цвѣтками, лентами, лоскутками; она выдѣлялась единственнымъ яркимъ пятномъ на бѣлой пеленѣ снѣга.

— Посмотри, рождественская елка,—сказала дѣвушка, тронувъ за плечо своего спутника.—Онъ долженъ былъ взглянуть на нее на прощанье.

Старый Зеппъ, сидѣвшій впереди на мѣшкѣ овса, взмахнулъ кнутомъ, прищелкнулъ, и сани птицей взвились въ гору по искрившейся на солнцѣ дорогѣ.

Въ Роормосѣ всѣ вернулись къ своимъ дѣламъ.

А сани катились уже внизъ подъ гору, мимо одинокихъ елей, между двумя рядами высокихъ бѣлыхъ насыпей, нагроможденныхъ Роормосскими вьюгами.

Узловатый кустарникъ, дубки, низкорослыя ели и сосны были такъ засыпаны снѣгомъ, что нельзя было разобрать, что за причудливыя фигуры скрываются подъ блестящимъ покровомъ. Казалось, что цѣлая семья скачущихъ медвѣдей замерзла въ самыхъ невѣроятныхъ позахъ или что снѣгъ засыпалъ компанію дерущихся мальчишекъ, прыгающихъ свиней, пляшущихъ вѣдьмъ или какія нибудь другіе невѣдомыя существа. Цѣлый загадочный міръ скрывался подъ бѣлой, сверкающей пеленой.

Въ воздухѣ не ощущалось ни малѣйшаго движенія. Старый Зеппъ ударомъ кнута нарушилъ очарованіе тишины, и съ деревьевъ посыпалась сверкающая пыль.

Молодой человѣкъ сидѣлъ молча, откинувшись на спинку саней, и спокойно смотрѣлъ по сторонамъ. Выраженіе грусти, затуманившее его лицо при прощаніи, мало по малу улетучилось, и онъ чувствовалъ себя прекрасно.

Частичка родного дома, тутъ, рядомъ съ нимъ, нисколько не тревожила и не стѣсняла его.

Глаза дѣвушки время отъ времени останавливались на немъ, но ничего безпокойнаго, требовательнаго не было въ ихъ взглядѣ.

— Смотри немножко за своими носками, — сказала она послѣ долгаго молчанія.

— Какъ же за ними смотрѣть?

— Да такъ, держи ихъ въ порядкѣ!—Она весело улыбну-

лась.—Мужчина и представить не можетъ сколько съ нимъ заботъ.

— Ужъ будто такъ много?—отвѣтилъ онъ, смѣясь.—Да и что это за заботы!

Она улыбнулась съ оттѣнкомъ грусти, какъ будто въ отвѣтъ на свои собственныя мысли.

Они опять замолчали, а сани летѣли все дальше и дальше, какъ птица.

Она была удобная спутница, нисколько не стѣсняла его, и ему не приходило на умъ занимать ее разговорами.

Есть люди, которые жизнь другихъ людей привыкли считать главнымъ потокомъ, а на себя смотрятъ, какъ на маленькіе ручейки, которые ничего не должны брать у потока, а только тихо и незамѣтно несутъ ему свои собственныя волны. А потокъ едва замѣчаетъ это и безпечно продолжаетъ свой путь. Только когда вдругъ питающія его воды перестанутъ въ него вливаться, онъ, быть можетъ, на время ощутитъ потерю.

— Пріѣдешь ты въ городъ, Анна?

— Еще бы, какъ же не пріѣхать.—И послѣ небольшого молчанія она продолжала:—А что ты думаешь на счетъ квартиры, неужели ты опять поселишься на старой?

— Вѣроятно.

— Нѣтъ, тебѣ непремѣнно нужно найти другую. Не будь такимъ лѣнтяемъ, Фредъ. Какъ только ты можешь оставаться въ этой Зальцштрассе? У меня просто голова шла кругомъ, когда мы у тебя были!

— А попробовала бы ты тамъ переночевать! Можно просто съ ума сойти, если не спишь, какъ медвѣдь. Мнѣ то это, слава Богу, ничего, только раза два случилось не спать, ну, тогда я буквально приходилъ въ бѣшенство. Вотъ бы ты хотала, еслибъ меня увидѣла. Представь себѣ, я не могъ заснуть и слышалъ всю ихъ возню. Ночью такая станція просто адъ! Темно, хоть глазъ выколи, и въ этой темнотѣ непрерывный шумъ, грохотъ, трескотня, крики, свистки. И вѣдь ни на минуту не умолкаетъ; кажется, что это во вѣки вѣковъ не кончится. Просто въ отчаяніе приходишь. И постоянно свистки и такой трескъ, точно что-то ужасное случилось. Глухіе удары, стоны, какъ будто раздавили кого нибудь. Представляешь себѣ самыя страшныя картины, а все вокругъ грохочетъ, не находя покоя, безпощадно, безсмысленно. Какъ будто въ палатѣ для буйныхъ: стучатъ, кричатъ, воютъ, топаютъ, свистятъ. Наконецъ самъ приходишь въ ярость, въ бѣшенство! Кажется, что лежишь въ горячкѣ, а тамъ, снаружи все грохочетъ и грохочетъ безъ перерыва. стучитъ, гремитъ, бухаетъ, и вдругъ, какъ будто зацѣпится за что-то и остановится. Слава Богу,

кончилось. Да, какъ бы не такъ! Опять пошло и кажется съ новой силой. «Ну, это еще не большая бѣда, подумалъ я первый разъ, стоитъ себѣ уши хорошенько законопатить». И вотъ я, какъ дуракъ, обмоталъ себѣ голову панталонами, какъ можно крѣпче. Не тутъ-то было. Черезъ каждую скважинку проникалъ грохотъ—ужасно! Это было въ первую ночь. Я, конечно, хотѣлъ сейчасъ же съѣхать, но хозяйка и дочка ея стали надо мной смѣяться. «Да, это сначала! Ну, а потомъ и замѣчать перестанете, мы такъ вотъ совсѣмъ привыкли. То ли еще бываетъ. Черезъ нѣсколько времени вы и слышать не будете, точно полная тишина кругомъ».

— Это сказала та высокая дѣвушка, которую мы у тебя видѣли?—спросила Анна.

— Ну, да—Фанни.

— И ты остался?

— Ты вѣдь знаешь.

— И спалъ потомъ?

— По большей части спалъ, а иногда нѣтъ, тогда проклиналъ все окружающее.

— И всетаки оставался?

— Для чего ты спрашиваешь?

— Я все не могу понять, какъ можно жить среди такого адскаго шума безъ особенной причины.

— Причина та, что я страшно лѣнивъ. Кромѣ того, мнѣ было жалко обидѣть людей. Вдругъ ни съ того, ни съ сего уйти. Они вѣдь обо мнѣ всетаки заботились.

— Да! вотъ въ чемъ дѣло! Ты не разсердишься на меня?—сказала дѣвушка медленно и задумчиво и посмотрѣла ему прямо въ глаза.—Эта высокая дѣвушка твоя возлюбленная?

— Какая ты потѣшная!

— Почему же нѣтъ? — сказала она просто,—не скажу, чтобы она мнѣ понравилась. Но вѣдь у насъ никогда не было тайнъ другъ отъ друга.

— Во всякомъ случаѣ, она не моя возлюбленная. Можетъ быть, она бы и не прочь. Всѣ вѣдь женщины таковы. Еслибы я не зналъ тебя и матери,—такихъ приходится порой встрѣчать... — избави Богъ, право не знаю, какъ и сказать.—Онъ замолчалъ, она внимательно смотрѣла на него. — Знаешь, говорятъ, женщина должна быть чистой.

— Всѣ должны быть хорошими, и мужчины, и женщины,— т. е. должны-бы быть,—ну, а бываютъ, конечно, всякіе— и хорошіе, и дурные, и чистые, и грязные.

— Пожалуй. Ну, а что ты скажешь, если дѣвушка заговариваетъ съ кѣмъ нибудь такъ... какъ бы это сказать? Ну, какъ будто она въ него влюблена, понимаешь?

— То есть какъ? на улицѣ?

— Ну, да. Скажешь ты, что это чисто?

— Развѣ можно такъ говорить, ничего не зная. Я бы раньше постаралась узнать, что это за дѣвушка и какъ это случилось, что она заговариваетъ съ тобой на улицѣ. Вѣдь ужъ навѣрно это не ради удовольствія, хоть ты, кажется, и думаешь такъ. Тутъ обыкновенно кроется цѣлая исторія и по большей части грустная исторія. Но ты все-таки уходи изъ Зальцштрассе. Особенно, если ты знаешь, что высокая дѣвушка хотѣла-бы быть твоей возлюбленной. Я бы никогда не осталась, еслибы знала, что человѣкъ меня любитъ, а я его нѣтъ. Право, вамъ обоимъ будетъ лучше.

Она говорила спокойно и просто.

— Пожалуй, ты права, ну, хорошо я переѣду, — добродушно согласился онъ.—Ну, а если у меня когда нибудь и вправду будетъ возлюбленная, сказать тебѣ?

— Непремѣнно.

Онъ протянулъ ей свою широкую руку.

— И ты тоже скажешь?

Она покачала головой.

— Нѣтъ, ужъ ты исповѣдуйся самъ, а отъ меня не жди.

Такъ ѣхали они по снѣжной равнинѣ.

— Послушай, Анна, ты должно быть чувствуешь себя страшно одинокой тамъ, дома.

— Одинокимъ можно себя чувствовать вездѣ. Знаешь, когда человѣкъ доволенъ, онъ не чувствуетъ себя одинокимъ.

— Это вѣрно,—согласился онъ.

— Одно, что ты долженъ дѣлать — это писать, какъ только у тебя есть время, обо всемъ, даже о самыхъ пустякахъ. Мы, дома, постоянно живемъ съ тобой; въ длинные зимніе вечера мать всегда говоритъ: Гдѣ-то онъ теперь? Что-то онъ дѣлаетъ? Пиши немножко поподробнѣе и думай въ это время о насъ, о тихихъ вечерахъ въ Роормосѣ.

Онъ обѣщалъ.

— Когда мы были у тебя въ Мюнхенѣ,—сказала она немного погодя,—мнѣ не очень понравилось, какъ тамъ у васъ мужчины разговариваютъ съ женщинами и съ дѣвушками.

— Какъ же?

— Какъ-то неестественно.

— Вотъ какъ!

— Какъ будто они ихъ совсѣмъ не уважаютъ.

— Да они и дѣйствительно не уважаютъ ихъ.

— И ты говоришь это такъ спокойно.

— Что жъ я могу съ этимъ сдѣлать?

— И приэтомъ какая-то особенная любезность, просто смотрѣть противно. Мнѣ хотѣлось расхохотаться имъ въ лицо или сказать имъ прямо...

— Что жъ ты не сказала?

— Да, какъ же я могу? Я все думала, почему дѣвушки не возстанутъ противъ этого. Да только какъ? Заговори одна какая нибудь, они ее на смѣхъ подымутъ. Пожалуйста, ты не учись этому.

— Да вѣдь это имъ самимъ нравится.

— Пустяки! Развѣ ужъ самымъ глупымъ. Изъ-за нихъ нельзя же и всѣхъ...

— Ну, конечно,—спокойно согласился онъ.

— Мнѣ кажется, ты очень на многое смотришь сквозь пальцы,—начала она снова черезъ минуту.

— Ты находишь?

— Да, чтобъ только не тревожить себя понапрасну.

— Ты хочешь сказать, что я очень дорожу своимъ покоемъ. Пожалуй, я съ этимъ согласенъ. Но, насчетъ того, что я на многое смотрю сквозь пальцы, нѣтъ, ты ошибаешься.

— Напримѣръ, ты спокойно позволяешь всячески переворачивать свою фамилію... «Мейеръ-коробочникъ», зачѣмъ они тебя, такъ называютъ? Или «Мейеръ-колбасникъ», «Comme il faut-Мейеръ», что это такое?

— Это длинная исторія, все это имѣетъ свое значеніе, да наконецъ, нужно же понимать шутку. «Мейеръ-коробочникъ», напримѣръ, произошло оттого, что—ты знаешь—я люблю, чтобы всѣ мои вещи были убраны. Терпѣть не могу, чтобы все валялось кое-какъ. Во всемъ долженъ быть порядокъ. Ну, у меня дѣйствительно много всякихъ коробочекъ, ящичковъ и т. п. По моему у всякаго порядочнаго человѣка они должны быть. Такъ и другія прозвища, у всякаго своя исторія. «Колбасникъ» это изъ-за моей фигуры, вѣдь я и правда не слишкомъ строенъ; не поднимать же мнѣ шума изъ-за того, что они это замѣчаютъ.

— Ну, не такой-же ужъ ты толстякъ,—замѣтила она.

— Знаешь, спокойствіе—хорошая вещь! Вотъ наши старики, за нихъ ужъ теперь не страшно, что они когда нибудь разойдутся. У меня также не бурный характеръ.

— О, нѣтъ, конечно,—подтвердила она.

— Можетъ быть, также будетъ и въ любви; до сихъ поръ, слава Богу, я еще избѣгалъ ея. Не настигла она меня. Какъ это ужасно, что каждый долженъ перенести ее! Ну, подождемъ, что будетъ.

Она улыбнулась.

— Ты часто кажешься мнѣ моложе меня,—сказала она.

— Сильно сказано—ты подразумѣваешь, конечно, глупѣе... Благодарю!

— Ты прекрасно понимаешь, что я подразумѣваю.

Болтая такимъ образомъ, молодые люди постепенно приближались къ цѣли своей поѣздки.

— Слава Богу,—сказалъ онъ,—что, кромѣ моей матери, есть на свѣтѣ еще одна женщина, и притомъ молодая женщина, съ которой можно разговаривать, не опасаясь этихъ проклятыхъ любовныхъ исторій. Вѣдь это у васъ, женщинъ, должно быть въ крови, просто ужасно!

Она покраснѣла до корней волосъ.

Нѣсколько времени они ходили по платформѣ маленькой станціи, дожидаясь поѣзда.

— Итакъ, рѣшено,—сказалъ онъ, войдя въ пустой вагонъ второго класса:—когда у меня будетъ возлюбленная, ты первая узнаешь объ этомъ и, если она тебѣ не понравится, мы дадимъ ей отставку.

— Ну, не очень-то ей было-бы пріятно, если-бы она слыхала этотъ уговоръ,—сказала молодая дѣвушка.

— Вотъ еще!.. Въ остальномъ будь спокойна, на-счетъ носковъ я буду очень внимателенъ.

— Этотъ разъ ты привезъ домой только два непарныхъ носка.

— Чортъ возьми! Это все прачки виноваты. Теперь я буду смотрѣть за ними въ оба, положись на меня.

Она засмѣялась. Поѣздъ тронулся—дрогнулъ, засвистѣлъ, заскрипѣлъ, запыхтѣлъ и застучалъ.

Она вспомнила описаніе станціи и крикнула ему:

— Зальцштрассе-то, помнишь, смотри, не откладывай!

— Сейчасъ-же переѣду, не безпокойся,—крикнулъ онъ издали; еще нѣсколько поклоновъ въ окошко, и поѣздъ унесъ его.

Молодая дѣвушка нѣсколько времени провожала поѣздъ грустнымъ взглядомъ. Двѣ слезы скатились по раскраснѣвшимся отъ мороза щекамъ ея.

— Ему-то легко,—вздохнула она.—Вдругъ бы онъ увидѣлъ! о, Господи!

Она вытерла слезы и твердыми шагами подошла къ санямъ.

— Зеппъ,—сказала она,—справь, что тебѣ здѣсь нужно, и потомъ догоняй меня.

Старикъ кивнулъ головой, и дѣвушка пошла по дорогѣ такой легкой походкой, какъ будто на ея сердце не легло ни одного лишняго золотника; а между тѣмъ прощанье далеко не легкая вещь. Только бы никто не увидѣлъ теперь ея лица.

— Ну, прощай навсегда, глупый ты мальчикъ,—пробормотала она, идя быстрыми шагами впередъ.—А хорошо бы было...—Потомъ среди глубокой тишины раздалась пѣсня, та пѣсня, на крыльяхъ которой все, что гнететъ человѣческое сердце, уносится вверхъ къ глубокимъ небесамъ.

II.

Мы встрѣчаемъ теперь Фридриха Гастельмейера въ Мюнхенѣ. Онъ передалъ носильщику на храненіе свой багажъ и отправился налегкѣ въ городъ. Дѣло со старой квартирой онъ считалъ уже поконченнымъ,—онъ не только не найметъ ее, но даже и заходить туда не станетъ. Къ чему подвергать себя излишнимъ непріятностямъ? Прощаніе съ обѣими женщинами обѣщало быть довольно тяжелымъ; а переѣхать онъ все равно долженъ: онъ обѣщалъ это Аннѣ. Да и въ самомъ дѣлѣ, она права. Положимъ, ему жилось тамъ прекрасно: обѣ женщины ему въ глаза смотрѣли, а онъ спокойно позволялъ ухаживать за собой. За это онъ мирился съ проклятымъ шумомъ и еще кое съ чѣмъ. Въ концѣ концовъ, впрочемъ, онъ оказался хитрой птицей. приманку съѣлъ, а въ силки не попался.

— Что-же дѣлать, когда иначе нельзя. Съ волками жить, по волчьи выть,—философствовалъ онъ.—Скверно, если опять попадешь въ такое положеніе. Приходится выбирать—или позволь себя осѣдлать, или самъ поѣзжай на чьей нибудь спинѣ. Другого выхода нѣтъ. Ну, теперь, чортъ меня побери, если я поселюсь гдѣ нибудь, гдѣ есть взрослая дочь. И какъ это она все угадала, сидя у себя въ норѣ? Въ любовныхъ дѣлахъ у всѣхъ женщинъ особое чутье.

Разсуждая такимъ образомъ, онъ пришелъ въ кафе Люитпольдъ и прежде всего послалъ оттуда слугу за своими вещами на Зальцштрассе; какъ предусмотрительный человѣкъ, онъ оставилъ всѣ свои вещи аккуратно уложенными въ чемоданѣ. За столомъ сидѣло нѣсколько его товарищей.

— А, Гастельмейеръ! Comme il faut Мейеръ! Мейеръ-колбасникъ! какъ поживаешь,—привѣтствовали его.

— Вотъ мы и опять вмѣстѣ,—съ этими словами онъ придвинулъ стулъ и взялъ карточку.

Несмотря на различныя прозвища, товарищи любили его и считали во всѣхъ отношеніяхъ славнымъ малымъ, а его маленькія странности никому не мѣшали, даже наоборотъ: онѣ давали пищу ихъ остроумію, а онъ отлично понималъ ихъ шутки. Положительно онъ былъ прекрасный человѣкъ, всѣ они были согласны въ этомъ. Какъ художникъ, онъ былъ нѣсколько педантиченъ, но, впрочемъ, и въ этомъ отношеніи его не въ чемъ было упрекнуть.

Онъ работалъ скромно и много о себѣ не кричалъ. Все же, что онъ нарисовалъ, было просто и хорошо. Онъ былъ пейзажистъ, работалъ прилежно и успѣшно продавалъ свои картины, а это также что нибудь да значитъ.

Только въ одномъ отношенiи онъ не допускалъ шутокъ. Фридрихъ Гастельмейеръ къ 28-ми годамъ прiобрѣлъ довольно значительную округлость, это былъ фактъ, и съ нимъ онъ уже примирился. Онъ находилъ даже, что эта округлость нисколько не портила его наружности, и былъ пожалуй правъ; но, кромѣ этого, было еще одно обстоятельство, которое онъ принималъ далеко не такъ спокойно и хладнокровно: у него очень рано образовалась довольно замѣтная лысинка. О ней онъ не позволялъ говорить ни слова. Онъ употреблялъ всевозможныя средства для рощенiя волосъ. Говорили даже, что онъ обращался къ какому-то доктору, но все напрасно. Скляночки съ различными средствами для волосъ не стояли на его умывальномъ столикѣ рядомъ съ другими — онъ ихъ стыдился и держалъ подъ ключомъ. Все, что имѣло отношенiе къ его лысинкѣ, составляло его больное мѣсто. Товарищамъ это было хорошо извѣстно. Разъ они попробовали было пошутить надъ его лысиной, но Гастельмейеръ очень дурно принялъ эту шутку; онъ защищалъ свою лысину, какъ львица своего дѣтеныша. Въ этомъ отношенiи нужно было соблюдать величайшую осторожность.

И надо отдать имъ справедливость, всѣ они стали очень осторожны, какъ только узнали его болѣзненную чувствительность къ этого рода шуткамъ. Имъ не приходило въ голову обижать этого добраго человѣка. Когда кто нибудь чужой проникалъ въ ихъ кругъ, они подъ секретомъ сообщали ему объ этой особенности Гастельмейера, чтобы оградить наиболѣе чувствительное мѣсто его души отъ неосторожнаго прикосновенiя. Гастельмейеру въ ихъ средѣ жилось хорошо, такъ какъ его всѣ любили.

Онъ сообщилъ своимъ товарищамъ, что не хочетъ возвращаться на старую квартиру, попросилъ у кельнера послѣднiй номеръ газеты и погрузился въ чтенiе объявленiй.

— Гастельмейеръ, найди пожалуйста себѣ комнату поближе къ мастерской. А то вѣдь это положительно безумiе, какъ ты устроился.

— Ну-ка, дай сюда,—сосѣдъ Гастельмейера протянулъ руку и взялъ у него газету. — Вниманiе! Сейчасъ мы отыщемъ, что нужно. Одинъ изъ товарищей предложилъ Гастельмейеру, пока онъ не найдетъ себѣ комнаты, поселиться у него. Гастельмейеръ съ благодарностью принялъ это приглашенiе.

Они пересмотрѣли объявленiя и, наконецъ, встрѣтили нѣчто подходящее.

— Непремѣнно сходи туда сейчасъ-же. Слушай: «Комната»... и дальше: «Отдается комната» второй разъ.—Непрактичные люди! Итакъ: «Отдается комната, солнечная сторона, на долгiй или короткiй срокъ, по желанiю, окнами въ садъ». Не-

дурно въ настоящее время года... «оригинально меблирована» и наконецъ: «Цѣна смотря по состоянію нанимателя». Что ты скажешь? Надо бы посмотрѣть, что это за юродивые. До чего непрактично составлено объявленіе, просто смѣхъ!

— Это вѣрно какая нибудь романтическая старая дѣва писала,—сказалъ Гастельмейеръ. По крайней мѣрѣ можно быть гарантированнымъ отъ дочки.

— Возможно,—подтвердилъ кто-то.

— Ну, посмотримъ,—рѣшилъ Гастельмейеръ, и въ этотъ же день, до наступленія сумерекъ онъ отправился на Блютенштрассе смотрѣть комнату.

Онъ поднялся въ третій этажъ дома, окруженнаго садомъ.

— Третій этажъ, ходъ со двора, — пробормоталъ онъ, съ сомнѣніемъ покачавъ головой. Начало не вполнѣ соотвѣтствовало его желаніямъ, но за то, повидимому, тутъ царила полнѣйшая тишина. Лѣстница немного крутовата. Въ городѣ онъ любилъ комфортъ. Въ домѣ, повидимому, помѣщались нѣсколько мастерскихъ художниковъ, и только въ третьемъ этажѣ была жилая квартира. Современемъ здѣсь, пожалуй, можно-бы устроиться, онъ перенесъ бы сюда и свою мастерскую. Ну, посмотримъ, что будетъ дальше.

Не торопясь, поднялся онъ по лѣстницѣ и наконецъ позвонилъ. Звонокъ едва-едва прозвучалъ, какъ будто у него отнялся голосъ, или какъ будто его чѣмъ нибудь обвязали, чтобы заглушить звукъ.

Гастельмейеръ замѣтилъ это обстоятельство, потому что онъ раза три тщетно пытался привлечь на себя вниманіе.

— Должно быть тутъ кто нибудь боленъ. Чортъ возьми! Уберемся-ка по добру по здорову, старина! Чудной народъ— помѣстить объяленіе и обвязать звонокъ.

Съ этими глубокомысленными замѣчаніями онъ уже началъ было спускаться съ лѣстницы, ничего не добившись, когда дверь внезапно отворилась, и передъ нимъ очутилась худощавая особа среднихъ лѣтъ съ безпокойными глазами, въ узкомъ черномъ платьѣ.

— Что вамъ угодно, милостивый государь?—сказала она голосомъ, который, какъ онъ рѣшилъ про себя, могъ принадлежать только настоящей «дамѣ». Хотя она была въ очень узкомъ черномъ платьѣ, но онъ сейчасъ же вообразилъ ее себѣ въ широкомъ кринолинѣ, въ платьѣ, затканномъ разноцвѣтными узорами, въ высокой шляпѣ съ перомъ, съ вѣеромъ и турецкой шалью на плечахъ. Еще ребенкомъ онъ увидѣлъ на картинкѣ разодѣтую такъ женщину, и работница сказала ему,что это «дама». Съ тѣхъ поръ онъ зналъ, что такое «дама»; и та, которая стояла передъ нимъ, была настоящая «дама». Въ этомъ не могло быть сомнѣній.

У нея было очень оживленное, чтобы не сказать возбужденное, лицо, и она казалась взволнованной.

— Эта особа плохо готовитъ,— подумалъ Мейеръ-колбасникъ,—и плохо питается. Такъ ужъ всегда эти старыя дѣвы.

— Сударыня, вы помѣстили объявленіе...

— Да, да,—прервала она его съ величественнымъ жестомъ,—войдите, пожалуйста.

— Я позволю себѣ обратить ваше вниманіе на то, что вашъ звонокъ не въ порядкѣ. Такъ какъ вы ждете нанимателей, то это представляется мнѣ не совсѣмъ практичнымъ,—сказалъ онъ, слѣдуя за дамой по теплому корридору, и получилъ въ отвѣтъ, что все въ порядкѣ.

— Мы нѣсколько заглушаемъ колокольчикъ, пояснила дама,—жизнь несетъ съ собой достаточно шума и безпокойства.

— Такъ, подумалъ Гастельмейеръ и внутренно засмѣялся.—Какъ этой старой дѣвѣ можетъ мѣшать шумъ и безпокойство, здѣсь, въ саду, на второмъ дворѣ, когда напротивъ нѣтъ станціи?

Но безпокойный взглядъ этой женщины говорилъ далеко не о довольствѣ и покоѣ.

— Такія старыя дѣвицы всегда устраиваютъ разныя исторіи и не даютъ никому покоя, — философствовалъ Гастельмейеръ на тему, которую онъ не могъ еще изучить на опытѣ. До сихъ поръ ему очень рѣдко приходилось имѣть дѣло со старыми дѣвами.

— Войдите, пожалуйста, вотъ эта комната.

Онъ хотѣлъ войти, но дверь оказалась запертой.

— Боже мой, у кого можетъ быть ключъ,—воскликнула дама съ такимъ отчаяньемъ, какъ будто этотъ ключъ погибъ въ безднѣ, откуда уже нѣтъ возврата.

— Эмиль,—крикнула она громко и такимъ тономъ, какъ будто уже сто тысячъ разъ звала такимъ же образомъ Эмиля.

— У нея есть Эмиль, — подумалъ Гастельмейеръ безъ дальнѣйшихъ комментарій.

Но Эмиль не являлся.

— Пожалуйста,—снова сказала дама любезнымъ голосомъ; это означало, что онъ долженъ былъ немного обождать.

Она вошла въ дверь напротивъ и довольно долгое время не возвращалась. Наконецъ, дверь пріотворилась, въ ней показалось встревоженное лицо, и дама снова промолвила: «Пожалуйста», такъ выразительно, что Гастельмейеръ, ни мало не сомнѣваясь, вошелъ въ открывшуюся дверь.

Въ комнатѣ былъ Эмиль, неуклюжій подростокъ лѣтъ шестнадцати-семнадцати; онъ сидѣлъ, развалившись въ креслѣ, и держалъ въ рукахъ газету.

— Эмиль, да опомнись же!—воскликнула дама испуганнымъ голосомъ.

При видѣ посторонняго Эмиль поднялся.

— Мама,—сказалъ онъ,—ключъ должно быть у тебя, я его не видалъ.

«Мама»—это нѣсколько удивило Гастельмейера. Откровенная старая дѣва!

Толстый, бѣлокурый мальчикъ, постоявъ, сколько по его мнѣнію было необходимо, со вздохомъ усѣлся опять и сказалъ:— Вѣрно онъ у Эрвина или у Олли.

— Еще Эрвинъ и еще Олли! Тутъ Гастельмейеру пришло въ голову, не слишкомъ ли рано рѣшилъ онъ, что это старая дѣва. Почему же между ними не могло быть вполнѣ правильныхъ семейныхъ отношеній, по крайней мѣрѣ такихъ, которыя принято называть правильными?

Но сама дама не стала вслѣдствіе этого бóлѣе привлекательной, на его взглядъ. Она все еще ходила взадъ и впередъ, разыскивая ключъ, выдвигала разные ящики, внутри которыхъ незамѣтно было особеннаго порядка.

Изъ коммода торчали концы лентъ и висѣлъ спутанный клубокъ, состоявшій изъ разныхъ нитокъ, шнурковъ, лоскутковъ и тесемокъ. Безъ сомнѣнія, очень полезный клубокъ, т. к. въ немъ можно было найти почти все необходимое женщинамъ для починки бѣлья. Гастельмейеръ углубился въ разсмотрѣніе этого клубка и вспомнилъ при этомъ, какую святыню представляли собой швейныя принадлежности его матери; теперь ему стало ясно, что извѣстная публикація въ сегодняшней газетѣ заключала въ себѣ не то, что было ему нужно.

Но въ ту минуту, когда онъ хотѣлъ попросить хозяйку не безпокоиться больше и пообѣщать придти въ другой разъ, ключъ нашелся. Оказалось, что онъ былъ у нея въ карманѣ.

— Вотъ видишь,—сказалъ Эмиль, сидѣвшій преспокойно на креслѣ все время, пока мать, къ величайшей досадѣ Гастельмейера, охотилась за ключомъ.

— Ну, порядокъ,—подумалъ онъ.

— И вотъ въ этомъ вся жизнь!—сказала дама.—Вы также когда нибудь узнаете ее, господинъ...

— Гастельмейеръ, моя фамилія Гастельмейеръ. Извините меня, сударыня, что я доставилъ вамъ столько хлопотъ...

— Вы чиновникъ?—спросила хозяйка.

— Нѣтъ, я художникъ.

— Право?—воскликнула она.

— Повидимому, это доставило ей большое удовольствіе,— подумалъ онъ.

— Такъ войдите, пожалуйста.

Наконецъ, комната была открыта и оказалась недурной, съ окнами дѣйствительно въ садъ. Правда, не на южную сторону, а на западъ, но, какъ и было сказано въ публикаціи, ориги-

нально меблированная. Въ общемъ въ ней было что-то привлекательное, указывавшее на довольно тонкій вкусъ хозяевъ. Въ ней стояли и висѣли разные предметы, которые не висятъ и не стоятъ въ обыкновенныхъ меблированныхъ комнатахъ. Мебель была разставлена довольно красиво, не въ обычномъ банальномъ порядкѣ. Комната имѣла такой видъ, какой Гастельмейеръ пытался раньше придать своей мастерской; но это ему никогда не удавалось и, какъ благоразумный человѣкъ, онъ уже давно отказался отъ этой мысли.

Но, тѣмъ не менѣе, онъ твердо рѣшилъ здѣсь не оставаться: хозяева были для него неподходящими. Женщина никогда не должна имѣть видъ старой дѣвы, таково было его убѣжденіе. Женщина должна быть женственной. При взглядѣ на нее должно приходить на умъ все пріятное, успокоительное: хорошо приготовленныя любимыя кушанья, аппетитный буфетъ, чистая, мягкая постель, безчисленные поцѣлуи, какими она на сонъ грядущій награждаетъ своихъ дѣтей; однимъ словомъ, отъ ея лица долженъ исходить свѣтъ той внимательной, заботливой любви, какая составляетъ все содерженіе ея жизни. Онъ вспомнилъ о своей матери.

Въ дѣтствѣ у него было такое ощущеніе, что есть нѣчто общее между матерями и зажженными рождественскими елками. И онъ не забылъ этого. Онъ требовалъ отъ женщины чего-то, что онъ и самъ не могъ точно опредѣлить словами, но что онъ ясно и опредѣленно ощущалъ сердцемъ. Онъ—человѣкъ вообще спокойный и разсудительный,—былъ мечтатель по отношенію къ женщинамъ и поэтому постоянно разочаровывался въ нихъ.

Онъ пробылъ въ комнатѣ дольше, чѣмъ было строго необходимо, извинился, сказалъ нѣсколько неопредѣленныхъ фразъ и откланялся. Прежде, чѣмъ затворить за собой дверь, онъ спросилъ о цѣнѣ комнаты, спросилъ, самъ не зная для чего, такъ какъ онъ твердо рѣшилъ не возвращаться сюда болѣе.

— Цѣна?

Безпокойные глаза смотрѣли на него вопросительно, точно хотѣли узнать отъ него самого эту цѣну.

— Я право объ этомъ еще не подумала. Ужъ не знаю, какъ? Комната вѣдь, кажется, недурна—что можно дать за такую?

Она говорила такъ, будто это совсѣмъ не касалось ея, было ниже ея достоинства. Онъ улыбнулся и сказалъ:

— Ну, какъ нибудь сговоримся.

Дверь закрылась, и онъ еще разъ услышалъ, какъ странная хозяйка звала Эмиля.

— Какъ же, услышитъ онъ,—подумалъ Гастельмейеръ.— Этотъ толстый медвѣженокъ не очень-то васъ слушается, сударыня моя.

На каждой площадкѣ была дверь, къ которой вели три узкія ступеньки. Въ первомъ этажѣ за этой дверью было, повидимому, очень весело, слышались смѣющіеся молодые голоса.

— Также мастерская, — подумалъ Гастельмейеръ, поровнявшись съ дверью.

Вдругъ дверь отворилась, и Гастельмейеръ пересталъ сознавать, что съ нимъ происходитъ. «Также мастерская» было его послѣдней ясной мыслью. Что-то выскочило изъ двери, запнулось за ступеньку и упало на него. Онъ едва удержался на ногахъ, отскочилъ къ периламъ и вмѣстѣ съ навалившейся на него тяжестью слетѣлъ съ нѣсколькихъ ступеней.

— Тетушка Ребелла, тетушка Ребелла, Боже милостивый!— закричали вокругъ на разные голоса. Изъ дверей высунулись головы. Наконецъ, Гастельмейеръ могъ оглянуться вокругъ. На него уже ничего не давитъ. Передъ нимъ стоитъ дѣвушка и испуганно смотритъ на него темными глазами. Она еще не вполнѣ твердо стоитъ на ногахъ, такъ какъ ноги ея запутались въ платьѣ и она не можетъ ихъ высвободить. Въ поднятой правой рукѣ она держитъ большую полную, красокъ палитру, кусокъ которой при паденіи отломился и вмѣстѣ съ краской присталъ къ плечу Гастельмейера. Палитра же оцарапала ему щеку.

— Боже мой!—говоритъ дѣвушка.

Слезы стоятъ у нея въ глазахъ, она вся покраснѣла отъ испуга. Одна изъ художницъ, столпившихся въ дверяхъ, подходитъ къ ней и беретъ у нея изъ рукъ палитру.

— Ничего съ вами не случилось, тетушка Ребелла? — кричатъ другія.

— Богъ спасъ! — отвѣчаетъ та дѣвушка, которая взяла у нея палитру и помогла встать на ноги.

Гастельмейеръ все еще не могъ окончательно придти въ себя, но, не смотря на испугъ, онъ чувствовалъ себя цѣлымъ и невредимымъ.

— Произошло столкновеніе поѣздовъ, сударыня. Но, кажется, мы не получили особыхъ поврежденій.

— Да, мы сами,—сказала дѣвушка смущеннымъ тономъ,— но ваше пальто! Взгляните только. — Приэтомъ она съ нерѣшительнымъ видомъ показала на отломанный кусокъ палитры, прилипшій къ плечу Гастельмейера, и осторожно сняла его кончиками пальцевъ.

— Я думаю,—сказала она,—вамъ бы подняться къ намъ наверхъ, вамъ тогда выведутъ всѣ пятна.

— Конечно, это самое лучшее,—сказала одна изъ художницъ, окружавшихъ ихъ.

Итакъ, они вмѣстѣ поднялись по крутымъ ступенямъ, на которыя онъ только что рѣшилъ никогда болѣе не вступать.

Они оба молчали.

— Ее зовутъ Ребелла, — думаетъ онъ, — значитъ, это не Олли — сестра Эмиля. Значитъ, у нихъ есть еще и Ребелла!

Онъ не сомнѣвался, что она принадлежала къ семейству, помѣстившему публикацію. Они стояли теперь передъ дверью, которая только что закрылась за Гастельмейеромъ, и Ребелла энергично стучала въ нее своимъ нѣжнымъ, но крѣпкимъ кулакомъ.

— Мама не любитъ колокольчиковъ, — сказала она въ поясненіе.

Онъ уже зналъ это.

Теперь у него было достаточно времени разсмотрѣть маленькую волшебницу: ни мама, ни Эмиль не появлялись, и стукъ продолжался довольно-таки долго.

Наружность Ребеллы производила пріятное и нѣсколько своеобразное впечатлѣніе. Совсѣмъ молоденькая, хорошенькая, худощавая, съ тонкимъ, блѣднымъ лицомъ, темными вьющимися волосами, связанными сзади небрежнымъ узломъ, и темными, горячими, живыми глазами; они напомнили ему глаза матери, но тѣ были голубые и не горячіе, а только не спокойные. Его особенно поразилъ окладъ ея лица: широкій лобъ и короткій, красиво очерченный подбородокъ, благодаря чему все лицо отъ лба къ подбородку круто округлялось.

Ему вспомнился стихъ Гете:

«Woll Locken kraus ein Haupt so rund».

— Старикъ Гете обо всемъ подумалъ, даже объ этой плутовкѣ.

Онъ зналъ также и продолженіе этого стихотворенія, такъ какъ былъ въ большой дружбѣ съ своимъ Гете, но тутъ оно ему не пришло въ голову. Она казалась ему безпорядочной, и кромѣ того ея локоны свели близкое знакомство съ палитрой. На самой макушкѣ они всѣ были выпачканы въ краскѣ; и на кончикѣ носа красовалось желтое пятно, какъ будто она неосторожно понюхала лилію. Онъ чувствовалъ, что его тянетъ смотрѣть на молчавшую дѣвушку, и не только отъ того, что онъ стоитъ тутъ безъ всякаго дѣла. Въ ней было что-то необыденное, что-то поражающее, она принадлежала къ породѣ людей съ подвижными ноздрями, съ эластичными мускулами и тонкими, но крѣпкими костями.

Наконецъ, дверь была отворена, конечно, самой хозяйкой, а не Эмилемъ, сидѣвшимъ, вѣроятно, надъ своей газетой.

— Господи, сколько времени вы меня заставили стучать, — сказала дѣвушка слегка раздраженнымъ тономъ.

— Ахъ, и вы тутъ, — сказала хозяйка.

— Я имѣлъ честь быть сброшеннымъ съ лѣстницы вашей дочерью, сударыня.

Безпокойный, растерянный взглядъ обратился на дочь.

— Олли!

— Такъ это и есть Олли!—подумалъ онъ.

— Да,—сказала та,—я споткнулась на порогѣ двери и слетѣла съ лѣстницы вмѣстѣ съ нимъ.

— Успокойтесь, сударыня, ничего не случилось. Ваша дочь очень удачно выбрала моментъ.

— Да, только этотъ господинъ весь выпачкался въ краскѣ, и моя палитра сломалась.

Оба эти несчастія дѣвушка сообщила такимъ спокойнымъ, равнодушнымъ тономъ, что Гастельмейеръ, человѣкъ вообще довольно щепетильный, почувствовалъ себя не особенно польщеннымъ: господинъ весь перепачканъ, палитра сломана. Ему, по крайней мѣрѣ, это казалось очень досаднымъ.

Хозяйка сказала, что это можетъ показаться дурнымъ предзнаменованіемъ для ихъ жильца.

— Ого,—подумалъ Гастельмейеръ.

— Вы наняли у насъ комнату?—спросила также равнодушно дѣвушка.—Тогда меня ничто не удивляетъ, у насъ всегда случаются разныя приключенія.

— Эмиль!—крикнула она, и къ удивленію, Эмиль тотчасъ же явился.

— Проводи этого господина въ его комнату и принеси все, что нужно, чтобы вывести пятно отъ краски.—На удивленный взглядъ Эмиля дѣвушка также равнодушно передала ему вкратцѣ о случившемся.

Въ его комнату, — сказала она. — Значитъ, она считала его законнымъ владѣльцемъ комнаты. Въ высшей степени непріятное обстоятельство. Толстый Эмиль сталъ что-то шептать ей на ухо и приэтомъ хихикалъ, какъ школьникъ, разсказывающій по секрету о какой нибудь своей продѣлкѣ.

— Вотъ какъ,—сказала дѣвушка и обратилась къ Гастельмейеру.—Такъ это недоразумѣніе! А я думала, что вы наняли нашу комнату. Извините, пожалуйста.—Она взглянула на него своими большими, темными глазами такъ просто и спокойно, что онъ почувствовалъ себя очень смущеннымъ и никакъ не могъ придумать, что ему слѣдуетъ сказать по поводу комнаты. Ему показалось, что самъ дьяволъ завладѣлъ его языкомъ, когда тотъ безъ всякаго его участія повелъ дальше этотъ рискованный разговоръ.

— Но, сударыня,—проговорилъ его языкъ по собственному побужденію,—я именно намѣревался нанять вашу комнату, если у васъ нѣтъ въ виду болѣе подходящаго жильца.

Помимо его воли языкъ распорядился очень опрометчиво, забѣжалъ, такъ сказать, впередъ и окончательно запуталъ своего

хозяина. Теперь комната все равно, что нанята. Чортъ знаетъ что такое!

Они вошли въ «его» комнату. Эмиль принесъ кусокъ булки и бутылку скипидара, мать бросилась искать тряпку, и черезъ нѣсколько времени всѣ трое: мать, Эмиль и Олли, называемая тетушкой Ребеллой, были заняты его особой и пятнами на ней.

— Хладнокровіе,—говорилъ Эмиль поминутно.—Надо сначала хорошенько потереть хлѣбомъ, чтобы стало совсѣмъ сухо, а ужъ потомъ тряпкой, иначе вы только размажете.—Онъ казался тутъ мастеромъ своего дѣла и невольно внушалъ довѣріе. Но онъ долженъ былъ поминутно восклицать: «хладнокровіе, хладнокровіе», такъ какъ тряпка и скипидаръ, повидимому, болѣе отвѣчали темпераменту обѣихъ дамъ, чѣмъ бѣлый хлѣбъ. Онъ узналъ ихъ имена. Фамилія ихъ была Ковальскіе, т. е. матери, дочери и Эмиля, а сынъ отъ перваго брака носилъ фамилію Эль. Второй мужъ хозяйки былъ польскій художникъ; вскорѣ послѣ рожденія Эмиля онъ простился съ земною жизнью. Олли было двадцать, а младшему сыну семнадцать лѣтъ.

Гастельмейеру пришлось снять пальто, такъ какъ Эмиль утверждалъ, что иначе невозможно чистить.

— Сударыня,—прервалъ онъ общую усердную работу,—обратите теперь ваше вниманіе на волосы и носикъ вашей дочери.

Той же самой тряпкой принялись тогда тереть и отчищать виновницу всего происшедшаго. Связь между Гастельмейеромъ и Ковальскими становилась все тѣснѣе. Теперь уже совершенно невозможно было найти благовидный предлогъ для отступленія.

— Простите, пожалуйста,—сказалъ Гастельмейеръ Олли, пока Эмиль обрабатывалъ его своими маленькими сильными руками.—Когда судьба столкнула насъ съ вами на площадкѣ лѣстницы (ему казалось, что его языкъ все еще говорилъ по собственному побужденію) васъ называли Ребелла и, если я не ошибаюсь, тетушка Ребелла?

Эмиль вдругъ остановился, хлоппувъ себя по колѣну, и закричалъ самымъ веселымъ голосомъ: «Проклятіе! проклятіе! проклятіе!»

Гастельмейеръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на это проявленіе чувствъ за своей спиной и увидѣлъ лицо, напоминавшее маленькаго, откормленнаго сатира.

— Что васъ такъ разсмѣшило?—спросилъ онъ мальчика.— Эмиль нѣсколько смущалъ его.

— Я такъ просто, вспомнилъ одну вещь,—отвѣтилъ Эмиль и посмотрѣлъ на него съ самымъ насмѣшливымъ выраженіемъ.

— Это всегдашняя манера Эмиля, — сказала невольно мать.

— Странная манера,—подумалъ Гастельмейеръ.

— Эмиль,—сказала дѣвушка,—не будь такъ глупъ и веди себя прилично.

— Сама веди себя, какъ знаешь,—былъ отвѣтъ.

— Опять у тебя такая физіономія, точно ты надъ всѣмъ свѣтомъ смѣешься,—продолжала дѣвушка, не обращая ни малѣйшаго вниманія на присутствіе посторонняго.—Кончится тѣмъ, что ты получишь отъ кого нибудь пощечину.

— Ты думаешь?—былъ любезный отвѣтъ.

— Мало того,—сказала она—люди перестанутъ выносить тебя.

— Люди? плевать мнѣ на нихъ!

— Ты скажешь мнѣ, почему ты скорчилъ такую физіономію?

— Просто такъ.

— Нѣтъ, я хочу знать. — Она говорила твердо и спокойно.—Не заставляй повторять себѣ дважды. Ну!

— Просто я подумалъ, что кто въ нашемъ домѣ поселится, тотъ рано или поздно узнаетъ, почему тебя зовутъ тетушка Ребелла.

— И больше ничего?—спокойно спросила она.

— Ничего.

— Сколько шума изъ-за пустяковъ,—сказала она холодно.

— Удивительно, — подумалъ Гастельмейеръ, что при такихъ энергичныхъ пріемахъ воспитанія этотъ мальчикъ съумѣлъ сохранить всѣ свои странныя манеры.

Въ поясненіе этого обстоятельства онъ вскорѣ узналъ, что Ребелла прожила два года у какой-то тетки и только недавно вернулась домой. Въ ея отсутствіе Эмиль окончательно отбился отъ рукъ.

Не прошло и получасу, какъ Гастельмейеръ ознакомился и съ сыномъ отъ перваго брака—Эрвиномъ. Послѣдній оказался писателемъ, это стало очевиднымъ раньше, чѣмъ онъ вошелъ въ комнату: еще за дверями онъ позвалъ мать и Олли и, не получивъ отъ нихъ отвѣта, уже прокричалъ: «Радуйтесь, и этотъ оселъ вернулъ мнѣ мой романъ! Не говорилъ я вамъ? А вы все свое: пошли, да пошли».

Съ этими словами въ комнату вошелъ неуклюжій, длинноногій человѣкъ, лѣтъ двадцати шести, взволнованный и весь красный; увидѣвъ посторонняго, онъ очень смутился и взглянулъ на мать, опустившуюся при входѣ его въ кресло съ блѣднымъ и поистинѣ трагическимъ лицомъ.

Наступившее молчаніе было нарушено остроумнымъ восклицаніемъ Эмиля: «Проклятіе! проклятіе! проклятіе!»

— Бога ради, Эрвинъ, не волнуйся такъ,—начала мать прерывающимся голосомъ и стала всячески успокаивать его, очевидно, сама съ трудомъ понимая свои слова, затѣмъ извинилась передъ Гастельмейеромъ и, наконецъ, представила ему своего сына. Эрвинъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы по возможности скрыть свою досаду передъ постороннимъ.

У него была красивая голова, лицо безъ всякихъ признаковъ растительности и сильно выдавшійся подбородокъ, такъ что маленькій ротъ былъ точно въ глубокомъ ущельѣ между щеками и подбородкомъ. Движенія его были порывисты и угловаты.

— Да-съ, милостивый государь,—говорилъ онъ,—сейчасъ вы видѣли поэта въ тяжелую минуту; бываютъ у него, конечно, и минуты счастья.

Это звучало нѣсколько самонадѣянно,—точно говорилъ знаменитый писатель.

Гастельмейеру показалось, что ему самое лучшее уйти отъ этой тяжелой семейной сцены; но уходя, онъ чувствовалъ себя законнымъ владѣльцемъ оригинально меблированной комнаты.

Мать непризнаннаго писателя все еще была въ сильнѣйшемъ волненіи. Она слабымъ голосомъ сказала Гастельмейеру:

— Повѣрьте мнѣ—быть матерью трехъ художниковъ дѣло не легкое. Тутъ нужны нервы, нервы и нервы.

— Мамочка,—сказала дѣвушка, слушавшая до сихъ поръ, повидимому, совершенно безучастно все происходившее.—Вы всѣ требуете слишкомъ многаго: надо работать до послѣдняго вздоха—вотъ и все. Больше ни о чемъ не надо думать,—по-крайней мѣрѣ вначалѣ!—Темные глаза ея загорѣлись внутреннимъ огнемъ. Гастельмейеръ съ удивленіемъ взглянулъ на дѣвушку. Въ эту минуту она была очень хороша, во взглядѣ ея свѣтилась твердая рѣшимость.

Эти люди нѣсколько пугали его и въ то же время возбуждали его жалость; чтобы нѣсколько развлечь ихъ, онъ разсказалъ имъ о своемъ прежнемъ помѣщеніи, изобразилъ имъ сортировочную станцію ночью, шумъ, стукотню, которые въ сущности далеко не такъ ужъ ему мѣшали, вѣчную суматоху, которая ни на минуту не прекращается; иногда кажется, что все, наконецъ, замолкло и успокоилось, но въ ту же секунду грохотъ начинается снова, такой же безпощадный и надоѣдливый. Онъ описывалъ это такъ же, какъ Аннѣ по дорогѣ изъ Роормоса, и въ концѣ добавилъ, что именно потому его такъ привлекаетъ комната на второмъ дворѣ, окнами въ тихій садъ; онъ самъ хотѣлъ убѣдить себя такимъ образомъ, что его новое жилище, нанятое имъ какъ-то невольно, очень ему нравится.

Въ самой срединѣ разсказа Гастельмейера, когда онъ съ увлеченіемъ описывалъ станцію, Эмиль снова воскликнулъ:

«Проклятіе, проклятіе, проклятіе!» и скорчилъ приэтомъ такую насмѣшливую гримасу, что Гастельмейеръ почувствовалъ себя чрезвычайно непріятно; онъ охотно сдѣлалъ бы отеческое внушеніе мальчику, еслибы не боялся растревожить опять все семейство. Ему припомнилось при этомъ заклятое озеро, въ которое дѣтямъ запрещаютъ бросать камни; если въ него попадаетъ камень, въ немъ поднимается бѣшеное волненіе, грозящее бѣдой всякому смертному. Но ему очень хотѣлось знать, почему Эмиль скорчилъ насмѣшливую мину во время его разсказа.

Госпожа Ковальская пригласила его къ чаю, который давнымъ давно былъ поданъ въ столовой и теперь вдругъ пришелъ ей на память. За различными несчастіями, слѣдовавшими другъ за другомъ, о немъ совершенно забыли. Олли именно оттого такъ стремительно выскочила изъ дверей мастерской, что она сильно запоздала къ вечернему чаю и хотѣла наверстать потерянное время однимъ быстрымъ прыжкомъ. Ну а поспѣшность, какъ извѣстно, до добра не доводитъ.

Гастельмейеръ отказался съ благодарностью отъ приглашенія къ чаю, который, вѣроятно, успѣлъ хорошо настояться, и окончательно распрощался. Онъ могъ бы уже сегодня ночевать въ оригинально-меблированной комнатѣ, но въ этой мысли было что-то до того непріятное, что онъ поскорѣе отогналъ ее отъ себя.

III.

Вернувшись вечеромъ къ своему товарищу, Фридрихъ Гастельмейеръ благоразумно умолчалъ о томъ, при какихъ обстоятельствахъ онъ нанялъ «оригинально-меблированную» комнату. На другой день онъ перевезъ свои пожитки на новую квартиру.

Звонокъ прозвенѣлъ все также глухо, хотя на этотъ разъ они должны были ожидать его, и прошло не мало времени прежде чѣмъ ихъ впустили, т. е. его и носильщика, принесшаго его сундукъ. Прежде чѣмъ дверь открылась, они слышали, какъ кто-то долго возился около нея, и когда наконецъ дверь была отперта, оказалось, что то былъ Эмиль.

Тотчасъ же изъ столовой послышался взволнованный голосъ матери:

— Эмиль!

Эмиль не спѣша направился въ столовую, и Гастельмейеръ могъ слышать изъ сосѣдней комнаты, какъ онъ говорилъ:

— Хладнокровіе! Это просто тотъ художникъ.

Въ отвѣтъ послышалось болѣе спокойное: «Ну, слава Богу!» и Эмиль снова вернулся. Но раньше, чѣмъ Гастельмейеръ успѣлъ дойти до своей комнаты и разсчитаться съ носильщикомъ, звонокъ опять глухо прозвенѣлъ.

— Проклятіе! Проклятіе! пробурчалъ Эмиль. Замѣтивъ, что носильщикъ сдѣлалъ движеніе по направленію къ двери, онъ произнесъ: «шт», «шт». Подкравшись къ двери, онъ осторожно заглянулъ въ замочную скважину и отодвинулъ закрывавшій ее мѣдный ящикъ.

Носильщикъ, очевидно, понялъ, въ чемъ дѣло, и посмѣивался. Гастельмейеръ тоже стоялъ, не шевелясь, но нельзя не сказать, что такое начало новой жизни пришлось ему не совсѣмъ по вкусу.

Comme-il-faut-Мейеръ былъ шокированъ.

Обвязанный колокольчикъ звонилъ бѣшено, но глухо. Никто не шевелился. Всѣ трое застыли на своихъ мѣстахъ, какъ замороженная треска. Эмиль взглядомъ умолялъ остальныхъ не двигаться съ мѣста, пока звонокъ не умолкнетъ, и это удалось ему.

Когда нарушитель ихъ спокойствія угомонился, и за дверью послышались, наконецъ, тяжелые удалявшіеся шаги, носильщикъ сказалъ: «Такъ и есть, видно мясникъ за деньгами». Съ этими словами онъ ушелъ.

Безпокойная дама опять позвала Эмиля. Эмиль хлопнулъ себя по колѣну и проворчалъ:

— Боровъ, настоящій боровъ. Это не слишкомъ любезное названіе вырвалось у него, повидимому, изъ глубины души. Гастельмейеръ слышалъ его, затворяя за собой дверь своей комнаты. Вслѣдъ затѣмъ онъ началъ устраиваться. Нельзя сказать, что на душѣ у него было легко и спокойно.

Спокойствія въ этомъ домѣ трудно было искать, въ немъ было что-то, чего Гастельмейеръ ясно не сознавалъ—что-то тревожное, мучительное; тревога чувствовалась въ воздухѣ, ею была наполнена вся квартира. Ему было какъ-то не по себѣ здѣсь, и онъ досталъ лишь самыя необходимыя изъ своихъ вещей, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ сбѣжать отсюда.

Послѣ обѣда, въ шесть часовъ онъ велѣлъ служанкѣ доложить о себѣ хозяйкѣ, такъ какъ онъ считалъ себя обязаннымъ сдѣлать ей оффиціальный визитъ. Онъ засталъ ее. Эмиль съ недовольнымъ видомъ сидѣлъ у стола и рисовалъ, придвинувъ къ себѣ лампу, покрытую абажуромъ, остроумно сдѣланнымъ изъ листа газетной бумаги.

Онъ горбился и казался соннымъ и угрюмымъ. Матушка сидѣла на диванѣ, подложивъ себѣ подъ спину подушку. Она приподнялась съ усиліемъ.

— Вы нездоровы, сударыня?—спросилъ Гастельмейеръ.

— Вчера вы были свидѣтелемъ одной изъ тысячи непріятностей, происходящихъ съ нами,—отвѣтила она утомленнымъ, но всетаки любезнымъ голосомъ.

— Вокругъ насъ какъ будто вѣчно сверкаютъ молніи; кажется это кончится только вмѣстѣ съ жизнью. Но когда все идетъ такимъ образомъ, человѣкъ превращается, въ концѣ концовъ, въ комокъ больныхъ нервовъ. Вы впрочемъ на себѣ испытаете это—вѣдь вы тоже художникъ.

Гастельмейеръ не сразу сообразилъ, о чемъ она говоритъ; наконецъ онъ вспомнилъ исторію съ романомъ.

— Не принимайте этого такъ близко къ сердцу, сударыня. Избави насъ, Боже, если бы всѣ романы, какіе пишутъ молодые люди, печатались!

— Да, но если отъ этого зависитъ жизнь—сказала она, грустно взглянувъ на него.

— Ну, этого къ счастью не бываетъ, отвѣтилъ Гастельмейеръ,—чтобъ жизнь зависѣла отъ романа!

Она возразила ему усталымъ голосомъ, что именно такъ обстоитъ дѣло у Эрвина.—Какъ и мы всѣ,—онъ зависитъ отъ своего таланта—прибавила она.

Какимъ талантомъ обладала сама хозяйка—осталось невыясненнымъ. У него явилось сильное желаніе какъ нибудь поэнергичнѣе встряхнуть этотъ обложенный подушками комокъ нервовъ. Но онъ пересилилъ себя.

Эмиль давно пересталъ рисовать и качался на стулѣ. Онъ переживалъ теперь самый безпечный возрастъ и широко пользовался всѣми его преимуществами.

Гастельмейеръ взглянулъ на его рисунокъ и увидѣлъ, что, въ качествѣ модели, передъ нимъ лежалъ его собственный небольшой крѣпкій кулакъ. Онъ въ разныхъ положеніяхъ былъ изображенъ на бумагѣ.

— Ого!—сказалъ Гастельмейеръ.

Эмиль не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія.

— Эмиль, сказала мать,—сейчасъ Олли вернется, будь прилеженъ. Эмиль вздохнулъ, положилъ опять передъ собой кулакъ и началъ вяло и небрежно рисовать.

— Это ваша собственная идея?—спросилъ Гастельмейеръ, показавъ на кулакъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Эмиль—это Олли.

Гастельмейеръ не зналъ, о чемъ заговорить. Собесѣдники его были разстроены и неразговорчивы.

Нѣсколько времени онъ придумывалъ тему для разговора.

— Эмиль, сказала мать, ты не знаешь, гдѣ Эрвинъ? У него бѣднаго цѣлый день болѣла голова. Всякая неудача такъ сильно на него дѣйствуетъ,—сказала она, обращаясь къ Гастельмейеру.

— Онъ вѣрно пошелъ въ Фридгофъ,—угрюмо промолвилъ Эмиль.

Хозяйка вздохнула и послѣ небольшой паузы сказала:

— Вѣдь вотъ какова душа человѣческая. Онъ истинный поэтъ, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Когда у него въ жизни что нибудь не ладится, тогда онъ въ сумерки отправляется на кладбище и смотритъ на выставленные трупы; это у него съ самаго дѣтства. Такое ужъ средство — тогда онъ успокаивается. У насъ въ Мюнхенѣ обычай держать трупы открытыми, въ другихъ городахъ, гдѣ мы жили, этого не дѣлаютъ. Ему это нравится. Все имѣетъ свою хорошую сторону. Меня бы никакими силами туда не затащить,—заключила дама и плотнѣе закуталась въ свой платокъ.

Кто-то энергично постучалъ въ дверь.—Олли,—сказалъ Эмиль.—Дѣйствительно, это была Олли. Она вошла быстро, оживленная и разрумянившаяся. Она возвращалась съ урока рисованія и хотѣла чаю. Въ первую минуту она не замѣтила Гастельмейера, а потомъ поклонилась ему такъ просто и равнодушно, какъ будто онъ былъ членомъ семьи.

Гастельмейеръ нашелъ, что она не слишкомъ стѣсняется съ нимъ. Прежде чѣмъ налить себѣ чаю, она наклонилась надъ рисункомъ Эмиля, не говоря ни слова положила его кулакъ, какъ ей было удобнѣе, и черезъ плечо Эмиля стала поправлять его работу смѣлыми и увѣренными штрихами. Она не успѣла снять шляпу, и лѣвая рука ея была еще въ перчаткѣ. Вмѣстѣ съ ней въ комнату ворвалась струя свѣжаго, морознаго воздуха.

— Олли, хоть бы ты немножко погрѣлась раньше, чѣмъ входить въ комнату. Ты ее такъ совсѣмъ выстудишь.

Олли, повидимому, не слышала. Ея маленькая рука продолжала быстро работать.

— И въ этакую погоду! Ты кончишь тѣмъ, что опять распростудишься; что тогда будетъ?

Мать вздохнула.

Гастельмейеръ также ощутилъ струю свѣжаго воздуха, распространявшуюся отъ Олли, и невольно вспомнилъ слова своего отца. Онъ посмотрѣлъ, какъ она рисовала въ неудобномъ положеніи, черезъ голову Эмиля, вся погруженная въ свою работу. Эмиль, впрочемъ, облегчилъ ей это, насколько возможно: онъ положилъ свою косматую бѣлокурую голову на край стола, такъ что ему даже не было видно, какъ преображался его рисунокъ подъ ловкими пальцами сестры; онъ преклонялся передъ ея искусствомъ.

Гастельмейеръ смотрѣлъ на нее, не отрывая глазъ. Вотъ что называется талантъ! А она все рисовала и рисовала, за-

бывъ все окружающее, и косматую голову, и чай, и посторонняго человѣка.

— Эмиль! — воскликнула она вдругъ. — Ну, посмотри теперь.

Эмиль что-то промычалъ и сталъ разсматривать рисунокъ.

— А ты что опять напачкалъ? Лѣнтяй, лѣнтяй! Это все отъ лѣни. Ну, какъ ты сидишь? Можетъ-ли человѣкъ такъ работать? Мама, опять ты ему позволила извиваться, какъ червяку.

Червякъ—это недурно. Онъ дѣйствительно такой бѣлый, мягкій, точно безъ костей, и голова, и руки, и ноги у него какъ-то висятъ. Къ удивленію Гастельмейера, Эмиль сказалъ:— Прекрасно! Теперь ужъ червякъ! Очень недурно! Слонъ неуклюжій, сальная свѣчка, больничный сторожъ и такъ далѣе. Тебѣ бы быть унтеръ-офицеромъ.

— Да, тебя бы не мѣшало отдать на выучку хорошему солдату,—сказала она.

Олли налила себѣ чаю, присѣла на край стула и взяла кусокъ булки. Жизнь била въ ней ключомъ, казалось, веселье и бодрость никогда не покидали ее. Гастельмейеръ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нее.

— Настоящая лошадь!—сказалъ ей Эмиль.

— О комъ ты говоришь?—холодно спросила она его.

— Развѣ неправда? Чуть что не по ней, она злится, а любитъ, чтобъ съ ней обращались ласково.

— Конечно,—сказала Олли,—я также люблю это.

— Я не то, конечно, думалъ про лошадь. Утромъ ты бѣжишь въ восемь часовъ въ мастерскую, работаешь тамъ до двѣнадцати, потомъ въ перерывъ галопируешь, то туда, то сюда, какъ въ манежѣ, вечеромъ скачешь на урокъ рисованія, а когда она возвращается домой,—обратился онъ къ Гастельмейеру,—въ ней все ходуномъ ходитъ, и я долженъ платиться. Тутъ ужъ она мнѣ спуску не даетъ.

Гастельмейеръ узналъ отъ Олли, что она готовила брата въ академію на свои сбереженія. Только у него нѣтъ ни малѣйшей настойчивости,—заключила она свой разсказъ.

Гастельмейеръ спросилъ, почему онъ выбралъ своей спеціальностью, именно, живопись.

— Искусство—единственное достойное человѣка занятіе,—сказала хозяйка нѣсколько болѣе оживленнымъ тономъ, чѣмъ обыкновенно.

— Быть художникомъ, быть юристомъ, не все-ли равно?— пробормоталъ Эмиль.

— Эмиль, ради Бога, вѣдь ты этого не думаешь?—воскликнула Олли.

— А кто это утверждаетъ?—спокойно спросилъ Эмиль.

— Зачѣмъ же ты говоришь?

— Просто такъ.

— Что же другое могъ избрать мой сынъ?—продолжала мать. У него въ крови лежитъ—быть художникомъ. Онъ не способенъ ни на что другое. Изъ гимназіи мы его взяли какъ можно раньше. Служить онъ не обязанъ—онъ не германскій подданный.

— Бриллiантъ чистой воды,—вставилъ Эмиль, принявъ насмѣшливое выраженіе.

— Мой второй мужъ былъ художникъ, какъ вамъ извѣстно.

— Да, вы разсказывали это.

— Вы не знаете его исторіи,—сказала она.—Вы не знаете, что онъ двадцать два года провелъ въ сибирскихъ рудникахъ.—Она произнесла это съ нѣкоторой гордостью и посмотрѣла, какое впечатлѣніе произведутъ на него ея слова.

Гастельмейеръ, имѣвшій весьма слабое представленіе о положеніи сосланнаго въ Сибирь, не оправдалъ ея ожиданій.

— Боровы,—продолжалъ Эмиль.—Люди ничѣмъ не лучше борововъ,—онъ всталъ и заходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

Дверь отворилась, и въ комнату вошелъ Эрвинъ. У него былъ несчастный изстрадавшійся видъ, какъ у человѣка, которому только что выдернули зубъ. Онъ уже не болитъ болѣе, но онъ долго болѣлъ, это сейчасъ же замѣтно по лицу.

— Успокоился ты хоть немного, сынокъ?—нѣжно спросила мать.—Мы оба одинаково страдаемъ, это должно тебя нѣсколько утѣшить. Каждое «да» въ жизни счастье, каждое «нѣтъ» несчастье. Ахъ, эти тонкія, впечатлительныя натуры!

— Эрвинъ,—сказалъ Эмиль,—мы только что говорили объ отцѣ. Эрвинъ молча сѣлъ.

— Да, судьба жестоко обошлась съ моимъ вторымъ мужемъ; двадцатилѣтнимъ юношей онъ былъ сосланъ на каторгу послѣ одного изъ польскихъ возстаній.—Куда сначала-то?—спросила она, позабывъ названіе мѣста.

— Въ Семирѣченскъ, — нетерпѣливо сказалъ Эмиль. Господи, мама, неужели ты до сихъ поръ не знаешь?

— И знаете,—продолжалъ онъ,—папа прежде чѣмъ пришелъ въ Семирѣченскъ, совершенно ясно видѣлъ его во снѣ; длинный острогъ, еще одинъ жалкій домишка, длинный заборъ, захирѣвшая березка, низкій навѣсъ и ничего больше. И насколько глазъ хватаетъ во всѣ стороны—снѣгъ, снѣгъ и только снѣгъ, и такое же снѣжно-бѣлое небо. И когда они пришли туда, онъ узналъ его по своему сну и громко зарыдалъ.—Эмиль разсказывалъ это съ увлеченіемъ, гораздо живѣе, чѣмъ Гастельмейеръ ожидалъ отъ него.

— Потомъ его перевели оттуда,—продолжала мать—перевели въ... но названіе опять выскользнуло у нея изъ памяти.

Эмиль и на этотъ разъ пришелъ ей на помощь, хотя опять съ видимымъ раздраженіемъ.

— Въ Верхне-Колымскъ,—сказалъ онъ, остановившись у своей конторки, гдѣ всѣ вещи лежали въ гораздо большемъ порядкѣ, чѣмъ въ остальной комнатѣ. Изъ этой конторки онъ вынулъ карту, отодвинулъ въ сторону тарелки и чашки и разложилъ ее на столѣ.

— Вотъ здѣсь жилъ папа девять съ половиною лѣтъ,— сказалъ онъ, — потомъ его перевели сюда и, наконецъ, вотъ сюда. — Онъ показалъ на картѣ всѣ мѣста. — Это тянулось двадцать два года, потомъ его выпустили на свободу, и онъ могъ наконецъ вернуться въ Германію, куда онъ ѣхалъ, когда его арестовали. Подумайте только, у него было тогда рекомендательное письмо къ одному мюнхенскому художнику; онъ двадцать два года хранилъ это письмо и передалъ его потомъ сыну того художника, такъ какъ самъ художникъ въ это время умеръ. Папа еще раньше рисовалъ, а потомъ уже пожилымъ человѣкомъ поступилъ въ академію! У него было мало денегъ, и онъ былъ боленъ; но онъ зарабатывалъ живописью. Посмотрите, вотъ папины рисунки!—Эмиль досталъ изъ своей конторки папку съ рисунками.—Это картины горя и страданій,—сказалъ онъ горячо.—Это все ссыльные и каторжане въ цѣпяхъ, они стоятъ въ снѣгу. Вотъ это пограничный камень, здѣсь они прощаются другъ съ другомъ: одни идутъ въ эту, другіе въ ту сторону,—они бросаются на снѣгъ и рыдаютъ, и кричатъ, и плачутъ.

Эмиль былъ сильно взволнованъ. Рисунки составляли его собственность. Олли взглянула на нихъ и сказала: Какъ жалко, что папа не учился какъ слѣдуетъ, онъ бы могъ достичь чего нибудь. Въ фигурахъ виденъ талантъ.

— Оставь, пожалуйста,—сказалъ Эмиль, — какъ рисовалъ, такъ и рисовалъ, нечего критиковать.

— Мой сынъ Эмиль,—сказала томнымъ голосомъ мать,— нѣжно любитъ своего отца, хотя онъ никогда не зналъ его.

— Тамъ зналъ я моего отца или нѣтъ—гордо проговорилъ Эмиль,—а теперь я его знаю. Ты, вѣдь, вотъ знала его, а теперь не знаешь даже, гдѣ онъ жилъ въ ссылкѣ. Каждый разъ я долженъ подсказывать тебѣ. Ну, гдѣ онъ жилъ сначала? А?

Эмиль вопросительно посмотрѣлъ на мать и постучалъ карандашомъ по столу, ожидая отвѣта.

— Опять не помнишь,—сказалъ онъ. Ну, теперь не узнаешь отъ меня такъ скоро.—Онъ закрылъ папку и положилъ

ее на мѣсто.—У него совсѣмъ не было денегъ, — продолжалъ мальчикъ,—и онъ былъ боленъ. Если бы онъ не встрѣтилъ маму, ему было бы еще хуже. Но во время его болѣзни и мамины деньги почти всѣ вышли. Чортъ возьми! Если бы люди не были такъ подлы и не тащили бы съ него за все втридорога, мы бы теперь не такъ жили.

— Если бы!—сказала Олли, съ неудовольствіемъ посмотрѣвъ на брата.—Деньги, деньги, и комфортъ,—у всѣхъ васъ, и особенно у тебя, это должно быть въ крови! Славу Богу, что денегъ нѣтъ, а то бы ты окончательно излѣнился. Мы должны работать. Работать до послѣдняго вздоха — въ этомъ вся жизнь.

Дѣвушкѣ, повидимому, нравилось это нѣсколько торжественное выраженіе; при всякомъ удобномъ случаѣ она употребляла его.

— И потомъ, зачѣмъ ты постоянно бранишь людей? Развѣ ты самъ не человѣкъ? Я просто слышать этого не могу. Это такъ дѣтски наивно съ твоей стороны. Ну, почему ты думаешь, что люди такъ дурны? Потому что, папѣ жилось плохо, да и намъ не слишкомъ хорошо. Конечно, только поэтому. Они должны бы кормить тебя, баловать, на рукахъ носить. Да за что же? Но они не хотятъ этого и совершенно правы. Я, напротивъ, думаю, что люди очень хороши, гораздо лучше, чѣмъ они могли бы быть. Ты находишь, можетъ быть, что природа не жестока, а? Одинъ всегда пожираетъ другого, и это вездѣ и повсюду. А между людьми есть такіе, которые, по крайней мѣрѣ, хотятъ не пожирать другихъ. И это страшно много значитъ! Ты подумай только, каково имъ приходится. Вѣдь, никого не спрашиваютъ, хочетъ онъ родиться или нѣтъ; и вотъ онъ появляется на свѣтъ среди нищеты, глупый, беззащитный, несчастный и долженъ изо всѣхъ силъ работать, чтобъ только не умереть съ голода; а болѣзни, зимнія стужи, ему приходится пускаться на преступленія и попадаться... а тысячи другихъ бѣдъ и страданій, а слѣпота, а старость и, наконецъ, смерть! Господи, какъ все это ужасно! И не смотря на все это, есть добрые, хорошіе люди. Богу легко быть добрымъ, а человѣку, Эмиль, подумай только, каково человѣку!

Она проговорила это съ жаромъ и даже схватила Эмиля за руку, чтобы лучше убѣдить его.

— Вы съ Эрвиномъ при малѣйшей неудачѣ совершенно падаете духомъ. Ну, можно-ли не сохранить настолько свободы, чтобы не зависѣть отъ всякаго пустяка! И ты туда же, толстый куль, тебя то, вѣдь, ужъ это совсѣмъ не касается.

— Ого,—сказалъ Эмиль,—теперь куль, и то не дурно.

— Господи,—сказала Олли,—если бы художникъ не былъ

цыганомъ! Всѣ вы торгаши. Если ваша сдѣлка не удалась, у васъ руки опускаются. Вы, вѣдь, тоже цыганъ въ этомъ смыслѣ?—обратилась она первый въ разъ къ Гастельмейеру, напряженно слушавшему молодую дѣвушку.

— Какой тамъ, цыганъ,—сказалъ Эмиль, скорчивъ самую ужасную гримасу, на какую было способно его подвижное лицо.

— Конечно, Эмиль!—строго сказала Олли.

— Боже избави!—отвѣтилъ братъ, совсѣмъ въ другомъ родѣ.

— Въ какомъ же? — спросилъ Гастельмейеръ, котораго очень забавляли разговоры брата и сестры.

— Помните, почему вы съѣхали съ вашей прежней квартиры?

— Конечно, я вѣдь, кажется, разсказывалъ вамъ.

— Изъ-за станціи, потому что вы жили противъ сортировочной станціи, неспокойно очень было, да? Изъ за шума, треска и всей это музыки, такъ вѣдь?

— Да,—сказалъ Гастельмейеръ.

— Ну, вотъ. А здѣсь въ чемъ разница? а? Что тамъ, на станціи, было снаружи, то здѣсь внутри квартиры,—я это и вчера подумалъ, когда вы разсказывали.

— Вотъ какъ, — сказалъ Гастельмейеръ, не знавшій, что ему обо всемъ этомъ думать. Онъ чувствовалъ себя немного не по себѣ, но все таки остался на томъ же мѣстѣ и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на оживленное лицо дѣвушки, принявшейся снова поправлять кулакъ Эмиля. Ему еще никогда не приходилось встрѣчать такихъ дѣвушекъ.

Беззвучный колокольчикъ опять прозвонилъ. На всѣхъ лицахъ появилось выраженіе недоумѣнія.

— Проклятіе, проклятіе, проклятіе! — проворчалъ Эмиль, хлопнувъ себѣ по колѣну.

Звонокъ прозвонилъ вторично.

— Это тетя Ценглейнъ,—сказала Олли.

— Дѣйствительно, ей теперь какъ разъ время,—подтвердила мать. Поди, отопри, Эмиль.—Сама она на этотъ разъ не тронулась съ мѣста. Непринятый романъ Эрвина окончательно надломилъ ея силы; но для Эмиля его слабость была положительно полезна. Онъ вышелъ изъ комнаты, ворча что-то про себя.

Черезъ минуту за дверью послышался веселый старушечій смѣхъ и рѣзкій мужской голосъ.

— Опять она притащила съ собой этого нескладнаго Кауфмана,—сказала Олли.

— О Господи!—вздохнула мать.

Дверь отворилась, и въ комнату вошла маленькая провор-

ная старушка въ сопровожденіи длинноногаго юноши въ потертомъ пиджакѣ. Онъ выглядѣлъ горнымъ жителемъ, хотя на немъ не было соотвѣтствующаго костюма и подбитыхъ гвоздями сапогъ. У него было длинное, худое лицо, нѣсколько несимметричное, и выдающаяся, подвижная нижняя губа.

— Госпожа Ценглейнъ, наша тетушка, господинъ Кауфманъ, товарищъ моего сына, — отрекомендовала хозяйка вошедшихъ.

— Тетушкинъ прихвостень,—прошепталъ Эмиль на ухо Гастельмейеру. Онъ, вообще, выказывалъ ему нѣкоторое довѣріе, что доказала уже исторія со станціей. Такіе подростки, какъ Эмиль, бываютъ обыкновенно молчаливы, такъ какъ стараются сдержать всевозможныя рѣзкости, напрашивающіяся имъ на языкъ, но иногда, помимо ихъ воли, они все-таки прорываются.

— Здравствуй, геній!—сказалъ нескладный молодой человѣкъ, опускаясь на стулъ рядомъ съ Эрвиномъ,—какъ обстоятъ дѣла съ нашимъ романомъ? а?

Хозяйка сдѣлала ему рукой знакъ, который значилъ въ переводѣ: «Пощадите его, все погибло».

Эрвинъ Эль также безмолвно подтвердилъ это.

— Чортъ побери!—воскликнулъ съ участіемъ лѣсной человѣкъ,—вотъ порядки! Все лучшее, что приносятъ, эти господа преспокойно отправляютъ въ корзинку подъ столъ. Они не могутъ переварить ничего, пока оно не зачерствѣетъ достаточно для ихъ слабыхъ желудковъ. Фабрикуйте все по старымъ образцамъ! Ради Бога, ничего новаго!—Онъ скривилъ ротъ, какъ будто у него во рту была невидимая трубка, и выдвинулъ елико возможно нижнюю губу.

— Ага!—подумалъ Гастельмейеръ,—значитъ Эрвинъ Эль изъ «новыхъ». Гастельмейеръ, какъ уже было сказано, принадлежалъ къ людямъ, которые тихо обдумываютъ все про себя, безъ восклицаній и громкихъ словъ.

Какъ будто въ подтвержденіе его мыслей, хозяйка проговорила:

— Это было великое произведеніе, проповѣдь, воззваніе ко всему человѣчеству!

Гастельмейеръ съ удвоеннымъ любопытствомъ посмотрѣлъ на Эрвина Эля, точно хотѣлъ узнать, какъ выглядитъ человѣкъ, обращающійся съ воззваніемъ ко всему человѣчеству. Совсѣмъ еще зеленый юноша! У Гастельмейера накипало раздраженіе; эта мать казалась ему злымъ рокомъ своихъ дѣтей. Онъ не могъ выносить странностей у женщинъ. Ему было жаль этихъ птенцовъ, такъ безобразно воспитанныхъ.

— Вы развѣ изъ нынѣшнихъ?—спросилъ онъ Эрвина.

Эрвинъ, презрительно пожавъ плечами, скорчилъ насмѣшли-

вую гримасу и пробормоталъ что-то, что должно было обозначать: Все вздоръ! Нынѣшніе еще, пожалуй, наиболѣе терпимы.

— Впрочемъ, сказалъ онъ вслухъ, что такое въ сущности «нынѣшніе»?

— Скажите пожалуйста, молодой человѣкъ, сколько вамъ лѣтъ?

Эмиль, расхохотался, какъ сатиръ, вскричалъ: «Проклятіе, проклятіе, проклятіе!» и хлопнулъ себя по колѣну.

— Вотъ нравы,—подумалъ взбѣшенный Гастельмейеръ.

— Они всѣ плетутъ,—произнесъ около него чей-то голосъ и, когда онъ поднялъ голову, на него смотрѣли плутовскіе старушечьи глазки. Тетушка Ценглейнъ неслышно, какъ летучая мышь, подкралась къ нему. Ея личико напоминало летучую мышь, маленькое, сморщенное, съ маленькими, свѣтлыми глазками.—Они плетутъ,—повторила она еще разъ.

— Господинъ Гастельмейеръ!—вскричалъ нескладный юноша,—я еще не познакомилъ васъ съ моей старенькой возлюбленной!

— Ахъ вы, невоспитанный человѣкъ,—засмѣялась маленькая старушка.

Какъ она умѣла смѣяться! Казалось, каждая морщинка ея добродушнаго личика заливалась неудержимымъ смѣхомъ. Гастельмейеръ внимательнѣе взглянулъ на старую дѣвицу. Она была очень тщательно и со вкусомъ одѣта. Она сейчасъ же завоевала сердце Гастельмейера.

— Вотъ люди-то!—сказала она—вчера злились Богъ знаетъ изъ-за чего, право не стоило труда; а сегодня на себя не похожи. Неправда-ли, вѣдь и вы не взяли бы съ собой въ Италію Эрвина? Я скоро ѣду въ Италію,—продолжала она.—Кого нибудь я должна съ собой взять. Одна-то ужъ я ни за что не поѣду, какъ прошлый разъ. Но брать такую плакучую иву, и въ то же время такую взрывчатую бомбу, какъ Эрвинъ, ну нѣтъ, благодарю покорно! Они всѣ изъ-за этого злятся. Я беру вонъ того, длинноногаго (она показала на своего спутника, который вступилъ въ горячій споръ объ искусствѣ съ Эрвиномъ, Олли и ихъ матерью)—Боже мой, такая старушенція, какъ я, должна радоваться, когда ей кто нибудь такой подвернется. Главное—чтобы былъ молодъ. Старости-то у меня самой достаточно. И, кромѣ того, онъ совсѣмъ бѣднякъ. Я живу здѣсь какъ разъ напротивъ, на Шеллингштрассе. Мой садъ подходитъ къ вашимъ окнамъ. Вѣдь вотъ люди,—повторила она опять, подмигнувъ своими маленькими глазками.—Досада беретъ смотрѣть, какъ они портятъ свою жизнь. Вѣдь этакое безуміе, храни ихъ Богъ! Я прекрасно устроила свою жизнь, знаете, совсѣмъ по своему вкусу, такъ они этого вынести не могутъ. Послушайте теперь, что у нихъ тамъ про-

исходитъ, изъ-за чего опять всѣ разволновались. Вы послушайте только!

Маленькая старушка усѣлась поудобнѣе, какъ будто она собиралась смотрѣть на любопытное представленіе. У нихъ продолжался жаркій литературный споръ. Слова: натурализмъ, современность, отжившее, новые таланты и т. п. летали отъ одного къ другому, какъ снѣжки во время снѣжныхъ перестрѣлокъ, съ головокружительной быстротой. Непринятый романъ Эрвина служилъ, повидимому, еще до сихъ поръ причиной общаго волненія.

— Такая словесная перестрѣлка, вѣдь, это тоже своего рода искусство,—сказала весело старушка. Ее это очень забавляло.

Хозяйка дома, Эрвинъ и нескладный молодой человѣкъ были согласны въ мнѣніяхъ по поводу новаго романа одного извѣстнаго писателя: онъ вызывалъ негодованіе всѣхъ троихъ. Гастельмейеръ также зналъ его; въ немъ не было ничего замѣчательнаго; но авторъ былъ знаменитъ. Обстоятельство довольно обыкновенное, но ихъ трехъ оно приводило въ сильнѣйшую ярость; такъ какъ гнѣвъ ихъ не остылъ, когда они раскритиковали въ пухъ и прахъ самое произведеніе, то они, противъ всякихъ правилъ искусства, обрушились на автора.

Товарищъ Эрвина положилъ начало такого рода критикѣ. Авторъ оказывался эпикурейцемъ, богатымъ, свѣтскимъ человѣкомъ, которому шутя давалась жизнь. Они стали забавляться тѣмъ, что раздѣлили его на составныя части и опредѣлили каждой изъ нихъ особое наказаніе. Эмиль покатывался отъ хохота, даже Олли смѣялась.—Право онъ ничего другого не заслуживаетъ,—сказала она.

— А его глаза, его рыбьи глазки, что̀ мы съ ними сдѣлаемъ?—вскричалъ Эмиль.

— Такіе глаза ни на что негодны, просто выбросить!

— Браво!—сказала хозяйка, захлебываясь отъ смѣха.

Гастельмейеръ внутренно негодовалъ. Вотъ фанатическая женщина! Отъ него ускользала комическая сторона всей этой сцены. Просто дикость и ничего больше! И Олли, молоденькая дѣвушка, также смѣялась. Онъ обратился къ ней и спросилъ:

— Надъ чѣмъ вы въ сущности смѣетесь?

— Да вѣдь это такъ смѣшно,—получилъ онъ въ отвѣтъ.

— Смѣшно?—ну-у!—сказалъ Гастельмейеръ.

— Человѣкъ, который такъ пишетъ, ничего другого не заслуживаетъ. Въ дѣлѣ искусства надо судить строго, строже чѣмъ за преступленіе,—сказала она съ блестящими глазами.

— Олли славная дѣвушка—проговорилъ надъ его ухомъ тотъ же голосокъ,—но и она плететъ. Всѣ они немножко по-

мѣшались со своимъ искусствомъ. Жалости подобно. И мой-то туда же, не лучше ихъ. Этакого умника притащила! Ну, погодите, я ему тамъ на свободѣ все растолкую; онъ у меня совсѣмъ ручнымъ станетъ, увидите, изъ рукъ ѣсть будетъ. Послушали бы вы, какъ онъ свиститъ. Господинъ Кауфманъ, просвистите намъ, пожалуйста.

— Съ удовольствіемъ, возлюбленная моя,—сказалъ онъ, скривилъ опять ротъ и вытянулъ нижнюю губу. Потомъ онъ засвисталъ, такъ что въ ушахъ зазвенѣло. Онъ свисталъ прекрасно, совершенно особенно, баснословно.

— Видите,—шептала старушка,—въ этомъ мое наслажденіе. Это для меня лучше самаго прекраснаго пѣнія. Это искусство, которое можетъ служить утѣшеніемъ въ жизни.—Она подмигнула глазомъ.—Изъ за этого-то я и беру его съ собой!

Гастельмейеру все больше и больше нравилась маленькая старушка, но Олли не давала ему покоя. Онъ не могъ отвести отъ нея глазъ; онъ не понималъ ее; она представляла для него новый міръ.

Въ то время, какъ они мирно бесѣдовали другъ съ другомъ, раздался вдругъ страшный трескъ, стукъ, звонъ, такъ что всѣ невольно повскакали съ мѣстъ.

— Господи Іисусе! что это,—воскликнула съ ужасомъ старушка—кого тутъ нѣтъ?—Эмиля!

Старушка съ большой находчивостью моментально пустила въ ходъ это остроумное и, повидимому, испытанное средство узнать причину происшедшаго. Эмиля дѣйствительно не было въ комнатѣ.

— Боже мой!—воскликнула хозяйка внѣ себя,—онъ полѣзъ за масломъ и свалилъ весь дымовой колпакъ на плиту. Великій Боже! и на всѣ вещи. Навѣрное такъ!

— Ну-у!?—сказалъ нескладный молодой человѣкъ, которому показалось невѣроятнымъ это объясненіе.

— Говорила я вамъ, что это чепуха,—вскричала тетушка Ценглейнъ, вѣшать надъ плитой такую глупѣйшую старомодную чушь—это только вамъ можетъ придти въ голову. И эта ерунда висѣла на проволокѣ.

Между тѣмъ все общество бросилось вонъ изъ комнаты по корридору въ кухню. Тамъ глазамъ ихъ представилась картина разрушенія, превосходившая всякое описаніе. Дымовой колпакъ, искусно прилаженный какимъ-то остроумнымъ мастеромъ на проволокѣ, сорвался. Колпакъ свалился на плиту и придавилъ все стоявшее на ней, а на ней стояла всякая всячина, жареная, вареная и печеная; все, лежавшее на верху колпака, слетѣло вмѣстѣ съ нимъ и разбилось въ дребезги. Нѣкоторыя вещи, висѣвшія на стѣнѣ, тоже были сорваны кол-

пакомъ и лежали въ общей кучѣ, однимъ словомъ—страшный хаосъ, но Эмиля не видно было и здѣсь.

Хозяйка въ ужасѣ прислонилась къ косяку двери и не въ состоянiи была произнести ни слова.

Олли крикнула: Эмиль!.

— Надѣюсь, что Эмиль не попалъ подъ колпакъ,—сказала тетушка Ценглейнъ.

— Ну-у—произнесъ нескладный молодой человѣкъ и попробовалъ вмѣстѣ съ Эрвиномъ, Гастельмейеромъ и Олли приподнять колпакъ; но сдвинуть его не было никакой возможности. Онъ какъ будто вросъ въ плиту.

— Пропалъ вашъ ужинъ,—сказала тетушка Ценглейнъ, а какъ вкусно пахло раньше лукомъ. Что тутъ у васъ было?

— Боже милостивый,—воскликнула трагическимъ голосомъ хозяйка дома,—тутъ были бифштексы, они возстановили-бы нѣсколько наши силы, они также погибли. И куда это дѣвалась Франциска, что она ихъ раньше не подала?

— Какъ будто у васъ что нибудь дѣлается во время,—сказала тетушка Ценглейнъ.

— Слава Богу, что хоть Эмиль не попалъ подъ колпакъ,—вскричала Олли.

— Онъ вышелъ сухъ изъ воды, мошенникъ,—смѣялась тетушка Ценглейнъ. Это приключенiе доставило ей большое удовольствiе. Только хозяйка дома никакъ не могла придти въ себя послѣ всего происшедшаго. Что-то подергивалось въ ея лицѣ, какъ будто потокъ слезъ готовъ былъ хлынуть изъ ея глазъ.

Но что это опять? Въ самомъ концѣ корридора слышался какой-то странный шумъ и шипѣнье, котораго сначала за суматохой никто не замѣчалъ. Всѣ насторожили уши.

Среди этого шума, напоминавшаго шумъ вырывающагося откуда нибудь пара. раздался голосъ Эмиля: «Эрвинъ, оселъ этакiй! Эрвинъ!» Голосъ его былъ проникнутъ яростiю и страхомъ, какъ будто онъ находился въ ужасной опасности.

— Всемогущiй Боже, моя ванна!—закричалъ Эрвинъ. Я совсѣмъ позабылъ ее.

Онъ, а за нимъ и всѣ остальные бросились по узкому корридору къ мѣсту второго несчастiя. Картина и тутъ была не лучше. Печь въ ванной накалилась до бѣла, и паръ съ шумомъ вырывался изъ клапановъ. Кранъ для холодной воды былъ открытъ, и вода, переполнивъ ванну, лилась на полъ.

— Эрвинъ, кранъ не завертывается!—закричалъ Эмиль со слезами досады въ голосѣ.

— Гдѣ же клещи, безъ клещей его невозможно завернуть,—воскликнулъ Эрвинъ.

— Да, ну а гдѣ же клещи?—отвѣтилъ тѣмъ же Эмиль.

Изъ-за нихъ и колпакъ-то свалился. Кто-же, чортъ возьми, засунулъ ихъ опять!

Эрвинъ стоялъ молча и безъ движенья.

Эмиль продолжалъ работать своими крѣпкимималенькими руками, окруженный облаками пара. Наконецъ, нескладный молодой человѣкъ растолкалъ всѣхъ присутствовавшихъ и бросился ему на помощь. Онъ оказался болѣе счастливымъ, такъ какъ сейчасъ же вслѣдъ за тѣмъ струя воды, непрерывно лившаяся въ ванну, остановилась. Онъ настолько привелъ все въ порядокъ, что можно было, по крайней мѣрѣ, не опасаться дальнѣйшаго наводненія и взрыва парового котла.

— Господи Боже! Этотъ злосчастный романъ!—воскликнула Ковальская.—Еще при видѣ кухоннаго опустошенія она ощущала спазмы въ горлѣ, а теперь она окончательно не могла сдержать рыданій и бросилась къ Эрвину, ища у него опоры.

— Одна бѣда всегда ведетъ за собой десятокъ другихъ, — рыдала она.

А тетушка Ценглейнъ опять нашла поводъ для веселья.

— Это все романъ виноватъ, конечно,—говорила она Гастельмейеру, плутовски подмигивая ему.—Я вѣдь ужъ знаю. При всякомъ несчастьи, они теряютъ головы, какъ курицы.

Гастельмейеръ легъ въ этотъ день спать, совершенно разстроенный, съ твердымъ намѣреніемъ обратиться въ бѣгство при первой возможности. Теперь ему казалась та станція, противъ которой онъ жилъ раньше, окруженный заботливымъ уходомъ любящихъ женщинъ, несравненно пріятнѣе, чѣмъ эта. Да и въ другомъ отношеніи онъ испытывалъ здѣсь неизмѣримо больше безпокойства. Переѣхать надо было во что бы то ни стало, тутъ не могло быть мѣста для колебаній.

Два ворона.

(Шотландская народная баллада) *).

Два большихъ, два черныхъ ворона на дубу сидитъ,
И такія рѣчи ворону воронъ говоритъ:
— Гдѣ сегодня мы обѣдаемъ? У воды-ль морской,
Иль обѣдаемъ подъ деревомъ съ свѣжею листвой?

—

— Полетимъ, увидишь кое что на усладу намъ:
Рощу темную и рыцаря, что убили тамъ;
На траву еще горячая кровь течетъ изъ ранъ,
Обнаженный мечъ валяется, полонъ стрѣлъ колчанъ;
И что онъ убитъ—невѣдомо здѣсь ни для кого,
Это знаютъ только милая, соколъ, песъ его...

—

На ключицу мы усядемся къ молодцу тому,
Мы глаза большіе синіе выклюемъ ему;
Кудри русыя мы выдернемъ, въ косу ихъ сплетемъ
И гнѣздо свое облѣзшее ею уберемъ;
Бороды его молоденькой пухомъ золотымъ
Платье тепленькое сдѣлаемъ мы птенцамъ своимъ.

—

О, сырая будетъ, голая у него постель,
Какъ завоютъ бури зимнія, закружитъ мятель!
Въ головахъ съ травой колючею, съ камнями въ ногахъ,
Будетъ спать и не увидитъ онъ дѣвушку въ слезахъ.
Надъ костями побѣлѣвшими только стаи птицъ,
Только скачутъ лани дикія, только крикъ лисицъ...

Петръ Вейнбергъ.

---

*) Перевести эту балладу, независимо отъ ея несомнѣннаго поэтическаго достоинства, я счелъ интереснымъ и потому, что она подлинникъ Пушкинскаго стихотворенія «Воронъ къ ворону летитъ».

П. В.

Маленькія дѣла и большіе вопросы.

Очеркъ.

Студентъ Лукинъ, сотрудникъ городского попечительства, торопливо шелъ по одной изъ кривыхъ и грязныхъ улицъ Москвы, отыскивая домъ, доставшійся ему для развѣдокъ. Днемъ было засѣданіе попечительства, на которомъ распредѣлялись между сотрудниками районы для обхода. Лукинъ, получивъ на свою долю домъ, гдѣ, по справкамъ, ютилось много бѣдноты, забѣжалъ послѣ засѣданія въ первую попавшуюся кухмистерскую и, проглотивъ тамъ наскоро прескверный обѣдъ, немедленно пустился по дѣламъ попечительства.

Былъ зимній вечеръ, морозный, тихій и ясный. На небѣ всходила полная луна, ярко серебристые лучи которой, заливая улицу, скрашивали ея бѣдность и грязь... Лукинъ былъ еще весь полонъ впечатлѣніями, вынесенными изъ засѣданія; они были для него совершенно новы, и потому онъ не успѣлъ еще хорошенько разобраться въ нихъ. Передъ нимъ рисовалась свѣтлая, огромная зала, гдѣ собралось столько хорошихъ, энергичныхъ людей, гдѣ говорилось такъ много умнаго и дѣльнаго; лица молодежи, подрумяненныя морозомъ, казались ему всѣ сплошь такими красивыми и выразительными; въ ихъ серьезныхъ, вдумчивыхъ глазахъ свѣтилось столько честной мысли и теплаго, искренняго чувства... Ужъ одно то хорошо,—думалъ Лукинъ,—что всѣ собрались дѣлать дѣло, а не надувать другъ друга громкими фразами... Никто не заносился за предѣлы своихъ ближайшихъ задачъ, не докапывался ни до какихъ корней; не слышалось ни зажигательныхъ словъ, ни патетическихъ восклицаній: все было просто, дѣльно, практично. Поминутно раздавалось: „Семнадцать старухъ"... „ежемѣсячное пособіе вь размѣрѣ трехъ рублей"... „отъ продажи полуторыхъ сотъ лоттерейныхъ билетовъ въ кассу попечительства поступило 75 р. 50 к."... и прочее въ этомъ родѣ; говорили о цѣнахъ на дешевыя квартиры и дешевые припасы, о томъ, какъ производить опросъ нуждающихся и какъ предохранить себя отъ обмановъ, приводили въ примѣръ разныя уловки и

продѣлки, къ которымъ прибѣгаютъ иногда мнимо-нуждающіеся для того, чтобы получить на свою долю лишній кусокъ... Большинство присутствующихъ щеголяло немножко другъ передъ другомъ своей практичностью и недовѣрчивымъ отношеніемъ къ людямъ, а одинъ господинъ въ золотыхъ очкахъ имѣлъ такой видъ, какъ будто онъ собирался ѣхать на слѣдствіе о сокрытомъ преступленіи... Словомъ, всѣхъ обуялъ духъ осторожности и скептицизма, всѣми руководилъ страхъ, какъ бы не впасть въ идеализацію и не истратить, подъ вліяніемъ ея, лишней копѣйки...

— Мнѣ иногда кажется, господа,—замѣтилъ, смѣясь, предсѣдатель,—что здѣсь собрался съѣздъ московскихъ экономовъ; но такъ и быть должно, потому что этого требуетъ положеніе вещей...

Когда одинъ юный студентъ, все время нетерпѣливо ерзавшій на стулѣ, вдругъ не вытерпѣлъ и заговорилъ что-то объ Арміи Спасенія, по губамъ присутствующихъ пробѣжала снисходительная улыбка, а предсѣдатель кротко замѣтилъ:

— Позвольте намъ прежде покончить съ вопросомъ о томъ, во что намъ обойдется отопленіе и освѣщеніе проектируемой нами богадѣльни...

И затѣмъ, обратясь къ господину въ золотыхъ очкахъ, продолжалъ:

— Итакъ, вы находите, что осиновыя дрова...

Слушая эти разговоры, Лукинъ долго не могъ опредѣлить своего отношенія къ тому, что передъ нимъ происходитъ: ему нравилось, что такъ обстоятельно говорятъ о дровахъ, что всѣ хотятъ быть такими дѣловитыми, практичными, но въ то же время ему хотѣлось, чтобы поговорили и объ Арміи Спасенія или вообще о чемъ-нибудь грандіозномъ, захватывающемъ, зажигающемъ сердца. Съ одной стороны, онъ уже порядкомъ разувѣрился въ пользѣ „широкихъ задачъ" и крупныхъ вопросовъ, на которые онъ истратилъ такъ много душевнаго жара и умственныхъ усилій: тысячу разъ обсуждались имъ эти вопросы въ студенческихъ кружкахъ, воспламеняя молодежь любовью и враждой, соединяя однихъ и разъединяя другихъ, тысячу разъ, уходя послѣ такихъ разговоровъ домой, онъ вмѣстѣ съ другими спрашивалъ себя: когда же, наконецъ, мы перейдемъ отъ словъ къ дѣлу?—а въ результатѣ отъ всѣхъ этихъ горячихъ порывовъ осталось чувство обиднаго неудовлетворенія: крупица дѣла тонула въ морѣ словъ, дебатовъ, программъ, плановъ и всякихъ предварительныхъ приготовленій. Фраза: „прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, намъ необходимо рѣшить вопросъ"...—стала для Лукина, просто, ненавистной; говорить объ общественной совѣсти, о правахъ личности, объ обязанностяхъ интеллигенціи и тому подобномъ сдѣлалось ему

стыдно и скучно... Но съ другой стороны, сидя на засѣданіи и внимательно слушая разговоръ о тюфякахъ для богадѣлокъ, о скоромныхъ и постныхъ продуктахъ, онъ смутно чувствовалъ, что ему здѣсь чего-то не хватаетъ; по старой привычкѣ, ему хотѣлось той электрической искры, которая, бывало, вдругъ пробѣжитъ по всей толпѣ молодежи и какъ будто удесятеритъ въ каждомъ жизнь, силы, отвагу: „точно какая-то сила подхватитъ тебя и понесетъ куда-то!" —„Конечно, снѣтки... подсолнечное масло... все это требуетъ обсужденія,—думалъ Лукинъ,—но тѣмъ не менѣе желательно было бы"... Тутъ онъ спохватывался, „ловилъ себя за хвостъ" и мысленно называлъ свое желаніе „отрыжкой мечтательной и безплодной юности"... „Довольно растекаться мыслію по древу!"—сказалъ онъ самъ себѣ и началъ усиленно поддакивать предсѣдателю. „Будемъ же, господа,—говорилъ тотъ, закрывая засѣданіе,—дѣлать наше маленькое, но полезное дѣло, ставя передъ собой, вмѣсто задачъ и вопросовъ, задачки и вопросики, по пословицѣ: „лучше синицу въ руки, чѣмъ журавля въ небѣ"... Лукинъ громко зааплодировалъ и одобрительно воскликнулъ: „Да, да,—синицу!"

Шагая теперь по узкому, покатому тротуару и перебирая въ памяти всѣ подробности засѣданія, Лукинъ настраивался на трезво-дѣловой ладъ, но въ то же время, по старой привычкѣ къ грандіознымъ замысламъ и торжественнымъ рѣшеніямъ, имѣлъ видъ человѣка, идущаго выполнять свою миссію. „Маленькое дѣло" становилось для него руководящимъ принципомъ въ жизни, его символомъ вѣры, его идеаломъ. Онъ мечталъ теперь о немъ съ тѣмъ энтузіазмомъ, съ какимъ обыкновенно мечтаютъ о величіи, о подвигахъ, о рѣшеніи какой-нибудь всеобъемлющей задачи: „Отвести себѣ для дѣятельности крошечный, строго опредѣленный уголокъ жизни, ничтожнѣйшую полоску ея, вложить туда всѣ свои силы и работать, отнюдь не выходя за предѣлы очерченнаго круга"... Такую полоску онъ намѣтилъ себѣ въ своей медицинѣ, такую же хотѣлъ избрать себѣ и въ общественной дѣятельности: попечительство, на его взглядъ, вполнѣ отвѣчало этому желанію.

— Тутъ можно по мелочамъ принести массу пользы,—думалъ онъ.—Иногда какой-нибудь дѣльный совѣтъ бываетъ для человѣка нужнѣе нужнаго... Если принять во вниманіе, что множество всякихъ золъ происходитъ исключительно отъ умственной темноты, то весьма важно—пролить на эту темноту нѣкоторый свѣтъ. Простая логика можетъ сплошь и рядомъ вывести запутавшагося человѣка на настоящую дорогу... Матеріальная помощь, конечно, имѣетъ значеніе, но вѣдь это—палліативъ. Гораздо важнѣе—насажденіе здравыхъ понятій, свѣтлыхъ взглядовъ и... и вообще сознательнаго отношенія къ

окружающему. Критика и самокритика—вотъ начало всякаго прогресса (эту мысль онъ недавно еще проводилъ въ одномъ изъ своихъ рефератовъ)... И если цѣлый рядъ насъ, сотрудниковъ, установитъ живую связь съ этими, блуждающими въ потемкахъ людьми, то мы, несомнѣнно, послужимъ поднятію умственнаго, а вмѣстѣ съ нимъ и экономическаго уровня...

— Фу, чортъ, куда это я опять занесся!—спохватился онъ.— Проклятая привычка! Вѣчно перемудришь. Какъ эта закваска въѣлась въ меня!.. Я долженъ имѣть дѣло не съ вопросами, а съ Петромъ, Сидоромъ, Марьей: кому полтинникъ, кому рубль, кому работу—и шабашъ,—отзвонилъ и съ колокольни долой! А съ этими вопросами, въ которые всегда упрешься, какъ въ стѣну,— одно только безпокойство: тужишься объять необъятное и все время чувствуешь безсиліе, точно хочешь самого себя поднять за волосы! Нѣтъ, если ты намѣренъ дѣлать дѣло, необходимо надѣть на глаза шоры, чтобы ничего не видѣть по сторонамъ: вѣдь чѣмъ больше разсматриваешь вопросъ, тѣмъ шире онъ разростается передъ тобой—и такъ до безконечности... Надо *просто дѣлать*—вотъ и весь сказъ: дѣлать только осязательно нужное... нужнѣйшее... самонужнѣйшее!—твердилъ онъ, впадая опять въ торжественный тонъ.—Эврика! Нѣтъ болѣе вопросовъ!

Ему казалось, что теперь, наконецъ, онъ начинаетъ ощущать подъ ногами почву. Онъ зашагалъ веселѣе, чувствуя новый приливъ бодрости и увѣренности въ своихъ силахъ; къ тому же морозъ такъ славно пощипывалъ ему лицо, снѣгъ такъ звонко хрустѣлъ подъ ногами, и вся зимняя природа дышала такою бодрящей свѣжестью...

Было воскресенье, и улица имѣла праздничный видъ, т. е. по ней шли и ѣхали, вмѣсто трезвыхъ людей, пьяные или подвыпившіе, въ трактирахъ народу было больше, чѣмъ въ будни, бранныя слова и „караулъ" чаще обыкновеннаго оглашали воздухъ. Погруженный въ свои думы, Лукинъ не обращалъ вниманія на окружающее: онъ привыкъ, бродя по улицамъ, размышлять о „вопросахъ", и въ это время люди мелькали передъ нимъ, какъ силуэты, которымъ онъ при встрѣчѣ машинально уступалъ дорогу...

— „Ты зачѣмъ такъ бѣжишь торопливо?.."—горланилъ между тѣмъ какой-то пьяный на всѣ лады самымъ заунывнымъ тономъ.

— Да,—продолжалъ разсуждать самъ съ собой Лукинъ,— вся сила въ томъ, чтобы умѣть въ каждый данный моментъ оріентироваться въ своемъ положеніи...

— „Ты зачѣмъ такъ бѣжишь торопливо"?..—раздалось у него за спиной и заставило его обернуться. Пьяный мастеровой, безъ шапки, въ изодранной женской кацавейкѣ, трусилъ сзади

него, то балансируя по тротуару, то соскальзывая на мостовую; всѣ усилія его были направлены на то, чтобы удержаться на тротуарѣ, и каждый разъ, когда непонятная сила сталкивала его на мостовую, онъ грустно заливался:

— „Ты зачѣмъ такъ бѣжишь торопливо"?..

— А вѣдь ты, землякъ, этакъ на смерть простудишься,— замѣтилъ ему Лукинъ, втайнѣ гордившійся своимъ умѣньемъ разговаривать съ простымъ народомъ.

— Баринъ... милый баринъ! Другъ!—воскликнулъ патетически пѣвецъ.—Прости, Христа ради: окончательно я потерялъ свою личность! Сроду родясь не пилъ, а тутъ закрутился... эхъ!..

— Какъ же это тебя угораздило, касатикъ?

— Баринъ! другъ ты мой любезный!—заговорилъ пьяный, уже совершенно разчувствовавшись.—Горе меня сломило... и-ихъ!

— А что такое, къ примѣру, попритчилось съ тобой?

— А-ахъ, сердце заливается!.. Да вотъ я тебѣ по душѣ... все, какъ есть... Я — мужикъ просторный, а только что ослабъ я...

Онъ взялъ Лукина подъ руку, утвердился на тротуарѣ и пошелъ рядомъ съ нимъ, тщетно стараясь попадать ему въ ногу.

— Сынъ у меня сварился—сейчасъ умереть!

— Какъ сварился? Что ты говоришь!

— Въ самоварѣ сварился,—съ мѣста не сойти! Былъ у меня Мишка... Нѣту у меня Мишки! Нѣту теперь Мишеньки,—ау, братъ!

— Чортъ знаетъ, что такое!—подумалъ Лукинъ. — Не допился ли онъ до чертиковъ?

Онъ всмотрѣлся искоса въ своего спутника, на губахъ котораго застыла пьяная улыбка, между тѣмъ какъ воспаленные, припухшіе глаза мигали съ самымъ плачевнымъ видомъ, а загрубѣвшее отъ холоду и точно насквозь промороженное лицо носило слѣды глубокихъ страданій...

— Сварился ангельская душка... царство ему небесное!— продолжалъ спутникъ, крестясь на виднѣвшуюся вдали верхушку колокольни.—Вышло за наши грѣхи попущеніе!

— Да что же вышло-то? Какъ это случилось?

— А такъ и случилось, господинъ ты мой благородный: не доглядѣли мы... За дитей, милый баринъ, глазъ нуженъ, а мы не углядѣли... подъ тѣмъ предлогомъ, что я—полотеръ... Полы я ходилъ натирать, а жена—на фабрику... тоже, стало быть, работала... И жили мы не какъ-нибудь, а по-людски. Прямо скажу: комнату снимали... чинъ чиномъ. У хорошихъ, именитыхъ людей полы натиралъ. Мы съ женой во какую

деньгу зашибали... и вдругъ... Ахъ ты, Боже мой,—откуда бѣда налетѣла! Прямо скажу,—извините за выраженіе: катастрофа съ нами случилась!

— Вотъ вы съ женой за деньгами погнались, а ребенка-то и проморгали... началъ укоризненно Лукинъ.

— Нѣтъ, стой,—баринъ: не въ ту жилу попалъ!—перебилъ его полотеръ съ одушевленіемъ.—Все это я испровергаю... Деньги,—песъ съ ними! А главная причина: старики у меня въ деревнѣ... Тамъ житье богатое: крупинка за крупинкой—извините за выраженіе—бѣгаетъ съ дубинкой... Позвольте васъ допросить: должонъ я али нѣтъ старикамъ на подати выслать? Такъ?—Два раза горѣли, хлѣбъ не уродился, питанія нѣтъ—откуда старикамъ взять? Правильно я говорю? Къ Свѣтлому празднику 25 серебромъ послалъ... какъ есть, новенькими бумажками: двѣ красныхъ и одну пятишницу... Понялъ?

— Понимаю.

— Нѣтъ, стой!.. На красной горкѣ сестру просватали:—и тутъ я, Семенъ Кудышкинъ!.. Такъ али нѣтъ?

— Такъ.

— Ну, значитъ, не перетаскивать стать... Стало быть, должны мы съ женой какъ ни на есть изворачиваться? Вотъ по этому самому мы съ ней такъ и остервенились на работу... Правильно я говорю? А ты объ деньгахъ!.. Мнѣ бы вотъ сейчасъ гривенникъ: Мишку помянуть.

— Какъ же вы Мишку-то проворонили?—спросилъ Лукинъ, не отозвавшись на замѣчаніе о гривенникѣ.

— Я тебѣ, баринъ, разскажу, какъ было все происхожденіе, а только мнѣ бы пятачокъ: погрѣться... Ты слушай только... Мы, стало быть, съ женой ушли на работу, бѣды своей не чуяли... Дите, значитъ, дѣвчонкѣ препоручили.—Дѣвчонку мы нанимали, рубль серебромъ этакой гнидѣ платили... А она—анаѳемская душа—гдѣ жъ ей? Извѣстное дѣло, дѣвчонка: гулянки у ей на умѣ... Мы уйдемъ, а она, стало быть, сейчасъ ширкъ на дворъ: бѣгаетъ, пострѣленокъ, забавляется. А вѣдь мы ей рубль серебромъ, соплѣ этакой... Мишутка-то пòползень былъ... Извѣстное дѣло,—несмысленочекъ... Онъ, значитъ, къ хозяйскому самовару и подползъ. Подползъ да и толкони его... Батюшки свѣты! Самоваръ-то на чурбашкѣ помѣщался: онъ и опрокинься... Прихожу я домой—Мать Пречистая!—а Мишка-то мой кончается... Какъ глянулъ я на него, вольный свѣтъ у меня выкатился изъ глазъ, руки-ноги оборвались... „Мишенька, безъ ножа ты меня зарѣзалъ!“ А сколько онъ муки-то принялъ, ангельская душка!.. Жена прибѣжала,—какъ закатится!.. Матерь Божія! Неутолимая печаль! Каково мнѣ на это смотрѣть-то? Повредилась

моя баба: ляпнется въ постель и лежитъ цѣльный день, никуда неподвижная, а со временемъ сдѣлалась и вовсе какъ умалишенная... Ахъ, баринъ ты мой превосходный,—вотъ какъ мнѣ подошло — ну! Потру-потру полъ, стану середи комнаты да какъ зареву!.. И такъ мнѣ подкатило, что либо руки на себя наложить, либо въ винѣ топиться... Ударился въ кабакъ, третью недѣлю кручу:—прощай, Семенъ Кудышкинъ! Прорвало плотину на цѣльную полтину! Пропадай все, коли Мишка пропалъ! Вѣ-ѣчная память, вѣ-ѣчная память!— дико заголосилъ Кудышкинъ, потомъ махнулъ отчаянно рукой и воскликнулъ:

— Баринъ ты мой превосходный, пойдемъ въ ресторацію!

— Будетъ ужъ! Еще свалишься гдѣ-нибудь пьяный,—замерзнешь. Тебя ноги и такъ плохо держатъ.

— Ни, ни! Мы, полотеры, на ногу крѣпки, а только вотъ палитъ, жжетъ въ нутрѣ: это, стало быть, червь во мнѣ обозначился... Я и выпилъ-то всего двѣ косушки. Извините меня, пьяницу: самъ себя я погасилъ. Вотъ я вамъ разсказалъ съ простору... все, какъ на духу, какое было мое происхожденіе... Баринъ, дай пятачокъ!

Онъ остановился, увидѣвъ нищенку, которая вела за руку крошечнаго ребенка; укутанный въ какія-то тряпки, малышъ едва передвигалъ ноги въ огромныхъ, стоптанныхъ башмакахъ,— хныкалъ отъ усталости и теръ глаза своимъ худенькимъ закоченѣвшимъ кулакомъ.

— Ужъ и какъ же мнѣ это не нравится!—воскликнулъ Кудышкинъ, когда нищенка въ раздраженіи дернула ребенка за руку.—Дитю заморозишь,—должна ты это понимать?.. Эхъ, сердце заливается!.. Простудишь! За дитей глазъ нуженъ... Былъ у меня Мишенка: умеръ, ангельская душка, сподобился!.. Мишенькой звали... И такъ мнѣ это имя по скусу пришлось: все „Мишенька“ да „Мишенька“. Придешь домой, а онъ на тебя глаза пучитъ... А теперь—тю-тю!.. Судьба-то его была маленькая... Закатилось наше солнышко красное!.. Эхъ, Мишка, Ми-ишка!!..

Онъ пошелъ съ нищенкой, толкуя ей на-ходу то про Мишку, то про косушку, и скоро до Лукина долетѣла опять издали „Вѣчная па-амять“, выводимая на самыхъ высокихъ нотахъ...

Встрѣча съ Кудышкинымъ сильно поколебала въ Лукинѣ то душевное равновѣсіе, въ которое онъ только что привелъ себя: опять забродили въ немъ тревожные, больные вопросы, опять начинала выростать передъ нимъ какая-то темная стѣна, передъ которой онъ смутно ощущалъ свое полнѣйшее безсиліе... Вмѣстѣ съ тѣмъ улица предстала передъ нимъ въ иномъ свѣтѣ,—какомъ-то зловѣщемъ и въ то же время загадочномъ.

Люди уже не мелькали передъ нимъ, какъ силуэты, а заставляли его инстинктивно вглядываться въ ихъ лица, на которыхъ онъ все хотѣлъ что-то прочесть, и вслушиваться въ ихъ разговоры съ такимъ вниманіемъ, какъ будто онъ лично заинтересованъ въ нихъ.

Вотъ изъ дверей полпивной съ шумомъ вытолкнули какого-то пропойцу, и онъ полетѣлъ на мостовую, испуская проклятія... Вотъ баба выбѣжала въ одномъ платкѣ изъ воротъ и, воя что есть мочи: „Караулъ, батюшки, караулъ!" пустилась по улицѣ... А вотъ у входа въ трактиръ—драка, собравшая толпу зрителей; невозможно разобрать, кто кого и за что бьетъ. Изъ толпы слышатся одобрительные возгласы: „Да ты по сусаламъ его, по сусаламъ!... Такъ, такъ!... Хорошенько!... Го-го, вотъ такъ хватилъ!"

— Разнимите ихъ: нашли потѣху!—сердито возвысилъ голосъ Лукинъ.

— Пущай ихъ!—былъ отвѣтъ.—А то иди, самъ разнимай.

— Влетитъ и на твой пай: не посмотрятъ, что баринъ!

— Угостятъ для праздника! За машинку да по черепахѣ!

Толпа захохотала. Лукинъ плюнулъ и отошелъ.

— Суется тоже,—вострый какой!—послышалось сзади...

Эхъ, шестьдесятъ пошлю въ деревню,
Двѣсти сорокъ на прогулъ!

выкрикивалъ, приплясывая подъ гармонію, ухарскій парень въ поддевкѣ, за которымъ слѣдовала партія фабричныхъ... Въ воздухѣ висѣла туча сквернословія. Сквозь двойныя рамы пивныхъ прорывались неистово-визгливые голоса женщинъ, поющихъ хоромъ непристойную пѣсню; а съ противоположной стороны улицы доносились звуки трактирной машины, игравшей „Березу".

Праздничное веселье было въ полномъ разгарѣ, и среди этого столпотворенія болѣзненнымъ диссонансомъ отдавались въ душѣ Лукина дѣтскіе вопли, которые неслись изъ воротъ огромнаго и темнаго лѣсного склада: слышно было, что ребенокъ плачетъ отъ обиды, отъ безсильной злости... „Городовой!!»—слышится раздирательный возгласъ, за которымъ слѣдуетъ звукъ полицейскаго свистка. «Жулика поймали!»—кричитъ кто-то... Толпа бѣжитъ по направленію свистка...

Около пивной стоятъ, обнявшись, два подростка изъ мастеровыхъ. У обоихъ испитыя, нетрезвыя лица, толстыя папироски въ зубахъ и картузы на затылкахъ.

— Пойдемъ, чортова кукла, выпьемъ! — говоритъ одинъ, сплевывая.

— Постой, дай прочухаться, — говоритъ другой, икая и тоже сплевывая.

— Ишь ты, дьяволъ, какой карактерный!

— Врешь, Васька,—я не ка.. ха..

— Есть у тебя, Митька, характеръ, — есть, чортова голова, есть!—укоризненно твердитъ первый.

— Опять-таки ты врешь! Меня, Васька, мутитъ маненько...

— Э, упрямый шутъ! Вѣдь пару пива только!

— Не!..

— Много въ тебѣ этого характера, Митька,—много!

— Послушайте, ребята, — обратился къ нимъ Лукинъ: — ежели вы съ такихъ лѣтъ начнете пьянствовать, вы скоро окочуритесь.

— Плевать!—презрительно произнесъ Васька, заламывая еще больше картузъ.

— Самъ-то, чай, — заливка порядочная, — пробормоталъ Митька, кивая на Лукина. — Всѣ пьютъ, и мы не въ полѣ обсѣвки. Чай, ноньче праздникъ.

— Мы съ Митькой, ежели съ продолженіемъ пить, цѣльный штофъ охолостимъ, опохмѣлиться не оставимъ!—хвастливо сказалъ Васька. — Мы—народъ мастеровой, питущій... Тятька пилъ и мамка заливала... Смотри, смотри, Митюха: цыганка стоитъ!

Посреди мостовой стояла длинная, костлявая старуха, съ смуглымъ, какъ у цыганки, лицомъ и, нагнувшись, рылась въ снѣгу.

— Чего это она тамъ роется?—спросилъ Лукинъ.

— Все денегъ ищетъ, старая вѣдьма,—отвѣчалъ Васька, молодецки сплевывая. — Деньги у ней о прошломъ годѣ уворовали,—вотъ она и свихнулась. Копила, копила денежки, христарадничала, христарадничала,—а у нея и подцапали. Вотъ такъ фунтъ!

— Рублевъ двѣсти, говорятъ, было,—замѣтилъ Митька.

— Пятьсотъ,—категорически заявилъ Васька.—Вотъ она теперича и шлендаетъ вездѣ, старая кочерыжка: деньги свои разыскиваетъ. На чужой дворъ залѣзетъ, а то и въ комнаты, и тамъ все обыщетъ; а то въ лавку взойдетъ да такъ прямо съ прилавка деньги и хапаетъ... Смѣхъ!.. Каждый день ее колошматятъ за это... Эй, Петровна, дай на косушечку!—крикнулъ онъ.

— Ну, зачѣмъ дразнить ее?—замѣтилъ Лукинъ.

— У тебя, Петровнушка, денегъ много!.. Гдѣ твои деньги?—продолжалъ Васька.—Петровна, не скупись!

— Замолчи ты!—крикнулъ на него Лукинъ.—Глупо!

— Ишь, какой умникъ нашелся!—проворчалъ Митька.

— Такая, братъ, голова: ни одна шапка на нее не лѣзетъ!—съострилъ Васька, отходя отъ Лукина и кивая на него пріятелю; потомъ опять обратился къ Петровнѣ:

— Петровна, а Петровна! Или ты деньги обронила? Давай, поищу!

— Убью!—закричала старуха, потрясая кулаками.

— Не убивай меня, Петровна: у меня дома жена молодая!

— Ха, ха, ха!—залился Митька.

— Дурачье!—обругалъ ихъ Лукинъ.

Старуха, бормоча себѣ подъ носъ, продолжала рыться въ снѣгу. Извощики кричали ей и, ругаясь, объѣзжали ее; наконецъ, одинъ изъ нихъ хлестнулъ ее по спинѣ кнутомъ, къ великому удовольствію Васьки съ Митькой. Старуха разразилась бранью; потомъ вдругъ растопырила руки и стала кричать ѣдущимъ навстрѣчу извощикамъ:

— Извощикъ, дави меня, старуху! дави меня, подлую!.. Я деньги потеряла... Дави меня!

— У-тю-тю!—кричали ей мальчишки, покатываясь со смѣху.

— Перестаньте дразнить ее!—останавливалъ ихъ Лукинъ.— Глупо и подло!

— Петровна, мы нашли твои деньги-то!—кричалъ Васька.

— Вотъ онѣ гдѣ... въ кулакѣ у меня!—кричалъ Митька.— Мы ужъ половину пропили.

— Цыганка! Полоумная! — Вотъ онѣ, деньги-то!—Васька, засвѣти ей хорошенько!

Въ старуху градомъ полетѣли комья снѣгу, щепки и всякій соръ...

— Городовой!..—гаркнулъ внѣ себя Лукинъ.

Мальчишки мгновенно скрылись въ пивной, а Лукину стало стыдно и досадно на себя: начинать выполненіе своей миссіи при помощи городового—такой починъ обѣщаетъ мало хорошаго!.. Васька и Митька, которымъ онъ за минуту готовъ былъ надавать пощечинъ, теперь казались ему несчастнѣе этой сумасшедшей Петровны. «Ихъ съ дѣтства дразнили и колошматили,—и они будутъ дразнить и колошматить; кругомъ нихъ пьютъ и безобразничаютъ,—и они будутъ пить и безобразничать, и обвинять ихъ нельзя, и наказывать не за что. Они ужъ въ самомъ началѣ жизни изуродованы,—и сами будутъ уродовать другихъ, и ничего тутъ не подѣлаешь, потому что тутъ просто какое-то дьявольское колесо вертится,— а тебѣ остается стоять и смотрѣть, какъ оно калѣчитъ людей!.. Но вѣдь это чортъ знаетъ какое отвратительное положеніе! Вотъ и изволь воздѣлывать какую-нибудь ничтожную полоску жизни, когда все такъ чертовски связано и переплетено между собой!.. Нѣтъ, *просто дѣлать* — это не такъ-то просто!»

Въ душѣ накоплялась муть; бодрость исчезала, уступая

мѣсто тяжелому недоумѣнію. Лукинъ, по его собственному выраженію, «раскрошился»... Въ такомъ состояніи онъ вошелъ въ ворота большого кирпичнаго дома, похожаго на фабрику. Тощая, облѣзлая собака, едва волоча цѣпь, вылѣзла изъ конуры и залилась сиплымъ лаемъ.

— Эхъ ты, несчастный песъ! — промолвилъ Лукинъ, настроенный очень меланхолично.

Оглядѣвшись, онъ увидалъ ходъ въ подвальный этажъ и спустился туда по небольшой каменной лѣстницѣ; тамъ онъ нащупалъ въ темнотѣ дверь, отворилъ ее и очутился въ вонючей кухнѣ, каменный полъ которой былъ покрытъ скользкой грязью и чѣмъ-то залитъ.

— Кто тамъ?—послышался окликъ.

— Я, отъ попечительства... Можно?

Кто-то зашлепалъ туфлями... При свѣтѣ, падавшемъ изъ-за перегородокъ справа и слѣва, Лукинъ увидалъ передъ собой круглое бритое лицо въ черепаховыхъ очкахъ, изъ-подъ которыхъ подозрительно смотрѣли безбровые, юркіе глаза.

— Я хозяинъ квартиры,—сказало лицо фистулой. — Что вамъ нужно?

Изъ противоположной двери высунулась голова женщины.

— Сюда пожалуйте, сюда—раздался нетерпѣливый голосъ.

— Шляются по вечерамъ!—сказала фистула, пропадая куда-то въ темноту...

Лукинъ вошелъ въ небольшую, страшно низкую комнату, оклеенную зеленоватыми обоями и пропитанную запахомъ чего-то прокисло-прѣлаго. На желѣзной печкѣ, стоявшей въ углу, сушилось дѣтское бѣлье. Крошечное, промерзлое окно безъ занавѣски, помѣщаясь подъ самымъ потолкомъ, придавало комнатѣ уродливый видъ. Лукину такъ и представлялась физіономія человѣка, закатившаго въ отчаяніи свой единственный глазъ,—и долго онъ потомъ, при взглядѣ на окно, не могъ отдѣлаться отъ этого страннаго и болѣзненнаго впечатлѣнія... Кромѣ окна, его поразила масса разнаго хлама, валявшагося повсюду: на полу, на подоконникѣ, на стульяхъ, на комодѣ; на постели лежала копромъ груда стараго платья, полуприкрытаго стеганнымъ ситцевымъ одѣяломъ. Около постели ползалъ на полу ребенокъ, путаясь ногами въ подстилкѣ; двое другихъ дѣтей постарше, мальчикъ и дѣвочка, копошились возлѣ печки...

Передъ Лукинымъ стояла маленькая, худенькая женщина, малокровная и истощенная на видъ, съ подвижнымъ, нерв-

нымъ лицомъ, на которомъ безпокойно бѣгали черные глаза, горѣвшіе лихорадочнымъ блескомъ и казавшіеся огромными.

— Садитесь, пожалуйста,—сказала она, судорожно схватывая со стула тряпье и спроваживая его подъ столъ.

— Вы нуждаетесь въ помощи?—спросилъ Лукинъ, садясь послѣ нѣкотораго колебанія на шаткій стулъ.

— Мы нуждаемся, только намъ никто не захочетъ помочь,—отвѣчала женщина тѣмъ звенящимъ голосомъ, въ которомъ слышится хроническое раздраженіе и надорванность:—всѣ слагаются на то, что у меня мужъ—слесарь, рабочій человѣкъ, зарабатываетъ двадцать рублей въ мѣсяцъ... Въ прошедшемъ году передъ праздникомъ была тутъ женщина отъ генеральши Носовой; какъ я сказала ей, что мужъ получаетъ двадцать, такъ она даже засмѣялась: «Вы, говоритъ, сами другимъ благодѣтельствовать можете»,—и слушать не стала. А того не хочетъ во вниманіе взять, что у насъ вотъ этихъ трое...

Она указала на дѣтей; потомъ, увидавъ, что маленькій сползъ съ подстилки, быстро схватила его, брякнула на подстилку и грозно прошептала:

— Сиди тутъ, не смѣй слѣзать... Отшлепаю!

— Вы посудите сами,—продолжала она, обращаясь къ Лукину и озабоченно слѣдя глазами то за маленькимъ, то за двумя другими:—двадцать рублей въ мѣсяцъ; изъ нихъ за комнату отдай семь рублей.

— Неужели за такой казематъ семь рублей?—удивился Лукинъ, кивая на закатившееся къ потолку окно.

— А вонъ еще за перегородкой: это тоже къ нашей квартирѣ относится. Тамъ у насъ женщина одна живетъ за полтора рубля въ мѣсяцъ... Ну, ужъ эта совсѣмъ голодаетъ! Скоро два мѣсяца, какъ ни копѣйки не платитъ... Не выгонять же ее на улицу въ такой морозъ: мысленно ли это? Собаку и ту жалко... А и содержать ее—для насъ дѣло совсѣмъ не посредственное: вѣдь она тоже съѣдаетъ нашъ вѣкъ... Хозяинъ-то — видѣли точеное лицо въ кухнѣ? — съ мертваго радъ содрать: пустилъ насъ за шесть рублей, а какъ зима пришла, рубль надбавилъ; а вѣдь дрова-то наши собственныя. Мысленно ли намъ переѣзжать зимой съ дѣтьми? Да еще не пускаютъ никуда съ этакой оравой: три раза изъ-за нихъ съѣзжали.

— Не хотите жить, съѣзжайте,—послышалась вдругъ хозяйская фистула.—Плакать не будемъ, Анна Захаровна, не будемъ. Отъ вашей семьи только одно безпокойство жильцамъ.

— Подслушиваетъ—жидоморъ!—прошептала Анна Захаровна. — Вы не повѣрите: мы у него всѣ перезаложились,—закладчикъ вѣдь онъ. Сколько однихъ процентовъ ему пере-

платили, сколько нашихъ вещей за нимъ пропало! А ужъ онъ, коли накинетъ петлю, — и давитъ, и давитъ до послѣдняго издыханія. Скоро въ конецъ затянемся. Ты куда полѣзла негодная,—куда?—закричала она, надѣляя шлепками дѣвочку, которая запустила руки въ печку. — Ахъ ты, мука мученическая! Не смѣй ревѣть,—не смѣй, не смѣй, не смѣй!

— Ну, что вы ихъ бьете!—вступился Лукинъ, смотря съ грустью на этихъ копошащихся въ полумракѣ дѣтей:—они у васъ и безъ того, кажется, хилыя.

— Терпѣнія моего не хватаетъ съ ними!—крикнула Анна Захаровна, оставляя дѣвочку, тихонько хныкавшую въ углу.— Какъ ночь-то не поспишь вотъ съ этимъ золотомъ (она указала на маленькаго), блажной вѣдь онъ,—все животомъ болѣетъ!—а день-деньской сражаешься: то въ лавочкѣ, то вотъ здѣсь (она мотнула головой въ сторону хозяина), то въ кухнѣ—кухня-то для всѣхъ общая...—да недостатки во всемъ... да вотъ съ квартиры гонятъ... да сердце обо всѣхъ ихъ сто разъ на дню переболѣетъ,—такъ хуже пса цѣпного сдѣлаешься! А тутъ мужъ еще слегъ... Вотъ такъ и дрожишь, такъ и ждешь, что все прахомъ разсыплется... Ночью проснешься да все думаешь: «Господи, что-то будетъ?!» Сердце-то въ отдѣлку исполосуется за ночь!

Она порывисто обдернула на маленькомъ рубашку, утерла ему носъ, поправила подстилку; потомъ взяла съ полки ломоть хлѣба, сдунула съ него таракана, разломила хлѣбъ и сунула старшимъ по куску.

— Хилыя они у меня, дрянныя: сама вижу, — говорила Анна Захаровна, судорожно гладя по головѣ дѣвочку, между тѣмъ какъ мальчикъ наблюдалъ съ завистью изподлобья, какой большой кусокъ достался сестрѣ. — Мнѣ вѣдь и больно смотрѣть на нихъ, заморышей, — да раскипится сердце, ничѣмъ его не уймешь... А они потомъ будутъ про меня говорить: «Мать-то у насъ была злющая, обидчивая, не жалѣла насъ!»

— Они, должно быть, у васъ все дома сидятъ: это нехорошо,—замѣтилъ Лукинъ, нюхая воздухъ.

— Куда жъ ихъ пустишь?—возразила Анна Захаровна съ внезапно вернувшимся раздраженіемъ.—Выгонишь на дворъ,— они снѣгу наѣдятся или на улицу выбѣгутъ да подъ лошадь попадутъ. Мнѣ съ ними гулять некогда: обшить ихъ—и то не успѣваешь. А жилица наша сама хуже малаго ребенка... отъ нужды, что ли, ошалѣла?.. По видимости, такъ.

— Воздухъ у васъ скверный. Надо бы почаще освѣжать,— сказалъ Лукинъ, тщетно отыскивая глазами вентиляцію и бросая брезгливый взглядъ на уродливое окно.

— Мы тепло бережемъ: дрова-то нынче кусаются.

Лукинъ не нашелъ, что сказать на это, и только мысленно

прикинулъ, по скольку кубическихъ... вершковъ воздуху приходится здѣсь на человѣка?

— Намъ никто не поможетъ!—звенѣлъ между тѣмъ раздраженный голосъ Анны Захаровны.—Всѣ твердятъ въ одинъ голосъ: двадцать рублей, двадцать рублей! Смотрятъ по видимости, а того не подумаютъ, что вотъ за комнату 7 рублей... да протопить зимой 3 рубля въ мѣсяцъ... (недаромъ на засѣданіи такъ много говорили о дровахъ,—подумалъ Лукинъ). Десять остается на все, про все: въ этомъ числѣ ѣда на пятерыхъ... да самимъ одѣться, да дѣтей одѣть,—приходится, какъ говорится, кули на угли перегонять... Да болѣютъ то одинъ, то другой... А то вотъ этотъ родился,—расходъ; да я болѣла, опять расходъ... Да весной вотъ дѣвочку похоронили... да переборка съ квартиры на квартиру... Посчитайте-ка!.. Я, когда въ дѣвушкахъ была, 2 рубля на хозяйскихъ харчахъ получала,—такъ я нужды-то въ глаза не видѣла, а теперь вотъ узнала, въ чемъ она ходитъ... Вы думаете, мнѣ сколько лѣтъ?

Лукинъ посмотрѣлъ на нее и хотѣлъ сказаль: „тридцать пять", но постѣснился и сказалъ:

— Тридцать, я думаю?

— А мнѣ только двадцать четвертый,—объявила съ какимъ-то злорадствомъ Анна Захаровна.—Да ужъ я не гонюсь за тѣмъ, что вся изсохла, какъ кошка драная стала... А главная причина: какъ ни бьешься, чтобы получше было,—а оно все хуже да хуже... Повѣрите ли слову: я ужъ забыла, какъ это у людей сердце на мѣстѣ бываетъ! Я ужъ рада радехонька, что хоть дѣвчонка-то умерла, развязала немножко... Оно и лучше: съ глазъ долой,—изъ сердца вонъ!

— Анна!—послышался съ постели изъ-подъ вороха платья глухой голосъ.—Замолчишь ли ты?.. Будетъ тебѣ душу-то выматывать!

— Это мужъ,—пояснила Анна Захаровна, притихнувъ:— боленъ онъ у меня.

Изъ-подъ одѣяла высунулось худое, старообразное лицо съ прилипшими на лбу жидкими волосами и мрачными сѣрыми глазами въ глубокихъ впадинахъ.

— Чѣмъ вы больны?—спросилъ Лукинъ, испытывая странную радость при мысли, что здѣсь нужна медицинская помощь.

Больной хотѣлъ отвѣтить, но закашлялся и уткнулся головой въ подушку.

— Вторую недѣлю лежитъ,—отвѣчала за него жена:— все перемогался, а теперь слегъ... Настоящей силы-то у него никогда не было, а работа тяжелая... онъ на заводѣ работаетъ... Мы къ нуждѣ-то какъ ни какъ притерлись, а вотъ

эта болѣзнь очень насъ подрѣзала... Въ жаръ его бросаетъ, да кашель бьетъ.

— Ужь больно много вы на него навалили: дышать трудно,—замѣтилъ Лукинъ.

— Да все думаю: авось, хворь-то пòтомъ выдетъ?

— Доктору не показывали его?

— Ходилъ онъ въ лѣчебницу... Эго еще лѣтомъ... Да говорятъ-то все для насъ не подходячее: въ деревню, говорятъ, на вольный воздухъ, да чтобы не работать, да чтобы пищу хорошую... Гдѣ жъ намъ? Мысленно ли это для насъ?

— Черти... право черти!—отозвался изъ-подъ одѣяла больной.—И такъ жрать нечего...

— Дайте-ка, я выслушаю васъ: я вѣдь медикъ.

— Ну, что жъ... извольте,—уныло согласился больной.

Лукинъ выслушалъ его и нашелъ сильное пораженіе легкихъ.

— У него внутри что-нибудь?—спросила Анна Захаровна.

— Да, есть порча... Въ деревню-то хорошо бы.

— У него есть братъ въ деревнѣ! Къ брату бы можно. Да живетъ онъ очень бѣдно! изба курная, семья большая... тѣсно, грязно, безпокойно...

— Что зря говорить-то?—заволновался больной. „Въ деревню"! А работать кто будетъ? съ ребятами куда дѣнешься?.. Я думалъ, они что путное скажутъ!—проворчалъ онъ, повертываясь лицомъ къ стѣнѣ.

— Ему бы отдохнуть, да поди тутъ: боится работу потерять,—говорила Анна Захаровна, замѣтно упавшая духомъ отъ словъ Лукина.—Намедни не вытерпѣлъ: „Пойду да пойду на работу"...—пошелъ да и свалился на дворѣ... Ужь лежалъ бы покойно, не впускалъ бы волненія въ голову, а то онъ отъ сумнѣнья еще пуще разстраивается.

— „Покойно"!—проворчалъ черезъ силу больной.—Дура ты... право дура!.. Она у меня подъ носомъ бьется, изводится,—а я лежи тутъ, какъ шельма какая! Ѣсть захочешь, такъ и на небо вскочишь... Пострѣлята-то эти вѣчно передъ глазами: они вѣдь безперечь жрать просятъ! Отъ нихъ вѣдь ни крестомъ, ни пестомъ!..

— Ахъ ты, жизнь каторжная!—воскликнула съ отчаяніемъ Анна Захаровна.—Вотъ ужъ можно сказать: подъ кѣмъ ледъ трещитъ, а подъ нами ломится!.. Кажется, со сластью померла бы!

— Вы не просили у хозяевъ завода пособія?—нерѣшительно спросилъ Лукинъ.—Ему бы надо серьезно полѣчиться.

— Ходила, просила... Дождешься отъ нихъ!

— Черти... право, черти!—промычалъ больной.—Одинадцать лѣтъ работалъ на нихъ, дьяволовъ... здоровье свое посѣялъ... Хоть околѣвай передъ ними!

Онъ въ волненіи приподнялся и началъ выкрикивать:

— Вѣдь отработаю!.. За мной не пропадетъ... Вздохнуть-то дайте!.. Дѣтей-то малыхъ пожалѣйте, идолы!..

Онъ схватился за грудь и весь затрясся отъ кашля...

— Ну, теперь пойдетъ!—сказала Анна Захаровна, безнадежно махнувъ рукой.

Больной, согнувшись на постели и охая, кашлялъ на весь домъ: казалось, что онъ вотъ-вотъ сейчасъ задохнется...

— Опять заперхалъ!—пробрюзжалъ за стѣной старческій голосъ.

Ребенокъ, напуганный страшнымъ припадкомъ кашля и волненіемъ матери, принялся плакать.

— Ты-то хоть замолчи!—крикнула на него Анна Захаровна.—Прибью!.. Молчи!.. Молчи же!—повторяла она, тормоша ребенка, отчего тотъ залился сильнѣе прежняго.

— Что же это, хозяинъ? Покою никакого нѣтъ!—продребезжалъ тотъ же голосъ.—У меня съ ними печень разольется!

— Вы, Анна Захаровна, съѣзжайте лучше отъ меня,—замѣтилъ хозяинъ, появляясь въ дверяхъ.—Ну васъ совсѣмъ!.. Надоѣли!.. У меня черезъ васъ хорошіе жильцы не живутъ.

— Да что же, у васъ жалости-то къ человѣку нѣтъ!—крикнула Анна Захаровна, всплеснувъ руками.

— Помретъ онъ,—еще возись съ вами!—проворчалъ хозяинъ.—Да я нипочемъ не возьму держать у себя такихъ жильцовъ.

— Больные должны лежать въ больницѣ, а не безпокоить добрыхъ людей,—сказалъ, выступая изъ-за спины хозяина, желчный старичокъ съ отвислой губой и огромнымъ кадыкомъ.—По ночамъ спать не даете, да и днемъ отъ васъ покою нѣтъ... Хоть бы умиралъ поскорѣе!—прибавилъ онъ, отходя отъ двери.

— Самъ умри ты, холера!—закричала, окончательно выйдя изъ себя, Анна Захаровна.—Погоди: скрючитъ тебя болѣзнь, такъ тебѣ никто воды не подастъ за твою аспидность!

— Молчать!

— Нахапалъ на службѣ да и куражится надъ бѣдными людьми!.. Самъ на ладонъ дышетъ, а другихъ умирать посылаетъ... Грыжа старая!

— Хозяинъ, усмирите эту скандалистку!—прошипѣлъ старичокъ.

— А вотъ я ихъ завтра же выгоню и съ потрохами вмѣстѣ!—грозилъ хозянъ.—Ишь ты, раскозырялась! Какая важная птица:—на столикѣ ноль!.. Вонъ убирайтесь!.. У насъ это живо дѣлается: за шиворотъ да и алле марширъ по затылку!.. Ахъ вы, ничтожное ничтожество! Ужъ молчали бы, коли Богъ убилъ!

— Черти!—прохрипѣлъ больной, опрокидываясь въ изнеможеніи на подушку.—Анна, не связывайся съ ними... Умру я,—заѣдятъ они тебя!

Анна Захаровна, со слезами негодованія на глазахъ, взяла на руки всхлипывающаго ребенка и машинально укачивала его; старшія дѣти пришипились въ уголкѣ, какъ испуганныя мыши, и, прижавшись другъ къ другу, смотрѣли исподлобья то на отца, то на мать... Лукинъ, разстроенный, поспѣшилъ выйти...

— Господинъ, господинъ!—окликнулъ его беззвучный женскій голосъ, едва онъ переступилъ порогъ.

Кто-то, видимо поджидавшій этого момента, схватилъ Лукина за рукавъ и потянулъ за собой...

— Я съемщица ихняя,—пояснила женщина, приводя Лукина за перегородку.—У Анны Захаровны снимаю... Хоть бы онъ пожилъ, мужъ-то ея,—а то мнѣ некуда. Только она это вамъ неправду сказала: онъ получалъ не двадцать, а всѣ двадцать пять. А я вотъ ныньче и не ѣла. Хотѣла подушку заложить, да жалко... А фамилія моя—Зеленская.

Лукинъ растерянно смотрѣлъ на нее, не понимая хорошенько, о чемъ она говоритъ. Передъ нимъ была женщина еврейскаго типа и неопредѣленныхъ лѣтъ; цвѣтъ лица—землистый, глаза и губы точно выцвѣтшіе, руки красныя, растрескавшіяся; во всей фигурѣ ея застыло выраженіе какого-то безсмысленнаго испуга и вмѣстѣ апатіи; взглядъ — неизмѣнно тупой, покорный и какъ будто недоумѣвающій; движенія—безцѣльно суетливыя и какія-то недоконченныя: подниметъ руку, чтобы сдѣлать жестъ,—и опять опуститъ ее, захочетъ стряхнуть соръ со стола—и стряхнетъ только съ самаго краешка, присядетъ на койку—и сейчасъ же вскочитъ, засуетится по комнатѣ, а потомъ остановится, точно въ столбнякѣ. На разспросы Лукина, она, запинаясь и съ трудомъ подыскивая слова, разсказала свою исторію. Она—родомъ изъ Одессы; двѣнадцать лѣтъ тому назадъ пріѣхала съ мужемъ въ Москву, гдѣ онъ получилъ мѣсто регента въ пѣвческомъ хорѣ; вотъ уже четыре года, какъ мужъ умеръ, оставивъ ей небольшія деньги. Первое время она жила на нихъ, потомъ стала закладывать и продавать вещи, потомъ два раза пробовала служить въ нянькахъ, одинъ разъ нанималась въ кухарки, а въ настоящее время не имѣетъ никакого заработка, никакихъ средствъ (и даже простой насущности нѣтъ), ни родныхъ, ни знакомыхъ (и были прежде знакмые, да брезговать стали).

— Какъ же вы живете?

— Какъ?

Зеленская съ недоумѣніемъ развела руками.

— Такъ. Выпрошу у кого-нибудь себѣ на насущность. Анна Захаровна дастъ поѣсть... Да вотъ еще у меня одна старуха уголъ снимаетъ: она по міру ходитъ...

— Да гдѣ же тутъ вдвоемъ жить?—удивился Лукинъ, мѣряя глазомъ помѣщеніе Зеленской.

— Ничего: вѣдь она—старуха.

Лукинъ на это объясненіе только поднялъ брови.

— Какую же работу вы можете исполнять?

Зеленская опять безпомощно развела руками, попробовала улыбнуться, но улыбки не вышло.

— Тяжелую какую—не могу... Въ няньки нанималась, не держатъ... Нѣтъ, не могу. У меня ноги очень простужены,—прибавила она.

— Все таки умѣете же вы что-нибудь дѣлать?

Вмѣсто отвѣта Зеленская поднесла огарокъ къ висѣвшей на стѣнѣ фотографической карточкѣ и сказала съ неопредѣленной улыбкой:

— Вотъ она, я-то...

Лукинъ взглянулъ на карточку: красивая, полная женщина, въ модномъ платьѣ, въ залихватской шляпкѣ съ перомъ, томно опирается рукой на плечо сидящаго рядомъ съ ней усатаго господина, который держитъ на колѣняхъ крошечную, прехорошенькую дѣвочку, одѣтую картинкой...

— Неужели это вы?—усумнился Лукинъ.

— Понятно, я... А это—мужъ мой съ дочерью... мы хорошо жили... Мужъ ничѣмъ меня не утруждалъ... Три комнаты снимали... кухня отдѣльно... передняя—тоже... Понятно, я была избалована въ своихъ вкусахъ: черезъ улицу на извощикѣ ѣздила... подъ атласнымъ одѣяломъ спала... Лѣтомъ понятно, жили на дачѣ... Дочь у насъ скарлатиной умерла,—прибавила она тѣмъ же тономъ.

— Можетъ быть, вы шить умѣете?—спросилъ Лукинъ.

— Понятно, шью... да только не очень хорошо,—глаза-то у меня ужъ...

— Или переписку? Вы писать умѣете?

— Умѣю... Только нѣтъ, я не могу этого, отвыкла... Нѣтъ, не могу... Руки-то у меня...

Она опять попробовала усмѣхнуться, и опять улыбки не вышло... Лукинъ пожалъ плечами и молча смотрѣлъ на нее, не зная, о чемъ бы еще спросить.

— Ей хорошо,—говорила своимъ беззвучнымъ голосомъ Зеленская, кивая на перегородку и разумѣя Анну Захаровну:—у нея мужъ, дѣти, а я одна. У меня никого нѣтъ... Вотъ ужъ сколько лѣтъ одна, безпріютная, безкровная...

Не дождавшись отъ Лукина отвѣта, она продолжала тѣмъ же апатичнымъ тономъ:

— Я вѣдь, когда у мамаши жила, по-французскому, по-нѣмецкому училась. Понятно, и на фортепьянахъ... Теперь позабыла.

— Да кто ваши родители были?

— Папаши я не помню, а мамаша была дочь благородныхъ родителей.

— Она чѣмъ же занималась?

— Она тоже потомъ замужемъ была. Ужъ ее давно въ живыхъ нѣтъ... А только она—благородная.

Лукинъ смотрѣлъ на нее и видѣлъ передъ собой что-то до такой степени убогое, безжизненное, никому не нужное и ни на что не пригодное, что у него положительно опускались руки. Онъ даже не могъ опредѣлить, какое чувство возбуждаетъ въ немъ эта женщина: то ему казалось, что передъ нимъ—несчастнѣйшее существо въ мірѣ, то вдругъ онъ переставалъ видѣть въ ней живого человѣка, котораго можно понимать и жалѣть; ему, молодому, полному силъ, было дико и жутко видѣть рядомъ съ собой такое олицетвореніе апатіи, безпомощности и полнаго ничтожества. «Хоть бы она плакала, ругалась или цѣплялась за что нибудь»!—думалъ Лукинъ. Чего она хочетъ? На что или на кого надѣется? Зачѣмъ она позвала меня къ себѣ?..

— Значитъ, вы такъ-таки ничего не умѣете дѣлать? — спросилъ онъ.

Зеленская испуганно заморгала и начала въ смущеніи потирать свои красныя руки.

— Ахъ, нѣтъ... умѣю!—вдругъ вспомнила она и выразила нѣкоторое оживленіе.

— Я прежде восковые цвѣты дѣлала... Это еще при мужѣ... У меня хорошо выходило.

Она начала разсказывать что-то о цвѣтахъ. Лукину непріятно было слушать ея безсвязныя рѣчи; онъ вынулъ записную книжку и сталъ вписывать туда собранныя свѣдѣнія, вяло водя карандашомъ по бумагѣ и испытывая такое чувство, будто онъ кого-то собирается обмануть. За перегородкой покашливалъ слесарь; Анна Захаровна разговаривала съ кѣмъ-то въ кухнѣ.

— Ну что?—слышался ея голосъ.—Нашли дочь-то?

— Всю окружность обѣгала: нигдѣ нѣтъ!—отвѣчалъ другой, слезливый и ноющій

— Куда же она дѣвалась?

— Утромъ утренскимъ еще ушла, какъ въ воду канула.

— Скажите!.. ай, ай!.. То-то они спозаранку нынче все мимо оконъ ходили... шатуны-то. Я своими глазами видѣла.

— Что жъ это, батюшки мои! Убить ее мало за это!.. Жила, жила, ни на какія хитрости не пускалась,—а теперь вдругъ... Мучительница она моя!

— Вы бы съ ней построже поговорили, вогнали бы ее въ настоящее понятіе.

— Ужъ чего жъ еще? Вчерась цѣльный день пилила ее, сама вся разстроилась. Разговоръ-то у насъ съ ней—смертный: начнемъ говорить, такъ другъ дружку за сердце и задѣваемъ... Истиранила она меня?

Послышались всхлипыванія...

— За дочь опасается,—промямлила Зеленская.—Жилица тутъ съ дочерью живетъ... швея... Все боится, какъ бы дочь гулять не начала: вотъ ныньче съ утра пропала, Варька-то. Понятно, праздникъ.

У Лукина начинала разбаливаться голова. Онъ торопился кончить свои записи, чтобы вырваться поскорѣй изъ этой промозглой конуры, которая представлялась ему склепомъ, гдѣ заживо погребены люди,—вырваться на свободу, на свѣжій зимній воздухъ.

— А вотъ я вамъ хочу сказать одну критику про нее... начала было Зеленская.

— Зачѣмъ вы все это пишете, хотѣлъ бы я знать?—раздался басистый голосъ.

Лукинъ поднялъ голову. На порогѣ отворенной двери стоялъ лысый, обрюзгшій господинъ, съ багровымъ лицомъ и спускающимися книзу длинными усами; на немъ было истрепанное лѣтнее пальто, сквозь которое просвѣчивала голая, волосатая грудь.

— Имѣю честь представиться: Леонидъ Смысловъ, прапорщикъ въ отставкѣ,—произнесъ онъ, расшаркиваясь.

— Очень пріятно... Что же вамъ угодно?—спросилъ Лукинъ, выходя къ нему за дверь.

— Вы тутъ, смотрю я, записываете всѣхъ, — запишите ужъ и меня, грѣшнаго,—отвѣчалъ Смысловъ, обдавая Лукина запахомъ полугара.

— Вы хотите прибѣгнуть къ помощи попечительства?

— Да, я хочу прибѣгнуть, — пробасилъ Смысловъ явно насмѣшливымъ тономъ. — Зайдите въ мою берлогу и воззрите... Покорнѣйше прошу.

И, онъ выпятя по военному грудь и топорща плечи, пошелъ впередъ, жестомъ пригласивъ Лукина слѣдовать за собой. Проходя за нимъ черезъ кухню, Лукинъ увидѣлъ женщину, все продолжавшую шептаться съ Анной Захаровной. При взглядѣ на ея не по лѣтамъ согбенную фигуру, трясущуюся голову и матово-блѣдное лицо, въ которомъ какъ будто разъ навсегда отпечатались испугъ и безсильное раздраже-

ніе, Лукину такъ и хотѣлось воскликнуть: «Тошно жить на свѣтѣ, господа!».

— Напрасно, Анисья, ты плачешь и стонешь
И вѣрнаго друга на помощь зовешь!—

продекламировалъ Смысловъ, обращаясь къ согбенной женщинѣ: — Варька-то твоя поумнѣе насъ съ тобой будетъ... Прошу покорнѣйше!—прибавилъ онъ, отворяя передъ Лукинымъ дверь.

Помѣщеніе Смыслова, дѣйствительно, напоминало берлогу, до такой степени пусто, грязно и неуютно было въ ней. Лампа съ закоптѣлымъ стекломъ тускло освѣщала углы, сплошь затканные паутиной; на столѣ валялись какіе-то оглодки; на полу былъ брошенъ тощій тюфякъ, очевидно, служившій для хозяина постелью.

— Брысь, подлая!—крикнулъ Смысловъ на мышенка, распоряжавшагося на столѣ, затѣмъ подвинулъ Лукину табуретъ, а самъ усѣлся на тюфякѣ, обхвативъ руками колѣнки.

— Вы, очевидно, нуждаетесь въ помощи?—сказалъ Лукинъ, вынимая записную книжку.

— И весьма!—отвѣтилъ Смысловъ, бросивъ насмѣшливый взглядъ на книжку.

— Вы занимаетесь чѣмъ-нибудь?—Какія ваши занятія?

— А вотъ, за неимѣніемъ другихъ, пью водку.

Смысловъ кивнулъ въ уголъ, гдѣ стояла баттарея пустыхъ бутылокъ.

— Ну, знаете, это занятіе не особенно почтенное,—усмѣхнулся Лукинъ.

— А вотъ помогите мнѣ не пить.

— Едва-ли вамъ кто-нибудь поможетъ въ этомъ. Вы отчего же этакъ... ужь слишкомъ запиваете? Съ горя, что ли?

— Нѣтъ, отъ слабости... отъ неблагоразумія своего.

Лукинъ пожалъ плечами. Смысловъ саркастически глядѣлъ на него своими большими, мутными глазами, въ глубинѣ которыхъ тлѣлся какой-то огонекъ.

— Не благоразуменъ я—вотъ, въ чемъ моя бѣда: она-то и заставляетъ меня пить... Дали бы вы мнѣ маленькую субсидію на этотъ предметъ!

— Вы, кажется, шутите?

— Отнюдь нѣтъ!.. Отчего жъ бы вамъ не облегчить жизнь благороднаго человѣка, терзаемаго въ когтяхъ неумолимаго рока? До послѣдняго времени меня родственнички субсидировали, а теперь—чортъ ихъ дери—на дыбы встали: требуютъ отъ меня, чтобы я склонялъ добродѣтель по всѣмъ падежамъ. А къ лицу ли мнѣ это?

— Ну, если вы намѣреваетесь продолжать въ томъ же

духѣ, какъ теперь, сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь захотѣлъ поддерживать васъ въ этомъ направленіи,—замѣтилъ Лукинъ.

— Очень жаль, очень жаль... А я думалъ, что вы—человѣкъ безъ предразсудковъ.

— Причемъ тутъ предразсудки?

— А вотъ насчетъ направленій-то... Чѣмъ мое направленіе хуже другихъ? Вотъ хоть бы взять этого слесаря, котораго вы изволили выслушивать: чѣмъ я хуже его?

— Гм!.. усмѣхнулся Лукинъ.—Да прежде всего онъ работаетъ, а вы—нѣтъ.

— Работать для того, чтобы эти заводчики—чортъ ихъ дери—набивали свои карманы? Вѣдь для этого надо олухомъ быть! Значитъ, весь его преферансъ передо мной въ томъ, что онъ—олухъ.

— Онъ трудится, чтобы кормить дѣтей: не забывайте этого!—возразилъ Лукинъ, начиная сердиться.

— Ха, ха!—засмѣялся саркастически Смысловъ.—Большая, подумаешь, заслуга — наплодить нищихъ! Кому нужны эти дѣти? Куда и зачѣмъ претъ вся эта голодная уйма, вся эта алчущая саранча? Чего ради они живутъ и изъ-за чего бьются всю жизнь со скрежетомъ зубовнымъ? Чтобы составить капиталъ какому-нибудь—чортъ его дери—кулаку? Или для того, чтобы наполнить собой остроги, наводнить Хитровъ рынокъ, дохнуть вотъ въ такихъ берлогахъ, какъ моя?. «Работаетъ, семью кормитъ!» Народилъ, чортъ его дери, дѣтей... гнилыхъ, чахлыхъ... посадилъ ихъ въ сырой подвалъ да и кормитъ впроголодь! Нечего сказать, большое онъ имъ одолженіе сдѣлалъ, произведя ихъ на свѣтъ! Премію ему за это отъ попечительства! Ну, на кой шутъ вы записали его въ свою книжку? Что вы съ нимъ будете дѣлать? Отправите его на островъ Мадеру лѣчить чахотку? А то вотъ тоже хорошо бы на Сандвичевы острова — чортъ ихъ дери и съ Мадерой-то вмѣстѣ!

— У него пока еще нѣтъ чахотки.

— «Пока!» Благодарю васъ!.. Утѣшили вы меня этимъ,— весьма, весьма утѣшили!

И онъ насмѣшливо потрясъ Лукину руку, отчего тотъ брезгливо сморщился.

— И что вамъ за охота рѣшетомъ воду носить? — воскликнулъ Смысловъ.—Тутъ, почтеннѣйшій, все спеціально приготовлено для чахотки: дьявольскій трудъ, мерзкая квартира, голодное брюхо, заботы, непріятности,—а вы микстурки пропишете? Сами себя надуваете, почтеннѣйшій: къ пустому мѣсту заплатки приставляете! Эхъ, вы!

Смысловъ вытащилъ изъ-подъ тюфяка бутылку:

— Перцовку пьете?

— Нѣтъ.

— Ну, а я пью и одобряю. Это будетъ получше вашей микстурки.

Онъ забулькалъ изъ горлышка...

— Я вотъ, по крайней мѣрѣ, выпилъ — и доволенъ... и никого не обидѣлъ,—сказалъ Смысловъ, беря со стола кусочекъ хлѣба и нюхая его, — а эта ваша голодная саранча сдуру надрывается всю жизнь, неизвѣстно зачѣмъ, да на людей тоску наводитъ. Злитъ меня хваленый слесарь: кашляетъ—чортъ его дери—стонетъ, ноетъ,—а умирать не хочетъ! Все равно, скоро протянетъ ноги... если вы его не отправите на Мадеру. Жена съ дѣтьми будутъ ходить по міру, голодать, мерзнуть,—а всетаки умирать не захотятъ!.. Потомъ проворуются, попадутъ на скамью подсудимыхъ, будутъ кочевать изъ острога въ острогъ,—а всетаки, чортъ ихъ дери, не перестанутъ держаться за жизнь! Вѣдь этакая возмутительная живучесть! Въ ней-то и сидитъ главное проклятіе человѣка! Жалокъ мнѣ подлецъ-человѣкъ, чувствую это всѣми фибрами своей поганой душонки!

— Однако какой вы отчаянный пессимистъ, — замѣтилъ Лукинъ, начиная съ какимъ-то тревожнымъ любопытствомъ всматриваться въ обрюзгшее лицо Смыслова, на которомъ рѣзко отпечатлѣлись и грубыя страсти, и живой пытливый умъ, уже сильно помутившійся отъ пьянства. Лукину почему-то казалось, что этотъ человѣкъ одинаково способенъ по натурѣ и на преступленіе, и на подвиги... Онъ его и отталкивалъ, и въ то же время интересовалъ. Въ немъ была удивительная смѣсь слабости и силы, цинизма и горечи, искренности и шутовства. Въ его рѣчахъ, отдающихъ пьянымъ азартомъ, Лукинъ, утомленный апатичнымъ бормотаньемъ Зеленской, чувствовалъ присутствіе какой-то своеобразной жизни,—уродливой, возмутительной, но вмѣстѣ съ тѣмъ горѣвшей какимъ-то зловѣщимъ огнемъ, и Лукину чудилось, что жизнь эта пылала когда-то въ Леонидѣ Смысловѣ яркимъ пламенемъ, которое, не находя исхода, пожирало его, перегорало внутри, а потомъ тлѣло гдѣ-то въ глубинѣ души, разрѣшаясь угаромъ и копотью...

— Или вотъ то же сокровище: Зеленская!—продолжалъ Смысловъ, пропустивъ мимо ушей замѣчаніе Лукина.—Вы вѣдь и ее изволили записать?.. Ну съ, куда же вы съ ней дѣнетесь? Какую работу, какую роль въ жизни вы придумаете для нея? Кому на шею вы ее посадите? Теперь она сидитъ на слесарской шеѣ... Пробовала дѣлать фуражировки по бульварамъ, но и тутъ не выгорѣло: стара и скверна!.. Теперь позвольте васъ спросить: зачѣмъ живутъ на свѣтѣ эти минусъ-единицы, эти бездомовныя собаки? И на кой чортъ под-

держивать ихъ существованіе?.. Такихъ субъектовъ, какъ вашъ покорнѣйшій слуга съ Зеленской, надо топить, рѣзать, уничтожать,—вотъ это было бы логично!

— Но вы, однако, живете и хотите жить?

— Нѣтъ съ, слуга покорный! Я хочу пить, а до жизни мнѣ, чортъ ее дери, заботы мало. Я живу потому, что на свѣтѣ есть водка, въ которой и топлю себя—медленно, но вѣрно. Будь вы безъ предразсудковъ человѣкъ, вы бы, вмѣсто того, чтобы записывать Зеленскую въ свою книжечку, посовѣтовали ей по-братски: «Поди, душа моя, повѣсься!» Ну съ, а попечительство назначитъ ей, по всѣмъ вѣроятіямъ, полтину въ мѣсяцъ... Вѣдь всѣмъ вамъ нужно одно только,—самихъ себя по губамъ помазать: все какъ будто дѣло сдѣлано! Вы ей—полтину, она вамъ—«мерси»... и разчудесно право!

— Вы мало знакомы съ дѣятельностью попечительства,—возразилъ Лукинъ:—это—далеко не та пошлая филантропія, которая...

— А вы прейсъ-курантъ въ маслѣ ѣли?—перебилъ его Смысловъ язвительнымъ тономъ.

— Къ чему это?

— Навѣрно, не пробовали, но тѣмъ не менѣе знаете, что это не вкусно. Вотъ тоже и я насчетъ попечительствъ: когда на мнѣ одежа по швамъ расползается — вотъ хоть бы это пальтецо взять! — тутъ нечего съ заплатками соваться. У меня сапоговъ нѣтъ,—а вы меня ваксой—чортъ ее дери—награждаете! Надо мной потолокъ валится,—а я въ это время буду щелки законопачивать? Ха, ха!.. Видали вы, какъ горитъ русская деревня?—Нѣтъ?.. Ну съ, а я видалъ и въ огонь сдуру неоднократно лазалъ. Деревню-то точно слизнетъ съ лица земли! Крыши эти, чортъ ихъ дери, словно нарочно для пожаровъ устроены:—суньтесъ-ка съ ведеркой воды, когда вся деревня, какъ клочекъ сухого сѣна, горитъ!... Нѣтъ, тутъ логика самая простая: махнуть рукой и бѣжать скорѣе въ кабакъ, пока и онъ не сгорѣлъ. Я такъ и сталъ дѣлать. Заплаточками-то, чортъ ихъ дери, мнѣ было тошно пробавляться, на самонадувательство я не способенъ,—ну, и пошелъ колотиться башкой объ стѣну: въ одну сторону разбѣжался—стѣна! въ другую метнулся—опять стѣна!.. Обколотился весь... это у васъ называется: «пострадать за правду», а у насъ называется «быть наказану за глупость». Такъ глаголютъ мои велемудрые родичи, такъ распѣваютъ хоромъ всѣ эти «заплаточники», покрытые броней благоразумія, какъ проказой... Что вы на меня такъ сокрушительно смотрите? Вамъ противно смотрѣть на такіе обноски человѣка, какъ я? Ха, ха!.. Пишите въ своей книжкѣ: «Леонидъ Смысловъ, мо-

сковскій пьяница и всероссійскій бродяга, по натурѣ—человѣкъ, одержимый неблагоразуміемъ, по образу жизни скотъ, обитаетъ въ берлогѣ, питается преимущественно тухлой рыбой, прирученію не поддается. Леонидъ Смысловъ—животное не брезгливое, мало подвижное и безвредное». Что же вы не пишете? Вѣдь вы тамъ всѣхъ переписали...—Да, кстати: Анисью-то будете вписывать?

— Какую Анисью?—очнулся Лукинъ, въ которомъ рѣчи Смыслова подняли цѣлую вереницу тяжелыхъ вопросовъ.

— Ну, вотъ въ кухнѣ-то видѣли: слезоточивая такая.

— Ахъ, да!.. И ее надо... машинально отвѣтилъ Лукинъ; онъ только сейчасъ почувствовалъ, до какой степени онъ усталъ нравственно, и ему захотѣлось отдѣлаться поскорѣй отъ Смыслова, который все время смотрѣлъ на него въ упоръ мутными, насмѣшливыми глазами...

— Куда-же вы?—всполохнулся Смысловъ, увидя, что Лукинъ собирается уйти.—Допрашивать Анисью? Что вы узнаете отъ этой изсохшей смоковницы? Вы лучше меня спросите: я вамъ все выложу. Пишите: вдова, живетъ съ дочерью, снимаетъ комнату—вотъ тутъ, по сосѣдству со мной, — платитъ 4 рубля... Мужъ шилъ сапоги, колотилъ жену, пилъ водку, какъ сорокъ тысячъ сапожниковъ... и умеръ отъ бѣлой горячки. Шьютъ онѣ рубашки, зарабатываютъ накругъ 40 коп. въ день. Встаютъ, чортъ ихъ дери, съ пѣтухами, ковыряютъ иглой до поздней ночи, а то и всю ночь просидятъ... Только и слышишь за перегородкой: «Господи Іисусе!.. Охъ, батюшки, разломило!.. Когда меня Господь приберетъ?!» Дочь молчитъ-молчитъ, потомъ швырнетъ шитье на полъ да заоретъ: «Хоть бы домъ загорѣлся, что ли! Хоть бы въ треисподнюю мнѣ провалиться!» А мать начинаетъ зудить: «Ахъ ты! да что ты! Да какъ у тебя языкъ повернулся!»—и причитаетъ битый часъ... А дочка слушаетъ да въ окно поглядываетъ: тамъ телеграфистъ съ кондукторомъ променадъ дѣлаютъ, на улицу подманиваютъ, пантомимы всякія, чортъ ихъ дери, раздѣлываютъ. А чуть Варька за ворота, сейчасъ: «Чего, барышня, прикажете,—аршаду, лимонаду или мармеладу? Зачѣмъ вы, барышня, стѣсняетесь въ своихъ чувствахъ?...»—Живая такая дѣвчонка: на работу злющая,—ну, да и погулять, кажется, не промахъ... Глазенки такъ и прыгаютъ... Я было самъ подбирался къ ней:

„Полюбите меня, румянистаго!»

да родственички—чортъ ихъ дери—плохо субсидируютъ, а то бы я развлекъ канашку...

— Ну, ужъ это вы свинство говорите!—вырвалось у Лукина.

— Что жъ дѣлать? Свинство—вѣдь это моя спеціальность. На томъ стоимъ... Только тутъ мнѣ телеграфистъ перебѣжалъ

дорогу: сманилъ, чортъ его дери, дѣвчонку. Ну, ничего, — пусть ее погуляетъ! Я радъ за нее,—прибавилъ онъ вызывающимъ тономъ.

— Послушайте, г. Смысловъ,—возмутился Лукинъ,—вы, кажется, утратили всякое различіе между честнымъ и безчестнымъ? Вы говорите ужасныя низости!

— Те, те, те! Да, я вижу, вы полны предразсудковъ! И нутра въ васъ настоящаго нѣтъ,—да-съ! Есть у васъ записная книжка,—вы съ ней и тычетесь вездѣ; а начинки у васъ въ душѣ мало, мало, мало!.. Дѣвчонкѣ жить хочется, а не сохнуть за иглой, безъ отдыха, безъ разгиба, да слушать изо дня въ день нытье матери. Богодѣлки могутъ—чортъ ихъ дери—сидѣть въ своей мурьѣ да чулки вязать, а въ восемнадцать лѣтъ не усидишь! Ожесточишься, бѣсноватымъ станешь! Ну-ка, вы, господинъ студентъ, посидите здѣсь еще часокъ-другой,—ну-ка! Пардону, батенька, запросите, волкомъ завоете, на стѣну полѣзете! Нѣтъ, вы дайте сначала этимъ Варькамъ человѣческую жизнь: вотъ тогда швейки перестанутъ отбивать хлѣбъ у проститутокъ! А коли не можете, такъ и не суйтесь! Вамъ бы только въ свою книжечку помѣстить ихъ, какъ будто отъ этого имъ станетъ легче! Эхъ вы... скрибы! Ходятъ, ахаютъ, пишутъ... опять ахаютъ и опять пишутъ... Шуты гороховые!.. По моему, коли всѣмъ этимъ Варькамъ на роду написано пропасть ни за нюхъ табаку, такъ пускай, чортъ ихъ дери, хоть отведутъ душу, хоть мѣсяцъ одинъ поживутъ во всю: вѣдь, все равно, зачахнутъ отъ каторжной лямки или сдѣлаются водовозными клячами,—а кому, спрашивается это нужно?.. Я знаю, вы рады пилой перепилить человѣка—и все изъ-за чего? Изъ-за того, чтобы онъ въ концѣ концовъ сдѣлался благоразумной клячей! Меня вотъ мои родственички въ три кнута загоняли въ стойло, а я не пошелъ, ибо человѣку не свойственно быть въ стойлѣ,— да-съ! Они меня загонятъ,—а я возьму да турманомъ и полечу оттуда: «не хочу вашихъ водовозныхъ добродѣтелей!» Вотъ и вы такъ же: «Сиди, матушка, въ своей коробкѣ, тупѣй за иглой, чахни понемножку во славу Божію,—мы тебѣ швейную машинку купимъ...» Злите вы меня!.. Насмѣхаться надъ людьми, почтеннѣйшій, ходите!.. Бросьте свою книжку къ чорту!—заключилъ онъ, вытаскивая изъ-подъ тюфяка бутылку.—Пей, пока пьется: вотъ это въ нашей власти, вотъ это мы можемъ; а насчетъ прочаго—тубò!.. Выпьемъ за избавленіе отъ стойла,—а? За человѣческую жизнь?—ну! Хоть я и скотъ, а за человѣческую жизнь выпью... Налить, что ли?

— Не хочу я!—съ досадой сказалъ Лукинъ и всталъ, чтобы уйти, но опять машинально сѣлъ, какъ человѣкъ, которому все кажется, что онъ долженъ что-то сдѣлать, что-то

припомнить,—а что именно? не знаетъ... Непонятное безсиліе овладѣло имъ: точно парализованный, сидѣлъ онъ неподвижно и смотрѣлъ, какъ булькаетъ Смысловъ изъ горлышка, нюхаетъ кусочекъ хлѣба, потомъ насмѣшливо щуритъ свои мутные глаза и растягивается на тюфякѣ... Вотъ онъ заговорилъ о чемъ-то... Долго тянется его монологъ, дѣлающійся все болѣе и болѣе безсвязнымъ... „Чортъ его дери!.. Островъ Мадера!.. Подлецъ-человѣкъ!.. Всѣ передохнутъ!..“ — слышится Лукину, который дѣлаетъ тщетныя усилія собрать свои разметавшіяся во всѣ стороны мысли...—„Раскрошился я... окончательно потерялъ свою личность!“—думаетъ онъ, вспоминая слова Кудышкина... Онъ не вслушивается въ разсужденія Смыслова, но уже одни звуки этого пьянаго, озлобленнаго голоса разъѣдаютъ, какъ ржавчина, его душу, и ему опять представляется гигантское колесо, которое безпощадно вертитъ и ломаетъ всѣхъ, кто попалъ въ него.

Въ кухнѣ съ шумомъ хлопнула дверь.

— Экъ вѣдь носитъ!—раздалась сердитая фистула хозяина.—Кто тамъ еще?

Послышались торопливые шаги и движеніе за перегородкой...

— Варька, ты что же это, срамница, со мной дѣлаешь?!—прошипѣлъ за перегородкой зловѣщій шопотъ Анисьи.

— Ага, канарейка вернулась въ клѣтку!—замѣтилъ Смысловъ, прерывая свой пьяный монологъ.

— Ты гдѣ, шлянда, шляндала?.. А?

— Ну, теперь пойдетъ, чортъ ее дери, слезу источать!—промычалъ Смысловъ.

— Утромъ встала,—чѣмъ бы лобъ перекрестить, а она косу шишомъ да на улицу болты болтать!..—продолжалъ ноющій голосъ Анисьи.—Ты гдѣ жъ это день-деньской пропадала, а? Отвѣчай, Варвара!.. Отвѣчай, озорница ты этакая!.. Отвѣчай, язва!

— Гдѣ была, тамъ нѣтъ,—дерзко отвѣтилъ грубоватый контральто Варвары.

— Ты этакъ съ матерью говоришь? Какую отвагу на себя напустила!.. Гдѣ ты платокъ взяла? Откуда это онъ у тебя проявился?

— На улицѣ нашла.

— Ахъ ты, дерзкая... Я тебя укорочу!

— Не вѣкъ же въ обноскахъ ходить... съ обтрепаннымъ подоломъ: я вѣдь не дурнохаряя какая!

— Ты замолчишь у меня?

— Хорошъ гардеробчикъ,—ужъ можно чести приписать!

— Молчи, Варвара молчи!.. Поперечница какая!

— Вонъ Ольга сосѣдская: ни кожи, ни рожи, а въ шерстяномъ ходитъ...

— Это ты, стало быть, съ ней за поединокъ гуляла?

— Само собой.

— Ахъ ты... Погоди ты у меня!.. Тебѣ развязной жизни захотѣлось?

— Не вѣкъ же въ этакой подлости жить! Я завсегда могу себѣ развязку дать... Что я у васъ, точно въ стѣну замуравлена?

— Стыдъ-то, значитъ, ты ужъ весь растеряла, а?

— Работаешъ, работаешъ, а все хуже нищей!

— Дура! Ныньче и ученыя сидятъ безъ хлѣба, а не пойдутъ на этакую низкость!

— Мы сами низкаго званія,—значитъ, эта низкость намъ на роду написана,—отчеканила дочь.

— Ты, стало быть, не хочешь работать?

— Одно званіе, что работа! При самомъ пристальномъ шитьѣ на квасъ не заработаешь... Была нужда!

— И безъ квасу проживешь... Барышня какая!

— Ныньче за свои деньги всякая барышней будетъ,—отрѣзала Варвара.

— Молодецъ!—рявкнулъ Смысловъ.

— Какія такія свои деньги?—возвысила голосъ Анисья.—Откуда ты ихъ возьмешь, безстыжая?

— Изъ собственной шкатулки—вотъ откуда!

— Ахъ ты... Да что жъ это?! Какія наметки дѣлаетъ! Кто тебя, нахальщицу, учитъ этому? Знаю, знаю! Говорить-то только не хочется.

— И не говорите... Никто васъ за языкъ не тянетъ.

— Ты смѣешь такъ съ матерью разговаривать?

— Ныньче только дуры однѣ работаютъ.

— Не смѣй!.. Варвара, не смѣй!

— Я, и не смѣямшись, скажу: не буду я шить ваши рубашки! Зубами бы я ихъ изгрызла!

— Не будешь?

— Надоѣли!.. Спина болитъ.

— Погоди ты! Я тебя засажу... Дышать у меня не будешь!.. Башмаки сниму... Я знаю, тебѣ тамъ разные предлоги дѣлаютъ, леденцами да пряниками подслащиваютъ... Да я тогда тебя собственными руками... Я тебя поставлю на настоящую точку!

— Будетъ вамъ: надоѣли!

— Сквернавка ты—вотъ, какое тебѣ заглавіе!

— Вы ругаться? Я опять уйду.

— Куда, куда ты уйдешь, каторжная?

— На дно морское уйду отъ васъ!

— Мать-то тебѣ поперекъ горла стала?

— Глаза бы мои на васъ не глядѣли!

— Злости-то въ тебѣ, Варька, злости-то!

— Не больше, чѣмъ у васъ.

— Молчи, поперечница, молчи!.. Отольются тебѣ мои слезы!..

— Да я и вниманія не возьму слушать камуфлеты-то ваши! Нечего сказать,—житье: ужъ можно чести приписать! Да послѣдняя побирушка лучше меня живетъ!.. Довольно ужъ вы потиранствовали надо мной! Насидѣлась я на цѣпи... Будетъ! Животная какая и та взбѣсится!

— Да что жъ это, батюшки мои?! Я ей слово, а она мнѣ десять, да все вразрѣзъ, все вразрѣзъ мнѣ!.. Есть змѣя лютая, подколодная, двѣнадцатиглавая, а ты хуже ея, хуже, хуже!

— Будетъ, говорю: надоѣло!

— Оттаскаю, Варька, вотъ те Христосъ, оттаскаю!.. Не доводи меня до послѣдняго!

— Руки коротки!.. Уйду я отъ васъ—и вся недолга.

— Нѣтъ, не уйдешь! Не смѣешь!

— Такъ вотъ уйду же!.. Мнѣ сейчасъ комнату снимутъ!

— Варвара, прокляну тебя!

— Мы и такъ проклятыя.

— Подай пальто, подай!.. Я засажу тебя!

— Не троньте!.. Отвяжитесь!..

За перегородкой началась возня...

— А, дура старая!—пробасилъ Смысловъ.

— Люди добрые, да она пьяна!—воскликнула Анисья.

— Не на ваши пила.

— Да я тебя... да я тебя... Ахъ ты, язва сибирская!

Раздался звукъ пощечины, и вслѣдъ за нимъ бѣшеный голосъ Варвары:

— Вы драться, драться?.. Вы этакъ-то?.. Постой же!..

— Куда, куда? Люди добрые, не пускайте ее!

— Не удержите!.. Доѣхали вы меня!.. Ноги моей у васъ не будетъ!..

— Нѣтъ, врешь, не уйдешь!

— Что за шумъ?—крикнулъ хозяинъ.—Вы скандалить? Въ участокъ отправлю!

— Уморятъ они меня, уморятъ!—стоналъ старичокъ.

Жильцы заволновались и вылѣзли изъ своихъ конуръ. Лукинъ тоже поспѣшилъ въ кухню.

— Куда ты отъ матери бѣжишь, безстыдница?—кричала Анна Захаровна.—Да если бы моя дочь осмѣлилась!.. По моему, коли не духомъ кротости, такъ палкой пó кости,— вотъ что!

— У меня печень разлилась съ вами!—дребезжалъ старичокъ.—Мнѣ свое здоровье дороже! Я завтра же съѣду!

— Держите ее!—надрывалась Анисья уже въ кухнѣ, цѣпляясь за дочь.

— Провалиться вамъ всѣмъ!—крикнула Варвара, покрывая всѣхъ своимъ контральто.—Будь я разанаѳема, коли ворочусь къ вамъ!

Она вырвалась и убѣжала, бѣшено захлопнувъ за собой дверь. Лукинъ, не отдавая себѣ отчета въ своемъ движеніи, бросился за ней...

— Постойте, сударь,—раздражительно говорилъ хозяинъ, заграждая Лукину путь.—Вы вотъ нуждающимъ помогаете, а они мнѣ за квартиру не платятъ... Я не могу содержать ихъ: я—человѣкъ ограниченный... Пускай попечительство мнѣ заплатитъ за нихъ, а то я завтра же...

— Нельзя ли мнѣ рублика два—пальто выкупить?..—шептала ему на ухо Зеленская, слегка придерживая Лукина за рукавъ.

— Не упустите меня изо вниманія!—говорила неизвѣстно откуда выросшая темная личность.—Мнѣ бы рублевку сгоношить да картузъ какой ни на есть за гривенникъ. Я бы спичками торговать пошелъ...

— Чего растявкались?—прикрикнулъ хозяинъ.

— Черти... право, черти!—слышался стонущій голосъ слесаря...

Лукинъ ринулся въ дверь.

— О ревуаръ, господинъ заплаточникъ!—прогремѣлъ за нимъ голосъ Смыслова.

Тяжелая дверь захлопнулась за Лукинымъ, и сразу все затихло, точно провалилось въ какую-то бездну. Лукинъ, провожаемый сиплымъ лаемъ, выбѣжалъ за ворота и остановился, не зная, куда повернуть...

— Не она ли это?—спросилъ онъ себя, завидя вдали женскую фигуру, напоминавшую Варвару, и пустился догонять ее.

Да, это она... Лукинъ видѣлъ ее только мелькомъ въ кухнѣ, но тотчасъ же узналъ ее по ярко малиновому платку, который такъ не гармонировалъ съ ея рыжей, истасканной кофтой. Варвара шла быстрой, возбужденной походкой и на ходу разговаривала съ собой. Лукинъ слѣдовалъ за нею въ нѣсколькихъ шагахъ и слышалъ ея гнѣвныя восклицанія:— „Доѣхали!—Плевать, коли такъ!—Не въ разсолъ себя беречь! Я имъ покажу!“ Онъ собирался окликнуть ее, но медлилъ, подыскивая слова. Вдругъ Варвара круто повернула за уголъ и исчезла въ дверяхъ трактира. Лукинъ остановился, опѣшенный.. „Пойти за ней?.. Но что я ей скажу?“ Онъ стоялъ передъ дверями трактира въ мучительномъ недоумѣніи... „Чѣмъ я могу удержать ее отъ разврата? Что я могу дать ей?

Посулить ей швейную машинку?.. Какая насмѣшка?.. Ужъ не крикнуть ли мнѣ по давешнему: „городовой“!?“

— Мамзельку поджидаете?—спросила, лукаво подмигивая, чуйка, отворяя дверь въ трактиръ.

— Ничего не подѣлаешь: она попала въ колесо!—громко сказалъ Лукинъ и, махнувъ рукой, пошелъ прочь.

— Сколько, братецъ ты мой, пошло нонѣ этихъ не въ своемъ умѣ поврежденныхъ!—замѣтила чуйка товарищу, скрываясь за дверью...

Лукинъ шелъ, все ускоряя шагъ, съ такимъ видомъ, точно кто-нибудь гнался за нимъ по пятамъ... Ему хотѣлось убѣжать отъ этой грязной и пьяной улицы, которая давила его, какъ кошмаръ, и онъ, мучимый безсиліемъ, шелъ все быстрѣе и быстрѣе, почти бѣжалъ, не оглядываясь по сторонамъ, стараясь не смотрѣть на встрѣчныхъ, боясь прислушиваться къ ихъ разговорамъ.

— Ничего не подѣлаешь, рѣшительно ничего не подѣлаешь! — въ отчаяніи твердилъ онъ. Передъ нимъ вставала какая-то жестокая логика, совсѣмъ не та, на которой онъ строилъ прежде свои принципы и планы, не та, которая царила въ свѣтлой залѣ засѣданія, гдѣ говорилось столько умнаго, гдѣ высказывалось столько здравыхъ понятій и благихъ намѣреній. Эта безпощадная логика требуетъ, чтобы несчастная, озлобленная дѣвушка утонула въ грязи, чтобы труженика-слесаря съѣла злая чахотка, а дѣти его были выброшены на улицу, чтобы ни въ чемъ неповинный ребенокъ Кудышкина „принялъ муки“, а самъ Кудышкинъ „окончательно потерялъ свою личность“; эта же логика заставляетъ Ваську съ Митькой пьянствовать, безобразничать и мучить сумасшедшую старуху; она желѣзной рукой давитъ тысячи людей, которые задыхаются и стонутъ подъ ея тяжестью; она правитъ этой грязной улицей, поселяя въ ней нищету, развратъ, убожество, озвѣреніе... Что же такое передъ ней всѣ эти свѣтлыя комнаты, гдѣ высказывается столько свѣтлыхъ взглядовъ на жизнь, всѣ эти засѣданія, гдѣ собирается столько хорошихъ людей, побуждаемыхъ любовью къ человѣку? Лукину они кажутся едва замѣтными островками среди моря нищеты, грязи, болѣзней и всякихъ уродствъ, и самъ онъ представляется себѣ человѣкомъ, который хочетъ вычерпать это море пригоршнями... и въ его душу глубже и глубже проникаетъ безнадежное уныніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ отовсюду—съ чердаковъ и изъ подваловъ, съ угрюмыхъ, грязныхъ дворовъ, изъ темныхъ оконъ фабрики, мимо которой онъ проходитъ, изъ освѣщенныхъ дверей кабаковъ, трактировъ и притоновъ—отовсюду надвигаются на него назойливые, роковые, зловѣщіе вопросы, съ которыми онъ не знаетъ, что дѣлать,

подъ гнетомъ которыхъ теряется и изнемогаетъ. Онъ чувствуетъ, что то идеальное спокойствіе, о которомъ онъ мечталъ, потеряно для него навсегда или, по крайней мѣрѣ, надолго; что не принесутъ ему желаннаго покоя тѣ маленькія дѣла, которыя онъ только что рѣшилъ *просто дѣлать;* что его еще сильнѣе, еще неотступнѣе, чѣмъ прежде, будетъ мучить и волновать все тотъ же старый фатальный вопросъ, который всегда сидѣлъ въ немъ, всегда преслѣдовалъ его, примѣшиваясь, какъ горькая трава, ко всѣмъ его задачамъ, размышленіямъ и начинаніямъ, который вотъ и теперь, какъ зловѣщій призракъ, гонится за нимъ по пятамъ и вырываетъ изъ его стѣсненной груди восклицаніе:

— Но вѣдь надо же, надо что-нибудь дѣлать, чтобы остановить это проклятое колесо!!

Н. Тимковскій.

Неоправданныя претензіи.

(По поводу студенческаго литературнаго сборника) *).

Не въ первый разъ уже студенты петербургскаго университета, желая помочь нуждающимся товарищамъ, пытаютъ свои силы на литературномъ поприщѣ. Сами «студенты-составители» литературнаго сборника, вышедшаго въ свѣтъ весною нынѣшняго года, вспоминаютъ о своихъ предшественникахъ. Намъ лично не приходилось видѣть научнаго сборника 1857 года, изданнаго съ предисловіями Сергѣя Аксакова и Пирогова, но мы хорошо помнимъ литературный альманахъ «Откликъ», изданный петербургскими же студентами въ 1881 году. Отъ своего младшаго собрата, теперь лежащаго передъ нашими глазами, послѣдній существенно отличался тѣмъ, что не только идея, но и самая редакція сборника принадлежала студентамъ-издателямъ, а не заправскимъ и опытнымъ литераторамъ. За эту молодую самонадѣянность редакторовъ-издателей, за ихъ неопытность «Откликъ», помнится намъ, и поплатился изрядно: вмѣсто марта мѣсяца, онъ могъ появиться въ свѣтъ только въ сентябрѣ, да еще въ значительно измѣненномъ составѣ и видѣ, безъ статей Шелгунова, Н. К. Михайловскаго («Герои и толпа»**), М. К. Цебриковой, безъ массы стиховъ, принадлежавшихъ перу самихъ студентовъ. Но, съ другой стороны, студенческая редакція 1881 года обнаружила и вредную для самой себя скромность: разъ не были помѣщены лучшія статьи извѣстныхъ литераторовъ и замѣнены, напр., такой скучной для большой публики, хотя и прекрасной въ своемъ родѣ вещью, какъ монографія проф. Мищенка «Раціонализмъ въ древней Греціи», сборникъ могъ привлечь къ себѣ вниманіе публики главнымъ образомъ произведеніями самого студенчества, т. е. творческими силами молодого поколѣнія, всегда какъ-бы знаменующими собою неизвѣстное грядущее родины, а между тѣмъ редакція «Отклика» удѣлила лишь ничтожную часть книги собственно студен-

*) Вотъ полное его заглавіе: «Литературный Сборникъ произведеній студентовъ Императорскаго С.-Петерб. университета подъ редакціею Д. В. Григоровича, А. Н. Майкова и Я. П. Полонскаго. Въ пользу общества вспомоществ. студентамъ Императ. Спб. Унив». 1896 г. Ц. 3 рубля.

**) Позже появилась въ «Отеч. Зап.»

ческимъ опытамъ *), предоставивъ честь и мѣсто писателямъ заслуженнымъ. И вотъ эти-то двѣ характерныхъ для тогдашней молодежи черты—съ одной стороны, нѣкоторый задоръ, такъ сказать, общественнаго характера, проявившійся въ желаніи не выпускать редакціи изъ своихъ рукъ (не въ обиду покойной редакціи говоримъ мы это!), и съ другой—скромность чисто-литературная, отсутствіе самомнѣнія насчетъ своихъ личныхъ творческихъ силъ—эти двѣ черты сдѣлали то, что «Откликъ» *не пошелъ* и, кажется, до сихъ поръ лежитъ еще на полкахъ книжнаго магазина «Новаго Времени». А между тѣмъ, не смотря на всѣ измѣненія, въ немъ были всетаки, на нашъ взглядъ, очень интересныя и талантливыя вещи: назовемъ упомянутую уже монографію г. Мищенка, статью г. Венгерова о только что умершемъ тогда Достоевскомъ, разсказъ г. Златовратскаго «Старый грѣшникъ» (почему-то не вошедшій въ собраніе его сочиненій), и пр. и пр. Покойнымъ Плещеевымъ въ «Откликѣ» помѣщено было прекрасное стихотвореніе «Изъ Арани»; г. Полонскимъ, редакторомъ теперешняго студенческаго сборника, оригинальное стих. «Прометей», кончавщееся такими превосходными стихами:

Пусть въ борьбѣ паду я!
Пусть въ цѣпяхъ неволи
Буду я метаться
И стонать отъ боли:
Ярче будетъ скорбный
Образъ мой свѣтиться,
Съ крикомъ будетъ въ мірѣ
Мысль моя носиться!

Какъ ни низко поставила журнальная критика изданный въ нынѣшнемъ году студенческій сборникъ, *онъ* не «засядетъ» подобно «Отклику» и, благодаря именно окружившему его шуму, на литературномъ рынкѣ навѣрное «пойдетъ», не смотря на свою высокую цѣну (3 р.). Причина этого та, что студенты-составители 96 года поступили совсѣмъ не такъ, какъ ихъ предшественники 81 г., совершенно въ духѣ своего времени. Редактированіе сборника было поручено ими лицамъ опытнымъ, а подъ всѣми безъ исключенія статьями и стихами сборника значатся *прописанныя полностью* имена и фамиліи самихъ студентовъ петербургскаго университета, взявшихся представить собою современное молодое поколѣніе со всѣми его думами, чувствами и стремленіями. Само собой понятно,

*) Голубева, Никифорова, П. Я., И. Ш., Метелицы. Г. Венгеровъ, передъ тѣмъ только что окончившій курсъ въ Петерб. унив., былъ еще молодымъ, мало извѣстнымъ писателемъ; г. Максимъ Бѣлинскій, тоже незадолго начавшій литерат. карьеру, былъ еще извѣстенъ, какъ авторъ «Далилы», «На чистоту» и «Расплаты»; г. Мережковскій былъ еще гимназистомъ и своимъ стих. «Нарцисъ», въ заглавіи котораго никто не видѣлъ нѣкоего пророческаго указанія, впервые выступилъ въ «Откликѣ» на литературное поприще...

что интересъ вызванъ сборникомъ огромный, и почти нѣтъ журнала и газеты, которые не удѣлили бы ему своего вниманія. Чѣмъ же, однако, объясняется, что вниманіе это было въ большинствѣ случаевъ не особенно лестно для книги? Что̀ она вообще собою изображаетъ? Познакомтесь съ нею, читатель, поближе.

«Студенты-составители» рѣшили прежде всего обратиться къ «своимъ маститымъ наставникамъ»: Д. В. Григоровичу, А. Н. Майкову и Я. П. Полонскому. Имъ предложено было редактированіе сборника. Но этого мало: «Для разрѣшенія множества практическихъ вопросовъ, встрѣчавшихся при редактированіи и печатаніи такого сложнаго изданія, составители пригласили бывшаго студента Спб. университета С. Н. Сыромятникова, посвятившаго въ своихъ журнальныхъ статьяхъ много сочувственныхъ строкъ нуждамъ учащейся молодежи». Не знаемъ, съ согласія-ли всѣхъ *сорока* авторовъ-студентовъ, расчеркнувшихся полными именами подъ статьями и стихами сборника, было все это сдѣлано, или же дѣломъ руководила маленькая кучка «составителей», собиравшихъ по своимъ знакомымъ матеріалъ для книжки; какъ бы то ни было, мы думаемъ, что разъ были дѣйствительно призваны «наставники», всякая дальнѣйшая отвѣтственность, какъ за подборъ содержанія, такъ и за редактированіе, должна лежать уже не на студентахъ, а на «маститыхъ наставникахъ» и на прославившемся своими «сочувственными молодежи строками» г. Сыромятниковѣ.

Гг. Григоровичъ, Майковъ и Полонскій, какъ это явствуетъ изъ написанныхъ ими для сборника предисловій, были не только польщены оказаннымъ имъ молодежью довѣріемъ, но и обрадованы предъявленнымъ на ихъ разсмотрѣніе литературнымъ матеріаломъ. Эти три предисловія представляютъ собою, по истинѣ, ликующій громъ фанфаръ и литавровъ. Г. Григоровичъ прежде всего заявляетъ, что, за очень рѣдкими исключеніями, всѣ произведенія современной нашей литературы суть «плодъ обманутыхъ призваній, торопливыхъ, безпокойныхъ желаній заявить свѣту о своемъ существованіи, плодъ досужаго времени и самомнѣнія, ни на чемъ не основаннаго. Сборникъ, предлагаемый теперь читателю, совершенно другое явленіе. *Ни одинъ* (курсивъ нашъ) изъ приведенныхъ поводовъ къ сочинительству не имѣлъ здѣсь мѣста». Далѣе г. Григоровичъ прямо называетъ авторовъ сборника «начинающими литераторами новаго поколѣнія», на которыхъ «лежитъ отвѣтственность поддерживать завѣщанное имъ (Пушкинымъ и Гоголемъ) достоинство русской литературы». Такъ вотъ съ кѣмъ имѣемъ мы дѣло, читатель, не шутите!

Г. Майковъ, имѣя главнымъ образомъ въ виду стихотворенія, порученныя его разсмотрѣнію, чуть-ли не еще больше увлеченъ талантами петербургскихъ студентовъ. «Самый трудъ перечитать эти первые опыты юныхъ лицъ,—пишетъ престарѣлый поэтъ,—доставилъ мнѣ большое удовольствіе. Впечатлѣніе. было похоже на то,

какое испытываешь, когда войдешь ранней весною въ молодую рощу, начинающую опушаться первымъ распускающимся листомъ,—она только что пожелтѣла, чуть начинаетъ зеленѣть, но вы чувствуете уже пробудившуюся кругомъ силу жизни, вы радуетесь обвѣвающему васъ чистому, ароматичному, теплому весеннему воздуху; по землѣ вокругъ уже смотрятъ, *какъ дѣтскіе глазки**), бѣленькіе и голубенькіе цвѣточки, наверху въ прозрачныхъ еще вершинахъ вездѣ сквозитъ ясное небо».

Г. Полонскій, ужасно восторгаясь современнымъ возрожденіемъ культа стиховъ и негодуя на 60-е годы, между прочимъ, говоритъ: «Въ шестидесятые годы для поэтическаго творчества были самыя благопріятныя, благодатныя вѣянія: и освобожденіе крестьянъ, и реформы, и расширеніе свободы печати и пр., и пр. не могли не внушать нашимъ мечтамъ надежды на лучшее будущее... То-ли теперь? Поэзіи, повидимому, нѣтъ никакой причины процвѣтать, нѣтъ никакого повода увлекаться стихами,—ничего вдохновляющаго, подкупающаго молодыя мечты и надежды. Жизнь общественная не представляетъ изъ себя ничего цѣлаго, ни хорошаго, ни дурного».—«Нѣтъ кругомъ ни чести, ни самоотверженія, ни вѣрности, ни любви къ правдѣ и къ людямъ, судьбой обездоленнымъ». Проведя такую параллель между шестидесятыми и девяностыми годами, крайне нелестную для этихъ послѣднихъ, г. Полонскій тѣмъ не менѣе считаетъ возможнымъ радоваться воскресенію россійскаго стихоплетства и находитъ, съ своей стороны, что въ поэзіи редактированнаго имъ сборника блещутъ искры той любви, о которой Спаситель заповѣдалъ: «Возлюби ближняго твоего, какъ самого себя»...

Однимъ словомъ, многаго, страшно многаго велятъ ждать намъ и требовать отъ этой книги гг. маститые редакторы; они до того ее нахваливаютъ, что, пожалуй... не поздоровится отъ этакихъ похвалъ! Впрочемъ, и сами по себѣ редакторскія предисловія заключаютъ въ себѣ не мало цѣнныхъ и любопытныхъ перловъ; жаль только, что дальнѣйшее ознакомленіе съ ними завлекло бы насъ черезчуръ далеко отъ нашей существенной задачи. Пора обратиться уже и къ самому студенческому сборнику, къ этой «молодой рощѣ», которая, по обѣщанію г. Майкова, обвѣетъ насъ чистымъ, ароматнымъ, теплымъ весеннимъ воздухомъ.

— «Здравствуй, племя младое, незнакомое!»—отъ всего сердца готовы мы привѣтствовать молодыхъ писателей прекрасными словами Пушкина. Если вы точно несете съ собою юную свѣжесть и бодрость, если вы точно проникнуты духомъ великой евангельской заповѣди, если, наконецъ, обладаете дѣйствительнымъ даромъ поэтическаго вдохновенія, то приходите, приходите скорѣе, не медлите! Смѣните насъ, усталыхъ и немощныхъ, работающихъ на литера-

---

*) Курсивъ нашъ.

турной нивѣ въ трудную годину безлюдья и безвременья, когда лучшіе и сильнѣйшіе давно сошли со сцены, и не только не видно ни откуда солнца, свѣтлаго солнца поэзіи, которое озарило бы и согрѣло нашу родину, но мало даже и звѣздъ, которыя, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказались бы подлинными звѣздами, а не лживыми, блуждающими огнями... Явитесь, о, явитесь! Богъ дастъ, именно вамъ, удастся свершить то чудо, чудо духовнаго разсвѣта, котораго ждетъ истомившійся міръ... Долга ночь, и жутко въ эту долгую ночь стоять въ полѣ, усѣянномъ мертвыми костями. Ибо что другое, какъ не «мертвыя кости», представляютъ собою эти современные поэты, воспѣвающіе «то, чего нѣтъ на свѣтѣ», эти современные критики, съ визгомъ и хохотомъ пляшущіе безстыдный канканъ надъ самыми дорогими для русскаго сердца могилами и именами, эти журналисты, прославляющіе и призывающіе племенную ненависть, романисты, воскрешающіе культъ язычества съ его холодомъ, эгоизмомъ и вакхически-откровенной наготою? Явитесь, о, явитесь, молодые, честные таланты, утѣшьте, ободрите насъ!

И вотъ слышится какое-то движеніе... И, предшествуемое побѣднымъ громомъ трубъ и литавровъ трехъ престарѣлыхъ писателей, ведомое за руку «сочувственно» улыбающимся г. Сыромятниковымъ, молодое поколѣніе выходитъ на арену въ лицѣ студенческаго литературнаго сборника, занимающаго 400 слишкомъ страницъ большого формата... Разсмотримъ же его внимательно.

Передъ нами ровно 40 авторовъ: 22 прозаика, изъ которыхъ двое участвуютъ и въ стихотворномъ отдѣлѣ (гг. Никоновъ и Голиковъ), и 20 стихотворцевъ. Одному изъ критиковъ, должно быть, со страху, показалось даже, что ихъ 29, но мы можемъ успокоить его—нашъ счетъ самый точный: поэтовъ въ студенч. сборникѣ ровно *двадцать*. И то, впрочемъ, почтенная цифра! Если, согласно пророчеству г. Майкова, и «не изъ всѣхъ этихъ юныхъ стихотворцевъ выработаются истинные, призванные поэты», если такихъ «истинныхъ, призванныхъ» окажется всего какихъ-нибудь двое-трое, то и это хорошо: не слѣдуетъ забывать, что передъ нашимъ судомъ стоитъ не цѣликомъ же все молодое поколѣніе, а одни только студенты петербургскаго университета...

Итакъ, «юные поэты», пожалуйте. Вы вѣдь просите «критики, которая указала бы недостатки ваши и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ мѣста, въ которыхъ звучитъ живая нота, просвѣчиваютъ черты творческой способности» (предисловіе г. Григоровича). Какъ ни предрасположены мы въ вашу пользу широковѣщательными предисловіями вашихъ «маститыхъ наставниковъ», и какъ ни непріятно намъ брать на себя роль экзаменаторовъ, но безъ экзамена, хоть и легонькаго, обойтись, господа, никакъ невозможно *).

---

*) Оговоримся, что въ своемъ дальнѣйшемъ разборѣ, не совсѣмъ лестномъ для молодыхъ авторовъ, мы цитируемъ полностью ихъ фамиліи. Быт

Однимъ изъ первыхъ и наиболѣе плодовитыхъ поэтовъ сборника является г. Жуковскій, напечатавшій поэму «Грѣхъ, библейская фантазія». Описывается грѣхопаденіе первыхъ людей. «Имъ было скучно»... Была опьяняющая ночь. «Все, что чувствовать могло, отравлено любовнымъ ядомъ, таило (?) сладостный призывъ. Лишь мѣсяцъ, жемчугъ закругливъ (??), на міръ глядѣлъ холоднымъ взглядомъ». И вотъ является змѣя, посланница сатаны, и говоритъ женщинѣ:

Онъ (т. е. Богъ) скрылъ отъ духа твоего
Познанья чудное начало.
Съ твоихъ разсѣянныхъ очей,
Въ безмолвьи понятыхъ (?) ночей,
Слеза съ рѣсницъ не упадала!
Напѣвамъ томныхъ соловьевъ,
Скажи, ты вторила-ль несмѣло,
Когда одеждами садовъ
Весна горячая шумѣла?
Ты любовалась-ли звѣздой,
Блиставшей въ выси голубой?
Ты въ часъ румянаго восхода
На сгибѣ блещущаго свода
Любила-ль игры облаковъ?

Оказывается, первая женщина ни объ чемъ этомъ не имѣла понятія, а жила въ раю, какъ каменный истуканъ. Понятно, что она соблазнилась предложеніемъ змѣи и рѣшилась согрѣшить. Слѣдуетъ очень красивая, на взглядъ автора и редакторовъ сборника, сцена грѣха: «Довѣривъ грѣхъ своимъ садамъ (??), волну кудрей собравъ на плечи, она къ супружескимъ устамъ, дрожа, прижалась... Гасли рѣчи, объятья крѣпли и росли» и т. д. А между тѣмъ, въ это самое время двѣ звѣзды припали зачѣмъ-то къ бурнымъ морскимъ вершинамъ «намекомъ боли и вражды». Изгнаніе изъ рая описано въ нѣсколько неясныхъ чертахъ, и потому мы его опускаемъ. Изгнанники начали работать, «любовью подвигъ раздѣляя», и вскорѣ утѣшились. «Зачѣмъ имъ рай! когда темнѣла съ зарею неба бирюза, супругу милому въ глаза жена любимая глядѣла. Прошли вѣка—и...» тутъ мы никакъ не могли понять, зачѣмъ собственно разсказывается дальше о Христѣ и крестныхъ страданіяхъ. Но еще страннѣе и непонятнѣе заключеніе поэмы. «Сбылись мечты», заявляетъ юный авторъ, хотя ни о какихъ мечтахъ, кромѣ развѣ соблазнительной рѣчи змѣи, онъ раньше не говорилъ:

можетъ, это не совсѣмъ будетъ пріятно для нихъ теперь, когда многіе, вѣроятно, горько жалѣютъ о томъ, что подписались полными именами; но какъ же быть? Хорошо относясь къ молодежи и желая ей всяческаго добра, мы не можемъ забыть правила: amicus Plato, sed magis amica veritas... Разъ рѣшаешься выступить въ литературу, будь готовъ пожинать не только лавры, но и терніи; критика не можетъ руководиться жалостью да дружескими чувствами.

Покорны стали кораблямъ
Безцѣльно созданныя воды;
Отъ первобытнаго труда
Три мощныхъ брошены слѣда—
Любви, надежды и свободы.

То есть, что же это значитъ? И какая связь между концомъ и началомъ вашей поэмы, г. Жуковскій? какую идею хотѣли вы вложить въ нее? Г. Жуковскій какъ-будто и самъ спохватывается на этотъ счетъ и прибавляетъ еще нѣсколько стиховъ.

А что же рай? Святыя сѣни
Людьми покинутыхъ садовъ?

Да, да, вотъ именно: что же рай-то? Свяжите, сдѣлайте милость, вашъ рай съ «мощными слѣдами любви, надежды и свободы». Оказывается, рай опустѣлъ, даже птицы «изъ райскихъ вырвались темницъ (?)». А люди, «горе утѣшая любви искупленнымъ грѣхомъ (?), весь міръ зовутъ чертогомъ рая, всю жизнь—минутнымъ, дивнымъ сномъ». Оно, конечно, все есть мигъ въ сравненіи съ вѣчностью, но чего глядѣли ваши наставники-редакторы и что скажутъ ваши читатели и критики, г. Жуковскій?..

Посмотримъ, однако, на другія произведенія г. Жуковскаго, на его мелкую лирику, въ которой, конечно, лучше долженъ былъ отразиться внутренній міръ молодого поэта съ его чаяніями, думами и тревогами. Пропускаемъ мимо переводное стихотвореніе изъ Хозе-Маріи-де-Эредіа, гдѣ пастухъ уговариваетъ гостя помедлить въ его жилищѣ: «Парное молоко твою прогонитъ лѣнь»! Намъ не до парного теперь молока! *Душа, душа* г. Жуковскаго нужна намъ!

Вотъ маленькое стихотвореніе съ виньеткой, изображающей какую-то молодую женщину,—впрочемъ, не первой уже, повидимому, свѣжести,—стыдливо склонившуюся и говорящую (потому что, очевидно, это она говоритъ):

Не зови обладанья любовью,
Ночь грѣха красотой не зови:
Подойдетъ къ твоему изголовью
Хмурый геній разбитой любви..

Кстати о виньеткахъ. Составители сборника, руководимые опытной рукою «сочувствующаго молодежи» г. Сыромятникова, и у другого также стихотворенія (*не* г. Жуковскаго), приглашающаго не любоваться безмолвно красотой ночи, а «соединить уста въ лобзаніи», нарисовали пикантную женскую головку, томно запрокинутую и сладострастно раскрывшую губы... На вкусъ, на цвѣтъ, конечно, товарищей нѣтъ, но намъ думается, не слѣдовало бы такіе вкусы уличныхъ листковъ и мелкихъ иллюстрацій переносить въ область серьезной литературы, да еще какой! претендующей сказать новое слово, слово молодого поколѣнія...

Но это между прочимъ только. Вернемся къ г. Жуковскому съ его размышленіями надъ соблазнительной виньеткой. Къ сожалѣнію,

трудно, почти невозможно выудить какую-нибудь «душу» изъ другихъ, довольно многочисленныхъ, стихотвореній его, помѣщенныхъ въ сборникѣ. Въ стихотвореніи «Голуби» рисуется какая-то неслыханная тюрьма, гдѣ даже узница-сосѣдка звенитъ цѣпями, а когда она умираетъ, то голуби, которыхъ она кормила, цѣлые годы о ней помнятъ... Живой скорби и жизни не чувствуется въ этой странной выдумкѣ. Въ другомъ стихотвореніи г. Жуковскій заявляетъ, что «спѣетъ его сердце, спѣетъ, точно нива, подъ зарницами очей» какой-то красавицы... Не подождать-ли и намъ съ вами, читатель, того времени, когда сердце молодого поэта, наконецъ, «доспѣетъ», а пока не лучше-ли обратиться къ слѣдующимъ за нимъ стихотворцамъ сборника.

Г. Никоновъ, также очень плодовитый поэтъ сборника, давшій и нѣсколько прозаическихъ разсказовъ, помѣстилъ драматическую сцену «Исповѣдь». Передъ нами, на пространствѣ 11 страницъ, написанныхъ (чего грѣхъ таить!) дубовыми бѣлыми стихами, *умирающій* больной не перестаетъ хныкать о томъ, что тяжело, молъ, и страшно умирать, а философскими тирадами своими прямо готовъ уморить самаго терпѣливаго читателя! Надъ больнымъ склоняется духовникъ, все время упрашивающій его смириться и исповѣдать грѣхи. Послѣ долгихъ уламываній умирающій, наконецъ, повѣряетъ священнику тягчайшій изъ своихъ грѣховъ—слѣдующаго рода сомнѣніе: «Міръ вѣдь не одной землею наполненъ, не людьми одними населенъ... Ужель планеты тѣ, что рѣютъ надъ землею, Христосъ не посѣщалъ, къ нимъ не являлся Онъ? Ужель земля одна средь звѣздъ неисчислимыхъ для мыслящихъ созданій отдана? Иль среди нихъ лишь мы одни — больныя и неудачныя творенья Божества? Иль вѣчность ужъ назадъ тому Онъ для спасенія міровъ въ міры нисходитъ для креста?» Въ новомъ порывѣ ужаса отъ такого страшнаго сомнѣнія, умирающій лишается, наконецъ (грѣшные люди, мы такъ и сказали себѣ: «наконецъ!»), чувствъ, и священникъ, сказавъ: «какое тяжкое сомнѣніе!», дѣлаетъ надъ нимъ «глухую исповѣдь».

Такъ приоткрываетъ намъ г. Никоновъ свою молодую душу, обуреваемую преступными сомнѣніями, вычитанными, по всей вѣроятности, изъ сочиненія Фламмаріона «О множественности обитаемыхъ міровъ». Намъ остается надѣяться, что онъ настолько еще здоровъ и крѣпокъ, что успѣетъ, подобно своему «умирающему», покаяться и получить прощеніе. Во всякомъ случаѣ какое-то глубокое горе томитъ и гнететъ его. Вотъ, напримѣръ, стихотвореніе «Лѣтомъ». Г. Никоновъ опять на родинѣ. Какъ въ прошлый годъ, опять, желтѣя, вьется тропинка; опять вокругъ качается ромашка; опять кой-гдѣ въ травѣ краснѣетъ кашка, кузнечики трещатъ. Словомъ, все обстоитъ, повидимому, благополучно на родинѣ. Но нѣтъ! «Какъ прежде, все живетъ и остается во мнѣ моя печаль»... Какая печаль? О чемъ? Г. Никоновъ таинственно прикладываетъ

перстъ къ устамъ, и такъ какъ другія его стихотворенія также не даютъ намъ никакого ключа, то мы, поневолѣ, и должны были предположить, что въ драматической сценѣ «Исповѣдь» изложена печаль самаго автора... Впрочемъ, виноваты. Въ стихотвореніи «Маякъ» разсказывается еще, какъ перелетныя птицы разбиваютъ свои крылья о стекло маяка. Точно такъ и я, заключаетъ юный поэтъ, разбитъ о маякъ «твоей» любви — и вотъ... умираю! Но утѣшьтесь, г. Никоновъ... Отъ юношеской любви рѣдко умираютъ. Да и вы сами... могли же вы написать слѣдующее за «Маякомъ» стихотвореніе, гдѣ говорится, что «для нашихъ прогулокъ (ужъ не съ «маякомъ-ли любви»? Не смягчилась-ли, наконецъ, гордая красавица?) раскинутъ коверъ луговой... Все въ мірѣ ликуетъ въ отвѣтъ, все въ мірѣ намъ свѣтитъ согласно»... Ну, чего же лучше? Гуляйте себѣ на здоровье!

Изъ «Дочерей Брамы», индійскаго сказанія г. Мазуркевича, явствуетъ, что изъ трехъ свѣтлыхъ, божественныхъ сестеръ—Забвенія, Любви и Дружбы—Забвеніе по праву должно царствовать надъ міромъ. Хотя въ одномъ изъ мелкихъ стихотвореній г. Мазуркевичъ и утверждаетъ, что «неумѣстно сомнѣніе», «надо бороться и ждать», но вообще это поэтъ очень мрачный.

Догорай мой свѣтильникъ скорѣе,
Наступай непроглядная ночь! —

въ отчаяніи восклицаетъ онъ, къ сожалѣнію, оставляя неразъясненными причины этого безвременнаго отчаянія. «Блѣдные, сѣрые дни, тусклыя чахлыя ночи», жалуется поэтъ и, въ заключеніе, указываетъ на «незабвенную грусть о быломъ» (какъ извѣстно, всѣ философы «безъ малаго въ восьмнадцать лѣтъ» ужасно любятъ говорить о своемъ «быломъ»). Какъ бы то ни было, а отчаянный г. Мазуркевичъ обманулъ наши ожиданія; очевидно, его «догорающій» такъ рано свѣтильникъ не сможетъ озарить насъ лучами поэзіи, тѣмъ болѣе, что въ отчаяніи своемъ онъ принимается уже за переводы изъ Поля Верлэна... Но не будемъ унывать, читатели, впереди вѣдь еще стоятъ передъ нами семнадцать поэтовъ...

Изъ нихъ наиболѣе орингиальной и къ тому же во вкусѣ времени, кажется намъ поэтическая физіономія г. Степанова. Къ большинству своихъ стихотвореній онъ дѣлаетъ приписку: «Се левъ»... то бишь!—«piano», сирѣчь: читайте тихо, нѣжно. Не знаемъ, теперь-ли только, поступивъ въ петербургскій университетъ, началъ г. Степановъ учиться итальянскому языку, но одно стихотвореніе его озаглавлено кромѣ того «La rimembranza», вмѣсто удобопонятнаго для каждаго «Воспоминанія»: это для вящшей, значитъ поэзіи... О чемъ же именно вспоминаетъ молодой студентъ, благоудивляющій насъ своими познаніями въ итальянской грамматикѣ? Ахъ, объ очень изящныхъ вещахъ: вальса скользящія пары... робкая прелесть движеній... нѣжная грація рѣчи...

О, за такія мгновенья готовъ я отдать *все земное*,
Только-бъ смотрѣть, любоваться и слушать *ее* безконечно!

Очень хорошо. Но слушайте — будетъ еще лучше. Г. Степановъ, вспоминая *ее*, впадаетъ, наконецъ, въ такой экстазъ, что одно стихотвореніе его и самъ знаменитый нынѣ Валерій Брюсовъ съ удовольствіемъ принялъ бы въ свой сборникъ русскихъ символистовъ:

I.

Капризные звуки...
И даль жемчугами одѣта...
И блестки, и струи расцвѣта...
И муки...

II.

Вѣнчикъ лилеи...
Просвѣты былого свиданья,
Унылая пѣсня прощанья...
И сумракъ аллеи...

Вы понимаете что нибудь, читатель? Ну, понимаете-ли что нибудь хоть вы, «маститые наставники», или вы, г. Сыромятниковъ, объясните...

Впрочемъ, это не единственный перлъ г. Степанова. Хорошо также его «Nocturne» (опять «piano»). Господи, какихъ тамъ красивыхъ вещей и звучныхъ рифмъ нѣтъ! И платаны, и фонтаны, и розы, и грезы, и жемчугъ звѣздный... Мало показалось поэту современнаго міра—онъ пристегнулъ и древній: «Таетъ сумракъ—*Эосъ* встала»... Ну, словомъ, прелестно, прелестно, какъ говаривалъ г. Турникель въ романѣ Леона Додэ. Должно быть, надъ этимъ-то стихотвореніемъ и умилился такъ душой г. Майковъ, изящный пѣвецъ античной красоты. Но это не все. Что вы скажете, напримѣръ, о «Серенадѣ» г. Степанова: «Вѣтеръ по струнамъ левкоевъ бѣжалъ»? Увы, бѣда намъ съ нашимъ невѣжествомъ! Мы до сихъ поръ думали, что левкои — это цвѣты, очень простые садовые цвѣты, а вотъ нынѣшніе господа гимназисты, съѣвшіе самого чорта въ изученіи древнихъ языковъ, докопались до того, что это былъ такой инструментъ, на которомъ бряцали въ старину господа поэты — быть можетъ, въ тѣ времена, когда еще лиры не были изобрѣтены... Однако слушайте: «Вѣтеръ по струнамъ левкоевъ бѣжалъ», продолжаетъ г. Степановъ свою серенаду (какая жалость, что на этотъ разъ онъ забылъ указать, *piano* или *forte* слѣдуетъ ее читать и пѣть).—«Я для тебя въ эту ночь приберегъ пѣсни левкоевъ, чтобъ въ темный чертогъ звуки упали красивые»... Прелестно, опять прелестно!... Да, счастливица эта госпожа А. А. К., которой посвящена серенада, какіе красивые звуки падаютъ въ ея чертогъ! Что за чудная вещь эти «пѣсни левкоевъ», сбереженныя для нея г. Степановымъ. Жаль будетъ, если онъ не сбережетъ ихъ и для всей Россіи, для всего міра: во избѣжаніе такой страшной опасности, мы посовѣтывали бы ему немедленно записаться въ сотрудники «Сѣвернаго Вѣстника», гдѣ

гг. Минскій, Мережковскій, Льдовъ и г-жа Гиппіусъ, конечно, съ удовольствіемъ примутъ его въ свой поэтическій хоръ...

Удачно подражаетъ г. Степанову и г. Чумиковъ, стихотвореніе котораго мы съ удовольствіемъ выписали бы цѣликомъ, если бы оно не было, къ сожалѣнію, длинно. Оно также вполнѣ во вкусѣ времени, потому что мы, отсталые люди, буквально ничего въ немъ не поняли... Изъ пяти строфъ приведемъ двѣ послѣднихъ, наиболѣе замѣчательныхъ:

Томительный запахъ левкоя!

(Да и дался же имъ этотъ левкой, прости, Господи!)

О чемъ *они* (?) спорятъ, куда они мчатся?
А я—я лишь жажду покоя!

* * *

Многоцвѣтная астра!
Звукъ вальса... Очей сладострастныхъ случайныя встрѣчи...
Холодныя рѣчи... И плечи бѣлѣй алебастра...

«Холодныя рѣчи»... Ага! скорѣе же и вы въ «Сѣверный Вѣстникъ» ступайте, г. Чумиковъ! Тамъ теперь, что ни книжка, «холодныя слова» воспѣваются...

— «Зачѣмъ я встрѣтилъ васъ?» жалуется слѣдующій поэтъ сборника, г. Френкель. Жилъ бы онъ себѣ спокойно, тихо, благородно, а теперь вся жизнь его стала однимъ мученьемъ—о, зачѣмъ онъ встрѣтилъ васъ?! Въ другомъ стихотвореніи, въ посвященіи котораго стоятъ даже иниціалы имени и фамиліи съ женскимъ окончаніемъ, онъ вспоминаетъ:

Не забыть мнѣ ночи безмятежной,
Не забыть мнѣ глазокъ огневыхъ,
Вспышекъ *страсти* искренной и *нѣжной*,
Поцѣлуевъ пламенныхъ твоихъ!

Въ слѣдующихъ затѣмъ двухъ пьесахъ, посвященныхъ любви и разлукѣ, опять тѣ же «упоительныя встрѣчи», въ которыхъ заключались для г. Френкеля «счастье и покой», тѣ же «глазки милые», «личико нѣжное», безъ которыхъ жизнь—горе, тоска непробудная... Но вотъ передъ нами «Ночь въ Крыму»: нѣтъ-ли тутъ чего-нибудь особеннаго? Тутъ есть, понятно, и волшебное сіяніе луны, и утесы съ дельфинами, и аллеи платановъ... и напѣвъ соловьиный... и опьяняющихъ запахъ магнолій, все есть — не попали какимъ-то чудомъ только эти злодѣйскіе, томительные левкои, вскружившіе головы юнымъ поэтамъ сборника. Но г. Френкель, оказывается, недоволенъ. Ему «хочется плакать, *томиться* (вотъ странное желаніе!), грустить, всему міру повѣдать страданья»... Какія, чьи страданья? Это ваши-то страданья по смазливому личику, ваши «вспышки *страсти нѣжной*» (наука, отлично извѣстная еще блаженной памяти Евгенію Онѣгину) должны служить предметомъ вниманія для цѣлаго «міра»? Не слишкомъ-ли много чести, г. Френкель?

Эхъ вы, молодые поэты, надежда Россіи!..

Мы принялись за чтеніе сборника съ надеждой «обвѣять себя чистымъ ароматомъ весенняго воздуха», и вотъ уже чувствуемъ, какъ въ груди нашей начинаетъ бурлить желчь, какъ эта «молодая роща» начинаетъ душить насъ своими испареніями старой, до тошноты старой любовной гнили и худосочнаго, преждевременно-малодушнаго нытья... Однако терпѣніе, терпѣніе, читатель, а то, чего добраго, насъ обвинятъ еще въ тенденціозности, въ придирчивости и скороспѣлыхъ обобщеніяхъ на основаніи двухъ-трехъ слабыхъ стихотвореній. Разсмотримъ же *цѣликомъ* еще произведенія нѣсколькихъ поэтовъ изъ наиболѣе крупныхъ вкладчиковъ сборника.

Вотъ г. Хризонопуло, заявляющій въ одномъ изъ стихотвореній, что онъ идетъ «къ невѣдомому Богу», и что вокругъ него — «ночь и небо въ облакахъ». Да, должно быть, трудная это дорога, и любопытно было бы узнать о ней кой-какія подробности. Перейдемъ къ другимъ стихотвореніямъ автора—авось изъ нихъ что-нибудь узнаемъ. «Я тебя не любилъ никогда,—сознается въ одномъ изъ нихъ г. Хризонопуло,—и теперь я тебя не люблю, но твой образъ вездѣ я ловлю, и твой образъ со мною всегда». Странная психологическая загадка, особенно странная для юноши, уподобляющагося, по картинному выраженію г. Майкова, бѣленькому или голубенькому цвѣточку съ дѣтскими глазками... «Она смотритъ такъ безстыдно и нахально, и въ душѣ моей унылой и печальной змѣи злобы и презрѣнія шипятъ», продолжаетъ г. Хризонопуло въ другомъ стихотвореніи. Да, это, должно быть, дурная женщина; нечего вамъ на нее и злобой шипѣть, г. Хризонопуло, лучше просто отойдите подальше.—«Но въ лицѣ ея безсмысленномъ, измятомъ, но въ лицѣ ея, природою проклятомъ, я рубецъ страданья страшный увидалъ»... Рубецъ страданья, да еще и страшный... Если вы увидали его, то, конечно, надо пожалѣть несчастную, надо помочь ей, чѣмъ можно. Что же сдѣлалъ, однако, г. Хризонопуло? Онъ «къ ногамъ ея упалъ и въ *сладостномъ* (?) волненьи *молился*, плакалъ и рыдалъ!» Вотъ это насъ совсѣмъ уже удивляетъ... И даже знаете-ли что, молодой человѣкъ? Въ связи съ тѣмъ страшнымъ признаніемъ, которое сдѣлано вами въ предъидущемъ стихотвореніи, фактъ этотъ заставляетъ насъ тревожиться... Сколько вамъ лѣтъ? Не обратиться-ли вамъ за совѣтами къ опытному врачу, спеціалисту по психіатріи? Право, опасно запускать такія болѣзни...

Не знаемъ, послушается-ли г. Хризонопуло нашего добраго указанія; но пока онъ предпочитаетъ пользоваться жизнью и... какъ-бы это изящнѣе выразиться? приглашаетъ какую-то молодую дѣвицу, подъ покровомъ полуночныхъ тѣней, идти съ нимъ, г. Хризонопуло, въ нѣкій «волшебный пріютъ» и тамъ наслаждаться любовью...

О, не краснѣй, дорогая моя,
Слезы стыда пусть изчезнутъ скорѣй...
Руку, родная...

. . . . Смѣло иди:
Миръ и святая (!) любовь впереди.

И такіе-то стихи печатаются за полною подписью авторовъ и выдаются за свѣжую, чистую, молодую поэзію, прямую наслѣдницу Пушкина и Гоголя! Великіе писатели, слышите-ли вы?!

«Молитесь за него!» восклицаетъ еще одинъ поэтъ сборника, г. Бальтерманцъ. Это ни за кого другого приглашаютъ насъ молиться, какъ за поэта: каждый стихъ его представляетъ для него муку; «его сжигалъ огонь, которымъ вы согрѣты, и я вамъ говорю: молитесь за него!» О, покажите же намъ, г. Бальтерманцъ, вашъ огонь, ваши муки, покажите скорѣе!.. Однако, заявивъ въ одномъ стихотвореніи, что «звѣзды нашептали ему чудныя сказки» (увы! г. Фофановъ раньше васъ и красивѣе васъ заявлялъ то же самое), г. Бальтерманцъ спѣшитъ скромно оговориться, что «мертво и сурово наше блѣдное слово, и языкъ мой такъ грубъ и тѣлесенъ» (увы! не такъ грубо была выражена эта мысль Надсономъ). Изъ стихотворенія «Море» мы узнаемъ, что молодой авторъ уже «растратилъ силу среди хладныхъ людей въ жалкихъ грозахъ и жалкомъ бореньи», и что въ 20 лѣтъ успѣлъ превратиться въ «Пигмея»... Этого мало. Въ стихотвореніи «Быть можетъ» онъ безъ всякаго протеста (естественнаго, казалось бы, въ юношѣ) допускаетъ мысль, что еще черезъ 20 лѣтъ онъ превратится, быть можетъ, въ практическаго человѣка, который все осмѣетъ, чтò теперь ему дорого и свято, и станетъ писать трактаты о пользѣ буквы *ѣ*...

Такова и вся современная молодежь, насколько обрисовывается она передъ нашимъ умственнымъ взоромъ по стихамъ студенческаго сборника. Нѣтъ въ ней живой крови, нѣтъ пламенныхъ юношескихъ порывовъ и возвышенныхъ увлеченій, нѣтъ гордости и вѣры въ себя, готовности цѣлый міръ вызвать на бой съ своими идеалами, нѣтъ въ сущности никакихъ идеаловъ, никакихъ молодыхъ убѣжденій, нѣтъ самой молодости! Единственное доступное ей пламя—это дешевенькое, дрянненькое, свойственное даже «мышинымъ жеребчикамъ» пламя, вспыхивающее при видѣ всякой встрѣчной... простите, молодые поэты, за выраженіе! — женской юбки. Г. Бальтерманцъ тоже, вотъ, пишетъ: «Приходи подъ покровомъ таинственной ночи», и каждый куплетъ этого стихотворнаго призыва оканчивается драгоцѣннымъ обѣщаніемъ: «Я тебя обниму!» Но за что обнимать васъ, г. Бальтерманцъ, за что любить васъ?

Однако, довольно, довольно поэзіи гг. студентовъ петербургскаго университета; отъ нея вѣдь ошалѣть можно. Мы самымъ подробнымъ и, думаемъ, добросовѣстнымъ образомъ разсмотрѣли произведенія *восьми* главныхъ его поэтовъ, и, конечно, читатель повѣритъ намъ теперь на слово, если мы скажемъ, что въ стихахъ и остальныхъ двѣнадцати, болѣе мелкихъ, точно также не встрѣчается ни истиннаго чувства, ни свѣтлыхъ, искреннихъ мыслей, ни красивыхъ и оригинальныхъ образовъ. Не интересенъ графъ де-ла-Бартъ, жалующійся

на то, что «всѣхъ безъ разбора дарилъ крылатый Эротъ, счастьемъ всѣхъ, не скупясь, надѣлилъ», а что когда, молъ, онъ, графъ, пришелъ за своей долей, Эротъ все уже «расточилъ»; не больше интересенъ г. Жуковъ, на 16 стиховъ размазавшій четыре извѣстныхъ юношескихъ стиха Лермонтова о влюбленномъ сердцѣ:

Но пускай оно трепещетъ;
То безумной страсти слѣдъ.
Такъ все море бурно плещетъ,
Хоть надъ нимъ ужъ бури нѣтъ.

Равно скученъ и г. В. В. (чуть-ли не единственный поэтъ сборника, благоразумно скрывшійся подъ скромными иниціалами), очень неудачно, чрезвычайно сантиментально подражающій знаменитому «Утесу» того же Лермонтова. И не напоминайте намъ, пожалуйста, о томъ, что передъ нами «юные» поэты, къ которымъ нельзя относиться черезчуръ придирчиво и строго: «юноши» въ возрастѣ отъ 20 до 24 лѣтъ, требующемся для пребыванія въ университетѣ, не настолько уже юны, чтобы къ нимъ примѣнять гимназическую мѣрку. Двадцати четырехъ лѣтъ Добролюбовъ и Надсонъ уже окончили свою писательскую карьеру; Лермонтовъ и Некрасовъ уже были въ эти годы Лермонтовымъ и Некрасовымъ, Пушкинъ далъ лучшія свои произведенія... но зачѣмъ говорить объ этомъ? Разбираемые авторы и потому одному не нуждаются въ нашей снисходительности, что выступаютъ съ слишкомъ большими претензіями, шумомъ и трескомъ.

Мы потому остановились такъ подробно на стихахъ сборника, что сами редакторы послѣдняго именно стихамъ, а не прозѣ, придавали главное значеніе; мы вполнѣ согласны съ ними и тоже думаемъ, что стихотворный отдѣлъ этой книги ярче и характернѣе для представляемой ею части нынѣшняго молодого поколѣнія. Однако посмотримъ все таки и на прозу сборника. Значительную часть этого отдѣла занимаютъ, неизвѣстно съ какой стати и на какомъ основаніи, всевозможныя китайскія и турецкія пословицы, переводныя сказки и даже какія-то «касиды» съ монгольскаго, турецкаго, китайскаго, японскаго и санскритскаго языковъ. Очень любопытно было бы знать: идейный-ли смыслъ этихъ пословицъ и сказокъ плѣнилъ переводчика и редакторовъ сборника, или же гг. студентамъ восточнаго факультета просто хотѣлось показать публикѣ (а быть можетъ, и своимъ родственникамъ), что они не даромъ тратятъ время въ университетѣ и усердно слушаютъ профессорскія лекціи? Не желая допускать этотъ послѣдній мотивъ, мы имѣли всетаки терпѣніе просмотрѣть нѣкоторыя (каемся—не всѣ) изъ прозаическихъ переводовъ съ восточнаго. Вотъ чему поучаетъ насъ, наприм., г. Янчевецкій въ своихъ «Завѣтахъ Конфуція»: «Только раскаливъ золото на огнѣ, узнаешь его цѣну; только имѣвъ съ человѣкомъ денежное дѣло, увидишь его душу». Что жъ ничего мудрое правило. «У трехъ войскъ можно отнять ихъ полководца;

но у простого мужика не отнимешь его желаній». Счастливый китайскій мужичекъ! Да и полно, китайскій-ли только?—«Кто днемъ ѣстъ три раза и послѣ спитъ всю ночь напролетъ, тотъ владѣетъ неизмѣримымъ счастьемъ»—вотъ идеалъ счастья, милые юноши,—поучайтесь и благодарите своего товарища г. Янчевецкаго за переводъ этой восточной премудрости!—«У человѣка три запрета. Въ молодые годы, когда кровь и духъ въ немъ неспокойны, пусть бережется женской красоты. Когда онъ возмужаетъ, когда и кровь, и духъ въ немъ будутъ сильны, пусть бережется онъ борьбы. Когда онъ станетъ старикомъ, когда и кровь, и духъ въ немъ одряхлѣютъ, пусть бережется любостяжанія». Прекрасные запреты! Однако, намъ лично больше всего понравился «завѣтъ Конфуція» въ переводѣ того же г. Янчевецкаго: «На свѣтѣ нѣтъ трудныхъ дѣлъ: причина та, что въ нихъ сердца не вкладываютъ». Подумали-ли объ этомъ изреченіи составители разбираемаго сборника, когда называли изданіе его «такимъ сложнымъ» и, значитъ, труднымъ дѣломъ?..

Весьма любопытна также индійская сказка «Хитрость дочери министра», переведенная съ санскритскаго г. Онопріенкомъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Шли путемъ-дорогой четыре странника и, заработавъ четыре жемчужины, поручили ихъ на храненіе одному изъ своей среды, сыну купца. Купеческій сынъ поднялъ вскорѣ ложную тревогу: «я обокраденъ!»—на самомъ же дѣлѣ онъ затаилъ четыре жемчужины. Товарищи, однако, ему не повѣрили и, приведя его къ знаменитому мудростью раджѣ, стали судиться. Мудрый раджа никакъ не могъ уличить обманщика и, опасаясь за свою славу, загрустилъ. Его выручила изъ этой бѣды умная дочь. Она велѣла отцу уложить странниковъ порознь спать, а сама, являясь къ нимъ по очереди въ соблазнительномъ нарядѣ, предлагала каждому свою любовь... за деньги. Денегъ, однако, ни у кого не оказалось, и только хитрый купеческій сынъ, опьяненный красотой дочери министра, отдалъ ей четыре затаенныхъ жемчужины и этимъ себя выдалъ. Тѣмъ и кончается благонравный индійскій разсказъ, который до того восхитилъ благонравнаго студента С.-Петербургскаго университета г. Онопріенка, что онъ обязательно перевелъ его для насъ съ санскритскаго (подумайте только! съ самаго сан-скрит-скаго) языка!.. Неправда-ли, какой поучительный для русскаго юношества и для всего русскаго общества разсказъ? Какая примѣрная любовь къ родителямъ и ревность къ ихъ репутаціи, какой умъ, какая ловкость, какъ добродѣтельна эта «хитрая дочь» индійскаго министра! И какъ страдала родная литература отъ того, что этотъ перлъ поэзіи пропадалъ до сихъ поръ гдѣ-то въ неизвѣстности, въ глубинѣ профессорскихъ тетрадокъ, не украшая собою имени г. Онопріенка!

Довольно, однако, съ насъ и этой китайско-монгольско-индійской премудрости, морали и красоты, довольно! Ухъ! выйдемъ на вольный Божій свѣтъ. Надежда все еще тлѣетъ въ нашей груди... Гос-

пода прозаики студенческаго сборника, авторы оригинальныхъ разсказовъ, вывозите хоть вы, голубчики, утѣшьте!

Но не сразу хотятъ вывозить и утѣшать авторы и оригинальныхъ прозаическихъ сочиненій. Завѣтный кладъ,—искреннее чувство и свѣжая, честная мысль никакъ не даются въ руки господамъ студентамъ. Сначала г. Голиковъ угощаетъ насъ своимъ, по истинѣ, пошлымъ разсказомъ «Дѣтская любовь», изъ котораго явствуетъ, что любить—значитъ «цѣловать въ засосъ, нервно дрожать отъ испытываемаго при этомъ наслажденія, воображать пышную женскую грудь, полныя руки, бѣлыя плечи», и что именно «въ этомъ и заключается главное, что содержитъ въ себѣ любовь». Когда герой разсказа, не имѣвшій еще четырнадцати лѣтъ, дошелъ до этой истины, т. е. увидалъ одну взрослую парочку, любившую по вышеприведенному рецепту, то и его «чистая» дѣтская любовь, заключавшаяся въ «жадномъ» цѣлованіи тайкомъ туфелекъ тридцатилѣтней женщины, начала портиться: «мои представленія, мои грёзы извратились. Онѣ сдѣлались менѣе чистыми, болѣе реальными, болѣе животными». Таковы заключительныя строки разсказа.

Тѣмъ прискорбнѣе, тѣмъ стыднѣе было прочитать намъ подобную вещь въ студенческомъ сборникѣ, что авторъ ея (надо говорить ужъ полную правду—раньше мы намѣренно умолчали объ этомъ), г. Голиковъ, далъ, по нашему мнѣнію, для этого сборника единственныя въ немъ недурныя стихотворенія: «Два брата» и «Вельможа». Правда, не Богъ знаетъ, какъ хороши и оригинальны эти стихотворенія, напоминающія что-то давно знакомое изъ дѣтской хрестоматіи Паульсона, но что за бѣда! Это все же честныя и недурно написанныя вещицы.

Вслѣдъ за г. Голиковымъ отличился и другой поэтъ сборника г. Никоновъ, сочинившій не менѣе пошловатый разсказъ «Открытіе», въ которомъ гимназистъ Петя, безъ малѣйшихъ слѣдовъ душевнаго колебанія, стыда и раскаянія, читаетъ чужія письма и думаетъ очень дрянненькія, гаденькія мысли. Отъ себя авторъ не дѣлаетъ никакихъ комментаріевъ; ни одна черточка не позволяетъ догадываться, чтобы онъ чувствовалъ возмущеніе своимъ дряннымъ героемъ, чтобы онъ писалъ сатиру, а не простую фотографію.

Плоскій міръ и плоскихъ людей изображаетъ также г. Лосскій въ своемъ черезчуръ громко озаглавленномъ разсказѣ «Къ идеалу», но здѣсь видишь, по крайней мѣрѣ, отрицательное, насмѣшливое отношеніе автора, тутъ свѣтитъ хоть искра живой человѣческой души. Ученическими тетрадками, дѣтской неопытностью и незрѣлостью вѣетъ отъ путевыхъ очерковъ г. Николина, отъ разсказовъ гг. Бернара, Полынова, Лобачева; лишь смутно и неувѣренно блещутъ, быть можетъ, искорки литературности въ деревенскихъ очеркахъ изъ жизни Сибири г. Державича, въ маленькомъ этюдѣ г. Ордина «Requiem», въ испорченномъ лишнимъ мелодраматизмомъ разсказѣ г. Беренштама «Слу-у-шай!»—но, Боже! вѣдь мы давно

уже перестали ждать какой-либо геніальности отъ этой хвастливо выступившей книги, мы жаждемъ теперь одного только—здоровой молодости, способной мыслить и чувствовать по человѣчески, умѣющей и въ другихъ пробуждать свѣтлыя мысли и добрыя чувства.

Говорить-ли поэтому читателю о томъ живомъ, неподдѣльномъ удовольствіи, какое ощутили мы, когда въ томительно-безплодной пустынѣ студенческаго сборника встрѣтили, наконецъ, три настоящихъ оазиса, въ видѣ сказки г. Корытко «О чемъ щебетала ласточка и что накаркала ворона», разсказа г. Маркова «Одинъ изъ алчущихъ» и особенно разсказа г. Безпятова «Жиганъ», на которомъ *какъ будто* лежитъ уже печать истиннаго дарованія... Какъ скромно пріютились въ сборникѣ эти скромные разсказы, какъ они тонутъ среди громозвучныхъ «пѣсенъ левкоевъ», турецкихъ «касидъ» и китайскихъ «завѣтовъ» и съ какой, быть можетъ, недовольной миной приняли г.г. редакторы въ изящно подобранный ими, ароматическій букетъ сборника этого оборваннаго, погибающаго въ степи бродягу-каторжника г. Безпятова, этого неуклюжаго скептика г. Корытко, разочаровывающаго милую, прелестную барышню въ ея благоуханной первой любви, наконецъ, этого несчастнаго, умирающаго съ голоду студента г. Маркова! Но зачѣмъ правду таить: только эти три имени изъ всѣхъ сорока авторовъ сборника и «вывозятъ» его, только они одни и позволяютъ злополучному читателю вздохнуть свободно и сказать себѣ: значитъ, не совсѣмъ еще пропало дѣло молодого поколѣнія!.. Кто знаетъ, не оклеветанъ-ли и самый-то петербургскій университетъ самозванною кучкой «составителей», выступившихъ отъ его лица съ творческими силами и идеями современной молодежи? Кто знаетъ и то: каждую-ли строку сборника редактировали и одобряли такіе опытные и старые литераторы, какъ г.г. Григоровичъ, Полонскій и Майковъ? Мы, по крайней мѣрѣ, охотно готовы допустить, что «маститые наставники», склонные по добротѣ душевной глядѣть на гг. студентовъ, какъ на малыхъ и вмѣстѣ милыхъ дѣтей (см. предисловіе г. Майкова), пришли въ преувеличенный восторгъ отъ какихъ-нибудь двухъ-трехъ стихотворныхъ вещицъ, отъ какихъ-нибудь двухъ-трехъ разсказиковъ и великодушно, хотя и необдуманно подарили всему сборнику свое редакторское имя и свои предисловія къ нему...

Да, мы почти не сомнѣваемся въ томъ, что будь у этого сборника другіе «составители», или избери они другую руководящую руку, въ нашемъ славнѣйшемъ и многолюднѣйшемъ университетѣ нашлось бы не такъ ужъ мало даровитыхъ студентовъ, способныхъ писать стихами и прозой, и что во всякомъ случаѣ доминирующимъ тономъ книги былъ бы не тонъ г. г. Никонова, Голикова, Степанова, Чумикова, Хризонопуло и др., вызывающихъ теперь краску стыда на лицѣ даже снисходительнаго читателя.

П. Ф. Гриневичъ.

Къ вопросу о постановкѣ всеобщей переписи

Въ «Русскомъ Богатствѣ» уже были сдѣланы замѣчанія на выработанные Главною Переписною Коммиссіею «Проектъ наставленія сельскимъ счетчикамъ» и формы переписныхъ листовъ. Вопросъ такъ важенъ, интересы, съ нимъ связанные, такъ обширны и существенны, самый характеръ «однодневной» работы требуетъ столь тщательно и всесторонне обдуманной предварительной подготовки, въ цѣляхъ полнаго согласованія малѣйшихъ деталей будущей огромной работы,—что никакія практическія указанія въ этомъ направленіи не могутъ считаться лишними. Вотъ почему, пользуясь тѣми же матеріалами, мы попробуемъ затронуть еще разъ общій вопросъ о самой постановкѣ всеобщей переписи.

«Всеобщая перепись», по опредѣленію Переписной Коммиссіи, «имѣетъ цѣлью привести въ извѣстность численность населенія, его составъ и мѣстное распредѣленіе». Въ этихъ видахъ перепись будетъ вестись «по отдѣльнымъ хозяйствамъ», со словъ опрашиваемыхъ лицъ, «обязанныхъ давать правдивые и точные отвѣты»; руководство работами на мѣстахъ переписи возлагается на завѣдующихъ переписными участками, а выполненіе важнѣйшихъ работъ на сельскихъ счетчиковъ, причемъ основной пріемъ работъ,—учетъ населенія будетъ пріуроченъ къ одному дню. Стало быть, въ техническомъ отношеніи всеобщая перепись населенія, при указанныхъ условіяхъ, должна, очевидно, сложиться изъ ряда такого рода операцій, которыя вели бы къ полученію возможно точныхъ данныхъ, въ возможно короткій срокъ работъ и при возможно меньшихъ затратахъ труда и матеріальныхъ средствъ. Но для этого необходимо систематическое соблюденіе цѣлаго ряда условій по отношенію, по крайней мѣрѣ, къ слѣдующимъ 3 пунктамъ:

1) Необходимо прежде всего точно и опредѣленно формулировать и затѣмъ строго провести по всѣмъ частямъ работы основное понятіе переписи о хозяйствѣ.

2) Весьма важно также точно опредѣлить, съ одной стороны, права и обязанности тѣхъ лицъ, которыя будутъ выполнять важнѣйшія работы, а съ другой—отвѣтственность лицъ, долженствующихъ дать на переписи свѣдѣнія.

3) Техническая сторона дѣла, т. е. организація рабочихъ силъ, способы полученія данныхъ, формуляры для занесенія свѣдѣній, должны удовлетворять троякаго рода требованіямъ: а) наименьшей тзаратѣматеріальныхъ средствъ, б) взаимному контролю вносимыхъ

въ формуляры данныхъ и в) удобствамъ какъ занесенія, такъ и послѣдующаго затѣмъ извлеченія изъ нихъ свѣдѣній.

Въ какой же мѣрѣ удовлетворяютъ этимъ требованіямъ инструкція и переписные листы, выработанные Главною Коммиссіею?

Отличительная черта проектируемой переписи заключается въ томъ, что однодневную регистрацію населенія предположено провести по хозяйствамъ, т. е. по основнымъ ячеичнымъ формамъ нашей экономической жизни. Пріемъ въ высшей степени важный, обѣщающій дать богатые матеріалы, какъ для научныхъ, такъ и для практическихъ цѣлей. Въ этомъ отношеніи предстоящая перепись существенно отличается отъ ревизій, при которыхъ регистрація населенія (и при томъ только податного и не однодневная) велась по семьямъ-фамиліямъ, а не по хозяйствамъ, и оказывается сходственною съ земско-статистическими переписями, хотя и не однодневными, но развившими похозяйственный учетъ до высокой степени совершенства. Между тѣмъ, основное понятіе переписи о хозяйствѣ, какъ экономически-бытовой формѣ, во-первыхъ, не формулировано съ надлежащею опредѣленностью въ «Инструкціи сельскимъ счетчикамъ, а во-вторыхъ, при переписи не будетъ выражено даже въ самыхъ общихъ основныхъ своихъ признакахъ. Такъ, въ пунктѣ 8 инструкціи, между прочимъ, говорится: «въ составъ каждаго отдѣльнаго хозяйства входятъ члены семьи, а также родственники и другія лица, зависящія отъ хозяина и проживающія съ нимъ вмѣстѣ.» При опредѣленіи состава хозяйства по такимъ растяжимымъ признакамъ, какъ зависимость однихъ лицъ отъ другихъ и совмѣстное проживательство, легко можетъ случиться, что счетчики смѣшаютъ нѣсколько хозяйствъ въ одно, чѣмъ нарушится правильное проведеніе основного признака переписи—похозяйственнаго учета. Въ составъ хозяйства волостного писаря можетъ попасть его помощникъ—одиночка, живущій вмѣстѣ съ своимъ хозяиномъ и зависящій отъ него; то же можетъ случиться съ хозяйствами судебнаго слѣдователя и живущаго у него письмоводителя, или купца и приказчика, или чиновника и гувернантки и т. п., супруги-батраки, живущіе въ двухъ различныхъ хозяйствахъ, хотя и будутъ зарегистрованы, но не будутъ выдѣлены въ отдѣльную хозяйственную единицу; наконецъ, и цѣлыя семьи лицъ, зависящихъ отъ своихъ хозяевъ и живущихъ совмѣстно съ ними, окажутся такимъ образомъ записанными въ составъ чужихъ семей, а не самостоятельными хозяйствами. Въ этомъ отношеніи даже прямая статья проекта инструкціи (пунктъ 10-й), относящаяся къ аналогическимъ случаямъ «во владѣльческихъ участкахъ и хуторахъ», недостаточно ясна и можетъ повести къ разнаго рода недоразумѣніямъ. Очень многіе счетчики будутъ поставлены въ затрудненіе, нужно-ли будетъ заносить на отдѣльную карточку того садовника или огородника, которые сами будутъ жить во владѣльческихъ усадьбахъ, а семьи ихъ внѣ ихъ и при томъ гдѣ нибудь на сторонѣ,

въ чужомъ уѣздѣ или губерніи. Очевидно, что для избѣжанія такихъ и подобныхъ имъ ошибокъ и недоразумѣній въ средѣ счетчиковъ и, быть можетъ, завѣдующихъ участками, необходимо положить въ основу понятія о хозяйствѣ другой, болѣе существенный признакъ его—общность матеріальныхъ средствъ для простыхъ (а не сложныхъ—компаній, товариществъ и пр.) единичныхъ хозяйствъ, такъ какъ только матеріальными средствами въ такихъ хозяйствахъ опредѣляется или самое существованіе ихъ, или извѣстныя хозяйственныя операціи, которыми, въ свою очередь, уже обусловливаются совмѣстное проживательство и зависимость однихъ лицъ отъ другихъ, принадлежащихъ нерѣдко къ различнымъ хозяйственнымъ единицамъ. Понятіе о хозяйствѣ въ такой формулировкѣ должно быть, такъ сказать, возможно шире конкретизировано разнаго рода примѣрами въ разныхъ частяхъ инструкціи.

Что касается тѣхъ экономическихъ признаковъ, которыми характеризуются особенности разныхъ видовъ хозяйствъ, то учетъ такихъ признаковъ совсѣмъ будетъ отсутствовать при предстоящей переписи. Было бы, поэтому, очень полезно ввести въ перепись, по крайней мѣрѣ, самую общую группировку хозяйствъ по основнымъ экономическимъ признакамъ. Съ этой цѣлью хозяйства могли бы быть подраздѣлены на четыре группы: 1) на хозяйства, владѣющія землей и недвижимой собственностью, 2) на хозяйства, владѣющія одною землею, 3) на хозяйства, владѣющія одною недвижимою собственностью, и 4) на хозяйства, не имѣющія ни земли, и недвижимой собственности. Группировка эта не только не осложнитъ дѣла переписи, а наоборотъ, будетъ способствовать лучшей постановкѣ его. Сами по себѣ отмѣченные признаки настолько просты и общеизвѣстны, что не представятъ никакихъ затрудненій для регистраціи; послѣдняя же только заставила бы какъ завѣдующихъ переписными участками, такъ и счетчиковъ обратить особое вниманіе на подготовительный учетъ хозяйствъ, правильность котораго не могутъ гарантировать ни канцелярскія справки и списки, ни обходъ жилыхъ помѣщеній. Въ частности по четвертой группѣ хозяйствъ, не имѣющихъ ни земли, ни недвижимой собственности, несомнѣнно получились бы при этомъ сравнительныя данныя для выдѣленія въ самостоятельныя единицы хозяйствъ бездомовыхъ, батрачныхъ, одиночекъ, и т. п. Наконецъ, собранные путемъ однодневной переписи матеріалы объ имущественныхъ признакахъ хозяйствъ представятъ несомнѣнно много интереснаго и поучительнаго какъ въ научномъ, такъ и практическомъ отношеніяхъ.

Отсутствіе матеріаловъ о томъ, какъ будутъ организованы рабочія силы для переписи, не позволяетъ сдѣлать тѣхъ или другихъ сужденій по этому поводу. Предположенія о числѣ завѣдующихъ участками и сельскихъ счетчиковъ, а также о силахъ, необходимыхъ для одновременной переписи городовъ, дали бы очень важныя указанія на этотъ счетъ, но такихъ данныхъ нѣтъ. То же, что касается

собственно роли сельскихъ счетчиковъ, т. е. главныхъ агентовъ переписи, выражено въ проектѣ инструкціи опять-таки съ недостаточною опредѣленностью. Такъ, счетчику дано лишь право входа въ помѣщенія тѣхъ лицъ, которыя обязаны сами заполнить переписные формуляры, и не установлены условія передачи и обратнаго полученія въ томъ или другомъ видѣ заполненныхъ формуляровъ. Между тѣмъ, у счетчика могутъ не взять переписныхъ листовъ, могутъ не отдать ихъ ему, могутъ, наконецъ, не заполнить ихъ во время или даже совсѣмъ, и хотя въ проектѣ инструкціи говорится, что въ такихъ случаяхъ счетчикъ долженъ «оказать содѣйствіе», но могутъ вѣдь и отвергнуть это содѣйствіе. Если пунктомъ 18 инструкціи, гласящимъ, что «должностныя лица волостныхъ и сельскихъ управленій, а равно и частныя лица обязаны оказывать счетчикамъ надлежащее содѣйствіе», имѣлось въ виду устранить подобныя недоразумѣнія, то выраженіе «надлежащее содѣйствіе» настолько растяжимо и неопредѣленно, что имъ съ удобствомъ могутъ прикрыться всѣ тѣ, кто въ дѣйствительности никакого содѣйствія не окажетъ, а, быть можетъ, будетъ только путать и тормозить работы. Конечно, впослѣдствіи можно будетъ разобраться, кто правъ, кто виноватъ, и кто какъ (преднамѣренно или по недоразумѣнію) понималъ слова «надлежащее содѣйствіе»; но дѣло переписи будетъ уже сдѣлано и отъ этого не выиграетъ. Всеобщая перепись представляетъ собою настолько важную государственную мѣру, что произведеніе ея заранѣе должно исключить всякіе условныя отступленія и неопредѣленныя отношенія. Вмѣсто неопредѣленныхъ выраженій «оказать содѣйствіе» или «надлежащее содѣйствіе», въ инструкціи долженъ быть изложенъ просто точный перечень того, что и какъ обязанъ сдѣлать счетчикъ, что администрація, что частныя лица, и кто за что долженъ нести въ этомъ отношеніи отвѣтственность. Если, напр., счетчикъ, обходя за три дня до всеобщей переписи владѣльческія усадьбы, найдетъ незаполненными переписные листы, то для обезпеченія лучшихъ результатовъ переписи, необходимо вмѣнить въ обязанность и дать право самому счетчику занести требуемыя свѣдѣнія со словъ владѣльца: при этомъ условіи одна изъ важнѣйшихъ операцій переписи будетъ своевременно выполнена, между тѣмъ, какъ при требованіи инструкціей лишь «содѣйствія», та-же операція можетъ осложниться разнаго рода недоразумѣніями, а, можетъ быть, и упущеніями.

Всякое вообще осложненіе переписи выразится, конечно, въ большей затратѣ времени или силъ на дѣло. Если, положимъ, при 20 мил. всѣхъ хозяйствъ, общія предварителиныя работы счетчиковъ выразятся (считая на каждые 100 формуляровъ суточную работу счетчика) въ 200000 рабочихъ сутокъ такого же числа счетчиковъ, то осложненіе работъ только на 1% тѣми или другими недоразумѣніями потребуетъ или прибавки 2000 новыхъ лицъ къ наличному числу счетчиковъ, или увеличенія работъ на 2000 сутокъ для послѣднихъ.

Не менѣе серьезныя осложненія работъ могутъ произойти не только

отъ неясностей и неточностей въ инструкціи и формулярахъ, но и отъ внѣшней формы послѣднихъ и отъ способовъ регистраціи. Въ этомъ отношеніи проектированные коммиссіею способы переписи и формы переписныхъ листовъ не лишены также такихъ особенностей, устраненіе которыхъ необходимо и поведетъ какъ къ полученію болѣе высокаго качества свѣдѣній, такъ и къ громадному сокращенію матеріальныхъ средствъ на веденіе переписи, а именно:

1) По проекту коммиссіи, главная масса работъ—заполненіе бланковъ (ст. 24 инстр.) должно производиться обходомъ каждаго хозяйства. Пріемъ этотъ, имѣющій свое значеніе при переписи городовъ и поселеній городского типа, положительно не примѣнимъ къ селу и сельскому населенію. Въ матеріалахъ коммиссіи нѣтъ прямого указанія, почему именно при переписи нужно будетъ придерживаться отмѣченнаго пріема, но если онъ вызывается необходимостью убѣдиться, такъ сказать, на дѣлѣ въ точномъ учетѣ отдѣльныхъ хозяйствъ, то, во-первыхъ, цѣль эта можетъ быть и недостигнута этимъ путемъ, а во-вторыхъ, удовлетворительные результаты могутъ быть получены болѣе легкими пріемами, выработанными практикою земско-статистическихъ переписей. Особенно важно въ этомъ отношеніи значеніе схода. При переписяхъ на сходѣ сокращается прежде всего до крайняго minimum'а время работы.

Изъ практики земско-статистическихъ изслѣдованій извѣстно, что одинъ и тотъ же регистраторъ можетъ записать при обходѣ дворовъ только пятую часть того количества хозяйствъ, какое зарегистрируетъ онъ на сходѣ. Другими словами, если бы регистрація 20 милліоновъ хозяйствъ на сходахъ потребовала 200000 регистраторовъ, то, при обходѣ регистраторами хозяйствъ, количество работающихъ лицъ должно быть увеличено въ 5 разъ, повыситься съ двухъсотъ тысячъ до 1 милліона. Такая разница въ результатахъ работъ произойдетъ, конечно, отъ того, что, при обходахъ дворовъ, для регистратора потребуется масса лишняго времени на переходы по дворамъ, на приготовленія для записыванія свѣдѣній и въ особенности на разъясненія и всякаго рода разговоры съ населеніемъ. Слѣдовательно, въ силу уже указаннаго обстоятельства, перепись на сходѣ должна быть предпочтена переписи по дворамъ.

Еще важнѣе въ этомъ отношеніи регулирующая роль сходовъ. Благодаря сходу, во-первыхъ, получатся болѣе точныя свѣдѣнія, а во-вторыхъ, не мыслимы будутъ ни случайныя упущенія, ни пропуски, вслѣдствіе преднамѣреннаго умолчанія нѣкоторыхъ лицъ. Самъ регистраторъ дастъ болѣе полныя и понятныя разъясненія того, что потребуется на переписи отъ населенія, такъ какъ при этомъ, съ одной стороны, возникнутъ и будутъ поставлены болѣе разнообразные вопросы, а съ другой—объясненія будутъ сопровождаться конкретными случаями и аналогичными примѣрами т. е. въ формѣ, наиболѣе доступной для пониманія населенія. Еслибы даже при этомъ условіи получились тѣ или другія упущенія или недостатки пере-

писи, то сходъ всегда сдѣлаетъ надлежащія исправленія. Этого мало. Безъ схода, путемъ обхода отдѣльныхъ хозяйствъ, нѣкоторыя свѣдѣнія совсѣмъ не могутъ быть получены въ надлежащемъ видѣ, что именно и можетъ случиться съ основными свѣдѣніями переписи— съ повозрастнымъ составомъ населенія. Крестьяне не всегда и не всюду точно знаютъ возрастъ разныхъ членовъ семьи. Нерѣдко бываетъ, что хозяева не знаютъ не только возраста тѣхъ или другихъ членовъ семьи, но даже своего,—и это случается не съ дряхлыми стариками или женщинами, но даже съ лицами среднихъ возрастовъ. При обходѣ дворовъ, регистраторы во всѣхъ такихъ случаяхъ получаютъ самыя неудовлетворительныя свѣдѣнія о повозрастномъ составѣ населенія, между тѣмъ на сходѣ все это легко устраняется и устраняется само собою, такъ какъ приэтомъ дѣйствительный возрастъ устанавливается сразу для цѣлаго ряда лицъ путемъ припоминанія разнаго рода выдающихся въ жизни явленій или семейныхъ обстоятельствъ, какъ-то: кто съ кѣмъ сверстникъ, кто родился въ годъ пожара или войны, кто и когда шелъ на службу, кто въ какомъ возрастѣ обвѣнчался и т. п. А главное, при отсутствіи контроля со стороны схода, отдѣльные хозяева могутъ умышленно, въ силу иногда самыхъ нелѣпыхъ соображеній, или не показать нѣкоторыхъ лицъ, напр. пріемышей, опекаемыхъ, живущихъ безъ приписки и пр., или внести въ перепись лицъ, недавно умершихъ (напр. лицъ мужского пола, съ разчетомъ на лишній надѣлъ), или соединить въ одно хозяйство недавно раздѣлившіяся семьи, или показать лицъ отсутствующихъ въ числѣ наличныхъ, или совсѣмъ не дать никакихъ свѣдѣній по нѣкоторымъ пунктамъ программы, напр., о промысловыхъ занятіяхъ и т. п. Правда, параграфомъ 40-мъ Правилъ завѣдующимъ переписными участками предоставляется сдѣлать «поправки» въ переписи двумя способами: «или посредствомъ вторичнаго обхода и опроса всѣхъ переписныхъ хозяйствъ, или посредствомъ созыва и опроса всѣхъ хозяевъ каждаго селенія отдѣльно». Но, очевидно, участію сходовъ въ дѣлѣ переписи придается здѣсь совсѣмъ иное и во всякомъ случаѣ малозначущее, второстепенное значеніе.

Итакъ, слѣдовательно, перепись сельскаго населенія на сходахъ должна быть предпочтена переписи съ помощью обхода по дворамъ, какъ въ силу болѣе высокой продуктивности работъ, такъ и въ силу высшаго достоинства зарегистрованныхъ свѣдѣній.

2) Проектируемый Главною Коммиссіею переписной листъ также имѣетъ свои неудобства въ техническомъ отношеніи. По внѣшнему виду онъ представляетъ собою похозяйственную карточку въ формѣ писчебумажнаго листа; но обращаться съ такимъ громоздкимъ бланкомъ какъ при переписи, такъ и впослѣдствіи, при извлеченіи изъ листа свѣдѣній, будетъ очень неудобно и соединено съ лишними затратами времени. Для переписи представляла бы больше удобствъ карточка въ четвертую долю проектируемаго листа или немного

больше четвертушки по размѣру. Насколько важно было бы уменьшеніе формата карточки, можно судить уже потому, что проектируемые переписные листы потребуютъ, при 20 мил. хозяйствъ, столько же листовъ писчей бумаги или свыше 41 тысячи стопъ, а при форматѣ карточки въ четвертушку въ четыре раза меньше т. е. около 10 тысячъ стопъ. Соотвѣтственно должны, разумѣется, понизиться и денежные расходы, т. е. примѣрно со 100 тысячъ рублей до 25 тысячъ, при цѣнѣ бумаги въ 2 руб. 50 к. за стопу. Этого мало. Сокращенія получатся также въ расходахъ на конверты или папки, въ которыхъ будутъ храниться переписные листы, и затѣмъ на всѣ тѣ дѣйствія, которыя будутъ соединены съ пользованіемъ менѣе громоздкими матеріалами сравнительно съ болѣе громоздкими.

3) Но для того, чтобы уменьшить форматъ переписного листа, нужно произвести цѣлый рядъ измѣненій въ постройкѣ вопросныхъ пунктовъ переписи. Съ этой точки зрѣнія въ проектированныхъ переписныхъ листахъ прежде всего однѣ графы оказываются совершенно ненужными, а заполненіе другихъ будетъ сопровождаться излишнимъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же признаковъ. Такъ, для обозначенія пола лицъ въ переписномъ листѣ введена особая графа, между тѣмъ полъ представляетъ одинъ изъ тѣхъ общихъ признаковъ, которые должны при переписи оформляться самою формою карточекъ безъ всякихъ записей. Для этого стоитъ только подраздѣлить переписной формуляръ на двѣ части и записывать въ одной части мужской полъ, а въ другой—женскій. Тогда, во-первыхъ, не потребуется противъ каждаго лица проставлять условныхъ буквъ м. и ж., которыхъ при 100 мил. населенія, окажется 100 мил., т. е. свыше 10,000 печатныхъ листовъ или 500 печатныхъ книгъ въ 20 листовъ каждая; а, во-вторыхъ, тою же формою листа будутъ заранѣе облегчены работы для выборокъ и подсчета населенія по поламъ. Можно также утверждать, что отмѣченное предварительное разнесеніе указаннымъ способомъ населенія по поламъ будетъ сопровождаться меньшею путаницею, ошибками, неясностями и исправленіями, чѣмъ при способѣ записей, проектированномъ Переписною Коммиссіею.

Такія же замѣчанія можно сдѣлать относительно цѣлаго ряда другихъ признаковъ, которые, по проекту Переписной Коммиссіи, должны повторяться противъ каждаго лица и заноситься въ формуляры прописью, какъ то: фамилія, сословіе, мѣсторожденіе, мѣсто приписки, мѣсто постояннаго жительства, отлучки, вѣроисповѣданіе и родной языкъ. Если исключеніе только двухъ буквъ равняется сокращенію письма на 10,000 печатныхъ листовъ, то исключеніе цѣлыхъ словъ и притомъ такихъ сложныхъ записей, какъ мѣста рожденія, приписки, жительства и пр., будетъ сопровождаться во сто разъ большими сокращеніями. Можно, конечно, сказать, что будетъ опредѣленное число счетчиковъ, то не важно, пишутъ-ли

они въ каждомъ формулярѣ двѣ лишнихъ буквы или даже десятка два лишнихъ словъ; но должны же имѣть также свое значеніе эти лишнія записи, составляющія въ общей сложности, по самому скромному расчету, до 1 мил. печатныхъ листовъ. Врядъ-ли можно сомнѣваться въ томъ, что такого рода сокращенія будутъ способствовать или привлеченію меньшаго количества регистраторовъ, или же значительному сокращенію, а слѣдовательно, и повышенію въ качественномъ отношеніи работъ.

Проектируемый Коммиссіею способъ записей прописью можетъ быть, очевидно, объясненъ соображеніями о томъ, что такія записи поведутъ къ болѣе точной регистраціи намѣченныхъ признаковъ. Казалось бы, если все будетъ написано не разъ, а по нѣскольку разъ подрядъ, напр., фамилія, вѣроисповѣданіе, родной языкъ и пр., тогда не можетъ быть никакихъ упущеній или ошибокъ. Но вопросъ именно въ томъ, будетъ ли все записано, какъ слѣдуетъ? Записи прописью статистическихъ признаковъ всегда ведутъ къ того рода формализму и канцелярскимъ пріемамъ, при мѣстныхъ изслѣдованіяхъ, отъ которыхъ страдаетъ наибольше качество цифровыхъ матеріаловъ; онѣ, эти записи, прежде всего утомительны и, благодаря этому, пріучаютъ регистратора къ чисто механическимъ, не освѣщеннымъ критикою или контрольными сопоставленіями дѣйствіямъ. Регистраторъ пріучается писать за именемъ и отечествомъ одну и ту же фамилію, званіе, родной языкъ и пр., и этотъ механизмъ легко можетъ повести къ тому, что, напр., пріемышъ, пасынокъ или призрѣваемый будутъ отмѣчены не по своему отечеству, фамиліи, званію и пр., а по признакамъ хозяина. Нерѣдко опытные статистики дѣлаютъ упущенія этого рода, а счетчики, большинство которыхъ будетъ набрано изъ лицъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ статистикѣ, тѣмъ болѣе. Несравненно практичнѣе и цѣлесообразнѣе для учета такихъ признаковъ придавать регистраціи ихъ характеръ контрольныхъ пріемовъ. Вмѣсто того, чтобы записывать одну и ту же фамилію или званіе, или вѣроисповѣданіе противъ каждаго лица, включая и мѣсячныхъ дѣтей, лучше эти признаки отмѣчать противъ фамиліи одного хозяина, а затѣмъ ставить особые контрольные вопросы: какія лица въ хозяйствѣ носятъ другую фамилію, иное званіе или вѣроисповѣданіе? Такіе контрольные вопросы скорѣе поведутъ къ правильности записей и притомъ будутъ способствовать наилучшему выясненію какъ признаковъ регистрируемаго хозяйства, такъ и состава его, а главное заставятъ думать и соображать и счетчика, и лицъ опрашиваемыхъ, т. е. создадутъ тѣ условія, наличность которыхъ всегда будетъ лучшей гарантіей для полученія наиболѣе точныхъ свѣдѣній путемъ опроса. Пріемъ тѣмъ болѣе удобный и возможный, что въ сельскомъ населеніи, особенно у крестьянъ, отмѣченныя исключенія изъ общаго правила будутъ вообще рѣдки, и сами крестьяне, въ особенности

при переписи на сходахъ, не преминуть указать на нихъ, разъ они будутъ подчеркнуты въ видѣ особыхъ вопросовъ.

Итакъ, суть изложенныхъ выше замѣчаній, касающихся переписи исключительно сельскаго населенія, сводится нами къ тому, что, во-первыхъ, въ выработанную Главною Переписною Коммиссіею инструкцію должны быть внесены болѣе опредѣленныя указанія о признакахъ хозяйства, о сельскихъ счетчикахъ, о лицахъ, обязанныхъ давать свѣдѣнія и содѣйствовать полученію ихъ, и что во-вторыхъ, переписные листы легко могутъ быть измѣнены въ карточку небольшого формата, при иномъ, болѣе обезпечивающемъ точность свѣдѣній, способѣ записей. Для построенія такой карточки должны быть приняты слѣдующія основанія:

а) Карточка вообще должна быть приспособлена болѣе къ статистически-цифровому учету, чѣмъ къ записямъ прописью.

б) По внѣшнему виду карточка должна удовлетворять условіямъ такъ называемаго наложенія, въ видахъ быстраго и точнаго извлеченія свѣдѣній.

в) Она должна быть затѣмъ двухстороннею съ такимъ разсчетомъ, чтобы на одной сторонѣ записывалось мужское населеніе, съ соотвѣтственными признаками, а на другой—женское, также съ соотвѣтственными признаками.

г) Учетъ повторительныхъ записей для однихъ и тѣхъ же признаковъ необходимо провести только для хозяина, выясняя тѣ же признаки для остальныхъ въ хозяйствѣ лицъ въ формѣ особыхъ, касающихся исключеній изъ общаго правила, вопросовъ.

д) По каждому хозяйству долженъ быть отмѣченъ одинъ изъ четырехъ признаковъ: 1) или наличность по хозяйству земли и недвижимой собственности, или 2) одной земли, или 3) одной недвижимой собственности, или, наконецъ, 4) отсутствіе земли и недвижимой собственности.

Такую карточку, конечно, легко можно составить, приспособивъ ее къ регистраціи какъ податного населенія, такъ и владѣльческихъ усадебъ. Сдѣланными, поэтому, выше замѣчаніями имѣлось въ виду выразить лишь основную точку зрѣнія на лучшую постановку работъ по предстоящей всеобщей переписи собственно сельскаго населенія. Чтобы не осложнять этой общей точки зрѣнія, нами исключены изъ разсмотрѣнія многія другія частности инструкціи и переписныхъ листовъ, частности, съ которыми соединены тѣ или другія практическія неудобства, могущія повлечь за собою или затрудненія при переписи, или полученіе различно понимаемыхъ и различно зарегистрованныхъ данныхъ.

«Проектъ наставленія сельскимъ счетчикамъ» и двѣ формы переписныхъ листовъ, выработанные Главною Переписною Коммиссіею, составляютъ лишь часть, хотя и основную, общаго плана всеобщей переписи населенія. Въ предѣлахъ этой основной части только и возможно было, разумѣется, разсмотрѣніе проектирован-

ныхъ коммиссіею формъ. Быть можетъ, поэтому, изложенные выше выводы и предположенія носили бы нѣсколько иной характеръ и оттѣнки, если бы были обоснованы на знакомствѣ съ болѣе полными матеріалами по осуществленію всего проекта переписи. Какъ бы тамъ ни было, впрочемъ, а отмѣченныя нами измѣненія важны и необходимы столько же въ интересѣ значительнаго сокращенія расходовъ на перепись, сколько и въ видахъ полученія наиболѣе цѣнныхъ матеріаловъ. Разъ является возможность сократить количество счетчиковъ въ пять разъ или ихъ работу въ десятки разъ,— и денежные расходы на веденіе переписи сами собою должны сократиться на сотни тысячъ рублей. Обстоятельство, заслуживающее тѣмъ большаго вниманія, что отмѣченныя выше измѣненія въ постановкѣ всеобщей переписи обѣщаютъ, при большей дешевизнѣ работъ, полученіе и болѣе высокихъ по качеству свѣдѣній. Въ этомъ отношеніи имѣли уже мѣсто практика и опытъ въ разныхъ частяхъ Россіи, благодаря земско-статистическимъ изслѣдованіямъ, и—почему бы не воспользоваться этими опытами и практикою?

Статистикъ.

Черты общественной жизни въ Прибалтійскомъ краѣ.

Прибалтійскій край изобилуетъ разнаго рода обществами и «ферейнами», придающими особый отпечатокъ его общественной жизни. Можно сказать, что этотъ своеобразный уголокъ Россіи сплошь покрытъ цѣлою сѣтью различныхъ кружковъ, клубовъ, обществъ и собраній — ученыхъ, промышленныхъ, сельско-хозяйственныхъ, литературныхъ, а главное — музыкальныхъ и пѣвческихъ. Слѣдующія цифры даютъ нѣкоторое понятіе о размѣрахъ этого явленія.

Особенно много обществъ и ферейновъ въ Лифляндской губ. Въ началѣ 1896 года въ этой губерніи ихъ насчитывалось 976, утвержденныхъ правительствомъ. Такъ какъ въ послѣдніе годы требовалось, чтобы всѣ общества, не имѣвшія правительствомъ утвержденныхъ уставовъ, представили свои уставы на утвержденіе, то нужно полагать, что цифра эта довольно точно опредѣляетъ число нынѣ существующихъ обществъ. Въ прежнее же время не мало такихъ учрежденій дѣйствовали безъ надлежащаго разрѣшенія; объ этомъ свидѣтельствуютъ свѣдѣнія о числѣ уставовъ, утвержденныхъ

за послѣдніе три года, а именно: въ 1893 г. утверждено 90 уставовъ, въ 1894 г.—62 и въ 1895 г.—60.

Существующія въ Лифляндской губерніи общества преслѣдуютъ самыя разнохарактерныя цѣли. Обществъ взаимнаго страхованія—больше всего; ихъ было въ началѣ года 418. Общества эти дѣйствуютъ преимущественно внѣ городовъ и учреждаются крестьянами. Затѣмъ весьма распространены похоронныя и вспомогательныя кассы; ихъ считается 180. Въ послѣднее время въ дѣятельности нѣкоторыхъ изъ этихъ учрежденій произошелъ кризисъ, такъ какъ разсчеты, на которыхъ они были основаны, оказались ошибочны. Благотворительныхъ обществъ было 57; большая часть изъ нихъ дѣйствовала въ городахъ; въ одной Ригѣ ихъ насчитывается 16. Обращаетъ вниманіе дѣятельность рижскаго общества борьбы съ нищенствомъ. Цѣль общества—бороться съ попрошайничествомъ на улицахъ и въ частныхъ домахъ, доставлять больнымъ и неспособнымъ къ труду одежду, пропитаніе и помѣщеніе, воспитывать бѣдныхъ дѣтей, въ особенности сиротъ; способствовать отправленію въ мѣста ихъ приписки пріѣзжихъ людей, способныхъ къ труду, но не имѣющихъ въ Ригѣ работы. Помощь оказывается нуждающимся безъ различія ихъ происхожденія, вѣроисповѣданія и національности. Главный доходъ общества составляютъ добровольныя пожертвованія членовъ и частныхъ лицъ. Въ собираніи этихъ пожертвованій въ 1895 г. принимали участіе 108 членовъ (въ томъ числѣ 6 дамъ) и 3 служащихъ при помѣщеніи общества. Всего было собрано въ этомъ году до 10,000 рублей. По разнымъ духовнымъ завѣщаніямъ поступило въ кассу общества 25,754 руб. Израсходовало общество въ 1895 г. 55,677 руб. Рижское благотворительное общество въ 1894 г. имѣло доходовъ 16,773 руб. и расходовъ 16,923 руб. Вотъ еще симпатичное торенсбергское благотворительное общество. Цѣль этого общества — организація взаимопомощи. Число его членовъ въ 1895 г. увеличилось на 428 человѣкъ и къ началу 1896 г. достигло 1570. Въ опредѣленные сроки члены вносятъ въ кассу извѣстную сумму и за это получаютъ, въ случаяхъ болѣзни или неспособности къ работѣ,—пособіе. Выдаются тоже деньги и на похороны членовъ общества, ихъ женъ и дѣтей. Въ 1895 г. пособія выданы 204 членамъ, въ размѣрѣ 1782 руб.; на 110 похоронъ выдано 3605 руб.; кромѣ того, пособіе получили болѣе 100 сиротъ и 57 вдовъ. Общество содержитъ на свой счетъ двухкласное начальное училище, въ которомъ въ 1895 г. обучалось около 90 мальчиковъ и 50 дѣвочекъ. Плата за ученіе установлена для членскихъ дѣтей — 8 р. въ годъ, а для постороннихъ — 14 р. Дѣти бѣдныхъ родителей и сироты обучаются безплатно. Если дѣти особенно бѣдныхъ членовъ пожелаютъ обучаться въ другомъ учебномъ заведеніи, то имъ выдается пособіе.

Сельскихъ благотворительныхъ обществъ 23. Въ послѣдніе годы многія сельскія благотворительныя общества были закрыты, такъ

какъ дѣятельность ихъ найдена не соотвѣтствующей ихъ уставамъ; въ нихъ стала замѣтно преобладать сторона, такъ сказать, увеселительная: устройство спектаклей и увеселеній, хотя и съ благотворительною цѣлью. Не мало въ губерніи и вольныхъ пожарныхъ обществъ, а именно 29. Сберегательныхъ и ссудныхъ кассъ 38, въ томъ числѣ 17 сельскихъ; въ Ригѣ такихъ учрежденій 11, а въ остальныхъ городахъ губерніи 10. Къ числу учрежденій, появившихся въ новѣйшее время, слѣдуетъ отнести потребительныя общества, имѣющія цѣлью доставлять своимъ членамъ предметы первой необходимости по удешевленнымъ цѣнамъ. Такихъ обществъ въ губерніи 12, въ томъ числѣ въ Ригѣ 4 и въ сельскихъ мѣстностяхъ 7. Сельско-хозяйственныхъ обществъ 32. Въ ихъ числѣ слѣдуетъ отмѣтить 4 общества пчеловодства, 3 общества садоводства, 1—лѣсное и 1 общество птицеводства. Въ Ригѣ есть общество практическихъ пчеловодовъ; на выставкѣ пчеловодства въ Петербургѣ рижскіе экспоненты получили медали и почетные отзывы, и несомнѣнно, что «общества» не мало содѣйствовали успѣху промысла.

Ученыхъ обществъ 23. Эти общества сосредоточены главнымъ образомъ въ Ригѣ и Юрьевѣ. Въ Ригѣ существуетъ латышское общество, составляющее центръ культурной жизни латышей. Обширная и многосторонняя дѣятельность этого общества распредѣлена между нѣсколькими комитетами. Научный комитетъ, съ цѣлью собранія матеріаловъ для латышской этнографической выставки, снарядилъ въ 1895 г. 6 экспедицій въ Курляндскую, Лифляндскую и Витебскую губ. Экспедиціи эти обошлись комитету слишкомъ въ 1300 р. По примѣру прежнихъ лѣтъ, комитету и въ 1895 г. доставлено изъ разныхъ волостей Курляндской и Лифляндской губ. много народныхъ пѣсенъ, повѣрій, поговорокъ, пословицъ, загадокъ, преданій и пр. Народныя пѣсни будутъ изданы въ обширномъ сборникѣ, въ нѣсколькихъ томахъ, подъ ред. г. Барона. Сборникъ будетъ заключать въ себѣ до 40,000 пѣсенъ. До настоящаго времени вышло уже 4 тома сборника. Надъ матеріалами по вопросу о народной медицинѣ работаетъ г. Алкснисъ. Собраніе латышскихъ народныхъ сказокъ и преданій въ скоромъ времени выйдетъ подъ ред. г. Лерха-Пушкайтиса.

Комитетъ дѣятельно готовился къ устройству лѣтомъ 1896 г., во время археологическаго конгресса, этнографической выставки. Для обезпеченія этого предпріятія въ матеріальномъ отношеніи, комитетъ открылъ подписку среди гарантовъ. Подписка эта дала 4,000 р.

Изъ собранныхъ, взамѣнъ новогоднихъ визитовъ, пожертвованій въ пользу нуждающихся студентовъ роздано заимообразно 1675 р. Къ сожалѣнію, и здѣсь не всѣ студенты, по окончаніи курса и полученіи сравнительно хорошихъ мѣстъ, помнятъ о своихъ долгахъ комитету. Такимъ образомъ, общая сумма долговъ быв-

шихъ студентовъ комитету до настоящаго времени достигла уже приблизительно 16,000 р. Этнографическій музей заключаетъ въ себѣ свыше 6000 номеровъ. Литературный комитетъ общества издалъ въ 1895 г. 10 книгъ, въ томъ числѣ одну уже вторымъ изданіемъ. Въ послѣднее время этотъ комитетъ начинаетъ обращать серьезное вниманіе и на русскую литературу. Въ матеріальномъ отношеніи положеніе литературнаго комитета болѣе или менѣе обезпечено. Ревнители распространенія полезныхъ книгъ вносятъ въ кассу комитета отъ 1 р. и болѣе въ годъ и за это получаютъ издаваемыя комитетомъ книги. Такимъ образомъ, «ревнители» получаютъ книги дешево, причемъ комитетъ тоже остается не въ убыткѣ, такъ какъ не обязанъ прибѣгать къ посредничеству книжныхъ магазиновъ, которые при покупкѣ требуютъ крупную скидку. Число такихъ «ревнителей» къ началу 1896 г. состояло изъ 1282 чел. Общество содержитъ училище для дѣвочекъ, въ которомъ обучается до 140 ученицъ. Театральнымъ комитетомъ латышскаго общества въ теченіе 1895 г. устроено было 66 спектаклей, давшихъ валового сбора 18,997 р. На каждомъ представленіи было среднимъ числомъ 585 чел. Поставлено было всего 43 пьесы, въ томъ числѣ 8 въ первый разъ. Труппа состояла изъ 17 актеровъ, 10 актрисъ, нѣсколькихъ любителей, хора изъ 24 чел. и балета изъ 8 танцовщицъ. Танцовальные вечера и прогулки за городъ дали обществу чистой прибыли 1273 р. Стоимость имущества общества равняется 77,000 р. Число членовъ въ настоящее время превышаетъ 900 чел.

Чрезвычайно много обществъ пѣвческихъ — 74. Общества эти распространены не только въ городахъ, но и въ уѣздахъ. На долю послѣднихъ приходится 38 обществъ, въ Ригѣ пѣвческихъ обществъ 22. Время отъ времени эти общества устраиваютъ празднества. Во внутреннихъ русскихъ губерніяхъ, гдѣ всѣ увеселенія и развлеченія простого народа еще до сихъ поръ группируются преимущественно около кабака и водки, а мѣстная интеллигенція предается игрѣ въ карты или танцамъ, народно-интеллигентные празднества эсто-латышскаго населенія могли бы показаться чѣмъ-то невиданнымъ и маловѣроятнымъ, но въ Прибалтійскомъ краѣ они пустили глубокіе корни. Устроители народныхъ празднествъ эсто-латышей стараются всегда придать имъ оттѣнокъ общественно патріотическаго характера. Они стараются пріурочить ихъ къ какому нибудь памятному въ народной исторіи дню или событію, напр., ко дню освобожденія мѣстнаго крестьянства отъ крѣпостной зависимости, дарованія какихъ либо льготъ и т. п. Когда исполнилось 25-лѣтіе со дня освобожденія русскихъ крестьянъ отъ вѣкового рабства, эсто-латышскій народъ, заявляя свое сочувствіе русскимъ собратіямъ, устроилъ широкое пѣвческое празднество. Въ 1880 г. въ Ревелѣ былъ устроенъ пѣвческій праздникъ въ 25-лѣтіе царствованія Александра II; въ 1891 г. въ Юрьевѣ — въ десятилѣтіе царствованія Александра III, давшаго краю новый судъ и

нѣкоторое ограниченіе произвола помѣщичьей власти и т. д. Послѣдній, 6-й—по счету, большой пѣвческій праздникъ былъ устроенъ въ Ревелѣ въ іюнѣ текущаго года, по случаю св. коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Чтобы оттѣнить, какой отпечатокъ налагаютъ подобныя общественныя организаціи на самый характеръ общенародныхъ празднествъ, мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя черты этого послѣдняго эпизода, имѣвшаго мѣсто въ скромной окраинѣ...

Еще въ 1895 году братски соединившіяся ревельскія эстонскія общества «Лоотусъ» и «Эстонія»,—обратились ко всѣмъ эстонскимъ братьямъ и сестрамъ, занимающимся пѣніемъ, а также ко всѣмъ занимающимся духовой музыкой ревностнымъ сынамъ народа съ воззваніемъ и просьбой тысячами принять участіе въ этомъ празднествѣ. «Пѣніе — писали они въ этомъ воззваніи, — одинъ изъ чистѣйшихъ душевныхъ источниковъ, откуда вытекаетъ для пользы души чистая, прозрачная, какъ кристаллъ, вода душевнаго наслажденія. Оно — лучшее украшеніе сердца, въ которомъ узнается Божество, вѣчное добро. Пѣніе устраняетъ зло, усмиряетъ гнѣвъ, поощряетъ добро, улучшаетъ нравственность и зажигаетъ сердце безотчетной радостью. Ревность нашихъ братьевъ и сестеръ, любителей пѣнія и музыки, въ изученіи пѣсенъ уже достаточно извѣстна съ празднества 1869 г., такъ что является излишнимъ прибавлять увѣщанія къ этому воззванію. — Выборъ пѣсенъ уже сдѣланъ нашими лучшими знатоками музыки, и печатаніе нотъ идетъ успѣшно впередъ, такъ что праздничныя пѣсни и вмѣстѣ съ ними музыкальныя пьесы вѣроятно уже до Рождества будутъ высланы хорамъ. Руководство пѣніемъ и музыкою на празднествѣ приняли на себя лучшіе сыны эстовъ, искусство которыхъ въ этомъ дѣлѣ уже извѣстно. Въ качествѣ судей при распредѣленіи призовъ приглашены и извѣстные знатоки музыки другихъ національностей, а между почетными призами находятся дары, имѣющіе постоянную цѣнность. Очень желательно было бы также участіе въ празднествѣ хоровъ изъ близкихъ и дальнихъ эстонскихъ поселеній внутреннихъ губерній».

Нужно замѣтить, что среди эстовъ и латышей, по деревнямъ, селамъ и мѣстечкамъ, вездѣ, гдѣ есть сельскій учитель или кистеръ, заведены музыкальные и пѣвческіе хоры. Численность ихъ небольшая—пять-шесть человѣкъ. Каждый имѣетъ свой инструментъ или свою партитуру; регентствуетъ или дирижируетъ кистеръ или учитель. Какъ извѣстно, лютеранская церковь, съ ея органами и пѣніемъ сообща хораловъ въ киркахъ, поощряетъ занятія сельчанъ пѣніемъ и музыкой. Занятія происходятъ не регулярно, а тогда, когда у участниковъ хора есть свободное время. Надо замѣтить, что всѣ они по большей части простые крестьяне-землепашцы, или ремесленники, или же народные учителя. Они не занимаются круглый годъ музыкальными упражненіями. Имъ приходится удѣлять

время на занятіе музыкой и пѣніемъ, когда представляется необходимость или удобный случай. Но нѣкоторые изъ нихъ страстно любятъ искусство и посвящаютъ ему немало времени. Стройные, съ замѣчательнымъ порядкомъ и единодушіемъ исполняющіе свои партіи, хоры пѣвцовъ и пѣвицъ не уступаютъ хорамъ инструментальнымъ. Особенно высокими, сильными и мелодичными голосами отличаются женщины. Пѣсни разучиваются и исполняются большею частью народныя, но и другой репертуаръ не чуждъ исполнителямъ.

Крестьяне-пѣвцы еще задолго до праздника откладываютъ по грошамъ изъ своихъ заработковъ сбереженія, чтобы ѣхать въ городъ, гдѣ устраивается праздникъ. Избирается особый устроительный комитетъ, назначаются засѣданія и устраиваются репетиціи хоровъ и оркестровъ. Замѣтная черта національнаго характера эстолатышей, это любовь къ торжественнымъ процессіямъ, унаслѣдованная этимъ народомъ отъ его воспитателя-нѣмца. Эсты и латыши не могутъ равнодушно относиться ко всякаго рода массовымъ шествіямъ со знаменами, вѣнками и т. п. Пѣвческіе праздники изобилуютъ то же увеселеніями такого рода. Пѣвческихъ хоровъ на праздникъ пріѣзжаетъ изъ разныхъ концовъ края до 150 и музыкальныхъ оркестровъ—болѣе 20. Каждый изъ нихъ имѣетъ свое яркое цвѣтное знамя или значекъ, съ различными надписями. Значекъ этотъ носитъ особый знаменосецъ, одѣтый обыкновенно покрасивѣе другихъ, и иногда съ цвѣтнымъ шарфомъ чрезъ плечо. Участники-пѣвцы и музыканты одѣваются въ національные костюмы. Вся старина этой земли встаетъ передъ глазами при видѣ этой живописной нарядной толпы, поющей или слушающей исполненіе своихъ старинныхъ народныхъ пѣсенъ...

Въ 2 ч. дня 8 іюня улицы, прилегающія къ ратушной площади, и самая площадь (Старый рынокъ) стали наполняться народомъ. Окна и балконы домовъ и даже крыши были усѣяны зрителями. На площади у Новыхъ воротъ собрались отдѣльные музыкальные и пѣвческіе хоры со своими знаменами. Около половины третьяго шествіе тронулось къ ратушѣ. На площади Стараго рынка всѣ хоры стройно продефилировали передъ представителями ревельскаго городского управленія. У ратуши городской голова фонъ-Гукъ на эстонскомъ языкѣ обратился къ хорамъ отъ имени города съ привѣтствіемъ, которое мы приводимъ въ наиболѣе характеристическихъ извлеченіяхъ. «Поздравляю васъ, почтеннѣйшіе пѣвцы и пѣвицы, поздравляю васъ отъ имени г. Ревеля. Нашъ древній городъ всегда радуется, когда приходятъ гости. Онъ охотно показываетъ всѣ свои богатства, свои сокровища, свое большое, глубокое синее море, которое уже 600 лѣтъ носитъ на широкой спинѣ своей всѣ наши товары, свои старые башни и валы, которые видали на своемъ вѣку много войнъ и крови... Нашъ Ревель радуется, что вы избрали именно его мѣстомъ всеобщаго празднества,—продолжалъ ораторъ, указавъ на

характеръ настоящаго празднованія. Здѣсь, по преданіямъ стариковъ, похороненъ самъ сынъ Калева, здѣсь все еще каждый вечеръ «вечерняя заря» ждетъ «разсвѣта» (изъ эстскихъ народныхъ сказаній). Оставайтесь вечеромъ подолѣе въ екатеринтальскомъ лѣсу или на валу, любуясь вечерней зарей—и вы, можетъ быть, собственными глазами увидите, какъ они сходятся (невѣста съ женихомъ—вечерняя заря съ разсвѣтомъ). Я надѣюсь, что сей праздникъ такъ кончится, какъ начался, во славу нашего государя и на радость намъ самимъ, и съ этой надеждой поздравляю васъ! Здравствуйте, дорогіе гости»!

Послѣ отвѣтныхъ рѣчей процессія, предшествуемая оркестромъ, снова двинулась въ путь, къ дому эстляндскаго губернатора, гдѣ опять произошелъ обмѣнъ офиціальныхъ привѣтствій. Наконецъ, изъ парка Екатеринтальскаго дворца шествіе тѣмъ же стройнымъ порядкомъ отправилось на площадь празднества, гдѣ около этого времени собралась тысячная публика и почетные гости, ожидавшіе начала концерта.

На второй день празднества городъ принялъ еще болѣе оживленный видъ, и улицы были полны нарядно одѣтымъ народомъ. Самымъ выдающимся моментомъ этого дня была простая рѣчь доктора филологіи, пастора эстонскаго прихода въ Петербургѣ Я. Гурта. Между прочимъ, онъ тоже коснулся значенія пѣсни для эстовъ. Пѣсня,—говорилъ онъ,—для эстонцевъ то же, что воздухъ; у эстовъ поэтому масса народныхъ пѣсенъ; 850 собирателей уже прислали плоды своей работы—около 50,000 народныхъ пѣсенъ; ораторъ увѣщевалъ и впредь беречь и культивировать пѣсню: «пѣніе очищаетъ и возвышаетъ человѣка». Далѣе онъ указалъ, что празднество это народное; въ общемъ торжествѣ крѣпнетъ братская любовь, духъ становится бодрѣе, сердце пламеннѣе, тѣло сильнѣе; общенародныя празднества всегда имѣли благотворное вліяніе на народъ. Кромѣ того, это празднество дружбы: на торжествѣ собрались тысячи людей изъ разныхъ мѣстъ, разныхъ національностей, разныхъ положеній, разнаго пола, старъ и младъ; здѣсь возобновляются и укрѣпляются старыя знакомства и старая дружба и заводятся новыя; здѣсь происходитъ обмѣнъ взглядовъ и мнѣній; каждый дѣлится съ другимъ плодами своей опытности; наконецъ, «наша домашняя дружба выростетъ въ дружбу народовъ государства»,—заключилъ ораторъ это мѣсто своей рѣчи.

На третій день происходили состязанія отдѣльныхъ хоровъ. Погода была неблагопріятная, но это нисколько, повидимому, не повліяло ни на число слушателей, ни на настроеніе публики. Въ этотъ день на площади находилось почти столько же слушателей, сколько и во второй, т. е. около 25,000. Публика почти все время сидѣла подъ зонтиками. Тѣмъ не менѣе не замѣтно было ни нетерпѣнія, ни неудовольствія, наоборотъ воемъ было, судя по внѣшности, забавно и весело. Исполненіе состязавшихся хоровъ

было, разумѣется, выше общаго исполненія. Когда закончились состязанія, судьи, на основаніи своихъ отмѣтокъ, присудили 3 смѣшаннымъ, 3 мужскимъ и 2 музыкальнымъ хорамъ по почетному диплому, а двумъ хорамъ еще, сверхъ того, были поднесены лавровые вѣнки. Писаніе дипломовъ и раздача ихъ при аплодисментахъ публики и тушахъ оркестра заняли много времени. Наконецъ, послѣ чтенія полученныхъ пѣвцами привѣтственныхъ телеграммъ и прощальной рѣчи губернатора—пѣвческое празднество закончилось.

Не смотря на сильный наплывъ народа, нигдѣ никакой давки не было, не было слышно ни о какомъ нарушеніи порядка, ни о какой кражѣ. Расходы по устройству празднества достигли 8 тыс. р. Столько-же приблизительно составили и доходы. Дѣятельность квартирной коммиссіи комитета выразилась въ слѣдующемъ: 2,500 пѣвцовъ и пѣвицъ были размѣщены въ городскихъ зданіяхъ: остальные въ частныхъ домахъ ревельскихъ обывателей, изъявившихъ готовность принять у себя пріѣзжихъ гостей безъ всякаго вознагражденія.

По отзыву знатоковъ, пѣніе въ общемъ можно было признать удовлетворительнымъ. Отдѣльные хоры обнаруживали слухъ и пониманіе; чистотою голосовъ выдѣлялись преимущественно женскіе хоры. Музыкальные хоры оказались довольно слабыми. Инструменты старые, заржавленные, издающіе нечистые и непріятные звуки. Но были и блестящія, хотя единичныя исключенія. Что касается программы, то нужно сказать, что составители наполнили ее многими малоинтересными, не національными композиціями.

Эти пѣвческія празднества производятъ на всѣхъ наблюдателей чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Веселіе эстовъ и латышей выражается въ пѣснѣ и въ музыкѣ, а не въ разгулѣ и пьянствѣ. «Общества» сближаютъ народъ и интеллигенцію, единеніе ихъ на почвѣ искусства и интересовъ культуры составляетъ явленіе обычное, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать о провинціальной средѣ нашихъ внутреннихъ губерній, гдѣ такъ называемая интеллигенція и народъ остаются все еще чуждыми другъ другу, разъединенными въ культурномъ смыслѣ частями одного и того-же народа.

Сравнительно недавно въ Прибалтійскомъ краѣ стали учреждаться общества трезвости; такихъ обществъ существуетъ въ Лифляндской губ. 34, и всѣ они учреждены въ послѣдніе годы, начиная съ 1889 г. Общества эти распространены въ уѣздахъ, преимущественно населенныхъ эстами. Среди послѣднихъ къ началу 1895 г. было 24 такихъ обществъ.

Клубовъ, общественныхъ собраній и прочихъ учрежденій общественно-увеселительнаго характера 43, въ томъ числѣ въ Ригѣ—12, въ прочихъ городахъ—29 и въ сельскихъ мѣстностяхъ только—2. Большія завоеванія въ области общественности сдѣлалъ въ новѣйшее время спортъ; въ Лифляндской губерніи насчитывалось въ на-

чалѣ 1896 г. 24 общества, посвященныхъ спорту, въ томъ числѣ 8 велисопедныхъ, 5 учебныхъ и парусныхъ клубовъ. Два общества занимаются воспитаніемъ юношества въ духѣ лютеранства, есть нѣсколько обществъ покровительства животнымъ и, наконецъ, дѣловыхъ артелей (впрочемъ, послѣднія учрежденія очень мало распространены въ Прибалтійскомъ краѣ). Въ Юрьевѣ есть общество борьбы съ проказою. Въ теченіе 1895 г. это общество имѣло доходовъ 15,876 р. и расходовъ—22,645 р. Такая крупная сумма расходовъ объясняется тѣмъ, что общество строитъ, близъ Вендена, третій лепрозорій. Въ Феллинѣ есть общество попеченія объ эпилептикахъ и идіотахъ, которое купило имѣніе Маіоренгофъ съ цѣлью постройки здѣсь пріюта для призрѣваемыхъ обществомъ больныхъ.

Какъ видитъ читатель, общественная жизнь въ Лифляндской губ. выражена очень замѣтно. То же самое можно сказать и про другія губ. Прибалтійскаго края. Въ Эстляндской и Курляндской губ. тоже много обществъ, благотворительныхъ, пѣвческихъ, научныхъ, пожарныхъ и т. п. Каждая волость, а иногда каждый приходъ имѣютъ свои общества. Какъ видно изъ годовыхъ отчетовъ, публикуемыхъ въ мѣстныхъ газетахъ, большинство обществъ съ каждымъ годомъ расширяютъ свою дѣятельность; гдѣ этого не дозволяетъ уставъ, тамъ ходатайствуютъ объ утвержденіи дополнительныхъ параграфовъ или новыхъ уставовъ. Такимъ образомъ изъ пѣвческихъ хоровъ выростаютъ литературныя общества, съ замѣтной благотворительной окраской; они даютъ концерты, театральныя представленія, танцовальные вечера въ пользу бѣдныхъ и проч. Въ послѣднее время здѣсь начинаютъ особенно интересоваться научно-литературными вечерами, гдѣ болѣе образованные люди читаютъ статьи, имѣющія значеніе въ вопросахъ мѣстной жизни, или-же характера общенаучнаго, причемъ по окончаніи реферата происходитъ свободное обсужденіе спорныхъ или неясныхъ мѣстъ изъ только что прочитаннаго. Такіе вечера сильно способствуютъ развитію массы и носятъ названіе «бесѣдъ». Вопросъ объ учрежденіи библіотекъ, который довольно продолжительное время оставался какъ бы забытымъ, въ послѣднее время также начинаетъ все чаще и чаще привлекать къ себѣ вниманіе.

Для характеристики прибалтійской общественно - культурной жизни приведемъ выдержку изъ одной корреспонденціи «Mahjas Weesis». Корреспондентъ (нѣмецъ) пишетъ слѣдующее: «деревенская усадьба, куда я былъ приглашенъ въ качествѣ гостя, по внѣшнему своему виду похожа на небольшую мызу. Подобныхъ усадебъ въ Доблепскомъ у. не мало. По пріѣздѣ моемъ на эту мызу, меня встрѣтилъ на дворѣ братъ хозяйки, который ввелъ меня въ залу и представилъ хозяевамъ и гостямъ. Тотчасъ я былъ вовлеченъ въ общій интересный разговоръ, не смолкавшій ни на минуту. Въ этотъ вечеръ всѣхъ гостей было человѣкъ пятьдесятъ.

Между ними были и пѣвчіе, молодые люди обоего пола, которые по временамъ пѣли разныя четырехголосныя пѣсни. Эти-то пѣвчіе были дѣйствительными хозяевами вечера, который устроило мѣстное пѣвческое общество. Это общество, членами котораго состоятъ мѣстные жители, ежегодно въ осеннее и зимнее время устраиваетъ два-три вечера, на которыхъ молодежь танцуетъ, а старики играютъ въ карты. Мѣсто вечера каждый разъ мѣняется, такъ что очередь каждаго домовладѣльца наступаетъ чрезъ извѣстное, долгое время, вслѣдствіе чего домохозяину подобный вечеръ не бываетъ въ тягость. Расходы по угощенію всегда общіе. Участники вечера приносятъ съ собою хлѣбъ, пироги, сыръ, масло, чай и пр. Водка и пр. тоже общая.

«На этотъ разъ вечеръ былъ «чайный», съ танцами. Съ 8 час. вечера до самаго утра самоваръ стоялъ на столѣ. За столомъ хозяйничали двѣ дѣвицы, которыхъ чрезъ полчаса смѣняли другія двѣ и т. д., такъ что всѣ дѣвушки имѣли случай показать свою ловкость въ дѣлѣ хозяйства. Дамы были одѣты весьма прилично, по модѣ, такъ что онѣ могли бы свободно показаться и въ болѣе притязательномъ обществѣ...

«Замѣчательная особенность этого вечера было непринужденное и любезное отношеніе гостей другъ къ другу. Не слышно было пустой, скучной болтовни. Большею частію разговоръ вращался около современныхъ общественныхъ вопросовъ и явленій. Во время танцевъ не было никакихъ безпорядковъ.

«Есть много уѣздовъ, гдѣ среди деревенскаго латышскаго населенія вы встрѣтите такія же формы взаимнаго общенія. И это, заключаетъ нѣмецъ-наблюдатель,—дѣлаетъ честь и имъ, и всему латышскому народу».

Въ заключеніе замѣтимъ, что, хотя, къ сожалѣнію, иныя общества прекращаютъ свое существованіе,—но блестящіе успѣхи другихъ доказываютъ, что эта сторона общественной жизни Прибалтійскаго края крѣпнетъ и развивается.

П. И. Кречетовъ.

Изъ Франціи.

Въ одной изъ своихъ корреспонденцій я обрисовалъ, по мѣрѣ силъ и пониманія, типъ француза-горожанина, который главнымъ образомъ и участвуетъ въ исторической жизни страны и до сихъ поръ является почти исключительнымъ двигателемъ общественнаго прогресса. Въ настоящемъ письмѣ я попробую очертить французскаго крестьянина, оплотъ и надежду современнаго порядка вещей,

любимое дѣтище реакціонеровъ, отъ имени котораго эти господа любятъ развивать свои собственныя идеи и охранительные планы. Психологія французскаго крестьянства издавна занимала умы и друзей, и враговъ прогресса, именно потому, что этотъ классъ имѣетъ громадное значеніе въ ходѣ общественной жизни. Грузный, мало подвижный, мало сообщительный, себѣ на умѣ, французскій мужикъ своей численностью и извѣстной однородностью своего состава представляетъ могущественную массу, которая уже столько разъ приводила въ устойчивое равновѣсіе всколыхнутую городомъ страну. Немудрено, что общественные идеалы и политическія страсти писавшихъ вліяли и продолжаютъ вліять на то изображеніе крестьянина, которое даютъ намъ эти разные авторы.

Раблэ, забѣгавшій во многихъ пунктахъ впередъ своей эпохи, предчувствовалъ, напримѣръ, уже въ XVI-мъ вѣкѣ, какую громадную роль будетъ играть свободный трудъ мужика-собственника, и въ своемъ Пантагрюэлѣ онъ рисуетъ намъ умнаго, ловкаго, бодраго, веселаго крестьянина Турэни (помните его пахаря изъ Панфигьеръ?), неустанно работающаго подъ вѣчное увѣщаніе, звучащее у него въ ушахъ: travaille, vilain, travaille, и надувающаго самого чорта.

Рядомъ съ этой идеализаціей «власти земли» вы найдете у Лабрюйера, жившаго сотней лѣтъ позднѣе, чисто-дантовское описаніе крѣпостного мужика въ знаменитыхъ строкахъ, на которыя Тэнъ еще въ своемъ этюдѣ объ авторѣ «Характеровъ» указываетъ, какъ на первые ясные раскаты революціоннаго грома:

„Видишь какихъ-то дикихъ животныхъ, самцовъ и самокъ, разсѣянныхъ по полямъ, черныхъ, посинѣлыхъ, сожженныхъ солнцемъ, прикованныхъ къ землѣ, которую они попираютъ и ворочаютъ съ непобѣдимымъ упорствомъ: у нихъ членораздѣльная рѣчь и когда они поднимаются на ноги, то показываютъ человѣческій обликъ, и, дѣйствительно, это—люди. На ночь они удаляются въ логовища, гдѣ они питаются чернымъ хлѣбомъ, водой и кореньями: они позволяютъ другимъ людямъ жить, не сѣя, не паша и не собирая, и такимъ лишь образомъ могутъ ѣсть тотъ хлѣбъ, который они сѣяли...“

Всесильное тяготѣніе къ свободному труду и собственности, которое такъ ярко проявилось почти во всемъ французскомъ крестьянствѣ въ пору великой революціи, заставило нѣкоторыхъ выдающихся писателей подчеркнуть и идеализировать эту прогрессивную роль мужика въ движеніи и наложить розовыя краски даже и на темныя стороны этой картины, хотя бы на подвиги знаменитой «черной шайки» скупщиковъ и торгашей земли.

„Черныя банды, говоритъ, напр., знаменитый памфлетистъ Курье, не дѣлаютъ зла никому, а добро всѣмъ; ибо онѣ одному даютъ деньги за его землю, а другому землю за его деньги“.

Посмотрите, продолжаетъ онъ, что дѣлается у насъ въ Турэни, да и во всей Франціи:

„Люди работаютъ больше и лучше. Больше труда—больше и собственности, т. е. больше богатства, больше общественнаго благосостоянія, и, замѣтьте это, больше нравственности, больше порядка какъ въ государствѣ, такъ и въ семьѣ. Всякій порокъ происходитъ отъ праздности, всякій безпорядокъ въ обществѣ отъ недостатка труда. Потому люди эти, всякій разъ, какъ только они покупаютъ и перепродаютъ землю, дѣлаютъ добро, вещь полезную. А когда они, сверхъ того, дробятъ и перепродаютъ эту землю тѣмъ, которые не имѣли ея, добро, дѣлаемое ими, поистинѣ велико, ибо они создаютъ собственниковъ, т. е. честныхъ людей, по опредѣленію Космы Медичи. „При помощи трехъ локтей тонкаго сукна, говаривалъ онъ, я дѣлаю человѣка путнымъ"; при помощи трехъ четвертей десятины земли онъ сдѣлалъ бы человѣка святымъ. Дѣйствительно, всякій собственникъ желаетъ порядка, спокойствія, справедливости. Сдѣлать собственникомъ, не отнимая ничего ни у кого, того человѣка, который былъ простымъ наемникомъ, дать землю пахарю, это самое великое добро, какое только можно совершить теперь во Франціи, съ тѣхъ поръ какъ не осталось больше рабовъ. И это добро дѣлаютъ упомянутые люди".

Интересно съ этой апологіей крестьянства, доходящей до возвеличенія деревенскихъ скупщиковъ и кулаковъ,—замѣчу, между прочимъ, что и самъ славный памфлетистъ былъ прижимистымъ хозяиномъ и изряднымъ кулакомъ,—интересно, говорю я, съ этой апологіей сопоставить страстныя филиппики, которыя Бальзакъ бросаетъ въ лицо не только «черной бандѣ», но и всему крестьянству. Геніальный романистъ, какъ извѣстно, былъ консерваторомъ и даже рисовался своимъ сомнительнымъ аристократизмомъ. Изучая столкновенія недавно освободившагося и жаждавшаго земли крестьянства съ привилегированными землевладѣльцами, которые пытались снова возвратить свою прежнюю силу и значеніе, Бальзакъ горячо принимаетъ къ сердцу экономическіе, идейные и вплоть до эстетическихъ интересовъ высшихъ классовъ. Въ пылу брани своей съ врагами этихъ классовъ, онъ доходитъ до того, что сѣраго мужика, мелкаго земельнаго собственника, перекрашиваетъ въ чернаго демона зла и разрушенія и даже приписываетъ ему такія идеи, которыя могли бы пріютиться лишь въ складкахъ краснаго знамени.

Вотъ что Бальзакъ говоритъ, между прочимъ, въ предисловіи къ своимъ «Крестьянамъ», роману, который рисуетъ жизнь бургундскихъ мужиковъ:

„Цѣль этого этюда, посвященнаго ужасающей истинѣ... выставить рельефно главныя фигуры народа, забытаго столькими перьями, устремившимися на поиски новыхъ сюжетовъ. Забвеніе это, по всей вѣроятности, проистекаетъ изъ осторожности въ наше время, когда народъ получилъ по наслѣдству всѣхъ придворныхъ льстецовъ королевской власти. Въ самомъ дѣлѣ, поэзію теперь посвящаютъ преступникамъ, умиляются надъ участью этихъ истинныхъ палачей и почти обоготворили пролетарія! Поднялись секты, исповѣдующія различныя ученія, и всѣми перьями своими скрипятъ: „вставайте, рабочіе", какъ прежде кричали третьему сословію: „вставай!" Очевидно, никто изъ этихъ Геростратовъ не имѣлъ мужества проникнуть въ деревню, чтобы изучить постоянный заговоръ тѣхъ, которыхъ мы называемъ слабыми, противъ тѣхъ, которые считаютъ себя сильными, заго-

воръ крестьянина противъ богатаго... Дѣло теперь идетъ о томъ, чтобы предостеречь законодателя не сегодняшняго, а завтрашняго дня. Среди демократическаго столпотворенія, которому предаются столько ослѣпленныхъ писателей, развѣ не пора обрисовать, наконецъ, этого крестьянина, который дѣлаетъ гражданскій сводъ совершенно непримѣнимымъ, превращая собственность въ вещь и реальную, и вмѣстѣ фиктивную. Вы увидите здѣсь на дѣлѣ этого неутомимаго подрывателя, этого грызуна, который дробитъ и дѣлитъ землю, разверстываетъ и разрѣзаетъ какую-нибудь треть десятины на сто кусковъ, приглашаемый на этотъ праздникъ мелкой буржуазіей, которая дѣлаетъ изъ него за-разъ и своего помощника, и свою добычу. Этотъ противуобщественный элементъ, созданный революціей, рано или поздно поглотитъ буржуазію, какъ буржуазія пожрала дворянство. Поднимаясь выше закона, благодаря самой малости своей, этотъ Робеспьеръ объ одной головѣ и о двадцати милліонахъ рукъ работаетъ безостановочно, пробравшись во всѣ коммуны, усѣвшись, словно на тронѣ, въ муниципальномъ совѣтѣ, ставши національнымъ гвардейцемъ во всѣхъ кантонахъ Франціи по закону 1840 г., который забылъ, что Наполеонъ предпочелъ рискъ своего злополучія вооруженію массъ".

А въ самомъ текстѣ романа Бальзакъ, едва познакомивши читателей съ главными своими героями, дѣлаетъ слѣдующее отступленіе, чтобы дать нравственную характеристику крестьянина:

„Надо разъ навсегда объяснить людямъ, привыкшимъ къ морали буржуазныхъ семей, что у крестьянъ нѣтъ ни малѣйшей деликатности въ смыслѣ домашнихъ нравовъ. Они апеллируютъ къ нравственности, въ случаѣ если кто соблазнитъ одну изъ ихъ дочерей, лишь тогда, когда соблазнившій—человѣкъ богатый и робкій... Матеріальный интересъ сталъ, особенно послѣ 1789 г., единственной побудительной причиной ихъ воззрѣній; у нихъ дѣло никогда не идетъ о томъ, законно-ли или безнравственно данное дѣйствіе, но выгодно-ли оно... Человѣкъ истинно честный и нравственный является въ крестьянскомъ классѣ исключеніемъ. Любопытные спросятъ: почему? Между различными причинами этого порядка вещей, главная лежитъ въ слѣдующемъ: по самой природѣ ихъ общественной функціи, крестьяне должны жить чисто матеріальной жизнью, приближающеюся къ дикому состоянію, куда ихъ влечетъ ихъ настоящая связь съ природой. Трудъ, когда онъ подавляетъ своей тяжестью тѣло, отнимаетъ у мысли ея очищающее дѣйствіе, особенно у людей невѣжественныхъ.

Остановитесь и на слѣдующихъ разсужденіяхъ, которыя романистъ влагаетъ въ уста стараго крестьянина, пропойцы Фуршона:

„Я видѣлъ старое время и вижу новое, мой дорогой и ученый баринъ: вывѣску перемѣнили, это точно, но вино осталось то же самое! Сегодняшній день—младшій братъ вчерашняго. Извольте проставить въ своей газетѣ! Развѣ мы освобождены на самомъ дѣлѣ? Мы всѣ прикрѣплены къ одной и той же деревнѣ, и баринъ по прежнему сидитъ въ ней: и имя ему трудъ. Мотыка, наша единственная опора, осталась опять въ нашихъ рукахъ. На барина-ли или на подати, которыя берутъ у насъ почти все имущество,—все равно,—но мы должны коротать нашу жизнь, работая до кроваваго поту...

— Вы могли бы избрать иной образъ жизни, попытать счастья въ другихъ мѣстахъ, сказалъ Блондель (консервативный писатель, къ которому лежатъ всѣ симпатіи Бальзака).

— Вы мнѣ говорите насчетъ того, чтобъ отправиться въ иное мѣсто наживать деньги?.. Да куда же я пойду? Чтобъ покинуть свой департаментъ,

мнѣ надобенъ паспортъ, а онъ стоитъ сорокъ су. Но вотъ сорокъ лѣтъ, какъ въ моемъ карманѣ эта проклятая монета не звенѣла о свою сосѣдку... Только рекрутскій наборъ и вытаскиваетъ насъ изъ нашихъ деревень... Нѣтъ, самое лучшее, что мы можемъ сдѣлать, это оставаться въ нашихъ деревняхъ, куда мы загнаны, словно бараны, силой вещей, какъ прежде господами... Гдѣ только мы ни находимся, мы роемъ землю и разрыхляемъ ее и унавоживаемъ, и пашемъ для васъ, для васъ, которые родились богатыми, какъ мы родились бѣдными. Мы васъ оставляемъ въ покоѣ, оставьте насъ жить, какъ живемъ... А иначе, если дѣло будетъ такъ продолжаться, вы будете принуждены кормить насъ въ вашихъ тюрьмахъ, гдѣ въ тысячу разъ лучше, чѣмъ у насъ на соломѣ. Вы хотите остаться господами, а мы останемся навсегда вашими врагами—сегодня, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ. У васъ есть все, у насъ ничего: вы не можете, значитъ, разсчитывать на нашу дружбу"...

При Наполеонѣ III психологія крестьянства стала жгучимъ вопросомъ уже потому, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ департаментовъ, земледѣльческій классъ явился главнымъ оплотомъ реакціи и свелъ на нѣтъ прогрессивныя порыванія города, Предметъ критики и нападеній съ одной стороны, умиленія и похвалъ съ другой,—крестьянинъ игралъ немаловажную роль подъ перомъ писателей второй имперіи. Упомяну лишь о полемической схваткѣ между народнымъ писателемъ республиканскаго и радикальнаго образа мыслей, Леономъ Кладелемъ, и извѣстнымъ защитникомъ реакціи и клерикализма, Луи Вейльйо. Кладель при самомъ концѣ Имперіи помѣстилъ фельетонами въ Constitutionnel надѣлавшую много шума полубеллетристическую, полу-декламаціонную вещь «Храмовой праздникъ Св. Варѳоломея-Меченосца». Испорченный риторическими отступленіями à la Викторъ Гюго, этюдъ этотъ заключалъ, однако, мѣстами очень сильное и рельефное изображеніе жизни и характера южнаго крестьянства (въ Керси). И вотъ какими непривлекательными чертами Кладель рисовалъ типъ этого населенія:

„Печальныя созданія! жалкія существа: безпрестанно урѣзывать свой ежедневный паекъ и съ сожалѣніемъ потреблять вплоть до неудобовваримаго хлѣба, которымъ они питаются — вотъ ихъ жизнь; они жадничаютъ по поводу всего, не позволяютъ себѣ ничего; свирѣпые эгоисты, они убиваютъ себя скупостью! И это убійство, это самоубійство длится порою цѣлый вѣкъ. „Ну, что жъ дѣлать? мы ужъ такъ рождены!" И ничто не въ состояніи сбить ихъ съ этого пункта. Отъ перваго до послѣдняго всѣ они, отъ отца къ сыну, не дышатъ и не желаютъ дышать иначе, какъ съ цѣлію округлить свое состояніе; не живутъ и не желаютъ жить ни для чего иного, какъ чтобы копить; не существуютъ и не желаютъ существовать на иной конецъ, какъ чтобы умереть съ голоду бокъ-о-бокъ съ нетронутымъ сокровищемъ; и наконецъ, когда они угасаютъ, изможденные всевозможными грязными лишеніями, въ ихъ умирающихъ зрачкахъ видишь отблескъ надежды найти въ другомъ мірѣ виноградники, луга и земли, превосходящіе по качеству тѣ, которые они покидаютъ здѣсь, не имѣя—увы! возможности унести ихъ съ собою въ гробъ. Вы можете проникнуть въ ихъ совѣсть, можете копаться въ ней, изслѣдовать въ лупу самые сокровенные изгибы ея: я бросаю вамъ вызовъ, что вы не найдете тамъ другой жилицы, кромѣ Ея Императорскаго и Королевскаго Величества Всесвятѣйшей Регентши, Скупости, которая вплотную помѣстилась тамъ. Словно

свирѣпый самодержецъ, словно вѣчный папа, она заклеймила своей неизгладимою печатью чело всѣхъ своихъ рабовъ. Когда смотришь на нихъ, какъ они, испитые и скрюченные, идутъ сегодня, какъ будутъ идти завтра по горамъ и доламъ, нося общій характеръ семейнаго сходства, шатаясь, будто пьяные, ступая нетвердо, будто слѣпые, сгибаясь подъ бременемъ постыднаго безпокойства, удрученные какой-то отталкивающей печалью, глухіе къ восхитительнымъ и грандіознымъ голосамъ природы, никогда не говоря „спасибо, мать" той самой землѣ, которую они безпрестанно и жадно взрываютъ и которая такъ щедро даритъ имъ свои плоды; идутъ, вѣчно волнуемые смущеніемъ даже и при ясномъ небѣ, вѣчно мрачные и недовольные, несмотря на лучезарный смѣхъ солнца, вонючіе и съ лицами настоящихъ висѣльниковъ,—право, ихъ можно принять либо за кретиновъ, которые поглощены смутными грезами, либо за блуждающихъ убійцъ, которыхъ гонитъ своимъ огненнымъ мечомъ угрызеніе совѣсти! Какъ бы то ни было, таковы они, эти люди. И язва, которая разъѣдаетъ ихъ, передается съ кровью изъ поколѣнія въ поколѣніе: тѣла проходятъ, душа остается, и послѣдній новорожденный является продолжателемъ своего предка"...

Вотъ противъ этого-то мрачнаго изображенія и счелъ долгомъ вооружиться Луи Вейльйо во имя реакціонныхъ и католическихъ идей, признавая правду за этимъ портретомъ лишь по отношенію къ крестьянину, испорченному-де цивилизаціей, и противоставляя ему идеализированный образъ истаго, т. е. патріархальнаго крестьянина добраго стараго времени.

„Этотъ ненавистный крестьянинъ, этотъ грубіянъ, этотъ скупецъ, этотъ глупецъ, этотъ злецъ, эта bête noire романа и каррикатуры, это какъ разъ и есть занимающійся политикой и грамотный крестьянинъ. Да, нельзя скрывать отъ себя, что онъ именно таковъ во многихъ отношеніяхъ, а особенно тамъ, куда духъ современности внесъ свои идеи просвѣщенія. Но продуктъ этотъ—вещь новая. Ни искусство, ни литература до 1789 г. не показываютъ намъ его, а вѣдь искусство и литература до 1789 г. чаще посѣщали поля, чѣмъ теперь (?!). Я сынъ, внукъ, правнукъ крестьянъ. Мать моя часто описывала мнѣ деревню, которую я оставилъ слишкомъ рано. Она жила тамъ въ бѣдности, ибо революція принизила и ввергла въ нищету скромную хижину предковъ моей матери; тѣмъ не менѣе она говоркла о деревнѣ, какъ о настоящемъ раѣ. У каждаго былъ тамъ свой домъ, свое поле, и каждый жилъ своимъ трудомъ. Ни одного нищаго, едва-едва нѣсколько пролетаріевъ. Неимущіе были извѣстными и уважаемыми стариками, которые повсюду находили пищу и кровъ; пролетаріи были рабочими, которые совершали свое круговое путешествіе по Франціи и которые, будучи честными, осаживались послѣ на мѣстѣ и строили, наконецъ, собственный домъ. Въ то время и не знали, что такое незаконное сожитіе. Дѣвушка, которая совершила ошибку, становившуюся извѣстной, принуждена была уходить изъ деревни и больше не показывалась. Въ семьѣ, которую постигало это униженіе, о ней говорили шопотомъ, и дѣти забывали самое имя ея. Печальное пятно ложилось также на семью, членъ которой былъ призванъ къ суду. Общественный голосъ возвышался противъ того, кто не поддерживалъ своихъ родителей, ничуть не меньше, чѣмъ противъ того, кто безчестилъ ихъ... Въ моей деревнѣ люди имѣли свободу, свободу кулачной расправы, и королевскій прокуроръ не трогался съ мѣста для разслѣдованія дѣла о какомъ-нибудь подбитомъ глазѣ. Но удары ножомъ, откусываніе носа и ушей и прочія происшествія, сдѣлавшіяся обычными въ свалкахъ предмѣстій и окрестностей Парижа, все это было такъ же мало извѣстно, какъ теперешнія рѣчи о равенствѣ, о гуманизмѣ, о

коммунизмѣ и коммунистическихъ общежитіяхъ. Это не мѣшало, впрочемъ развлекаться людямъ болѣе серьезнымъ способомъ. Моя мать съ истиннымъ удовольствіемъ описывала мнѣ платье, которое мой дѣдъ и бабка надѣвали на себя въ воскресенье къ обѣднѣ. Оно было такое же, какъ и будничное, но казалось красивѣе... Хлѣбъ зарабатывали въ потѣ лида, согласно библейскому предписанію; но вмѣстѣ съ тѣмъ съ покорностью судьбѣ, спокойствіемъ и упованіемъ, согласно закону Искупленія. Не завидовали другъ другу, не ненавидѣли другъ друга; не считали себя ни рабомъ, ни обреченнымъ на проклятіе. По воскреснымъ днямъ у каждаго было свое мѣсто въ церкви и въ обществѣ; уповали на свое мѣсто и въ небѣ. Съ радостью видѣли, какъ подростали хорошія дѣти, которыя станутъ сильными работниками и почтительными сыновьями. Короче сказать, люди жили счастливо и умирали мирно. Послѣ жизни, исполненной здоровой усталости, и оставляя по себѣ добрую память, они уходили спать хорошимъ сномъ между своими предками, подъ тѣнію тѣхъ самыхъ стѣнъ, гдѣ они пѣли со столь давнихъ поръ въ спокойствіи сердца: „вѣрую въ воскресеніе плоти и въ вѣчную жизнь“...

Лабрюйеръ описалъ крестьянина въ будни, онъ не видалъ крестьянина воскреснаго. Если бы онъ видѣлъ такого и разспросилъ бы его, онъ нашелъ бы, пожалуй, его и умнѣе, и сильнѣе, и ученѣе самаго автора... Зато если вы хотите побесѣдовать съ крестьяниномъ фабрикаціи 1789 г., то возьмите его, въ полѣ, въ кабакѣ, или, какъ онъ выражается на своемъ языкѣ, à la turne, возьмите его вокругъ избирательной урны: будь онъ даже изъ тѣхъ, что умѣютъ читать и сами напишутъ свой избирательный бюллетень, вы, по всей вѣроятности, найдете въ немъ человѣка, описаннаго г. Кладелемъ, а пожалуй и того хуже, и врядъ-ли останетесь отъ него въ восторгѣ... И однако воскресный крестьянинъ, котораго еще легко замѣтить даже и въ будни, если отереть съ него потъ; этотъ простой, мужественный, честный, щедрый въ самой бѣдности своей человѣкъ, этотъ смиренный христіанинъ прежнихъ временъ не исчезъ. Онъ знаетъ католическую церковь, и католическая церковь знаетъ его; сыны церкви любять и почитаютъ его и привѣтствуютъ въ немъ крѣпость своего отечества. Обработываемый со всѣхъ сторонъ ложью, отравляемый кабаками и газетами, повергаемый въ смущеніе тысячью скандаловъ, искушаемый всевозможными пожеланіями, обремененный налогами, онъ остается еще твердъ въ своемъ здравомъ смыслѣ и въ своей вѣрѣ и даетъ намъ едва-ли не одинъ почти все, что осталось еще у насъ честнаго, самоотверженнаго и чистаго... Подобно той землѣ, изъ которой онъ извлекаетъ своимъ потомъ хлѣбъ и вино, онъ производитъ своей благородной кровію самую гордую армію и самое многочисленное и твердое духовенство, какія только существуютъ въ мірѣ. Наши солдаты, наши патеры, наши монахи, наши монахини—несравненный вѣнецъ — являются спасительными плодами и цвѣтами этой расы, куда такъ глубоко вошла кровь Христа. Да, кровь Христа проникаетъ въ нее, охраняетъ ее и производитъ въ ней то чудо, что вся политическая и литературная грязь городовъ наводняетъ ее, кажется, только затѣмъ, чтобы изъ нея выростали церкви и святые люди“ *).

Я, разумѣется, и не думаю дать здѣсь полное резюме взглядовъ всѣхъ писателей, изображавшихъ французскаго крестьянина; мнѣ хотѣлось лишь показать читателю, въ какой степени общая точка

---

*) Я цитирую по лемерровскому изданію *La fête votive de Saint-Bartholomé Porte-Glaive,* предисловіемъ къ которому и является между прочимъ статья Вейльйо, появившаяся въ № 918 газеты «L' Univers» (отъ 5-го ноября 1869).

зрѣнія того или другого автора опредѣляетъ его оцѣнку земледѣльческихъ классовъ, какъ далеко расходятся эти различные взгляды и какъ трудно претендовать на безусловную вѣрность изображенія крестьянской среды. Потому я напомню только для примѣра отношеніе къ крестьянству Э. Золя, который въ своей «Землѣ» выставилъ въ такомъ непривлекательномъ свѣтѣ обитателей Босъ (Beauce), этой богатой пшеничными полями равнины, разстилающейся на нѣкоторомъ разстояніи къ югу и юго-западу отъ Парижа, между Сеной и Луарой. Интересно, что Луи Вейльйо родился какъ разъ въ этой мѣстности и изъ нея же бралъ идеализированный типъ благочестнаго и смиренномудраго крестьянина.

Вообще же, во время третьей республики такое или иное отношеніе къ земледѣльческимъ классамъ можетъ быть взято чуть не показателемъ различныхъ политическихъ міровоззрѣній и даже измѣненія во взглядахъ политическихъ дѣятелей въ разную пору ихъ жизни и при разныхъ условіяхъ. Такъ, первое время послѣ паденія Имперіи республиканцы, дрожа за участь только что основанной республики, смотрѣли на крестьянина очень недружелюбно, и монархическій составъ бордосской палаты 1871 г. подалъ имъ поводъ назвать послѣднюю «палатой деревенщины» (chambre des ruraux). Десять-пятнадцать лѣтъ спустя умѣренная фракція республиканцевъ, испуганная радикализмомъ городовъ и обнадеженная пассивнымъ отношеніемъ значительной части деревни къ новому режиму, уже шла въ сторону крестьянства, и изъ устъ Жюля Ферри вырвалась (въ Перигё, весной 1884 г.) знаменитая реакціонная фраза о «республикѣ крестьянъ», надѣлавшая много шума въ печати и цѣлой странѣ. Въ настоящее время люди «медленнаго и мудраго прогресса», сгруппировавшіеся вокругъ умѣреннаго министерства и заключающіе въ своихъ рядахъ и явныхъ консерваторовъ, и тайныхъ реакціонеровъ, ухаживаютъ за крестьяниномъ очень усиленно и разсчитываютъ привлечь его на свою сторону протекціоннымъ характеромъ своей экономической политики (выгодной, къ слову сказать, лишь крупнымъ земельнымъ собственникамъ, а отнюдь не дурачимымъ этой политикой крестьянамъ). Въ послѣдніе годы довольно значительныя группы крестьянства на югѣ, въ центрѣ и пр. начинаютъ обнаруживать тяготѣніе къ крайнимъ идеямъ,—о чемъ, впрочемъ, рѣчь ниже,—и кто знаетъ, какой сюрпризъ готовитъ странѣ сѣрая земледѣльческая масса, на которую медленно, но неустанно вліяетъ развитіе общественной жизни. Пока что, я хочу представить читателю нѣкоторыя стороны французскаго мужика, насколько я составилъ о немъ понятіе изъ книгъ и насколько я лично знаю его. Знаю его я, конечно, поверхностно и неполно, сталкиваясь съ нимъ лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бретани, Нормандіи, въ окрестностяхъ Парижа и отчасти (проѣздомъ) на югѣ. Но, сближая мнѣнія различныхъ авторовъ, находя въ нихъ общее и провѣряя этимъ свои собственныя наблюденія, я, можетъ быть,

съумѣю дать характеристику французскаго крестьянина, которая, надѣюсь, заинтересуетъ и нашу публику.

Мое первое знакомство съ этимъ крестьяниномъ было таково. Я только что пріѣхалъ на морскія купанья въ Бретань, именно на ту часть ламаншскаго прибрежья, которая идетъ отъ Канкальской бухты до мыса Фрегеля и которую многіе знатоки страны, въ родѣ вдовы Мишлэ, считаютъ за одно изъ живописнѣйшихъ мѣстъ Бретани. Дѣло было лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Изящная игла церкви Сэнъ-Мало поднималась изъ-за средневѣковыхъ стѣнъ города и смотрѣла на сѣрую груду старинныхъ высокихъ домовъ, прорѣзанную узкими, извилистыми улицами, въ которыхъ въ ту пору можно было лишь изрѣдка видѣть пріѣзжаго гостя. Очаровательный Динаръ, возвышающійся на гранитной скалѣ по другую сторону устья Рансы, только что начиналъ входить въ славу: виллы и красивые магазины можно было пересчитать по пальцамъ. А модное нынѣ Парамэ, которое заняло своими роскошными виллами прибрежье на востокъ отъ Сэнъ-Мало, едва выходило изъ состоянія жалкаго прозябанія, благодаря усиленнымъ стараніямъ спекуляторовъ - строителей: морской песокъ лежалъ кучами на немощенныхъ, обозначенныхъ тощими деревьями улицахъ и густой пылью носился въ воздухѣ; громадный и роскошный отель, разсчитанный на тысячи посѣтителей, уныло смотрѣлъ на берегъ безчисленными окнами своихъ пустыхъ апартаментовъ; короче сказать, городъ существовалъ лишь въ воображеніи спекуляторовъ да на дощечкахъ, прибитыхъ къ столбамъ и дававшихъ ненаселеннымъ пока улицамъ громкія и, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, ироническія названія «бульвара Прогресса», «аллеи Будущности» и т. д. А уже нечего было и говорить о всѣхъ этихъ Сэнъ-Люнерахъ, Сэнтъ-Энога, которыя шли по прибрежью за Динаромъ и оставались, какъ и въ незапамятныя времена, простыми мѣстечками, гдѣ жили моряки, а отчасти хлѣбопашцы...

Скромная деревушка, въ которой я остановился, была въ то время затеряннымъ угломъ, до котораго не коснулось еще почти нисколько вліяніе гостей-купальщиковъ и туристовъ. То была обыкновенная приморская деревня. Въ первый же вечеръ я пошелъ къ морю. Справа громадный гранитный мысъ, слѣва такія же громадныя скалы; посреди развертывался безконечный, состоявшій изъ тонкаго, словно бархатнаго песка, берегъ, на который бѣжали изъ морской голубой дали серебристо - бѣлыя длинныя нити волнъ; заходящее солнце играло на водѣ, на пескѣ, и его красноватые лучи казались совсѣмъ огненными на красныхъ цвѣтахъ прибрежныхъ колючихъ растеній. Позади меня, внутри страны, были тамъ и сямъ разбросаны дубовыя рощи, и яблони крестьянскихъ садовъ сливались на горизонтѣ въ одну сплошную массу зелени. Я шелъ и не-

вольно вспоминалъ страстное обращеніе поэта-бретонца (Огюста Бризе) къ своей родной землѣ:

O, terre de granits, recouverte de chênes *)...

Пригорокъ. На пригоркѣ, въ кацавейкѣ, въ колпакѣ, съ трубкой въ зубахъ и чулкомъ въ рукахъ,—сморщенное существо неопредѣленнаго пола. Подхожу ближе: старикъ. Возлѣ старика корова на веревкѣ, привязанной къ желѣзному, острому пруту, вбитому въ землю и напомнившему мнѣ нашу отечественную игру въ свайку. «Пастухъ?» спрашиваю я у старика. Тотъ, видимо, не понимаетъ моего вопроса. «Пастушите, пасете коровъ?» поясняю я.—Да, у меня всего одна. Вотъ вывелъ ее въ поле, жду, покамѣсть объѣстъ хорошенько траву, а потомъ и домой. Да вотъ тѣмъ временемъ вяжу чулокъ.—«А вы земледѣліемъ занимаетесь? — Былъ морякъ, а теперь получаю пенсію, имѣю немного земли, корову, свинью... Молчаніе. «Ну, прощайте»!—Прощайте, господинъ, прощайте. Нѣтъ-ли старику на табакъ?—«Есть», далъ два су и иду дальше. Новый пригорокъ, новое сморщенное существо, тоже съ трубкой въ зубахъ, тоже съ чулкомъ въ рукахъ: на сей разъ, впрочемъ, старуха, какъ я заключаю по грязному бѣлому чепцу. И опять веревка, желѣзный прутъ и корова. «Пасти вышли»?—Вышла, господинъ, со своей коровкой. Вотъ попріѣстъ поле, ужъ немного осталось, пойдемъ во свояси. «А вы чѣмъ же занимаетесь»?—Такъ, кой-чѣмъ, я вдова моряка, а дѣти землю пашутъ... Третій пригорокъ и третье существо, на сей разъ дѣвочка-подростокъ, а вмѣсто коровы коза. И такихъ пригорковъ, коровъ, козъ и пасущихъ бретонцевъ и бретонокъ, и старыхъ, и молодыхъ, и дѣтей, я нашелъ вокругъ деревушки съ добрую дюжину. Точно сурки высыпали они на поле и отъ времени до времени перекликались, опять таки, какъ сурки, каждый со своего холмика. Перекликались и коровы, и козы, каждая крутясь вокругъ своего прута. Я начиналъ понимать хуторской принципъ и прелести частной земельной собственности. Увидавъ между сурками-бретонцами и мою хозяйку, я очень обрадовался и подсѣлъ къ ней для разговора.

— А у васъ какъ же, каждый выгоняетъ свой скотъ?—обратился я къ почтенной собственницѣ.

— Конечно, а иначе какъ?—удивилась она.

— Да имѣть бы всѣмъ вамъ одного, много двухъ пастуховъ отъ цѣлой деревни да и поручить бы имъ весь скотъ и пасти его на общемъ полѣ.

— Чудно... у насъ и поля такого нѣтъ. А развѣ есть въ другихъ мѣстахъ?

— Да, и у васъ есть во Франціи, кой гдѣ въ горахъ, а у насъ, напримѣръ, въ Россіи почти повсюду.

— Какъ же это у васъ дѣлается?

*) Гранитная почва, покрытая дубами.

Я объяснилъ ей и старался дать понять, что у насъ не только пастбища, но и пашня въ извѣстномъ смыслѣ принадлежитъ всей деревнѣ, и каждый можетъ пользоваться ею, вотъ какъ здѣшній фермеръ, лишь извѣстное время.

— Чудно̀, ахъ, какъ чудно̀,—повторяла хозяйка... Думаю я думаю и нахожу, что съ одной стороны этотъ порядокъ хорошъ, а съ другой очень плохъ...

— Съ какой же хорошъ?—полюбопытствовалъ я.

— А вотъ съ какой: поприѣла моя корова траву на моемъ полѣ, я и перегоню ее на другое, а съ другого на третье, и такъ далѣе...

— Ну, а плохъ съ какой?

— Да вотъ если мой сосѣдъ стравитъ свое поле своимъ скотомъ, да и погонитъ его на мое...

Какъ бы то ни было, принципъ частной земельной собственности наложилъ свой рѣзкій отпечатокъ на крестьянскую жизнь, и именно благодаря своей прочной связи съ этой жизнью, играетъ охраняющую роль по отношенію ко всему общественному строю Франціи. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ странѣ съ развитымъ капиталистическимъ производствомъ личный трудъ и личная собственность, основанная на трудѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ оторваны другъ отъ друга. На иллюзіи и софизмѣ только и можетъ держаться строй, который какъ разъ исключаетъ личную собственность, основанную на личномъ трудѣ. Крестьянская мелкая собственность является могущественнымъ орудіемъ созданія, укрѣпленія и поддерживанія, именно, этой иллюзіи и этого софизма. Какъ въ сомнительномъ предпріятіи группа спекуляторовъ ищетъ какого-нибудь почтеннаго и уважаемаго всѣми коммерсанта, чтобы имѣть возможность пристегнуть его имя къ компанейской фирмѣ, такъ классъ капиталистовъ во Франціи съ необыкновеннымъ рвеніемъ старается уподобить свою собственнось крестьянской и тычетъ вамъ постоянно въ глаза французскимъ крестьянствомъ, которое, молъ, наглядно показываетъ, что капиталъ есть законное и естественное дѣтище труда и бережливости. Вамъ не преминутъ сказать, что до сихъ поръ Франція гарантирована отъ опасныхъ формъ соціальнаго вопроса, вытекающихъ изъ односторонняго развитія промышленности и роста бездомнаго пролетаріата; и потому, молъ, гарантирована, что значительная часть ея населенія занята земледѣліемъ, а въ самомъ земледѣльческомъ классѣ большинство состоитъ изъ обезпеченныхъ собственниковъ...

Но софизмъ остается софизмомъ. Посмотримъ на оффиціальныя и, стало быть, по необходимости оптимистическія данныя. Что во Франціи земледѣліе играетъ до сихъ поръ важную роль, съ этимъ незьзя не согласиться. По переписи 1891 г., земледѣліемъ занима-

лось 17.435,888 человѣкъ или 47% всего «классифицированнаго» населенія (которые исчислялось въ 36.829,135), промышленностью 9.532,560 или 26%, торговлею и перевозкою 5.160,829 или 14%, прочими профессіями 4.699,858 или 13% *). Земледѣліе даетъ средства къ жизни почти половинѣ населенія, въ то время, какъ промышленность лишь одной четверти, торговля вмѣстѣ съ перевозкой лишь одной восьмой, и т. д. Но указавъ на эту выдающуюся роль земледѣлія во Франціи, ея оффиціальные писатели никогда не преминутъ подчеркнуть то обстоятельство, что классъ, живущій этимъ родомъ труда, слагается главнымъ образомъ изъ собственниковъ. Такъ, по послѣдней подробной земледѣльческой статистикѣ, лицъ, непосредственно занимающихся обработкой земли или «дѣйствительныхъ земледѣльческихъ работниковъ» (т. е. главъ семейства, не считая ихъ женъ, дѣтей, стариковъ, личной прислуги и пр.) насчитывалось 6.913,504 **). Лица эти распредѣлялись по различнымъ котегоріямъ слѣдующимъ образомъ:

		Число лицъ каждой категоріи.	Отношеніе въ % къ общему числу.
Главъ хозяйственной эксплуатаціи	1) Собственниковъ, воздѣлывающихъ непосредственно свою землю или же извлекающихъ изъ нея доходы при помощи своей семьи или постороннихъ лицъ.	2.150,696	31,1
	2) Фермеровъ. . .	968,328	14,0
	3) Половниковъ. .	341,576	4,9
	Итогъ.	3.460,600	50.0
Помощниковъ или наемныхъ рабочихъ. . . .	4) Управляющихъ .	17,966	0,3
	5) Поденщиковъ. .	1.480,687	21,4
	6) Рабочихъ при фермѣ	1.954,251	28,3
	Итогъ. . . .	3.452,904	50,0
	Общій итогъ . .	6. 913,504	100,0

Приведя эту таблицу, оффиціальный авторъ (Тиссеранъ, неглупый человѣкъ, но смотрящій по обязанности на все сквозь розовыя очки) восклицаетъ: «Собственники, воздѣлывающіе свою зе-

*) *Statistique générale de la France. Résultats statistiques du denombrement de* 1891; Paris, 1894, стр. 271 (гдѣ помѣщена таблица, которую я даю здѣсь въ сокращеніи).

**) См. *Statistique agricole de la France. Résultats généraux de l'enquête decénnale de* 1882; Nancy, 1887, стр. 341 (это оффиціальное изданіе заключаетъ интересныя данныя, особенно для сравненія по десятилѣтіямъ, но, подобно большинству французскихъ оффиціальныхъ документовъ, страшно запаздываетъ; такъ результатовъ изслѣдованія за 1892 еще не вышло).

млю, составляютъ такимъ образомъ наиболѣе значительный классъ населенія земледѣльческихъ производителей; затѣмъ идетъ классъ рабочихъ при фермѣ, потомъ классъ поденьщиковъ; фермеровъ и половниковъ считается всего менѣе. Эта статистика лишній разъ показываетъ, что непосредственная обработка земли собственникомъ, включая сюда половничество, которое можно разсматривать, какъ особую форму непосредственной обработки, преобладаетъ во Франціи, являясь такимъ образомъ превосходнымъ условіемъ прогресса, прочности учрежденій и демократизаціи почвы. Собственники, обработывающіе землю при помощи управляющихъ, составляютъ ничтожное мельшинство» *).

Но, вѣдь, однѣми фразами о «прогрессѣ», «прочности учрежденій» и «демократизаціи почвы» нельзя рѣшить вопросъ о крестьянской собственности. Само по себѣ очень мало значитъ и большое число собственниковъ. Чѣмъ они владѣютъ? Каковы размѣры ихъ собственности?—вотъ важный пунктъ: не ярлыкъ, а вещь должна занимать серьезнаго изслѣдователя. Обратимся же къ самымъ оффиціальнымъ документамъ. Во Франціи, какъ и во многихъ другихъ западно-европейскихъ странахъ, статистика распредѣленія земельной собственности, въ сущности говоря, блещетъ своимъ отсутствіемъ. Но приблизительное понятіе объ этомъ можно получить изъ данныхъ о кадастральныхъ земельныхъ участкахъ (cotes foncières) которые несутъ налоги, и изъ статистики о способахъ хозяйственной эксплоатаціи земли (mode d'exploitation). Въ 1882 г. распредѣленіе кадастральныхъ участковъ между категоріями мелкой, средней и крупной собственности представлялось въ слѣдующемъ видѣ (замѣчу, что, по хозяйственнымъ условіямъ страны, мелкой собственностью во Франціи считаютъ обыкновенно собственность ниже 10 гектаровъ (9, 17 десятинъ), средней—собственность между 10 и 40 гектарами, крупной—свыше 40 гектаровъ) **).

Категоріи кадастральныхъ участковъ.	Общее число участковъ.	Поверхность въ гектар. Средн. каждаго участка.	Поверхность въ гектар. Общая всей категоріи.	Пропорц. на 1000 ед. Общ. чис. участк.	Пропорц. на 1000 ед. Общей поверхн.
1) Ниже 10 гект.	11.255,374	1,56	17.573,550	921	355
2) Отъ 10 до 40 г.	696,579	18,31	12.758,161	66	258
3) Свыше 40 гект.	163,324	117,74	19,230,150	13	387
Итогъ и среднее	12.115,277	4,09	49.561,861	1000	1000

Иначе говоря, болѣе $^9/_{10}$ кадастральныхъ участковъ достигаютъ въ среднемъ лишь полтора гектара и въ общемъ занимаютъ немногимъ болѣе трети всей земледѣльческой поверхности, а остальныя почти двѣ трети принадлежатъ участкамъ среднихъ и крупныхъ размѣровъ, которыхъ, однако, насчитывается менѣе одной де-

*) L. с. стр. 278.
**) L. с., стр. 342.

сятой общаго числа участковъ. И при этомъ крупные участки, достигающіе въ среднемъ почти 118 гектаровъ, обнимаютъ болѣе трети, почти $^2/_5$ всей земледѣльческой поверхности, тогда какъ ихъ не наберется и полтора процента въ общемъ числѣ участковъ.

Присмотритесь далѣе къ нижеслѣдующей таблицѣ, показывающей распредѣленіе, между различными по величинѣ категоріями, хозяйственныхъ единицъ (exploitations), общее число которыхъ значительно приближается къ цифрѣ «дѣйствительныхъ» земледѣльческихъ производителей (см. выше). Таблицу эту я беру, нѣсколько сокращая ее, все изъ того же оффиціальнаго документа *).

Категоріи культуры.	Число хозяйственныхъ единицъ.	Общая поверхность въ гектарахъ.	Средняя поверхность хоз. единицы въ гектарахъ.	Отнош. въ %: Къ общему числу хоз. единицъ.	Отнош. въ %: Къ общей поверхности.
1) Очень мелкая (отъ 0 до 1 гект.).	2.167,667	1.083,833	0,50	38,2	2,2
2) Мелкая (отъ 1 до 10 г.	2.635,030	11.366,274	4,31	46,5	22,9
3) Средняя (отъ 10 до 40 гектаръ).	727,222	14.845,650	20,41	12,8	29,9
4) Крупная (свыше 40 гектаръ)	142,088	22.266,104	156,71	2,5	45,0
Итогъ и среднее .	5.672,007	49.561,861	8,74	100,0	100,0

Другими словами, почти $^2/_5$ хозяйственныхъ единицъ принадлежатъ къ категоріи очень мелкой культуры и имѣютъ въ среднемъ лишь полгектара; но едва одна пятидесятая всей земледѣльческой поверхности воздѣлывается этими чрезвычайно многочисленными хозяйствами.

Мелкія хозяйства, имѣющія въ среднемъ съ небольшимъ 4 гектара, составляютъ почти половину земледѣльческихъ хозяйствъ Франціи, а обработываютъ едва одну пятую ея территоріи. Одна восьмая хозяйствъ принадлежитъ къ категоріи зажиточныхъ, располагающихъ въ среднемъ болѣе чѣмъ 20 гектарами, а въ общемъ почти третью земледѣльческой поверхности. Наконецъ, крупная культура, заключающая въ себѣ хозяйства, которыя имѣютъ въ среднемъ почти 157 гектаровъ, насчитываетъ всего одну сороковую всѣхъ земледѣльческихъ хозяйствъ Франціи, а распоряжается почти половиною всей эксплоатируемой поверхности. Сопоставьте три данныя нами таблицы и сдѣланные изъ нихъ выводы и вы придете къ заключенію, которое далеко расходится съ оффиціальной лирикой г. Тиссерана...

«Демократизація собственности»! Да, а за этой декораціей тотъ

*) L. c. стр. 280.

фактъ, что приблизительно изъ шести милліоновъ земледѣльческихъ семействъ чуть не половина должна извлекать изъ какихъ-нибудь четырехъ гектаровъ средства къ своему пропитанію и поддержанію самаго грандіознаго бюджета въ мірѣ. «Условіе прогресса»! И больше трети земледѣльческихъ семействъ принуждены служить этому прогрессу, вертясь и надрываясь надъ работой на полгектарѣ земли. «Прочность учрежденій»... это точно, и именно, благодаря тому обстоятельству, что частный мелкій собственникъ всю жизнь служитъ иллюзіи, будто его трудъ создаетъ и соотвѣтствующее усиліямъ вознагражденіе, и именно этой иллюзіей прикрываетъ непригдядную дѣйствительность строя, въ которомъ собственность какъ разъ не основана на трудѣ. Честная вывѣска и честный компаньонъ въ спекулятивной фирмѣ—вотъ роль крестьянина въ современной Франціи. Но и эту честность надо понимать условно. Говоря такъ, я отнюдь не думаю спеціально выискивать отрицательныя стороны крестьянина и злорадствовать надъ ними. Въ страстныхъ обвиненіяхъ (да, само собою разумѣется, и восхваленіяхъ) французскаго мужика со стороны разныхъ авторовъ, кой-кого изъ которыхъ я цитировалъ въ началѣ этой статьи,—въ этихъ обвиненіяхъ, говорю я, черезъ чуръ высказывается непосредственный аффектъ писавшихъ. А взгляните на этотъ вопросъ съ общественной точки зрѣнія, вдвиньте крестьянина въ обстановку, среди которой живетъ онъ, и, вмѣстѣ съ древней Магабгаратой, вы воскликнете: «не обстоятельства въ рукахъ человѣка, а человѣкъ въ рукахъ обстоятельствъ»: вы поймете, что крестьянинъ не можетъ быть инымъ, чѣмъ онъ есть,—взлядъ, къ которому очень близко подходитъ, не смотря на свой аристократизмъ, и геніальный Бальзакъ. Посмотримъ на нѣкоторыя стороны крестьянской души.

Скупость, переходящая часто границы благоразумія и вызывающая безпощадную жестокость къ самому себѣ и близкимъ, не говоря уже о постороннихъ, прежде всего бросается въ глаза... Печально, что и говорить! Но когда вы сообразите, что громадное большинство французскаго крестьянства можетъ отстаивать себя въ борьбѣ за существованіе на своемъ мелкомъ участкѣ лишь усиленнымъ трудомъ и самой строгой бережливостью, то вы поймете, что скупость эта является лишь логическимъ развитіемъ всей жизненной обстановки. Человѣкъ превращается въ раба своей функціи. Чтобы существовать, онъ такъ много урѣзываетъ отъ своихъ жизненныхъ потребностей, что вся жизнь сводится къ какой-то блѣдной фикціи, и поневолѣ спрашиваешь себя: зачѣмъ въ такомъ случаѣ жить этому человѣку, не живя въ сущности?

Et propter vitam vivendi perdere causas, какъ сказалъ бы старый поэтъ! Но ужасно то, что скупость эта принимаетъ истинный характеръ искусства для искусства, когда улучшившіяся условія дѣ-

лають безполезнымъ такое скаредство, и задерживающіе центры копленія функціонируютъ уже по привычкѣ и по инерціи. Лично мнѣ пришлось наблюдать интересную въ этомъ отношеніи семью, которая, однако, смѣю увѣрить читателя, не представляетъ по взглядамъ исключенія въ средѣ крестьянъ, какъ это можно было видѣть уже изъ того, что поведеніе ея считалось вполнѣ понятнымъ и нормальнымъ всѣми сосѣдями и знакомыми. Семья эта была такая. Вдовецъ-отецъ, крѣпкій старикъ лѣтъ шестидесяти, который былъ морякомъ, разбогатѣлъ не столько плаваніемъ и рыбной ловлей, сколько контрабандой и спекулятивной покупкой земель на берегу моря, и теперь жилъ безъ опредѣленнаго занятія, постукивая топоромъ по двору, расхаживая по деревнѣ и изрѣдка отправляясь на рыбную ловлю. Дочь его (другая дочь жила въ сосѣднемъ городѣ, сынъ утонулъ), которая вышла замужъ за второго капитана одного изъ громадныхъ атлантическихъ пароходовъ, совершающихъ рейсы между Гавромъ и Нью-Іоркомъ и носящихъ типичную кличку «гончихъ океана». Маленькій сынъ этой дочери, мужъ которой лишь изрѣдка наѣзжалъ провѣдать своихъ. Въ сущности говоря, по своему экономическому положенію семья эта принадлежала къ разряду средней, чуть не крупной буржуазіи. У отца въ земляхъ и бумагахъ было тысячъ двѣсти франковъ; да зять-капитанъ, который распоряжался хозяйственной частью на колоссальномъ суднѣ, получалъ жалованья, а главное безгрѣшныхъ доходовъ не одинъ десятокъ тысячъ франковъ въ годъ. Но обстановка, въ которой жила эта семья, мало чѣмъ отличалась отъ обычной обстановки средней крестьянской семьи Бретани.

Чистый и свѣтлый домъ, выстроенный въ послѣдніе годы, почтенное семейство это сдавало на купальный сезонъ пріѣзжавшимъ посѣтителямъ, или, какъ они называются здѣсь, «иностранцамъ». Само же ютилось въ старой, сырой, построенной изъ гранитнаго булыжника лачугѣ, съ неизмѣннымъ громаднымъ каминомъ на манеръ грота, маленькими окошечками и землянымъ поломъ. Тамъ-то, въ знаменитыхъ бретонскихъ шкафахъ-постеляхъ, въ которыхъ бѣлье было вѣчно влажнымъ отъ сырости, и започивала эта семья послѣ дневныхъ хлопотъ, прерываемыхъ раза три-четыре въ день принятіемъ пищи: чернаго кофе съ хлѣбомъ, намазаннымъ соленымъ сливочнымъ масломъ, простокваши съ картофелемъ, супа изъ овощей съ кускомъ свиного сала и большого количества яблочнаго сидра. «Что-жъ, мадамъ, вы не ѣдите мяса каждый день»?—спрашиваю однажды я у хозяйки.—Да мы, знаете-ли, не привыкли къ этому: мясо очень вредно для здоровья, разгорячаетъ («разгорячаетъ» и «освѣжаетъ» играютъ огромную роль въ гигіеническихъ воззрѣніяхъ средняго француза)... «Отчего вы не даете своему Пьеру молока? Вѣдь, онъ такой блѣдный у васъ: сами же вы жалуетесь на это», говорю я хозяйкѣ въ другой разъ, бесѣдуя съ ней о ея сынишкѣ.—О, онъ, знаете-ли, не привыкъ, все больше тянется къ

сидру. «Позвольте, мадамъ, предложить ему оставшійся у меня отъ утра стаканъ молока».—О, нѣтъ, это совсѣмъ лишнее, мосье: Пьеръ не будетъ пить... Я упросилъ, однако, мать позволить мнѣ дать молока юному любителю сидра, и Пьеръ выпилъ стаканъ съ жадностью. «Ну, вотъ видите, мадамъ, иногда и привычкѣ измѣняютъ»... Мадамъ помялась-помялась и въ порывѣ материнской благодарности за доставленное ея сыну удовольствіе пустилась въ откровенность: «вѣдь я, знаете-ли, мосье, не могу поить ребенка свѣжимъ молокомъ; это намъ не по карману (я улыбнулся)... т. е. я, какъ добрая мать, должна стараться, чтобъ рента, которую онъ получитъ послѣ нашей смерти, росла по возможности безостановочно: не капиталъ-же намъ, согласитесь, трогать для жизни (я расхохотался)... Не смѣйтесь, мосье: вотъ умретъ папаша, я и останусь сиротой...— Сиротой съ капиталами папаши, подшучиваю я.—«Ахъ, мосье, не Богъ знаетъ, какъ велики эти капиталы у моего дорогого отца, да пошлетъ ему Дѣва Марія и младенецъ Іисусъ долгую жизнь... Мало-ли что можетъ случиться: вотъ мой мужъ плаваетъ—плаваетъ, да вдругъ и заболѣетъ, а то, можетъ быть, и того хуже»...—Ну, а что, мадамъ, если вашъ Пьеръ заболѣетъ отъ плохого питанія, да и...»—Охъ, мосье, и не договаривайте: это убьетъ меня... Но чѣмъ же онъ, однако, плохо питается? А, вѣдь, кромѣ того, не могу же я трогать на пищу ренты, которую мы копимъ для него? Что онъ самъ потомъ скажетъ?

И сколько я ни старался показать хозяйкѣ всю нелѣпость ея разсужденій, какъ ни представлялъ ей въ комичномъ видѣ эту безконечную перспективу поколѣній, этотъ рядъ Пьеровъ, выступающихъ изъ мрака прошлаго и уходящихъ въ туманную даль будущаго и голодающихъ въ пользу своихъ потомковъ, и морящихъ съ голоду этихъ самыхъ потомковъ, въ то время, какъ рента, передаваемая изъ рукъ въ руки, все ростетъ да ростетъ, разбухая какъ вампиръ страданіями и лишеніями живыхъ людей,—всѣ мои усилія такъ же разбивались о стяжательные инстинкты моей хозяйки, какъ море о гранитныя скалы ея родины... Уморить Пьера для Пьера же казалось единственной доблестной задачею домовитой матери!..

Въ то же лѣто, подъ конецъ моего пребыванія въ этой семьѣ, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ сцены, которая ярко освѣтила для меня наслѣдственную психологію моей хозяйки. Старикъ-отецъ сильно промокъ на рыбной ловлѣ, понадѣялся на себя, не перемѣнилъ платья и опасно заболѣлъ. Жаръ, кашель, ломота въ костяхъ; легъ старикъ у живой изгороди изъ ежевики, которая окружала его садъ, и лежитъ, смотря на небо и охая. Встревожилась дочь, подбѣжали сосѣди, подошелъ и я. Рѣшили послать за докторомъ, на это самъ больной согласился послѣ долгихъ упрашиваній. Пріѣхалъ деревенскій врачъ, посмотрѣлъ, пощупалъ пульсъ, ткнулъ старика раза два въ грудь и въ спину, спрашивая, гдѣ болитъ, и рѣшилъ, что преклонный возрастъ паціента придаетъ болѣзни довольно опасный

характеръ, что старику надобенъ покой, хорошее питаніе, крѣпкое вино и пр. Старика уложили. Дочь сѣла у постели. Навѣстилъ и я больного. «Что же вы теперь думаете дѣлать? Надо серьезно лечиться», говорю я. «Конечно, надо, я только что сказала то же самое папашѣ», вступилась дочь. «Лѣчиться... лѣчиться... ну вотъ и лѣчимся, вотъ и легли», съ горькой ироніей и неизвѣстно на кого негодуя заговорилъ старикъ, и слова его безпрестанно прерывались кашлемъ и отчаянными ругательствами моряка. «Питаться надо, вино хорошее пить», продолжалъ я: «хотите, я схожу въ городъ, куплю».—Вино?.. Вино всякое у меня въ погребѣ есть, и хорошее, и крѣпкое: старый портвейнъ есть, хересъ, какого и не найдешь теперь: въ Испанію ѣздилъ, лѣтъ пятнадцать уже тому купилъ... Эхъ-эхъ, проклятая болѣзнь.—Ну вотъ и прекрасно, возьмите стараго портвейну и пейте себѣ, замѣчаю я.—Въ самомъ дѣлѣ, и пейте, папаша, робко и какъ бы извиняясь, промолвила дочь.—Пейте, пейте, папаша, вдругъ передразнивая и съ жаромъ заговорилъ отецъ: ужъ молчала бы лучше, Элиза! Мосье, конечно, чужой человѣкъ, онъ не знаетъ. А ты, вѣдь, моя дочь! Дочь, вѣдь, моя, правда? Такъ тебѣ стыдно было бы говорить такъ: видишь, что слабъ отецъ сталъ, заболѣлъ, твердости не стало, вотъ и начала искушать: пейте—пейте! Ты знаешь, я и здоровый-то можетъ разъ въ пять лѣтъ пробовалъ свои старыя вина, въ самыхъ что ни на есть торжественныхъ случаяхъ: вотъ тебя замужъ отдавалъ, по сынѣ поминки справлялъ... А то теперь свалился, какъ старое дерево: пейте! радость какая, что заболѣлъ... А если и безъ портвейну выздоровѣю, тогда что?

Признаться, меня опѣшила вполнѣ логическая съ своей точки зрѣнія аргументація старика: здоровый, въ цвѣтѣ силъ и стяжанія, онъ не пилъ дорогихъ напитковъ, а все копилъ: и хороше вино, и поля, и ренту; а тутъ, вдругъ заболѣлъ, можетъ умереть, и вдругъ именно въ моментъ такого паденія и приняться за деликатесы: вѣдь это горькая иронія надъ своей же судьбой, да что—прямой позоръ!... Я уѣхалъ, не дождавшись развязки этого поистинѣ гамлетовскаго вопроса для старика: пить или не пить. Мѣсяца два спустя, уже въ Парижѣ, я получилъ отъ мадамъ Элизы траурное письмо: старикъ умеръ, и умеръ героемъ и стоикомъ, не тронувши драгоцѣннаго портвейна!...

Но эта странная логика собственника порою приводитъ къ явленіямъ, отъ которыхъ содрогается чувствительное сердце большой публики, у которой, къ сожалѣнію, чувствительность почти никогда не идетъ рука-объ-руку съ пониманіемъ внутреннихъ причинъ явленія. А именно: скупость и вообще эгоистическій интересъ вызываетъ иногда такое извращеніе, казалось бы, естественныхъ чувствъ привязанности и расположенія между членами семьи, что подобные факты истолковываются какъ результаты необыкновеннаго звѣрства

и крайне-исключительной порочности души. Въ особенности часто распространено полнѣйшее равнодушіе къ судьбѣ престарѣлыхъ родителей, равнодушіе, которое при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ переходитъ въ прямую неумолимую вражду, ведущую даже къ крайнему преступленію: умышленному, задолго-обдуманному и холодно-выполняемому убійству. Главнымъ образомъ это случается, когда старики, начиная дряхлѣть, передаютъ при жизни свое имущество и веденіе хозяйства дѣтямъ, условливаясь съ послѣдними получать отъ нихъ пожизненное содержаніе въ формѣ ежегодной пенсіи и т. п. Старая и вѣчно-юная исторія, если хотите, которую развернулъ въ потрясающихъ сценахъ «Короля Лира» еще мощный геній Шекспира, которая въ русской литературѣ послужила предметомъ одной изъ повѣстей Тургенева («Степной король Лиръ»), а за нимъ Златовратскаго («Деревенскій король Лиръ»), и т. д. Но среди французскаго крестьянства, загипнотизированнаго земельнымъ стяжаніемъ, такое отношеніе дѣтей къ становящимся безполезными въ экономическомъ смыслѣ старикамъ прокидывается сравнительно особенно часто и ярко. Когда появилась «Земля» Э. Золя, значительная часть прессы возстала на автора, обвиняя его въ умышленномъ дискредитированіи французскаго крестьянства, утверждая, что такого жестокаго и чисто-преступнаго поведенія дѣтей съ родителями въ дѣйствительной деревнѣ никогда не встрѣтишь, и т. п. И что же? Словно нарочно, не успѣла затихнуть еще эта полемика, какъ одному изъ окружныхъ судовъ центральной Франціи пришлось разбирать именно такое дѣло, притомъ осложненное самыми ужасными подробностями звѣрства и суевѣрія. Обстоятельства дѣла были таковы. Старуха-мать передала при жизни все свое имущество женатому сыну, у котораго было двое маленькихъ дѣтей, подъ условіемъ получать содержаніе и все необходимое отъ молодой семьи вплоть до самой смерти, на что сынъ и невѣстка согласились очень охотно, полагая, что дряхлой старухѣ не долго маяться на свѣтѣ. Но шелъ годъ за годомъ, а старуха, хотя и становилась все дряхлѣе и безпомощнѣе, и не думала умирать. Въ сердцѣ сына и его жены начало постепенно рости неудовольствіе на эту бременящую ихъ бюджетъ обузу; неудовольствіе перешло въ злобу; злоба окрасилась суевѣріемъ: старая мать, очевидно, колдунья и продала душу чорту съ тѣмъ, чтобы возможно дольше протянуть на этомъ свѣтѣ и насолить своимъ дѣтямъ, ревностнымъ католикамъ!... И вотъ въ одно прекрасное утро, среди идиллической обстановки деревни, сынъ и невѣстка связали крѣпко-накрѣпко веревками дряхлую мать, всунули ее въ старый фамильный каминъ, обложили ее соломой, облили керосиномъ—и зажгли, наказавъ своимъ малолѣтнимъ дѣтямъ громко пѣть священные гимны, во-первыхъ, затѣмъ, чтобы отогнать помогавшаго колдуньѣ чорта, во-вторыхъ, затѣмъ, чтобы заглушить стоны бабки. На судѣ и сынъ и невѣстка чистосердечно признались, что это ауто-да-фе имъ

казалось необходимымъ, какъ въ видахъ экономическихъ, такъ и религіозныхъ!...

Приведу для примѣра другой типичный фактъ, который напоминаетъ положительно страшный разсказъ Эдгара По «Бочка стараго амонтильядо». Онъ разыгрался нынѣшней весной въ благочестивомъ Анжу. Довольно состоятельный старикъ-фермеръ, любившій пожить въ свое удовольствіе, передалъ все свое имущество сыну за пожизненную ренту и сталъ—фактъ довольно исключительный въ этой средѣ!—проводить время въ увеселительныхъ поѣздкахъ въ ближній городъ, игрѣ въ карты и испиваньи тонкихъ винъ. Сынъ по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ такой жизни почувствовалъ самую лютую ненависть къ отцу, который, молъ, лишь веселится да благодушествуетъ, тогда какъ онъ, молодой хозяинъ, надрывается надъ работой. И вотъ, когда пламя этой жаркой ненависти выжгло послѣдніе остатки расположенія къ отцу въ сердцѣ сына, послѣдній задумалъ и привелъ въ исполненіе такой планъ. «А что, папаша, вы вотъ все ѣздите въ городъ отвѣдывать хорошія вина, а не знаете того, что я припасъ для васъ боченокъ отличнаго Сомюрскаго вина».—А гдѣ жъ оно?—«Да у насъ въ погребѣ, подъ бродильнымъ чаномъ (дѣйствіе происходитъ въ странѣ виноградниковъ)». Старикъ спускается съ сыномъ въ погребъ, гдѣ стоялъ громадный перевернутый вверхъ дномъ чанъ, подпертый съ одной стороны толстой палкой. «Вотъ тамъ, папаша, къ той сторонѣ: вотъ вамъ ковшъ,—вы любитель, вы сами нацѣдите, а я вамъ посвѣчу». И въ то время, какъ старикъ ползалъ подъ чаномъ и нащупывалъ боченокъ, сынъ нанесъ ему ужасный ударъ топоромъ въ затылокъ. А когда ошеломленный, но все еще крѣпкій старикъ сталъ пытаться вылѣзть изъ подъ чана, сынъ выбилъ подпору, и громадный чанъ упалъ на старика, перебилъ ему спинной хребетъ и придавилъ его къ землѣ. Старикъ вылъ отъ боли, рыдалъ, умолялъ сына покончить съ нимъ. Но хозяйственный мужичекъ, видя, что отецъ уже больше не жилецъ, и даже соображая тутъ же на всякій случай планъ защиты на судѣ—отецъ, молъ, лѣзъ спьяну подъ чанъ за виномъ и по неосторожности уронилъ его на себя,—домовитый сынъ, говорю я, оставилъ умирающаго отца подъ чаномъ, испилъ послѣ своего подвига вина, отеръ потъ, поднялся на верхъ и преспокойно отправился воздѣлывать свою ниву и воздѣлывалъ, по обыкновенію, тщательно и прилежно. Стоны старика, доносившіеся еще въ теченіе двухъ-трехъ часовъ изъ подвала, не особенно смущали душу нѣжнаго сына, и на вопросы сосѣдей, чего это воетъ его отецъ, рачительный хозяинъ хладнокровно отвѣчалъ: «или не знаете его нрава? вернулся подвыпивши изъ города, вотъ тепрь лежитъ и куражится...»

Чувствительный читатель ужаснется, но обвинитъ меня въ умышленномъ подыскиваніи крайне рѣдкихъ фактовъ и въ ошибочномъ обобщеніи ихъ. Я и не говорю, что такіе рѣзкіе и яркіе

факты каждый день случаются во французской деревнѣ. Но было бы наивно думать, что они чрезвычайно исключительны. Вотъ уже сколько лѣтъ я слѣжу внимательно за французской судебной хроникой и смѣю увѣрить читателя, что каждый годъ натыкаюсь, по крайней мѣрѣ, на десятокъ такихъ крестьянскихъ преступленій, подлежащихъ разбору суда. Но примите во вниманіе, что въ парижскія большія газеты проходитъ лишь незначительная часть фактовъ изъ провинціальной жизни и печати. Не забудьте, что на одно такое судимое преступленіе приходится нѣсколько, сошедшихъ съ рукъ ихъ виновникамъ. А, главное, не упускайте изъ виду, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ со стариками скопидомы-дѣти раздѣлываются не ударомъ топора и не охапкой пропитанной керосиномъ соломы, а ежедневнымъ, мучительно-медленнымъ, но вѣрнымъ процессомъ сживанія со свѣту путемъ лишеній, держанья впроголодь, полнѣйшаго пренебреженія къ старости и болѣзнямъ родителей. Сообразите все это, и вы поймете, какія трагедія разыгрывается ежечасно, ежедневно на лонѣ французской идилліи полей. Строки эти я пишу, напримѣръ, въ благочестивой бретонской деревнѣ. Хозяйка моя, вдова моряка, очень хорошая женщина и въ деревнѣ слыветъ даже за большую безсребренницу. И что же? эта добрая женщина вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, со смерти мужа, перестала выдавать скромное денежное пособіе своей старой-престарой матери, перестала, несмотря на то, что у нея есть домъ, коровы, поле, пенсія отъ мужа и изрядный капиталецъ: «хлѣба ѣшь сколько угодно, а денегъ не могу давать; я не виновата, что мать живетъ далеко и не можетъ отъ дряхлости приходить ко мнѣ часто позавтракать или пообѣдать... Не ренту же мнѣ тратить изъ-за нея...» И эта «рента», «рента», «рента» раздается, словно магическое слово, по всей сельской Франціи, подстрекая тѣхъ изъ мелкихъ собственниковъ, которые не имѣютъ ренты, къ наживанію, а тѣхъ, у которыхъ она уже есть, къ пріумноженію, не особенно деликатничая съ отживающими и потому экономически убыточными поколѣніями.

Остановитесь на слѣдующей цитатѣ Бодрильяра, очень благонамѣреннаго академика, въ которой говорится о нормандскомъ, въ общемъ, зажиточномъ крестьянинѣ:

„Отъ этого отсутствія почтительности до равнодушія, а позже до жестокости лишь одинъ шагъ, который черезчуръ часто дѣти переступаютъ, когда родители становятся старыми и больными. Часто пожилые отцы и матери отдаютъ свое имущество дѣтямъ, подъ условіемъ пожизненной ренты или же, у бѣднѣйшихъ, подъ условіемъ получать отъ дѣтей кровъ, пищу и попеченіе. Условія, выговариваемыя при этой передачѣ, далеко не исполняются. Неоднократно пожизненная рента накопляется неоплатнымъ долгомъ на дѣтяхъ, вслѣдствіе ли ихъ преступной скупости или же въ силу матеріальныхъ затрудненій, когда дѣти не позаботились отдѣлить отъ текущихъ расходовъ обѣщанную сумму. Потому положеніе родителей,

которые остаются на попеченіи дѣтей, очень часто оставляетъ многаго желать" *).

И подобныя же жалобы вы услышите отъ автора, который, однако, всячески старается стушевать ихъ, и на крестьянъ Фландріи и Пикардіи, и на крестьянъ центра, и на крестьянъ юга.

Мнѣ-то, конечно, не зачѣмъ стушевывать эти факты: я не членъ института и не былъ посылаемъ академіей нравственныхъ и политическихъ наукъ для оффиціальнаго изученія быта крестьянъ.

Но съ другой стороны мнѣ хотѣлось бы не столько излить свое негодованіе на порочныхъ дѣтей-изверговъ, сколько представить читателю могущественное давленіе на крестьянъ ихъ соціальной обстановки, дѣлающей ихъ такими жестокосердыми. Мы съ вами благородные и возвышенные люди, — не правда ли, читатель? Мы чтимъ отцовъ и матерей нашихъ, чтимъ вообще лицо старче и боимся Бога. Но поставьте насъ на мѣсто средняго крестьянина. Частная мелкая собственность сдѣлала для насъ землю настоящимъ идоломъ: какихъ усилій стоитъ намъ не утерять нашихъ четырехъ гектаровъ изъ рукъ, а еще пріумножить, и съ какимъ свирѣпымъ героизмомъ мы будемъ держаться за землю, если у насъ ея всего полгектара! А разъ у насъ и довольно земли, то мы день и ночь будемъ думать о томъ, чтобы округлить ее... Едва мы родились, какъ отцы наши и матери начали пріучать насъ къ будущей роли: наши поля и сады отгорожены отъ сосѣдей, и мы грудью станемъ на защиту каждаго клочка; его мы воздѣлываемъ въ потѣ и съизмалу пріучаемся пахать, сѣять и жать. Дорого достается намъ отстоять себя въ борьбѣ за существованіе и противъ сборщика податей, и противъ процентовъ по ипотекѣ и сельскаго ростовщика, и противъ знойнаго солнца, излишняго дождя, и града, и червя, и мороза. Мы выросли въ такой обстановкѣ, поженились и обзавелись дѣтьми, которыхъ мы пріучаемъ въ свою очередь надрываться надъ семейной нивой. А родители наши все старѣются и дряхлѣютъ... Тѣмъ хуже для нихъ... Мы дѣлаемъ для нихъ все, что можемъ, но это все, къ сожалѣнію, не очень много; насъ зоветъ къ себѣ земля, зоветъ трудъ, зоветъ забота о самихъ себѣ и о будущности дѣтей нашихъ...

Пусть читатель мысленно продолжитъ линіи этого разсужденія, и онъ найдетъ, что въ извѣстный моментъ и при извѣстныхъ обстоятельствахъ онѣ могутъ пересѣчься въ страшной сценѣ отцеубійства, а, не заходя такъ далеко, образуютъ прочную сѣть эгоистическихъ

---

*) См. Henri Baudrillart, *Les populations agricoles de la France;* Paris, 1885, томъ I, стр. 126. Этотъ томъ посвященъ крестьянству Нормандіи и Бретани; второй (вышедшій въ 1888 г.)—крестьянству нѣкоторыхъ областей центра и сѣверо-востока; третій (появившійся въ 1893 г., послѣ смерти автора, подъ редакціей его сына, Альфреда Бодрильяра)—южному крестьянству. Это объемистое, но не умное и безталанное произведеніе заключаетъ мѣстами интересныя свѣдѣнія; точка зрѣнія—оффиціально-оптимистическая.

аргументовъ, настоящую кольчугу, которою мы защищаемся отъ естественныхъ чувствъ расположенія къ безпомощнымъ старикамъ. Не забудемъ, что попеченіе о старикахъ возникаетъ лишь на извѣстной ступени цивилизаціи и когда позволяетъ это законъ борьбы за существованіе. У первобытныхъ племенъ убыточность стариковъ-неработниковъ сознается столь сильно, что сами же старики приглашаютъ своихъ дѣтей убить ихъ и... съѣсть со всевозможными церемоніями. У нѣкоторыхъ древнихъ племенъ, описываемыхъ, если не ошибаюсь, Страбономъ, «желудокъ дѣтей почитался самымъ лучшимъ гробомъ для родителей».

Французская деревня поражаетъ еще инымъ явленіемъ, вытекающимъ изъ чрезмѣрнаго развитія частной собственности: искусственнымъ безплодіемъ. Многочисленная семья при опредѣленыхъ, очень часто недостаточныхъ, какъ мы видѣли, размѣрахъ собственности представляетъ для домовитаго хозяина важную помѣху его соціальной функціи. На стариковъ онъ смотритъ съ неудовольствіемъ и, когда дѣло обостряется, сживаетъ ихъ, что называется, со свѣту. Но отецъ онъ гораздо болѣе нѣжный, и потому случаи дѣтоубійства сравнительно крайне рѣдки; вытравленіе плода тоже скорѣе городской, чѣмъ деревенскій грѣхъ. Зато французскій крестьянинъ—убѣжденный мальтузіанецъ и своимъ умѣньемъ сдерживать народонаселеніе заставилъ бы покраснѣть почтеннаго автора «Опыта о народонаселеніи», который, какъ извѣстно, въ жизни отступалъ отъ чистоты своихъ теоретическихъ положеній, оставивъ послѣ себя чуть не дюжину дѣтей! Французскій земледѣлецъ не прибѣгаетъ къ различнымъ инструментамъ и техническимъ пріемамъ искусственнаго безплодія, которые выработала городская цивилизація: онъ пускаетъ въ ходъ практику, которая осуждается въ подробныхъ богословскихъ руководствахъ для католическихъ священниковъ... Я, къ сожалѣнію, не могу привести здѣсь циничнаго, но мѣткаго французскаго эквивалента соотвѣтствующей латинской фразы.

Интересно, что наибольшимъ виртуозомъ по части искусственнаго безплодія является не столько очень мелкій собственникъ, сколько зажиточный хозяинъ, который въ этомъ отношеніи съ успѣхомъ соперничаетъ съ городскимъ буржуа. И для него, какъ для послѣдняго, частная собственность превратилась въ настоящаго идола, въ жертву которому приносятся многія самыя законныя чувства. Но у городской буржуазіи предусмотрительность часто опирается на извѣстнаго рода сибаритство и привычку къ комфорту, которыя могутъ идти рука объ руку съ сильною любовью къ дѣтямъ: люди не желаютъ имѣть многочисленное потомство, чтобы дать возможность дѣтямъ жить въ такомъ же довольствѣ, какъ жили и сами родители. У богатаго крестьянина весь психическій аппа-

ратъ зачастую загипнотизированъ землей, вокругъ которой вертятся его помыслы и стремленія: какъ бы не разбить свою собственность на слишкомъ большое число участковъ? какъ бы сохранить ее въ цѣлости и даже округлить? По французскому гражданскому кодексу имущество вѣдь дѣлится поровну между дѣтьми. И вотъ зажиточный собственникъ регулируетъ ростъ своей семьи прямо съ математической точностью. У того же Бодрильяра, насобиравшаго много свѣдѣній изъ личныхъ разспросовъ, вы найдете порою очень интересные въ этомъ смыслѣ факты. Вотъ, что пишетъ онъ, напр., о крестьянствѣ въ Оверни, а именно въ департаментѣ Верхней Луары:

„Вещь очень серьезная! Это уменьшеніе народонаселенія почти исключительно зависитъ отъ добровольнаго ограниченія числа рожденій. Зло это прежде всего проявилось среди зажиточныхъ земледѣльческихъ классовъ Оверни, и тамъ-то оно и достигаетъ своего максимума: большинство семей имѣютъ одного, самое большее двухъ дѣтей. „Мы не на столько богаты, говорятъ они, чтобы выращивать больше"; или: „стоитъ-ли пускать на свѣтъ несчастныхъ". Можно было бы привести очень много убѣдительныхъ примѣровъ этого систематическаго ограниченія: вотъ два изъ нихъ. Семья X. имѣетъ лишь одного ребенка, который умираетъ взрослымъ; въ тотъ самый годъ, какъ схоронили перваго, рождается второй сынъ. который въ свою очередь умираетъ: его сейчасъ же замѣняютъ третьимъ; этотъ послѣдній еще живъ, но крайне тщедушенъ, и неизвѣстно, будутъ-ли родители въ состояніи выходить его. Другая семья богатыхъ крестьянъ имѣла единственнаго сына и издѣвалась надъ тѣми семьями, которыя не подражали ея благоразумному воздержанію; сына этого, уже достигшаго 18-лѣтняго возраста, убило молніей въ полѣ; мать умерла послѣ двухъ выкидышей; отецъ женился во второй разъ, и отъ второй жены у него всего одинъ ребенокъ. Въ теченіе долгаго времени мелкіе землепашцы считали, что многочисленныя дѣти были скорѣе для нихъ драгоцѣнными помощниками, и нерѣдко въ семьяхъ насчитывалось по меньшей мѣрѣ пять или шесть дѣтей; но теперь и эти семьи разсуждаютъ подобно богатымъ... Во многихъ деревняхъ семьи даже и съ тремя ребятами составляютъ уже рѣдкое исключеніе" *).

Или вотъ еще любопытный фактъ изъ другой мѣстности. Читатель, которому приходилось ѣздить по линіи желѣзной дороги Paris-Lyon-Méditerranée, навѣрное видѣлъ изъ оконъ вагона знаменитые виноградники деревни Томери (Thomery) возлѣ Фонтенебло, которые устроены шпалерами съ обѣихъ сторонъ садовыхъ стѣнъ. Виноградъ Томери считается гастрономической рѣдкостью, покупается съ аукціона крупными фруктовщиками и фигурируетъ на оффиціальныхъ обѣдахъ (президентскихъ, министерскихъ, въ честь коронованныхъ лицъ и пр.) подъ названіемъ échalas de Fontainebleau. Виноградники цѣнятся очень дорого и продаются туазами стѣны: туазъ (шесть футовъ) стоитъ 100 франковъ. Изъ 1000 душъ, обитающихъ деревню, самые бѣдные хозяева имѣютъ такихъ шпалеръ на 10000—20000 фр., а нѣкоторые—настоящіе милліонеры. И что-же?

---

*) Baudrillart, l. c., томъ III, стр. 604—605.

«въ этой богатой деревнѣ 120 семей не имѣютъ совсѣмъ дѣтей», говоритъ Бодрильяръ *).

Такимъ образомъ, чѣмъ частный собственникъ состоятельнѣе, тѣмъ онъ предусмотрительнѣе: ростъ капитала въ землѣ препятствуетъ росту капитала въ живыхъ производительныхъ силахъ населенія. Въ богатой Нормандіи дѣтей рождается очень мало, и число жителей медленно, но постепенно уменьшается; въ сосѣдней бѣдной Бретани семьи обыкновенно большія, и населеніе ростетъ. Не будь такихъ бѣдныхъ, не предусмотрительныхъ мѣстностей и еще болѣе не предусмотрительнаго городского пролетаріата, и Франція стала бы вымирать очень быстро. И теперь ея населеніе едва увеличивается, порою совершенно останавливается, а въ иные годы (напр., въ 1890, 1891, 1892) идетъ назадъ. Въ частности интересующая насъ здѣсь земледѣльческая собственность давитъ на населеніе съ двухъ концовъ: когда она мелка, она клонитъ владѣльца къ пренебреженію жизнію старыхъ отживающихъ поколѣній; когда она достаточно крупна, она губитъ жизнь въ зародышѣ, искусственно уменьшая рождаемость. И этого печальнаго положенія вещей французамъ не измѣнить, не измѣняя условій самаго строя. Никакія «общества борьбы противъ уменьшенія народонаселенія» не помогутъ бѣдѣ. Безсильны противъ этого и статьи разныхъ Гюговъ Леру въ «Фигаро», приглашающихъ собственниковъ Франціи быть менѣе предусмотрительными, и краснорѣчивые призывы Жюлей Симоновъ: «заткните, граждане, о заткните дыру, чрезъ которую утекаетъ населеніе нашего дорогого отечества» (буквальныя, довольно-комичныя слова въ заключеніи одной ораторской пѣсни академическаго лебедя).

Глубокомысленные философы и сладкіе поэты хуторского владѣнія въ Россіи, какъ извѣстно, обрушиваются на наше общинное владѣніе, между прочимъ, за то, что оно, молъ, не способствуетъ выработкѣ у нашихъ крестьянъ уваженія къ чужой собственности. Послушать этихъ мыслителей и этихъ пѣвцовъ, крестьянинъ-собственникъ питаетъ нѣчто въ родѣ религіознаго чувства къ чужой собственности. Увы! дѣйствительность разбиваетъ эти радужныя иллюзіи. Поэтовъ, правда, я могу еще порадовать слѣдующимъ обстоятельствомъ изъ крестьянскаго строя Франціи: во многихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Мэнъ, Анжу, Нормандіи, да даже въ сравнительно неплодородной Бретани поля и сады частныхъ собственниковъ отгорожены по большей части довольно высокими валами, которые усажены деревцами и издали производятъ своей совокупностью впечатлѣніе сплошного лѣса даже тамъ, гдѣ собственно лѣсовъ нѣтъ. Декорація, дѣйствительно, очень красивая и возбуждающая эстетическій восторгъ! Но

*) Baudrillart, l. c., томъ II, стр. 616.

философовъ хуторского принципа я вынужденъ рѣшительно огорчить и огорчить признаніемъ со стороны ихъ же теоретическаго собрата, все того же академика Бодрильяра. Не угодно-ли имъ будетъ остановиться на слѣдующихъ строкахъ:

„Эрскій департаментъ (département de l'Eure) — одинъ изъ наилучше воздѣланныхъ и самыхъ богатыхъ департаментовъ не только въ Нормандіи, но и во всей Франціи, и этотъ же департаментъ идетъ впереди всѣхъ прочихъ французскихъ департаментовъ съ точки зрѣнія преступности пропорціонально своему населенію. Онъ даетъ 43 обвиняемыхъ на 100000 жителей, цифра значительная, даже огромная... и которую, признаемъ это, мы должны поставить въ счетъ исключительно сельскому классу. Дѣйствительно, въ Эрскомъ департаментѣ нѣтъ ни одного большого города. Въ немъ находится даже мало важныхъ промышленныхъ центровъ. Правда, простыя убійства и убійства съ обдуманной цѣлью не фигурирують въ той же пропорціи, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ департаментахъ, въ спискѣ преступленій. Но преступленія противъ нравственности составляютъ цѣлую треть общаго числа, остальную треть составляютъ квалифицированныя кражи... Кромѣ того, во многихъ мѣстностяхъ Нормандіи, замѣчается масса мелкихъ хищеній, которыя ускользаютъ отъ кары закона. Нерѣдко крестьяне, даже и живущіе въ довольствѣ, подхватываютъ и похищаютъ снопы во время жатвы, яблоки для сидра, когда онѣ созрѣваютъ, сваленный и оставшійся на мѣстѣ лѣсъ. Эти кражи, каждый разъ и не особенно значительныя, но очень часто повторяющіяся, представляютъ вещь не простительную: онѣ дѣлаются не по нуждѣ, а обусловливаются единственно приманкою барыша безъ труда и тяготѣніемъ къ запрещенному плоду“ *)...

Вотъ вамъ и уваженіе къ чужой собственности! А, замѣтьте, вѣдь это происходитъ въ той самой Нормандіи, гдѣ юридическія понятія о собственности крайне выработаны въ населеніи, гдѣ, начиная съ среднихъ вѣковъ, самая малѣйшая сдѣлка непремѣнно заключается на бумагѣ, и гдѣ любимою темою разговоровъ крестьянъ въ кабакѣ является задаваніе другъ другу разныхъ сложныхъ случаевъ юридической казуистики! Для Бодрильяра и нашихъ философовъ хутора это, можетъ быть, и непонятно. Для меня же это представляется вполнѣ логичнымъ и необходимымъ. Именно тамъ, гдѣ частная собственность крайне ярко и рельефно выступаетъ въ жизни, столкновеніе частныхъ интересовъ придаетъ воровской и хищническій характеръ взаимнымъ отношеніямъ. Изгородь, усаженная деревьями—святыня для самого владѣльца „обнесеннаго“ валомъ пространства. Но для его сосѣда, это—граница непріятельской территоріи, въ которую можно при случаѣ и вторгнуться. «Что твое, то мое, а что мое, до того тебѣ дѣла нѣтъ», этотъ девизъ, которымъ защитники хутороваго владѣнія думаютъ вышутить противниковъ его, стоящихъ за общинную собственность,—этотъ девизъ, утверждаю я, долженъ быть отброшенъ назадъ прямо въ лицо поклонниковъ строгой и чрезмѣрно-развитой земельной собственности. «Ты воръ, если стянулъ у меня вотъ этотъ снопъ, и я подстрѣлю тебя изъ-за сорванной вишни (фактъ дѣйствительный, въ этомъ году

*) Baudrillart, l. c., томъ I, стр. 111—112.

разбиравшійся судомъ; а я хорошій хозяинъ, несущій все не изъ дому, а въ домъ, если я пользовался вонъ тѣми твоими яблоками на огородѣ». Таковъ обычный аргументъ земельнаго собственника, если не гласно возвѣщаемый, то всегда подразумѣваемый...

Борьба частныхъ интересовъ при отсутствіи связующаго начала ассоціаціи во французской деревнѣ создала не одну экономическую, но и политическую разобщенность пылкаго «любовника земли» (выраженіе Мишлэ), его общественный индифферентизмъ, его враждебное отношеніе ко всему, что вышибаетъ его изъ круга непосредственныхъ интересовъ. Собственно говоря, во Франціи мѣстами еще сохранились слѣды прежняго общиннаго владѣнія, мѣстами вырабатываются новыя формы земледѣльческихъ союзовъ. Но старыя земельныя переживанія представляютъ все болѣе и болѣе лишь археологическій, а въ лучшемъ случаѣ исключительно мѣстный интересъ.

Упомяну о патріархальной, сильно пропитанной клерикализмомъ, ассоціаціи моряковъ-землепашцевъ на островѣ Гоэдикѣ (île de Hoëdic), принадлежащемъ къ бретонскому департаменту Морбиганъ: священникъ или такъ называемый «ректоръ» является вмѣстѣ съ тѣмъ и мэромъ, и нотаріусомъ, и распредѣлителемъ работъ и продуктовъ между членами этой старинной артели. Можно цитировать также союзъ семнадцати общинъ въ Нижней-Луарѣ, эксплуатирующихъ торфяники морского прибрежья въ такъ называемомъ Бріеронѣ (pays Briéron); довольно распространенныя въ горныхъ мѣстностяхъ юга (въ департаментахъ Гаръ, Арьежъ) ассоціаціи скотоводовъ, молочниковъ и сыроваровъ; гораздо болѣе рѣдкіе случаи земледѣльческихъ ассоціацій, напоминающихъ южно-славянскую семейную общину или задругу и сохранившихся еще между половинниками въ гористыхъ мѣстностяхъ департамента Тарнъ. Что касается до новыхъ формъ союзовъ, то въ большинствѣ случаевъ эти союзы или, какъ они называются, «земледѣльческіе синдикаты» являются главнымъ образомъ потребительными обществами (для закупки сѣмянъ, удобреній и пр.) зажиточныхъ фермеровъ, среди которыхъ мелкіе крестьяне составляютъ исключеніе, тогда какъ во главѣ ихъ стоятъ крупные тузы, часто мѣстные политическіе дѣятели, пользующіеся этими ассоціаціями, какъ орудіемъ своихъ собственныхъ интересовъ и плановъ.

Большее значеніе, въ смыслѣ поправки черезчуръ яркихъ недостатковъ крестьянской земельной собственности, можно признать за нѣкоторыми общинными стремленіями, проявляющимися въ иныхъ мѣстахъ среди рядовыхъ крестьянъ. Такъ, въ Анжу, на островахъ, которые находятся въ руслѣ Луары, мелкая собственность достигла путемъ дѣленія наслѣдствъ такихъ микроскопическихъ размѣровъ, что эти перемѣшанные участки разныхъ хозяевъ невозможно обра-

батывать отдѣльно, и населеніе ввело порядки, напоминающіе общинные: каждый хозяинъ обработываетъ по очереди группу сосѣднихъ участковъ, принадлежащихъ разнымъ собственникамъ, и каждый годъ происходитъ новое распредѣленіе этихъ группъ. Такъ на югѣ, Франціи, въ департаментѣ Гаръ мелкіе крестьяне и половники соединяютъ («супрягаютъ») свой земледѣльческій скотъ, чтобы имѣть возможность подвергать болѣе глубокой пропашкѣ нѣкоторые сорты жирныхъ земель. Такъ, въ томъ же департаментѣ Гаръ (Gard) и въ близкомъ отъ него департаментѣ Одъ (Aude) леченіе зараженныхъ филоксерою виноградниковъ при помощи искуственнаго наводненія выработало своеобразную ассоціацію мелкихъ собственниковъ, соединяющихъ на этотъ конецъ въ одно большое цѣлое свои дробные участки.

И такихъ фактовъ можно было бы набрать, пожалуй, и не мало изъ разныхъ концовъ Франціи. Но все это до сихъ поръ лишь частныя явленія. Индивидуальная собственность представляетъ собою выдающуюся черту французской деревни. Общинныя земли коммунъ состоятъ почти исключительно изъ лѣсовъ и особенно пустошей и болотъ, и пространство ихъ сильно уменьшилось со времени закона 1850 г., поощрявшаго ихъ дѣлежку между отдѣльными собственниками: въ концѣ шестидесятыхъ годовъ ихъ насчитывали во всей Франціи 4.718,656 гектаровъ, едва одну одиннадцатую часть земледѣльческой территоріи; теперь же ихъ не наберется, можетъ быть, и половины*). Понятно, что вещь, называемая въ Франціи сельской коммуной, имѣетъ значеніе лишь административной единицы, и вопросы, которые обсуждаются каждый годъ въ 36000 муниципальныхъ совѣтовъ, касаются почти исключительно дорогъ и мостовъ, базаровъ и т. п. вещей. Нечего удивляться, что внимательные наблюдатели ужасаются крайнему индивидуализму французскаго крестьянина, который не въ состояніи отнестись безъ предубѣжденія къ какому-нибудь коллективному дѣйствію въ хозяйственной сферѣ, какъ это не разъ приходилось замѣчать въ вопросахъ орошенія или дренировки земель, принадлежащихъ собственникамъ деревни.

Индифферентизмъ французскаго крестьянина къ общиннымъ вопросамъ находитъ свое логическое завершеніе въ его равнодушіи, а при случаѣ прямой враждѣ къ обще-государственнымъ задачамъ. Поговорите съ крестьяниномъ, какъ онъ смотритъ на государство: ни о какихъ культурныхъ коллективныхъ цѣляхъ государства у него нѣтъ и понятія. Государство представляется ему единственно въ родѣ цѣпной собаки его, крестьянской, собственности: чѣмъ оно кусается больнѣе, охраняя его клочекъ земли, тѣмъ лучше, а если

---

*) По послѣдней статистикѣ министерства земледѣлія коммунальныхъ лѣсовъ въ 1892 г. было 1917630 гектаровъ. См. *Bulletins du Ministère de l'agriculture*, tresième anée, n. 4 (Paris, août 1894), стр. 348.

бы оно еще голодало въ угоду ему, т. е. не брало съ него налога, то идеальный политическій строй достигнутъ. Но замѣтьте себѣ, это при нормальныхъ обстоятельствахъ, когда дождь и ведро соединялись въ надлежащей пропорціи, а хлѣбъ и виноградъ дали хорошій урожай. А стоитъ только приключиться засухѣ, наводненію или градобитію, и крестьянинъ жадно ищетъ въ политическомъ строѣ «государства-провидѣнія», которое пришло бы къ нему, лишь къ нему, на помощь. Тотъ самый собственникъ, который презрительно относится къ общимъ задачамъ государства и гроша расколотаго не даетъ на какую-нибудь коллективную цѣль, считаетъ себя въ правѣ требовать изъ общаго бюджета всевозможныхъ воспособленій и вспомоществованій. Его общественный индифферентизмъ вполнѣ естественно идетъ рука-объ-руку съ политической косностью. До крестьянина лишь очень медленно докатывается волна прогрессивнаго теченія, и зачастую онъ парализуетъ ее своею неподвижностью и рутиною. Французскій крестьянинъ, конечно, не реакціонеръ въ точномъ значеніи этого слова: для этого ему недостаетъ сознательнаго,—положительнаго или отрицательнаго,—отношенія къ общественному порядку. Но онъ инстинктивный консерваторъ: неподвижность и традиція—краеугольные камни его воззрѣній. Довольно долго онъ стоялъ по инерціи за короля и императора. Теперь онъ въ большинствѣ случаевъ примирился съ республикой, отъ которой онъ требуетъ, какъ я уже сказалъ выше, быть его цѣпной собакой...

Французскія отживающія партіи любятъ восторгаться религіозностью крестьянина и идеализируютъ его якобы христіанское міровоззрѣніе. Тутъ есть значительная доля недоразумѣнія. Какъ извѣстно, религія есть очень сложное психическое явленіе, въ которомъ можно различить, по крайней мѣрѣ, три главныхъ элемента: элементъ общаго философскаго міровоззрѣнія, которымъ человѣкъ хочетъ объяснить смыслъ всего существующаго; элементъ нравственный, который у религіознаго человѣка опирается на санкцію Верховнаго Судьи, оцѣнивающаго по заслугамъ добро и зло человѣческой дѣятельности; и элементъ, при помощи котораго человѣкъ путемъ разныхъ традиціонныхъ формулъ и обрядовъ пытается подчинить своимъ чисто грубо-эгоистичнымъ цѣлямъ ходъ событій. Увы! Философскій элементъ религіи у французскаго крестьянина очень низкаго пошиба, что̀ неудивительно при парадной и театральной тенденціи католицизма. Самый грубый антропорфизмъ и вѣра въ чудесное на каждомъ шагу распространены еще по всей крестьянской Франціи. На югѣ Лурдъ привлекаетъ безчисленныя толпы паломниковъ и болящихъ. Въ Нормандіи нынѣшней весной цѣлыя толпы населенія стекались смотрѣть небесныя видѣнія въ Тилли-на-Сёллѣ (Tilly-sur-Seulle), въ департаментъ Кальвадосъ, и въ тотъ самый моментъ, какъ я пишу эти строки, новыя видѣнія объ-

явились возлѣ города Кутансъ, въ Ламаншскомъ департаментѣ. Въ Бретани же католическіе святые положительно принимаютъ такое же участіе въ жизни людей, какъ гомеровскіе боги въ сраженіяхъ героевъ Иліады, и пр.

Эта вѣра въ чудесное тѣсно соединена съ элементомъ религіозной магіи: ревностный католикъ полагаетъ, что такимъ или инымъ пріемомъ, свѣчой, пожертвованіемъ, онъ можетъ пригнуть волю Божества въ угоду своимъ, зачастую грубо-практическимъ и не всегда чистымъ цѣлямъ. Маленькій примѣръ: въ мѣстномъ реакціонномъ органѣ департамента Сѣвернаго Берега (Côtes-du-Nord), «La Croix», каждый номеръ носитъ въ видѣ виньетки изображеніе Распятаго, а на третьей страницѣ вы почти каждый день найдете письма отъ подписчиковъ въ родѣ слѣдующаго: «посылаю въ редакцію 50 франковъ, которые я жертвую по обѣщанію въ пользу св. Іосифа, помогшаго мнѣ благополучно кончить задуманное коммерческое предпріятіе. Рыбопромышленникъ такой-то». До какой степени возвышенная идея христіанства мало гармонируетъ съ этимъ взглядомъ на святого, какъ на какого-то колдуна, можно видѣть изъ того, что во многихъ мѣстахъ Франціи, гдѣ философская потребность въ религіи исчезла и народъ скептически относится къ католицизму, суевѣрія продолжаютъ цвѣсти чуть ли не по-прежнему. Укажу хоть на недалекій отъ Парижа энскій департаментъ (de l'Aisne), гдѣ крестьяне скептически относятся къ идеѣ загробной жизни и гдѣ въ то же время почти въ каждой деревнѣ есть колдунъ, ворожея или ясновидящая, которые наговариваютъ и отговариваютъ разныя болѣзни и предсказываютъ будущее толпящимся вокругъ нихъ крестьянамъ. Бодрильяръ же разсказываетъ, что въ гористыхъ мѣстностяхъ юга (напр. въ департаментахъ Гаръ и Одъ) есть спеціальные колдуны, которые за 6 франковъ въ годъ застраховываютъ вашу ферму отъ набѣговъ лисицъ. И курьезно то обстоятельство, что люди, даже и не вѣрящіе въ это, абонируются у колдуна на всякій случай, ради предосторожности, какъ признавался автору мэръ одной большой деревни *).

Наконецъ, что касается до нравственнаго элемента въ религіи, то соціальная среда крестьянъ препятствуетъ его развитію. У лучшихъ религіозныхъ людей, которымъ претитъ вѣчная забота о пріумноженіи капиталовъ, прокидывается по закону реакціи совершенное отчужденіе отъ жизни: дѣйственная любовь къ ближнимъ, въ которой могло бы выразиться ихъ христіанское міровоззрѣніе, замѣняется эгоистическимъ попеченіемъ о спасеніи собственной души, жажда своего строго отграниченнаго участка, своего мѣста по заслугамъ и труду переносится, такъ сказать, съ земли на небо.. Этими типами подвижниковъ - индивидуалистовъ, наполняющими монастыри, французская деревня платитъ дань потребности идеала.

*) Baudirllart, l. c., томъ III, стр. 316 и примѣчаніе.

Многое можно было бы еще сказать о французскомъ крестьянствѣ, но это было бы изображеніемъ различныхъ детальныхъ сторонъ его характера. А я именно хотѣлъ остановиться на основныхъ пружинахъ его психологіи. Здѣсь будетъ кстати сказать, что если темныя стороны преобладаютъ въ характеристикѣ французскаго мужика, то виною тому, конечно, не самъ онъ, а тѣ всесильныя нити соціальныхъ интересовъ, которыми онъ опутанъ и въ которыхъ онъ порою задыхается. Самая рѣзкость и рельефность неприглядныхъ чертъ этого крестьянства указываетъ на то, что это далеко не изжившійся и не умирающій классъ. Но его энергія, его трудолюбіе направлены теперь по ложному руслу индивидуализма, который главнымъ образомъ выработался на почвѣ черезчуръ развитой земельной собственности. Преобразованіе экономическихъ отношеній въ направленіи коллективности и солидарности и вліяніе городской цивилизаціи сдѣлаютъ рано или поздно изъ французскаго крестьянина дѣятельнаго участника въ общечеловѣческомъ прогрессѣ. И теперь уже замѣчаются въ крестьянской средѣ явленія, которыя указываютъ на работу деревенской мысли въ новомъ направленіи. Но здѣсь я ограничусь лишь самымъ бѣглымъ указаніемъ на эти явленія, предпочитая, если найду возможнымъ, разсмотрѣть ихъ болѣе подробно въ особой статьѣ, въ связи съ постановкой аграрнаго вопроса въ различныхъ программахъ современной Франціи...

Такъ, несомнѣнно разобщенность и индифферентизмъ крестьянина отступаютъ довольно замѣтно передъ общественнымъ интересомъ въ иныхъ мѣстностяхъ юга, центра и сѣверовостока. Южанинъ—вообще человѣкъ очень общительный. Знаменателенъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что въ департаментѣ Устьевъ Роны идеалъ сельскаго работника, стремящагося къ независимости, это купить не маленькую хижину, чтобы поселиться въ ней полнымъ хозяиномъ, *а этажъ* (sic!) большого деревенскаго дома и жить въ тѣсной дружбѣ со своими сосѣдями, собственниками прочихъ этажей. Не забудьте, что именно на югѣ (въ департаментахъ Нижнихъ Альповъ, Восточныхъ Пиренеевъ и пр.) еще въ 1848 г. нашлось довольно много сторонниковъ рабочаго движенія, которые вели въ этомъ смыслѣ дѣятельную пропаганду между односельчанами, не боясь страшной въ то время для крестьянскаго уха клички «partageux». Да и современныя демократическія идеи находятъ теперь горячихъ приверженцевъ въ иныхъ изъ южныхъ департаментовъ,—въ уже цитированныхъ мною Восточныхъ Пиринеяхъ, въ Варскомъ департаментѣ, въ департаментѣ Тарнъ, гдѣ вліяніе такого передового депутата, какъ Жоресъ, велико не только между рабочими, но и среди крестьянъ.

Въ послѣднее время прогрессивныя идеи начинаютъ распространяться и въ сѣверо-восточныхъ деревняхъ, на почвѣ старинной Фландріи, можетъ быть благодаря тому, что духъ ассоціаціи и тяготѣніе ко всевозможнымъ обществамъ, вплоть до музыкальныхъ и гимнастиче-

скихъ, издавна проявлялись здѣсь. Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ нѣкоторыхъ центральныхъ департаментовъ Аллье, Шера, населеніе дровосѣковъ не уступаетъ своими стремленіями къ общественнымъ реформамъ городскому пролетаріату, вотируя за депутатовъ и муниципальныхъ совѣтниковъ, принадлежащихъ къ самой крайней лѣвой. Въ департаментѣ Сены и Уазы, окружающемъ Парижъ и маленькій Сенскій департаментъ, новыя идеи нашли мѣстами столь благопріятную почву между сельскимъ населеніемъ, что это обстоятельство даже сильно огорчило почтеннаго Бодрильяра. Именно въ этомъ департаментѣ мнѣ пришлось года два тому назадъ встрѣтить по дорогѣ между Гуданомъ (Houdan) и Дрё (Dreux) интересный образчикъ крестьянской семьи, затронутой прогрессивнымъ движеніемъ. Гроза загнала меня на довольно зажиточную ферму. Былъ воскресный день, и за обѣденнымъ столомъ, рядомъ съ молодымъ фермеромъ и его женой, сидѣло нѣсколько сосѣдей, тоже молодыхъ людей, бывшихъ товарищей хозяина по школѣ. Я ушамъ своимъ не вѣрилъ, слушая рѣчи этихъ интеллигентныхъ земледѣльцевъ, поразившихъ меня своимъ смѣлымъ демократизмомъ, живѣйшимъ участіемъ къ политическимъ и соціальнымъ вопросамъ и пониманіемъ задачъ современности.

Мнѣ особенно врѣзалась въ память злая и умная критика, которой они подвергли только-что произнесенную въ то время парламентскую рѣчь депутата сосѣдняго съ ними округа, Поля Дешанеля. Самъ хозяинъ - фермеръ учился въ нисшихъ классахъ гимназіи вмѣстѣ съ этимъ Веніаминомъ французской буржуазіи, довольно часто встрѣчался съ нимъ и позже, хорошо зналъ его, и характеристика, которую онъ далъ этому карьеристу, фразеру и фату, была не только художественнымъ портретомъ шустраго депутата, но и политическимъ памфлетомъ цѣлаго оппортунистскаго строя!..

Н. К.

Изъ Австріи.

Новыя теченія среди крестьянъ западной Галиціи.

Мы уже познакомили читателей «Русскаго Богатства» съ новыми теченіями среди русинскихъ крестьянъ восточной Галиціи. Теперь мы желали бы разсказать объ аналогическомъ явленіи въ западной, чисто польской Галиціи, гдѣ крестьяне стоятъ гораздо выше въ культурномъ отношеніи и гдѣ многія условія гораздо болѣе способствуютъ развитію общественной жизни.

Польскіе крестьяне стали такимъ факторомъ политической жизни, съ которымъ господствовавшія до сихъ поръ въ Галиціи феодально клерикальныя сферы принуждены серьезно считаться, а послѣдніе выборы въ галиційскій сеймъ, происходившіе въ сентябрѣ 1895 года, показали наглядно, что крестьянская партія уже стала серьезной силой. Девять крестьянскихъ депутатовъ были избраны, не смотря на то, что въ сельскихъ общинахъ выборы двойные, не смотря на ожесточенную контръ-агитацію, не смотря на то, наконецъ, что галиційскія власти прибѣгали къ самымъ экстреннымъ пріемамъ давленія на выборы.

Такъ какъ промышленность стала развиваться въ Галиціи только въ самое послѣднее время, то вполнѣ понятно, что вліяніе буржуазіи на ходъ политическихъ дѣлъ тамъ крайне незначительно: слабая галиційская буржуазія всецѣло зависитъ отъ правительства, а слѣдовательно и отъ правящихъ въ Галиціи помѣщиковъ. Этимъ послѣднимъ стоитъ не многихъ трудовъ переманить на свою сторону всякую талантливую единицу изъ буржуазнаго лагеря. Въ настоящее время почти всѣ т. н. либеральные депутаты польскаго парламентскаго клуба самые вѣрные союзники консервативно-клерикальной партіи: достаточно вспомнить, какую позорную роль играютъ въ парламентѣ т. н. либералы Щепановскій, Рутовскій, Левицкій и др. Еще менѣе опасна станчикамъ *) мелкая буржуазія, которая до сихъ поръ не съумѣла сплотиться въ самостоятельную партію и наврядъ ли будетъ когда-нибудь играть въ Галиціи хотя-бы такую роль, какъ антисемиты въ другихъ провинціяхъ Австріи. Соперничество соціалъ-демократіи, какъ организованнаго *городского* пролетаріата, станчикамъ пока тоже еще не опасно, потому что рабочіе въ Австріи не пользуются широкимъ избирательнымъ правомъ **) и самая галиційская промышленность въ настоящее время слаба и развивается крайне медленно.

Остается, значитъ, единственный элементъ, который уже въ ближайшемъ будущемъ станетъ серьезно угрожать могуществу станчиковъ. Изъ ста пятидесяти депутатовъ львовскаго сейма *семьдесятъ четыре* избираются крестьянами. До сихъ поръ изъ куріи крестьянской собственности были избираемы главные столпы консервативно-клерикальной партіи, но уже послѣдніе выборы показали, что это можетъ продолжаться не долго. По мѣрѣ того, какъ крестьянское движеніе будетъ усиливаться, значенію польско-галиційскихъ станчиковъ суждено умаляться. Когда же крестьяне войдутъ въ сеймъ въ значительномъ количествѣ, судьбы Галиціи примутъ

---

*) Такъ называютъ въ Галиціи членовъ консервативно-клерикальной партіи.

**) Избирательная реформа гр. Бадени ничего не даетъ галиційскимъ рабочимъ, и имъ только съ величайшими усиліями удается провести въ парламентъ 2 депутатовъ изъ Лозова и изъ Кракова.

совершенно иное направленіе, и господству феодально-клерикальной олигархіи наступитъ конецъ.

Есть еще одинъ вопросъ, который мы не можемъ игнорировать, говоря о крестьянскомъ движеніи въ Галиціи. Это польско-русинскій вопросъ, который часто ошибочно принимается за чисто національный. Русинскій народъ въ Галиціи—это русинскіе крестьяне. Ни помѣщиковъ, ни буржуазіи русины не имѣютъ, а всѣ до единаго русинскіе депутаты избираются въ куріи мелкой, крестьянской собственности. Если кто угнетаетъ русиновъ, такъ это только господствующіе въ Галиціи польскіе и частью нѣмецкіе помѣщики, которые склонны дать русинамъ двѣ-три малорусскія гимназіи, расширить права малорусскаго языка въ судопроизводствѣ и администраціи, но никогда не согласятся ни на какія экономическія уступки. Уже въ силу этого, побѣда польской крестьянской партіи, экономическіе интересы которой совершенно тождественны съ интересами *крестьянскаго* русинскаго народа, крайне выгодна для русиновъ. Что же касается національной вражды, то ее не питаютъ ни польскіе крестьяне къ русинскимъ, ни русинскіе къ польскимъ. Это лучше всего доказываютъ факты, относящіеся къ послѣднимъ выборамъ, факты, которые читатель найдетъ далѣе.

Характеръ крестьянскаго движенія въ западной Галиціи, требованія и стремленія польскихъ крестьянъ, различныя теченія, существующія въ ихъ средѣ, лучше всего рисуютъ намъ крестьянскія газетки, такъ какъ эти газетки и являются крестьянскими органами въ самомъ тѣсномъ значеніи.

Первоначально издателю такой газетки приходилось самому заполнять ея столбцы, но мало по малу его начали выручать и сами крестьяне, присылая сначала краткія сообщенія въ формѣ писемъ, непремѣнно начинавшихся традиціоннымъ привѣтствіемъ «Niech bedzie pochwalony Jezus Chrystus» *), а затѣмъ и цѣлыя корреспонденціи, статьи, стихотворенія и разсказы; такъ что редактору оставалось выбирать подходящій матеріалъ для каждаго номера, присовокупляя къ нему только руководящую статью да хронику.

Крестьяне относятся съ безграничнымъ довѣріемъ къ редактору *своей* газетки и обращаются къ нему, прося совѣта, помощи, жалуясь на всякія притѣсненія, сообщая о своихъ радостяхъ и печаляхъ. Редакція крестьянской газетки завалена письмами со всѣхъ концовъ края.

Любопытно, что иниціаторомъ крестьянскаго движенія въ той формѣ, въ какой оно проявляется въ настоящее время, былъ священникъ (правда, очень мало похожій на всѣхъ остальныхъ своихъ галиційскихъ собратьевъ), даже ex-іезуитъ, Станиславъ Стояловскій, борьба котораго съ галиційскими епископами надѣлала въ по-

---

*) «Да будетъ прославленъ Іисусъ Христосъ».

слѣднее время не мало шума и заставила говорить объ оригинальномъ патерѣ всю европейскую прессу.

Еще въ 1875 г., когда народная литература стояла въ Галиціи ниже всякой критики, патеръ Стояловскій основалъ двѣ небольшія газетки для крестьянъ «Wieniec»(«Вѣнецъ»)и«Pszczółka» («Пчелка»), въ которыхъ началъ выяснять народу значеніе политическихъ и общественныхъ вопросовъ. До того времени изданія для народа наполнялись почти исключительно сантиментальной болтовней на сказочныя темы съ «нравоучительной» тенденціей, и только въ органахъ патера Стояловскаго польскіе крестьяне встрѣтили живое слово, интересное для нихъ по содержанію и вполнѣ доступное по формѣ. Нужно замѣтить, что патеръ Стояловскій обладаетъ недюжинными публицистическими и ораторскими способностями. Высокій, худой, блѣдный, съ саркатической улыбкой на губахъ, весьма напоминающій каррикатурныя изображенія іезуитовъ въ нѣмецкихъ юмористическихъ изданіяхъ, патеръ Стояловскій обладаетъ особой манерой говорить, сопровождая свои слова въ высшей степени живыми тѣлодвиженіями и жестами, а подчасъ довольно странными ужимками. Онъ говоритъ съ большимъ воодушевленіемъ, нерѣдко съ неподдѣльнымъ паѳосомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ такъ ясно и популярно. что даже самый темный изъ слушателей пойметъ его мысль. Его публицистическій талантъ нисколько не уступаетъ ораторскому. Его статьи отличаются основательностью, неподражаемымъ юморомъ и, опять таки, замѣчательной популярностью.

Вполнѣ естественно, что такой талантливый человѣкъ, взявшись за дѣло политическаго просвѣщенія крестьянъ, долженъ былъ пріобрѣсти среди нихъ большое вліяніе. Онъ не выставилъ однако никакой опредѣленной политической программы, а только заинтересовалъ крестьянъ вопросами политической жизни и подготовилъ почву, на которой выросло теперешнее крестьянское движеніе въ Западной Галиціи.

Въ 1889 г., какъ разъ передъ выборами въ галиційскій сеймъ, во Львовѣ возникаетъ третій органъ для крестьянъ подъ редакціей г. Болеслава Выслоуха. Этотъ органъ—«Другъ народа» («Przyjaciel Ludu»)—уже не довольствовался однимъ возбужденіемъ среди крестьянъ интереса къ политическимъ вопросамъ. Онъ выступилъ съ совершенно опредѣленнымъ и яснымъ требованіемъ защиты крестьянскихъ интересовъ самими же крестьянами въ сеймѣ и въ парламентѣ, и съ этой минуты вполнѣ самостоятельную роль патера Стояловскаго можно было считать сыгранной. Онъ долженъ былъ или присоединиться къ г. Выслоуху и идти съ нимъ рука объ руку, или принципіально выступить противъ него. Но Стояловскій не сдѣлалъ ни того, ни другого. Онъ поддерживалъ требованіе, чтобы крестьяне выбирали въ депутаты крестьянъ же, но съ г. Выслоухомъ долго не хотѣлъ сближаться и даже сталъ во враж-

дебныя къ нему отношенія, стараясь дискредитировать его газету передъ своими приверженцами.

Между тѣмъ предложеніе избирать крестьянъ депутатами въ сеймъ вызвало общее негодованіе въ Галиціи. «Да развѣ возможно допустить темнаго, ничего не понимающаго мужика туда, гдѣ разбираются вопросы, касающіеся самыхъ важныхъ интересовъ страны?»—въ одинъ голосъ спрашивали возмущенныя галиційскія газеты безъ различія партійныхъ взглядовъ. Даже демократической краковской «Новой Реформѣ» проектъ г. Выслоуха казался чѣмъ то прямо немыслимымъ. Консервативныя же и клерикальныя газеты называли его прямо демагогическимъ.

Однако мысль, брошенная г. Выслоухомъ, принялась среди крестьянства, подготовленнаго четырнадцатилѣтней работой органовъ патера Стояловскаго. Крестьяне выставили въ нѣсколькихъ избирательныхъ округахъ своихъ кандидатовъ и, не смотря на сильную контръ-агитацію со стороны помѣщиковъ и властей, выбрали четырехъ депутатовъ-крестьянъ: Поточека, Крамарчика, Стрэнка и Мизю.

Галиційское общество было поражено такимъ исходомъ кратковременной агитаціи г. Выслоуха и ожидало чего то невообразимо курьезнаго отъ дебюта «темныхъ крестьянъ» въ парламентѣ. Однако, маленькая крестьянская группа въ сеймѣ очень быстро разсѣяла недовѣріе противниковъ и опасенія друзей. Крестьянскіе депутаты, вопреки всякимъ ожиданіямъ, оказались людьми вполнѣ ознакомленными со всякими вопросами, разбираемыми въ сеймѣ, весьма толково разсуждали о различныхъ мѣропріятіяхъ и вносили вполнѣ цѣлесообразныя предложенія, направленныя къ улучшенію положенія крестьянскаго класса. Галиційское общество видѣло, съ другой стороны, въ крестьянскихъ органахъ массу замѣтокъ, статей и корреспонденцій, писанныхъ крестьянами. Стало очевидно, что съ крестьянствомъ слѣдуетъ считаться, какъ съ новою силой, желающей играть такую же роль, какъ и другіе классы.

Дѣйствительно галиційскій крестьянинъ пересталъ быть темной, забитой массой, какой былъ до полученія Галиціей автономіи. Дѣятельность автономнаго школьнаго совѣта сильно повліяла на состояніе грамотности въ народѣ. Число грамотныхъ, особенно въ западной Галиціи, быстро увеличивалось, такъ что во многихъ округахъ этой части края почти все молодое поколѣніе не только умѣло читать, но и читало довольно много. По селамъ существовало уже немало народныхъ читаленъ, а нѣсколько обществъ для изданія народныхъ книжекъ съ успѣхомъ распространяли просвѣщеніе.

Правящая въ Галиціи феодально-клерикальная партія была не на шутку обезпокоена первыми самостоятельными шагами крестьянства на политическомъ поприщѣ. Она увидѣла, что уже нельзя ни игнорировать крестьянъ, ни кормить ихъ сентиментальной болтовней на темы дѣтской морали. Она поняла, что въ ближайшемъ будущемъ политическая дѣятельность крестьянъ можетъ очень пла-

чевно отразиться на положенiи дворянства и духовенства, изъ рукъ которыхъ не преминутъ ускользнуть депутатскiя полномочiя, а вмѣстѣ съ тѣмъ прахомъ пойдетъ и влiянiе на ходъ политическихъ дѣлъ въ Галицiи. Нужно было принять мѣры для предотвращенiя этой опасности. Одной изъ такихъ мѣръ долженъ былъ стать псевдо-крестьянскiй органъ «Краковякъ» («Krakus»), основанный въ 1891 г., задачей котораго было внушать крестьянамъ, что участiе въ политической жизни имъ совершенно не нужно, что помѣщики и духовенство достаточно уже заботятся о крестьянскихъ интересахъ, а люди, смущающiе крестьянъ совѣтами избирать своихъ людей въ сеймъ и въ парламентъ, негодяи, враги христiанской религiи и даже — массоны... Форма статей «Краковяка» вполнѣ соотвѣтствовала этой тенденцiи. Это была почти сплошная ругань, наборъ инсинуацiй, клеветъ и выходокъ самаго дурного тона.

«Краковякъ» разсылался даромъ или же за деньги выписывавшихъ его для крестьянъ помѣщиковъ и священниковъ, но читателей не прiобрѣлъ. Крестьяне встрѣтили его крайне враждебно, а ихъ органы печатали порой остроумные сатирическiе стишки, написанные самими крестьянами и направленные противъ «Краковяка».

Противъ крестьянскаго движенiя ополчилось главнымъ образомъ католическое духовенство, во всемъ поддерживающее галицiйскихъ феодаловъ. Галицiйскiе священники стали примѣнять всѣ доступныя имъ средства, чтобы только парализовать влiянiе органовъ патера Стояловскаго и г. Выслоуха. Съ амвоновъ деревенскихъ костеловъ стали раздаваться проповѣди, направленныя противъ руководителей крестьянскаго движенiя. Эти люди — еретики, враги христiанской вѣры, подкупленные соцiалистами и массонами, желаютъ лишь эксплоатировать въ свою пользу темную массу. То же самое внушалось крестьянамъ и на исповѣди. Во многихъ мѣстахъ священники отказывались крестить дѣтей у подписчиковъ крестьянскихъ газетокъ, что было подтверждено многочисленными жалобами крестьянъ, направленными въ редакцiю «Друга народа», «Вѣнца» и «Пчелки». Кое-гдѣ священники приходили даже на почту и конфисковали всѣ экземпляры газетокъ, присылаемые на имя ихъ прихожанъ.

Эти преслѣдованiя достигли своего апогея въ надѣлавшей много шума куррендѣ 1893 г.—окружномъ посланiи, снабженномъ подписями почти всѣхъ галицiйскихъ епископовъ. Эта куррента была разослана во всѣ римско-католическiе приходы, и священники читали ее съ амвоновъ, пугая читателей запрещаемыхъ ею газетокъ муками на томъ свѣтѣ.

Оказалось, однако, что никакiя преслѣдованiя уже не были въ состоянiи помѣшать распространенiю этихъ органовъ. Куррента произвела даже обратное дѣйствiе, явившись попросту рекламой для «Друга народа», «Вѣнца» и «Пчелки» въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне еще мало о нихъ знали. Именно, со времени обна-

родованія курренды число подписчиковъ крестьянскихъ газетъ начинаетъ сильно возростать, причемъ большая часть новыхъ подписчиковъ прямо заявляетъ, что запрещеніе побудило ихъ заинтересоваться газеткой. Одинъ изъ крестьянъ пишетъ редактору «Друга народа»: «до сихъ поръ я не видѣлъ никогда вашей газеты, но, должно быть, велика въ ней сила, если ужъ священники съ амвоновъ противъ нея выступаютъ, поэтому я прошу высылать мнѣ экземпляръ «Друга народа». Любопытно, что почти не было случаевъ отпаденія, благодаря куррендѣ, подписчиковъ крестьянскихъ газетокъ. Зато при помощи курренды въ крестьянскую среду проникло извѣстіе о соціально-демократическомъ органѣ «Впередъ», который до тѣхъ поръ былъ знакомъ развѣ только тѣмъ изъ крестьянъ, которые сталкивались съ фабричными рабочими.

Само собою разумѣется, что духовенство выступило въ походъ главнымъ образомъ противъ патера Стояловскаго: его стали лишать права служить обѣдни, на него подавались жалобы папѣ, на него сыпались различные процессы, доводившіе его нерѣдко до тюрьмы, но ничто не могло сломить эту энергичную натуру. Благодаря своему адвокатскому таланту, патеръ Стояловскій умѣлъ выходить сухимъ изъ воды даже въ такихъ случаяхъ, когда, казалось, не было никакого спасенія. Но и галиційскіе епископы рѣшили во что бы то ни стало обезоружить и погубить ненавистнаго имъ агитатора. Обвинивъ его въ томъ, что онъ проповѣдуетъ въ своихъ органахъ взгляды, несогласные съ ученіемъ католической церкви, галиційскіе епископы добились у папы запрещенія патеру Стояловскому служить обѣдню, что должно было сильно поколебать его авторитетъ въ глазахъ крестьянъ.

Немного думая, патеръ Стояловскій поѣхалъ въ Римъ, всякими правдами и неправдами добился того, что запрещеніе было уничтожено, и торжественно возвратился въ Галицію, причемъ однако нисколько не думалъ объ исполненіи данныхъ въ Римѣ обѣщаній. Когда же галиційскіе епископы опять стали угрожать ему крестовымъ походомъ въ случаѣ, если онъ не исполнитъ даннаго въ Римѣ обѣщанія, т. е. не отречется отъ проповѣдуемаго имъ лжеученія, бывшій іезуитъ, наконецъ, напечаталъ въ своихъ органахъ это отреченіе, но изложилъ его такъ, что оно скорѣе было похоже на злую насмѣшку надъ епископами, нежели на дѣйствительное отреченіе кающагося грѣшника.

Видя, что патеръ Стояловскій ихъ провелъ, епископы снова стали добиваться или новаго запрещенія, или прекращенія изданій «Вѣнца» и «Пчелки»... Гибкій патеръ опять смирился. Онъ заявляетъ, что уже не будетъ издавать свои газетки, возстановляетъ такимъ путемъ свои священническія права, а затѣмъ... продолжаетъ издавать тѣ же самые органы, но подъ названіемъ «*Новый* Вѣнецъ» и «*Новая* Пчелка». Вскорѣ послѣ этого, въ одинъ прекрасный день онъ заявляетъ неожиданно, что галиційскіе епископы

не имѣютъ надъ нимъ рѣшительно никакой власти, такъ какъ онъ не галицiйскiй, а... черногорскiй священникъ. Дѣло въ томъ, что онъ перевелся въ черногорскую антиварiйскую епархiю и получилъ отъ ея главы, епископа Милинковича, отпускъ, позволяющiй ему пребывать въ Галицiи.

Ведя эту борьбу съ духовенствомъ, патеръ Стояловскiй не прекращалъ своей агитаторской дѣятельности среди крестьянъ. Ему, какъ человѣку въ высшей степени самолюбивому, не лишенному и тщеславiя, сильно не нравилось все возрастающее влiянiе г. Выслоуха и «Друга народа». Поэтому онъ постоянно полемизировалъ съ этимъ послѣднимъ, нерѣдко довольно грубо, обвиняя г. Выслоуха въ недостаткѣ религiозныхъ чувствъ, въ желанiи уничтожить у крестьянъ вѣру и т. д. Съ другой стороны, видя, что ему трудно выдерживать и преслѣдованiе духовенства, и соперничать съ г. Выслоухомъ, Стояловскiй задумалъ опереться на такую крестьянскую организацiю, которая была бы покорнымъ орудiемъ въ его рукахъ. Съ этой цѣлью онъ основалъ въ 1893 г. въ Новомъ Сончѣ крестьянское политическое общество «Крестьянскiй союзъ», куда вошли главнымъ образомъ зажиточные крестьяне, а между ними депутаты: Поточеки (сеймовый и парламентскiй), Крамарчикъ и т. д.

«Крестьянскiй союзъ» призналъ газетки патера Стояловскаго своими органами и обѣщалъ руководиться во всемъ совѣтами священника-агитатора. Однако, это продолжалось не долго. Воспользовавшись поѣздкой патера Стояловскаго въ Римъ, станчики возстановили «Крестьянскiй союзъ» противъ отсутствующаго агитатора и, когда тотъ возвратился домой, то увидѣлъ, что его недавнiе союзники относятся къ нему почти враждебно. Еще и раньше главнымъ членамъ «Крестьянскаго союза» не нравились диктаторскiя замашки тщеславнаго патера, теперь же, подзадориваемые духовенствомъ и помѣщиками, которые постарались сблизиться съ братьями Поточеками, они открыто возмутились и порвали съ нимъ всякiя связи. Объявивъ, что они больше не считаютъ газетки патера Стояловскаго своими органами, они стали издавать собственный органъ «Крестьянскiй союзъ», который началъ писать противъ Стояловскаго не хуже органовъ консервативно-клерикальной партiи, а затѣмъ сталъ проводить взгляды крестьянской буржуазiи, выступая противъ всеобщей подачи голосовъ, борясь съ независимой крестьянской прессой и т. д.

Такимъ образомъ Стояловскiй лишился поддержки, на которую такъ сильно расчитывалъ. Ему оставалось теперь только одно — сблизиться съ г. Выслоухомъ и идти съ нимъ рука объ руку, прекративъ всякую полемику съ «Другомъ Народа» *), что онъ и сдѣ-

*) Патеру Стояловскому постоянно приходилось мѣнять мѣсто изданiя «Вѣнца» и «Пчелки», такъ какъ въ Галицiи прокуратура конфисковала чуть-ли не каждый номеръ. Поэтому онъ былъ принужденъ издавать ихъ то въ Вѣнѣ, то въ Силезiи, то въ Венгрiи.

лалъ, скрѣпя сердце. Полемика съ Выслоухомъ мало по малу прекращается, патеръ Стояловскій начинаетъ выступать въ качествѣ оратора на вѣчахъ (митингахъ), устраиваемыхъ редакціей «Друга Народа»; наконецъ, когда галиційскія власти позаботились убрать опаснаго агитатора на время выборовъ въ сеймъ и засадили его на нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьму за оскорбленіе намѣстника графа Бадени, патеръ Стояловскій передаетъ редакцію «Вѣнца» и «Пчелки» одному изъ главныхъ сотрудниковъ. г. Выслоуха—г. Стапинскому.

Газетки патера Стояловскаго, сильно напоминающія многочисленные въ Австріи органы во вкусѣ принца Лихтенштейна, съ его антисемитизмомъ и нѣкоторыми симпатіями къ городскимъ рабочимъ, выходятъ и до сихъ поръ. Онѣ сильно распространены между крестьянствомъ, но уже не пользуются такимъ вліяніемъ, какъ прежде. На первое мѣсто выдвинулся «Другъ народа», который совершенно завладѣлъ симпатіями польскихъ крестьянъ въ Галиціи и сталъ главнымъ органомъ крестьянскаго движенія.

Издаваемый г. Выслоухомъ, выходящій три раза въ мѣсяцъ, «Другъ народа» редижируется очень умѣло. Каждый номеръ этой газетки составляется изъ матеріала, присланнаго самими крестьянами. Кромѣ множества случайныхъ корреспондентовъ-крестьянъ, «Другъ народа» имѣетъ десятка два-три постоянныхъ сотрудниковъ, которые систематически присылаютъ въ его редакцію свои статьи. Нѣкоторые изъ этихъ сотрудниковъ обладаютъ недюжиннымъ публицистическимъ талантомъ. Къ такимъ принадлежатъ: Вуйцикъ, Завада, Пенкось, Шарекъ, Шмыдъ, Вцисло, Стройный, а особенно Яковъ Бойко—войтъ (староста) села Грембошово, пишущій иногда подъ псевдонимомъ Кубы Габріельчика. Статьи Бойки отличаются ясностью, толковостью, ловкой аргументаціей и полемическимъ юморомъ. Многія изъ статей Бойки перепечатываются и газетами для интеллигенціи.

Въ статьяхъ, присылаемыхъ въ редакцію «Друга народа», крестьяне затрогиваютъ самые разнообразные вопросы, относящіеся къ ихъ жизни. Въ нихъ разсматриваются и всякія мелкія неудобства общиннаго законодательства, въ нихъ критикуются проекты экономическихъ реформъ, касающихся всей провинціи или всего государства, въ нихъ, наконецъ, разбираются и чисто политическіе вопросы. Между крестьянами есть даже спеціалисты по различнымъ вопросамъ, которые, изучивъ данный предметъ (напр. законодательство о дорогахъ, податной вопросъ), пишутъ о немъ пространныя статьи, критикуютъ существующія постановленія, предлагаютъ собственные проекты реформъ и т. д.

Основной тонъ, звучащій во всѣхъ заявленіяхъ крестьянъ—это матеріальная и нравственная эмансипація крестьянскаго сословія. Они требуютъ реформъ экономическаго и политическаго характера и полагаютъ, что эти реформы станутъ фактомъ лишь тогда, когда

въ сеймѣ и въ парламентѣ крестьянскіе депутаты займутъ мѣсто, соотвѣтствующее значенію крестьянскаго класса. Крестьянскіе публицисты требуютъ, чтобы представители другихъ сословій относились къ крестьянамъ съ уваженіемъ. Любопытно, что крестьяне, принимающіе участіе въ политическомъ движеніи и сотрудничающіе въ газеткахъ, избѣгаютъ словъ, употребляемыхъ интеллигенціей, когда та говоритъ о крестьянахъ (wloscianin, rolnik, kmiotek—крестьянинъ, землепашецъ, поселянинъ), а какъ бы бравируютъ словомъ «мужикъ» (chlop), желая показать этимъ, что они гордятся названіемъ, употребляемымъ интеллигенціей нерѣдко въ смыслѣ презрительнаго прозвища.

Чтобы наши читатели могли уяснить себѣ, какъ смотрятъ на задачи и цѣли крестьянскаго движенія его участники и главные руководители, мы приведемъ здѣсь вкратцѣ содержаніе программной рѣчи г. Выслоуха, редактора «Друга народа», произнесенной имъ на большомъ крестьянскомъ вѣчѣ въ августѣ 1894 г.

По мнѣнію г. Выслоуха, крестьянское движеніе въ Галиціи развивается въ трехъ направленіяхъ. Первое—это *борьба за политическую самостоятельность крестьянства*. Теперешнее конституціонное положеніе населенія таково. Внизу находится нѣсколько милліоновъ, лишенныхъ всякихъ избирательныхъ правъ; надъ этой куріей политическихъ паріевъ возвышается полумилліонная курія мелкой собственности, въ которой выборы двойные—т. е. съ такимъ избирательнымъ механизмомъ, что пятьсотъ человѣкъ имѣютъ только одинъ голосъ. Затѣмъ слѣдуетъ курія избирателей большихъ городовъ и торгово-промышленныхъ палатъ. Здѣсь каждый, платящій болѣе пяти гульденовъ прямыхъ налоговъ, имѣетъ право одного голоса. Надо всѣмъ этимъ царствуетъ курія крупной собственности, въ которой не только каждый помѣщикъ имѣетъ право голоса, но одинъ депутатъ приходится на каждыхъ пятьдесятъ избирателей. Здравый мужицкій разсудокъ не въ состояніи понять, какимъ образомъ такой избирательный законъ можетъ согласоваться съ основнымъ положеніемъ австрійской конституціи, провозгласившей равенство всѣхъ гражданъ передъ лицомъ закона. За то крестьяне прекрасно поняли, что при двойныхъ выборахъ, гдѣ для деморализаціи является самое широкое поприще, такъ какъ одинъ предатель сразу измѣняетъ пятистамъ довѣрителей, они никогда не добьются фактическаго пользованія конституціонными правами. Вслѣдствіе этого однимъ изъ главныхъ требованій крестьянъ является требованіе уничтоженія двойныхъ выборовъ въ куріи сельскихъ общинъ. Политически-развитые крестьяне требуютъ расширенія избирательнаго права, при томъ большая часть протестующихъ идетъ еще дальше и требуетъ радикальнаго измѣненія избирательнаго закона, т. е. чтобы избирательное право было всеобщимъ, непосредственнымъ и тайнымъ.

Такимъ образомъ борьба съ политическими привиллегіями и стремленіе къ свободѣ—вотъ первая линія крестьянской политики.

Какова же вторая линія этой политики?

Мелкая собственность—отвѣчаетъ г. Выслоухъ—занимаетъ въ Галиціи около восьми милліоновъ моргеновъ; слишкомъ милліонъ крестьянскихъ семействъ живетъ земледѣліемъ и землѣ посвящаетъ свой тяжелый трудъ. Изъ этого вытекаетъ отличительная черта крестьянскаго движенія, выдѣляющая его изъ остальныхъ—*защита мелкой собственности, борьба за лучшія условія для ея развитія.*

Больше всего угнетаютъ мелкую собственность разные налоги и подати, поэтому крестьянство стремится къ уничтоженію привилегій и въ этой области и требуетъ введенія одного только прогрессивнаго подоходнаго налога, причемъ отъ обложенія имъ долженъ быть освобожденъ минимумъ, необходимый для существованія крестьянской семьи.

Однако не только въ силу непомѣрнаго обложенія податями и налогами страдаетъ мелкая собственность. Ее подкапываетъ и многое другое. Достаточно сказать, что въ теченіе одного десятилѣтія Галиція потеряла 200.000.000 гульденовъ, благодаря стихійнымъ бѣдствіямъ: наводненіямъ, граду, пожарамъ и т. д. Поэтому въ программу крестьянскаго движенія входятъ требованія регуляціи рѣкъ, обязательнаго страхованія и т. д. Необходима также ревизія существующихъ уже узаконеній, которыя должны защищать мелкую собственность, но которыя плохо примѣняются, какъ напр. законъ о ростовщичествѣ, о податныхъ льготахъ послѣ наводненій, неурожаевъ, пожаровъ и т. д. Крестьяне требуютъ учрежденія земледѣльческаго инспектората по образцу промышленнаго. Этотъ инспекторатъ долженъ бы былъ слѣдить за тѣмъ, чтобы изданные въ пользу крестьянъ законы исполнялись какъ слѣдуетъ.

Третья линія крестьянскаго движенія—это *стремленіе къ пріобрѣтенію новыхъ источниковъ заработка.*

Со времени надѣленія крестьянъ землей мелкая собственность сильно раздробилась и уже не можетъ пропитать крестьянскую семью. Поэтому одни изъ крестьянъ стараются увеличить свою земельную собственность путемъ покупки частицъ парцеллирующихся крупныхъ помѣщичьихъ имѣній; другіе принимаются за торговое дѣло; третьи ищутъ хлѣба за моремъ, въ Америкѣ, привозя оттуда или присылая своимъ роднымъ около 3.000.000 гульденовъ ежегодно. Вотъ, задачей крестьянской политики и является то, чтобы эти источники, которыхъ крестьянинъ добивается съ тяжелымъ трудомъ, сдѣлать для него болѣе доступными. Крестьяне желаютъ, чтобы имъ было облегчено пріобрѣтеніе земли и чтобы крестьяне пользовались правомъ первенства при покупкѣ крестьянской земли, продающейся съ публичнаго торга; крестьяне возлагаютъ большую надежду на осуществленіе проекта рентовыхъ имѣній (Rentengüter), выработаннаго Фалькенгаймомъ. Что касается торговли, то народъ ду-

маетъ покрыть сѣтью своихъ лавокъ цѣлый край, взять въ свои руки торговлю продуктами крестьянскаго хозяйства, мельницы, продажу мяса, доставку щебня и т. д. Наконецъ, крестьяне требуютъ устраненія препятствій къ эмиграціи и чтобы эмиграція была организована согласно съ интересами крестьянства.

Въ этой рѣчи намѣчены главные основные пункты крестьянской программы, въ рамкахъ которой складываются всѣ требованія польскихъ крестьянъ въ Галиціи.

Органами, высказывающими взгляды какъ руководителей крестьянскаго движенія, такъ и самихъ крестьянъ, являются, кромѣ газетокъ, вѣча или большіе митинги, на которые собирается по нѣскольку сотъ крестьянъ изъ извѣстнаго округа. Кромѣ окружныхъ митинговъ, отъ времени до времени устраиваются и вѣча крестьянъ изъ всей польской части Галиціи.

Особенной торжественностью отличалось вѣче, организованное редакціей «Друга народа» въ августѣ 1894 г., во Львовѣ во время провинціальной выставки. «Другъ народа» еще весною объявилъ, что осенью имѣетъ быть во Львовѣ большое крестьянское вѣче. Вѣсть эта облетѣла всю западную Галицію. Повсюду крестьяне стали готовиться къ поѣздкѣ въ Львовъ, а нѣкоторые изъ нихъ въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ копили деньги, необходимыя на это дѣло. «Другъ народа» въ каждомъ номерѣ агитировалъ въ пользу вѣча, и его агитація принесла обильные плоды. Крестьяне со всѣхъ концовъ Галиціи сообщали редакціи своей газетки, что они явятся во Львовъ въ назначенный день.

Разумѣется, и противники не дремали. «Краковякъ», по своему обыкновенію, забрасывалъ иниціаторовъ вѣча грязью, духовенство выступало противъ вѣча съ амвоновъ, нѣкоторые помѣщики, особенно тѣ, которые трепетали за свои депутатскія полномочія, вдругъ стали обнаруживать большое народолюбіе. Они начали посылать крестьянъ во Львовъ на выставку на свой счетъ, такъ какъ полагали, что мужикъ, побывавшій разъ на выставкѣ, не захочетъ уже больше ѣхать во Львовъ. Разсчетъ этотъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ оказывался совершенно невѣрнымъ. Агитація же съ амвоновъ сослужила вѣчу такую же службу, какъ и курренда, распространивъ извѣстіе о немъ даже тамъ, куда не проникъ еще «Другъ народа».

Крестьяне должны были съѣхаться въ воскресенье 26 августа. Въ пять часовъ утра къ львовскому вокзалу подошелъ первый поѣздъ, наполненный крестьянами, встрѣченный университетской и ремесленной молодежью, принадлежащей къ комитету, устраивавшему вѣче. Два часа спустя пришелъ второй поѣздъ, биткомъ набитый крестьянами. Къ одиннадцати часамъ число пріѣхавшихъ участниковъ вѣча уже доходило до двухъ тысячъ. Между съѣхавшимися были и сѣдые старики, и молодые парни, и женщины, и даже дѣти. Всеобщее вниманіе привлекалъ совершенно сѣдой кресть-

янинъ, который пріѣхалъ съ сыномъ, тридцатилѣтнимъ крѣпкимъ мужчиной, и внукомъ, парнишкой лѣтъ одиннадцати.

— Пусть и онъ послушаетъ, какъ мы о своихъ дѣлахъ совѣтуемся—говорилъ дѣдъ, посматривая на внука.

Улицы, примыкающія къ вокзалу, покрылись группами крестьянъ, одѣтыхъ въ живописные праздничные костюмы различнаго покроя и цвѣта. По костюмамъ и говору можно было рѣшить, что здѣсь были представители всѣхъ западно-галиційскихъ округовъ. Одни явились изъ-подъ Кракова, другіе съ самой силезской границы,третьи съ Карпатскихъ горъ. Большинство изъ нихъ ѣхало цѣлую ночь.

Воскресенье было всецѣло посвящено осмотру выставки. Почти три тысячи крестьянъ были встрѣчены у входа предсѣдателемъ выставки, княземъ Адамомъ Сапѣгой, который обратился къ нимъ съ привѣтственной рѣчью. Въ ней онъ подчеркнулъ главнымъ образомъ то, что крестьяне въ качествѣ земледѣльцевъ должны идти рука объ руку съ землевладѣльцами-дворянами. Сіятельный предсѣдатель выставки не удержался даже, чтобы не вставить въ свою рѣчь словцо о «лжепророкахъ», которыхъ крестьяне должны остерегаться.

Ему отвѣтилъ отъ лица крестьянъ Сквара. Рѣчь его была очень вѣжлива, но вмѣстѣ съ тѣмъ преисполнена чувства собственнаго достоинства. Сквара заявилъ, что крестьяне охотно пойдутъ рука объ руку съ дворянствомъ во всѣхъ случаяхъ, когда это послѣднее дастъ иниціативу къ чему нибудь хорошему, и закончилъ свою рѣчь провозглашеніемъ многолѣтія творцамъ и иниціаторамъ выставки.

Прослушавъ лекцію д-ра Ивана Франка о значеніи выставки, крестьяне разсѣялись по площади и павильонамъ и осматривали интересующіе ихъ экспонаты. Собственно вѣче происходило на слѣдующій день. Съ 8-ми часовъ утра громадная зала гимнастическаго общества «Соколъ» стала наполняться крестьянами. Къ девяти часамъ она была уже биткомъ набита, и вскорѣ послѣ этого вѣче началось. Его открылъ самый интеллигентный изъ галиційскихъ крестьянъ—Яковъ Бойко, о которомъ мы уже упоминали, говоря о крестьянахъ-публицистахъ.

«Дорогіе братья — началъ онъ—мы собрались сюда, чтобы побесѣдовать о нашихъ нуждахъ. Наши братья, принадлежащіе къ различнымъ сословіямъ, пользуясь выставкой, устраивали подобныя совѣщанія, необходимо и намъ предпринять то же самое... Народныя вѣча у насъ не новость». Онъ объясняетъ далѣе, что́ такое вѣче, какъ оно совершалось въ древней Польшѣ, причемъ очень удачно приводитъ отрывокъ изъ историческаго романа Крашевскаго «Старая сказка» (Stara Baśń), въ которомъ описывается, какъ всѣ сословія того времени собирались послѣ вѣча надъ рѣкой, бросали въ пучину тяжелый камень и восклицали: «какъ камень въ воду!» Это должно было обозначать, что, какъ камень изъ-подъ воды не выплываетъ, такъ не повторятся раздоры между дѣтьми одного народа.

«Чувствуя, что намъ необходимо политическое развитіе,—продолжалъ Бойко,—зная, что въ нашемъ законодательствѣ есть такія постановленія, которыя обижаютъ наше сословіе, и что ихъ слѣдуетъ устранить легальнымъ путемъ или исправить; видя, какъ искусственными, а нерѣдко и низкими средствами отстраняютъ насъ отъ участія въ общественной жизни, мы сами добровольно собрались на это вѣче, желая принять такія рѣшенія, которыя принесутъ пользу всему народу. Мы хотѣли бы дожить до того времени, когда всѣ сословія вполнѣ примирятся, возобновятъ, какъ это было при Пястѣ *), забытое соглашеніе и, бросивъ наши недоразумѣнія въ глубочайшую пучину, воскликнутъ въ нѣсколько милліоновъ голосовъ: «какъ камень въ воду!»

Окончивъ свою рѣчь, встрѣченную долго не смолкавшими аплодисментами, Бойко прочелъ привѣтственное письмо престарѣлаго поэта Корнелія Уейскаго, который выразилъ крестьянамъ желаніе успѣха въ ихъ борьбѣ **).

Затѣмъ начались совѣщанія, продолжавшіяся до девяти часовъ вечера, съ 2-хъ-часовымъ обѣденнымъ перерывомъ. По всѣмъ вопросамъ, кромѣ двухъ, реферировали сами крестьяне, крестьяне же принимали самое живое участіе въ преніяхъ.

Крестьянинъ Сквара реферировалъ о регуляціи галиційскихъ рѣкъ и бѣдствіяхъ, причиняемыхъ крестьянскому хозяйству ежегодными наводненіями. Крестьянинъ Ольшевскій представилъ въ своемъ рефератѣ требованіе крестьянъ, касающееся общинной (гминной) реформы. Крестьянинъ Шаеръ выяснилъ, какой вредъ приносятъ крестьянамъ существующіе въ настоящее время въ Галиціи законы объ охотѣ. Крестьянинъ Фурманекъ показалъ, какія газеты необходимы крестьянамъ и чего требуютъ крестьяне отъ своей прессы. Крестьянинъ Вуйцикъ представилъ рефератъ о земледѣльческихъ кружкахъ ***).

Со времени большого львовскаго вѣча, на которомъ самые развитые и энергичные вожаки движенія изъ крестьянъ перезнакомились между собою, столкнулись съ интеллигентными руководителями движенія изъ редакціи «Друга народа», сообща обсудили свои дѣла, посовѣтовались на счетъ дальнѣйшихъ плановъ дѣйствія,—крестьянское движеніе замѣтно оживилось, какъ бы почувствовавъ свои силы. Такъ какъ выборы въ сеймъ должны были происходить въ

---

*) Намекъ на сцену изъ того же романа Крашевскаго.

**) Корнелій Уейскій послѣ 1846 г., когда крестьяне тарновскаго округа рѣзали по наущенію австрійскаго правительства помѣщиковъ, взялъ подъ свою защиту крестьянъ, указывая на дѣйствительныхъ виновниковъ печальнаго событія. Недавно крестьяне того же округа послали поэту трогательный адресъ по поводу 70 лѣтней годовщины его рожденія.

***) О земледѣльческихъ кружкахъ въ Галиціи мы писали въ „Русскомъ Богатствѣ“ въ письмѣ «Изъ Австріи» 1895. VI и въ «Мірѣ Божьемъ» 1896 III. «Изъ культурной жизни мелкихъ народностей».

1895 г., то крестьяне стали энергически къ нимъ готовиться. Вся осень 1894 г. и большая часть слѣдующаго были посвящены этимъ приготовленіямъ.

Избирательное движеніе охватило всѣ безъ исключенія западно-галиційскіе округи, начиная отъ границъ Силезіи и кончая Перемышлемъ и Ярославомъ. Не смотря на то, что крестьянамъ приходилось преодолѣвать безчисленныя препятствія, имъ удалось, наконецъ, довести дѣло до организаціи приходскихъ и окружныхъ избирательныхъ комитетовъ, составленныхъ изъ однихъ крестьянъ. Обыкновенно какой нибудь крестьянинъ посмышленѣе, чаще всего корреспондентъ одной изъ крестьянскихъ газетокъ, разсылалъ во всѣ стороны приглашенія, по которымъ собирались въ указанное мѣсто крестьяне изъ сосѣднихъ деревень. По австрійскимъ законамъ собранія могутъ быть двоякаго рода—общія и конфиденціальныя. Чтобы созвать собраніе перваго рода, слѣдуетъ испросить позволеніе мѣстныхъ властей (окружнаго старосты). Однако такихъ собраній крестьянамъ удавалось созывать очень немного, такъ какъ, по странной случайности, именно въ той мѣстности, гдѣ должно было происходить собраніе, всегда начинала свирѣпствовать какая нибудь заразительная болѣзнь, если не тифъ, то, по крайней мѣрѣ, инфлуенца. Поэтому приходилось собираться конфиденціально, т. е. по спеціальнымъ приглашеніямъ. Одинъ или нѣсколько крестьянъ должны разослать лично имъ знакомымъ крестьянамъ приглашеніе собраться у кого нибудь изъ приглашающихъ. Когда тѣ съѣдутся, то представитель власти (по селамъ обыкновенно жандармъ) можетъ только провѣрить, есть ли у всѣхъ собравшихся приглашенія и знаютъ ли приглашающіе всѣхъ приглашенныхъ лично. Разъ какая нибудь мелкая формальность не соблюдена, жандармъ распускаетъ собраніе.

Множество такихъ конфиденціальныхъ собраній было распущено, такъ какъ жандармы получили приказаніе всѣми силами стараться не допускать организаціи крестьянскихъ комитетовъ. Однако, ничто не помогало. Крестьяне до тѣхъ поръ созывали собранія, пока, наконецъ, имъ не удавалось организовать избирательный комитетъ. На всѣхъ крестьянскихъ собраніяхъ были приняты резолюціи: избирать въ депутаты крестьянъ или же лицъ, завѣдомо сочувствующихъ крестьянскому движенію и принимающихъ въ немъ участіе; въ избиратели не брать ни въ какомъ случаѣ ни священника, ни учителя, ни гминнаго писаря, ни другихъ лицъ зависимаго положенія. Резолюціи крестьянскихъ собраній печатались въ «Другѣ народа», что побуждало крестьянъ къ организаціи комитетовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ еще не было.

На собраніяхъ комитетовъ громко раздавались голоса крестьянъ, требовавшихъ, чтобы всѣ депутаты, избранные шесть лѣтъ тому назадъ изъ куріи мелкой собственности, явились передъ своими избирателями и дали отчетъ о своей депутатской дѣятельности. Понятно,

что большинство депутатовъ, завладѣвшихъ депутатскими полномочіями изъ куріи мелкой собственности, и не думало объ этомъ. Однако нашлось нѣсколько такихъ, которые рѣшились предстать передъ своими избирателями, полагая, что не трудно мужику пустить пыль въ глаза и, снискавъ его расположеніе, обезпечить себѣ тепленькое депутатское мѣстечко и на будущее время. Такимъ господамъ пришлось убѣдиться, что это не такъ то легко. Изъ среды крестьянъ выступали одинъ за другимъ ораторы, которые самымъ подробнымъ образомъ критиковали дѣятельность этихъ депутатовъ въ сеймѣ, и въ концѣ концовъ собранія принимали резолюціи, выражавшія такимъ депутатамъ недовѣріе.

Одинъ изъ крайнихъ ретроградовъ польскаго парламентскаго клуба, прелатъ Хотковскій, принужденъ былъ выслушать отъ своихъ избирателей-крестьянъ много непріятныхъ вещей. Послѣ цѣлаго ряда требованій, предъявленныхъ ему отъ лица избирателей, одинъ крестьянинъ высказалъ мнѣніе, что теперь Хотковскій не достоинъ званія депутата, такъ какъ онъ избранъ не по волѣ народа, а благодаря вмѣшательству жандарміи и избирательной колбасѣ (которая, какъ извѣстно, играетъ въ Галиціи во время выборовъ немаловажную роль). Бѣдный патеръ, приведенный въ замѣшательство градомъ сыпавшихся на него обвиненій, не выдержалъ, наконецъ, и заявилъ, что онъ не подкупалъ своихъ избирателей колбасой, хотя бы ужъ по одному тому что выборы происходили въ пятницу, т. е. въ постный день, а пригласилъ всѣхъ желающихъ откушать селедки. Это заявленіе вызвало бурный взрывъ хохота и еще больше дискредитировало злополучнаго депутата.

Нѣкоторые депутаты, выступая передъ крестьянами, держали себя крайне высокомѣрно. Такъ, напримѣръ, графъ Рей, отдавая отчетъ о своей депутатской дѣятельности, прямо выругалъ собравшихся крестьянъ бунтовщиками, которые суются не въ свое дѣло устраивая всякіе съѣзды, вѣча, организуя комитеты и т. д. Однако, и его крестьяне привели въ немалое смущеніе, доказавъ, что онъ за все время ничего не дѣлалъ въ сеймѣ, и, наконецъ, выразили ему формально свое недовѣріе *).

28 іюля въ Жешовѣ (Rzeszow) съѣхались делегаты окружныхъ крестьянскихъ избирательныхъ комитетовъ и члены народной партіи изъ интеллигенціи, съ цѣлью посовѣтоваться на счетъ предстоящихъ выборовъ въ сеймъ и избрать центральный комитетъ народной партіи. На этомъ же съѣздѣ была выработана подробная программа, которую мы приводимъ здѣсь полностью.

*) Окончательный отвѣтъ получилъ этотъ заносчивый депутатъ во время выборовъ. Крестьянскій кандидатъ побилъ его въ мелецкомъ округѣ большинствомъ *девяносто шести* голосовъ (Рей—21 голосъ, крестьянинъ Кремпа—117).

Программа гласитъ:

«Мы будемъ поддерживать только такихъ кандидатовъ, которые на собраніи избирателей торжественно обяжутся присоединиться къ группѣ депутатовъ крестьянской партіи, постоянно быть въ сношеніяхъ съ избирателями, устраивая вѣча, и передъ каждой сессіей сейма испрашивать у нихъ совѣта. Мы будемъ рекомендовать только такихъ кандидатовъ, которые на собраніи своихъ избирателей обяжутся:

1) Возстановить и сохранять въ будущемъ значеніе галиційскаго сейма, какъ политическаго фактора по отношенію къ государству.

2) Заботиться о томъ, чтобы постановленія, касающіяся свободы печати, обществъ и собраній, были строго соблюдаемы, чтобы всѣ злоупотребленія въ этомъ отношеніи были устранены, и предохранять народъ отъ всѣхъ другихъ злоупотребленій, настаивая на томъ, чтобы виновные были привлекаемы къ отвѣтственности.

3) Имѣя въ виду необходимость введенія всеобщаго избирательнаго права и желая способствовать приближенію этой важной реформы, энергически стремиться къ измѣненію сеймового избирательнаго закона въ духѣ гражданской равноправности, именно при посредствѣ расширенія избирательнаго права и введенія непосредственныхъ выборовъ въ куріи мелкой собственности, тайной подачи голосовъ во всѣхъ куріяхъ и болѣе справедливаго распредѣленія депутатскихъ полномочій по отдѣльнымъ куріямъ.

4) Стремиться къ равномѣрному распредѣленію общественныхъ повинностей, а особенно къ облегченію положенія земледѣлія, промышленности и ремеслъ.

5) Стараться провести общинную реформу на основаніи уничтоженія классовъ избирателей и соединенія помѣстій съ крестьянскими общинами въ одно цѣлое.

6) Распространять просвѣщеніе, увеличивая число народныхъ школъ (среднихъ на счетъ казны), улучшая положеніе народныхъ учителей, облегчая молодежи доступъ въ среднія учебныя заведенія путемъ измѣненія существующихъ школьныхъ постановленій, уменьшенія платы за ученіе и уничтоженія обязанности одѣвать учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній по формѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ способствовать развитію техническаго и профессіональнаго образованія путемъ основанія промышленныхъ, ремесленныхъ и земледѣльческихъ школъ. Вообще дѣлать все, что облегчитъ школьное обученіе.

7) Домогаться упрощенія судопроизводства и уничтоженія тягостной платы за исполненіе судебныхъ обязанностей, какъ, напримѣръ, за доставленіе судебныхъ повѣстокъ и т. д.

8) Энергически стараться, чтобы дѣло регуляціи рѣкъ и горныхъ потоковъ было рѣшено въ возможно кратчайшій срокъ.

9) Домогаться измѣненія церковнаго устава, чтобы поселенія,

имѣющія филіальные костелы или церкви, не были принуждены поддерживать метропольные; чтобы прихожане не были обязаны строить и поправлять домъ священника и, вообще, чтобы были уничтожены несправедливыя въ этомъ отношеніи постановленія.

10) Ускорить измѣненія дорожнаго устава въ томъ направленіи, чтобы издержки по прокладкѣ и содержанію дорогъ были разложены сообразно податной способности населенія.

11) Позаботиться объ утвержденіи такого закона объ охотѣ, который не обязывалъ бы сельскія общины даромъ кормить дичь для охотниковъ, въ ущербъ крестьянскому хозяйству и безопасности самихъ крестьянъ.

12) Въ интересахъ ремесла требовать введенія промышленнаго устава, который предохранялъ бы мелкую промышленность отъ вторженія нечестной фабричной спекуляціи, а кустарный промыселъ отъ фискальныхъ притѣсненій.

13) Стараться уничтожить ростовщичество и организовать кредитъ для мелкаго земледѣльца и промышленника.

14) Заботиться о томъ, чтобы войско и общественныя учрежденія дѣлали заказы на все для нихъ необходимое въ Галиціи (по скольку это позволяетъ мѣстная производительность) и то непосредственно у производителей; чтобы при всѣхъ общественныхъ работахъ принимался во вниманіе прежде всего народъ (напримѣръ, при доставкѣ щебня для дорогъ).

15) Домогаться того, чтобы издержки по постою войскъ были распредѣлены на весь край, какъ этого требуютъ правительственныя постановленія.

16) Требовать, чтобы какъ можно скорѣе были учреждены общественные пріюты для калѣкъ и стариковъ, дома трудолюбія и исправительныя колоніи; чтобы уголовные преступники были употребляемы при болѣе значительныхъ общественныхъ работахъ.

17) Заботиться о томъ, чтобы постройка мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ производилась при помощи мѣстныхъ же техническихъ силъ; чтобы оба галиційскіе языка (т. е. польскій и малорусскій) господствовали въ правленіи этихъ дорогъ; чтобы направленіе этихъ дорогъ не зависѣло отъ интересовъ протежированныхъ личностей и чтобы прежде всего принимались во вниманіе интересы промышленныхъ мѣстностей и курортовъ. Желѣзнодорожные тарифы тоже должны отвѣчать интересамъ страны.

18) Повліять на направленіе таможенной политики Австріи и постараться, чтобы издѣліямъ галиційской промышленности былъ обезпеченъ сбытъ на Востокѣ.

19) Требовать скорѣйшаго принятія мѣръ противъ пожаровъ и позаботиться вмѣстѣ съ тѣмъ о кредитѣ для снабженія селъ пожарными снарядами точно такъ же, какъ и объ обязательномъ страхованіи.

20) Добиться того, чтобы вопросъ объ эмиграціи былъ искренно разобранъ, а эмигранты пользовались охраной законовъ.

Всѣ пункты этой программы были приняты единогласно. Только при обсужденіи одного изъ нихъ, именно касающагося избирательной реформы, обнаружилось разногласіе. Большинство делегатовъ высказалось въ пользу всеобщаго избирательнаго права. Противъ этого послѣдняго выступило только нѣсколько делегатовъ и, тѣмъ не менѣе, была принята резолюція меньшинства: «Каждый окружный комитетъ можетъ требовать у своего кандидата защиты всеобщаго избирательнаго права, центральный комитетъ ничего противъ этого не имѣетъ, но самъ высказывается только въ пользу расширенія избирательнаго права, уничтоженія двойныхъ выборовъ въ куріи мелкой собственности и введенія тайной подачи голосовъ во всѣхъ куріяхъ».

Приближалось время выборовъ, которые были назначены на конецъ сентября и начало октября. 25 сентября должны были избирать депутатовъ крестьяне, 30—города и торгово-промышленныя палаты, а 2 октября помѣщики изъ куріи крупной собственности. Уже въ этомъ распредѣленіи выборовъ изъ различныхъ курій нельзя не замѣтить тенденціозности. Дѣло въ томъ, что кандидатъ-станчикъ можетъ пытать счастье *три* раза. Провалившись въ куріи мелкой собственности, онъ имѣетъ еще время выставить свою кандидатуру въ куріи городовъ, если же ему и тамъ не посчастливится, онъ избирается въ третьей куріи, гдѣ уже его избраніе не подвержено никакимъ случайностямъ.

Обѣ стороны, т. е. и помѣщики въ союзѣ съ духовенствомъ, и крестьяне готовились къ бою—иначе нельзя назвать галиційскіе выборы. Появились два центральныхъ избирательныхъ комитета: станчиковскій и народный. И консерваторы, и крестьяне намѣтили своихъ кандидатовъ и агитировали въ ихъ пользу.

Станчики, желая показать, что они принципіально ничего не имѣютъ противъ избранія «порядочныхъ» крестьянъ, включили на этотъ разъ въ число своихъ оффиціальныхъ кандидатовъ трехъ крестьянъ, понятно изъ перешедшаго на ихъ сторону «Крестьянскаго союза»: Поточека, Крамарчика и Дату. Крестьянскій центральный комитетъ отнесся къ этимъ псевдо-крестьянскимъ кандидатурамъ точно такъ же, какъ и къ остальнымъ станчиковскимъ, выставивъ и въ тѣхъ округахъ, гдѣ выступали Поточекъ, Крамарчикъ и Дата, своихъ собственныхъ кандидатовъ. Крестьянская партія выставила своихъ кандидатовъ въ 21 округѣ.

Только въ четырехъ изъ нихъ выступали члены партіи изъ интеллигентнаго класса, извѣстные своей приверженностью къ крестьянскому дѣлу. Во всѣхъ остальныхъ кандидатами были крестьяне, цвѣтъ крестьянской интеллигенціи. Любопытно, что въ смѣшанныхъ польско-русинскихъ округахъ, на которые распространялось вліяніе центральнаго крестьянскаго избирательнаго комитета, не

возникало никакихъ разногласій между крестьянами обѣихъ народностей. Въ рудецкомъ округѣ и поляки, и русины дружно выставили кандидатуру крестьянина-русина Ѳомы Дьякова: въ ярославскомъ—поляка Боровича; въ скалатскомъ—русина Криворучку; въ саноцкомъ—русина Драча. Въ этомъ послѣднемъ округѣ польскіе и русинскіе крестьяне приходятъ къ соглашенію выбирать поочереди депутата поляка и русина. Крестьяне этого округа обнародовали воззваніе, самую характерную часть котораго мы здѣсь приводимъ:

«Мы живемъ на одной землѣ, насъ соединяютъ узы крови, дружбы и сосѣдства, поэтому мы считаемъ согласіе между поляками и русинами условіемъ благополучія обоихъ народовъ. Пусть согласіе овладѣетъ нашими сердцами и умами, пусть войдетъ въ кровь и мозгъ обѣихъ народностей, пусть воплотится въ дѣло. Мы даемъ сегодня начало этому согласію и подтверждаемъ его тѣмъ, что соединяемся вмѣстѣ для избранія общаго депутата. Мы защищаемъ наше избирательное право, гарантируемое намъ конституціей, и исполняемъ этимъ нашу патріотическую обязанность, такъ какъ будущность Польши и Руси зависитъ отъ развитія народа. Мы вступаемъ въ борьбу съ подкупомъ и деморализаціей, убѣжденные въ правотѣ нашего дѣла».

Когда были объявлены «правыборы», крестьянская печать и органы независимой прессы наполнились извѣстіями о возмутительнѣйшихъ фактахъ, которыми они сопровождались. Злоупотребленія бывали и прежде, но они никогда не доходили до такой степени, какъ во время послѣднихъ выборовъ. Это объясняется тѣмъ, что прежде крестьяне были вполнѣ равнодушны къ тому, кто будетъ депутатомъ. Кто больше платилъ, кто щедрѣе угощалъ избирателей, кого рекомендовалъ священникъ, еврей-ростовщикъ или окружной начальникъ, тотъ и получалъ депутатскія полномочія. Теперь нужно было принять рѣшительныя мѣры, такъ какъ прежнія средства уже не годились. Въ Бобркѣ, напримѣръ, маленькомъ мѣстечкѣ подлѣ Львова, правыборы были назначены на 4 сентября въ 9 часовъ утра. Уже къ 8 часамъ собрались избиратели въ количествѣ почти 400 человѣкъ около зданія общиннаго совѣта, въ которомъ должны были производиться правыборы. Въ 9 часовъ явился окружной начальникъ. Избиратели желали послѣдовать за нимъ въ помѣщеніе общиннаго совѣта, но стоявшій у входа жандармъ загородилъ имъ дорогу, а присутствовавшій тутъ же бургомистръ сказалъ: «успокойтесь же, вѣдь такой толпою нельзя войти сразу, всѣхъ васъ позовутъ поочереди». Крестьяне успокоились и стали терпѣливо ждать, когда ихъ позовутъ. Однако нѣсколько минутъ спустя, вышелъ окружной начальникъ и заявилъ: «можете расходиться по домамъ, правыборы окончены». Оказалось, что въ помѣщеніи общиннаго совѣта находилось, кромѣ окружного начальника и бургомистра, еще *семь* «безвредныхъ» избирателей, которые и совершили избраніе десяти такихъ же «безвредныхъ» для оффиціальнаго кандидата из-

бирателей. Въ Улашковицахъ всѣ избиратели, которые казались оффиціальному кандидату по какому нибудь поводу неудобными, были арестованы «по недоразумѣнію» какъ разъ передъ правыборами; когда же эти послѣдніе окончились, то арестованныхъ немедленно выпустили. Во многихъ мѣстностяхъ «опасные» избиратели получили повѣстки, призывавшія ихъ въ судъ какъ разъ въ тотъ же день и часъ, когда должны были быть произведены правыборы.

Нѣкоторые изъ правительственныхъ комиссаровъ, которые должны были произвести правыборы, пускались на довольно остроумныя выдумки. Они старались пріѣзжать въ село какъ можно раньше утромъ или поздно вечеромъ, чтобы не обратить на себя вниманія крестьянъ. Собравъ затѣмъ нѣсколько преданныхъ помѣщику лицъ, комиссаръ назначалъ избирателей и ѣхалъ дальше. Тамъ, гдѣ крестьяне были настороже, комиссаръ заявлялъ собравшимся избирателямъ, что онъ не можетъ почему-либо произвести правыборы, а принужденъ отправиться въ другое село. Онъ, дѣйствительно, садился въ экипажъ и уѣзжалъ, но за околицей сворачивалъ въ сторону, объѣзжалъ село и возвращался въ него съ другого конца. Такъ какъ крестьяне, убѣжденные въ томъ, что правыборы въ этотъ день не состоятся, преспокойно расходились по домамъ, то комиссару уже не трудно было все уладить, какъ ему нравилось. Одинъ изъ комиссаровъ переодѣлся даже въ женское платье, чтобы незамѣтно пробраться чрезъ ожидавшую его толпу крестьянъ, но былъ узнанъ и уличенъ.

Тамъ, гдѣ даже такія опереточныя средства не помогали и гдѣ крестьяне дружно выбирали своихъ вѣрныхъ людей, комиссаръ попросту не принималъ этого во вниманіе, объявляя выборы неправильными и произвольными.

Если правыборы сопровождались такими злоупотребленіями, то еще большихъ можно было ожидать во время самыхъ выборовъ. Но крестьяне не унывали и съ неослабѣвающей энергіей готовились къ неравному бою. День 25 сентября на долго останется въ памяти галиційскаго населенія. Мы не будемъ разсказывать о томъ, какъ происходили выборы, а перейдемъ прямо къ ихъ результатамъ.

Правящая въ Галиціи партія побѣдила, но какая это была побѣда! Польскимъ крестьянамъ, не смотря ни на какія злоупотребленія противниковъ, удалось, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, выбрать *девять* своихъ кандидатовъ, а всѣ кандидаты крестьянской партіи получили болѣе $2^1/_2$ тысячъ голосовъ. Это значитъ, что въ пользу крестьянскихъ кандидатовъ высказалось 1.250,000 человѣкъ — число не малое, если принять во вниманіе, что бо́льшая часть остальныхъ десяти тысячъ голосовъ изъ куріи мелкой собственности была отдана въ восточной, русинской части Галиціи, гдѣ побѣдили только три крестьянскихъ кандидата, да и то одинъ изъ нихъ—радикалъ Стефанъ Новаковскій въ Перемышлѣ—съ помощью польскихъ крестьянъ.

Побѣда станчиковъ окажется еще менѣе значительной, если мы познакомимся ближе съ нѣкоторыми результатами выборовъ.

На самомъ западномъ краѣ Галиціи въ живецкомъ округѣ польскіе горцы выбрали крестьянскаго кандидата *Войцѣха Шведа*, который получилъ 165 голосовъ изъ 167. Въ сосѣднемъ, вадовицкомъ округѣ крестьянинъ *Антоній Стыла* побѣдилъ, не смотря на всѣ препятствія, одного изъ главныхъ членовъ консервативно-клерикальной партіи, профессора Цолля. Стыла получилъ 141 голосъ—Цолль всего 64. Въ краковскомъ округѣ была горячая битва въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ въ одномъ изъ селъ—Холержинѣ,—твердо стоявшемъ за крестьянскаго кандидата *Франца Вуйцика*, жандармерія побила крестьянъ, бабъ и дѣтей. У самого кандидата былъ сдѣланъ обыскъ, а агитировавшіе въ его пользу студенты попали въ кутузку. Но ничто не помогало, и Вуйцикъ былъ избранъ. Въ слѣдующемъ, мысленицкомъ округѣ крестьянинъ *Андрей Средн*я*вскій* одержалъ побѣду надъ извѣстнымъ консервативнымъ политическимъ дѣятелемъ и публицистомъ—Поповскимъ—значительнымъ большинствомъ голосовъ. Въ бжескомъ округѣ крестьяне избрали своего кандидата д-ра *Шимона Бернадзиковскаго*, проваливъ пресловутаго ретрограда гр. Яна Стадницкаго. Въ тарновскомъ округѣ не могъ не быть избранъ князь Сангушко, котораго поддерживали и власти, и помѣщики, и духовенство, который дѣйствовалъ насиліемъ и подкупомъ. Контръ-кандидатъ крестьянинъ Михаликъ все же получилъ болѣе четверти всѣхъ голосовъ. Домбровскій округъ принадлежитъ къ тѣмъ округамъ, на которые были устремлены взоры всей Галиціи. Здѣсь вступали въ единоборство два выдающихся кандидата. Съ одной стороны самъ предсѣдатель центральнаго избирательнаго комитета консервативно-клерикальной партіи—Менцинскій, съ другой же самый популярный галиційскій крестьянинъ *Яковъ Бойко*. Крестьяне горой стояли за своего любимаго публцииста, и Менцинскій получилъ всего только 54 голоса, въ то время, какъ Бойко 99. Въ мелецкомъ округѣ потерпѣлъ пораженіе извѣстный графъ Рей, получивъ всего только 24 голоса. Его противникъ крестьянинъ *Францъ Кремпа* побилъ его большинствомъ 96 голосовъ. Въ сосѣднемъ пильзненскомъ округѣ крестьянинъ *Мацѣй Важеха* получилъ громадное большинство голосовъ. Въ Ланцутскомъ округѣ кандидатъ крестьянской партіи *Болеславъ Жардецкій* получилъ всѣ 217 голосовъ. Наконецъ, въ перемышльскомъ округѣ крестьянскій кандидатъ русинъ Стефанъ Новаковскій, поддерживаемый и польскими, и русинскими крестьянами, побѣдилъ большинствомъ 20 голосовъ князя Адама Сапѣгу, пользующагося въ Галиціи большой популярностью и относящагося къ крестьянамъ очень гуманно.

Таковы были результаты выборовъ. Станчики побѣдили, но ихъ злоупотребленія во время выборовъ получили извѣстность далеко за предѣлами Галиціи и уже успѣли войти въ поговорку. «Die gali-

zischen Wahlen» стали въ Австріи нарицательнымъ именемъ всякаго политическаго злоупотребленія.

Група крестьянскихъ депутатовъ, появившаяся въ сеймѣ, обратила на себя вниманіе всего общественнаго мнѣнія края тактичнымъ поведеніемъ, знакомствомъ съ разсматриваемыми въ сеймѣ дѣлами и безпримѣрнымъ трудолюбіемъ. Понятно, что дюжинѣ крестьянскихъ депутатовъ, поддерживаемыхъ только русинскимъ клубомъ да немногими изъ либераловъ, не удалось провести никакихъ важныхъ реформъ, однако ихъ появленіе въ сеймѣ выдвинуло на первый планъ различные вопросы крестьянской жизни, которые до этого времени совершенно игнорировались или тенденціозно замалчивались.

Теперь уже никто не сомнѣвается, что слѣдующіе сеймовые выборы введутъ во львовскій ландтагъ 30—40 крестьянскихъ депутатовъ, задача которыхъ будетъ уже гораздо легче. Послѣ же выборовъ въ парламентъ, предполагающихся въ первой четверти 1897 г., въ вѣнскомъ рейхсратѣ образуется, несомнѣнно, рядомъ съ ультра-реакціоннымъ польскимъ «Коломъ», новый демократическій клубъ, въ составъ котораго войдутъ крестьянскіе депутаты.

Л. Василевскій.

Съ береговъ Лемана.

(Швейцарскія общества).

Свободное возникновеніе и существованіе обществъ въ Швейцаріи гарантируется статьею федеральной конституціи. Въ оригинальной, а въ нѣкоторыхъ чертахъ и довольно странной жизни швейцарцевъ общества составляютъ главную артерію. Нѣтъ города, деревни или мѣстечка, нѣтъ такого вида дѣятельности, ради интересовъ котораго не возникло бы общества. Благодаря этому, обществъ въ Швейцаріи такое множество, что одно перечисленіе ихъ составило бы не малый трудъ. Ихъ цѣли обнимаютъ собою все—отъ стремленій влiять на сущность и ходъ государственнаго устройства, на состояніе быта и нравственности, до самыхъ мелкихъ заботъ объ интересахъ какого нибудь кружка ремесленниковъ или любителей удовольствій (есть даже «Общество борьбы съ безнравственною французскою литературой, проникающей въ Швейцарію»). Принадлежать при жизни къ возможно большему числу обществъ, быть провожаему послѣ смерти (а это уже неизмѣнный обычай) возможно большимъ числомъ всякихъ сочленовъ—идеалъ каждаго швейцарца..

Швейцарская жизнь двойственна. Съ одной стороны она феодальна, и едва ли найдется другая страна, гдѣ бы въ такой полнотѣ и яркости сохранялись цѣлые институты всякаго средневѣковаго хлама; съ другой—она торопится слѣдовать за общеевропейскою мыслью, пріобщаться къ общечеловѣческимъ идеаламъ. Каріатидой первому изъ этихъ двухъ направленій служитъ аристократія, съ примыкающимъ къ ней классомъ новѣйшихъ капиталистовъ-буржуа. Благодаря вѣками воспитанной скупости, она прочно стоитъ на своемъ матеріальномъ фундаментѣ, неуклонно хранитъ всѣ особенности касты и, пользуясь значительнымъ вліяніемъ на политику и бытъ, даетъ во многомъ до сего времени чувствовать свою тяжелую феодальную руку. Въ религіи это—истинный столбъ кальвинизма—суроваго, ратующаго за холодъ и мракъ, носящаго личину благочестія и полнаго религіозной и національной нетерпимости. Въ этомъ сословіи сосредоточиваются самыя богатыя и вліятельныя швейцарскія общества — благотворительныя. Къ сожалѣнію, вся дѣятельность этихъ обществъ, имѣющихъ неизбѣжно подкладкой «моральное» воздѣйствіе въ духѣ касты, уходитъ въ одно — въ прозелитизмъ и не только не ставитъ преградъ нарождающемуся въ Швейцаріи пауперизму, но скорѣе способствуетъ его размноженію. Въ дѣлѣ матеріальной помощи нуждающимся, они держатся старинной филантропіи, знающей помощь лишь денежную и мелкую. Принципы новѣйшей, такъ называемой «научной» благотворительности имъ совсѣмъ неизвѣстны, или—что то же—не входятъ въ ихъ планы, противорѣча всему складу понятій и намѣреній касты. Благотворитель тутъ является, по прежнему, средневѣковымъ барономъ, снисходящимъ въ своей милости къ тому, кто ему по нраву, и личность облаготворяемаго должна исчезнуть, стушеваться предъ этой милостью... Укореняющееся все больше и больше на Западѣ сознаніе зависимости личности отъ несовершенства общественныхъ условій, — стоитъ для такихъ обществъ, да и для большинства швейцарцевъ, еще на степени соціальной ереси. Какъ на болѣе полезное изъ всѣхъ благотворительныхъ учрежденій аристократической касты можно указать на «Общество синяго креста», открывшее борьбу противъ алкоголизма. Эта язва, осложняемая еще наплывомъ изъ Франціи всякихъ поддѣльныхъ напитковъ, имѣющихъ въ основѣ древесный спиртъ, конечно обусловливаетъ необходимость какихъ нибудь мѣръ, но духъ касты сумѣлъ и тутъ испортить дѣло въ самомъ его началѣ. Общество избрало оружіемъ въ борьбѣ съ этимъ зломъ сухую моральную проповѣдь на тему, что пить—грѣхъ, и напало не на злоупотребленіе напитками, а на самые напитки, на самый, такъ сказать, запахъ алкоголя... Оно раскинуло по Женевѣ и по всякимъ городкамъ цѣлую сѣть дешевыхъ (и довольно плохихъ въ кулинарномъ отношеніи) столовыхъ, гдѣ изгнало все охмѣляющее, даже пиво... Впрочемъ, посѣтитель рабочій нерѣдко вынимаетъ изъ кармана бутылочку и приправляетъ напиткомъ скудный и невкусный

столъ, отвѣчая на упреки, что «онъ принимаетъ лекарство»... Въ общемъ, многіе находятъ, что дѣятельность богатыхъ, многочисленныхъ и вліятельныхъ швейцарскихъ благотворительныхъ обществъ способствуетъ лишь размноженію нищенства и пониженію въ массѣ чувства самостоятельности и самоуваженія, охоты къ труду. Прозелитизмъ, въ свою очередь, плодитъ только лицемѣріе, лукавство и ханжество.

Представителями второго направленія является т. называемая либеральная часть швейцарскаго общества. Медленно, но неуклонно отвоевываетъ она себѣ поле дѣйствія у сильной, богатой аристократіи; дѣятельность ея всего больше замѣтна въ дѣлѣ учрежденія обществъ, имѣющихъ также благотворительный характеръ. Но въ то время, какъ основнымъ принципомъ первыхъ благотворительныхъ обществъ является помощь отдѣльнымъ лицамъ и моральное воздѣйствіе на каждаго въ отдѣльности,—вторыя выступаютъ далеко за обычныя рамки проповѣди и денежныхъ подачекъ, ставя себѣ болѣе широкія задачи—воздѣйствіе на самыя условія, порождающія зло, и на учрежденія. При этомъ они изгоняютъ принципіально всякій намекъ на религіозную или національную рознь; для уставовъ такихъ обществъ выработался даже особый, обязательный у каждаго, параграфъ, строго воспрещающій членамъ «всякій прозелитизмъ—политическій или религіозный».

Особенно интересно и пожалуй знаменательно для нашего вѣка—«Общество практическаго изученія соціальныхъ вопросовъ». Оно образовано въ 1888 г. и исходитъ изъ положенія, что усилія благотворительности, при несомнѣнномъ возрастаніи обѣднѣнія рабочихъ классовъ и связанномъ съ этимъ пониженіемъ уровня ихъ нравственности, хотя и являются въ иныхъ случаяхъ желательными, но остаются, въ существѣ, палліативными. Такъ какъ главная причина темныхъ явленій начинающаго нарождаться науперизма коренится въ общихъ условіяхъ,—то для борьбы со зломъ необходимо, прежде всего, возможно всестороннее практическое и серьезное изученіе вопросовъ соціальныхъ и экономическихъ. И уже затѣмъ—должна слѣдовать немедленная практическая помощь тамъ, гдѣ является это настоятельнымъ и наиболѣе цѣлесообразнымъ.

Въ 1 § устава общества сказано: «Общество имѣетъ цѣлью домогаться всѣми законными средствами разрѣшенія вопросовъ общественнаго устройства. Оно воспрещаетъ своимъ дѣятелямъ всякій прозелитизмъ,—политическій или религіозный *)».

Экономическіе и соціальные вопросы, назрѣвая и близясь все больше и больше къ разрѣшенію, могутъ, по мнѣнію основателей, рано или поздно проявиться въ формѣ, далеко не желательной для общественнаго спокойствія и порядка. Понятно, что

*) Фондъ общества составляется изъ добровольныхъ взносовъ сочувствующихъ и изъ сборовъ съ литературныхъ и музыкальныхъ вечеровъ.

каждый благонамѣренный гражданинъ, въ своихъ собственныхъ интересахъ, какъ и въ интересахъ всего общества, долженъ заботиться о томъ, чтобы неизбѣжное преобразованіе совершилось, по возможности, мирно, на началахъ права и справедливости. Для этой важной цѣли рабочіе, собственники, коммерсанты, судьи, ученые, простые граждане, безъ различія положеній и взглядовъ, должны слиться въ общемъ стремленіи серьезно и пристально изучить условія, изъ которыхъ возникаетъ грядущее. Въ этомъ смыслѣ общество и обратилось съ воззваніемъ къ странѣ.

На призывъ не отозвались, сверхъ всякаго ожиданія, именно тѣ, чьи интересы, казалось-бы, ближе всего къ задачамъ общества,— коммерсанты-хозяева.

Не такъ отнеслось къ воззванію правительство. Федеральный совѣтъ, въ видахъ приданія дѣйствіямъ общества большей силы и успѣшности, призналъ Общество «оффиціальнымъ» и предоставилъ ему право на безплатную разсылку корреспонденціи.

Теоретическіе взгляды общества, насколько выясняются они изъ его рефератовъ на литературныхъ вечерахъ, изъ статей въ журналахъ и изъ отдѣльныхъ брошюръ, сводятся, приблизительно, къ слѣдующему.

Главную причину нежелательныхъ экономическихъ и соціальныхъ явленій общество видитъ въ непомѣрномъ развитіи машинъ, оставляющихъ безъ дѣла массу рабочаго люда, выкидывающихъ на рынокъ предметы, часто не имѣющіе, какъ по количеству, такъ и по назначенію своему, ничего общаго съ дѣйствительными потребностями жизни, и, главное, скапливающихъ въ рукахъ кучки людей огромныя богатства насчетъ лишеній и ростущей безпомощности большинства. Признавая за этимъ явленіемъ «машинизма» значеніе факта, вторгшагося въ жизнь въ то время, когда она не была къ нему подготовлена, Общество находитъ, что теперь не остается ничего другого, какъ ограничить его вліяніе и согласовать его съ жизнью, въ интересахъ трудящихся классовъ.

Въ сферѣ дѣятельности практической Общество не замедлило придти на помощь нуждающемуся рабочему люду, держась при этомъ вѣрнаго принципа, что самая лучшая форма помощи — это доставленіе возможности трудиться. Оно создало новый типъ учрежденій, отвѣчающихъ какъ прямой цѣли Общества—изученію соціальныхъ вопросовъ, такъ и настоятельной потребности, порожденной современнымъ положеніемъ рабочихъ классовъ.

Одно изъ такихъ заведеній называется «Рабочая контора».

Столкнувшись въ своихъ практическихъ изслѣдованіяхъ съ вопросомъ о сближеніи хозяина съ работникомъ, спроса съ предложеніемъ, Общество увидѣло, что даже въ такомъ незначительномъ городкѣ, какъ Женева, затруднительность этого сближенія вызвала неизбѣжность спеціальной отрасли маклерскихъ занятій, и что такое маклерство имѣетъ установившейся цѣной за сближеніе хозяина съ ра-

ботникомъ самое меньшее 10 фр.—расходъ, падающій всегда на работника и часто совсѣмъ непосильный для него. Кромѣ того, видя источникъ своего благополучія именно въ возможно частыхъ періодахъ безработицы и исканія мѣстъ, маклеръ, естественно, не заботится о прочномъ устройствѣ судьбы рабочаго, не вникаетъ ни въ его нравственныя качества, ни въ образъ дѣйствій хозяина. Необходимость придти на помощь рабочему являлась неотложной и Общество открыло съ этою цѣлью сказанную рабочую контору. Въ этой конторѣ оно безплатно принимаетъ заявленія ищущихъ труда и доставляетъ имъ мѣста. На покрытіе нуждъ конторы облагаются сборомъ лишь хозяева и то самымъ незначительнымъ: 1 фр. въ предѣлахъ женевскаго кантона, 2 фр. въ остальномъ пространствѣ Швейцаріи и 5 фр. заграницей. Контора открыта въ августѣ 1888 г. и, по декабрь 1895 г., ею было записано предложеній труда по всякимъ спеціальностямъ, отъ чернорабочихъ до учителей и гувернантокъ, 15,281, спросовъ со стороны хозяевъ 7,918, помѣщено лицъ 4,733. Имѣя въ виду только минимальную маклерскую таксу въ 10 фр. и не считая всякихъ убыточныхъ проволочекъ, неизбѣжныхъ въ такомъ дѣлѣ, Общество сберегло работникамъ весьма почтенную цифру въ 47,330 фр.

Второе, открытое Обществомъ учрежденіе есть «Кооперативная мастерская и профессіональная школа портныхъ» (включая и женщинъ, между которыми ремесло это весьма распространено въ Швейцаріи). Кооперативная мастерская имѣетъ прямое отношеніе къ цѣлямъ общества. Къ учрежденію же при ней профессіональной школы, которыхъ и безъ того достаточно въ Швейцаріи, понудило Общество любопытное обстоятельство. Изучая бытъ рабочаго люда и, въ томъ числѣ, портныхъ, работающихъ на хозяевъ у себя дома и поштучно, Общество столкнулось съ явленіемъ крайне страннымъ и почти непонятнымъ: оно убѣдилось, что работники и работницы, прекрасно прошедшіе профессіональную школу, не только не совершенствуются въ теченіе многолѣтней практики, но даже забываютъ пройденное въ школѣ и становятся никуда не годными по части мастерства... Притомъ же печальное явленіе это оказалось настолько повальнымъ, что изъ *21 человѣка* (мужчинъ и женщинъ), взятыхъ на испытаніе Обществомъ, набралось годныхъ къ чему нибудь *только 4*!.. Причиною явились тѣ же коммерсанты - хозяева, такъ предусмотрительно уклонившіеся отъ солидарности съ Обществомъ: забирая въ свои руки молодыхъ и, разумѣется, хорошо аттестованныхъ въ профессіональной школѣ работниковъ и работницъ, хозяева прежде всего обращаютъ ихъ въ спеціалистовъ: жилетниковъ, брючниковъ, пиджачниковъ, а нѣкоторыхъ и просто въ выметчиковъ петелъ, пришивальщиковъ пуговицъ, и этимъ ставятъ въ необходимость забыть все остальное. Но и тутъ, надѣляя работниковъ непосильнымъ трудомъ, благодаря скудной платѣ, хозяева не только не цѣнятъ достоинства работы, но даже преднамѣренно понижаютъ его и перевоспитываютъ рабочихъ въ цѣляхъ неизмѣн-

наго своего требованія исполнить работу «къ сроку», скорѣе, какъ нибудь, лишь бы было прилично на видъ... Притиснутый всѣмъ этимъ къ стѣнѣ, рабочій быстро превращается въ полуидіота, въ машину и уходитъ весь лишь въ одну мысль — угодить строгому хозяину, не остаться безъ работы... Съ такими рабочими устройство мастерской, на какихъ-бы то ни было началахъ, не могло обѣщать пользы. Надо было строить все снова, учить работниковъ не только профессіонально, но и вообще ихъ образовывать, прививать имъ стремленія къ цѣлямъ общественнымъ, чего не даетъ профессіональная школа обычнаго типа. Для этого Общество и присоединило къ мастерской школу. Насколько заведеніе это отвѣчаетъ требованіямъ времени и обстоятельствъ, а равно и выгодамъ заказчиковъ, даютъ понятіе цифры:

		Штукъ.	На сумму.
Въ мастерской было сработано въ	1889 г.	52	983 ф.
	1890 »	485	9,983 »
	1891 »	703	17,191 »
	1892 »	832	21,070 »
	1893 »	889	23,149 »
	1894 »	940	24,015 »

Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что мастерская и школа открылись, имѣя въ своемъ распоряженіи товарищескаго капитала всего на всего 365 фр.

Такія же печальныя явленія открыло Общество и въ средѣ бѣлошвеекъ и женскихъ портныхъ и также пришло имъ на помощь, учредивъ кооперативную мастерскую съ профессіональной школой. Заведеніе это открылось только въ прошедшемъ году, и результаты его дѣйствій еще неизвѣстны, но, въ виду аналогичнаго примѣра, сомнѣваться въ успѣхѣ нельзя.

Такимъ же характеромъ разумной полезности отличаются и Общества «школьныхъ кухонъ», весьма популярныя въ Женевѣ. Они находятся въ каждомъ городскомъ округѣ и имѣютъ предметомъ своихъ заботъ первоначальныя школы. При всеобщемъ и обязательномъ обученіи въ Швейцаріи первоначальная школа скапливаетъ въ себѣ всѣ элементы населенія. При ознакомленіи съ бытомъ учащихся, оказалось, что не малый процентъ изъ нихъ или совершенные бѣдняки, не имѣющіе часто и дневного пропитанія, или проживаютъ въ такомъ отдаленіи отъ школы, что не имѣютъ физической возможности, покончивъ занятія въ 12 часовъ, возвратиться въ школу снова къ 2 часамъ. Въ положеніе такихъ учащихся и вошли мыслящіе благотворители, образовавъ Общества школьныхъ кухонъ. Цѣль этихъ Обществъ давать въ 12 часовъ дня безплатные обѣды неимущимъ учащимся, и за плату (во что

обходится обѣдъ самой кухнѣ) тѣмъ, которые, по какимъ либо причинамъ, не могутъ обѣдать у себя дома. Кромѣ того, Общества, по мѣрѣ возможности, заботятся и о здоровьи бѣднѣйшихъ изъ учащихся. Бѣдняковъ и желающихъ обѣдать за плату насчитывалось не мало, и задача Обществъ выходила не легкою. Устройство помѣщеній, заготовка обѣдовъ цѣлыми сотнями, кухарки, прислуга—все это требовало капиталовъ, усиленной дѣятельности, обѣщало разростись до степени сложнаго предпріятія. Но, при умѣніи швейцарцевъ организовать всякое практическое предпріятіе и при внутренней связи какъ учрежденій, такъ и дѣятелей, хотя бы послѣдніе и держались различныхъ направленій, задача—въ данномъ случаѣ равно близкая всѣмъ—разрѣшилась съ такою же простотой, съ какою Колумбъ поставилъ яйцо... На помѣщенія для столовыхъ не пришлось тратиться совсѣмъ: въ нихъ обратились корридоры школъ, и тутъ же, въ отгороженномъ углу, снабженномъ переносною плитой, образовалась при каждой школѣ кухня. Роль прислуги приняли на себя члены Обществъ. Самой трудной задачей, какъ и въ каждомъ дѣлѣ, оказывалось пріобрѣтеніе средствъ, но явились и они: первоначально помогли правительство и городъ, а дальнѣйшее обезпечилось сочувствіемъ жителей, поставившихъ эту школьную нужду на первое мѣсто въ своемъ благотворительномъ бюджетѣ.

Дѣлами каждаго общества завѣдуетъ комитетъ, избираемый членами изъ своей среды. Для спеціальныхъ функцій при комитетѣ находятся: экономъ—организующій поставку продуктовъ; справочная коммисія—удостовѣряющаяся въ степени бѣдности учащихся, заявляющихъ желаніе пользоваться безплатнымъ столомъ; коммисары—лица, присутствующія при обѣдахъ, свидѣтельствующія доброкачественность провизіи и блюдъ, представляющія собою власть комитета и исполняющія обязанности прислуги... Коммисаровъ этихъ избирается 12. Они дежурятъ при обѣдахъ по двое и понедѣльно, такъ что очередь каждаго наступаетъ лишь черезъ шесть недѣль, не обременяя и самаго занятого человѣка, да и длится школьный обѣдъ всего какихъ нибудь полъ-часа.

За болѣзнью одного изъ такихъ коммисаровъ, мнѣ пришлось однажды исправлять его должность. Дѣло было весной. Я явился нѣсколько раньше 12 часовъ. Корридоръ обширной школы въ людномъ богатомъ округѣ былъ еще пустъ. За перегородкой возилась у плиты кухарка, шипѣли огромныя кастрюли съ супомъ. На обѣдъ въ этотъ день назначались: супъ изъ зелени, вареная говядина и черносливъ (обѣдъ стоилъ кухнѣ 33 сант. на человѣка, и это самая высшая цѣна обѣдовъ; въ среднемъ надо считать не больше 30 сант.). Въ кухнѣ, на столѣ, лежала книжечка, въ которой отмѣчаются коммисарами число обѣдовъ, количество и наименованіе блюдъ и найденное достоинство ихъ. Скоро прибылъ и мой сотоварищъ по дежурству—адвокатскій клеркъ. Мы осви-

дѣтельствовали обѣдъ, оказавшійся очень недурно приготовленнымъ, и принялись за исполненіе своихъ обязанностей. Обязанности эти хотя и были просты, но требовали, если не умѣнья, то навыка: слѣдовало нарѣзать хлѣба—экономно и равными кусками, раздѣлить такимъ же образомъ говядину на порціи и управиться со всѣмъ этимъ къ сроку. Обѣдать должно было около 130 человѣкъ. Въ 12 часовъ топотъ наверху и за стѣнами возвѣстилъ, что школьныя занятія кончены, и вслѣдъ за тѣмъ живая, шумная толпа наполнила корридоръ. Мальчики и дѣвочки постарше кинулись къ стоявшей въ углу грудѣ досокъ и мигомъ размѣстили вдоль стѣнъ складные столы и скамьи. Другой отрядъ, помоложе, разставлялъ оловянные приборы, раскладывалъ ножи и вилки. Кучка нездоровыхъ—человѣкъ около десятка—явилась въ кухню, гдѣ кухарка раздавала кому рыбій жиръ, кому другое снадобье. Скоро скамьи унизались по одну сторону корридора дѣвочками, по другую мальками. Мы подвязали себѣ «казенные» бѣлые фартуки, взяли въ руки по ведру супа и отправились разливать его по тарелкамъ... Раздавать хлѣбъ, нарѣзанную говядину—словомъ, то, что уже имѣетъ видъ опредѣленной порціи, не представляетъ затрудненій, но, разливая супъ или раздѣляя что нибудь между обѣдающими тутъ же, предъ глазами у нихъ, надобно умѣнье не обидѣть никого и сдѣлать такъ, чтобы хватило на всѣхъ. Поименный счетъ обѣдавшимъ вели учителя и учительницы, наблюдавшія вмѣстѣ съ тѣмъ за порядкомъ. Къ чести обѣдавшихъ надо замѣтить, что въ наблюденіи этомъ не видѣлось почти никакой надобности. За столами, правда, было очень шумно, но это было лишь простое искреннее дѣтское веселье, говорившее о свободѣ обращенія, но державъ себя при этомъ всякій благовоспитанно. Къ концу обѣда я столкнулся, впрочемъ, съ учителемъ, который велъ за ухо къ выходу кавалера лѣтъ десяти. По наведенной справкѣ оказалось однако, что кавалеръ этотъ—извѣстный, патентованный шалунъ, натура исключительная...

Окончивъ занятія, мы завернули съ коммисаромъ въ кафе, выпить пива. Онъ вынулъ книжечку и предложилъ мнѣ подписать что нибудь въ пользу кухни. Такая книжечка находится у каждаго коммисара, что позволяетъ дѣлать сборъ при случаѣ, не тратя на это времени спеціально и не надоѣдая никому посѣщеніями.

— Мы усиленно собираемъ теперь,—сказалъ онъ.—Съ наступленіемъ каникулъ, человѣкъ двадцать не совсѣмъ здоровыхъ придется отправить въ горы на лѣто.

— Но вѣдь это огромный расходъ!—удивился я.—Пансіона и въ деревнѣ нѣтъ меньше трехъ франковъ въ день.

— О, да, конечно. Но у насъ дѣлается не такъ. Съ ними отправится наша кухарка и будетъ пропитывать ихъ хозяйственнымъ образомъ, еще дешевле, чѣмъ здѣсь. Постели возьмемъ изъ казармъ. За помѣщеніе только придется заплатит пустяки какіе нибудь

комитетъ, вѣроятно, и объ этомъ списался уже съ какой нибудь коммуной...

Не безъинтереснымъ, среди обществъ съ соціальнымъ значеніемъ, является также «Женскій союзъ». Онъ существуетъ уже лѣтъ шесть и лучше всего показываетъ, насколько всякое движеніе среди женщинъ еще не ко двору въ Женевѣ... За все время своего существованія Общество успѣло привлечь къ себѣ только 225 членовъ (мужчины не допускаются) и содержитъ себя, въ буквальномъ смыслѣ, собственными трудами (членскихъ взносовъ, по 5 фр. въ годъ едва хватаетъ на наемъ помѣщенія, а пожертвованія сочувствующихъ не идутъ дальше какихъ нибудь сотенъ франковъ въ годъ). Тѣмъ не менѣе, бодрости Общество не теряетъ и растетъ хотя и медленно, но неуклонно. Докладывая годичный финансовый отчетъ съ дефицитомъ въ нѣсколько десятковъ франковъ и обращаясь къ ожидаемымъ поступленіямъ, казначейша Общества, не смущаясь, заявила, что «живой, неизсякаемый источникъ средствъ находится въ самомъ обществѣ, въ трудѣ и энергіи его членовъ...» И это совершенная правда: члены Общества аккуратно зарабатываютъ на его нужды нѣсколько тысячъ франковъ въ годъ и выказываютъ при этомъ самыя многостороннія знанія. Онѣ имѣютъ въ помѣщеніи Общества классы англійскаго, нѣмецкаго и итальянскаго языковъ, курсы кройки, бухгалтеріи, стенографіи, даютъ уроки музыки, пѣнія и привлекаютъ публику своими научными конференціями въ залѣ университета.

Цѣль общества—стараться объ улучшеніи непригляднаго положенія женщинъ и расширеніи ихъ правъ, объединяя ихъ интересы (безъ различія національностей), способствовать умственному ихъ развитію вообще и охранять матеріальные интересы женщины-работницы.

Теоретически Общество преслѣдуетъ эту цѣль обычнымъ въ такихъ случаяхъ путемъ—конференціями и изданіемъ брошюръ, но не забываетъ дѣйствовать и практически. Подъ его руководствомъ уже основалась обширная кооперативная мастерская женевскихъ бѣлошвеекъ и дамскихъ портнихъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время таможенной войны Швейцаріи съ Франціей хозяева женевскихъ магазиновъ бѣлья нашли, что тутъ страдаютъ ихъ интересы, и обратились въ федеральное таможенное бюро съ ходатайствомъ: разрѣшить имъ безпошлинный ввозъ товара, который будетъ изготовляться во Франціи изъ посылаемыхъ туда матеріаловъ. Дѣло уже готово было рѣшиться въ положительномъ смыслѣ, но тутъ вступился «Женскій союзъ». Онъ образовалъ по этому вопросу спеціальный комитетъ изъ своихъ членовъ, который и представилъ таможенному бюро данныя, доказывавшія, что безпошлинный ввозъ товара не оправдывается ничѣмъ, что этимъ изыскивается лишь новый путь къ

обогащенію хозяевъ, въ ущербъ и безъ того страдающимъ интересамъ женевскихъ работницъ. Слѣдуетъ отмѣтить и еще одну услугу союза. Имѣя въ виду, что женщина не мало терпитъ не только отъ незнакомства съ юридическими теоріями, но и отъ простого незнанія дѣйствующихъ законовъ страны,—«союзъ» вошелъ въ соглашеніе съ юристами и устроилъ популярныя лекціи для женщинъ по гражданскому и торговому праву.

Большое значеніе въ военной организаціи страны имѣютъ общества «стрѣльбы въ цѣль» и ихъ множество въ Швейцаріи. Но преобладающими по числу надо считать общества увеселительнаго характера, къ которымъ должны быть отнесены и всякія корпоративныя общества, имѣющія обыкновенно главною своею цѣлью—устройство празднествъ. Изъ такихъ увеселительныхъ обществъ укажемъ на женевское пѣвческое общество «Муза». Оно состоитъ исключительно изъ рабочихъ, и въ немъ больше ста человѣкъ членовъ-исполнителей, музыкально образованныхъ. Это лучшій хоръ въ кантонѣ. Нѣсколько разъ въ годъ онъ даетъ публичные концерты. Дѣла его идутъ такъ хорошо, что онъ можетъ содержать довольно дорогого регента, нанимать обширное помѣщеніе для собраній и репетицій.

Н. Сѣверовъ.

Новыя книги.

Повѣсти и разсказы А. Н. Плещеева. Томъ первый. СПБ. 1896.

Литературное значеніе Плещеева основывается на его стихотвореніяхъ, а не на его разсказахъ. Плещеева-поэта знаютъ всѣ, Плещеева-повѣствователя знаютъ немногіе. Обстоятельство это нисколько не случайно: въ нашей поэзіи Плещеевъ занимаетъ свое собственное мѣсто, тогда какъ въ нашей беллетристикѣ онъ затерявается въ густыхъ рядяхъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ учениковъ гоголевской школы. Плещеевъ обладалъ слишкомъ тонкимъ литературнымъ чутьемъ, чтобы написать даже въ несвойственномъ ему повѣствовательномъ родѣ какую нибудь прямо безвкусную вещь — и такихъ вещей дѣйствительно нѣтъ ни одной въ этомъ томѣ его повѣстей и разсказовъ. Тѣмъ не менѣе этотъ томъ служитъ доказательствомъ, что повѣствовательный родъ дѣйствительно былъ несвойственъ дарованію покойнаго поэта.

Весьма вѣроятно, что Плещеевъ, какъ повѣствователь, много выигралъ бы, если бы подчинился вліянію не Гоголя, а какого нибудь другого крупнаго таланта. Не подчиниться кому нибудь онъ не могъ, но, взявши себѣ за образецъ Гоголя, онъ тѣмъ самымъ не облегчилъ, а усложнилъ свою задачу. Гераклитъ, подражающій Демокриту, явленіе довольно странное. Одною изъ главныхъ стихій гоголевскаго таланта былъ юморъ, и меланхолическій Плещеевъ, глядя на своего учителя, тоже пробуетъ шутить и смѣяться въ своихъ разсказахъ, но читателю становится не весело, а грустно. Не потому грустно, что за видимымъ смѣхомъ чувствуются, какъ у Гоголя, незримыя слезы; а потому, что веселость писателя, очевидно, напускная, дѣланная. Приведемъ примѣръ. Вотъ „юмористическое“ описаніе польки (танца): „Извѣстно, что полька приводитъ въ трепетъ сердца всѣхъ петербургскихъ жителей и жительницъ; отъ Козьяго болота до Таврическаго сада и отъ Васильевскаго острова до Грязной,—всюду раздаются ея магическіе, потрясающіе звуки... не одинъ смертный обязанъ ей, могучей волшебницѣ, своимъ блестящимъ положеніемъ, своей карьерой... Не одинъ башмачникъ обогатился отъ нея, не одна чувствительная дама, гонимая судьбой въ лицѣ почтеннаго и нравственнаго мужа, забывала свои домашнія огорченія, кружась съ обворожительнымъ адъютантомъ въ вихрѣ этого чуднаго танца! Трудно понять, какъ могъ обходиться Петербургъ безъ польки... какъ онъ существовалъ до нея... какъ онъ не вымеръ весь отъ скуки — этой вѣчной холеры... За то съ тѣхъ поръ, какъ полька воцарилась въ Петербургѣ, скука исчезла изъ этого города навсегда... Петербургъ даже совершенно забылъ о томъ, что такое скука и знавалъ ли онъ когда нибудь скуку“...

Это одинъ изъ очень многихъ примѣровъ, которые мы могли бы привести изъ одного только перваго тома повѣстей Плещеева. Идеалистъ по натурѣ и по таланту, меланхоликъ по литературному темпераменту, Плещеевъ всячески усиливался быть въ своихъ разсказахъ реалистомъ и временами даже обличителемъ. Въ извѣстной мѣрѣ это ему иногда удавалось, но скрыть отъ читателя усилія не удавалось никогда. Всякій писатель, обладающій хорошимъ литературнымъ образованіемъ и вкусомъ, можетъ писать во всѣхъ возможныхъ родахъ, но настоящимъ мастеромъ онъ можетъ быть только въ одномъ, много въ двухъ родахъ, а въ остальныхъ на его произведеніяхъ неминуемо будетъ лежать печать дѣланности, искусственности, ремесленности.

Въ этомъ томѣ помѣщены двѣнадцать разсказовъ и повѣстей, относящихся къ 1847—1863 годамъ. Всѣ они подходятъ подъ тѣ общія замѣчанія, которыя мы сдѣлали выше, но все

таки литературная цѣнность ихъ далеко не одинакова. Между худшимъ изъ нихъ—„Енотовая шуба" и лучшимъ „Житейскія сцены",—„Отецъ и дочь" — дистанція огромнаго размѣра. „Енотовая шуба"—это неправдоподобный анекдотъ водевильнаго пошиба, разсказанный притомъ очень вяло; „Отецъ и дочь"—это тяжелая, хотя и не сложная житейская драма, съ довольно, правда, избитымъ сюжетомъ. Въ этой повѣсти Плещеевъ болѣе чѣмъ гдѣ либо въ своей сферѣ: герой этой повѣсти—маленькій чиновникъ, а мірокъ столичнаго и провинціальнаго чиновничества былъ, повидимому, хорошо знакомъ съ бытовой стороны Плещееву, и этотъ герой, кромѣ того, скромный и добрый человѣкъ, съ большою, однако, способностью къ самоотверженію, — типъ, психологическія основы котораго тоже хорошо были изучены Плещеевымъ. Это одна изъ немногихъ повѣстей Плещеева, которыя даже до нашего времени сохранили свою первоначальную свѣжесть. Разумѣется, нельзя не поморщиться или не улыбнуться, когда на сцену является неизбѣжный для второсортной беллетристики того времени „молодой человѣкъ" изъ извѣстной категоріи „развивателей". „Это былъ молодой человѣкъ съ добрымъ и благороднымъ сердцемъ, года четыре не болѣе какъ кончившій курсъ въ университетѣ и потому еще полный тѣхъ восторженныхъ помысловъ и чистыхъ стремленій, той готовности служить истинѣ и добру, которые составляютъ неотъемлемую принадлежность и лучшее украшеніе юности. Развить молодое существо, вселить въ него свои убѣжденія, пробудить въ немъ сознаніе, указать ему великое назначеніе женщины,—эта цѣль казалась юношѣ такъ прекрасна и возвышенна, что для достиженія ея не должно щадить ни силъ, ни времени"... Мы сдѣлали эту выписку между прочимъ съ нѣкоторымъ побочнымъ умысломъ. Мы предлагаемъ читателю сравнить со стороны внѣшней формы этотъ лирическій отрывокъ съ приведеннымъ выше юмористическимъ описаніемъ польки: занимающейся рѣчи, фразъ, перемежаемыхъ безпрестанными многоточіями, здѣсь нѣтъ вовсе. Привычныя слова льются плавною струйкой, потому что это—тѣ самыя, знакомыя намъ, слова, которыя мы читали и въ лирическихъ стихотвореніяхъ Плещеева: „истина", „добро", „юность", восторженные помыслы", „великое назначеніе" и пр. и пр. Вотъ что значитъ обрѣсти самого себя, войдти, хотя бы мимоходомъ, въ свою собственную сферу! Но вернемся къ повѣсти „Отецъ и дочь". Герой ея—Василій Степановичъ Агаповъ несомнѣнный сколокъ съ гоголевскаго Акакія Акакіевича, но онъ поставленъ Плещеевымъ въ гораздо болѣе трагическія условія, нежели гоголевскій герой. Въ милліонный разъ повторилась старая исторія всѣхъ несамостоятельныхъ дарованій: усиленіе

впечатлѣнія достигается (если достигается) посредствомъ внѣшнихъ, а не внутреннихъ рессурсовъ. Внутренній драматизмъ положенія гоголевскаго героя, заключавшійся почти въ полномъ подавленіи человѣческой личности Акакія Акакіевича, превратился у Плещеева въ драматизмъ внѣшній: его Василій Степановичъ бросается внизъ головой съ лѣстницы, ради спасенія своей служебной чести и счастья своей дочери. Это самоубійство героя разсказа подготовлено и мотивировано авторомъ довольно хорошо, но все таки это не болѣе, какъ внѣшній эффектъ. Между тѣмъ эта повѣсть, повторяемъ, лучшая повѣсть всего тома.

Послѣ всего сказаннаго, общее заключеніе наше о значеніи Плещеева, какъ прозаика, довольно очевидно. Ради Плещеева-поэта стоитъ познакомиться съ Плещеевымъ-повѣствователемъ, котораго дѣятельность во всякомъ случаѣ представляетъ собою не яркій, но замѣтный историко-литературный фактъ. Замѣтимъ кстати, что мы имѣли въ виду исключительно только этотъ, первый, томъ повѣстей Плещеева а намъ издателемъ уже давно обѣщанъ второй.

Дюжинка. XII пьесокъ для дѣтскаго театра. **В. Р. Щ.** СПБ. 1896 г.

Г-ну В. Р. Щиглеву (на обложкѣ книжки стоятъ только иниціалы, но придисловіе подписано полнымъ именемъ автора) пришла довольно удачная мысль заняться пополненіемъ репертуара *дѣтскаго* театра. Дѣтская литература наша довольно обширна; но это литература или повѣствовательная, или стихотворная, или, наконецъ, образовательная, а комедій, приноровленныхъ къ дѣтскому пониманію, мы что-то не запомнимъ. Къ сожалѣнію, г. Щиглевъ не далъ себѣ яснаго отчета въ своихъ собственныхъ намѣреніяхъ. Его пьески должны исполняться актерами-дѣтьми,—этотъ пунктъ ни для автора, ни для насъ не подлежитъ сомнѣнію. Но изъ кого должна состоять публика? Разумѣется на дѣлѣ она будетъ смѣшанная, но авторъ долженъ заботиться о томъ, чтобы было весело и поучительно для маленькихъ зрителей, не безпокоясь о взрослыхъ. Пьеска „Старый уголокъ" вполнѣ удовлетворяетъ этому условію, и оттого она, на нашъ взглядъ, лучшая вещица сборника. Двѣ дѣвочки уморительнымъ образомъ примѣняютъ къ дѣлу басню Крылова „Ворона и лисица", выманивая лестью у маленькаго брата апельсинъ и заставляя его такимъ образомъ разыграть роль вороны—вотъ содержаніе пьески. Но вотъ другая пьеска „Воевода": взрослыхъ она несомнѣнно позабавитъ, но для маленькихъ зрителей останется невразумительна. Двое дѣтей, Алеша и Лида критически раз-

бираютъ извѣстное стихотвореніе Пушкина „Воевода", причемъ дѣлаютъ замѣчанія, чрезвычайно забавныя по своей наивности для *насъ*, но нисколько не наивныя для маленькихъ зрителей или слушателей, для которыхъ такимъ образомъ пропадаетъ вся соль пьесы. Воевода, какъ помнитъ читатель, возвращается поздно ночью изъ похода и подстерегаетъ въ саду свою невѣрную жену на свиданіи: „на скамейкѣ у фонтана, въ бѣломъ платьѣ, видятъ—панна, и мужчина передъ ней". Управляющій и экономка!—комментируютъ маленькіе критики. Мы улыбнемся при такомъ объясненіи, но маленькіе зрители совершенно серьезно къ нему отнесутся. Надѣемся, г. Щиглевъ понимаетъ нашу простую мысль.

Стихотворенія Леонида Афанасьева. СПБ. 1896.

Г. Афанасьевъ—поэтъ благоприличный и человѣкъ разсудительный, нисколько не декадентъ, но, читая его произведенія, мы начали понимать декадентовъ, т. е. тѣ психологическія побужденія, которыя приводятъ декадентовъ къ ихъ эксцентричностямъ. Всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго—вотъ истина, которую прекрасно поняли декаденты и которой совсѣмъ не понимаетъ г. Афанасьевъ. Что вы скажете напр. объ этомъ:

Небо стонетъ... Звѣзды плачутъ...
Рожи строитъ мнѣ луна...
Какъ лягушки грезы скачутъ,
Ласки грудь моя полна...
И гористую кокетку
Вижу я передъ лицомъ,
Она будетъ ѣсть котлетку
Даже съ синимъ мертвецомъ...

Этотъ перлъ—изъ сокровищницы нашей декадентской поэзіи. Что сказать тутъ? Глупо, пошло, безсмысленно, но, согласитесь, не скучно, по крайней мѣрѣ въ небольшой дозѣ. Но что вы скажете вотъ о чемъ:

Мы всѣ герои! всѣ! но жалкіе герои!
Гдѣ наши подвиги? гдѣ громкія дѣла?
Надъ нами тяготитъ преступное былое
И сердцемъ властвуетъ безумный геній зла!
Мы жалкіе борцы за призраки свободы,
Клянущіе весь вѣкъ тяжелый гнетъ судьбы,
И, тратя силъ запасъ и тратя жизни годы,
Въ слѣпомъ безуміи мы гибнемъ безъ борьбы!

Это стихотвореніе принадлежитъ г. Афанасьеву. Оно очень благородно, это стихотвореніе, по крайней мѣрѣ фразы и восклицанія, изъ которыхъ оно склеено, очень громозвучны, но развѣ вамъ не скучно, читатель? Декадентъ перекувырнулся передъ вами и, быть можетъ, вызвалъ у васъ улыбку, а вѣдь г. Афанасьевъ становится въ позу пророка, коритъ,

грозитъ, упрекаетъ..... кого и за что? Но въ томъ то и скука, что ничего разобрать нельзя, да и не хочется разбирать, потому что прѣсная банальность этихъ поддѣльныхъ іеремiадъ совершенно очевидна. Почтеннѣйшiй, да вамъ что собственно отъ насъ угодно? хочется намъ спросить г. Афанасьева. Мы не безчувственны и не совсѣмъ безтолковы. Когда намъ говорятъ напр.:

О, люди! Жалкiй родъ, достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!

Мы понимаемъ силу и правду *этого* упрека. Жрецы минутнаго, поклонники успѣха... да, есть тотъ грѣхъ и спасибо поэту за его горькое слово! Ну, а вы то, г. Афанасьевъ, изъ за чего горячитесь и за что бранитесь? „Мы всѣ герои"— и не воображали, помилуйте! Люди мы, какъ люди, и пренелѣпо приставать къ намъ съ ножомъ къ горлу: ,,гдѣ ваши подвиги? гдѣ громкiя дѣла?" Подвиговъ мы совершать не обязаны, а дѣла у насъ есть, но, конечно, не громкiя, хотя и не безполезныя. ,,Надъ нами тяготитъ преступное былое"— нѣтъ, кажется, ничего такого особеннаго за нами не числится. Въ числѣ нашихъ знакомыхъ имѣются и прокуроры, и судебные слѣдователи, но мы нисколько ихъ не боимся и съ чистой совѣстью винтимъ съ ними по вечерамъ. „Сердцемъ властвуетъ безумный генiй зла"—о, Господи, страсти какiя! Генiй зла, да еще *безумный!* Такой пышной особѣ, конечно, нѣтъ дѣла до нашихъ сердецъ, потому что мы люди маленькiе. ,,Мы жалкiе борцы за призраки свободы"—ахъ, любезный поэтъ, не за призраки, а за свое собственное существованiе: обуться-одѣться тоже надо, пить-ѣсть хотимъ, жена, дѣти... Какiе ужъ это призраки! „Въ слѣпомъ безумiи мы гибнемъ безъ борьбы"—но коли *безъ борьбы*, то насъ конечно даже и жалкими борцами называть не слѣдуетъ—это разъ. А второе то, что мы, конечно, гибнемъ, какъ и все живущее, но во благовременiи, по законамъ естества и не въ *слѣпомъ безумiи*, а обыкновенно въ здравомъ умѣ и твердой памяти, съ христiанскимъ напутствiемъ. Разсудите теперь сами, г. Леонидъ Афанасьевъ, что такое вы намъ наговорили? Слова—небольше.

Мы однако не хотѣли бы быть несправедливыми къ г. Афанасьеву. Большая часть его книжки наполнена ,,словами" въ родѣ только что разсмотрѣнныхъ нами, но у него попадаются стихотворенiя, въ которыхъ замѣтно—не глубокое, не захватывающее, но все же искреннее чувство. Напр.

Счастье минувшее, молодость красная, гдѣ вы?
Кто на вопросъ безпокойному сердцу отвѣтитъ?
Смолкли въ душѣ обольстительныхъ звуковъ напѣвы,
Солнышко счастья веселой улыбкой не свѣтитъ!
Молодость ясная рѣзвою птицей умчалась.

Старости сумракъ надвинулся сѣрою тучей!
Плачь же, о сердце, тебѣ ничего не осталось,
Кромѣ тоски, да слезы одиночества жгучей.

Вотъ такъ-то лучше: безъ позъ, безъ фразъ, безъ жестикуляціи. Будьте попроще, г. Афанасьевъ, будьте самимъ собой, и мы, читатели, охотно побесѣдуемъ съ вами. А теперь васъ нужно безпрестанно урезонивать и за руки придерживать, а это скучно...

Дж. Ст. Милль. Основанія политической экономіи. Переводъ Е. И. Остроградской, подъ редакц. приватъ-доцента О. И. Остроградскаго. Вып. I. Южно-Русское Книгоиздательство Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1896.

Русская читающая публика будетъ очень благодарна за новый переводъ „Основаній политич. экономіи" Ст. Милля. Изъ всѣхъ великихъ экономистовъ Милль долгое время пользовался у насъ едва-ли не самой большой популярностью. Объясняется это не только тѣмъ, что его воззрѣнія проникнуты искренней гуманностью и глубокими симпатіями къ трудящимся массамъ, но и тѣмъ, что онъ обладалъ необыкновеннымъ даромъ излагать просто и ясно самые трудные и запутанные вопросы. Поэтому „Основанія полит. экономіи" даже и въ настоящее время, не смотря на то, что очень много въ нихъ устарѣло, являются лучшимъ руководствомъ для всякаго, начинающаго изучать экономическую науку. Какъ пособіе для начинающихъ, трудъ Милля представляется намъ гораздо болѣе подходящимъ, чѣмъ „Начала полит. экономіи" Рикардо, рекомендуемыя московской „программой домашнихъ чтеній". Хотя сочиненіе Рикардо отличается большей глубиной и послѣдовательностью, не говоря уже о большей оригинальности, но сухость и тяжеловѣсность изложенія могутъ на первыхъ-же порахъ отбить охоту у непривыкшаго имѣть дѣло съ сухими, абстрактными выкладками. Трудъ Милля имѣетъ то важное преимущество, что здѣсь сложные вопросы разлагаются на болѣе простые элементы, общія положенія иллюстрируются ясными примѣрами, а весь матеріалъ расположенъ въ стройной системѣ. Цѣннымъ достоинствомъ является также и то, что теоретическія положенія связываются у Милля съ практическими выводами, что въ „Основанія" включены многіе интересные отдѣлы прикладной экономіи,—все это въ особенности привлекаетъ начинающаго читателя.

Хотя наиболѣе важная заслуга Милля въ области политической экономіи заключается въ томъ, что онъ привелъ въ стройную систему основныя воззрѣнія классической школы и этимъ, болѣе всякаго другого экономиста, способствовалъ рас-

пространенію интереса къ экономическимъ изслѣдованіямъ какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ, нельзя всетаки думать, что его воззрѣнія лишены всякой оригинальности. Милль первый указалъ на роль обычая въ хозяйственной жизни и этимъ нанесъ ударъ тому абсолютному и механическому характеру, какимъ отличались выводы Рикардо и его послѣдователей; онъ внесъ много поправокъ въ ученіе о заработной платѣ и значительно расширилъ понятіе ренты (этимъ расширеніемъ понятія ренты впослѣдствіи воспользовались Шеффле и нѣкоторые другіе нѣмецкіе экономисты). Но еще больше новаго Ст. Милль внесъ въ область прикладной экономіи. Достаточно указать на то, что Милль одинъ изъ первыхъ выступилъ въ Англіи защитникомъ мелкаго землевладѣнія и съ особенной силой доказывалъ пользу рабочихъ коопераций. Онъ выставилъ рядъ важныхъ ограниченій принципа laissez faire, съ рѣдкимъ талантомъ разобралъ вопросъ о государственномъ вмѣшательствѣ, указавъ на его дурныя и хорошія стороны; глубокій интересъ представляютъ, наконецъ, его разсужденія о вѣроятной будущности рабочихъ классовъ.

Рядомъ съ крупными достоинствами „Основанія полит. экономіи" Ст. Милля имѣютъ и серьезные недостатки. Самый важный—отсутствіе цѣльности и послѣдовательности въ его воззрѣніяхъ, масса противорѣчій, встрѣчаемыхъ у него по самымъ кореннымъ экономическимъ вопросамъ. Эти противорѣчія объясняются, съ одной стороны, свойствами его типа: Милль, по удачному выраженію Рошера; былъ „zu wenig aus einem Gusse". Онъ былъ слишкомъ склоненъ къ эклектизму. Отзывчивый на всякую новую идею, онъ часто усваивалъ совершенно несовмѣстимыя воззрѣнія. Рѣзкимъ примѣромъ такого смѣшенія противоположныхъ точекъ зрѣнія можетъ служить его ученіе о прибыли на капиталъ: усвоивъ взглядъ Сеніора, что „прибыль служитъ вознагражденіемъ за воздержаніе", онъ рядомъ съ этимъ объясняетъ прибыль то производительностью капитала, допуская, что орудія и машины имѣютъ производительную силу, то высказываетъ воззрѣнія, близкія къ ученію о прибавочной цѣнности. Но, помимо личныхъ особенностей самого Милля, отсутствіе цѣльности въ его воззрѣніяхъ объясняется еще характеромъ той эпохи, въ какую ему пришлось писать. Милль стоитъ на рубежѣ двухъ противоположныхъ направленій: современникъ и другъ самыхъ блестящихъ представителей классической школы, онъ былъ также свидѣтелемъ новыхъ вѣяній, впослѣдствіи преобразовавшихъ экономическую науку и сообщившихъ иной характеръ экономической политикѣ. Поэтому, хотя онъ по своимъ теоретическимъ воззрѣніямъ стоитъ преимущественно на почвѣ Рикардо и Мальтуса, онъ и здѣсь дѣлаетъ большія отступленія, расходясь, напр., съ абсолют-

ными и механическими взглядами Рикардо на законы заработной платы и прибыли, указывая на вліяніе обычая въ хозяйственной жизни, на зависимость степени накопленія капитала отъ политическихъ условій и проч. Но гораздо большій поворотъ въ сторону новаго направленія замѣтенъ въ его воззрѣніяхъ на институтъ собственности, гдѣ онъ высказывается противъ дохода безъ труда, въ его оцѣнкѣ современной организаціи хозяйства съ раздѣленіемъ на классы, въ его взглядахъ на идеалы экономическаго развитія, на вмѣшательство государственной власти и проч. Такая-же противорѣчивость замѣчается въ воззрѣніяхъ Милля на методы экономической науки. Хотя онъ въ своей „Системѣ логики" проводитъ ту мысль, что средствомъ для раскрытія экономическихъ законовъ можетъ служить только дедукція, такъ какъ индукція мало примѣнима къ изученію сложныхъ общественныхъ явленій, — но онъ самъ въ отдѣлѣ производства въ значительной степени пользуется индукціею. Доказывая, напр., преимущества мелкаго землевладѣнія предъ крупнымъ, онъ, хотя и исходитъ изъ общихъ психологическихъ основаній, но главнымъ аргументомъ служатъ всетаки конкретные факты, наблюденія надъ результатами мелкаго землевладѣнія во Франціи, Швейцаріи и другихъ странахъ. Говоря о методахъ экономическихъ изслѣдованій, Милль находитъ далѣе, что экономистъ долженъ имѣть въ виду только „хозяйственнаго человѣка", т. е. человѣка исключительно съ точки зрѣнія его хозяйственныхъ интересовъ; между тѣмъ въ его собственныхъ экономическихъ изслѣдованіяхъ соціальныя и политическія соображенія играютъ весьма важную роль. Проводя различие между законами производства, являющимися, по его мнѣнію, постоянными и неизмѣнными, и законами распредѣленія, зависящими отъ воли человѣка и его учрежденій, Милль и здѣсь остается непослѣдовательнымъ: онъ самъ приводитъ массу примѣровъ, доказывающихъ, что законы производства зависятъ отъ организаціи хозяйства, отъ правовыхъ и историческихъ условій; онъ указываетъ, напр., что производительность труда зависитъ отъ того, существуетъ-ли въ странѣ крупное или мелкое производство, отъ характера политическаго строя и проч.

Не смотря на всѣ эти противорѣчія и многіе другіе недостатки, трудъ Милля, повторяемъ, благодаря ясности изложенія, благодаря гуманнымъ чувствамъ, какими проникнута каждая страница, будетъ всегда читаться съ глубокимъ интересомъ и съ большой пользой. Намъ кажется только, что читатель много выигралъ-бы, если бы этотъ новый переводъ былъ снабженъ вступительной статьей, въ которой разъяснено было-бы мѣсто, занимаемое Миллемъ среди другихъ экономистовъ, гдѣ указаны были бы встрѣ-

чающіяся у него противорѣчія, гдѣ сдѣлана была-бы попытка отдѣлить то, что до сихъ поръ можетъ быть признано правильнымъ, отъ устарѣвшаго и ошибочнаго. Послѣднее намъ представляется необходимымъ въ особенности потому, что самъ Милль, какъ извѣстно, впослѣдствіи отказался отъ теоріи фонда заработной платы, играющей такую важную роль въ его системѣ. Многіе важные выводы, встрѣчающіеся въ его „Основаніяхъ", совершенно падаютъ, если отвергнуть ученіе о фондѣ заработной платы, служащее базисомъ для этихъ выводовъ.

Пока вышелъ только 1-ый выпускъ русскаго перевода, обнимающій отдѣлъ производства.

Джонъ Стюартъ Милль. Автобіографія (Исторія моей жизни и убѣжденій). Москва. Изд. магазина «Книжное дѣло». 1896.

Всякій, интересующійся жизнью, дѣятельностью и постепеннымъ развитіемъ убѣжденій Дж. Ст. Милля, съ большимъ удовольствіемъ прочтетъ его автобіографію, написанную съ рѣдкой простотой и правдивостью. А кто, знакомый хоть отчасти съ воззрѣніями автора „Системы Логики", можетъ не интересоваться жизнью этого писателя и общественнаго дѣятеля, поражающаго одинаково своей спокойной объективностью, какъ и юношеской отзывчивостью на все благородное и справедливое? Быть можетъ, самую выдающуюся черту въ характерѣ Милля составляетъ его необыкновенная скромность. Эта поразительная скромность, столь располагающая къ нему читателя, особенно чувствуется въ его искренней автобіографіи. Съ рѣдкой простотой и откровенностью Милль говоритъ здѣсь о своихъ умственныхъ способностяхъ. Онъ признаетъ самъ, что мало отличался оригинальнымъ творчествомъ и поэтому взялъ на себя скромную „роль истолкователя оригинальныхъ мыслителей и посредника между ними и публикой". „Я всегда имѣлъ, говоритъ онъ, скромное мнѣніе о своихъ способностяхъ, какъ оригинальнаго мыслителя, за исключеніемъ отвлеченныхъ наукъ (логики, метафизики и теоретическихъ основъ политической экономіи), но я считаю себя гораздо выше большинства моихъ современниковъ готовностью и умѣньемъ учиться у всѣхъ".

Автобіографія Милля особенно цѣнна для насъ потому, что она раскрываетъ намъ факторы, подъ вліяніемъ которыхъ вырабатывались тѣ или иныя его воззрѣнія, она даетъ намъ ключъ къ уразумѣнію тѣхъ измѣненій, какія переживало его міросозерцаніе, а потому до извѣстной степени объясняетъ намъ противорѣчія и отсутствіе цѣльности, поражающія въ его трудахъ. Укажемъ, напр., на то, что поворотъ въ соці-

ально-экономическихъ воззрѣніяхъ Милля, его отступленіе отъ основныхъ началъ ортодоксальной школы политической экономіи вызваны были въ немъ, какъ видно изъ его автобіографіи, знакомствомъ со школой Сенъ-Симонистовъ. „Я познакомился съ вождями этой школы, Базаромъ и Анфантеномъ въ 1830 году... Ихъ критика общепринятыхъ доктринъ либерализма казалась мнѣ весьма важной и цѣнной; они своими сочиненіями открыли мнѣ глаза на то ограниченное и временное значеніе, которое имѣла въ свое время старинная политическая экономія, признававшая частную собственность и право наслѣдованія ненарушимыми законами, а свободу производства и торговли — послѣднимъ словомъ соціальнаго прогресса". „Я чувствовалъ, говоритъ онъ далѣе, особенное уваженіе къ этимъ мыслителямъ за то, что они смѣло и прямо поставили семейный вопросъ, самый важный въ настоящее время. Провозглашая полное равенство между мужчинами и женщинами, а также новый порядокъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, послѣдователи Сенъ-Симона, равно какъ и Оуэнъ и Фурье, пріобрѣли себѣ право на признательность будущихъ поколѣній". Стоитъ лишь вспомнить взгляды Милля на собственность и право наслѣдованія, на государственное вмѣшательство, на женскій вопросъ и проч., чтобы понять, какъ сильно сказалось на немъ вліяніе этихъ смѣлыхъ новаторовъ въ различныхъ областяхъ обществовѣдѣнія. Многія изъ политическихъ воззрѣній Милля, въ особенности его взглядъ на дурныя стороны крайней централизаціи и чрезмѣрнаго государственнаго вмѣшательства, на важность развитія индивидуальной самодѣятельности и разнообразія характеровъ, сложились въ значительной степени подъ вліяніемъ Токвиля. „Изъ изученія Токвиля я извлекъ для себя также большую пользу относительно вопроса, касавшагося области демократіи, я хочу сказать относительно централизаціи. Могущественный философскій анализъ, который Токвиль примѣнялъ къ учрежденіямъ Америки и Франціи, побудилъ его придавать самое большое значеніе той политической доктринѣ, что всѣ граждане должны собственными силами выполнять большую часть коллективной общественной работы, безъ всякаго вмѣшательства правительства, въ какой-бы формѣ ни выражалось это вмѣшательство: въ замѣнѣ-ли самоуправленія администраціей, или въ контролѣ надъ всѣми его дѣйствіями. Онъ считалъ свободную дѣятельность гражданина въ сферѣ политики не только самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для развитія общественныхъ чувствъ и дѣлового характера народа, — двухъ столь важныхъ и необходимыхъ условій хорошаго правленія—но и спеціальнымъ противоядіемъ противъ нѣкоторыхъ характеристическихъ недостатковъ демократіи".

Особенно большое значенie Милль придаетъ влiянiю г-жи Тэйлоръ, которая сначала была его другомъ, а впослѣдствiи сдѣлалась и его женой. Есть, безъ сомнѣнiя, много преувеличеннаго въ словахъ Милля, что всѣ его труды принадлежатъ одинаково, какъ ему, такъ и мистриссъ Тэйлоръ. Люди, близко знавшiе жену Милля, находятъ, что послѣднiй ее ужъ слишкомъ идеализируетъ. Нельзя однако отрицать, что нервная и впечатлительная женщина, съ твердыми и радикальными взглядами, должна была оказывать сильное влiянiе на своего мужа, не всегда рѣшительнаго и слишкомъ часто колебавшагося. Быть можетъ, Милль никогда не отказался-бы отъ многихъ воззрѣнiй классической школы, не усвоилъ-бы многихъ радикальныхъ взглядовъ по различнымъ экономическимъ и общественнымъ вопросамъ, если-бы онъ не встрѣтилъ поддержки въ своей женѣ. „Она обладала, говоритъ Милль, гораздо бóльшимъ мужествомъ и болѣе широкими взглядами, чѣмъ какiе я могъ-бы когда-либо усвоить себѣ безъ ея помощи, относительно будущаго порядка вещей... Тѣ части моихъ сочиненiй и въ особенности „*Политической Экономiи*“, которыя указывали на возможныя учрежденiя будущаго и съ яростью были встрѣчены экономистами, не нашли-бы безъ нея мѣста на страницахъ моей книги или же были-бы обрисованы въ болѣе робкой и болѣе сжатой формѣ“. Извѣстная глава въ „Полит. Экономiи“ Милля о „вѣроятной будущности рабочихъ классовъ“ принадлежитъ, по его словамъ, всецѣло. его женѣ. Въ сильной степени сказалось также ея влiянiе въ сочиненiяхъ о „Свободѣ“ и о „Подчиненности женщины“. Весьма интересны страницы „Автобiографiи“, гдѣ говорится объ избранiи Милля въ члены парламента и объ его дальнѣйшей политической дѣятельности. Вообще, есть много глубоко интереснаго и поучительнаго въ этомъ правдивомъ и скромномъ жизнеописанiи одного изъ благороднѣйшихъ мыслителей 19-го столѣтiя.

Русская женщина XVIII столѣтiя. Историческiе этюды Вл. Михневича. Кiевъ. 1896.

Любители такъ называемаго легкаго историческаго чтенiя, вѣроятно, не безъ удовольствiя прочтутъ новую книгу г. Михневича. Авторъ задался въ ней цѣлью представить жизнь женщины высшихъ классовъ русскаго общества въ теченiи XVIII вѣка въ рядѣ обобщающихъ очерковъ, посвященныхъ какъ отдѣльнымъ моментамъ личной жизни его героини, начиная съ ранняго дѣтства, продолжая школьной скамьей и кончая замужествомъ и материнствомъ, такъ и различнымъ видамъ ея общественной дѣятельности. Онъ выводитъ именно помѣщицу-

хозяйку, писательницу и ученую, артистку, благотворительницу и заканчиваетъ изображеніемъ отшельницы и господской горничной, или, по его термину, субретки, въ этомъ последнемъ случаѣ допуская единственное исключеніе изъ своего общаго правила—не касаться жизни крестьянъ. Основанные на общеизвѣстномъ и, прибавимъ, не особенно значительномъ по размѣрамъ матеріалѣ, эти очерки написаны довольно живо и читаются легко, но даютъ читателю не очень много. Самъ авторъ, повидимому, нѣсколько иного мнѣнія объ нихъ, ставя задачей своей работы „изобразить общій, цѣлостный типъ русской женщины прошлаго столѣтія, въ ея главныхъ, характеристическихъ культурно-историческихъ чертахъ, отбросивъ все случайное и аномальное, въ то же время—очертить ея судьбу и ея развитіе въ ихъ существенныхъ моментахъ и, наконецъ, обозначить и выяснить ея интеллектуальное вліяніе и общественное значеніе". Мы не думаемъ, однако, чтобы эта задача была, дѣйствительно, выполнена въ книгѣ г. Михневича. Прежде всего препятствіями къ успѣшному ея выполненію послужили, на нашъ взглядъ, нѣкоторые пріемы работы автора. Свой не особенно большой матерьялъ онъ произвольно увеличиваетъ, включая въ него иногда явленія, не относящіяся къ изображаемой эпохѣ. Онъ довольно усердно пользуется, напримѣръ, для характеристики XVIII вѣка мемуарами г-жи Пассекъ, и притомъ именно тѣми частями ихъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о людяхъ и порядкахъ нашего столѣтія (сс. 46—7, 51—3, 73, 133—4, 137). Въ другомъ мѣстѣ онъ въ число женщинъ-писательницъ XVIII столѣтія заноситъ А. П. Елагину, которой однако же исполнилось всего 11 лѣтъ въ моментъ наступленія XIX вѣка (260). Еще болѣе поразило насъ то обстоятельство, что г. Михневичъ въ книгѣ, посвященной русской женщинѣ XVIII вѣка, счелъ нужнымъ отвести цѣлую главу восторженной характеристикѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая однако ни по своему происхожденію, ни по времени своей дѣятельности не принадлежитъ русской общественной средѣ прошлаго вѣка. Уже одна эта хронологическая невыдержанность темы сообщаетъ нѣкоторую неопредѣленность изложенію г. Михневича, и такая неопредѣленность еще болѣе возрастаетъ, благодаря другому его пріему. Собравшись дать „общій и цѣлостный типъ русской женщины", авторъ предупреждаетъ читателя, что онъ будетъ говорить лишь о женщинѣ высшихъ классовъ, совершенно умалчивая о крестьянкѣ; въ дѣйствительности, за ничтожными исключеніями, онъ касается только быта дворянства, оставляя совсѣмъ въ сторонѣ и горожанъ, и духовенство. Но дѣло въ томъ, что и дворянство въ прошломъ столѣтіи не жило сплошь одинаковою жизнью, а распадалось

на различные слои, подчасъ довольно рѣзко различавшіеся одинъ отъ другого. Это обстоятельство не исключаетъ, конечно, возможности общаго изображенія дворянскаго быта, но требуетъ внесенія въ подобное изображеніе нѣкоторыхъ оговорокъ, выдѣленія чертъ, дѣйствительно, общихъ жизни всего класса, отъ частныхъ особенностей, принадлежавшихъ отдѣльнымъ его слоямъ. Ничего подобнаго нѣтъ у г. Михневича, и въ его изложеніи всѣ разряды и группы изображаемаго имъ общества сливаются въ одно безформенное цѣлое. Въ прямой связи съ этимъ стоитъ, намъ кажется, и значительная неясность какъ исходныхъ точекъ зрѣнія автора, такъ и обобщеній, къ какимъ онъ приходитъ въ результатѣ своего труда. Отыскивая средній типъ эпохи, авторъ страннымъ образомъ видитъ его не въ наиболѣе частыхъ, а въ наиболѣе свѣтлыхъ, на его взглядъ, явленіяхъ ея (с.с. 39, 146), причемъ въ спеціально интересующемъ его вопросѣ онъ главную причину такихъ свѣтлыхъ явленій усматриваетъ въ исконныхъ и самобытныхъ особенностяхъ типа русской женщины, „проходящаго въ своихъ основныхъ родовыхъ чертахъ положительно чрезъ всю нашу исторію" (сс. 21—3, 28). Спорить съ подобными взглядами не приходится, и мы удовольствуемся тѣмъ, что приведемъ образцы выводовъ, къ какимъ, при помощи ихъ, приходитъ г. Михневичъ. Выводы эти въ большинствѣ носятъ двойственный и противорѣчивый характеръ. Подбирая факты для характеристики общества въ его цѣломъ изъ разныхъ его слоевъ безразлично и выдѣляя изъ этихъ фактовъ болѣе свѣтлые въ качествѣ болѣе типичныхъ, авторъ приходитъ къ столь розовымъ взглядамъ на жизнь русской женщины прошлаго столѣтія, что невольно самъ оказывается въ необходимости умѣрять ихъ крайности рѣзко противоположными сужденіями. Такъ, говоря о воспитаніи женщинъ, авторъ, на основаніи свидѣтельства Берхгольца и примѣра кн. Дашковой, утверждаетъ, что родители ничего не жалѣли для обученія своихъ дочерей (62). Можно бы спросить, въ какомъ кругу общества это имѣло мѣсто, но дальше мы встрѣчаемъ еще болѣе сильныя утвержденія. Замѣчая, что кн. Дашкова уже въ раннемъ возрастѣ обладала такою начитанностью, какая не часто встрѣчается у современныхъ дѣвушекъ, авторъ вмѣстѣ рѣшается утверждать, что въ тогдашнемъ обществѣ „она не составляла исключенія въ отношеніи такой обширной начитанности съ молоду" (66—7). Очевидно, наше женское образованіе, по мнѣнію г. Михневича, съ XVIII вѣка пошло на убыль, но у него же мы читаемъ, что „хорошее женское образованіе было въ тѣ времена рѣдкою роскошью, которою могла пользоваться только богатая знать" (87). Характеризуетъ г. Михневичъ дѣвушку-

невѣсту, и мы въ одномъ мѣстѣ книги узнаемъ отъ него, что какъ „нормальный типъ", „это была куколка, съ совершенно пустой головкой, но уже избалованная, тщеславная, испорченная и кокетливо-чувственная", въ другомъ,—что „дѣвушки, теплично воспитываемыя въ цѣломудренномъ невѣдѣніи и непорочности, вступали въ жизнь съ чистымъ сердцемъ, впечатлительнымъ къ добру и горѣвшимъ беззавѣтной вѣрой въ людей и готовностью всецѣло отдаться любимому человѣку" и что это былъ „господствующій типъ" (123—4, 158—9). Столь же пестра и неопредѣленна у автора характеристика женщинъ XVIII в. въ бракѣ, причемъ онѣ одновременно оказываются и „прекрасными матерями", и „вѣчно ноющими, плаксивыми и капризными, вялыми и рыхлыми барынями-мѣщанками", и „грубыми и безтолковыми Простаковыми" (192, 198). Но съ особенной симпатіей относится авторъ къ типу барыни-помѣщицы, который былъ, по его словамъ, „однимъ изъ наиболѣе солидныхъ и прочныхъ наслѣдій" старо-московской Руси. Этотъ „прекрасно сформировавшійся типъ", по его увѣренію, неизвѣстно, впрочемъ, на чемъ основанному, былъ даже „симпатиченъ народу" (211, 213). Авторъ знаетъ мнѣніе Массона, что русскія помѣщицы той поры были кровожаднѣе мужчинъ, знаетъ и подтверждающіе его факты, собранные В. И. Семевскимъ въ его изслѣдованіи о крестьянахъ при Екатеринѣ II, но, тѣмъ не менѣе, съ большою галантностью по отношенію къ дамамъ, отвергаетъ такое мнѣніе: „это конечно, несправедливо", говоритъ онъ (221). „Господствующимъ типомъ среди помѣщицъ того времени были женщины вовсе не жестокія, но твердаго нрава, энергическія, дѣятельныя и въ мѣру строгія по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ" (224). Въ главѣ же о „субреткѣ" г. Михневичъ пишетъ, что тогдашнія „госпожи обыкновенно у себя въ уборныхъ, съ глазу на глазъ со своими крѣпостными горничными и прислужницами, превращались въ грубыхъ, требовательныхъ, самодурствующихъ фурій" (381). Такая неустойчивость выводовъ является вполнѣ естественнымъ послѣдствіемъ общихъ взглядовъ автора и его пріемовъ пользованія матеріаломъ, но все это, вмѣстѣ взятое, и лишаетъ его книгу того значенія „обобщенной картины эпохи", какое онъ хотѣлъ бы ей придать. Вмѣсто „обобщенной картины" читатель получаетъ рядъ отдѣльныхъ эпизодовъ, плохо связанныхъ между собою.

Д. Багалѣй. Опытъ исторіи Харьковскаго университета. Томъ I (1802—1815 г.) Выпускъ 2-й Харьковъ. 1896.

Въ прошломъ году мы говорили уже о первомъ выпускѣ названной книги, въ которомъ излагалась исторія возникно-

венія Харьковскаго университета. Лежащій теперь передъ нами второй выпускъ труда проф. Багалѣя посвященъ исторіи самоуправленія и хозяйства, т. е. матеріальныхъ средствъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета за первое десятилѣтіе его существованія. Авторъ весьма подробно и обстоятельно, порою, быть можетъ, даже съ излишнею мелочностью—разсматриваетъ въ немъ дѣятельность всѣхъ органовъ университетскаго самоуправленія, совѣта, факультетовъ, правленія и цензурнаго комитета, то пересказывая, то перечисляя главнѣйшія изъ рѣшавшихся ими дѣлъ и давая общія характеристики этихъ учрежденій, а попутно и отдѣльныхъ ихъ членовъ. Особенно много мѣста занимаетъ у него изображеніе дѣятельности совѣта, которая въ первые годы по основаніи университета была цѣликомъ направлена на его устройство, путемъ приглашенія профессоровъ и преподавателей и привлеченія слушателей, и шла довольно гладко, а затѣмъ, уже во вторую половину охватываемаго книгой періода, встрѣтила серьезныя препятствія какъ извнѣ, такъ и внутри самой профессорской коллегіи, въ которой вспыхнули сильные раздоры. Условія, съ которыми приходилось считаться Харьковскому университету и которыя опредѣляли собою характеръ его дѣятельности, лишь въ меньшей своей части слагались изъ чисто-мѣстныхъ отношеній, въ гораздо же большей мѣрѣ они зависѣли отъ обще-русскихъ порядковъ и вліяній. Это обстоятельство придаетъ особый интересъ книгѣ г. Багалѣя, обращая ее въ довольно яркую подчасъ иллюстрацію исторіи русскаго высшаго образованія въ эпоху Александра I, исторіи, для которой много уже сдѣлано въ литературѣ, но которая до сихъ поръ еще не можетъ считаться изученной съ желательной подробностью. Широкая автономія, данная университетамъ въ первые годы царствованія Александра I, именно уставомъ 1804 г., недолго просуществовала въ полномъ объемѣ. Харьковскій университетъ уже на первыхъ порахъ послѣ своего открытія долженъ былъ испытать стѣсненія со стороны попечителя въ такомъ вопросѣ, какъ избраніе почетныхъ членовъ (253). Этой честью дорожили тогда и нѣкоторыя видныя лица, добиваясь ея иногда оригинальными способами. Такъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Кочубей заставилъ университетъ избрать себя въ почетные члены, обратившись къ нему съ благодарностью за такое избраніе, когда ему былъ доставленъ сборникъ произнесенныхъ на университетскомъ актѣ рѣчей (251). Въ началѣ второго десятилѣтія XIX вѣка вѣяніе близкой реакціи сказалось уже въ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія. Цензурный уставъ 1804 г. былъ, начиная съ 1811 г., дополненъ цѣлымъ рядомъ частныхъ распоряженій министерства, ограничившихъ полномо-

чія университетскихъ цензурныхъ комитетовъ; цензура должна была распространить свои дѣйствія и на произведенія, къ печати не предназначавшіяся: съ 1812 г. „частныя письма профессоровъ иностраннаго происхожденія передъ отсылкою заграницу должны были прочитываться съ цензурною цѣлью въ правленіи университета“ (400). И въ другихъ сферахъ своей дѣятельности университеты должны были въ эти годы испытать съуженіе принадлежавшихъ имъ прежде правъ, причемъ рѣдкія попытки сопротивленія быстро и жестоко подавлялись. Когда, въ 1812 г. харьковскій совѣтъ, стоя на вполнѣ законной почвѣ, вздумалъ было отстаивать передъ министерствомъ свое право на самостоятельное управленіе гимназіями и въ частности ревизію ихъ, ему пришлось вынести суровую кару: несмотря на жалкія мольбы спохватившихся профессоровъ о прощеніи, они были призваны въ мѣстное губернское правленіе и должны были выслушать тамъ строжайшій выговоръ, съ угрозой преданія суду въ случаѣ вторичнаго непослушанія (292—6). Другой вопросъ—была-ли полезна эта недолговѣчность университетскаго самоуправленія. Г. Багалѣй, по крайней мѣрѣ, въ результатѣ своего изслѣдованія приходитъ къ выводу, что эта форма самоуправленія, съ самаго же перваго момента, начала хорошо функціонировать, и рѣзкаго несоотвѣтствія ея съ жизнью не обнаружилось; „характерно при этомъ, продолжаетъ онъ, что и самыя распри, нарушавшія мирное теченіе дѣлъ, относятся уже не къ началу, а къ концу десятилѣтія, когда стало измѣняться отношеніе къ дѣлу просвѣщенія въ правящихъ сферахъ, и прежнее полное довѣріе къ университетамъ мало-по-малу постепенно превращалось въ такое же недовѣріе“ (404).

М. Е. Соколовъ. Былины историческія, военныя, разбойничьи и воровскія пѣсни, записанныя въ Саратовской губерніи. Петровскъ, 1896.

Г. Соколовъ рѣшительно, хотя и голословно, отвергаетъ мнѣніе, будто старыя пѣсни исчезаютъ понемногу изъ народнаго обихода. Напротивъ, по его словамъ, „старинныя пѣсни продолжаютъ существовать наряду съ городскими куплетами“, и ему даже „думается, что во всякой русской губерніи можно записать не менѣе 10,000 русскихъ народныхъ пѣсенъ и не менѣе 500 былинъ и историческихъ пѣсенъ“. Тѣмъ не менѣе,—должно быть, на первый разъ,—онъ издалъ изъ своего „рукописнаго сборника“ нѣсколько меньше, — всего 3 былины и 17 пѣсенъ, записанныхъ въ Саратовской губерніи, да 2 пѣсни, доставленныя ему изъ Рязанской губерніи. И то, разумѣется, хорошо, особенно для людей, которые не такъ твердо, какъ

г. Соколовъ, вѣрятъ въ богатство поющихся еще старинныхъ пѣсенъ. Не хорошо, пожалуй, только то, что издатель, напечатавъ почти исключительно варіанты, сокращенія и отрывки извѣстныхъ уже былинъ и пѣсенъ, нигдѣ не отмѣтилъ этого и не указалъ своему читателю на ихъ прототипы и варіанты въ сборникахъ Гильфердинга, Костомарова, Варенцова и др. Но и то сказать, г. Соколову видимо некогда было заниматься такими мелочами: собравъ двадцать пѣсенъ, онъ растекся мыслію по древу и на девяти страничкахъ „введенія“ къ своему изданію обличилъ—украинофильство! На первый взглядъ казалось бы, какая же связь между великорусскими пѣснями Саратовскаго края и украинофильствомъ? А г. Соколовъ не только нашелъ или, если хотите, создалъ такую связь, но еще и поразилъ украинофиловъ въ самое сердце, доказавъ, что малорусскаго языка не существуетъ. Нельзя сказать, чтобы эти обличительныя разсужденія покоились на особенно прочномъ фундаментѣ, но въ нихъ, при всей ихъ — да проститъ насъ г. Соколовъ! — забавности, есть и кое-что поучительное, и мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи подѣлиться ими съ читателемъ. Г. Соколовъ начинаетъ съ сообщенія, что въ Саратовской губерніи малороссы нерѣдко поютъ великорусскія пѣсни и наоборотъ, причемъ въ доказательство приводитъ только факты второго рода. Это послѣднее обстоятельство могло быть, однако, результатомъ простой забывчивости автора и не помѣшало бы еще намъ принять на вѣру первое его утвержденіе. Но дальше г. Соколовъ насъ уже совсѣмъ смущаетъ. „Малоруссы, говоритъ онъ, свои собственныя новѣйшія пѣсни слагаютъ на обще-русскомъ языкѣ, а не на малорусскомъ нарѣчіи“, и подтверждаетъ это примѣромъ одного крестьянина, сочинившаго двѣ пѣсни на русскомъ языкѣ. Далѣе оказывается, уже безъ всякихъ доказательствъ, что „саратовско-малорусскій говоръ можно относить къ числу великорусскихъ“ и что тамошніе малороссы скорѣе понимаютъ великоросса, чѣмъ полтавскаго или кіевскаго хохла, а объ „украйнофильскихъ книжонкахъ, въ родѣ произведеній Тараса Шевченка, выражаются вполнѣ презрительно: ни по-русски, ни по-хохлацки“. Не много-ли это?—подумали мы. Но нѣтъ, г. Соколову мало, и онъ продолжаетъ: „Сліяніе малоруссовъ съ великоруссами отрадно и поучительно... Признавая возможность и даже неизбѣжность слиянія всѣхъ русскихъ племенъ въ обще-русскомъ единствѣ и восхваляя политику старо-русскихъ и старо-московскихъ великихъ князей-обрусителей, я рѣзко расхожусь по данному вопросу съ славянофиломъ М. Кояловичемъ, который думалъ какъ разъ наоборотъ“. Кто можетъ возразить что-либо противъ этого? Во всякомъ случаѣ не мы: мы можемъ только радоваться, что отнынѣ даже г. Кояловичъ превзой-

денъ въ патріотизмѣ, хотя намъ и кажется, что на него (т. е. Кояловича) „въ данномъ вопросѣ" г. Соколовъ нѣсколько наклепалъ. Признавъ необходимость слiянія, издатель саратовскихъ пѣсенъ ставитъ вопросъ шире: онъ обращается именно къ такъ называемому малорусскому языку и уничтожаетъ его въ одно мгновеніе ока. Это совершается посредствомъ слѣдующей, до крайности простой манипуляціи: въ малорусской фонетикѣ имѣется нѣсколько (по счету г. Соколова—7) явленій, сходныхъ съ южно-великорусскимъ нарѣчіемъ и отличныхъ отъ сѣверно-великорусскаго. Отсюда ясно, что ,,если сравнивать малорусскую рѣчь съ обще-русскою, то можно говорить о малорусскомъ нарѣчіи, если же непосредственно сравнить малорусскую рѣчь съ южно-великорусскою, то нельзя говорить не только о малорусскомъ языкѣ, но и о малорусскомъ нарѣчіи,—можно будетъ признать существованіе только малорусскаго говора''. Посрамивъ такимъ образомъ филологовъ, не умѣвшихъ до сихъ поръ разрѣшить столь простой вопросъ способомъ, наиболѣе пріятнымъ для патріотическаго сердца, г. Соколовъ съ нѣкоторою, вполнѣ естественною, впрочемъ, суровостью заявляетъ, что малорусскій литературный или, по его терминологіи, украйнофильскій языкъ ,,по своей безполезности и искусственности отчасти напоминаетъ офенскій языкъ и тарабарскій", а самое ,,украйнофильство—недомысліе или софизмъ''. А впрочемъ, еслибы у малороссовъ и языкъ былъ свой особый, и племя бы составляли они отдѣльное, г. Соколовъ все-же не помиловалъ бы ихъ. Это раньше только смѣшивали племя съ націей, а теперь ,,для національнаго единства, какъ оказывается, совсѣмъ не нужно этнографическое единство, а потому, напримѣръ, еслибы малоруссы такъ же отличались отъ великоруссовъ, какъ негры отъ шведовъ, то и въ этомъ случаѣ не могло бы быть рѣчи о малорусской народности''. Отнявъ столь побѣдоноснымъ аргументомъ всякую возможность сопротивленія у бѣдныхъ малороссовъ, г. Соколовъ выдаетъ заключительный аттестатъ украйнофильству: ,,за исключеніемъ небольшого количества убѣжденныхъ украйнофиловъ, т. е. невѣждъ и наивныхъ романтиковъ, всѣ современные украйнофилы великорусскаго происхожденія играютъ роль тушинцевъ, а украйнофилы малорусскаго происхожденія — роль мазепинцевъ".

М. Дьяконовъ. Акты, относящіеся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ. Выпускъ I. Крестьянскія порядныя. Юрьевъ. 1895.

Подъ приведеннымъ заглавіемъ г. Дьяконовъ напечаталъ 78 актовъ, извлеченныхъ имъ изъ различныхъ московскихъ

архивовъ: изъ нихъ 76 собственно порядныхъ, ссудныхъ записей и поручныхъ по крестьянахъ и бобыляхъ-порядчикахъ, одна отпускная изъ крестьянства, выданная помѣщикомъ, и одна запись помѣщика своему крестьянину. Въ приложеніи издатель помѣстилъ перечень 133 ранѣе напечатанныхъ порядныхъ съ указаніемъ времени и мѣста ихъ изданія. Напечатанные самимъ г. Дьяконовымъ акты, за исключеніемъ одного лишь документа XVI вѣка, всѣ относятся къ XVII столѣтію и заключаютъ въ себѣ немалое количество цѣнныхъ данныхъ, позволяющихъ обогатить новыми и интересными подробностями какъ исторію крестьянскаго „ряда“ въ это время, такъ и нѣкоторыя другія стороны крестьянскаго быта, такъ мало еще до сихъ поръ представленнаго въ литературѣ и изслѣдованіями, и изданіями актовъ.

Метафизика и Логика (по поводу статей проф. Грота «О времени»). **Ю. А.** Съ 9 рисунками въ текстѣ. Херсонъ. 1896.

Въ предисловіи авторъ сообщаетъ, что предназначалъ свою работу для помѣщенія „въ какомъ нибудь изъ журналовъ“ и что „одинъ компетентный литераторъ“ совѣтовалъ „передѣлать“ ее въ фельетонъ и помѣстить въ „Новости“ (Петербургскія). „Передѣлывать въ фельетонъ свою статью, продолжаетъ авторъ, я нашелъ невозможнымъ, а потому дерзнулъ... Но, статья моя, совершивъ „кругосвѣтное путешествіе“, благополучно возвратилась обратно“.

Такова внѣшняя исторія появленія брошюры г. Ю. А. Что касается внутреннихъ мотивовъ, побудившихъ г. Ю. А. ополчиться на г. Грота, то они не менѣе интересны, чѣмъ разсказъ автора о „кругосвѣтномъ путешествіи“ его статьи по редакціямъ русскихъ журналовъ.

Дѣло вотъ въ чемъ. Изученіе исторіи философіи привело автора къ убѣжденію, что „человѣку *не дано* познать непознаваемое“ (стр. 5), какъ вдругъ оказалось, что „слишкомъ 2000 лѣтній урокъ ничему, вѣрно, не научилъ, ибо нынѣ, вотъ, забилъ тревогу пр. Гротъ“ (стр. 6).

По словамъ автора, г. Гротъ „забилъ тревогу“ о томъ, „что метафизика въ опасности“ и что слѣдуетъ поспѣшить на ея спасеніе. Вся эта „тревога“ поднята г. Гротомъ въ статьѣ „О времени“. „Изъ нея то, говоритъ авторъ, мы съ *поразительною ясностью* убѣждаемся въ томъ, что, *какъ-бы ни мѣнялись* пути и пріемы метафизиковъ, имъ не разрѣшить *заданной* себѣ задачи: что тщетно воображать, будто провиденціальное назначеніе метафизики стать „наукой наукъ“, и что неосновательно, наконецъ, только въ виду этихъ *будущихъ* благъ, высокомѣрно третировать науку *дѣйствительную*“ (стр. 3—4).

Все это, въ сущности, совершенно вѣрно, хотя и не ново. Убѣжденіе автора въ томъ, что человѣку „не дано познать непознаваемое“, убѣжденіе, вынесенное имъ изъ чтенія „Исторіи философіи“ Льюиса (см. стр. 5—6), также совершенно вѣрно, ибо еще Кузьма Прутковъ сказалъ: „плюнь въ лицо тому, кто скажетъ, что онъ можетъ обнять необъятное“. Но... обладаніе этими элементарными истинами еще недостаточно для самостоятельнаго отношенія къ философскимъ вопросамъ.

Излагать содержаніе брошюры г. Ю. А. нѣтъ ни возможности, ни надобности. Нѣтъ возможности потому, что она вся наполнена полемикою съ г. Гротомъ;—нѣтъ надобности потому, что авторъ очевидно не болѣе, какъ диллетантъ въ философской области. Да, конечно, только диллетантъ и могъ вообразить, что, опровергши брошюру г. Грота, онъ „съ поразительною ясностью“ докажетъ, „что, *какъ-бы ни мѣнялись* пути и пріемы метафизиковъ, имъ не рѣшить *заданной* себѣ задачи“ (стр. 4).

Не-«Университетская философія». Этюдъ I. О Времени. **Трансцендентально-кинетическая теорія времени. М. Аксенова.** Харьковъ, 1896 г.

Брошюру свою авторъ начинаетъ цитатою изъ Либмана, указывающею на то, „какой крѣпкій орѣхъ предложилъ разгрызть записнымъ метафизикамъ Кантъ своею теоріею пространства и времени“. Затѣмъ авторъ продолжаетъ:

„Смѣю думать, что благодаря десятилѣтнимъ усиліямъ моимъ, результатомъ которыхъ служитъ предлагаемая мною теорія, одинъ изъ орѣховъ, образующихъ (sic!) преподнесенный Кантомъ орѣхъ, если и не раскололся, то надтреснулъ. Начну съ вопроса, находящагося въ неразрывной, органической связи съ вопросомъ о времени, съ вопроса объ *измѣненіи*, и попрошу читателя стать на слѣдующую точку зрѣнія. Всѣ объекты нашего воспріятія простираются и въ четвертое измѣреніе, такъ что трехмѣрные для насъ объекты на самомъ дѣлѣ четырехмѣрны, *трансцендентально-эстетическая* же *точка*, звукъ, имѣетъ одно измѣреніе, четвертое. Всѣ объекты четырехмѣрнаго пространства пребываютъ въ абсолютномъ покоѣ, воспринимающее же въ насъ начало (нѣтъ надобности намъ пока въ изслѣдованіи его природы и въ точнѣйшемъ словесномъ его выраженіи—прибавляетъ авторъ въ примѣчаніи) непрестанно совершаетъ несознаваемое нами движеніе въ направленіи четвертаго измѣренія, по нормали къ нашему, трехмѣрному, пространству. — Такъ какъ, во-первыхъ, мы — существа трехмѣрныя, а значитъ, существа, неспособныя воспринимать объекты пространства четырехмѣрнаго, возвратиться же вспять по пути психическаго нашего движенія въ этомъ пространствѣ мы не можемъ, а во-вторыхъ, это наше движеніе нами не сознается, то, во-первыхъ, мы принимаемъ воспринимаемыя нами перпендикулярныя направленію четвертаго измѣренія трехмѣрныя сѣченія четырехмѣрно-пространственныхъ объектовъ за *цѣлые* объекты, а во-вторыхъ, намъ кажется, что движется гдѣ-то (гдѣ, мы не можемъ опредѣлить, вслѣдствіе сокровенности для насъ четырехмѣрнаго пространства; знаемъ только, что не въ нашемъ

пространствѣ) не то, что воспринимаетъ въ насъ, а все, нами воспринимаемое, включая сюда и собственное наше тѣло. Чѣмъ же окажется съ этой точки зрѣнія измѣненіе?"

Но здѣсь мы прервемъ нашу цитату и такъ таки и не сообщимъ читателямъ „Русскаго Богатства" о томъ, „чѣмъ окажется съ этой точки зрѣнія измѣненіе".

Мы поступимъ такъ рѣшительно не только потому, что „съ этой точки зрѣнія" измѣненіе окажется чѣмъ-то ни съ чѣмъ несообразнымъ, но главнымъ образомъ потому, что самая „эта точка зрѣнія" есть не что иное, какъ наборъ ученыхъ словъ. Авторъ не только начинаетъ съ совершенно произвольныхъ утвержденій, въ родѣ того, что „всѣ объекты нашего воспріятія простираются и въ четвертое измѣреніе", но еще вводитъ такія понятія, которыя играютъ пикантную, но въ научныхъ изслѣдованіяхъ неудобную роль „таинственныхъ незнакомцевъ". Такъ мы узнаемъ, что „воспринимающее въ насъ начало непрестанно совершаетъ несознаваемое нами движеніе въ направленіи четвертаго измѣренія". О томъ, что читателю „нѣтъ надобности" знать, что это за „воспринимающее въ насъ начало", объ этомъ и самъ авторъ категорически заявляетъ въ своемъ примѣчаніи; но онъ, вѣроятно, только по разсѣянности забываетъ прибавить, что читателю также нѣтъ надобности знать и то, путемъ какого сверхчеловѣческаго познавательнаго акта авторъ узналъ о существованіи „несознаваемаго нами" движенія этого неизвѣстнаго „воспринимающаго начала" въ направленіи невѣдомаго четвертаго измѣренія.

Но если читателю „нѣтъ надобности" знать содержаніе основныхъ понятій, надъ которыми оперируетъ авторъ, то ему также „нѣтъ надобности" знать и выводы, къ которымъ онъ приходитъ.

Біологическія основы медицины. Выпускъ первый. Д-ра мед. **П. Н. Прохорова.** (Въ пользу общества борьбы съ проказой въ С.-Петербургской губерніи). Изданіе В. И. Базилевскаго. Спб. 1896.

„Принципъ назначенія лѣкарственныхъ веществъ на единицу вѣса тѣла, сообразуясь съ индивидуальностью, причемъ больные ставятся въ одинаковыя условія пищи и помѣщенія,— крайне элементаренъ; но только сознательно уяснивъ сопоставленіемъ біологическихъ данныхъ необходимость такого назначенія, можно получать опредѣленные результаты, сравнивать ихъ между собою и производить имъ надлежащую оцѣнку. Развитіе этой мысли и составляетъ главную цѣль моего труда".

Такими словами заканчиваетъ д-ръ Прохоровъ предисловіе къ своей книгѣ. Основная мысль автора—необходимость инди-

видуализовать лѣкарственныя дозы—совершенно вѣрна. Можно только замѣтить, что медицина давнымъ давно признала ее. Не только старикамъ, людямъ среднихъ лѣтъ и дѣтямъ даются лѣкарства въ различныхъ дозахъ, но эта индивидуализація идетъ даже дальше. Для дѣтей, какъ извѣстно, доза варіируется не только сообразно съ числомъ ихъ лѣтъ, но даже и съ числомъ прожитыхъ ими мѣсяцевъ. Но нашъ авторъ мечтаетъ не о подобной индивидуализаціи. Онъ желаетъ, чтобы вѣсовыя отношенія лѣкарства и паціента были постоянны; т. е., чтобы фармакологія установила точно, что на одинъ килограммъ вѣса паціента такого-то лѣкарства слѣдуетъ давать *X* граммовъ, такого-то—*Y* граммовъ, а такого-то—*Z* граммовъ. Подобное требованіе нельзя не признать чрезмѣрнымъ. Не однимъ вѣсомъ больнаго должна опредѣляться доза лѣкарства; нужно принять еще во вниманіе и множество другихъ факторовъ, ну, хотя-бы способность организма всасывать лѣкарства.

Изъ четырехъ главъ, на которыя разбита разбираемая нами книга, только первая глава посвящена болѣе или менѣе непосредственно развитію основной мысли автора. Глава эта переполнена исторіями болѣзней. Остальныя три главы посвящены множеству различныхъ вопросовъ, связь которыхъ съ основною задачею автора не всегда ясна. Такъ, напримѣръ, въ перечнѣ содержанія гл. III мы находимъ, между прочимъ, такія рубрики: ...Односторонность химическихъ воззрѣній въ наукѣ о земледѣліи... Образованіе бѣлковыхъ веществъ въ перегноѣ... Неосновательность усматривать разумъ только въ проявленіи умственной дѣятельности человѣка, жизнь-же природы считать неразумною... Теорія эволюціи не говоритъ въ пользу матеріализма... Вопросъ о неуничтожаемости жизни и т. д., и т. д. А глава IV почти цѣликомъ посвящена культурѣ различныхъ растеній; подробно (съ приложеніемъ рисунковъ) описываются опыты культуры гіацинтовъ; много говорится о культурѣ картофеля и т. п.

Все это имѣетъ только весьма отдаленное отношеніе къ основной темѣ автора.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Изданія С.-Петербургскаго Комитета Грамотности.—Между матросами. Разсказъ **К. М. Станюковича**. Ц. 5 к.—Двѣ елки. Разсказъ **К. М. Станюковича**. Ц. 3 к.—Великанъ Іеусъ. Сказка **Жоржъ-Зандъ**. Ц. 5 к.—Крылья мужества. Сказка **Жоржъ-Зандъ**. Ц. 8 к.—Послѣдній

уронъ. Партія на билліардѣ. На паромѣ. Разсказы **А. Додэ**. Ц. 3 к.—Маленькій графъ. Разсказъ **Уйда**. Ц. 6 к.—Маленькій разсказъ. Клейменный рыжій. Разсказы **Дж. Верга**. Ц. 3 к.—Чародѣйка. Повѣсть **Жоржъ-Зандъ**. Ц. 15 к.—Около денегъ. Романъ **А. А. Потѣхина**. Ц. 25 к.—Свадебный маршъ. Повѣсть **Бьёрнстьерне-Бьёрнсона**. Ц. 6 к.—Мать. Разсказъ **Э. де-Амичиса**. Ц 3 к.—Наводненіе. Разсказъ **Э. Золя**. Ц. 3 к.—Нянька. Разсказъ **К. М. Станюковича**. Ц. 8 к.—Два дѣятеля. Разсказъ **Бьёрнстьерне-Бьёрнсона**. Ц. 5 к.—Басни **И. А. Крылова**. Полное собраніе. Ц. 35 к. Спб. 1896.

А. Желанскій. Басни. Москва. 1896. Ц. 1 р. 50 к.

Ф. М. Чеботаревъ. Облики. Очеркъ изъ дѣйствительной жизни. Орелъ. 1896.

Стихотворенія **Н. Чаева**. Москва. 1896. Ц. 1 р.

Lolo. Онѣгинъ нашихъ дней. (Романъ-фельетонъ въ стихахъ). Москва. 1896 Ц. 75 к.

Иванъ Рукавишниковъ. Сѣмя, поклеванное птицами. Повѣсть. Москва. 1896. Ц. 75 к.

Стихотворенія **В. Н. Ладыженскаго**. (Библ. «Русской Мысли») Москва. 1896. Ц. 25 к.

Драма на дворѣ. Повѣсть **И. Н. Потапенко**. (Библ. «Дѣтскаго Чтенія»). Москва. 1896. Ц. 60 к.

И. Мясницкій. Гостинодворцы. Повѣсть. Москва. 1896. Ц. 2 р.

А. Н. Лисовскій. Главные мотивы въ поэзіи Т. Г. Шевченко. Полтава. 1896. Ц. 25 к.

І. Шерръ. Всеобщая исторія литературы. Переводъ подъ ред. П. И. Вейнберга. Вып. XIII и XIV.

Н. Н. Страховъ. Философское ученіе о познаніи и достовѣрности познаваемаго. Изд. второе. Харьковъ. 1896. Ц. 50 к.

Августъ Бравэ. Изслѣдованіе о многогранникахъ симметрической формы. Переводъ съ предисловіемъ Як. Самойлова. Одесса. 1896.

Ежегодникъ по геологіи и минералогіи Россіи, издаваемый подъ редакціей Н. Криштафовича. Томъ I, вып. I (вторая половина). Варшава. 1896. Ц. 2 р.

Ручей и его исторія. (По Элизе Реклю) **Д. А. Коропчевскаго** (Библ. «Дѣтскаго Чтенія»). Москва. 1896. Ц. 50 к.

Д-ръ медиц. **Э. Ф. Беллинъ**. Отвѣтъ г. проф. судебной медицины Ѳ. А. Патенко. Харьковъ. 1896.

Ветеринарный сборникъ. Recueil de médecine vétérinaire. Подъ редакціей С. С. Евсѣенко. Варшава. 1896. Ц. 2 р.

Гигіена и санитарія въ примѣненіи къ земскимъ народнымъ школамъ Херсонской губерніи. Земскаго санит. врача **Н. П. Васильевскаго**. Херсонъ. 1896.

Труды Тибетской экспедиціи 1889—1890 гг. подъ начальствомъ М. В. Пѣвцова. Часть III. Спб. 1896.

Буряты Иркутской губерніи. **П. Е. Кулакова**.

Викторъ Бартеневъ. На крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири. Спб. 1896. Ц. 80 к.

Указатель къ изданіямъ Имп. Рус. Географ. Общ. и его отдѣловъ съ 1886 по 1895 годъ. Спб. 1896.

Отчетъ Совѣта Общества любителей изслѣдованія Алтая за 1895 г. Томскъ. 1896.

Сибирскій сборникъ. Вып. II-й. Подъ редакціею И. И. Попова. Иркутскъ. 1896.

Труды по участію Восточно-Сибирскаго отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ. на Всероссійской выставкѣ въ 1896 г. Иллюстрированное описаніе быта сельскаго населенія Иркутской губ. Составлено членами отдѣла **И. А. Молодыхъ и П. Е. Кулаковымъ**, подъ ред. П. П. Семенова. Спб. 1896.

Н. А. Варпаховскій. Рыбный промыселъ въ бассейнѣ рѣки Оби. Тобольскъ. 1896.

Извѣстія Имп. Рус. Географ. Общ. Томъ XXXII. 1896. Вып. I и II. Спб. 1896.

Промышленность. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1896. Ц. 1 р. 50 к.

Русскій рубль. Его исторія, экономическое значеніе и предстоящая реформа. **С. Сергѣева.** (Библ. общ. знаній, вып. 4-ый). Одесса. 1896. Ц. 40 к.

А. Шенбахъ. Государственный строй сѣверо-амер. Соединенныхъ штатовъ. (Междун. библ. № 5). Изд. третье. Ц. 15 к.

Антонъ Менгеръ. Общественныя задачи правовѣдѣнія (Междун. библ. № 43). Ц. 15 к.

О мѣропріятіяхъ Вятскаго губернскаго земства по улучшенію кустарной промышленности. Вятка. 1896.

Краткій очеркъ кустарной промышленности въ Вятской губ. Вятка. 1896.

Металлическія деньги. **В. Ст. Джевонса.** Переводъ Л. С. Зака. (Библ. общ. знаній, Вып. 5). Одесса. 1896. Ц. 30 к.

Бумажныя деньги. **В. Ст. Джевонса.** Переводъ Л. С. Зака. (Библ. общ. знаній, Вып. 6). Одесса. 1896. Ц. 30 к.

Къ вопросу о денежной реформѣ. **Г. Б. К.** Одесса. 1896.

Совѣтъ съѣзда нефтепромышленниковъ. Обзоръ бакинской нефтяной промышленности за 1895 г. Баку. 1896. Ц. 3 р.

Земледѣльческія артели Херсонской губерніи. Спб. 1896.

I. Д—въ. Кустарныя артели и кредитъ для нихъ. Черниговъ. 1896. Ц. 45 к.

Н. Н. Ѳирсовъ. Русскія торгово-промышленныя компаніи въ 1-ю половину XVIII стол. Казань. 1896.

Экономическія нужды Вятскаго края (по даннымъ земской статистики). Составилъ **А. Ковиковъ.** Вятка. 1896.

Исторія Греціи со времени Пелопонезской войны. Сборникъ статей. Вып. 2-ой. (Библіотека для самообразованія). Москва. 1896. Ц. 1 р. 75 к.

Культурно-историческая библіотека. I. **С. Р. Гардинеръ.** Пуритане и Стюарты. II. **О. Эйри.** Реставрація Стюартовъ и Людовикъ XIV. Переводъ съ англійскаго А. Каменскаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1896. Ц. 1 р. 75 к.

Исторія германскаго народа. **Карла Лампрехта.** Перев. съ нѣм. П. Николаева. Т. III. Ч. 5. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1896. Ц. 3 р.

Русская лошадь въ древности и теперь. Историко-иппологическое изслѣдованіе **И. К. Мердера и В. Э. Фирсова.** Спб. 1896. Ц. 2 р.

Отчетъ Баргузинской общественной библіотеки за 1895 годъ. Иркутскъ. 1896.

Д. Тяжельниковъ. Значеніе народнаго образованія въ разрѣшеніи нашего экономическаго кризиса.

Экономическая оцѣнка народнаго образованія. Очерки **И. И. Янжула, А. И. Чупрова и Е. Н. Янжулъ.** Спб. 1896. Ц. 50 к.

В. П. Вахтеровъ. Внѣшкольное образованіе народа. Москва. 1896. Ц. 1 р.

Краткій историческій очеркъ дѣятельности общ. распр. нач. образ. въ Нижегородской губерніи. Составилъ **Н. Іорданскій**. Казань. 1896.

О первоначальномъ преподаваніи игры на фортепіано въ семьѣ. **В. В. Демянскаго**. Спб. 1896. Ц. 20 к.

П. А. Литвинскій. Домашній уходъ за учащимся ребенкомъ. Спб. 1896. Ц. 50 к.

Что читать дѣтямъ до школьнаго возраста. Спб. 1896. Ц. 30 к.

С.-Петербургскій общественный театръ. Проектъ. **Ан. Н. Кремлева.**

Коммиссія по устройству Педагогическаго отдѣла Мин. Нар. Просв. на Всероссійской Художественно-Промышленной выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Каталогъ Ессентукской библіотеки и **отчетъ** по устройству разныхъ учрежденій, принадлежащихъ посѣтителямъ Ессентукской группы, Москва. 1896.

Доклады Полтавской уѣздной земской управы и ревизіонной коммиссіи XXXI очередному Полтавскому Уѣздному Земскому Собранію и журналы засѣданій этого собранія. Полтава. 1896.

Полтавское Губернское Земское Собраніе XXXI-го очереднаго созыва. Полтава. 1896.

Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1895 г. Полтава. 1896.

Отчетъ Тульской губернской земской управы за 1894 г. Тула. 1895.

Отчетъ Тульской губернской земской управы за 1893 г. Тула. 1894.

Протоколы засѣданій V съѣзда земскихъ врачей Тульской губ. Тула. 1894.

Доклады Тульской губернской земской управы XXXI очередному губ. земскому собранію. Тула. 1896.

Журналы Тульскаго губ. земскаго собранія XXXI очередной сессіи. Тула. 1896.

Отчетъ Тульской губернской земской управы о ея дѣйствіяхъ съ 1 октября 1894 г. по 1 ноября 1895 г. Тула. 1896.

Отчетъ о дѣйствіяхъ Тульской губ. земской управы за 1895 г. по постройкѣ новыхъ мощеныхъ путей. Тула. 1896.

Сельско-хозяйственный обзоръ Тульской губ. за 1892 г. Вып. 1-ый. Тула. 1896.

Статистическій обзоръ Саратовской губерніи. Отчетъ губ. статистич. комитета за 1895 г. Составилъ секретарь комитета **Ф. С. Шиманскій.** Саратовъ. 1896.

Состояніе хлѣбовъ и травъ въ Костромской губерніи въ первой половинѣ іюня 1896 г. Кострома. 1896.

А. Фортунатовъ. Задачи русской сельско-хозяйственной статистики.

Взаимное земское страхованіе въ Вятской губерніи за послѣдніе 10 лѣтъ. Вятка. 1896.

Земскій сборникъ Черниговской губерніи. 1896 г. № 6. Іюнь. Черниговъ. 1896.

Журналы Касимовскаго уѣзд. земск. собранія XXXI-го очереднаго созыва 1895 года. Касимовъ. 1896.

La science et l'art en économie politique, par René Worms. Paris. 1896.

La revue des femmes russes. Tome I. № 5—6, № 7—8.

Литература и жизнь.

Маленькій отдыхъ, который я позволилъ себѣ лѣтомъ, помѣшалъ мнѣ своевременно познакомиться съ «Отвѣтомъ Русскому Богатству» г. Медвѣдскаго, напечатаннымъ въ іюльской книжкѣ «Русскаго Вѣстника». А познакомившись съ нимъ, я довольно долго колебался: какъ поступить. Съ одной стороны, много было резоновъ въ пользу того, чтобы пройти мимо, ибо, во-первыхъ, есть мѣста, на которыхъ долго останавливаться просто противно, а во-вторыхъ, г. Медвѣдскій горитъ желаніемъ въ своемъ родѣ прославиться, ну, и пусть его собственными средствами въ своемъ родѣ прославляется; зачѣмъ же я ему буду помогать въ этомъ дѣлѣ, обращая на него вниманіе? Такъ и рѣшилъ было: пусть онъ горитъ и тухнетъ, какъ уже многіе и раньше его подобнымъ же пламенемъ горѣли, трещали, чадили и тухли, а я дровъ подкладывать не буду. И хотя г. Медвѣдскій съ чрезвычайною настойчивостью, какъ власть имѣющій, требуетъ отъ меня отвѣтовъ на нѣкоторые интересующіе его вопросы, но не одинъ я думаю, что поза вопросительнаго знака къ нему очень идетъ, и можно бы и не выводить его изъ этого положенія.

Въ «Новомъ Времени» въ № отъ 2 августа напечатана замѣтка г. Буренина подъ шутливымъ заглавіемъ «Анкроморскія битвы», посвященная г. Медвѣдскому и его полемическимъ упражненіямъ. Приведя заключительныя строки «отвѣта Русскому Богатству», г. Буренинъ пишетъ: «Такъ заканчиваетъ г. Медвѣдскій свое обращеніе къ г. Михайловскому, воображая, вѣроятно, что онъ закончилъ необыкновенно горячо, сильно и убилъ своего противника на-поваль, обозвавъ его «во всеуслышаніе» надпольнымъ анархистомъ. А между тѣмъ, если онъ кого либо убилъ, то развѣ только самого себя... Г. Михайловскій сдѣлалъ нѣкоторымъ образомъ честь «молодому перу» г. Медвѣдскаго, обратилъ вниманіе на его заблужденіе, старался выяснить г. Медвѣдскому, очевидно, не совсѣмъ ясныя для этого развязнаго «новаго человѣка», какъ онъ самъ себя называетъ, правила добраго журнальнаго поведенія. Ну, а вотъ теперь, послѣ того, какъ г. Медвѣдскій выпалилъ «передоваго бойца надпольнаго анархизма», г. Михайловловскій, надо думать, уже не сдѣлаетъ болѣе чести г. Медвѣдскому—не станетъ разговаривать съ нимъ. Почтенному публи-

цисту и критику «Русскаго Богатства» остается теперь только оглядѣть съ ногъ до головы г. Медвѣдскаго, дабы полюбоваться невыносимой прелестью этого новаго «бойца», и затѣмъ... Затѣмъ г. Михайловскій, пожалуй, можетъ плюнуть, а, пожалуй, даже и этимъ выраженіемъ презрѣнія не удостоить своего благороднаго противника».

Въ такомъ же родѣ отозвались «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Биржевыя Вѣдомости», «Русскія Вѣдомости», а «Вѣстникъ Европы» и «Наблюдатель» высказались еще по поводу первой атаки г. Медвѣдскаго. Сужденіе г. Буренина представляется мнѣ достойнымъ вниманія въ особенности вотъ въ какомъ отношеніи. У насъ часто говорятъ о кумовствѣ въ литературѣ, о томъ, что «свои» «своихъ» тянутъ, свои своихъ хвалятъ, свои своимъ все прощаютъ, а если «не нашего прихода», такъ не подвертывайся. Не буду разбирать, насколько вѣрно это мнѣніе вообще, но достовѣрно во всякомъ случаѣ, что мы съ г. Буренинымъ въ кумовствѣ не состоимъ. Онъ и самъ напоминаетъ объ этомъ. «Читатели не заподозрятъ меня въ пристрастно благосклонномъ отношеніи къ г. Михайловскому,—говоритъ онъ,—такъ какъ мы съ нимъ въ былые годы не разъ перевѣдывались на «анкроморскихъ кровавыхъ поляхъ» журналистики въ качествѣ литературныхъ противниковъ. Съ другой стороны, я не имѣю никакого нерасположенія къ г. Медвѣдскому и даже, пожалуй, по «человѣческой слабости» долженъ къ нему чувствовать нѣкоторую пріязнь, такъ какъ онъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» напечаталъ обо мнѣ этюдъ, въ которомъ изрядно восхвалилъ мою литературную дѣятельность. Тѣмъ не менѣе я прямо становлюсь на сторону г. Михайловскаго въ полемикѣ, о которой зашла рѣчь».

Если читатель припомнитъ, я именно предсказывалъ, что всякій писатель, сколько нибудь уважающій свое дѣло, безъ различія направленій и совершенно независимо отъ своихъ личныхъ или партійныхъ отношеній ко мнѣ или къ г. Медвѣдскому, скажетъ: да, г. Медвѣдскій виновенъ и не заслуживаетъ снисхожденія. Я былъ увѣренъ въ этомъ результатѣ, но все-таки не могу не порадоваться столь блистательному подтвержденію предсказанія. Могло бы вѣдь и такъ случиться, что всякій, ознакомившійся съ дѣломъ, въ душѣ дѣйствительно произнесъ бы правильный вердиктъ, но никто не счелъ бы этотъ случай достаточно интереснымъ, чтобы сказать свое обвинительное слово публично. Теперь же я имѣю лишній резонъ оставить «отвѣтъ Русскому Богатству» безъ вниманія. Если для третьихъ лицъ, для, очевидно, безпристрастныхъ свидѣтелей, дѣло до такой степени ясно, такъ о чемъ же еще разговаривать? Schwamm drüber, какъ говорятъ нѣмцы. Повторяю, я такъ и думалъ поступить. Но потомъ передумалъ. Противно то, конечно, противно, но вѣдь мало ли съ какими явленіями приходится имѣть дѣло нашему брату жур-

налисту, преодолѣвая чувство брезгливости! И если предметъ стоитъ того, — дѣлать нечего. Да, наконецъ, можно вѣдь и калоши надѣть, какъ вы ихъ надѣваете, когда вамъ идти куда нибудь нужно, а на улицѣ очень грязно. Спрашивается только, стоитъ ли овчинка выдѣлки и какъ надѣть калоши, говоря о г. Медвѣдскомъ? Обстоятельства складываются, мнѣ кажется, такъ, что оба эти вопроса разрѣшаются очень просто и притомъ единовременно, одинъ при помощи другого. Просматривая вышеупомянутые отзывы разныхъ органовъ печати о критическихъ и полемическихъ пріемахъ г. Медвѣдскаго, вы убѣждаетесь, что они касаются исключительно нравственной стороны дѣла, оцѣниваютъ благородство души г. Медвѣдскаго, и единодушіе отзывовъ позволяетъ считать этотъ вопросъ исчерпаннымъ: объ немъ, дѣйствительно, разговаривать больше не стоитъ. Но, кромѣ душевной красоты, г. Медвѣдскій обнаружилъ еще извѣстную логическую силу, извѣстную степень образованности и вообще извѣстныя умственныя качества, которыя дѣлаютъ его литературную физіономію, если и не привлекательною, то, можетъ быть, грозною. Пусть онъ пускаетъ въ ходъ средства, въ нравственномъ отношеніи по заслугамъ оцѣненныя, кромѣ «Русскаго Богатства», «Вѣстникомъ Европы», «Наблюдателемъ», «Новымъ Временемъ», «С.-Петербургскими Вѣдомостями», «Биржевыми Вѣдомостями», «Русскими Вѣдомостями» и, кажется, еще нѣкоторыми провинціальными изданіями; но можетъ быть это такъ умно, сильно, обставлено такимъ логическимъ и научнымъ аппаратомъ, что однимъ негодованіемъ нельзя въ данномъ случаѣ ограничиваться. Перенесемъ же дѣло въ чисто умственныя сферы.

Г. Медвѣдскій желаетъ сказать мнѣ возможно больше непріятностей. Я вхожу въ его положеніе и понимаю его желаніе, но долженъ сказать, что осуществляетъ его онъ очень неискусно, Онъ, между прочимъ, ругается, грубо, какъ на базарѣ ругаются. Ну, это пусть при немъ и остается. Я получилъ нѣкоторое воспитаніе и состязаться съ нимъ не буду. Затѣмъ, г. Медвѣдскій желаетъ зарекомендовать себя, по выраженію одного изъ дѣйствующихъ лицъ Островскаго, «патріотомъ своего отечества». Онъ говоритъ о «благѣ Россіи, сохраненіи и утвержденіи ея цѣлости, развитіи ея своеобразія, укрѣпленіи и разработкѣ всего того, что дѣлаетъ народъ способнымъ къ выполненію міровой культурной миссіи». Онъ почему то подчеркиваетъ эти слова, печатаетъ ихъ курсивомъ и зачѣмъ то грозно прибавляетъ: «Кто не сходится съ нами на этомъ пунктѣ, тотъ долженъ быть для насъ хуже язычника и мытаря, съ тѣмъ не можетъ быть никакихъ компромиссовъ, и если мы дѣйствительно вѣримъ въ нашу правду, если насъ точно вдохновляетъ наша истина,—мы обязаны вести борьбу не на животъ, а на смерть, безъ единой уступки, безъ тѣни снисхожденія»... Какая величественная и грозная картина! Даже подумать страшно:

г. Медвѣдскій борется не на животъ, а на смерть, безъ тѣни снисхожденія... Допуская, однако, что нашему отечеству грозятъ серьезныя опасности, если г. Медвѣдскій окажетъ хоть какое нибудь снисхожденіе язычникамъ и мытарямъ и тѣмъ, кто хуже ихъ, я долженъ всетаки сказать, что всѣ разсужденія г. Медвѣдскаго о патріотизмѣ—ни къ чему. Ни въ первой его вылазкѣ противъ «Русскаго Богатства», вызвавшей мою отповѣдь, ни въ этой отповѣди, — о патріотизмѣ и о томъ, какъ его надо понимать и осуществлять, не было рѣчи. Ничто, конечно, не мѣшаетъ г. Медвѣдскому повести разговоры и на эту, и еще на какую нибудь новую тему, но собственно въ «*отвѣтѣ* Русскому Богатству» это элементъ совершенно лишній, ничѣмъ предъидущимъ не вызванный, имѣющій цѣлью лишь заявить urbi et orbi, что Россія можетъ быть спокойна, ибо на стражѣ ея интересовъ и достоинства стоитъ г. Медвѣдскій. Вѣроятно такое заявленіе зачѣмъ нибудь нужно г. Медвѣдскому, однако мы всетаки остановимся въ «отвѣтѣ» только на томъ, что дѣйствительно составляетъ отвѣтъ или, по крайней мѣрѣ, сколько нибудь похоже на него.

Дѣло шло не о Россіи, во всемъ объемѣ ея интересовъ и достоинства, а о предметѣ гораздо болѣе частномъ. Припомнимъ обстоятельства дѣла.

Г. Медвѣдскій такъ освѣтилъ мнѣнія нѣкоторыхъ профессоровъ, что «Русская Мысль» назвала это освѣщеніе «политическимъ доносомъ». Г. Медвѣдскій обидѣлся. Онъ находилъ, что нельзя назвать доносомъ какое бы то ни было указаніе въ печати, такъ какъ, во-первыхъ, оно громогласно, во-вторыхъ, передъ инкриминированнымъ лицомъ лежитъ свободный путь такого же открытаго опроверженія въ печати, въ-третьихъ, если этотъ путь почему нибудь неудобенъ, инкриминированное лицо можетъ обратиться въ судъ. Затѣмъ г. Медвѣдскій обратилъ свое неблагосклонное вниманіе на «Русское Богатство». Пріемы его изслѣдованія меня заинтересовали, а вмѣстѣ съ тѣмъ заинтересовалъ и вопросъ о доносчикахъ: что это за люди, почему ихъ часто презираютъ даже тѣ, кто ихъ услугами пользуются, а иногда и не могутъ не пользоваться, что такое доносъ, чѣмъ онъ отличается отъ другихъ указаній или обличеній. Я принялъ во вниманіе и разсужденія г. Медвѣдскаго по поводу брошеннаго ему «Русскою Мыслью» обвиненія въ доносительствѣ; но, желая дать своей маленькой работѣ возможно солидный, для бѣглой замѣтки, видъ, обратился и къ научному труду — къ курсу уголовнаго права Н. С. Таганцева. Теперь г. Медвѣдскій удивляется, зачѣмъ это мнѣ понадобилось цитировать курсъ г. Таганцева, потому что вѣдь тамъ говорится о «тайномъ доносѣ», который противополагается «гласному обвиненію преступника». Совершенно справедливо, и я это противоположеніе сохранилъ въ своей цитатѣ, но въ свою очередь удивляюсь удивленію г. Медвѣдскаго. Поднявъ перчатку, брошенную ему «Рус-

скою Мыслью», онъ самъ заговорилъ о доносѣ и доносчикахъ, а я пожелалъ по возможности всесторонне осмотрѣть этотъ предметъ и, между прочимъ, остановился на фактѣ всеобщаго презрѣнія къ доносчикамъ. Мнѣ интересно было при этомъ отмѣтить, что ученый криминалистъ, теоретикъ и практикъ, признаетъ этотъ фактъ, даетъ ему свою санкцію и нѣкоторое, хотя и не полное объясненіе. Если все это не относится лично къ г. Медвѣдскому, то во всякомъ случаѣ входитъ въ составъ темы, имъ самимъ на общее обсужденіе предложенной. А если цитата изъ курса г. Таганцева подтверждаетъ мнѣнія, высказанныя г. Медвѣдскимъ, то тѣмъ лучше для него. Претендовать ему тутъ не на что. Но и я съ своей стороны не жалѣю о томъ, что цитировалъ курсъ г. Таганцева.

Нельзя сказать, чтобы въ принципѣ мы совершенно разошлись съ г. Медвѣдскимъ относительно того, что слѣдуетъ понимать подъ словами «доносъ», «доносчикъ». Правда, на первый взглядъ онъ какъ будто даже совсѣмъ упраздняетъ самое понятіе печатнаго доноса, потому что вѣдь печатное слово есть всегда открытое, гласное слово. Слѣдовательно, «печатный доносъ», въ презрительномъ смыслѣ этого слова, есть nonsens, безсмыслица, миѳъ, созданный услужливымъ воображеніемъ или лицемѣріемъ «либераловъ», которымъ нечего возразить на направленныя противъ нихъ обвиненія. Печать есть арена открытой борьбы мнѣній, вспомоществуемая въ крайнемъ случаѣ (въ случаѣ клеветы) судомъ. Таковъ ходъ мысли г. Медвѣдскаго. Но вотъ самъ же г. Медвѣдскій писалъ въ «Наблюдателѣ»: «Пора бы нашимъ «консерваторамъ» выбросить за бортъ истрепанную мѣрку полицейской благонадежности; пора бы воспитать въ себѣ хоть малую толику уваженія къ обществу просвѣщенныхъ и кое-что понимающихъ людей; пора бы перестать и лгать». Изъ этого слѣдуетъ, что, по мнѣнію самаго г. Медвѣдскаго, печать можетъ и не быть ареною свободной борьбы мнѣній, ибо есть писатели, выступающіе на нее съ внѣ-литературнымъ оружіемъ въ рукахъ. Затѣмъ и въ «Русскомъ Вѣстникѣ» г. Медвѣдскій любезно указываетъ нѣкоторые признаки, выдѣляющіе доносъ изъ произведеній печати вообще, изъ полемики, критики и публицистики въ частности. Чтобы статья не имѣла характера доноса, недостаточно того, чтобы она содержала въ себѣ открыто высказанное сужденіе или обвиненіе, а надо еще, чтобы она не устраняла возможности возраженія, чтобы не прерывался насильственно тотъ choc des opinions, изъ котораго jaillit la vérité. Это явственно вытекаетъ изъ того, что г. Медвѣдскій парируетъ обвиненіе «Русской Мысли» указаніемъ на возможность отвѣчать ему въ печати же. Такимъ образомъ г. Медвѣдскій самъ вводитъ въ свою слишкомъ уже расплывающуюся точку зрѣнія весьма существенное ограниченіе, которое и слѣдуетъ, конечно, принять. Такъ что въ принципѣ мы, значитъ, совершенно

согласны съ г. Медвѣдскимъ. Остается только прилагать найденный принципъ къ конкретнымъ частнымъ случаямъ, но теперь мы этимъ заниматься не будемъ, такъ какъ условились не снимать калошъ.

Предоставляемъ, между прочимъ, самому читателю привести вышеизложенное въ связь съ слѣдующею замѣчательною мыслью, выраженною въ «отвѣтѣ Русскому Богатству»: «Мы не для того, полагаю, ведемъ разговоры въ присутствіи многочисленной аудиторіи, чтобы показывать діалектическіе фокусы, и, выражаясь грубо, конечною цѣлью каждый имѣетъ прижать противника къ стѣнѣ». Мнѣ кажется, что здѣсь груба не столько форма выраженія, сколько облеченная въ нее мысль. Особенно, если принять въ соображеніе способъ, которымъ г. Медвѣдскій рекомендуетъ прижимать противника къ стѣнѣ: «*неудобными* (курсивъ г. Медвѣдскаго) вопросами». Доселѣ даже тѣ, кто практиковалъ этотъ способъ, не возводили его открыто въ теоретическій принципъ, а нынѣ вотъ какъ наивно раскрываются карты: что тамъ за choc des opinions, что за vérité и прочіе «діалектическіе фокусы»! Надо просто ставить вопросы такъ, чтобы на нихъ «неудобно» было отвѣчать. Мы, люди чуждые г. Медвѣдскому, можемъ только благодарить его за сообщеніе этого секрета партійной тактики. Но люди тѣхъ принциповъ, въ защиту которыхъ самозванно выступаетъ г. Медвѣдскій, едва ли обязаны ему благодарностью: это защитникъ компрометирующій. Дочитавъ предлагаемую статью до конца, читатель, надѣюсь, вполнѣ въ этомъ убѣдится. Дѣло въ томъ, что, кромѣ желанія прижать противника къ стѣнѣ, заставить его не «діалектическими фокусами», а «неудобными вопросами» замолчать; кромѣ, говорю, этого желанія, степень благородства котораго пусть оцѣниваетъ кто хочетъ, нужно еще умѣнье. И мы сейчасъ увидимъ, каково умѣнье г. Медвѣдскаго.

Въ своей первой и совершенно внезапной вылазкѣ противъ «Русскаго Богатства» г. Медвѣдскій утверждалъ, что, читая нашъ журналъ, можно позабыть о существованіи въ Россіи «не только предварительной, а и послѣдующей цензуры». Вотъ,—говорилъ онъ,—у насъ жалуются на стѣсненія печати, даже въ Европу эти жалобы проникли, а посмотрите-ка, что пишутъ въ «Русскомъ Богатствѣ»! При этомъ, однако, г. Медвѣдскій обнаружилъ совершенное непониманіе того, что значитъ свобода печати, и но истинѣ удивилъ бы Европу, еслибы она узнала изъ его сообщенія, что это столь необузданное «Русское Богатство» оперируетъ «коварными умыслами» и «иносказаніями» и что цензоръ будто бы можетъ въ Россіи «вычеркивать сколько ему угодно»,—таковъ одинъ изъ пріемовъ, которыми г. Медвѣдскій охраняетъ достоинство Россіи. Но, быть можетъ, еще болѣе удивилась бы Европа, еслибы узнала, что именно въ «Русскомъ Богатствѣ» русскій писатель, хотя бы онъ назывался и Медвѣдскимъ, считаетъ непра-

вильно ускользнувшимъ отъ бдительности цензуры «не только предварительной, а и послѣдующей». Во всякомъ случаѣ теперь, въ «отвѣтѣ», г. Медвѣдскій уже какъ будто беретъ отчасти назадъ свое показаніе о нашей необузданности. Онъ говоритъ: «Кому—кому, а «Русскому Богатству» мы отъ души (даже отъ души!) желали бы того «простора рѣчи», при которыхъ оно могло бы высказать всѣ свои задушевныя мысли, съ математическою точностью изложить свои взгляды, однимъ словомъ, *договориться до конца*» (курсивъ, какъ и вездѣ далѣе, г. Медвѣдскаго, онъ очень любитъ курсивъ). A la bonne heure! Вотъ и еще пунктъ, на которомъ мы вполнѣ сходимся съ г. Медвѣдскимъ: мы того же желаемъ. «Но это когда еще случится»,—разочарованно прибавляетъ г. Медвѣдскій. Значитъ, до сихъ поръ предварительная и послѣдующая цензура еще не заслуживала упрека въ недостаткѣ бдительности, и всѣ разговоры г. Медвѣдскаго на эту тему—просто пустяки. Ниже мы увидимъ, что собственно обозначаетъ та любезность, съ которою г. Медвѣдскій желаетъ намъ теперь полнаго «простора рѣчи». А пока я обращаю вниманіе читателей на ловкость и грацію, съ которыми мысли этого писателя прыгаютъ другъ черезъ друга: по его первоначальному показанію, мы пользуемся такимъ «просторомъ рѣчи», что даже для Европы удивительно, а теперь оказывается, что «это когда еще случится»; онъ намъ «отъ души» желаетъ «простора рѣчи», но въ то же время хочетъ прижать насъ къ стѣнѣ «неудобными вопросами».

«Но это когда еще случится, — говоритъ г. Медвѣдскій, — а нынѣ приглашаю г. Михайловскаго, попросту и безъ затѣй, *отвѣтить* на предложенные нами *вопросы*. Теперь дѣло стоитъ, кажется, настолько ясно, что увильнуть мудрено».

Съ величайшимъ удовольствіемъ отвѣчу, и именно попросту, безъ затѣй, хотя это тѣ самые будто бы ужасно неудобные вопросы, которыми г. Медвѣдскій думаетъ прижимать противника къ стѣнѣ. Собственно говоря, не только такой умный человѣкъ, какъ г. Медвѣдскій, а, по нѣмецкой поговоркѣ, даже ein Narr kann zehn Mahl mehr fragen, als ein kluger antworten, но для г. Медвѣдскаго я готовъ потрудиться. Я никогда не забуду, что въ «Наблюдателѣ» онъ предлагалъ вотировать мнѣ благодарность отечества. Онъ писалъ: «Г. Михайловскій имѣетъ право на признательность со стороны русскаго общества, но послѣдніе годы его литературной дѣятельности отмѣчены усталостью». Со стороны человѣка, грозно охраняющаго интересы и достоинство Россіи и безъ снисхожденія истребляющаго язычниковъ и мытарей и тѣхъ, кто хуже ихъ,—согласитесь, это аттестація слишкомъ лестная, чтобы я, хотя и усталый, но всетаки благодарный, могъ отказаться исполнить просьбу г. Медвѣдскаго. Да и просьба то пустяковая: отвѣтить на предложенные имъ «неудобные» вопросы

можно съ большимъ удобствомъ. Надо только сначала напомнить ихъ исторію.

Въ первый вылазкѣ, дѣлая косвенный, но строгій выговоръ цензурному вѣдомству, г. Медвѣдскій обратилъ свое неблагосклонное вниманіе на слѣдующія статьи «Русскаго Богатства»: статью г. Иванова о Тэнѣ, парижскія корреспонденціи г. Н. К., «Въ мірѣ отверженныхъ» г. Мельшина, «Дневникъ журналиста» г. Южакова и мои литературныя и житейскія замѣтки. Я опредѣлилъ общій характеръ этихъ указаній такъ: благодаря «страшнымъ» словамъ, въ родѣ революція, якобинцы, радикализмъ и проч., на самыя простыя вещи напущенъ туманъ «неблагонамѣренности», но ничего существеннаго, ничего такого, на что стоило бы и даже можно было возражать. Для демонстраціи я взялъ первое и послѣднее указаніе и, должно быть, демонстрировалъ ихъ удачно, потому что теперь, въ «отвѣтѣ», г. Медвѣдскій ихъ уже не касается, признаетъ ихъ, стало быть, выбывшими изъ строя его аргументаціи. Но за то съ тѣмъ большею энергіей настаиваетъ онъ на своихъ остальныхъ указаніяхъ. Зачѣмъ, говоритъ, вы остальное «смазали»? Потрудитесь-ка отвѣчать, да не виляйте!

Зачѣмъ вилять! Я приведу вопросы г. Медвѣдскаго его подлинными словами, такъ именно, какъ они формулированы въ «отвѣтѣ», затѣмъ постараюсь удовлетворить его любознательность и, наконецъ, сдѣлаю нѣкоторый общій выводъ.

Пунктъ первый, о французскихъ корреспонденціяхъ. «Совѣтъ (корреспондента) «позаимствовать кое-что» у современнаго француза показался намъ (г. Медвѣдскому) любопытнымъ, такъ какъ изъ положительныхъ французскихъ качествъ авторъ называетъ три: искусство *пропагандировать*, *агитировать и ораторствовать* (курсивъ, какъ и далѣе, принадлежитъ г. Медвѣдскому). На нашъ взглядъ «позаимствованіе» подобныхъ добродѣтелей намъ ничего, кромѣ вреда, принести не можетъ. Корреспондентъ «Русскаго Богатства» и г. Михайловскій вольны дивиться нашему невѣжеству, но вѣдь возражать то *есть на что*, вѣдь споръ *по существу* о необходимости или ненужности изученія искусства пропагандировать и агитировать—*мыслимъ?*»

А ужъ, право, не знаю, мыслимъ ли. Должно быть, мыслимъ, если г. Медвѣдскій его поднимаетъ, да еще съ такимъ побѣдоноснымъ видомъ. Но мнѣ, признаться, стыдно принимать хотя бы и невольное, вынужденное участіе въ такомъ спорѣ. Дѣлать нечего, однако: взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ. Преодолѣлъ же я нѣкоторый конфузъ, доказывая г. Медвѣдскому, по поводу статьи г. Иванова, что сочиненіе Тэна о французской революціи не есть каноническая книга, которую русская цензура должна охранять отъ критики. Что касается собственно ораторскаго искусства, то удовлетворить любознательность г. Медвѣдскаго могъ бы любой гимназистъ среднихъ классовъ, потому что,

если не ошибаюсь, уже въ среднихъ классахъ гимназіи изучаются образцы ораторскаго искусства древнихъ и внушается ученикамъ мысль о его значеніи; да и по русскому языку задаются сочиненія на эту тему, причемъ учитель едва-ли поставитъ хорошую отмѣтку гимназисту, который сталъ бы доказывать, что ораторское искусство «намъ ничего, кромѣ вреда, принести не можетъ». Пусть такъ, скажетъ г. Медвѣдскій,—это я, дѣйствительно, не подумавши, съ маху брякнулъ, но «агитація», «пропаганда»?! И я представляю себѣ глубокую взволнованность души г. Медвѣдскаго при произнесеніи этихъ страшныхъ словъ. Но почтенная редакція «Русскаго Вѣстника» легко можетъ успокоить своего публициста, поднеся ему какой-нибудь толкователь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ употребленіе въ русскомъ языкѣ. Въ ожиданіи этого счастливаго для русской литературы или, по крайней мѣрѣ, для «Русскаго Вѣстника» событія, заглянемъ въ инкриминированныя корреспонденціи г. Н. К. Вотъ, напримѣръ, на стр. 142 въ № 3 «Русскаго Богатства» нашъ корреспондентъ, останавливаясь на Вольтерѣ, какъ на типичномъ представителѣ французской мысли, приводитъ, между прочимъ, заключительныя строки его письма къ одному изъ друзей: «Я хочу учиться и хочу любить васъ; я хочу, чтобы вы сдѣлались ньютоніанцемъ, чтобы вы такъ же понимали эту философію, какъ вы умѣете любить людей». Затѣмъ корреспондентъ нашъ прибавляетъ отъ себя: «Вотъ это «я хочу учиться, хочу любить васъ и хочу, чтобы вы сдѣлались ньютоніанцемъ» можетъ быть лучше характеризуетъ француза, чѣмъ цѣлые томы разсужденій. Эта жажда знанія, но съ цѣлью пропаганды, эта страсть пропаганды, но въ виду улучшенія живыхъ людей, которые насъ окружаютъ, является могущественнымъ двигателемъ французской націи». Читатель понимаетъ теперь въ чемъ дѣло. «Агитація», «пропаганда»,—это для публициста «Русскаго Вѣстника» то же самое, что «жупелъ» для замоскворѣцкой купчихи. Въ его умѣ эти существительныя неразрывно ассоціировались съ прилагательнымъ «преступный», а агитаціи и пропаганды «по существу» онъ не понимаетъ, какъ не понимаютъ ихъ герои разсказовъ г. Лейкина. Есть малороссійскій водевиль «По ревизіи». Тамъ писарь, хватившій цивилизаціи, выражается такъ: «откатегоряемъ усю систему въ свое время». Вотъ и публицистъ «Русскаго Вѣстника» желаетъ «откатегорять усю систему». Выдѣлить общее понятіе агитаціи и пропаганды ему не позволяетъ даже то обстоятельство, что обличаемый имъ корреспондентъ говоритъ о пропагандѣ ньютоновой философіи. Кто ее тамъ знаетъ, какая такая философія, а вотъ насчетъ «пропаганды» г. Медвѣдскаго ужъ не собьешь! Правда, во Франціи идетъ агитація въ виду самыхъ разнообразныхъ цѣлей и пропаганда самыхъ разнообразныхъ идей—научныхъ, философскихъ, художественныхъ, политическихъ, а въ составѣ по-

слѣднихъ есть идеи монархическія, республиканскія, клерикальныя, соціалистическія, пропаганда «реванша» и пропаганда мира, агитація въ пользу франко-русскаго союза и агитація противъ него. Гдѣ же во всемъ этомъ разобраться просвѣщенному публицисту «Русскаго Вѣстника», ну, онъ и «категоряетъ всю систему», а за одно прихватываетъ и ораторское искусство въ число вещей, которыя «намъ ничего, кромѣ вреда, принести не могутъ». И это серьезная публицистика! Этакъ то вооруженный человѣкъ беретъ на себя миссію стоять на стражѣ интересовъ и достоинства Россіи!

Второй пунктъ: о «Дневникѣ журналиста». Г. Медвѣдскій говоритъ: «Выписавъ нѣсколько строкъ изъ «Дневника журналиста», характеризующихъ до-Петровскую Русь, мы *спрашиваемъ*: «неужели въ этихъ строкахъ содержится сколько нибудь вѣрный обликъ состоянія до-Петровской Руси?» Вотъ г. Михайловскому и слѣдовало бы *отвѣтить*, какъ по его мнѣнію—точный это или не точный, вѣрный или невѣрный обликъ. Затѣмъ, намъ кажется возмутительною нелѣпостью помѣщеніе въ одномъ перечнѣ съ «рабствомъ земледѣльческихъ массъ» и «затворничествомъ женщины»—*вѣры* русскаго народа *въ свою избранность*. Г. Михайловскій недоумѣваетъ—что опровергать, съ чѣмъ спорить, а вопросъ самъ собою формулируется: объясните, докажите, что «вѣра въ избранность» не лучше «рабства земледѣльческихъ массъ», и все будетъ въ порядкѣ. Интересно также послушать о «растлѣвающемъ режимѣ Іоанна IV», ибо мы, въ простотѣ душевной, убѣждены, что «онъ царство *создавалъ* и—царство создалось», слѣдовательно ужъ никакимъ образомъ нельзя толковать о «растлѣніи», не давая себѣ труда облечь мысль въ сколько нибудь пристойную, серьезную форму. На данную тему такъ же, какъ и на предъидущую, мы непремѣнно будемъ еще бесѣдовать, потому что нѣтъ ничего возмутительнѣе практикуемой радикальными журналистами эксплоатаціи невѣжества нашей «интеллигенціи» по части русской исторіи. Стало быть здѣсь мы снова сталкиваемся *съ вопросомъ,* и очень важнымъ вопросомъ, который напрасно оставленъ г. Михайловскимъ втунѣ».

Судя по тону, г. Медвѣдскій должно быть спеціалистъ по русской исторіи, и я готовъ съ величайшею почтительностью встрѣтить то его будущее изслѣдованіе по этому обширнѣйшему предмету, въ которомъ онъ разсѣетъ мракъ невѣжества нашей интеллигенціи. Но, въ ожиданіи этого роскошнаго пира науки и тѣхъ крохъ, которыя, можетъ быть, и намъ грѣшнымъ перепадутъ съ богатаго стола г. Медвѣдскаго, приходится довольствоваться трудами другихъ историковъ. Вотъ, напримѣръ, г. Медвѣдскому «интересно послушать о «растлѣвающемъ режимѣ Іоанна IV». Очевидно, онъ до такой степени занятъ собственными оригинальными изслѣдованіями по русской исторіи, что не удосужился до сихъ поръ

заглянуть ну хоть, напримѣръ, въ «Исторію государства россійскаго» Карамзина. Въ VII главѣ IX тома этого неизвѣстнаго г. Медвѣдскому сочиненія есть слѣдующія строки. Упомянувъ о Калигулѣ и Неронѣ, Карамзинъ продолжаетъ: «Они были язычники; но Людовикъ XI былъ христіанинъ, не уступая Іоанну ни въ свирѣпости, ни въ наружномъ благочестіи, коимъ они хотѣли загладить свои беззаконія: оба набожные отъ страха, оба кровожадные и женолюбивые, подобно азіатскимъ и римскимъ мучителямъ. Изверги внѣ законовъ, внѣ правилъ и вѣроятностей разсудка: сіи ужасные метеоры, сіи блудящіе огни страстей необузданныхъ озаряютъ для насъ, въ пространствѣ вѣковъ, бездну возможнаго человѣческаго разврата, да видя содрагаемся!» Далѣе Карамзинъ указываетъ на то, что Грозный царь «губительной рукой касался самыхъ будущихъ временъ: ибо туча доносителей, клеветниковъ, кромѣшниковъ, имъ образованныхъ, какъ туча гладоносныхъ насѣкомыхъ, исчезнувъ, оставили злое сѣмя въ народѣ; и если иго Батыево унизило духъ россіянъ, то безъ сомнѣнія не возвысило его и царствованіе Іоанново». Это вѣдь именно то, что г. Медвѣдскому «интересно послушать». Я могъ бы привести еще много подобныхъ и даже еще болѣе рѣзкихъ характеристикъ «растлѣвающаго режима Іоанна IV», но полагаю, что Карамзинъ, какъ оффиціальный исторіографъ, особенно интересенъ для г. Медвѣдскаго. Ну, да и для читателя небезъинтересно знать, что публицисту «Русскаго Вѣстника», собирающемуся разсѣять мракъ нашего невѣжества по части русской исторіи, неизвѣстна «Исторія государства россійскаго», съ которою юношество начинаетъ знакомиться въ гимназіяхъ. Было бы очень поучительно войти здѣсь въ нѣкоторыя подробности, но насъ ждутъ другіе вопросы г. Медвѣдскаго, и я сдѣлаю еще одну только ссылку въ поученіе г. Медвѣдскому. Пусть онъ прочтетъ предисловіе гр. Алексѣя Толстого къ роману «Князь Серебряный», посвященному императрицѣ Маріи Александровнѣ. Тамъ есть слѣдующія строки: «Въ отношеніи къ ужасамъ того времени авторъ постоянно оставался ниже исторіи. Изъ уваженія къ искусству и нравственному чувству читателя онъ набросилъ на нихъ тѣнь и показалъ ихъ, по возможности, въ отдаленіи. Тѣмъ не менѣе, онъ сознается, что при чтеніи источниковъ книга не разъ выпадала у него изъ рукъ, и онъ бросалъ перо въ негодованіи, не столько отъ мысли, что могъ существовать Іоаннъ IV, сколько отъ той, что могло существовать такое общество, которое смотрѣло на него безъ негодованія». Пусть, далѣе, въ стихотвореніяхъ гр. А. Толстого, опять таки посвященныхъ императрицѣ Маріи Александровнѣ («Къ твоимъ, Царица, я ногамъ несу и радость, и печали» и т. д.), г. Медвѣдскій прочтетъ слѣдующую картину:

„Вдругъ гремятъ тулумбасы, идетъ караулъ,
Гонитъ палками встрѣчныхъ съ дороги;

Ѣдетъ царь на конѣ, въ зипунѣ изъ парчи,
А кругомъ съ топорами идутъ палачи,
Его милость сбираются тѣшить:
Тамъ кого то рубить или вѣшать". И т. д.

Пойдемъ дальше.

«Намъ кажется возмутительною нелѣпостью—говоритъ г. Медвѣдскій—помѣщеніе въ одномъ перечнѣ съ «рабствомъ земледѣльческихъ массъ» и «затворничествомъ женщины»—*вѣры* русскаго народа *въ свою избранность*. Г. Михайловскій недоумѣваетъ—что опровергать, съ чѣмъ спорить, а вопросъ самъ собою формулируется; объясните, докажите, что «вѣра въ избранность» не лучше «рабства земледѣльческихъ массъ», и все будетъ въ порядкѣ».

Долженъ признаться, что этотъ вопросъ поставленъ, дѣйствительно, «неудобно», но собственно только въ логическомъ смыслѣ. Что лучше—гордость или дырявые сапоги?—на это я не могу отвѣтить. Но что гордый человѣкъ можетъ ходить въ дырявыхъ сапогахъ, это я утверждать рѣшаюсь. «Вѣра въ свою избранность» и «рабство земледѣльческихъ массъ» непосредственному сравненію не подлежатъ, но что они могутъ быть «помѣщены въ одномъ перечнѣ»,—это достовѣрно. Г. Медвѣдскому это кажется, «возмутительною нелѣпостью», потому что онъ считаетъ «вѣру въ свою избранность» какою то добродѣтелью, чѣмъ то такимъ, что уже само по себѣ достойно уваженія. Это онъ напрасно. Древніе евреи вѣрили въ свою избранность, и, однако, какъ свидѣтельствуетъ Библія, эта вѣра уживалась со многими тяжкими грѣхами, пороками и несправедливостями, за которые Богъ и посылалъ своему народу наказанія. Новозавѣтная же исторія совсѣмъ не знаетъ избранныхъ народовъ, и ни русскій, никакой другой народъ христіанской цивилизаціи не можетъ поддержать свои претензіи въ этомъ родѣ какимъ нибудь непререкаемымъ авторитетомъ.

Третій пунктъ,—о «Мірѣ отверженныхъ». Г. Медвѣдскій говоритъ: «Что показалось намъ фальшиваго въ запискахъ г. Мельшина,—мы указали съ точностью. Намъ показалось фальшивымъ это приторное отношеніе къ «несчастненькимъ», сознательно участвующимъ, подобно юному татарину, въ убійствѣ съ корыстною цѣлью (а то и совершающимъ такія преступленія единолично) и въ то же время якобы сохраняющимъ *безукоризненную нравственную чистоту*. Пускай нашъ взглядъ ошибоченъ, а г. Мельшинъ стоитъ на вѣрной точкѣ зрѣнія. Вотъ г. Михайловскій и просвѣтилъ бы насъ. Просвѣщая, онъ *опровергнулъ бы* «коварнаго анонима» и все бы кончилось чудесно».

Маленькое побочное замѣчаніе. Г. Медвѣдскій ставитъ въ ковычки слова «коварный анонимъ» и тѣмъ даетъ понять, что я его такъ называлъ. Это невѣрно. Анонимомъ я его называлъ, потому что онъ тогда и былъ анонимомъ, но единственный эпитетъ къ этому существительному во всей моей статьѣ есть—«первый встрѣч-

ный». Признаться, я дѣйствительно думалъ сначала, что г. Медвѣдскій коваренъ, но, къ счастію, не сказалъ этого; потому къ счастію, что иначе мнѣ пришлось бы теперь брать свое слово назадъ: нѣтъ, онъ не коваренъ, хотя, можетъ быть, и желалъ бы быть коварнымъ. Онъ не только не коваренъ, а даже до чрезвычайности простъ.

Что касается эпизода съ молодымъ татариномъ Маразгали, то читатель, конечно, помнитъ эту прелестную главу записокъ г. Мельшина. Одна изъ лучшихъ, она есть вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли не единственная свѣтлая, хотя и проникнутая грустью. Ужъ, конечно, г. Мельшинъ не идеализируетъ своихъ каторжниковъ. Представленныя имъ картины ужасающаго разврата и нечеловѣческой жестокости, образы почти звѣриные по отсутствію сознанія добра и зла—производятъ удручающее впечатлѣніе, и мнѣ приходилось слышать объ упрекахъ г. Мельшину именно въ этомъ направленіи,—за слишкомъ мрачную психологію «несчастненькихъ». Упреки эти несправедливы: сама дѣйствительность сгустила мрачныя краски въ той атмосферѣ, въ которой пришлось годы прожить г. Мельшину. Онъ описываетъ то, что видѣлъ, а видѣлъ, конечно, не добродѣтельныхъ людей. Но вотъ среди этого мрака отчаянія, злобы, звѣрства и разврата мелькаетъ трогательный образъ Маразгали, и г. Медвѣдскій утверждаетъ, что это «фальшиво», «приторно», и распространяетъ это свое замѣчаніе на всѣхъ «несчастненькихъ», изображенныхъ г. Мельшинымъ, тогда какъ Маразгали стоитъ въ «Мірѣ отверженныхъ» совсѣмъ одиноко. Представляя дѣло въ столь извращенномъ видѣ, г. Медвѣдскій поступаетъ... Впрочемъ, вопросъ о благородствѣ души г. Медвѣдскаго исчерпанъ, и мы посмотримъ только, ведетъ ли этотъ его поступокъ къ предположенной имъ цѣли. Цѣль эта, вы помните, состоитъ въ предъявленіи документовъ неблагонамѣренности «Русскаго Богатства» и недостаточной бдительности «не только предварительной, а и послѣдующей цензуры». Въ этихъ видахъ онъ и желаетъ «прижимать къ стѣнѣ» при помощи «неудобныхъ вопросовъ». Но что же неудобнаго въ вопросѣ г. Медвѣдскаго о г. Мельшинѣ? Да, образъ Маразгали не кажется мнѣ фальшивымъ; да, г. Мельшинъ стоитъ на вѣрной точкѣ зрѣнія,—вотъ мой отвѣтъ, и «суди меня, судія неправедный», какъ, по словамъ одной богомолки у Островскаго, пишутъ прошенія въ невѣрныхъ земляхъ. Если бы я однако и вынужденъ былъ признать, что образъ Маразгали фальшивъ и г. Мельшинъ стоитъ на невѣрной точкѣ зрѣнія,—это всетаки ни на шагъ не подвинуло бы г. Медвѣдскаго къ его цѣли; ибо политическая благонамѣренность совершенно не при чемъ въ этого рода вопросахъ. Иначе г. Медвѣдскому пришлось бы обвинять въ политической неблагонамѣренности ни больше, ни меньше, какъ г. петербургскаго градоначальника, генерала Клейгельса. Въ напечатанной недавно по распоряженію генерала брошюрѣ «Основы полицейской службы», предна-

значенной для руководства чинамъ петербургской полиціи, между прочимъ, читаемъ: «На арестантовъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на своихъ ближнихъ, своихъ братьевъ, впавшихъ въ несчастіе или душевную болѣзнь, называемую преступленіемъ. Недаромъ и нашъ простой русскій народъ всегда смотритъ на арестантовъ съ тою всепрощающею любовью, съ тою глубокою незлобивостью и снисходительностью, какія присущи его натурѣ, называя ихъ «несчастненькими». («Основы полицейской службы». Спб. 1896, стр. 23).

Таковы гуманныя идеи, которыя генералъ Клейгельсъ считаетъ полезнымъ и нужнымъ внушать чинамъ петербургской полиціи, а г. Медвѣдскій обвиняетъ въ неблагонамѣренности г. Мельшина, который среди цѣлой коллекціи злодѣевъ намѣтилъ одинъ трогательный образъ. Какими же громами долженъ г. Медвѣдскій разразиться по адресу всего штата петербургской полиціи, поскольку послѣдняя успѣла проникнуться духомъ «Основъ полицейской службы»?!!

Я удовлетворилъ любознательность г. Медвѣдскаго: пересмотрѣлъ всѣ его три пункта, и читатель видитъ, что если изъ пяти пунктовъ обвинительнаго акта, предъявленнаго намъ публицистомъ «Русскаго Вѣстника», я остановился въ прошлый разъ только на первомъ и на послѣднемъ, такъ не потому, что остальные три меня дѣйствительно «прижимали къ стѣнѣ». Это просто карточные домики, разсыпающіеся отъ одного дуновенія, и мнѣ просто стыдно было возиться съ такими пустяками. Но—tu l'as voulu, George Dandin, tu l'as voulu! Какъ видите, отвѣчать на будто бы «неудобные вопросы» г. Медвѣдскаго я могъ даже не своими словами, а ссылками на толковые словари иностранныхъ словъ (по вопросу объ агитаціи и пропагандѣ вообще, Ньютоновой философіи въ частности), на гимназическіе учебники (по вопросу о вредѣ ораторскаго искусства), на оффиціальнаго исторіографа и на поэта, пользовавшагося особеннымъ благоволеніемъ императрицы (по вопросу о растлѣвающемъ режимѣ Іоанна IV), наконецъ на оффиціальное изданіе «Основъ полицейской службы» (по вопросу о «несчастненькихъ»). Мнѣ и теперь стыдно. Стыдно, во-первыхъ, лично за себя, вынужденнаго занимать читателя такими преніями; стыдно, во-вторыхъ, за русскую литературу, въ средѣ которой нашелся человѣкъ не только столь благородной души, но и столь просвѣщеннаго ума, какъ г. Медвѣдскій; наконецъ, вчужѣ стыдно за «консерваторовъ», отъ имени которыхъ выступаетъ г. Медвѣдскій на защиту интересовъ и достоинства отечества. Что, если-бы «не только предварительная, а и послѣдующая цензура», призываемая г. Медвѣдскимъ къ вящшей бдительности, приняла во вниманіе его указанія? Вѣдь пришлось бы, послѣдовательности ради, запретить «Исторію государства россійскаго» Карамзина, и сочиненія гр. Алексѣя Толстого, и

«Основы полицейской службы», изданныя по распоряженію петербургскаго градоначальника...

Спрашивается, однако, какъ же все это могло такъ странно сложиться? Какъ могъ г. Медвѣдскій хотя-бы на одну минуту самъ повѣрить и редакцію «Русскаго Вѣстника» убѣдить въ «неудобствѣ» задаваемыхъ имъ вопросовъ? Дѣло объясняется отчасти круглымъ невѣжествомъ г. Медвѣдскаго, а отчасти нѣкоторымъ техническимъ пріемомъ, уловить который особенно удобно на эпизодѣ съ записками г. Мельшина. Въ томъ видѣ, какъ вы сейчасъ, въ третьемъ пунктѣ, прочитали, вопросъ г. Медвѣдскаго о татаринѣ Маразгали (а я его привелъ весь, отъ первой до послѣдней буквы), это есть вопросъ либо литературно-критическій, либо психологическій, либо наконецъ уголовно-антропологическій, и къ политической благонамѣренности или неблагонамѣренности его никакъ не пристроишь. Еще если-бы дѣло шло о политическомъ преступникѣ, ну тогда г. Медвѣдскій имѣлъ хоть поводъ натѣшиться вволю, а то простой полудикій татаринъ за тридевять земель отъ всякой политики. И, повторяю, если-бы я даже вынужденъ былъ признать фальшь въ изображеніи Маразгали, то г. Медвѣдскій могъ-бы праздновать побѣду какъ критикъ или психологъ, а въ качествѣ представителя политической благонамѣренности ему всетаки не было-бы никакого повода себя безпокоить. Но онъ думаетъ себѣ: «откатегоряемъ усю систему», заразъ уже. Устраиваетъ онъ этотъ кунстштюкъ слѣдующимъ образомъ (въ первой еще вылазкѣ). Онъ говоритъ о выдержанности направленія «Русскаго Боготства», объ излишествахъ свободы печати, которой не ставитъ надлежащихъ препонъ «не только предварительная, но и послѣдующая цензура»; блеститъ фейерверкомъ «страшныхъ словъ» по поводу статей гг. Иванова и Н. К., патріотически заступается за до-Петровскую Русь и въ частности за Ивана Грознаго по поводу «Дневника журналиста», и такъ, между прочимъ, отмѣчаетъ записки г. Мельшина, «лишь для того, чтобы показать, какъ въ «Русскомъ Богатствѣ» старательно пригоняютъ статью къ статьѣ». Вслѣдъ затѣмъ г. Медвѣдскій ставитъ послѣдній пунктъ своего обвинительнаго акта: «*Нечего и говорить* (на этотъ разъ курсивъ мой), что «литературно-общественныя замѣтки» г. Михайловскаго дополняютъ букетъ и по временамъ сообщаютъ ему особенную пикантность». Понимаете, какой «букетъ»,—подмигиваетъ г. Медвѣдскій: «нечего и говорить»! Все это было въ первой вылазкѣ. Нынѣ, въ «отвѣтѣ», когда г. Медвѣдскій нарочито хочетъ убѣдить читателей въ доказательности своихъ мнѣній и въ полной возможности опровергать ихъ въ печати, онъ уже прямо подноситъ мнѣ титулъ «передового бойца надпольнаго анархизма». Къ сожалѣнію, въ подтвержденіе этой квалификаціи онъ не приводитъ ни единаго слова изъ моихъ довольно многочисленныхъ писаній, такъ что я не знаю, какъ бы я сталъ его опровергать, еслибы мнѣ это почему нибудь понадобилось. Хорошо, что мнѣ это ни-

когда не понадобится, такъ какъ я чувствую себя укрытымъ отъ всякой непогоды: можетъ-быть и за мой «надпольный анархизмъ», но «г. Михайловскій имѣетъ право на признательность со стороны русскаго общества»,—ссылаюсь на авторитетъ г. Медвѣдскаго, того самаго г. Медвѣдскаго, который непреклонно стоитъ на стражѣ и не знаетъ снисхожденія. Но г. Мельшинъ не имѣетъ такой блестящей аттестаціи, а между тѣмъ и онъ, подъ шумокъ страшныхъ словъ, попалъ въ одинъ букетъ съ «передовымъ бойцомъ надпольнаго анархизма». Въ букетѣ стало однимъ цвѣткомъ больше. Если однако вы возьмете на себя трудъ поубрать въ сторону страшныя слова, которыя суть не болѣе, какъ гамлетовскія «слова, слова, слова», и сосредоточите свое вниманіе на «существѣ», какъ того требуетъ самъ г. Медвѣдскій, то увидите просто пустое мѣсто.

Это любопытно. Настолько любопытно, что мы можемъ теперь перейти къ нѣкоторымъ общимъ соображеніямъ, ради которыхъ собственно только и стоило удовлетворять любознательность г. Медвѣдскаго и вообще заниматься этимъ писателемъ, столь блистательно соединяющимъ въ своей особѣ благородство души и возвышенный и просвѣщенный умъ.

Послѣ смерти Каткова явились претенденты на то исключительное, небывалое положеніе, которое онъ, журналистъ и частный человѣкъ, занималъ не только въ литературѣ, а и въ жизни: г. Петровскій, кн. Мещерскій, разные «молодшіе», подручные люди. Никому, однако, изъ нихъ не удалось достигнуть честолюбивой цѣли, да и не могло удаться. Во-первыхъ, Катковъ былъ человѣкъ высоко образованный и обладалъ крупными природными дарованіями, какія не легко найти въ первомъ встрѣчномъ охочемъ человѣкѣ. Во-вторыхъ, Катковъ выдвинулся и занялъ свое исключительное положеніе, благодаря своей дѣятельности въ моментъ исключительной тоже исторической важности, въ моментъ польскаго возстанія, тѣмъ или другимъ исходомъ котораго надолго опредѣлялись судьбы не только Россіи, а и Европы, можно сказать, всего цивилизованнаго міра. Теперь намъ трудно даже представить себѣ ту перетасовку всѣхъ международныхъ отношеній и тѣ перемѣны во внутренней жизни всѣхъ государствъ, по крайней мѣрѣ, восточной Европы, которыя произошли бы, если бы исходъ польскаго возстанія былъ иной. Одно несомнѣнно: ничего, даже отдаленно, даже хоть сколько нибудь похожаго мы нынѣ не переживаемъ. А такъ какъ и качествъ надлежащихъ у сказанныхъ претендентовъ нѣтъ, то и выходитъ, что во всѣхъ отношеніяхъ охота смертная, да участь горькая. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, если они «категоряютъ усю систему» съ компрометирующею отвагою. Шаткость и двусмысленность ихъ положенія сказывается, между прочимъ, въ томъ фактѣ, что они хотѣли бы быть наслѣдниками не только Каткова, но вмѣстѣ съ тѣмъ и Аксакова,—предпріятіе невозможное.

Вотъ и г. Медвѣдскій упрекаетъ меня за то, что я цитировалъ

одно мѣсто изъ сочиненій Аксакова, въ которомъ этотъ писатель говоритъ о значеніи свободы печатнаго слова и неудобствахъ ея стѣсненій, и не привелъ другого мѣста, которое гораздо больше нравится ему, г. Медвѣдскому. Странный, по малой мѣрѣ странный упрекъ. Я цитировалъ то, что подтверждало мою мысль, что мнѣ нужно было по ходу моей аргументаціи, и такъ, я полагаю, дѣлаютъ всѣ, да иначе вѣдь цитаты не имѣли бы никакого смысла. Тогда мнѣ было нужно одно, теперь нужно другое—и какъ разъ именно то мѣсто, которое такъ нравится г. Медвѣдскому. Вотъ слова Аксакова: «Мы убѣждены, что ничто не было бы гибельнѣе для того нашего либерализма, который лишь суевѣрно повторяетъ зады западной политической мысли, какъ такой просторъ рѣчи, при которомъ не приходилось бы ему вопить при всякомъ прямомъ возраженіи: «доносъ!» «инсинуація!», уклоняться отъ спора, прятать пустопорожность своей думы за многоточія и важно, между строкъ, намекать, что «сказалъ бы слово, да»...

Эти слова очень характерны для Аксакова, но они получаютъ свое полное значеніе лишь въ связи съ практическимъ выводомъ, изъ нихъ вытекающимъ, да и въ этой цитатѣ уже явственнымъ: слѣдовательно, этому нашему либерализму, суевѣрно повторяющему зады западно европейской политической мысли, надо предоставить высказаться; въ свободѣ, которой онъ добивается, онъ найдетъ свою погибель, ибо онъ ложь и не устоитъ въ открытой борьбѣ съ истиной. Идеалистъ своего «свѣта съ востока», Аксаковъ безусловно вѣрилъ въ его самостоятельное, такъ сказать, единоличное, никѣмъ и ничѣмъ стороннимъ не вспомуществуемое торжество. Всякая такая сторонняя помощь оскорбляла и стѣсняла его. Само собою разумѣется, что его уваженіе къ свободѣ слова вытекало не только изъ желанія утопить въ ней либерализмъ, суевѣрно повторяющій и т. д. Въ представленіи Аксакова эта свобода входила въ самый составъ того «свѣта съ востока», въ который онъ вѣрилъ. Совсѣмъ независимо отъ какихъ бы то ни было полемическихъ цѣлей, онъ призывалъ ее и скорбѣлъ по ней и въ публицистическихъ статьяхъ, и въ стихотвореніяхъ, и въ частныхъ письмахъ. И въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, объ Аксаковѣ можно сказать пословицей: каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку. И вотъ почему попытка опереться въ этомъ вопросѣ на Каткова и Аксакова единовременно—есть невозможное акробатическое предпріятіе.

Ник. Михайловскій.

Хроника внутренней жизни.

Всероссійскій торгово-промышленный съѣздъ.

Всѣ крупныя выставки и международныя, и національныя всегда сопровождаются цѣлымъ рядомъ разныхъ съѣздовъ и конгрессовъ. Чѣмъ живѣе бьется пульсъ общественной жизни страны, представленной на той или иной выставкѣ, чѣмъ глубже и сильнѣе проникнута эта жизнь началами общественной самодѣятельности, тѣмъ ярче, разнообразнѣе и серьезнѣе и по своимъ задачамъ, и по своему составу, являются всѣ эти собранія, пріурочивающіяся къ праздникамъ міровой или національной промышленности.

Около «всероссійской промышленной и художественной выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ» тоже пріютилось нѣсколько всероссійскихъ съѣздовъ, хотя нельзя сказать, чтобы перечень ихъ былъ слишкомъ богатъ.

Прежде всего, въ концѣ іюня, состоялся съѣздъ пожарно-страховыхъ дѣятелей и членовъ соединеннаго россійскаго пожарнаго общества. Затѣмъ, въ первой половинѣ іюля, съѣзжались дантисты; послѣ нихъ собирались овцеводы и пчеловоды; первая половина августа занята была большимъ торгово-промышленнымъ съѣздомъ; наконецъ, послѣ закрытія этого съѣзда, имѣлъ мѣсто «съѣздъ представителей обществъ вспоможенія частному служебному труду, взаимопомощи и другихъ однородныхъ съ ними по идеѣ и цѣли».

Изъ всѣхъ этихъ съѣздовъ наиболѣе крупный общественный интересъ представлялъ собою несомнѣнно общій торгово-промышленный съѣздъ. Прочіе выставочные съѣзды (за исключеніемъ только одного, скромнаго по составу, но крайне симпатичнаго по цѣли и значенію съѣзда представителей обществъ взаимопомощи) или по самой программѣ своей посвящены были вопросамъ спеціальнымъ и не представлявшимъ значительнаго общаго интереса, или же оказывались таковыми въ дѣйствительности. Послѣднее всего болѣе примѣнимо къ съѣзду пожарно-страховому. Организація борьбы съ пожарами и ихъ послѣдствіями на Руси, гдѣ красный пѣтухъ ежегодно уничтожаетъ на многіе десятки милліоновъ рублей плоды народнаго труда и скуднаго народнаго достоянія—несомнѣнно является очень крупнымъ дѣломъ, затрогивающимъ массу очень существенныхъ интересовъ. Къ сожалѣнію, на съѣздѣ вопросы пожарно-страховые трактовались болѣе съ техническо-пожарной, нежели съ общественной ихъ стороны. Происходило это отчасти отъ самаго состава съѣзда, гдѣ преобладали представители вольныхъ пожарныхъ командъ и пожарныхъ обществъ, и довольно слабо представлены

одно мѣсто изъ сочиненій Ак
рить о значеніи свободы печ
и не привелъ другого мѣс
г. Медвѣдскому. Странны
цитировалъ то, что подтве
по ходу моей аргументац
иначе вѣдь цитаты не им
нужно одно, теперь нуж
которое такъ нравится
убѣждены, что ничто
берализма, который л
литической мысли, к
приходилось бы ему
носъ!» «инсинуація!»,
своей думы за мног
«сказалъ бы слово,

Эти слова очен
свое полное значе
изъ нихъ вытека
слѣдовательно, э
зады западно е
высказаться; в
погибель, ибо
тиной. Идеал
вѣрилъ въ е
и ничѣмъ с
кая сторон
зумѣется,
изъ жела
щій и т
самый
Совсѣм
лей, о
статья
отно
посл
поч
ков

...виду придать ему большую организованность, обезпе-
...льное представительство торгово-промышленныхъ ин-
..., вообще, придать съѣзду такой составъ, который спо-
...ъ бы всестороннему обсужденію предложенныхъ съѣзду
..., и устранялъ случайный характеръ принятыхъ имъ резо-
...начительная часть членовъ съѣзда вошла въ него по не-
...енному приглашенію министерства финансовъ. По смыслу
...шаго повелѣнія 12 янв. 1896 г. о всероссійскомъ торгово-
... съѣздѣ, къ участію въ съѣздѣ рѣшено было пригласить:
...ставителей совѣта торговли и мануфактуръ, совѣщательныхъ
... торговой и мануфактурной промышленности учрежденій и
...ыхъ комитетовъ; б) профессоровъ высшихъ техническихъ
...ъ заведеній; в) представителей частныхъ обществъ, ученыхъ
...ческихъ учрежденій, имѣющихъ цѣлью разработку общихъ
...овъ, до промышленности или торговли относящихся; г) лицъ,
...оящихъ представителями названныхъ учрежденій, но извѣст-
... своими научными или практическими трудами на пользу оте-
...нной промышленности или торговли, по ближайшему усмо-
...ю министра финансовъ». Помимо названныхъ лицъ, къ уча-
... въ съѣздѣ допускались, съ разрѣшенія предсѣдателя: 1) вла-
...ы промышленныхъ предпріятій (фабричныхъ, заводскихъ, ре-
...енныхъ, кустарныхъ) и 2) представители печати. Всѣхъ чле-
..., приглашенныхъ и допущенныхъ, насчитывалось 1100. Ко-
...но, не всѣ они принимали дѣйствительное участіе въ занятіяхъ
...ѣзда (по отмѣткамъ, сдѣланнымъ въ канцеляріи съѣзда, на съѣздѣ
...исутствовало около 700 членовъ), но, во всякомъ случаѣ, съѣздъ
...тличался и разносторонностью своего состава, и людностью: на
...огихъ засѣданіяхъ бывало по нѣскольку сотъ членовъ съѣзда, не
...читая постороннихъ посѣтителей.

Точно также, какъ для привлеченія компетентныхъ силъ, въ составѣ съѣзда приняты были заблаговременно мѣры и для подготовки и разработки вопросовъ, подлежавшихъ его обсужденію. Программа съѣзда утверждена была министромъ финансовъ и опубликована за полгода до открытія съѣзда. По большей части вопросовъ, охватываемыхъ этою программою, были составлены и розданы членамъ печатные доклады и записки. Всѣхъ докладовъ, по вопросамъ, вошедшимъ и не вошедшимъ въ оффиціальную программу, представлено было къ съѣзду около 200. Въ общемъ они заключали въ себѣ очень разнообразный и цѣнный матеріалъ для освѣщенія разныхъ сторонъ торгово-промышленной жизни и для фактической постановки многихъ вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію на съѣздѣ.

Но, помимо этихъ внѣшнихъ условій, обезпечивавшихъ въ извѣстной мѣрѣ солидность и содержательность работъ съѣзда,—вниманіе къ нему привлекалось и въ силу другихъ еще соображеній. Еще на первомъ торгово-промышленномъ съѣздѣ 1870 г. указы-

«Основы полицейской службы», изданныя по распоряженію петербургскаго градоначальника...

Спрашивается, однако, какъ же все это могло такъ странно сложиться? Какъ могъ г. Медвѣдскій хотя-бы на одну минуту самъ повѣрить и редакцію «Русскаго Вѣстника» убѣдить въ «неудобствѣ» задаваемыхъ имъ вопросовъ? Дѣло объясняется отчасти круглымъ невѣжествомъ г. Медвѣдскаго, а отчасти нѣкоторымъ техническимъ пріемомъ, уловить который особенно удобно на эпизодѣ съ записками г. Мельшина. Въ томъ видѣ, какъ вы сейчасъ, въ третьемъ пунктѣ, прочитали, вопросъ г. Медвѣдскаго о татаринѣ Маразгали (а я его привелъ весь, отъ первой до послѣдней буквы), это есть вопросъ либо литературно-критическій, либо психологическій, либо наконецъ уголовно-антропологическій, и къ политической благонамѣренности или неблагонамѣренности его никакъ не пристроишь. Еще если-бы дѣло шло о политическомъ преступникѣ, ну тогда г. Медвѣдскій имѣлъ хоть поводъ натѣшиться вволю, а то простой полудикій татаринъ за тридевять земель отъ всякой политики. И, повторяю, если-бы я даже вынужденъ былъ признать фальшь въ изображеніи Маразгали, то г. Медвѣдскій могъ-бы праздновать побѣду какъ критикъ или психологъ, а въ качествѣ представителя политической благонамѣренности ему всетаки не было-бы никакого повода себя безпокоить. Но онъ думаетъ себѣ: «откатегоряемъ усю систему», заразъ уже. Устраиваетъ онъ этотъ кунстштюкъ слѣдующимъ образомъ (въ первой еще вылазкѣ). Онъ говоритъ о выдержанности направленія «Русскаго Боготства», объ излишествахъ свободы печати, которой не ставитъ надлежащихъ препонъ «не только предварительная, но и послѣдующая цензура»; блеститъ фейерверкомъ «страшныхъ словъ» по поводу статей гг. Иванова и Н. К., патріотически заступается за до-Петровскую Русь и въ частности за Ивана Грознаго по поводу «Дневника журналиста», и такъ, между прочимъ, отмѣчаетъ записки г. Мельшина, «лишь для того, чтобы показать, какъ въ «Русскомъ Богатствѣ» старательно пригоняютъ статью къ статьѣ». Вслѣдъ затѣмъ г. Медвѣдскій ставитъ послѣдній пунктъ своего обвинительнаго акта: «*Нечего и говорить* (на этотъ разъ курсивъ мой), что «литературно-общественныя замѣтки» г. Михайловскаго дополняютъ букетъ и по временамъ сообщаютъ ему особенную пикантность». Понимаете, какой «букетъ»,— подмигиваетъ г. Медвѣдскій: «нечего и говорить»! Все это было въ первой вылазкѣ. Нынѣ, въ «отвѣтѣ», когда г. Медвѣдскій нарочито хочетъ убѣдить читателей въ доказательности своихъ мнѣній и въ полной возможности опровергать ихъ въ печати, онъ уже прямо подноситъ мнѣ титулъ «передового бойца надпольнаго анархизма». Къ сожалѣнію, въ подтвержденіе этой квалификаціи онъ не приводитъ ни единаго слова изъ моихъ довольно многочисленныхъ писаній, такъ что я не знаю, какъ бы я сталъ его опровергать, еслибы мнѣ это почему нибудь понадобилось. Хорошо, что мнѣ это ни-

когда не понадобится, такъ какъ я чувствую себя укрытымъ отъ всякой непогоды: можетъ-быть и за мой «надпольный анархизмъ», но «г. Михайловскій имѣетъ право на признательность со стороны русскаго общества»,—ссылаюсь на авторитетъ г. Медвѣдскаго, того самаго г. Медвѣдскаго, который непреклонно стоитъ на стражѣ и не знаетъ снисхожденія. Но г. Мельшинъ не имѣетъ такой блестящей аттестаціи, а между тѣмъ и онъ, подъ шумокъ страшныхъ словъ, попалъ въ одинъ букетъ съ «передовымъ бойцомъ надпольнаго анархизма». Въ букетѣ стало однимъ цвѣткомъ больше. Если однако вы возьмете на себя трудъ поубрать въ сторону страшныя слова, которыя суть не болѣе, какъ гамлетовскія «слова, слова, слова», и сосредоточите свое вниманіе на «существѣ», какъ того требуетъ самъ г. Медвѣдскій, то увидите просто пустое мѣсто.

Это любопытно. Настолько любопытно, что мы можемъ теперь перейти къ нѣкоторымъ общимъ соображеніямъ, ради которыхъ собственно только и стоило удовлетворять любознательность г. Медвѣдскаго и вообще заниматься этимъ писателемъ, столь блистательно соединяющимъ въ своей особѣ благородство души и возвышенный и просвѣщенный умъ.

Послѣ смерти Каткова явились претенденты на то исключительное, небывалое положеніе, которое онъ, журналистъ и частный человѣкъ, занималъ не только въ литературѣ, а и въ жизни: г. Петровскій, кн. Мещерскій, разные «молодшіе», подручные люди. Никому, однако, изъ нихъ не удалось достигнуть честолюбивой цѣли, да и не могло удаться. Во-первыхъ, Катковъ былъ человѣкъ высоко образованный и обладалъ крупными природными дарованіями, какія не легко найти въ первомъ встрѣчномъ охочемъ человѣкѣ. Во вторыхъ, Катковъ выдвинулся и занялъ свое исключительное положеніе, благодаря своей дѣятельности въ моментъ исключительной тоже исторической важности, въ моментъ польскаго возстанія, тѣмъ или другимъ исходомъ котораго надолго опредѣлялись судьбы не только Россіи, а и Европы, можно сказать, всего цивилизованнаго міра. Теперь намъ трудно даже представить себѣ ту перетасовку всѣхъ международныхъ отношеній и тѣ перемѣны во внутренней жизни всѣхъ государствъ, по крайней мѣрѣ, восточной Европы, которыя произошли бы, если бы исходъ польскаго возстанія былъ иной. Одно несомнѣнно: ничего, даже отдаленно, даже хоть сколько нибудь похожаго мы нынѣ не переживаемъ. А такъ какъ и качествъ надлежащихъ у сказанныхъ претендентовъ нѣтъ, то и выходитъ, что во всѣхъ отношеніяхъ охота смертная, да участь горькая. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, если они «категоряютъ усю систему» съ компрометирующею отвагою. Шаткость и двусмысленность ихъ положенія сказывается, между прочимъ, въ томъ фактѣ, что они хотѣли бы быть наслѣдниками не только Каткова, но вмѣстѣ съ тѣмъ и Аксакова,—предпріятіе невозможное.

Вотъ и г. Медвѣдскій упрекаетъ меня за то, что я цитировалъ

одно мѣсто изъ сочиненій Аксакова, въ которомъ этотъ писатель говоритъ о значеніи свободы печатнаго слова и неудобствахъ ея стѣсненій, и не привелъ другого мѣста, которое гораздо больше нравится ему, г. Медвѣдскому. Странный, по малой мѣрѣ странный упрекъ. Я цитировалъ то, что подтверждало мою мысль, что мнѣ нужно было по ходу моей аргументаціи, и такъ, я полагаю, дѣлаютъ всѣ, да иначе вѣдь цитаты не имѣли бы никакого смысла. Тогда мнѣ было нужно одно, теперь нужно другое—и какъ разъ именно то мѣсто, которое такъ нравится г. Медвѣдскому. Вотъ слова Аксакова: «Мы убѣждены, что ничто не было бы гибельнѣе для того нашего либерализма, который лишь суевѣрно повторяетъ зады западной политической мысли, какъ такой просторъ рѣчи, при которомъ не приходилось бы ему вопить при всякомъ прямомъ возраженіи: «доносъ!» «инсинуація!», уклоняться отъ спора, прятать пустопорожность своей думы за многоточія и важно, между строкъ, намекать, что «сказалъ бы слово, да»...

Эти слова очень характерны для Аксакова, но они получаютъ свое полное значеніе лишь въ связи съ практическимъ выводомъ, изъ нихъ вытекающимъ, да и въ этой цитатѣ уже явственнымъ: слѣдовательно, этому нашему либерализму, суевѣрно повторяющему зады западно европейской политической мысли, надо предоставить высказаться; въ свободѣ, которой онъ добивается, онъ найдетъ свою погибель, ибо онъ ложь и не устоитъ въ открытой борьбѣ съ истиной. Идеалистъ своего «свѣта съ востока», Аксаковъ безусловно вѣрилъ въ его самостоятельное, такъ сказать, единоличное, никѣмъ и ничѣмъ стороннимъ не вспомуществуемое торжество. Всякая такая сторонняя помощь оскорбляла и стѣсняла его. Само собою разумѣется, что его уваженіе къ свободѣ слова вытекало не только изъ желанія утопить въ ней либерализмъ, суевѣрно повторяющій и т. д. Въ представленіи Аксакова эта свобода входила въ самый составъ того «свѣта съ востока», въ который онъ вѣрилъ. Совсѣмъ независимо отъ какихъ бы то ни было полемическихъ цѣлей, онъ призывалъ ее и скорбѣлъ по ней и въ публицистическихъ статьяхъ, и въ стихотвореніяхъ, и въ частныхъ письмахъ. И въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, объ Аксаковѣ можно сказать пословицей: каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку. И вотъ почему попытка опереться въ этомъ вопросѣ на Каткова и Аксакова единовременно—есть невозможное акробатическое предпріятіе.

Ник. Михайловскій.

Хроника внутренней жизни.

Всероссійскій торгово-промышленный съѣздъ.

Всѣ крупныя выставки и международныя, и національныя всегда сопровождаются цѣлымъ рядомъ разныхъ съѣздовъ и конгрессовъ. Чѣмъ живѣе бьется пульсъ общественной жизни страны, представленной на той или иной выставкѣ, чѣмъ глубже и сильнѣе проникнута эта жизнь началами общественной самодѣятельности, тѣмъ ярче, разнообразнѣе и серьезнѣе и по своимъ задачамъ, и по своему составу, являются всѣ эти собранія, пріурочивающіяся къ праздникамъ міровой или національной промышленности.

Около «всероссійской промышленной и художественной выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ» тоже пріютилось нѣсколько всероссійскихъ съѣздовъ, хотя нельзя сказать, чтобы перечень ихъ былъ слишкомъ богатъ.

Прежде всего, въ концѣ іюня, состоялся съѣздъ пожарно-страховыхъ дѣятелей и членовъ соединеннаго россійскаго пожарнаго общества. Затѣмъ, въ первой половинѣ іюля, съѣзжались дантисты; послѣ нихъ собирались овцеводы и пчеловоды; первая половина августа занята была большимъ торгово-промышленнымъ съѣздомъ; наконецъ, послѣ закрытія этого съѣзда, имѣлъ мѣсто «съѣздъ представителей обществъ вспоможенія частному служебному труду, взаимопомощи и другихъ однородныхъ съ ними по идеѣ и цѣли».

Изъ всѣхъ этихъ съѣздовъ наиболѣе крупный общественный интересъ представлялъ собою несомнѣнно общій торгово-промышленный съѣздъ. Прочіе выставочные съѣзды (за исключеніемъ только одного, скромнаго по составу, но крайне симпатичнаго по цѣли и значенію съѣзда представителей обществъ взаимопомощи) или по самой программѣ своей посвящены были вопросамъ спеціальнымъ и не представлявшимъ значительнаго общаго интереса, или же оказывались таковыми въ дѣйствительности. Послѣднее всего болѣе примѣнимо къ съѣзду пожарно-страховому. Организація борьбы съ пожарами и ихъ послѣдствіями на Руси, гдѣ красный пѣтухъ ежегодно уничтожаетъ на многіе десятки милліоновъ рублей плоды народнаго труда и скуднаго народнаго достоянія—несомнѣнно является очень крупнымъ дѣломъ, затрогивающимъ массу очень существенныхъ интересовъ. Къ сожалѣнію, на съѣздѣ вопросы пожарно-страховые трактовались болѣе съ техническо-пожарной, нежели съ общественной ихъ стороны. Происходило это отчасти отъ самаго состава съѣзда, гдѣ преобладали представители вольныхъ пожарныхъ командъ и пожарныхъ обществъ, и довольно слабо представлены

были тѣ общественныя учрежденія (земства и города), которыя вѣдаютъ на мѣстахъ страховое и пожарное дѣло. Представляется нѣсколько страннымъ и непонятнымъ довольно пассивное отношеніе къ этому съѣзду земскихъ учрежденій. Страховой вопросъ, и самъ по себѣ существенный, теперь—въ виду проектируемыхъ правительствомъ мѣръ къ объединенію и урегулированію земской дѣятельности по взаимному страхованію—сугубо выдвигается на очередь; «всероссійскій пожарно-страховой съѣздъ» создавалъ почву для общеземскаго всесторонняго обсужденія этого вопроса. На самомъ дѣлѣ, однако, такъ не вышло. Съѣздъ замкнулся, какъ мы говорили уже, преимущественно въ сферѣ тѣсно «пожарныхъ» вопросовъ. За исключеніемъ довольно сомнительнаго проекта централизаціи всего страхового и пожарнаго дѣла въ вѣдѣніи особаго «главнаго пожарнаго управленія», съѣздъ далъ очень мало по отношенію къ принципіальнымъ сторонамъ страхового и пожарнаго вопроса.

Вниманіе посѣтителей выставки и обитателей Нижняго-Новгорода съѣздъ привлекалъ къ себѣ своею декоративною стороною. Гг. пожарные любили являться въ публикѣ въ своихъ нѣсколько фантастическихъ костюмахъ съ разными инсигніями своей профессіи. Одна изъ мѣстныхъ газетъ добродушно посмѣялась надъ этою наклонностью къ театральности, чѣмъ привела въ неописанный гнѣвъ нѣкоторыхъ воротилъ съѣзда. На бѣдную прессу посыпались перуны, и дерзкой газетѣ пришлось бы очень плохо, если бы дѣйствительная сила пожарныхъ юпитеровъ соотвѣтствовала ихъ наружному величію. Въ результатѣ получилась только жанровая картинка, далеко не лишенная, впрочемъ, бытового интереса и наводящая на невеселыя мысли...

Съѣздъ дантистовъ, смѣнившихъ пожарныхъ дѣятелей, посвященъ былъ спеціальнымъ вопросамъ зубоврачебной профессіи. Точно также гораздо болѣе спеціальнаго, чѣмъ общаго интереса представляли и всероссійскіе съѣзды пчеловодовъ и овцеводовъ. Мы не рѣшаемся поэтому останавливать на нихъ вниманіе нашихъ читателей и для характеристики выставочныхъ съѣздовъ ограничимся только двумя послѣдними изъ перечисленныхъ выше всероссійскихъ собраній, именно, всероссійскимъ торгово-промышленнымъ съѣздомъ и собраніемъ представителей обществъ частнаго служебнаго труда.

Общій торгово-промышленный съѣздъ возбуждалъ на этотъ разъ особый интересъ. По счету это былъ четвертый всероссійскій съѣздъ, посвященный обсужденію нуждъ торговли и промышленности. Предыдущіе съѣзды имѣли мѣсто во время всероссійской мануфактурной выставки въ Петербургѣ въ 1870 г. и во время московской художественно-промышленной выставки 1882 г. Нынѣшній съѣздъ существенно отличался отъ прежнихъ тѣмъ, что онъ созванъ былъ не по частной инициативѣ, какъ оба предшествовавшіе, а по инициативѣ министерства финансовъ. Принимая устройство съѣзда въ свое непосредственное вѣдѣніе, министерство финансовъ

имѣло въ виду придать ему большую организованность, обезпечить правильное представительство торгово-промышленныхъ интересовъ и, вообще, придать съѣзду такой составъ, который способствовалъ бы всестороннему обсужденію предложенныхъ съѣзду вопросовъ и устранялъ случайный характеръ принятыхъ имъ резолюцій Значительная часть членовъ съѣзда вошла въ него по непосредственному приглашенію министерства финансовъ. По смыслу Высочайшаго повелѣнія 12 янв. 1896 г. о всероссійскомъ торгово-промышл. съѣздѣ, къ участію въ съѣздѣ рѣшено было пригласить: «а) представителей совѣта торговли и мануфактуръ, совѣщательныхъ по части торговой и мануфактурной промышленности учрежденій и биржевыхъ комитетовъ; б) профессоровъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній; в) представителей частныхъ обществъ, ученыхъ и техническихъ учрежденій, имѣющихъ цѣлью разработку общихъ вопросовъ, до промышленности или торговли относящихся; г) лицъ, не состоящихъ представителями названныхъ учрежденій, но извѣстныхъ своими научными или практическими трудами на пользу отечественной промышленности или торговли, по ближайшему усмотрѣнію министра финансовъ». Помимо названныхъ лицъ, къ участію въ съѣздѣ допускались, съ разрѣшенія предсѣдателя: 1) владѣльцы промышленныхъ предпріятій (фабричныхъ, заводскихъ, ремесленныхъ, кустарныхъ) и 2) представители печати. Всѣхъ членовъ, приглашенныхъ и допущенныхъ, насчитывалось 1100. Конечно, не всѣ они принимали дѣйствительное участіе въ занятіяхъ съѣзда (по отмѣткамъ, сдѣланнымъ въ канцеляріи съѣзда, на съѣздѣ присутствовало около 700 членовъ), но, во всякомъ случаѣ, съѣздъ отличался и разносторонностью своего состава, и людностью: на многихъ засѣданіяхъ бывало по нѣскольку сотъ членовъ съѣзда, не считая постороннихъ посѣтителей.

Точно также, какъ для привлеченія компетентныхъ силъ, въ составѣ съѣзда приняты были заблаговременно мѣры и для подготовки и разработки вопросовъ, подлежавшихъ его обсужденію. Программа съѣзда утверждена была министромъ финансовъ и опубликована за полгода до открытія съѣзда. По большей части вопросовъ, охватываемыхъ этою программою, были составлены и розданы членамъ печатные доклады и записки. Всѣхъ докладовъ, по вопросамъ, вошедшимъ и не вошедшимъ въ оффиціальную программу, представлено было къ съѣзду около 200. Въ общемъ они заключали въ себѣ очень разнообразный и цѣнный матеріалъ для освѣщенія разныхъ сторонъ торгово-промышленной жизни и для фактической постановки многихъ вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію на съѣздѣ.

Но, помимо этихъ внѣшнихъ условій, обезпечивавшихъ въ извѣстной мѣрѣ солидность и содержательность работъ съѣзда,—вниманіе къ нему привлекалось и въ силу другихъ еще соображеній. Еще на первомъ торгово-промышленномъ съѣздѣ 1870 г. указы-

валось на значеніе подобныхъ съѣздовъ, какъ на выраженіе «самосознанія промышленности». Съ паденіемъ полицейскаго государства и провозглашеніемъ начала свободы промышленности,—говорилъ членъ съѣзда В. И. Вишняковъ *)—послѣдняя «почувствовала потребность въ самопознаніи, въ уясненіи самой себѣ своихъ нуждъ». Однимъ изъ средствъ для удовлетворенія такой потребности и служатъ періодическія собранія заинтересованныхъ въ промышленности лицъ для публичнаго обсужденія выдвигаемыхъ ходомъ промышленнаго развитія вопросовъ. Чѣмъ далѣе идетъ это развитіе, тѣмъ болѣе должно развиваться и крѣпнуть и «самосознаніе» промышленности. Какъ мы знаемъ, за послѣднее время наша крупная, капиталистическая промышленность сдѣлала большіе шаги впередъ. Всероссійская выставка должна была служить мѣриломъ этихъ промышленныхъ успѣховъ. На сколько выросъ *промышленный классъ,* на сколько подвинулось впередъ его самосознаніе—показателемъ этого могъ явиться торгово-промышленный съѣздъ, на которомъ самая видная роль, естественно, должна была принадлежать представителямъ нашей крупной капиталистической буржуазіи. Для сужденія о *субъективной* сторонѣ промышленнаго роста послѣдняго времени съѣздъ могъ имѣть значеніе, если не вполнѣ тожественное, то во всякомъ случаѣ близкое къ тому, какое имѣла выставка для выясненія *объективной* стороны промышленнаго прогресса. Съѣздъ являлся своего рода «экзаменомъ» капиталистической, промышленной интеллигенціи,—и съ этой стороны онъ представлялъ очень крупный и живой интересъ самъ по себѣ, даже и независимо отъ значенія тѣхъ вопросовъ, которые должны были на немъ разсматриваться. Извѣстную остроту этому интересу придавали и особенности того момента, когда долженъ былъ собраться съѣздъ. Судя по многимъ признакамъ, это былъ моментъ извѣстнаго возбужденія и «подъема духа» среди нашей крупной буржуазіи или, по крайней мѣрѣ, среди той ея значительной части, которая именуетъ себя «всероссійскимъ купечествомъ», торгующимъ на нижегородской ярмаркѣ. Очень незадолго до открытія съѣзда, на страницахъ одной купеческой газеты, издающейся въ Нижнемъ-Новгородѣ, можно было прочесть пышный и велерѣчивый дифирамбъ всероссійскому купечеству **), составляющему «оплотъ торговаго и промышленнаго развитія Россіи», купечеству, «которое все можетъ».

«Шагнувъ далеко впередъ, получивъ изъ рукъ блаженной памяти императора Александра II широкій доступъ къ образованію, купечество — говорила упомянутая нижегородская газета — нынѣ имѣетъ въ рядахъ своихъ массу европейски образованныхъ людей,

---

*) Цитируемъ по статьямъ «Вѣстника Финансовъ»: «Торгово-промышленные съѣзды въ Россіи», см. № 19, 1896 г., стр. 448.

**) См. передовую статью газеты «Волгарь» отъ 6 іюля 1896 г.

а дѣти купеческихъ семействъ несутъ одинаковую службу въ государствѣ, на-ряду съ другими привиллегированными сословіями. Въ войскахъ они занимаютъ многія важныя административныя (?) мѣста, въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ они имѣютъ многихъ своихъ представителей, облеченныхъ важнымъ положеніемъ и званіемъ. Купечество дало Россіи цѣлый рядъ ученыхъ (!), обезсмертившихъ свое имя. Въ то же самое время, становясь въ ближайшее общеніе съ народомъ, *составляя его наиболѣе крѣпкую часть* *), купечество наиболѣе всѣхъ другихъ сословій (sic!) сохранило въ себѣ самобытный русскій духъ, и національныя чувства нигдѣ не проявляются съ такою силою, увѣренностію и широтою, какъ въ этомъ сословіи. *Оно единственно сильное въ наше время и своею зажиточностью. Оно все можетъ.* И если во времена Минина посадскіе люди являлись источникомъ денежныхъ средствъ на наемъ ратныхъ людей, для освобожденія заполоненной врагами Россіи, то современное русское купечество въ силѣ превозмочь гораздо большія испытанія и постоять за честь и славу родной земли»... «Въ то время какъ многія сословія—говорится далѣе въ этой купеческой апологіи—въ силу измѣнившихся соціальныхъ сторонъ жизни не могутъ нынѣ, какъ во время былой старины, проявить свою силу и положеніе въ развитіи производительности народной,—купечество, достаточно окрѣпнувшее въ своихъ соціальныхъ условіяхъ, является именно тѣмъ оплотомъ, на который вправѣ разсчитывать государство, при дальнѣйшемъ развитіи въ купеческой средѣ образованія».

Интересно, что газета нѣсколько разъ съ подчеркиваніемъ говоритъ о «родовитомъ» купечествѣ, которое выдѣляется изъ общей массы и къ которому въ наибольшей степени и относятся всѣ приведенныя выше восторженныя характеристики.

Конечно, значительная доля этого, довольно наивнаго и грубоватаго хвастовства (вмѣстѣ съ нѣсколько самобытною грамматикою и строеніемъ рѣчи) должна быть отнесена непосредственно насчетъ самой нижегородской газеты, но несомнѣнно также, что кое-что является здѣсь и отраженіемъ общаго настроенія болѣе широкихъ круговъ «всероссійскаго» купечества.

Это-то купечество, которое «все можетъ», и должно было выступить во время съѣзда во всеоружіи своей интеллектуальной и матеріальной силы. Скоро, однако, обстоятельства показали, что увѣренія восторженной купеческой газеты нуждаются въ большихъ поправкахъ. Прежде всего одинъ ярмарочный эпизодъ, происшедшій почти наканунѣ съѣзда, обнаружилъ нѣкоторую «неустойку» во всемогуществѣ финансовомъ. Оказалось, что ярмарочное купечество «все можетъ»—только при условіи учета государственнымъ банкомъ купеческихъ векселей, на сроки болѣе длинные, нежели это обычно для торговаго,

*) Курсивъ вездѣ нашъ.

краткосрочнаго кредита. Максимальный, обычный срокъ банковыхъ векселей не превышаетъ 9 мѣсяцевъ. Въ прошлую и, кажется, позапрошлую ярмарку государственный банкъ принималъ къ учету и 12-мѣсячные векселя. Въ нынѣшнемъ году такой кредитъ рѣшено было оставить только для торговли съ отдаленными мѣстностями. Это рѣшеніе вызвало чрезвычайную тревогу среди ярмарочнаго купечества. И телеграммами, и словесно ярмарочные уполномоченные обращались съ горькими жалобами и ходатайствами къ министру финансовъ (отъ котораго должны были выслушать довольно суровый репримандъ по поводу того, что телеграмма объ учетѣ векселей «была составлена не такъ солидно, какъ этого требовала важность предпринятаго ярмарочнымъ купечествомъ ходатайства»). Въ концѣ-концовъ купечеству удалось добиться продолженія до будущаго года годового кредита, по крайней мѣрѣ для болѣе мелкихъ векселей.

То, что происходило на съѣздѣ и по поводу съѣзда, заставляетъ внести въ вышеприведенную формулу еще болѣе значительныя ограниченія. Здѣсь представители тѣхъ круговъ, которымъ приписывалось всемогущество, далеко не оказались господами положенія. Всего болѣе это сказалось при обсужденіи на съѣздѣ вопросовъ, касавшихся таможеннаго покровительства отечественной промышленности. Защитники протекціонной системы — этого палладіума нашей капиталистической промышленности—нѣсколько неожиданно понесли при этомъ довольно чувствительную аварію. И въ этомъ случаѣ представители нашей промышленности оказались интеллектуально безпомощными и вынуждены были взывать къ покровительству и защитѣ противъ аргументаціи противниковъ. Главная битва разыгралась около вопроса о пошлинахъ на земледѣльческія машины и орудія. Такъ какъ этотъ вопросъ являлся своего рода «гвоздемъ» съѣзда, то съ него именно мы и начнемъ нашъ обзоръ того, что дѣлалось на съѣздѣ.

Вопросъ объ обложеніи ввозимыхъ изъ-за границы земледѣльческихъ машинъ и орудій — вопросъ не новый. Онъ имѣетъ уже свою исторію и не разъ былъ предметомъ публичнаго обсужденія.

Пошлина на сельско-хозяйственныя машины и орудія является впервые въ нашемъ таможенномъ тарифѣ въ 1885 г. До этого времени всѣ мѣры таможенной политики направлены были къ тому, чтобы расширить и облегчить ввозъ этихъ машинъ изъ-за границы и удешевить ихъ производство внутри страны. Еще въ 1841 году, при дѣйствіи строго покровительственнаго канкринскаго таможеннаго тарифа, сельско-хозяйственныя машины, въ цѣляхъ большаго распространенія ихъ въ странѣ, дозволены были къ безпошлинному привозу изъ-за границы. Однако, въ періодъ крѣпостного права и обязательнаго труда, машинная обработка плохо прив-

валась къ нашимъ хозяйствамъ. Съ реформою 19 февраля картина измѣняется. Въ первые годы послѣ реформы въ помѣщичьихъ хозяйствахъ наступило нѣчто въ родѣ машинной горячки. Всѣ бросились пріобрѣтать машины, преимущественно заграничныя. Спросъ на эти машины поднялся быстро еще въ 1860 г., наканунѣ реформы, а два послѣдующіе года, 1861 и 62, отличались все большимъ оживленіемъ этого спроса. Однако скоро это оживленіе замѣнилось реакціею. Многія изъ выписанныхъ машинъ оказались не соотвѣтствующими условіямъ русскаго хозяйства, съ ними не умѣли ни обращаться, ни ремонтировать и чинить при поломкахъ. Коллекціи заграничныхъ машинъ украсили собою сараи во многихъ помѣщичьихъ экономіяхъ. Сильное уменьшеніе привоза машинъ обнаружилось уже съ 1863 г. и продолжалось до конца шестидесятыхъ годовъ. Первыя неудачи съ выписными машинами дали толчекъ къ устройству на мѣстахъ русскихъ заводовъ и мастерскихъ для починки и для постройки сельско-хозяйственныхъ машинъ, примѣненныхъ къ русскому хозяйству. Число такихъ заводовъ начинаетъ рости довольно быстро. Въ 50-хъ годахъ сельско-хозяйственныхъ механическихъ заведеній было 3 или 4, къ 1862 году число ихъ возросло до 64. Къ концу шестидесятыхъ и началу семидесятыхъ годовъ русское машиностроеніе пріобрѣтаетъ уже довольно значительные размѣры и становится на твердую почву. Въ 1871 г. механическихъ заведеній и мастерскихъ насчитывалось уже 112, въ 1874 году—203, въ 1879 г. число ихъ возросло до 340, а къ 1885 г.—поворотному въ таможенной политикѣ по отношенію къ машиностроенію—до 435.

Этотъ ростъ отечественнаго машиностроенія совершался отчасти подъ вліяніемъ ряда покровительственныхъ мѣръ, оказываемыхъ ему правительствомъ. Но эти мѣры не заключали въ себѣ таможенной охраны машиностроенія. Главною изъ нихъ являлось, напротивъ, разрѣшеніе безпошлиннаго полученія изъ-за границы желѣза и чугуна, нужныхъ, какъ матеріалъ, машиннымъ заводамъ. Это разрѣшеніе послѣдовало въ 1861 г. Распространялось оно не только на сельско-хозяйственное, но и на все вообще машиностроеніе. Безпошлинный ввозъ чугуна и желѣза для потребностей машиностроенія существовалъ до 1881 г.

Рядомъ съ ростомъ сельско-хозяйственнаго машиностроенія внутри страны, съ конца шестидесятыхъ годовъ снова замѣчается и постоянное увеличеніе привоза сельско-хозяйственныхъ машинъ изъ заграницы. Увеличеніе это идетъ непрерывно до 1885 г., т. е. до наложенія пошлинъ на ввозныя машины. Если взять четыре послѣдовательныя четырехлѣтія съ 1869 по 1884 г., то въ среднемъ за каждое четырехлѣтіе размѣры годоваго привоза машинъ выразятся такими цифрами (въ тысяч. пуд.):

1869—72	259
1873—76	566

1877—80 630
1881—84 . . . . 962.

Такимъ образомъ за разсматриваемый періодъ и ввозъ сельско-хозяйственныхъ машинъ изъ за границы, и производство ихъ на мѣстахъ росли одновременно и параллельно другъ съ другомъ.

Съ начала восьмидесятыхъ годовъ въ нашей таможенной политикѣ замѣчается рѣшительный поворотъ къ усиленію таможеннаго покровительства отечественной промышленности. Это усиленіе протекціонизма отразилось и въ области сельско-хозяйственнаго машиностроенія. Если до сихъ поръ, какъ мы видѣли, главною цѣлію правительственныхъ мѣропріятій было удешевленіе машинъ для сельскихъ хозяевъ, то теперь на первый планъ выступаютъ заботы о развитіи русскаго машиностроенія—хотя бы и цѣною извѣстныхъ жертвъ, налагаемыхъ на земледѣльческую промышленность.

Когда въ той или другой отрасли промышленности, путемъ установленія высокихъ таможенныхъ пошлинъ, стѣсняется ввозъ заграничныхъ продуктовъ и создается извѣстное поощреніе для отечественныхъ производителей,—*окончательною* цѣлію такой мѣры выставляется обыкновенно болѣе полное и дешевое удовлетвореніе нуждъ внутреннихъ *потребителей.* Но такое удовлетвореніе должно получиться только «въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ». Чтобы войти въ рай, потребителю нужно пройти прежде чрезъ чистилище, гдѣ ему иногда приходится застрять надолго. Общая схема протекціонистскихъ перспективъ такова: первымъ и непосредственнымъ результатомъ таможеннаго покровительства является вздорожаніе обложенныхъ товаровъ на внутреннемъ рынкѣ. Наличные производители этихъ товаровъ становятся въ монопольное положеніе и могутъ реализовать очень крупные барыши отъ своихъ предпріятій. Получатъ они эти барыши, конечно, насчетъ потребителя, который долженъ платить имъ дороже прежняго (на сумму таможенной пошлины плюсъ нѣкоторая еще неизбѣжная прибавка), или же сократить свое потребленіе обложеннаго продукта. Но такое монопольное положеніе производителей, получившихъ премію въ видѣ таможенной пошлины, является только временнымъ. Высокій уровень прибыли въ данной отрасли промышленности долженъ привлечь туда капиталы, ищущіе помѣщенія. Конкурренція производителей на внутреннемъ рынкѣ понизитъ постепенно цѣны продуктовъ и создастъ обильное и дешевое снабженіе этого рынка товарами отечественнаго производства. Въ концѣ концовъ потребитель, выдержавъ нѣкоторый временный искусъ, снова получаетъ дешевый продуктъ,—даже болѣе дешевый, чѣмъ прежде (такъ по крайней мѣрѣ увѣряютъ обыкновенно защитники протекціонизма), а приэтомъ развитіе промышленности *внутри страны* явится добавочнымъ и очень существеннымъ хозяйственнымъ и культурнымъ благомъ.

Этотъ рядъ разсужденій былъ бы безукоризненъ, если бы тамо-

женное покровительство являлось въ дѣйствительности единственнымъ или, по крайней мѣрѣ, главнымъ условіемъ для насажденія и развитія промышленности. На самомъ дѣлѣ, однако, это далеко не такъ. Здѣсь нужно еще и очень многое другое. Если въ странѣ мало капиталовъ, слабо развитъ духъ предпріимчивости, мало доступенъ кредитъ, плохи пути сообщенія, низокъ уровень общаго, а въ зависимости отъ него и техническаго образованія, если наконецъ средства массоваго потребителя настолько скудны, что выдерживать «искусъ» ему не подъ силу—промышленность и огражденная пошлинами будетъ развиваться туго и медленно, такъ что первый періодъ покровительственной эпопеи — удрученіе потребителя въ настоящемъ, ради облагодѣтельствованія его въ будущемъ— можетъ тянуться безконечно долго. Нерѣдко для продленія этого періода выдвигаются и искусственныя мѣры. И это опять таки тѣсно связано съ общимъ духомъ протекціонистской политики. И здѣсь имѣетъ силу то общее психологическое наблюденіе, что *средства* для достиженія поставленныхъ цѣлей, въ особенности отдаленныхъ, легко могутъ, путемъ извѣстной аберраціи, сами пріобрѣтать въ нашихъ глазахъ значеніе *цѣлей*. Человѣкъ начинаетъ копить деньги, имѣя въ виду дать имъ то или иное назначеніе, но самый процессъ пріобрѣтенія и накопленія, если на него затрачивается много усилій, постепенно овладѣваетъ вниманіемъ и становится цѣлью самъ по себѣ. Примѣры подобной перестановки цѣлей и средствъ мы можемъ наблюдать на каждомъ шагу въ индивидуальной психологіи. Точно также имѣютъ они мѣсто и въ психологіи коллективной. И въ общественной и государственной дѣятельности то, что разсматривалось первоначально только какъ *средство*, можетъ постепенно и незамѣтно превратиться въ самостоятельную *цѣль*. Въ исторіи протекціонной политики это наблюдается сплошь и рядомъ. Первымъ, ближайшимъ ея моментомъ является забота о повышеніи *доходовъ промышленниковъ* (особенно крупныхъ, такъ какъ иностранная конкурренція затрагиваетъ главнымъ образомъ ихъ интересы) насчетъ потребителей. Эта забота о повышеніи предпринимательской прибыли есть только *средство*,—окончательною цѣлью должно служить благо потребителя. Мы видимъ, однако, зачастую, что на «средствѣ» такъ долго и исключительно сосредоточивается вниманіе, что самая «цѣль» постепенно ускользаетъ изъ вида и отодвигается въ неопредѣленную даль. Отсюда возможны такія явленія, что вслѣдъ за ограниченіемъ иностранной конкурренціи начинаетъ искусственно стѣсняться и конкурренція внутренняя; принимаются мѣры не къ расширенію, а къ ограниченію внутренняго производства обложенныхъ товаровъ и снабженія ими внутренняго рынка,—все съ тою же цѣлію поддержать высокую цѣну на эти товары, ради которой предпринята была и таможенная охрана. Иногда на потребителя налагается прямое обязательство пріобрѣтенія извѣстной части не-

обходимыхъ ему товаровъ непремѣнно у отечественныхъ производителей (какъ это имѣло мѣсто у насъ, напримѣръ, по отношенію къ покупкѣ желѣзными дорогами рельсовъ и подвижного состава) и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ требованія покровительствуемой промышленности съ теченіемъ времени не уменьшаются, а все болѣе и болѣе растутъ, на потребителей налагаются все новыя и новыя жертвы. Получается какъ бы заколдованный кругъ, замыкающійся во всякомъ случаѣ интересами только однихъ покровительствуемыхъ производителей. Если нужны иллюстраціи такого положенія дѣла, то самый типичный примѣръ можетъ представить исторія нашей сахарной промышленности, съ ея вывозными преміями, нормировками, синдикатами и рядомъ другихъ мѣръ, систематически направленныхъ къ ограниченію количества сахара, выпускаемаго для внутренняго потребленія, и къ повышенію его стоимости для отечественнаго потребителя. И тѣмъ не менѣе, не смотря на всѣ эти поощрительныя и ограничительныя мѣры, мы постоянно слышимъ о грозящемъ сахарной промышленности кризисѣ «перепроизводства». Какъ бы ни смотрѣть на цѣлесообразность всѣхъ этихъ мѣръ для поощренія сахарнаго дѣла, во всякомъ случаѣ очевидно одно,—что интересы потребителей, ради которыхъ и имѣлось въ виду «создать» отечественное сахароваренье, тутъ совсѣмъ не причемъ. На ихъ долю остаются только «жертвы» и, на сколько хватаетъ глазъ, иной перспективы трудно ожидать даже и въ «болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ». Мы знаемъ при этомъ, что «нормировка» внутренняго потребленія не составляетъ исключительной особенности одного только сахарнаго дѣла. Въ той или иной формѣ къ ней тяготѣютъ—далеко не всегда безуспѣшно—стремленія и многихъ другихъ отраслей покровительствуемой промышленности. Но даже и оставляя въ сторонѣ всѣ такія сугубо покровительствуемыя производства, нельзя не сказать, что въ общемъ правилѣ ни одна изъ крупныхъ отраслей промышленности, пользующихся таможенною охраною, не вышла еще изъ перваго періода протекціонной схемы, когда покровительственныя мѣры имѣютъ результатомъ не столько обезпеченіе дешеваго снабженія товаромъ потребителя, сколько обезпеченіе высокихъ барышей для *фабриканта,* огражденнаго отъ необходимости бороться съ конкурренціею чужеземною и не вынуждаемаго конкурренціею внутреннею къ возможному пониженію издержекъ производства или уровня предпринимательской прибыли. Доказательствомъ этого можетъ служить положеніе старѣйшаго изъ покровительствуемыхъ производствъ—хлопчатобумажнаго. Уже много десятковъ лѣтъ оно находится подъ усиленной таможенной охраной и тѣмъ не менѣе всетаки не стало на ноги настолько, чтобы не нуждаться болѣе въ такой охранѣ. По прежнему русскій потребитель долженъ нести на цѣнѣ бумажныхъ товаровъ извѣстныя пожертвованія, стекающіяся въ кассахъ нашихъ коттонъ-лордовъ, которые не дешево цѣнятъ свои услуги: насколько «*понизила*» внутренняя конкурренція

уровень прибылей въ этой отрасли промышленности, можно судить по публикуемымъ отчетамъ крупныхъ товарищескихъ предпріятій этого рода. Такъ, напримѣръ, товарищество «Никольской мануфактуры Саввы Морозова сынъ и К°» за операціонный 1893—1894 г. (21-й въ исторіи товарищества) выручило на основной капиталъ въ 5.000,000 р. чистой прибыли 2.800,000 р., т. е. 56%, въ слѣдующемъ 189⁴/₅ г. размѣры этой прибыли составили уже 3.103,000 р. (или 62% на основной капиталъ предпріятія). И такой примѣръ не единственный.

Въ виду всего этого становится понятнымъ, что каждый разъ, когда какая-нибудь отрасль промышленности вводится въ кругъ покровительствуемыхъ, это не можетъ не вызвать самыхъ тревожныхъ опасеній со стороны заинтересованныхъ потребителей. Понятно также, съ другой стороны, что вожделѣнія промышленниковъ, въ особенности крупныхъ — естественно должны тяготѣть къ таможенному покровительству, обезпечивающему имъ возможность реализовать высокіе барыши безъ риска и напряженія постоянной борьбы за существованіе.

Судьбы сельско-хозяйственнаго машиностроенія тоже отразили на себѣ, хотя менѣе рельефно и ярко, чѣмъ нѣкоторыя другія отрасли производства—общія черты нашей протекціонной политики.

Очень скоро послѣ того, какъ устроились у насъ крупные заводы сельско-хозяйственныхъ машинъ, заводчики начинаютъ добиваться таможеннаго покровительства. Но во «фритредерскую» эпоху шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ эти домогательства оставались безъ результата. Съ рѣшительнымъ поворотомъ таможенной политики въ сторону протекціонизма, отношеніе къ ходатайствамъ машинозаводчиковъ перемѣняется, хотя и не сразу. Безпошлинный ввозъ сельско-хозяйственныхъ машинъ существовалъ еще около 5 лѣтъ послѣ того, какъ было отмѣнено (въ 1881 г.) изъятіе отъ таможеннаго обложенія чугуна и желѣза, выписываемаго изъ за границы для потребностей машиностроенія. Съ 1884 г. начинается рядъ мѣръ усиленнаго покровительства отечественной металлургической промышленности. Особенно значительно поднята была пошлина на чугунъ. Въ 1884 г., вмѣсто существовавшей тогда ставки 6 к. золотомъ съ пуда, назначена была пошлина: на первый годъ въ 9 к., на второй въ 12 и на третій въ 15 к. Это повышеніе вызвало новыя домогательства машиностроителей, которые должны были теперь переплачивать на покупкѣ высоко обложеннаго иностраннаго чугуна или пріобрѣтать мѣстный, тоже дорогой и менѣе для нихъ годный. На этотъ разъ жалобы ихъ были услышаны. Образованное при министерствѣ финансовъ совѣщаніе (съ участіемъ заводчиковъ и представителей биржевыхъ комитетовъ), а затѣмъ и особая правительственная коммиссія изъ представителей нѣсколькихъ министерствъ высказались въ пользу обложенія ввозимыхъ сельско-хозяйственныхъ машинъ пошлиною, въ томъ предположеніи, что

«подъ ея охраною возникнутъ всюду большіе и для хозяевъ сподручные заводы, у которыхъ хозяева будутъ покупать необходимыя имъ машины по цѣнамъ, не зависящимъ отъ произвола иностранныхъ коммиссіонеровъ». Такимъ образомъ и въ данномъ случаѣ оправданіемъ пошлины выставлялась *будущая* выгода потребителей. Однако надежда на благія послѣдствія отъ пошлины для потребителей и теперь еще, чрезъ десять слишкомъ лѣтъ послѣ наложенія этой пошлины, очень далека отъ осуществленія; пока—также какъ и въ другихъ отрасляхъ промышленности—приносимыя пошлиною выгоды достаются на долю однимъ только крупнымъ заводчикамъ и складчикамъ.

Пошлина на земледѣльческія машины опредѣлена была въ 1885 г. въ 50 к. золот. съ пуда. Пошлина эта разсматривалась, какъ мѣра временная. Но съ тѣхъ поръ она не сходила уже съ тарифной скалы. Въ 1887 г. (одновременно съ новымъ повышеніемъ пошлины на чугунъ до 25 к. золот. съ пуда) пошлина на сельскохозяйственныя машины поднята была до 70 к. Въ 1890 г. огульное повышеніе всѣхъ тарифныхъ ставокъ на 20% распространилось и на земледѣльческія машины: пошлина съ пуда машинъ достигла 85 к. золот. Въ общемъ тарифѣ 1891 г., не смотря на строго протекціонный его характеръ, эта надбавка не была удержана, пошлина оставлена была въ размѣрѣ 1887 г. (70 к. съ пуда). Наконецъ, послѣ конвенціи съ Франціею 1893 г. и берлинскаго договора, окончившаго таможенную войну съ Германіей, въ 1894 г. пошлина на сельско-хозяйственныя машины и орудія возвратилась къ своему первоначальному размѣру—50 к. золотомъ съ пуда. Нужно замѣтить, впрочемъ, что эта ставка распространяется не на всѣ виды употребляемыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ машинъ и орудій. Двѣ крайнія ихъ категоріи—наиболѣе сложныя машины (локомобили при паровыхъ молотилкахъ, замѣтимъ кстати, въ Россіи и не производимые) и простѣйшія сельско-хозяйственныя орудія (косы и серпы, рѣзаки для сѣчки соломы, ножницы для стрижки овецъ, заступы, лопаты, грабли, сапы и вилы) уплачиваютъ пошлину болѣе чѣмъ вдвое высшую: 1 р. 10 к. и 1 р. 20 к. золотомъ съ пуда. Усиленныя пошлины на локомобили ведутъ начало съ 1887 г. Пошлина на простѣйшія орудія существовала въ тарифѣ съиздавна, а съ восьмидесятыхъ годовъ она была много разъ повышена противъ ставки умѣреннаго таможеннаго тарифа 1868 г. (44 к. кредитн. съ пуда).

Непосредственнымъ послѣдствіемъ обложенія пошлинами заграничнаго ввоза машинъ явилось сильное сокращеніе этого ввоза. Въ 1884 г., закончившемъ безпошлинный періодъ,—ввезено было изъ за границы 1.026.800 пуд. машинъ. Въ 1885 г. размѣры ввоза падаютъ до 489.912 пуд., а въ слѣдующемъ 1886 г. даже до 259.120 пуд., т. е. до той цифры, на которой ввозъ стоялъ 25 лѣтъ ранѣе, въ 1871 г. Послѣ того ростъ заграничнаго привоза опять

постепенно возобновляется; но только чрезъ 10 лѣтъ, въ 1894 г. онъ достигаетъ той цифры, на которой остановился предъ введеніемъ пошлины. Примѣнительно къ средней цѣнѣ машинъ (которую можно было принять для того времени около 7 р. за пудъ) пошлина въ 50 к. золотомъ или 75 кредитн. съ пуда составляла нѣсколько болѣе 10%.

Но прибавочный налогъ на сельское хозяйство не ограничивался этою цифрою: вздорожаніе привозныхъ машинъ (а въ зависимости отъ него и машинъ отечественнаго производства) неизбѣжно должно было превысить размѣры пошлины. Оплата машинъ пошлинами, при самомъ ввозѣ ихъ изъ-за границы, должна была стѣснить операцію по пріобрѣтенію машинъ въ кредитъ. Теперь складчики, выписывающіе изъ-за границы машины, должны были затрачивать впередъ, еще до продажи машинъ, извѣстный довольно крупный капиталъ. Это часто было не подъ силу мелкимъ складамъ. Отъ этого число такихъ складовъ значительно сократилось непосредственно послѣ введенія пошлины. Крупные складчики, явившись господами положенія, могли теперь диктовать покупателямъ свои условія. А какъ велика бываетъ иногда взимаемая этими складчиками пошлина за услуги, видно хотя бы изъ слѣдующаго примѣра, приведеннаго въ одномъ изъ докладовъ, представленныхъ нижегородскому съѣзду. Въ прошломъ году купленная полтавскимъ земствомъ чрезъ коммиссіонера, помимо складовъ, жнея Макъ Кормика обошлась въ 185 р., тогда какъ у складчиковъ она стоила 240 р. Когда земскія управы рѣшились покупать машины непосредственно у фабриканта, складчики поставили послѣднему условіемъ продажу по цѣнѣ не ниже той, которую они сами держатъ, и фабрикантъ, уступивъ, отказался отъ сдѣлки съ земствомъ. Такимъ образомъ, вмѣсто «произвола иностранныхъ коммиссіонеровъ», освобожденіе отъ котораго сулилось при наложеніи пошлинъ, хозяева попали подъ произволъ отечественныхъ складчиковъ, отнюдь не менѣе для нихъ чувствительный.

Стѣсненіе ввоза машинъ изъ заграницы и вызванное имъ вздорожаніе машинъ, конечно, не могло быть встрѣчено съ сочувствіемъ представителями сельско-хозяйственныхъ интересовъ. Это будетъ въ особенности понятно, если вспомнить, что новый налогъ на сельское хозяйство, въ видѣ пошлинъ на машины, явился какъ разъ въ то время, когда хозяйство это переживало довольно тяжелый кризисъ, вызванный паденіемъ хлѣбныхъ цѣнъ въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ. Немудрено поэтому, что жалобы и протесты противъ пошлины послышались съ этой стороны непосредственно вслѣдъ за ея установленіемъ и не прекращаются донынѣ. Еще въ январѣ 1876 г. областной съѣздъ сельскихъ хозяевъ въ Харьковѣ постановилъ ходатайствовать о сложеніи пошлины; въ томъ же смыслѣ высказались затѣмъ и нѣкоторыя общества сельскаго хозяйства (кіевское, смоленское и др.). Въ 1889 г., во время подготовитель-

ныхъ работъ къ общему таможенному тарифу 1891 г., вопросъ о пошлинахъ на сельско-хозяйственныя машины и орудія подробно обсуждался въ вольномъ экономическомъ обществѣ и вызвалъ ходатайство со стороны общества о совершенномъ сложеніи или, по крайней мѣрѣ, значительномъ пониженіи этихъ пошлинъ. Къ однородному ходатайству привело и новое разсмотрѣніе этого вопроса на прошлогоднемъ всероссійскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ Москвѣ. Въ нынѣшнемъ году тотъ же вопросъ предложенъ былъ на обсужденіе всероссійскаго торгово-промышленнаго съѣзда.

По этому поводу съѣзду представленъ былъ цѣлый рядъ докладовъ, въ которыхъ вопросъ этотъ разсматривался съ различныхъ и нерѣдко противоположныхъ точекъ зрѣнія. Одна группа этихъ докладовъ, которая шла преимущественно отъ заводчиковъ или ихъ представителей, выдвигала впередъ, главнымъ образомъ, интересы *машиностроенія* и настаивала на сохраненіи пошлины. Другіе докладчики исходили отъ потребностей *сельскаго хозяйства*, нуждающагося въ удешевленіи орудій производства, и считали однимъ изъ крупныхъ тормазовъ для такого удешевленія высокія цѣны сельско-хозяйственныхъ машинъ и матеріаловъ, необходимыхъ для сельскаго хозяйства, вызванныя въ свою очередь высокими таможенными пошлинами какъ на самыя сельско-хозяйственныя машины, такъ и на металлы, для нихъ потребные (чугунъ, желѣзо и сталь). Во время преній на съѣздѣ вопросъ перешелъ на болѣе общую почву. По поводу частнаго случая—пошлинъ на земледѣльческія машины—къ обсужденію привлечены были общія основанія существующей покровительственной системы. Хотя такое обсужденіе не могло быть систематичнымъ, но именно эти экскурсіи въ область болѣе общихъ вопросовъ и придали дебатамъ особый интересъ и особую остроту, такъ какъ споръ изъ за сельско-хозяйственныхъ машинъ являлся въ извѣстной мѣрѣ столкновеніемъ двухъ различныхъ направленій въ вопросахъ таможеннаго покровительства. Около одного мнѣнія группировались безусловные сторонники теперешней протекціонной системы. «Лидеромъ» этой группы на съѣздѣ выступалъ извѣстный апостолъ протекціонизма Д. И. Менделѣевъ. Его энергично поддерживали представители крупной покровительствуемой промышленности гг. Крестовниковъ, Савва Морозовъ, Авдаковъ и нѣкоторые другіе. Наконецъ, очень виднымъ защитникомъ этого порядка идей являлся и предсѣдательствовавшій на засѣданіяхъ II секціи съѣзда (гдѣ первоначально обсуждался вопросъ о земледѣльческихъ машинахъ) генеральный коммиссаръ выставки В. И. Тимирязевъ. Сами машиностроители на съѣздѣ очень слабо защищали положенія, выставленныя въ ихъ докладахъ. Другая группа, группа противниковъ таможеннаго обложенія сельско-хозяйственныхъ машинъ, имѣла довольно пестрый составъ. Ее связывало только скептическое отношеніе къ цѣлесообразности таможеннаго покровительства промышленности, по крайней мѣрѣ,

въ теперешней его крайней формѣ. На съѣздѣ и въ печатныхъ отчетахъ о дебатахъ съѣзда сторонниковъ этой группы не рѣдко называли «фритредрами». Но эта характеристика совсѣмъ не соотвѣтствовала дѣйствительности. Въ сущности чисто фритредерскихъ идей на съѣздѣ никто не развивалъ и не высказывалъ, хотя, быть можетъ, въ числѣ членовъ съѣзда и были ихъ сторонники. Точно также было бы неправильно назвать лицъ, ратовавшихъ на съѣздѣ противъ пошлины, представителями интересовъ сельскаго хозяйства, такъ какъ среди нихъ были и люди совершенно къ этимъ интересамъ неприкосновенные. Вообще данная группа могла быть охарактеризована не какимъ либо положительнымъ, а *отрицательнымъ* признакомъ—своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ господствующему направленію настоящей таможенной политики. Наиболѣе дѣятельными ораторами этой группы на съѣздѣ были: профессоръ Ходскій (представитель вольно-экономическаго общества), г. Присецкій (землевладѣлецъ, представитель полтавскаго общества сельскихъ хозяевъ), г.г. Тимирязевъ (Д. А.) и Терскій (представители министерства земледѣлія), г.г. Старынкевичъ и Житковъ (инженеры) и нѣкоторые другіе. Какъ показали результаты двукратной баллотировки, воззрѣнія, проводимыя представителями названной группы, находили себѣ молчаливую поддержку и среди большинства членовъ съѣзда, принимавшихъ участіе въ засѣданіяхъ, посвященныхъ данному вопросу,—большинства, заключавшаго въ себѣ представителей самыхъ разнообразныхъ профессій и общественныхъ положеній.

Главнѣйшіе доводы обѣихъ сторонъ,—собственно по отношенію къ вопросу о сельско-хозяйственномъ машиностроеніи и объ его обложеніи, — приводимые какъ въ докладахъ, такъ и въ дебатахъ на съѣздѣ, могутъ быть вкратцѣ сформулированы такъ.

Первое и наиболѣе безспорное положеніе, выдвигаемое защитниками пошлинъ—это совершенная необходимость развитія внутренняго мѣстнаго машиностроенія для того, чтобы было возможно широкое распространеніе машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Ввозъ машинъ изъ заграницы никогда не можетъ замѣнить внутренняго ихъ производства. Только на мѣстахъ могутъ выработаться типы машинъ, наиболѣе приспособленные къ условіямъ русскаго хозяйства и къ мѣстнымъ особенностямъ разныхъ районовъ страны. Съ другой стороны, при наличіи отечественныхъ машинныхъ заводовъ уменьшается стоимость провоза для дальнихъ районовъ, имѣется подъ рукой ремонтная мастерская, развивается однородная кустарная промышленность и т. д. Наконецъ, конкурренція заводовъ между собою не только должна вести къ пониженію цѣнъ на машины и орудія, производимыя въ самой странѣ, но регулируетъ и понижаетъ также и цѣны на машины заграничныя. Далѣе указывается, что русское машиностроеніе сдѣлало уже крупные успѣхи и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніяхъ и способно къ дальнѣйшему развитію. Общая стоимость всѣхъ производимыхъ ежегодно

на механическихъ заведеніяхъ внутри страны сельско-хозяйственныхъ машинъ (не включая кустарнаго производства) въ настоящее время должна быть опредѣлена суммою не ниже 20 милл. рублей. Такихъ размѣровъ производство достигло въ очень короткій относительно срокъ. Прогрессируютъ русскіе заводы и въ качествѣ своихъ издѣлій. Теперь заводы эти уже настолько окрѣпли и развились, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ сложныхъ машинъ, они уже выдѣлываютъ дома почти всѣ необходимыя для нашего хозяйства машины и орудія, въ большинствѣ случаевъ не уступающія качествомъ иностраннымъ. Прогрессъ нашего машиностроенія выражается и въ пониженіи стоимости машинъ. По разсчету, приведенному въ докладѣ г. Липгардта, средняя цѣна пуда машинъ съ 8 р. 64 коп. въ 1879 г. понизилась къ 1896 г. до 5 р. 96 коп., не смотря на то, что въ промежутокъ между этими двумя годами послѣдовало установленіе пошлинъ въ 75 коп. кред. съ пуда машинъ. Точность этого разсчета, на съѣздѣ не подвергнутаго провѣркѣ, остается, впрочемъ, на отвѣтственности докладчика.

Дальнѣйшій рядъ разсужденій защитниковъ пошлины имѣлъ уже болѣе условный характеръ: если пошлина будетъ снята, русскіе заводы не въ силахъ будутъ выдерживать конкурренцію иностранныхъ. И безъ того наши заводчики стоятъ въ условіяхъ сравнительно гораздо менѣе выгодныхъ, чѣмъ ихъ западные конкурренты. Первое, съ чѣмъ имъ приходится считаться, это *дороговизна сырыхъ матеріаловъ*. Чугунъ у насъ стоитъ около одного рубля за пудъ (причемъ почти половину этой цѣны составляетъ пошлина: 30 коп. зол. или 45 коп. кред.), тогда какъ за границей онъ стоитъ 30 коп. Желѣзо стоитъ у насъ около 2 р. за пудъ (въ томъ числѣ 90 коп. приходится на пошлину), а за границей держится около 83 коп. Такія же соотношенія наблюдаются и относительно топлива. Дороговизна покровительствуемыхъ пошлинами машинъ и орудій затрудняетъ оборудованіе мастерскихъ. Затѣмъ, на успѣшности русскаго машиностроенія должны невыгодно отражаться: недостатокъ хорошихъ техниковъ и обученныхъ рабочихъ, малая доступность и дороговизна кредита и, наконецъ, ограниченность спроса, мѣшающая расширенію и спеціализаціи производства. Къ тому же спросъ этотъ и не постояненъ. Сильныя колебанія урожаевъ и неточность статистическихъ данныхъ о нихъ ставятъ заводчика въ невозможность заранѣе знать, даже приблизительно, какое количество орудій и машинъ онъ долженъ заготовить къ данному сезону. Въ виду всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условій, въ борьбѣ съ иностраннымъ машиностроителемъ русскій заводчикъ не можетъ быть лишенъ поддержки и покровительства. Эту поддержку и даетъ таможенная пошлина, которая, при теперешнемъ ея размѣрѣ, только нейтрализуетъ для машиностроителей охранительную пошлину на потребляемые ими сырые матеріалы: чугунъ, желѣзо и сталь.

Но самою слабою частію аргументаціи защитниковъ пошлины являлись ихъ экскурсіи въ область сельскаго хозяйства. Параллельно съ соображеніями о необходимости пошлины для самаго существованія отечественнаго машиностроенія, выдвигались разсчеты, доказывающіе совершенную ничтожность тѣхъ жертвъ, которыя налагаются пошлиною на сельское хозяйство. Достигался такой выводъ путемъ довольно искусственныхъ расчисленій, имѣвшихъ цѣлью опредѣлить, какою дробью копѣйки упадаетъ добавочный расходъ отъ обложенія машинъ на каждый пудъ хлѣба, производимаго въ хозяйствѣ, имѣющемъ машинный инвентарь. Въ результатѣ подобныхъ вычисленій получались очень малыя величины, отъ $^1/_{10}$ до $^1/_4$ коп. на 1 пудъ. Отсюда дѣлался выводъ,—что для сельскаго хозяйства тяжесть отъ обложенія машинъ почти незамѣтна и снятіе ея никакого улучшенія въ настоящемъ угнетенномъ положеніи этого хозяйства принести не можетъ.

Въ зависимости отъ всѣхъ приведенныхъ соображеній, представители интересовъ машиностроенія и сторонники покровительственной системы находили, что помощь земледѣлію должна быть оказана никакъ не путемъ снятія охранительныхъ пошлинъ съ ввозимыхъ сельско-хозяйственныхъ машинъ. Въ докладахъ, какъ на главную мѣру для облегченія распространенія машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ, указывалось на широкое развитіе кредита хозяевамъ для пріобрѣтенія машинъ. При этомъ нѣкоторыми докладчиками (изъ числа механическихъ заводчиковъ) дѣлалась оговорка, «чтобы ссуды выдавались *исключительно* на покупку машинъ и орудій *русскаго* производства». Такимъ образомъ, воспособленіе земледѣлію предполагалось не иначе, какъ въ формѣ добавочнаго покровительства машиннымъ заводчикамъ.

На съѣздѣ эта оговорка не была, однако, поддержана. Правда, во время преній, предсѣдатель главной экспертной коммиссіи г. Крестовниковъ выдвигалъ противъ земствъ довольно странныя обвиненія въ томъ, что они не заботятся о покровительствѣ русскимъ заводчикамъ и нерѣдко предпочитаютъ распространять въ населеніи по удешевленной цѣнѣ машины заграничныя, а не мѣстныя, — но въ проектѣ резолюціи, формулировавшей мнѣніе защитниковъ покровительства, не заявлялось уже претензій на новыя покровительственныя мѣры машиностроенію насчетъ сельскаго хозяйства. Напротивъ, резолюція настаивала на самомъ широкомъ воспособленіи этому хозяйству, только при одномъ условіи—чтобы воспособленіе это не касалось существующей системы таможеннаго покровительства.

Текстъ этой резолюціи сформулированъ былъ Д. И. Менделѣевымъ въ такихъ приблизительно выраженіяхъ:

1) принимая во вниманіе, что а) сельско-хозяйственное машиностроеніе у насъ въ послѣднее время, не смотря на нѣкоторыя неблагопріятныя обстоятельства, несомнѣнно, продолжаетъ развиваться,

b) всевозможной пользы отъ таможеннаго тарифа можно ожидать лишь при болѣе или менѣе продолжительномъ его примѣненіи, с) угнетенное состояніе сельскаго хозяйства зависитъ не столько отъ цѣнъ на орудія, сколько отъ хлѣбныхъ цѣнъ на всемірномъ рынкѣ,— съѣздъ ходатайствуетъ: пошлины на земледѣльческія орудія сохранить въ существующемъ размѣрѣ.

2) Принимая, однако, во вниманіе, что: а) цѣны на хлѣбъ не позволяютъ хозяевамъ затрачивать значительныя средства на пріобрѣтеніе машинъ, b) что машины удешевляютъ стоимость производства,— съѣздъ ходатайствуетъ, чтобы былъ организованъ широкій кредитъ на пріобрѣтеніе земледѣльческихъ орудій.

3) Въ виду того, что пути сообщенія имѣютъ громадное значеніе для хлѣбной торговли, съѣздъ находитъ, что мѣры, направляемыя на развитіе подъѣздныхъ путей, улучшеніе дорогъ, по которымъ нашъ хлѣбъ идетъ заграницу, развитіе русскаго торговаго судостроенія и т. п. могутъ оказать сельскому хозяйству значительныя льготы.

Противники пошлины на земледѣльческія машины не отрицали ни значенія отечественнаго машиностроенія, ни успѣховъ, имъ уже достигнутыхъ, ни наличности тѣхъ неблагопріятныхъ условій, съ которыми приходится бороться русскимъ заводчикамъ въ ихъ конкурренціи съ заграничными машиностроителями. Они только не видѣли во всемъ этомъ основаній, оправдывающихъ обложеніе заграничныхъ машинъ ввозными пошлинами. Такая форма покровительства отечественному машиностроенію представлялась имъ нежелательною съ разныхъ точекъ зрѣнія. Прежде всего, въ интересахъ самаго русскаго машиностроенія важно, чтобы оно всегда имѣло извѣстный стимулъ къ прогрессу и усовершенствованію; стимулъ этотъ и дается иностранною конкурренціею. Устраненіе или ограниченіе такой конкурренціи, конечно, можетъ быть выгодно для отдѣльныхъ заводчиковъ, которымъ спокойнѣе получать барыши подъ охраною таможеннаго покровительства, но оно никакъ уже не въ интересахъ самой промышленности. Затѣмъ—и самое главное—такое рѣшеніе вопроса самымъ существеннымъ образомъ затрогиваетъ интересы сельско-хозяйственной промышленности. Для сельскаго хозяйства совершенно необходимо возможно болѣе широкое распространеніе машинъ и усовершенствованныхъ орудій. Въ настоящее время онѣ являются еще какъ бы роскошью въ нашихъ хозяйствахъ; зависитъ это въ самой значительной степени отъ дороговизны машинъ, съ одной стороны, и отъ скудныхъ средствъ большей части хозяевъ—съ другой. Поэтому всѣ мѣры должны быть направлены къ тому, чтобы сдѣлать машины доступными по цѣнѣ для массы земледѣльческаго населенія. Пошлина на машины идетъ какъ разъ въ обратномъ направленіи. Правда, охраняемое отечественное машиностроеніе *въ будущемъ* обѣщаетъ создать для сельскаго хозяйства дешевыя и доступныя орудія. Но это будущее во

всякомъ случаѣ очень отдаленное и ради него затруднять теперь доступъ къ намъ заграничныхъ машинъ едва ли цѣлесообразно. До сихъ поръ еще наше сельское хозяйство не можетъ обойтись безъ заграничныхъ машинъ и, вѣроятно, еще долго останется въ такомъ положеніи. Дѣло въ томъ, что, не смотря на значительные успѣхи, сдѣланные русскимъ машиностроеніемъ въ количественномъ отношеніи, въ отношеніи *качества* своихъ произведеній оно еще много уступаетъ заграничному. И причины этого не таковы, чтобы вліяніе ихъ могло устраниться скоро. У насъ нѣтъ ни достаточнаго количества хорошихъ техниковъ-машиностроителей, ни такихъ высоко-качественныхъ матеріаловъ, которые находятся въ распоряженіи у иностранныхъ мастеровъ. Поэтому нѣкоторыя, особо сложныя по своей конструкціи машины у насъ совсѣмъ не производятся, другія (напр., многолемешные плуги) въ огромномъ количествѣ получаются изъ заграницы, не смотря на пошлину, такъ какъ они много лучше своихъ русскихъ копій. Нужды русскаго хозяйства могутъ быть удовлетворены только при снабженіи его машинами и мѣстнаго, и заграничнаго производства въ совокупности. Отсюда нельзя рекомендовать такихъ мѣръ для развитія одного изъ этихъ источниковъ снабженія, которыя тормозили бы доступность другого. Сельско-хозяйственное машиностроеніе и само испытываетъ на себѣ тяжесть покровительственной системы. Одно изъ главныхъ его неблагопріятныхъ условій, отмѣченныхъ самими заводчиками, составляетъ дороговизна сырого матеріала—чугуна, желѣза и стали, а эта дороговизна происходитъ въ самой значительной мѣрѣ отъ высокаго обложенія названныхъ металловъ. До вступленія нашей таможенной политики въ періодъ протекціонный (лучше сказать, ультра-протекціонный) это неблагопріятное для конкурренціи нашихъ заводовъ съ иностранными условіе устранялось тѣмъ, что механическая промышленность освобождена была отъ уплаты таможенныхъ пошлинъ за необходимые ей матеріалы. Теперь это достигается тѣмъ, что, уплачивая свою долю контрибуціи желѣзнымъ заводчикамъ, машиностроители, благодаря ввозной пошлинѣ на заграничныя машины, имѣютъ возможность перелагать эту контрибуцію на потребителей, т. е. на сельскихъ хозяевъ, машинами пользующихся.

Эта форма покровительства машиностроенію и оспаривалась противниками пошлинъ.

Земледѣльческіе классы и безъ того уже несутъ на себѣ главную тяжесть покровительственной системы. Несутъ и въ качествѣ потребителей, и въ качествѣ производителей. Производитель хлѣба, насколько онъ заинтересованъ въ цѣнѣ своего продукта, можетъ только *терять* отъ усиленнаго покровительства отечественной промышленности, ибо все, что стѣсняетъ и удорожаетъ ввозъ, должно необходимо ронять цѣну хлѣба, какъ предмета вывоза. Но и помимо

этого, покровительственная система тяжело отзывается на сельскомъ хозяинѣ, какъ производителѣ, еще и съ другой стороны.

Для сельскаго хозяйства возмѣщеніе прибавочныхъ расходовъ производства, вызываемыхъ потребленіемъ обложенныхъ пошлиною предметовъ, невозможно. Хлѣбъ привозится къ намъ изъ-за границы, а самъ составляетъ предметъ вывоза, поэтому ввозною пошлиною нельзя поднять его цѣны на внутреннемъ рынкѣ, какъ это можно сдѣлать для ситцевъ, машинъ и т. п. товаровъ. Значитъ, переплата вслѣдствіе пользованія обложенными продуктами цѣликомъ упадаетъ здѣсь на производителя. Каждый гвоздь, каждый кусокъ желѣза, употребляемый въ хозяйствѣ, заключаетъ въ своей цѣнѣ извѣстную контрибуцію, вычитаемую изъ доходовъ сельскаго хозяйства въ доходы горной промышленности. Такимъ образомъ сельскій хозяинъ терпитъ отъ покровительственыхъ пошлинъ трижды: вслѣдствіе вздорожанія предметовъ своего личнаго потребленія, вслѣдствіе паденія цѣны продуктовъ своего производства и, наконецъ, вслѣдствіе возростанія издержекъ этого производства.

Пошлина на земледѣльческія машины и орудія дѣйствуетъ въ послѣднемъ направленіи. Защитники пошлины указывали, что издержки производства хлѣба повышаются вслѣдствіе пошлины на такую ничтожную величину (отъ $^1/_{10}$ до $^1/_4$ к. на пудъ хлѣба), что говорить о какомъ либо обремененіи земледѣлія было бы совсѣмъ неосновательно. Но противъ ихъ аргументаціи—сущность которой приведена выше—на съѣздѣ были выставлены солидныя возраженія.

Прежде всего, при повѣркѣ приведенныхъ въ докладахъ машиностроителей исчисленій, оказывалось, что тѣ данныя, на которыхъ эти исчисленія построены, часто болѣе чѣмъ сомнительны. Незначительная величина накладныхъ расходовъ, создаваемыхъ пошлиною, получалась оттого, что нормы машиннаго инвентаря взяты были при разсчетѣ непомѣрно малыя. Но помимо того и самый пріемъ исчисленія оспаривался, какъ произвольный и неправильный. Заключать о тяжести налога по тому, какою величиною падаетъ онъ на пудъ хлѣба, можно бы въ томъ лишь случаѣ, если бы налогъ этотъ могъ быть присоединенъ къ цѣнѣ хлѣба и перелагался такимъ образомъ на покупателя. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Пошлину заплатитъ хозяинъ, значитъ нужно знать не то, какою величиною падаетъ пошлина на единицу продукта, а то, какую долю изъ чистой выручки хозяйства возьметъ новый расходъ, на него налагаемый. Такихъ разсчетовъ не было представлено. Но и по тѣмъ грубымъ и приблизительнымъ сопоставленіямъ, какія допускали приведенныя въ докладахъ защитниковъ пошлины данныя, можно было судить, что тяжесть этой пошлины для сельскаго хозяйства далеко не такъ ничтожна, какъ это указывалось. При перенесеніи разсчетовъ съ пуда хлѣба на десятину получались уже довольно значительныя цифры. Минимальный разсчетъ давалъ въ результатѣ

10 к. накладного расхода съ десятины, максимальный, сдѣланный полтавскимъ обществомъ сельскаго хозяйства—54 коп. съ десятины запашки и 33 коп. съ десятины всякой земли. Это уже огромный налогъ (много превышающій среднее земское обложеніе и государственный поземельный налогъ вмѣстѣ взятые), но даже и минимальная цифра 10 к. съ десятины—равна средней величинѣ государственнаго поземельнаго налога, а, какъ извѣстно, временная скидка только одной половины этого налога (5 коп. съ дес.), дарованная недавно землевладѣнію, разсматривалась, какъ льгота серьезная. Нельзя, поэтому, считать ничтожною и ту льготу, которую получило бы сельское хозяйство отъ уничтоженія пошлины на сельскохозяйственныя машины и орудія.

Съ другой стороны, современное положеніе сельскаго хозяйства настолько тяжело, что совершенно нельзя возлагать на него бремя поддержки металлической или машинной промышленности. На съѣздѣ оффиціальнымъ представителемъ министерства земледѣлія заявленъ былъ, между прочимъ, такой фактъ: въ 1882 г., во время московской выставки, общая площадь запашки считалась въ 68 милл. десятинъ, къ выставкѣ 1896 г., чрезъ 14 лѣтъ, она *сократилась* на 4 милл. десятинъ.

Исходя изъ всѣхъ этихъ соображеній, многіе изъ членовъ съѣзда находили, что пошлины на земледѣльческія машины и орудія должны быть сняты или, по крайней мѣрѣ, значительно понижены. Вмѣстѣ съ тѣмъ должны быть понижены и пошлины на *металлы*, необходимые для земледѣлія (чугунъ, желѣзо и сталь). Такое пониженіе, необходимое въ интересахъ земледѣлія, можетъ уравновѣсить и для машиностроенія тѣ потери, которыя оно понесетъ вслѣдствіе прекращенія обложенія ввозимыхъ изъ за границы машинъ и орудій.

Проектъ резолюціи, формулировавшей эти положенія, представленъ былъ профессоромъ Ходскимъ.

«Дѣйствительность и выставка—говорилось въ этой резолюціи *) показали неравномѣрное вліяніе таможеннаго тарифа на разныя отрасли промышленности, наиболѣе неблагопріятное для сельскаго хозяйства; высокія пошлины на чугунъ, желѣзо и сталь являются тормазами сельско-хозяйственнаго развитія; желательно пониженіе пошлины на сельско-хозяйственныя машины и матеріалы, необходимые для сельскаго хозяйства».

Изложенная резолюція выводила вопросъ изъ рамокъ собственно сельско-хозяйственнаго машиностроенія. Дебаты и ранѣе касались общихъ сторонъ протекціонной системы. На этой почвѣ и происходили самыя ожесточенныя схватки. Защитники протекціонизма выставляли на видъ большіе успѣхи, достигнутые уже покровитель-

*) Къ сожалѣнію, въ газетныхъ отчетахъ о съѣздѣ точнаго текста резолюціи г. Ходскаго не приведено. Мы цитируемъ по отчету «Вѣстника Финансовъ», дающему только сущность резолюціи, но не дословный ея текстъ.

ствуемою промышленностью. Особенно много говорилось при этомъ о быстромъ ростѣ каменноугольной и желѣзной промышленности на югѣ въ послѣднее время. Съ другой стороны, указывалось, что, не смотря на эти успѣхи, ни желѣзо, ни другіе продукты покровительствуемой промышленности не сдѣлались доступнѣе для населенія. До сихъ поръ еще эта промышленность не въ силахъ даже удовлетворять спросу, къ ней предъявляемому. Пользуясь своимъ монопольнымъ положеніемъ, заводы иногда ставятъ заказчикамъ самыя невозможныя условія или прямо отказываются отъ выполненія заказовъ. Приводился недавній примѣръ постройки подъѣздной дороги въ имѣніи графа Шереметева, когда русскіе заводчики соглашались, да и то неохотно, устроить рельсовый путь за 24 тыс. руб. версту; бельгійскіе же взяли по 9 тыс. На самой выставкѣ круговая подобѣдовская жел. дорога построена изъ бельгійскихъ матеріаловъ. Одинъ изъ очень горячихъ ораторовъ съѣзда, инженеръ Житковъ, во время преній поднялъ кверху стулъ и, указывая на клеймо, заявилъ, что даже и сидятъ-то защитники протекціонизма на стульяхъ иностранной фабрикаціи, братьевъ Тонетъ. «Вы ошибаетесь — возразилъ предсѣдатель В. И. Тимирязевъ—братья Тонетъ экспоненты на выставкѣ. Они устроили отдѣленіе своей мастерской въ Россіи и являются здѣсь не заграничными, а русскими фабрикантами». Это весьма яркая иллюстрація той условности, которою отличается понятіе о покровительствѣ «отечественной» промышленности. Очень не рѣдки случаи, когда крупные иностранные поставщики на русскій рынокъ, чтобы избавиться отъ неудобствъ, создаваемыхъ для нихъ протекціонною системою, предпочитаютъ перенести свою дѣятельность чрезъ границу и устроить свои колоніи на русской почвѣ, подъ сѣнію таможеннаго покровительства. Здѣсь, въ качествѣ представителей «отечественной» промышленности, они могутъ спокойно собирать дань съ русскаго потребителя.

Послѣ двухдневныхъ дебатовъ въ засѣданіяхъ II секціи съѣзда, большинствомъ принята была резолюція проф. Ходскаго. Такъ какъ большинство это было незначительно (51 противъ 44), то вопросъ перешелъ на общее собраніе. Здѣсь за резолюцію г. Ходскаго высказалось уже 140 голосовъ противъ 63, присоединившихся къ предложенію Д. И. Менделѣева.

Этотъ результатъ не могъ не привести въ смущеніе нашихъ ультра-протекціонистовъ, тѣмъ болѣе, что нерасположеніе съѣзда къ крайнему протекціонизму, выразившееся въ рѣшеніи по данному вопросу, нельзя было считать случайнымъ. Кромѣ очень внушительной цифры большинства, за это говорилъ и цѣлый рядъ постановленій съѣзда по другимъ вопросамъ, имѣвшимъ отношеніе къ таможенному покровительству. Такъ, въ томъ же II отдѣлѣ съѣзда, послѣ двухдневныхъ дебатовъ, отвергнуто было предложеніе о повышеніи пошлины на суперфосфаты, о которомъ хлопотали нѣкоторые заводчики; та же судьба постигла предложеніе объ увеличеніи обложенія

хлопка и взрывчатыхъ веществъ. Въ I—III отдѣлѣ (промышленность и торговля вообще) при обсужденіи вопроса о судоходствѣ съѣздъ постановилъ ходатайствовать объ отмѣнѣ 175 ст. таможеннаго тарифа, воспрещающей «ввозъ въ Россію судовъ дальняго плаванія». Въ томъ же отдѣлѣ подвергнутъ былъ подробному обсужденію вопросъ о предполагаемомъ уничтоженіи порто-франко на Амурѣ, причемъ въ пользу такой мѣры раздался только одинъ голосъ, да и тотъ, какъ оказалось, принадлежалъ представителю добровольнаго флота,—предпріятія, прямо заинтересованнаго въ ограниченіи иностраннаго ввоза въ наши восточные порты. Большинство съѣзда категорически высказалось противъ той колоніальной политики, которая разсматриваетъ дальнія окраины государства только какъ рынокъ для сбыта произведеній «отечественныхъ» мануфактуристовъ. Такъ какъ во время засѣданія сдѣлалось извѣстно, изъ объясненія предсѣдателя съѣзда, что вопросъ объ уничтоженіи портофранко уже предрѣшенъ, то принятыя съѣздомъ резолюціи ограничены были ходатайствомъ о различныхъ льготахъ при примѣненіи таможеннаго тарифа на амурской окраинѣ. На съѣздѣ прошло только одно постановленіе въ пользу усиленія таможеннаго покровительства. Именно во II секціи съѣзда («отдѣльныя отрасли промышленности») послѣ долгихъ преній принята была резолюція: ходатайствовать объ увеличеніи пошлины на шелкъ-сырецъ съ 1 р. до 5 р. съ пуда. Докладчикомъ (г. Шавровымъ) усиленіе пошлины предлагалось довести до 25 р. съ пуда (въ нѣсколько пріемовъ).

Отношеніе съѣзда къ вопросамъ таможеннаго покровительства вообще и къ вопросу объ охранѣ сельско-хозяйственнаго машиностроенія въ частности особенно не понравилось представителямъ «всемогущаго» ярмарочнаго купечества. Не съумѣвъ пріобрѣсти господствующее положеніе на съѣздѣ, они не съумѣли и примириться съ своимъ пораженіемъ. Началась агитація противъ постановленій съѣзда, агитація, оказавшаяся, однако, далеко не къ авантажу ея направителей.

Первый актъ борьбы разыгрался еще до закрытія съѣзда, хотя и внѣ его стѣнъ. 16-го августа, наканунѣ закрытія съѣзда, ярмарочное купечество чествовало обѣдомъ прибывшаго въ Нижній министра финансовъ. Въ привѣтственной рѣчи предсѣдатель ярмарочнаго комитета, С. Т. Морозовъ, апеллировалъ къ г. министру по поводу еретическихъ рѣшеній съѣзда.

«Болѣе шести лѣтъ тому назадъ—говорилъ г. Морозовъ—одинъ изъ лучшихъ министровъ не только Россіи, но и всего міра, въ этомъ самомъ залѣ оповѣстилъ всероссійское купечество о Монаршей милости, выразившейся въ общемъ увеличеніи пошлинъ на двадцать процентовъ... Съ того времени сошло со сцены много лицъ, сошелъ и Иванъ Алексѣевичъ Вышнеградскій, нашедшій себѣ достойнаго преемника въ Сергѣѣ Юльевичѣ Витте. За весь періодъ

управленія финансами обоими министрами мы видимъ рядъ мѣръ, употребляемыхъ для укрѣпленія и роста отечественной промышленности. Нижегородская выставка служитъ разительнымъ доказательствомъ того, какъ эти мѣры способствовали развитію нашей производительности. И вотъ теперь, когда передъ лицомъ всей Европы мы имѣемъ это свидѣтельство нашего роста, мы встрѣчаемся съ постановленіемъ сначала одного отдѣла, а затѣмъ и общаго собранія съѣзда, протестующаго противъ этихъ мѣръ. Не стану говорить о томъ, что съѣздъ не имѣетъ особаго кредита, такъ какъ для этого нуженъ особый составъ его. Мы, промышленники, привыкли долго думать, прежде чѣмъ рискнемъ кому-нибудь оказать кредитъ. Будемъ-же твердо вѣрить, что въ лицѣ С. Ю. Витте, неизмѣнно, при какихъ-бы то ни было обстоятельствахъ, мы будемъ имѣть такого-же поборника русской промышленности, какимъ его видѣли до сихъ поръ» *).

Г. министръ поспѣшилъ успокоить представителя ярмарочнаго купечества въ его опасеніяхъ за судьбу покровительственной системы.

«Считаю долгомъ прежде всего заявить—началъ свою рѣчь С. Ю. Витте—что мнѣ пока не извѣстно, что говорилось на съѣздѣ. Но изъ газетъ (а я вѣдь, какъ простой гражданинъ, подобно всѣмъ, слѣжу за газетами) я отчасти могу судить, о чемъ шла рѣчь... и теперь уже могу сказать, что для меня особенно интересны частные спеціальные вопросы, то есть отвѣтъ на то, какимъ способомъ достигнуть намѣченныхъ правительствомъ цѣлей; менѣе интересны вопросы о томъ, какими путями должно идти къ этимъ цѣлямъ. Какое же бы это было правительство, если за указаніемъ этихъ путей оно бы шло къ съѣзду? Всѣ отвѣты практическіе особенно цѣнны; если же я или правительство хотѣли бы совѣтоваться по вопросамъ общественнымъ, мы бы обратились, разумѣется, не къ съѣзду, а къ другимъ учрежденіямъ и вѣдомствамъ. Въ этомъ отношеніи выводы съѣзда имѣли для меня, не скажу никакой, но крайне ничтожную цѣну. Для меня лично и для правительства будетъ интересно, однако, что по этимъ вопросамъ сказано на съѣздѣ и кто сказалъ, это очень существенно, такъ какъ на съѣздѣ было не мало образованныхъ и интеллигентныхъ лицъ, а тысячи-ли человѣкъ сказали это, или десять—для меня безразлично; такъ какъ десять человѣкъ могутъ сказать умное, а тысяча—неразумное. Первое будетъ принято, а второе нѣтъ. Вотъ каково мое отношеніе къ съѣзду».

Отношеніе свое къ вопросу, вызвавшему наиболѣе жаркіе дебаты на съѣздѣ, г. министръ сформулировалъ такъ:

«Повидимому, изъ числа размотрѣнныхъ вопросовъ наиболѣе

---

*) Беремъ текстъ этой рѣчи такъ же, какъ и послѣдующихъ, изъ отчета объ обѣдѣ, помѣщеннаго въ мѣстной газетѣ «Нижегородскій листокъ» отъ 17 августа.

волнуетъ старый, цѣлое столѣтіе переживщій, волновавшій общество не только въ Европѣ, но даже въ заатлантическихъ странахъ—вѣчный вопросъ о протекціонизмѣ; тысячи человѣкъ, имена которыхъ останутся въ исторіи, работали надъ этимъ вопросомъ и, еслибы намъ нужно было совѣтоваться, то мы обратились бы къ печатнымъ источникамъ, а не къ съѣзду. По этому общественному вопросу мнѣніе съѣзда имѣетъ мало значенія, но всетаки нѣкоторое значеніе имѣетъ. Само собой понятно, что стоимость продукта, а особенно для такого потребителя, какимъ является нашъ земледѣлецъ, дешево продающій свой товаръ, вопросъ существенный. Нужно сочувствовать, если онъ заботится о своихъ нуждахъ и указываетъ на средства имъ помочь. Въ этомъ отношеніи ихъ стремленія законны и вполнѣ правильны, и что касается меня, то, съ своей стороны, я и признаю ихъ вполнѣ заслуживающими вниманія. Иное дѣло, когда вопросъ касается путей, которыми можно ихъ достигнуть: первый путь къ этому есть ослабленіе пошлинъ; второй—я говорю не о теоріи, ибо теоріей я никогда не занимался и не имѣю на это претензіи,—есть система покровительства. Но если бы по вопросу о томъ, какими путями, при посредствѣ покровительства, достигнуть удешевленія продуктовъ, съѣздъ разсуждалъ-бы цѣлый годъ, то и тогда онъ не сказалъ бы ничего такого интереснаго, чего бы я не нашелъ у себя дома, въ своей библіотекѣ. Но есть вещи недавняго происхожденія, о которыхъ ничего нѣтъ въ книгахъ, такъ, напримѣръ: когда говорятъ, что при свободномъ доступѣ иностраннаго товара — продуктъ дешевѣетъ, упускаютъ изъ вида, что за этотъ дешевый продуктъ платитъ Россія, а получаетъ заграница. И такимъ образомъ устанавливается постоянно дѣйствующій насосъ, откачивающій капиталъ изъ Россіи заграницу. Затѣмъ упускаютъ изъ виду, что не мы одни держимся протекціонизма, но и всѣ иностранныя державы, за исключеніемъ Англіи, покровительствуютъ своему производству. Такъ, напримѣръ, наши сосѣди взыскиваютъ за нашу рожь пошлину въ размѣрѣ стоимости продукта,—и вотъ, въ работахъ съѣзда, я не знаю, упоминалось ли о томъ, должны ли быть пошлины сложены даромъ, или этимъ путемъ хотятъ убѣдить Германію уничтожить пошлину на нашъ хлѣбъ. Если это такъ, то и я-бы пошелъ навстрѣчу этому желанію, но пока они, извините за выраженіе, дерутъ съ насъ шкуру за нашъ продуктъ, о сложеніи пошлинъ нельзя думать. Если бы я не зналъ, что на съѣздѣ разсуждали люди съ своей точки зрѣнія, то можно было бы заподозрить, что это говорятъ не русскіе люди, а присланные изъ заграницы. Я отъ души сочувствовалъ бы, еслибъ всѣ народы сказали: зачѣмъ мы душимъ другъ друга.—О, тогда я первый, а за мною и вся Россія,—пошли бы на сложеніе пошлинъ,—но только въ томъ случаѣ, если бы онѣ были сложены и повсюду заграницей. Съ этой точки

зрѣнія я привѣтствовалъ бы работы съѣзда и пожелалъ бы ему успѣха».

Какъ видно изъ приведеннаго мѣста рѣчи г. министра, вопросъ переносился имъ на международную почву. Всякія облегченія русскаго сельскаго хозяйства, сопряженныя съ пониженіемъ тарифныхъ ставокъ, по смыслу заявленія г. министра финансовъ, признавались возможными, только при условіи оказанія такихъ же льготъ нашему хозяйству и со стороны сосѣдей, «дерущихъ съ насъ шкуру за нашъ продуктъ». Разъ въ пониженіи пошлинъ на сельско-хозяйственныя машины заинтересованы и нѣмецкіе заводчики,— это пониженіе немыслимо безъ соотвѣтственной компенсаціи съ нѣмецкой стороны, хотя бы оно и вызывалось на первомъ планѣ нуждами отечественнаго, русскаго земледѣлія...

На слѣдующій день, 17 августа, на заключительномъ общемъ собраніи съѣзда сдѣлано было г. С. Морозовымъ слѣдующее заявленіе.

«Послѣ того, какъ съѣздомъ была принята извѣстная резолюція о пошлинахъ на сельско-хозяйственныя орудія, въ ярмарочный комитетъ массою начали поступать отъ торговцевъ и фабрикантовъ заявленія съ протестомъ противъ постановленія съѣзда и съ просьбой подвергнуть вопросъ обсужденію въ собраніи ярмарочныхъ уполномоченныхъ. Комитетъ, уступая этимъ просьбамъ, назначилъ въ концѣ текущаго мѣсяца спеціальное собраніе уполномоченныхъ для разсмотрѣнія вопроса о пошлинахъ на сельско-хозяйственныя орудія. Я обращаюсь къ г. предсѣдателю съ покорнѣйшей просьбой тѣ матеріалы, которые будутъ даны предстоящимъ совѣщаніемъ, присоединить къ трудамъ съѣзда, въ интересахъ всесторонняго освѣщенія дѣла».

Предсѣдатель съѣзда, г. Кобеко, заявилъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ этой просьбы, хотя полагаетъ, что г.г. представители всероссійскаго купечества съ гораздо большей пользой для дѣла могли бы высказать свои воззрѣнія и претензіи въ засѣданіяхъ съѣзда.

Въ сущности ходатайство представителя ярмарочнаго купечества представляло собою довольно странную претензію. Почему именно «въ интересахъ всесторонняго освѣщенія дѣла» труды съѣзда должны были сопровождаться комментаріями ярмарочныхъ уполномоченныхъ и почему именно эти уполномоченные являлись особо компетентными въ вопросахъ сельско-хозяйственнаго машиностроенія,—это довольно трудно понять.

Еще менѣе понятными были неоднократныя указанія недовольныхъ направленіемъ съѣзда лицъ на «случайность» его состава. Мы видѣли уже выше, что съѣздъ организованъ былъ министерствомъ финансовъ, которымъ приняты были всѣ мѣры къ тому именно, чтобы составъ съѣзда не былъ случайнымъ. Если представители ярмарочнаго купечества, заявлявшіе свои протесты, отсутствовали при обсужденіи вопросовъ ихъ интересовавшихъ, то вина въ

этомъ ни къ кому, кромѣ нихъ самихъ, отнесена быть не могла. Резолюція, принятая на общемъ собраніи, только повторяла ту резолюцію, которая еще 10 августа, послѣ двухдневныхъ преній, постановлена была на второй секціи съѣзда. Отчеты о засѣданіяхъ съѣзда печатались каждый день во всѣхъ мѣстныхъ газетахъ. Странно, что о томъ, что происходило на съѣздѣ, не знали только тѣ, кого впослѣдствіи такъ взволновали принятыя съѣздомъ рѣшенія. Или здѣсь нужно видѣть нѣкоторую особенность психологіи, складывающейся подъ вліяніемъ усиленнаго покровительства—привычку разсчитывать постоянно на помощь извнѣ и неумѣніе бороться собственными силами за свои интересы.

Какъ бы то ни было, по крайней мѣрѣ на томъ экстренномъ собраніи уполномоченныхъ, рѣшенія котораго С. Т. Морозовъ просилъ непремѣнно присоединить къ трудамъ съѣзда, представителямъ ярмарочнаго комитета не могли уже помѣшать никакіе «случайные» участники собранія. Можно было ожидать поэтому, что здѣсь они явятся во всеоружіи и отъ легкомысленныхъ постановленій съѣзда не останется камня на камнѣ.

Однако это, столь шумно заявленное собраніе на самомъ дѣлѣ *совсѣмъ не состоялось*. 26 августа, въ назначенный для собранія день, сошедшимся уполномоченнымъ заявлено было, что предсѣдатель комитета (въ засѣданіи отсутствовавшій) снимаетъ вопросъ съ очереди, такъ какъ онъ не спѣшный и можетъ быть обсужденъ и въ будущемъ году.

Такъ грозный походъ и окончился ничѣмъ.

Оказалось въ концѣ-концовъ, что всемогущіе представители нашего крупнаго купечества «все могутъ»—только на оффиціальныхъ торжественныхъ обѣдахъ...

Наша статья приняла на этотъ разъ размѣры, не позволяющіе намъ остановиться здѣсь на другихъ вопросахъ, затронутыхъ на съѣздѣ. Бесѣду о нихъ намъ приходится отложить до другого раза.

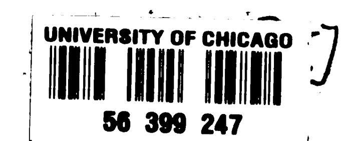
Н. Анненскій.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство“

по сбору пожертвованій на постановку памятниковъ на могилахъ писателей.

Остатокъ къ 1-му Сентября	1361	р.	10 к.
Поступило въ Сентябрѣ:			
От неизвѣстной.	2	»	— »
Итого.	1363	р.	10 к.

UNIVERSITY OF CHICAGO
56 399 247

U of Chicago
56399247